ЭНВЕР ХОДЖА

ТИТОВЦЫ

The electronic version of
the book is created thanks to
information support of a site:
http://www.enverhoxha.info

****

Электронная версия книги
выпущена благодаря
информационной поддержке
сайта:
http://www.enverhoxha.info

«ТИТОВЦЫ» — новая книга, выходящая в продолжение серии *историко-политических воспоминаний* и записок товарища Энвера Ходжа. Этот труд, написанный в основном в период 1981-1982 годов, включает исторические записки, воспоминания, а также произведенные автором подробные анализы истории отношений между КПА и КПЮ, как и между албанским и югославским государствами. Добрая часть книги посвящена периоду с первых прямых контактов (1941 г.) вплоть до окончательного разрыва КПА с Тито и титовцами (1948 г.). Важное место в настоящем труде занимает также борьба АПТ за вскрытие и разгром непрерывной антимарксистской и антиалбанской деятельности титовского руководства и его агентуры в период с 1949 года и до наших дней.

Книга «Титовцы» выходит на албанском и на ряде других языков. Ссылки и примечания в конце страниц — издательского учреждения.

ЭНВЕР ХОДЖА

ТИТОВЦЫ

Исторические записки

ИНСТИТУТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ЦК АПТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «8 НЕНТОРИ»
ТИРАНА – 1983

ЭНВЕР ХОДЖА

ПОДНИМАЯСЬ ВЫШЕ СТАРОЙ ВРАЖДЫ

Вместо вступления

Краткий исторический обзор ■ Решение албанских коммунистов о вступлении в связь с КПЮ ■ Цари Сербии и князья Черногории — главные виновники горьких отношений албанского народа с сербским, черногорским и другими народами в прошлом ■ Одно из величайших несправедливостей нынешнего столетия в Европе — в 1913 году Албанию произвольно разделили надвое ■ Великосербский геноцид в албанских краях Югославии в период между двумя войнами ■ Почему албанские коммунисты вступили в связь с КПЮ в период Национально-освободительной борьбы?

Принятое албанскими коммунистами летом 1941 года решение вступить в интернационалистские связи с Коммунистической партией Югославии говорило о степени зрелости *коммунистического движения того времени в Албании.* Лучшие представители коммунистических групп еще в 1939 году включились в борьбу с фашистскими захватчиками. Смело и решительно поднимаясь выше междоусобной вражды и розни и твердо идя по пути основания Коммунистической партии Албании, они так же смело и зрело поднимались выше старой вражды, раздоров и глубокой пропасти, возникших на протяжении веков в отношениях нашей страны с югославскими соседями.

Это известный, неоспоримый и общепризнанный факт, что называть горькими отношения между двумя нашими странами до 1941 года — этого мало. Они в целом изобиловали самыми страшными драмами и трагедиями, характеризовавшимися агрессиями, убийствами и грабежом, кровопролитием и преступлениями, в открытую совершавшимися в «современной» Европе в ущерб территориям и судьбе малого, но храброго и непобедимого народа, албанского народа.

Нельзя винить народы в этом горьком грузе, создававшемся на протяжении десятилетий; тем более в этом никогда и ни в каком случае не был виновен албанский народ. Виновной была в этом захватническая и антиалбанская политика царей Сербии и князей Черногории, политика насилия, экспансии и геноцида, которую они, при открытом или скрытом подстрекательстве и поддержке Великих держав того времени, проводили в отношении албанского народа и албанских земель.

Мы совершенно не считаем нужным углубляться в историю, поскольку новая и страшная трагедия, которая начала разыгрываться в ущерб албанскому народу, особенно со второй половины прошлого века, всем известна.

Когда стало уже ясно, что «больной Босфора» лежал на смертном одре, начали быстро расти как надежды и возможности албанского народа завоевать независимость, которой он добивался в веках с оружием в руках, так и его борьба за то, чтобы этот день наступил как можно скорее. Но именно тогда, когда день избавления Албании от ярма оттоманского господства был недалек, новые, свирепые враги, преследовавшие одинаковые с османами цели, подумали, что настал день вонзить свои когти в тело маленькой Албании. Короли и цари Италии и Австро-Венгрии, Греции и Сербии, Черногории и Болгарии ринулись захватить, что можно было захватить из того, что они называли «периферией Османской империи». Это было со стороны соседей слишком тяжелой и горькой «наградой» доблестному и непокоримому албанскому народу, потоками крови воздвигшему прочную

стену, чтобы преградить дальнейшее продвижение османских полчищ в направлении Европы. Это было самой вопиющей неприязнательностью к тому народу, который как в битвах и сражениях соседних народов, защищавшихся от натиска османов, так и в их движении и восстаниях за свободу не жалел своих лучших сынов, которые отдавали жизнь так же, как отдавали бы ее за свободу своего народа.

Особенно яростно набросились на албанские земли сербские и черногорские орды, подстрекаемые реакционными кликами того времени; они убивали, грабили и разрушали все, что им попадало на своем пути. Хроника того времени полна самых страшных происшествий. Оказавшись под огнем многочисленных врагов, которые боролись то каждый за свои собственные интересы, то в сговоре между собой для деления добычи, албанский народ ответил на новое сложившееся положение непрерывной вооруженной борьбой. Однако силы были так разделены, что, проливая потоки крови, албанскому населению приходилось со жгучей болью в сердце покидать целые края своей Родины на границе с Сербией и Черногорией. Помимо тысяч убитых и разоренных, десятки тысяч албанцев были выгнаны с родных земель, они отправились на юг или же эмигрировали в Европу и Азию. Данные говорят о том, что в конце прошлого столетия в результате захвата Сербией, Черногорией и Австро-Венгрией крайних областей Косовы было насильственно выселено и поселено в глуби одних только Косовского и Шкодринского вилайетов около 300 000 албанцев.

Естественно, этот невиданный геноцид и эта грозившая всей Албании, нараставшая опасность вызвали самую лютую ненависть и подняли всю страну на борьбу за отражение и османов, и «шкяу[1], который был хуже османщины», как

---

1 Слово, которым население Косовы и других албанских краев в Югославии называет сербских, черногорских и других шовинистов, выражая ненависть к угнетательской и эксплуататорской политике, проводимой ими в его отношении.

это народ отзывался о сербских захватчиках в тот период. Славная «Албанская Призренская Лига» была основана и развертывала свою неизгладимую историческую деятельность именно в этот тяжелый период, задавшись целью вести борьбу и за завоевание свободы и независимости, и в защиту территориальной целостности нации, и в защиту законного права народа, которому грозило истребление.

Чего только не предпринимали албанские патриоты, албанский народ, чтобы предотвратить исходившую с севера опасность! Они готовы были совсем забыть прошлое и неоднократно призывали к дружбе и добрососедству с братскими сербским, черногорским, македонским и другими народами.

Но это факт, что жажда шовинистов, королей и князей соседних стран не знала пределов, вследствие чего опасность с севера становилась все более грозящей и все более и более принимала антиалбанский характер. Они поощрялись самой черной европейской реакцией. Своей политикой Сербия стала в сознании свободолюбивого албанца символом заклятого врага.

Обе стороны проливали потоки крови, в наших горных ущельях и на наших равнинах оставили свои кости тысячи и тысячи сербов, черногорцев и других, и, естественно, на этой пролитой крови не мог взойти цветок дружбы, на ней могла взойти и расти только колючка ненависти и вражды. Однако не албанцы проливали свою кровь на земле Сербии или Черногории, не албанцы шли огнем и мечом на соседние страны и народы. Напротив. Албанцы отстаивали свои родные края, своих детей и жен, свои дома, свое добро.

Это положение продолжалось вплоть до 1912 года, когда вслед за великой победой — провозглашением Независимости Албании — была совершена одна из самых вопиющих несправедливостей нынешнего века в Европе: Албания была поделена надвое: Косова и другие албанские края были насильственно присоединены к Югославии. Конечно, поделить надвое тело страны и народа и половину его искусственно

присоединить к другому созиданию, такой акт не мог служить «мостом к примирению», «дружбе», «братству».

Но, как будто этого было еще мало, и после 1912-1913 годов всеми формами и во всех отношениях усилилась антиалбанская политика карагеоргиевичей и всей наглой великосербской реакции. Политика истребления, дискриминации и денационализации албанского населения, оказавшегося под сербским игом, дополнилась тайными планами аннексии других краев Албании. Тайный лондонский Договор 1915 года, который два года спустя был оглашен и осужден великим Лениным — новое обличающее свидетельство неизменно антиалбанской политики не только реакционных Великих держав того времени, но и тогдашнего югославского государства, порождения империализма. Даже и после публичного осуждения этого захватнического Договора великосербский шовинизм не побледнел и не покраснел. Спустя некоторое время Югославия еще раз де-юре санкционировала свои «права» над захваченными ею албанскими территориями и решительно стала на путь денационализации порабощенного ею албанского населения.

В то же время она искала других путей к осуществлению своей старой мечты о поглощении всей Албании. Именно сербские цари выступили в поддержку Зогу, сбежавшего из Албании в июне 1924 года, именно они предоставили ему убежище, сколотили для него наемников, вооружили его, дали ему силы и создали будущему сатрапу все условия для совершения в Албании контрреволюции в декабре 1924 года. В награду отдав сербам вначале другие части албанской территории, такие как Вермош и Святой Наум, Зогу, вне всякого сомнения, отдал бы им со временем всю Албанию, если бы большая игра великих мира сего окончательно не бросила короля-марионетку в лоно фашистской Италии и не увела нашу страну на путь превращения в колонию итальянского фашизма.

Но и после всего этого реакционные правительства Югославии, управляемой Сербией, затеяли целую горькую, от-

крытую или камуфлированную, историю в отношении албанского государства.

Увидев, что карту Зогу прибрали к своим рукам другие, сербские реакционные правительства взяли себе на службу свою агентуру внутри страны и албанскую реакционную эмиграцию в Югославии, они из кожи вон лезли, чтобы создать взрывоопасное положение внутри албанского королевства. Затем под предлогом «восстания» против зоговской тирании сербские агенты обратились бы за помощью к тем же сербским кругам, которые несколько лет до этого привели Зогу к власти.

Эти шовинистические круги, всегда готовые прийти на «помощь» нашествием, обучали целые полки и держали их в полной готовности вблизи албанских границ. В авангарде этих полков шли наемники — люди плаща и кинжала, югославы и неюгославы, которые, наряженные в албанскую национальную форму, в подходящий момент должны были первыми устремиться к границе. Но факт, что эти планы, несмотря на пышный реквизит, остались только на бумаге. А это не только потому, что фашистская Италия и стоявшая за ней международная реакция, исходя из своих интересов, не могли допустить, как и не допустили, чтобы албанское яблоко утолило голод великосербов, но еще и потому, что сербская агентура и пропаганда в Албании могли найти благоприятную почву только среди отдельных, совершенно невлиятельных перерожденцев, но никак среди широких слоев населения и тем более среди народа. Совершенные ею злодеяния давно превратили Сербию в синоним зла в сознании албанцев.

Еще более усиливала ненависть и еще более невозможными делала какие бы то ни были признаки примирения денационализаторская политика, которую великосербы проводили в отношении Косовы и албанского населения в Черногории и Македонии. Начиная с 1913 года, шовинистический режим великосербской буржуазии пускал в ход самые бесчеловечные политические, экономические, идеологические и воен-

ные методы с целью денационализации и славянизации аннексированных албанских территорий. Только в период 1913-1927 годов в Косово и других албанских краях в Югославии посредством так называемой «денационализации путем физического уничтожения» было убито более 200 000 албанцев, были брошены в тюрьмы десятки тысяч других, были уничтожены целые албанские деревни. Поднимавший голову в тогдашней Европе фашизм находил в лице великосербов достойного предшественника и спутника. Серб Стояданович подготовил вместе с Муссолини план расчленения Албании.[1]

Однако массовое варварское истребление албанцев, сопровождавшееся другими столь же варварскими средствами, такими как «денационализация посредством колонизирующей аграрной реформы»,[2] «денационализация посредством выселения»[3] и т.д. и т.п., также не приносило великосербам желаемых результатов. Национальные чувства албанцев в Косове и других краях нельзя было погасить ни порохом, ни огнем; более того, наибольшая беда для великосербов заключалась в том, что численность албанского на-

---

1 Речь идет о сделках министра иностранных дел фашистской Италии Чиано с премьер-министром югославского королевства Стояданиовичем, которые во время двусторонних переговоров в 1937-1939 годах вынашивали планы раздела и захвата Албании.

2 Согласно еще неполным документам и статистическим данным, посредством колонизации в период между двумя мировыми войнами (1919-1941 гг.) в Косове было поселено более 58 000 сербских и черногорских колонистов и создано свыше 370 поселений для колонистов (по научному журналу «Перпарими», № 4 и 5 за 1970 год, № 10 за 1971 год и «Гюрмиме албанолодьике», Приштина, 1972).

То же самое, согласно отчетам Верховного директората Югославской реформы, в период 1920-1940 годов только в некоторых округах Косовы и Македонии было отобрано у албанцев и передано колонистам, служащим, жандармам, четникам и другим 381 245 га земли.

3 В период 1913-1941 годов, в условиях великосербского господства и террора, из Косовы и других албанских краев в Югославии было насильственно выселено около 500 000 албанцев (большинство переселилось в Турцию, остальные в Албанию и другие страны).

селения в его краях увеличивалась быстрее сербов и черногорцев в этих же краях.

Обуреваемые жаждой злодеяний и в ярости от девиза албанцев: «Умрем, но родных краев не покинем», великосербы прибегли к «науке» истребления, идеологии и средствам погрома. Как раз к этому периоду и относятся бесчеловечные злодеяния заклейменных великосербов типа Васо Чубриловича, Афанасие Урошевича и других подобных извергов из так называемого Сербского клуба культуры в Белграде, этого черного порождения сербской реакционной буржуазии 1937-1939 годов и, к сожалению, как мы должны были узнать гораздо позже, предшественника учреждений одной и той же платформы в Югославии периода с 1945 года. Здесь не место и, к тому же, не цель моих записок пространно говорить об истребительных программах и теориях этих неомальтузианцев, которых позднее титовский режим должен был сохранить и поднять до самых высоких уровней научных учреждений «социалистической» Югославии. Хочу только отметить, что на основе программы, изложенной ими на бумаге, албанскому населению был нанесен новый неизмеримый урон, а это в свою очередь привело к дальнейшему расширению пропасти, созданной враждой и рознью, на протяжении целых десятилетий противопоставлявшими друг другу албанский народ, с одной стороны, и сербский, черногорский и другие народы — с другой.

Факт, что об этих разработанных и уже одобренных «научных трудах» и «платформах» и их авторах мы тогда и знать не знали и слыхать не слыхали, но зато мы с болью в сердце слышали и видели их проведение в жизнь. В рядах наших коммунистических групп тогда было несколько товарищей из Косовы. Они либо были сыновьями переселенцев, либо сами смогли сбежать из Косовы и добраться до родной Албании, чтобы избавиться от преследований со стороны великосербов, поступить в какую-либо школу или устроиться на какую-нибудь работу. Наше представление об отношениях между нашими народами вообще и о положе-

нии в Косове — в частности, становилось еще более полным благодаря ужасающим фактам и свидетельствам этих товарищей.

Именно в такой обстановке вступили мы в 1941 год, когда по всей стране развертывалось сопротивление нашего народа фашистским захватчикам и перед нами вставала срочная необходимость основать Коммунистическую партию Албании.

Понятно, что добиваться в такой обстановке связей с Коммунистической партией Югославии — дело не легкое и не простое. Но нам, коммунистам, проблема была ясна. В принципе нам никоим образом нельзя было связывать коммунизм с шовинизмом, Коммунистическую партию Югославии — с шовинистической и реакционной политикой югославского правительства в отношении Албании.

Правда, как я, так и Василь Шанто, Кемаль Стафа, а после некоторых колебаний и Кочо Ташко, выступив инициаторами установления связей с КПЮ, знали очень мало, чтобы не сказать совершенно ничего не знали, о жизни, деятельности и положении в этой партии. Мы слышали, что была основана она после Октябрьской социалистической революции, что в период первых 10-15 лет своей жизни она пережила ряд перипетий, распрей и фракций, что время от времени различные ее деятели подвергались критике со стороны Коминтерна за антимарксистские, троцкистские, националистские и другие взгляды и линию, что в последние годы она была реорганизована и говорили, что стала уже на верный путь. Мы не знали ни одного из ее руководителей и даже не знали, кто они такие, как их звали, но тот факт, что Коммунистическая партия Югославии была членом Коминтерна, что она выступала за открытую борьбу против фашистской угрозы, а после апреля 1941 года, после капитуляции югославского королевства, Коммунистическая партия призвала все народы Югославии сплотиться вокруг нее на борьбу против наци-фашистской оккупации, все это побуждало нас вступить в связи с ней, как с братской партией,

боровшейся за то великое дело, которое было и нашим делом.

Мы, как коммунисты, думали и верили, что Коммунистическая партия Югославии, раз она поднялась на борьбу за новую Югославию, порвет со всеми наслоениями старой Югославии и окончательно покончит с ними, а стало быть, и с ее шовинизмом, и с ее давнишней, свирепой и пошлой антиалбанщиной. Исходя из всего этого, связи с КПЮ мы считали чем-то совершенно правильным и обдуманным с нашей стороны. Так думали мы, причем правильно и думали.

Но, как я уже сказал, это относилось к нам, коммунистам. Однако поймет ли народ эту нашу мысль и это наше стремление? Поддержит ли он этот предпринимаемый нами шаг? Надо было отбросить прочь целые наслоения, сложившиеся на протяжении десятков и десятков лет, причем, как я уже отметил, это не были просто наслоениями, сложившимися из слов или заявлений, нет, это были наслоениями из потоков пролитой крови, из превращенных в пепелища сел и городов, из сынов и дочерей, окончательно сорванных во цвете лет, из матерей, оставшихся одни, как перст, из албанцев, получивших удар в кость, в свои глубокие чувства свободолюбия, патриотизма. И вот теперь нам предстояло говорить им: мы, албанские коммунисты, будем устанавливать тесные, братские связи с Коммунистической партией Югославии, с той партией, в чьих рядах состоят сербы, черногорцы, македонцы, хорваты, словенцы, босняки и т.д.

Из вышесказанного ясно, почему албанец относился к сербу с недоверием. Но мы были преисполнены решимости сделать этот шаг, так как сочли целесообразным сделать его. Если наши люди не поймут нас вначале, думали мы, то скоро они убедятся и поймут.

Связи с КПЮ мы считали естественными, связями между коммунистами, между братьями по общим идеалам. Мы рассчитывали обмениваться с ними опытом и взаимно помогать друг другу в священной борьбе за свободу и независимость своих стран; мы рассчитывали правильно, на основе марксиз-

ма-ленинизма, разрешить с ними все безобразное, оставленное историей в отношениях между нашими народами. Народам присуще свободолюбие. Особенно наш народ никогда не обижал других, он всегда с уважением относился к храбрецам и народам, боровшимся с иноземными захватчиками. Теперь народы Югославии вели борьбу с одним и тем же врагом — с иноземными наци-фашистами и внутренними реакционерами, поэтому мы были убеждены в том, что наш добрый народ поймет и поддержит нас. Таким образом, намереваясь предпринять такой акт, мы делали не только первый шаг на пути к устранению всех возможных преград в деле мобилизации народов соответствующих стран на освободительную борьбу, но и первый крупный и настоящий шаг на пути к разрешению также исторических несправедливостей и отбрасыванию прочь сложившейся в прошлом вражды.

Мы поставили себе задачей все разъяснить албанскому народу, открыто сказать ему наше мнение, как и сказали. Нас понял народ, наш замечательный народ, чьи глаза никогда не мутнели от болезненных принципов шовинизма. Мы верили, причем были убеждены, что так думали, так рассуждали и югославские товарищи. Вот почему мы решили вступить с ними в связи. Время должно было подтвердить, были ли они действительно марксистами-ленинцами, намеревались ли они претворить в жизнь то, чем так щедры были в своих заявлениях.

Принимая решение вступить в связи с КПЮ в те моменты, помимо всего прочего, мы наталкивались на очень большое труднопреодолимое препятствие. Под пятой фашизма и в интересах фашизма была «осуществлена» идея того, что на все лады прокламировалось как «освобождение албанских краев от сербского ига», образование «великой Албании». Незачем скрывать, что эта демагогия сбила с толку многих людей в Косове и ввела в заблуждение также некоторых в Албании, которые называли себя националистами.

Мы, естественно, не могли поддаваться и не поддались такой уловке фашизма, поэтому ясно и четко сказали народу: мы не должны дать себя обмануть «освобождением» и пропагандой этого захватчика, выдающего себя за «освободителя»(!), а на деле поработившего всю Албанию. Мы никогда не должны ждать, чтобы наши дела, маленькие или большие, разрешил злейший враг свободы и независимости народов — наци-фашизм, никогда не должны ждать милостей от фашизма, который вонзил в наше тело когти самого черного рабства, от того, кто убивает и режет лучших сынов и дочерей народа, от той чумы, которая поставила себе целью уничтожить человечество. Непримиримая борьба с ним повсюду и непрерывно — такова наша неотложная задача.

Все эти и другие им подобные вопросы мы обсуждали в те летние дни 1941 года, когда приняли решение вступить в интернационалистические связи с Коммунистической партией Югославии. Мы были уверены, что этим вносили свой вклад в дело великой борьбы с фашизмом, проведения, наряду с освободительной борьбой, и социальной революции, той революции, которая должна была все решить.

Так думали мы, с нашей стороны, и так решили поступить, совершив, тем самым, акт, подобающий настоящим и зрелым коммунистам, коммунистам с ясным умом и чистым сердцем.

Впереди нас ждали практика, жизнь, борьба. Что же они покажут?

Правда, начало наших связей с Коммунистической партией Югославии было радостным и обещающим. Как я подробнее расскажу об этом ниже, это относится ко всему тому периоду, когда среди нас находился коммунист-интернационалист Миладин Попович, особенно к периоду, когда посланцы Тито еще не начали приезжать в Албанию. Но, начиная с марта 1943 года, когда первый посланец Тито, Блажо Йованович, выступил с первой нелепой и антимарк-

систской претензией в адрес нашей партии, и в последующем, в течение 5-6 лет мы шаг за шагом должны были вступать в конфликт с людьми Тито, должны были сталкиваться с ними, вступать во взаимные противоречия. Эти 5-6 лет были периодом взаимного ознакомления, которое проходило через ожесточенную, очень трудную и сложную борьбу, через борьбу, полную ловушек и заговоров, составленных югославским руководством с целью сломить и превратить нас в своих послушных лакеев.

Все документированные факты доказывают, что руководители КПЮ с Тито во главе замышляли подчинить себе Коммунистическую партию Албании, поставить ее под свой непосредственный контроль, в результате чего наша Национально-освободительная борьба стала бы хвостом их борьбы. Они замышляли и планировали везде иметь после освобождения Албании своих людей и обращаться с Албанией так, как им заблагорассудится во всех отношениях — политическом, экономическом, военном, организационном, как и в международном плане. Вся эта деятельность, естественно, прикрывалась вуалью общих целей Национально-освободительной борьбы против захватчиков, которая велась под руководством двух коммунистических партий, неразрывно связанных с Советским Союзом, с Большевистской партией и со Сталиным.

Югославы были очень высокомерными, они много мнили о себе, были очень высокого мнения о своей борьбе и умаляли нашу освободительную борьбу, причем до такой степени, что считали, что без них в Албании не было бы ни коммунистической партии, ни национально-освободительной борьбы. Вследствие этого высокомерия югославское руководство принижало нашу освободительную борьбу и не считало нужным информироваться и реально знать наши объективные условия, социальное и экономическое положение, классовую борьбу, опору захватчика, славное революционное прошлое албанского народа. Оно избегало такого анализа еще и в силу извечных антиалбанских настроений и целей

сербов и панславянского экспансионизма вообще. Такую же позицию занимало и в отношении албанцев Косовы югославское руководство, которое не только не помогало им принимать надлежащее участие в борьбе с захватчиками и саботировало их борьбу, но и всегда терроризировало, убивало и истязало их.

Все люди, которых Тито и руководство Коммунистической партии Югославии присылали к нам якобы на помощь и для передачи опыта, приходили с заранее подготовленными планами, с «директивами», которые они стремились навязать нам, а мы должны были выполнять, приходили как «мастера» революции и национально-освободительной борьбы к своим «подручным». Их надменность и высокомерие не знали границ, начиная с Блажо Йовановича, Вукмановича Темпо, Душана Мугоша, Велимира Стойнича, Нияз Диздаревича и вплоть до тех, кого они прислали к нам после освобождения страны — Иосипа Гергя, Саво Златича, Сергея Крайгера, генерала Купрешанина и других.

По многим принципиальным вопросам мы оказались в противоречиях со всеми этими людьми и стали спорить с первых же контактов с ними. С нашей стороны, конечно, это происходило по деловым вопросам и в товарищеском духе, так как мы находили неправильными и неподходящими для нашей страны многие их мысли и соображения, как, например, относительно положения в армии, партийного строительства, политики партии в отношении Национально-освободительного Фронта и т.д. Они же ненавидели нас и, как показала их деятельность, подыскивали у нас наиболее подходящих для себя людей, могущих содействовать осуществлению их намерений. Итак, югославское руководство, чтобы расчистить себе путь, решило убрать из состава нашего руководства всякого, кто не соглашался с его планами, и давно вело работу в этом направлении.

Особенно после II Пленума ЦК КПА, состоявшегося в Берате в ноябре 1944 года, и за весь период со дня освобождения, их антимарксистские и антиалбанские вылазки и по-

ползновения стали еще более открытыми, еще более яростными.

Тем, кто не пережил особенно период до 1948 года, трудно понять и точно представить себе очень сложную борьбу, которую нам приходилось вести с титовцами в те годы. Нам приходилось раскрывать и скрытную борьбу, которую вели против нас те, кто прикидывался и изображал себя другом, раскрывать не только подлинных и ярых врагов нашей партии и нашего народа, но и заклятых врагов марксизма-ленинизма, теории и практики революции.

Мы только что вступили на новый путь, на путь построения социалистического общества и, естественно, у нас не было опыта в этом деле. Можно было очень легко и невольно ошибаться из-за неумения, и «друзья», хватаясь за это, нарочно, умышленно предлагая нам свою «помощь», свой «опыт», всячески пытались сбить нас с толку, увести на порочные и роковые пути. Нам приходилось с трудом, борьбой, ценой лишений справляться, как и справились, с этим злом.

Это было наше первое столкновение с современным ревизионизмом. Но и в этом деле у нас не было опыта. Еще более осложнял борьбу тот факт, что враги эти были, так сказать, «у нас дома». Они тяжко изменили оказанному нами доверию, нашей коммунистической честности, нашей пролетарской искренности к ним. Итак, титовская паутина опутывала и наши ряды изнутри. То, чего Тито и его люди не могли делать «извне», делали их агенты, давно подготовленные Душаном Мугоша, Вукмановичем Темпо и Велимирем Стойничем и поднятые в атаку внутри нашего верховного руководства, внутри нашего Политбюро. Следовательно, нам надо было вскрыть, точно определить и разгромить титовский заговор в условиях не только отсутствия единства в руководстве, но и ожесточенной борьбы, которая извне и изнутри велась против здорового тела нашей партии. Но мы приняли и этот бой, из которого вышли победителями.

К великому счастью партии, Родины и социализма в Албании, титовский заговор был разоблачен и разгромлен именно в то время, когда казалось, будто заговорщики уже все прибрали к своим рукам. Мы были на ножах с Коммунистической партией и Федеративной Народной Республикой Югославией. Письма Сталина, направленные КП Югославии, пролили свет на антимарксистскую и ревизионистскую линию и деятельность титовской клики. Для нас стали уже совершенно ясными многие деяния, совершенные против нашей партии и нашей страны Тито с компанией. Муки, усилия, неудачи и успехи этой борьбы должны были стать, как и стали, великой школой идейной и политической закалки наших коммунистов и всего нашего народа, огромным опытом, который должен был помочь нам, как и помог на деле, в новых, навязанных нам в последующем вплоть до наших дней битвах, в ходе которых мы выбили из рук у югославской агентуры и последний козырь, который она хранила на случай лучших или худших для нее дней.

О том, как наша партия вела эту сложную и ожесточенную борьбу за изобличение и разгром титовского ревизионизма, говорит целая история. Во многих документах и основных материалах нашей партии, касающихся того времени и всего последующего периода, проанализирован и обобщен весь этот диалектический процесс — начиная с первых связей и вплоть до момента окончательного разрыва нами всяких связей и отношений с Коммунистической партией Югославии. Я лично, непосредственно участвовавший в этой борьбе с первых же ее моментов, часто вновь и вновь обращался к этому периоду. Уроки, извлеченные нами из того периода столкновений и принципиальной борьбы в идеологическом, политическом, экономическом, организационном и даже военном планах, остаются всегда актуальными и полноценными. Прошлое всегда служит нынешнему и будущему. Вот почему мы возвращаемся к тому 6-7-летнему периоду, когда «за выдающимся руководителем Тито» мы обнаружили заклейменного ренегата Тито, когда за «интер-

национализмом» его самого и его людей мы обнаружили национализм и шовинизм, когда за их «дружбой» мы обнаружили оковы нового рабства, когда за их «коммунизмом» мы обнаружили ревизию марксизма-ленинизма в теории и на практике.

Уже давно начатую против югославских ревизионистов борьбу, после этого мы дальше развернули и неуклонно развивали, и не были ошеломлены и не отступили ни в 50-е годы, когда Хрущев с компанией встали на путь измены и лобзаний с Тито, ни в 70-е годы, когда Мао Цзэдун встал на колени перед старым ренегатом в Белграде. Мы не отступили и не были ошеломлены и в 1981 году, когда, после косовских событий, вызванных жестоким великосербским шовинистическим гнетом, преемники Тито, чтобы справиться с этим положением внутри страны и оправдать себя в глазах мировой общественности, состряпали самый чудовищный заговор с целью вызвать брожения в Албании и низвергнуть здоровое руководство нашей партии, точно так, как это титовцы хотели сделать еще в Берате накануне освобождения страны в ноябре 1944 года.

На протяжении почти 40 лет югославские ревизионисты просчитывались и проваливались в своих открытых планах и заговорах против Албании, но они еще не берутся за ум и не могут убедиться в том, что твердыню Партии Труда и социалистической Албании нельзя взять ни извне войсками, всякого рода провокациями и давлением, ни изнутри, какого бы полета ни были их агенты, которых они готовили и держали в резерве на протяжении более 40 лет или же позаимствовали у ЦРУ, КГБ, Интеллидженс сервиса и других разведок.

Наша партия вела и всегда последовательно будет вести идеологическую борьбу с югославскими ревизионистами, ибо ей прекрасно известно их нутро антимарксистов, шовинистов и закоренелой агентуры империализма. Вся история отношений между нашей партией и югославским руководством была и остается историей непрерывных заговоров титовской

клики, направленных на подчинение нашей партии, ликвидацию независимости нашей страны, историей героического сопротивления Албанской партии Труда и нашего народа коварным планам этой клики, ее бесконечным угрозам и шантажу.

Именно этой истории, особенно первому ее периоду и посвящены эти мои записки.

Июль 1982.

I

ОТ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ К ПЕРВЫМ ПОДОЗРЕНИЯМ И ТРЕНИЯМ

Первое письмо Тито, письмо «запоздалых советов» ■ Правда о титовской претензии на то, будто КПА «основана КПЮ» ■ Светозар Вукманович Темпо в Албании: «У меня в голове идея, включающая Югославию, Албанию, Болгарию и Грецию». Жестокая ссора с Темпо летом 1943 года. Кочи Дзодзе — первый «рекрут» Темпо ■ Тито пытается сохранить владения старой Югославии. Истринский вопрос и косовский вопрос ■ Буянская конференция, состоявшаяся в декабре 1943 года ■ Душан Мугоша обходит места и начинает вербовать людей на службе югославам.

Первое время наши связи с югославскими коммунистами были обещающими. Осенью 1941 года среди нас оказался черногорский коммунист-интернационалист Миладин Попович.

Он был избран секретарем вновь созданного Косовского крайкома КПЮ и летом 1941 года, после совершенной в Митровице операции, был арестован фашистами и направлен в Албанию в лагерь для ссыльных. Это было время, когда мы, представители трех основных коммунистических групп Албании (Корчинской, Шкодринской и «Мо-

лодых») в принципе уже достигли согласия о создании КП Албании, и одной из первых совместных операций, предпринятых тогда с целью упрочения связей между группами, была операция по освобождению Миладина Поповича[1] от когтей фашизма. Эта операция, как я подробно писал в воспоминаниях «Когда родилась партия», успешно совершилась, и с первых же моментов нашего знакомства с Миладином мы видели в нем настоящего коммуниста с живым, боевым духом, верного друга нашей партии и нашего народа, готового отдать даже свою жизнь за продвижение вперед нашего дела. У Миладина Поповича не было опыта, необходимого для руководителя высокого уровня, но у него не отсутствовали ни упорство учиться, ни готовность высказывать свою мысль обдуманно и зрело, без малейшего проявления мании величия, вмешательства или диктата по отношению к нам. Естественно, подмечая эти и другие такого рода качества Миладина, мы проникались уважением к нему, а по мере этого, разумеется, и к Коммунистической партии Югославии. Правда, до конца 1942 года мы не знали и не видели ни одного из руководителей КПЮ и не поддерживали никаких прямых или косвенных связей с ними, но, как уже сказал, после знакомства с Миладином мы порою говорили друг-другу: должно быть, у этой партии подкованные и опытные кадры, раз в ее рядах работал такой коммунист, как Миладин Попович.

---

1 Узнав о том, что Миладин Попович находился в лагере для ссыльных в Албании, по предложению самого товарища Энвера Ходжа албанские коммунисты решили освободить его. «Освободить из лагеря для ссыльных коммуниста и работника другой коммунистической партии, — сказал я товарищам», — пишет товарищ Энвер Ходжа, — «это интернациональный долг, которым мы не можем и не должны пренебрегать». После его освобождения, товарищ Энвер Ходжа пишет далее: «Миладин был рад тому, что находился среди албанских товарищей-коммунистов... Он выразил свою любовь к братскому албанскому народу и восхищение им... Был он черногорцем, но к добродетелям албанского народа он относился как коммунист и высоко ценил их». (Энвер Ходжа, «Когда родилась партия (Воспоминания)». Второе алб. изд., стр. 118, 124, Тирана, 1982).

В этот же период у нас находился и Душан Мугоша, которого мы уже немного знали, и первые впечатления от него были хорошие. Спору нет, Душан не шел ни в какое сравнение с Миладином ни по опыту, ни по зрелости и способностям, и тем более, по организаторским и руководящим способностям. Но этого ему никто не вменял в вину. Казался человеком решительным, активным и любил бывать на местах, в областях. Как только он узнавал, что кто-либо из нас, членов Временного Центрального Комитета, собирался в область, Душан тут же просил отправиться с ним, чтобы «ознакомиться с местами и научиться разговорной речи», как он нам говорил. В этих его «влечениях» мы не видели ничего плохого, наоборот, с удовольствием исполняли его желания. Товарищи иногда докладывали нам, что у него была мания афишировать себя, говорить кстати и некстати даже тогда, когда ему следовало бы и не заикнуться; во Влёре он перепутал национально-освободительные советы у нас с совстами[1] в Советском Союзе, но это и не вызывало у нас подозрений. «Сколько умеет, столько и делает», думали мы под хорошим впечатлением о нем, и осторожно старались исправить то, что он портил нам своей поспешностью, отчаянностью и сектантством. Но, как я уже говорил, он совсем мало времени проводил среди нас, так что мы больше всего опасались того, как бы он по неосторожности не попал во вражеские руки, и нам и в голову не приходило думать о том, не скрывается ли что-нибудь за его подчас странными поступками. Словом, до конца 1942 года мы были самого хорошего мнения как о находившихся среди нас двух товарищах югославах, особенно о Миладине, так и о КП Югославии.

---

1 В то время, когда реакция обвиняла Национально-освободительное движение в том, что оно было подкуплено «красными», Душан Мугоша, которого с восторгом поддерживал Мехмет Шеху, выдвинул идею о том, что национально-освободительные советы надо называть «советами», как в Советском Союзе. ЦК КПА отверг ее и дал указание ни в коем случае не употреблять этот термин, который содействовал бы пропаганде врага.

Именно к этому времени к нам пришла весть о том, что в Албанию прибыл и скоро будет у нас посланец ЦК Коммунистической партии Югославии. Мы не знали его по имени, нам только сказали, что это был кадровый работник, приезжавший прямо из Главного Штаба югославского руководства с важными для нашей партии сведениями. Мы порадовались этому сообщению потому что, как я ниже скажу, мы уже 7-8 месяцев ждали, если не через посланца, так по крайней мере любым другим возможным путем, ответа на просьбу, которую мы через югославское руководство направили Коминтерну о признании нашей молодой Коммунистической Партии. Мы приняли все меры для того, чтобы друг ехал как можно более безопасно, и в последних числах декабря 1942 года посланец ЦК КПЮ благополучно добрался до Лябинота (близ Эльбасана). Это был Блажо Йованович.

Прибытие этого посланца в Албанию ознаменовало собой и первый официальный контакт руководства нашей партии и самого Миладина Поповича с руководством Коммунистической партии Югославии. К сожалению, этот первый контакт знаменует собой и начало трений и столкновений между двумя нашими партиями.

Итак, кого из себя представлял и что нам принес первый посланец Тито, Блажо Йованович?

Правда о нелепой претензии

На первом Совещании актива КПА, состоявшемся в апреле 1942 года[1], мы решили осведомить Коминтерн о создании Коммунистической партии Албании, о ее первых успехах в деле организации и сплочения ее рядов, в укреплении ее жизни, как и о ее боевой программе в общих чертах. Кроме

1 См. «История Албанской партии Труда», изд. на рус. яз., стр. 93-95, Тирана, 1982.

того, мы обращались к руководству Коминтерна с просьбой принять КПА в Коммунистический Интернационал и сообщали ему о нашем намерении созвать в ближайшее время Первую национальную конференцию КПА. Мы заключили, что наилучшим путем для сообщения Коминтерну этих решений и предложений было руководство КП Югославии, и мы поручили товарищам Василю Шанто[1] и Душану Мугоша доставить их туда, где находилось югославское руководство. Мы также выразили желание о том, чтобы ЦК КПЮ, если он сочтет это возможным, послал к нам своего представителя присутствовать в качестве приглашенного на Первой национальной конференции нашей партии.

Душан Мугоша стал подпрыгивать от радости, узнав о миссии, которую мы возлагали на него. Я подумал, что он больше всего радовался представившемуся ему случаю встретиться с главными руководителями партии и похвастаться перед ними весьма трудным и опасным путешествием, как и высокой миссией, которую мы ему поручили. Что же касается Василя Шанто, этого истого мастера успешных конспиративных действий, то он, по обыкновению, совершенно спокойно и серьезно встретил задание и стал укладываться.

Итак, мы отправили товарищей в Югославию в мае того же года, а в июле, к нашему удивлению, Василь Шанто вернулся.

— Ну? — спросил я его. — Неужели вы так быстро выполнили задание?

— Только начало! — ответил он спокойно. — Мне осталось соблюдать обычай наших гор, и больше ничего. Я доставил Дуча[2] живым и здоровым до Черногории, где мы установили связь с югославским партизанским отрядом, по-

---

1 Один из бывших руководителей коммунистических групп-участниц Совещания по основанию КПА. На Первой национальной партийной конференции был избран кандидатом в члены ЦК КПА. Погиб в схватке с врагом в феврале 1944 года недалеко от Шкодры. Народный Герой.

2 Псевдоним Душана Мугоша.

сле чего он сказал мне: «Вернись обратно! Миссию я сам исполню!».

Хотя он был человеком сдержанным, великодушным и откровенным, в его ответе я подметил долю недовольства.

— Хорошо, что ты вернулся, — сказал я, и хлопнул его по плечу. — Нам тут работы хоть отбавляй!

— Согласен, товарищ Тарас,[1] — сказал он, — только я думаю, что, отправляя меня, наш Центральный Комитет имел в виду, что его важные предложения должен был доставить по назначению албанский коммунист ...

Я чувствовал, что Василь был прав, и все-таки в поступке Душана не видел какого-либо тяжкого нарушения. Я думал, что желание кичиться, брать на себя «тяжелые» и «особые» задания (в конце концов, в данном случае он был просто-напросто посыльным) и обращать только на себя внимание тех, которых он должен был встретить и т.д., — все это побудило его сказать Василю Шанто «вернись!». Позднее я убедился, что за этим, как и за его странными поездками «по местам», за его долгой, длившейся 5-6 месяцев, «пропажей» после прибытия в штаб Тито, скрывались темные цели и действия, хорошо обдуманные и запланированные им самим и теми, кто его послал к нам с миссией. Лишь позднее мы поняли и как следует оценили все это. Ведь тогда было только начало, время, когда нам еще не представился случай вступить в непосредственные связи и контакты с руководством КП Югославии.

И вот после стольких месяцев ожидания первый посланец югославского руководства прибыл, и, по правде говоря, принес нам поистине важные и радостные вести: признание нашей партии Коминтерном и директивы Исполнительного Комитета Интернационала о нашей Национально-освободительной борьбе. Блажо Йованович принес также письмо от Тито ЦК нашей партии, свидетельство о том, что он был представителем ЦК КПЮ на Первой национальной кон-

---

1 Один из псевдонимов товарища Энвера Ходжа в годы Национально-освободительной борьбы

ференции КПА, и еще, если я не ошибаюсь, одну или две брошюрки он привез с собой, и, естественно, и Душана Мугоша.

Мы встретили гостя со всеми почестями, какими только может быть встречен человек в трудных условиях подполья, к тому же в бедной лачужке под дубовой крышей в Шмиле[1] Эльбасана. Мы имели с ним дружескую беседу, в ходе которой осведомили его о положении дел у нас, а он нас — о положении в его партии, о борьбе в Югославии и особенно о трудном положении в Черногории.

Воспользовавшись случаем, мы, конечно, от всей души поблагодарили его за то, что он проделал столь мучительный и трудный путь, чтобы добраться до нас, чтобы выполнить этот интернациональный долг.

В разговоре он проявлял осмотрительность и благоразумие, и, за исключением незначительного трения, имевшего место в первые дни, все с ним шло нормально. Трение было насчет того, что писал и советовал Тито в своем письме.

— Письмо товарища Тито, — сказал нам Блажо спустя два-три дня после своего приезда, — содержит важные и необходимые для вас ориентации и советы. Я знаю его содержание и мы можем о нем поговорить.

— Да, — заговорил я, — мы прочитали письмо и внимательно ознакомились и с советами товарища Тито, за которые мы ему благодарны. Впрочем, товарищ Блажо, вы пробудете у нас до созыва нашей партийной конференции, так что вы собственнолично и ближе ознакомитесь с положением дел у нас, и будьте уверены, что ничего неясного у вас не останется.

— Ладно, ладно, — настаивал Блажо, — но ведь речь идет об ориентациях и советах товарища Тито. Вы согласны с ними или нет?! — спросил он таким тоном, словно перед ним были его подчиненные! (Он был комиссаром или командиром какого-то партизанского соединения в Черногории.)

Я никак не хотел испортить дружественную атмосферу,

---

1 Деревня в Эльбасанском районе.

поэтому улыбкой обошел дурной эффект его вопроса и спокойно сказал ему:

— Не только теперь, когда наша партия еще молода, но и в будущем она всегда внимательно и почтительно будет прислушиваться к мнению и товарищеским советам друзей. Это, бесспорно, относится и к письму товарища Тито, Однако, товарищ Блажо, мы хорошо понимаем обстоятельства и условия, в которых это письмо написано. Как вам известно, оно написано в конце сентября, доставлено вами к нам в декабре, а касается оно вопросов, занимавших нашу партию в период до апреля 1942 года. Оно также касается тех вопросов, которые мы сами рассматривали на первом Совещании партийного актива, состоявшемся в апреле месяце и о которых мы через Душана осведомили и руководство вашей партии.

— Значит, по-вашему, товарищ Тито всего лишь повторил то, что раньше было сказано вами! — раздраженно произнес Блажо.

— Я не то сказал. В материале, направленном Коминтерну, мы объясняли, как у нас дела. Тито же, исходя из этого материала, дает нам ряд советов. Мы благодарим его за интерес и заботу.

— Только в этом заключается ценность этого письма? — спросил Блажо тем же тоном.

— Поймите нас правильно, пожалуйста, — заметил я. — Теперь январь 1943 года и, разумеется, с апреля 1942 года мы не топтались на месте. Напротив, мы старались правильно разрешить не только проблемы того периода, но и проблемы, возникшие позднее, и сегодня, сверяя нашу работу с директивами Коминтерна, которые вы только что принесли нам, не можем не радоваться тому, что мы поступали действительно так, как нужно было поступать.

В продолжение нашей беседы я остановился конкретно на том, что нам писал Тито в своем письме, проинформировал его о положении дел и, по правде говоря, прослушав нас, Блажо переубедился. На этом вопрос этот был исчерпан и на протяжении целых лет не приходилось больше упо-

минать о «первом письме» Тито. Может, совсем и не стоило упомянуть здесь об этом письме, но факт, что впоследствии югославская пропаганда рекламировала его как «спасительное послание», как «ценный вклад Тито в дело партии и Национально-освободительной борьбы Албании» и т.д. и т.п., заставляет меня еще раз чуточку остановиться на этом так называемом ценном документе.

Надо сказать, что наилучшая оценка, которую можно дать первому письму[1] Тито — это назвать его «письмом запоздалых советов». И вот почему: В декабре 1942 года (когда мы получили письмо) Тито «советовал» нашей партии очистить свои ряды от пролезших туда приверженцев групповщины и фракционности и свести с ними счеты!

Как известно, еще ко времени Апрельского партийного совещания и особенно позднее, ко времени Чрезвычайной партийной конференции, в июне 1942 года (когда Тито, пожалуй, совсем и не знал о том, что была создана КПА), мы успешно справились с этим делом.

Постарайтесь установить связи с представителями различных городских групп и течений и создавайте сообща Национально-освободительный Фронт! — был другой совет Тито.

Но как в декабре 1942 года, когда к нам пришло письмо Тито, так и 22 сентября 1942 года, когда он принялся писать его, его «совет» мог вызвать у нас только улыбку. Лозунг объединения народа мы выдвинули еще 7 апреля 1939 года, а народ и молодежь проводили демонстрации и выступления протеста; в ноябре 1941 года первым официальным призывом вновь созданной нашей партии был призыв к сплочению народа на Антифашистскую борьбу, а позднее ею были даны подробные директивы по этому вопросу и достигнуты значительные успехи в этом направлении. Это

---

1 Это письмо хранится в ЦПА. В рамках разнузданной антиалбанской пропаганды само югославское руководство опубликовало это письмо, в частности, и в так называемой «Белой книге — Югославско-албанские отношения», Док. № 83, Белград, 1961.

общеизвестный исторический факт, что 16 сентября 1942 года мы созвали Пезскую конференцию, где были заложены политические и организационные основы Национально-освободительного Фронта и будущей народной власти, был избран Антифашистский национально-освободительный совет, а организация Фронта росла и крепла с каждым днем!

Естественно, незнание положения у нас мы не вменяли Тито в вину, но мы также не были виновны в том, что взялись за дело, не дождавшись его советов. Наоборот, наша ошибка была бы непростительной, если бы мы выжидали «ориентировок» извне.

Но если «ориентировка» относительно Фронта, равно как и относительно национально-освободительных советов, вызвала у нас улыбку, то ниже следующий совет вызвал смех у нас, товарищей из руководства, а вместе с нами и у Миладина.

Троцкиста Заи Фундо, указывал нам Тито из Гламоча в сентябре 1942 года, надо разоблачить перед членами КПА и известить ее членов о том, что он является открытым врагом Интернационала и партии!

Это называется яйца куру учат! Троцкиста Фундо мы сами разоблачили как такового еще в 1939 году, когда он прибыл в Албанию, еще тогда мы окончательно свели счеты с ним.[1]

«Может, Тито не знал об этом, подумали мы вначале, поэтому он так и пишет».

Но мы тут же спохватились: Мы послали Тито Резолюцию Учредительного совещания партии, где Заи Фундо открыто и без обиняков квалифицировался «отъявленным классовым врагом». Тито писал в своем письме, что прочитал Резолюцию. Тогда чем это объяснить? Неужели он пропустил этот абзац? Или же раз ему надо было что-то писать, взял да написал, что ему заблагорассудилось?! Странно! Но еще большее удивление должен был вызвать у нас вопрос

---

1 Энвер Ходжа, «Англо-американская опасность для Албании». алб. изд., стр. 301-321, Тирана, 1982.

Тито-Фундо в сентябре 1944 года. Силы нашей Национально-освободительной армии, которые вели бои за освобождение Северной Албании, поймали Заи Фундо, который состоял в какой-то бандитской шайке во главе с Гани Крюезиу и англичанами. Мы отдали приказ дать Фундо заслуженное наказание. Но вот нежданно-негаданно тот же самый Тито и его люди, которые в 1942 году давали нам запоздалый совет свести счеты с Фундо, стали теперь в его защиту и даже потребовали, чтобы мы передали его им.

О том, как мы поступили в данном случае, я писал и в другом месте, как и в книге «Англо-американская опасность для Албании», так что нет нужды вдаваться в подробности. Итак, мы остановились на письме 1942 года. Таковым было оно с начала до конца — письмом слишком запоздалых советов. Только в самом конце, как бы мимоходом, как бы «кстати», Тито предъявлял и следующее требование: «Резолюция Конференции должна быть как можно более краткой ... Пришлите нам характеристику новых членов Центрального Комитета, их имена и фамилии, так как мы должны отправить их Коминтерну» (?!).

Мы удивились такому требованию и стали спрашивать друг друга, зачем могут понадобиться Коминтерну характеристики членов ЦК АПТ (?!), но, поскольку не могли этого объяснить, мы сами нашли «причину»: в таких делах Тито разбирается! Наверное, такое у него указание!

Итак, вот каким было письмо Тито, которое югославская пропаганда расценивает как «важный вклад» в дело проведения правильной линии нашей партией! Это приводится в качестве «аргумента» в оправдание их притязаний на то, будто КПА именно им обязана своим ростом! Но слепота и непомерные шовинистические инстинкты приводят их к саморазоблачению. Будь они хладнокровнее, хотя бы и ради своего же враждебного притязания, они никогда не упомянули бы об этом письме.

Оно есть неопровержимое доказательство того, что по крайней мере до конца 1942 года, когда к нам пришло это письмо, Коммунистическая партия Албании не получала ни-

какой помощи, никаких указаний, никаких ориентировок от ЦК КПЮ. Оно свидетельствует также о том, что и «советы» и «директивы» конца 1942 года пришли в Албанию к шапочному разбору, а следовательно, никакой пользы не принесли.

Но вернемся к началу 1943 года, к тем дням, когда среди нас был Блажо Йованович, и посмотрим внесенный им «вклад». Это факт, что, передав нам то, что ему было поручено, он вел себя сдержанно и находился, так сказать, «в отступлении» с тем, чтобы выполнить и свое последнее задание, ради которого он приехал: приветствовать Первую национальную конференцию нашей партии от имени ЦК КПЮ. Он своими собственными глазами видел, как мы денно и нощно трудились и боролись, видел наши рискованные поездки из Эльбасана в Тирану и обратно, наши совещания и встречи и, право, ни в одном случае не выказывал признаков недовольства. Конечно, были случаи, когда и он принимал участие в обсуждении того или другого вопроса, мы сами спрашивали его о каком-либо из вопросов, которые мы намеревались трактовать в докладе на конференции, и он открыто выражал свое мнение. Он не блестел своими суждениями, и я вскоре убедился, что он, особенно в вопросах организации, руководства и партийной жизни вообще, не так уж разбирался. Быть может, это от того, что он занимался преимущественно военными вопросами. Как бы то ни было, за все время до созыва конференции Блажо держался в пределах своих компетенций, не хотел навязывать нам свое мнение по какому-либо вопросу, так же как и не имел что-либо давать нам, когда мы спрашивали его. Короче говоря, он провел среди нас 2-3 месяца в нормальных отношениях, часто совсем не давая себя знать, но тем не менее в дружеской атмосфере.

И вот именно этот самый Блажо Йованович на Первой национальной конференции,[1] в присутствии делегатов, съехав-

---

1 Проходила в Лябиноте, недалеко от Эльбасана, с 17 по 22 марта 1943 года. Это была Первая партийная конференция. Главное

шихся со всех концов Албании, совсем неожиданно пускает перл:

— Коммунистическая партия Албании основана двумя югославскими коммунистами!

Он намекал на Миладина Поповича и Душана Мугоша.

Весьма тягостное впечатление от такого глупого заявления оборвал Миладин Попович. Он встал сразу после Блажо и, обратившись к нему и к нам, сказал:

— Никто не должен думать, — подчеркнул он в частности, — что Коммунистическая партия Албании основана нами, двумя товарищами из Коммунистической партии Югославии. Нет, правда такова, что Коммунистическую партию Албании основали сами вы, албанские коммунисты, и если можно говорить о моей роли или же о роли какого бы то ни было другого постороннего, так эта роль заключается не в чем-либо другом, как в том, что в отношениях между братскими партиями называется интернациональной и братской помощью. Вы бы все равно основали вашу Коммунистическую Партию, как и основали ее, даже и если бы нас здесь не было[1].

После такого сильного заявления Блажо Йованович побледнел, надул губы, но не заикнулся ни тогда и ни в те немногие дни, которые он пробыл у нас после конференции.

Мы, при всем нашем удивлении и очень плохом впечатлении, которое произвел на нас его намек, не придали значения такому его высказыванию, которое нам, коммунистам, придерживающимся своих взглядов на вещи, показалось просто случайной оплошностью, поэтому мы не сочли разумным дальше рыться в том, как и почему Блажо уронил такое заявление. Мы уже знали его умственные способно-

---

место в ее работе занимал вопрос подготовки народа ко всеобщему восстанию и его организации. Она приняла решение о создании Албанской Национально-освободительной армии. На конференции был избран Центральный Комитет КПА, его Политбюро, а Генеральным Секретарем КПА был избран товарищ Энвер Ходжа. (См. «История Албанской партии Труда», изд. на рус. яз., стр. 115-127, Тирана, 1982).

1 Из протокола Первой конференции КПА. *ЦПА.*

сти, знали также его характер, поэтому подумали, что и эта нелепость не выходила за рамки его беспочвенных высказываний и тезисов, которые он время от времени позволял себе.

Тем не менее у нас возник ряд недоумений. Блажо уже более двух месяцев жил среди нас, сколько раз мы беседовали с ним, к тому же, как я уже говорил, у нас был с ним и один случай трения. Чем же тогда объяснить, что он допустил эту оплошность не за эти два с лишним месяца, а именно на Первой партийной конференции?! Если бы это было «высказыванием» или «мыслью», «неожиданно» пришедшей просто ему на ум, то естественнее было бы выразить его в случайной беседе или в случайно возникшем трении. А он сделал это именно, когда не говорил и не выступал от своего имени, а когда приветствовал от имени ЦК КП Югославии. Чем же это объяснить? Произошло ли это нечаянно или же Блажо было приказано сделать подобное заявление перед главным органом нашей партии, пусть это будет даже как будто случайно?

Но это были лишь подозрения, возникшие у нас в те дни, и не было причины или какого-либо другого факта, чтобы мы подумали, что это не было личным заявлением его, Блажо. Тито в вышеупомянутом письме не делал ни малейшего намека на это, а сам Блажо, после немедленного отпора Миладина, заткнулся, и мы на этом сочли дело исчерпанным, будучи уверенными, что это было просто оплошностью посланца.

Дела так обернутся и настанет такой день, когда мы убедимся в том, что, как плохое впечатление, так и наши подозрения в марте 1943 года по поводу намека Блажо Йовановича, не были лишены основания. Итак, наступит день, когда Тито и его приближенные открыто и яростно, наряду со столькими обвинениями и клеветническими измышлениями против нас, раздуют одну из самых нелепых и беззастенчивых претензий — претензию на то, будто Коммунистическая партия Албании создана ими, югославами!

С того момента, когда они открыто выступили перед на-

ми с подобной претензией, и по сей день, мы не только с возмущением, как этого заслуживает такая глупость, но и спокойно и на доводах отвергали эту фабрикацию титовцев, объясняли причины вещей и особенно раскрывали и обличали скрывавшиеся за ней неблаговидные, амбициозные и гегемонистские их замыслы. Об этом говорится во всех документах нашей партии, касающихся этой претензии. Я лично в ряде своих речей, докладов и статей, как и в своих записках основательно излагал правду о ней. Но, поскольку главным объектом этих записок и воспоминаний являются наши отношения с титовцами, считаю уместным еще раз осветить правду об этой претензии. Необходимость этого еще больше диктуется тем, что как раз эта претензия послужила титовцам основой, главным фундаментом, на котором построена вся их антиалбанская пропаганда и деятельность.

В первую очередь, претензия титовцев на то, будто Коммунистическая партия Албании создана ими, несостоятельна **с точки зрения теоретической, принципиальной.** В этом смысле она представляет собой вопиющее отрицание закономерностей развития вообще и принципов, на основе которых рождаются, создаются и укрепляются коммунистические партии — в частности.

Известно, что марксизм-ленинизм основным, определяющим фактором возникновения и развития любого явления всегда считал внутреннюю причину, внутренний фактор. Не может составлять исключение из этого закона также и процесс появления и укрепления коммунистической партии, не мог составлять исключение и процесс основания нашей Коммунистической Партии. Не будь внутреннего, албанского фактора, не будь назревших внутренних условий, так не то, что два или десять человек, но даже если бы все югославское руководство пришло в Албанию, оно не смогло бы основать коммунистическую партию. Итак, КПА была основана не потому, что этого захотел или этого потребовал некий Тито из Югославии, а потому, что ее рождение было повелительным требованием албанского народа, албанского коммунистического движения, которое более одного десяти-

летия добивалось этого, повелительным требованием исторического момента, который переживала наша страна, повелительным требованием прошлого, тогдашнего и будущего самой Албании[1].

Свидетельство тому еще такой факт: раз Тито с компанией были настолько «сильными» и «способными», что могли «извне» основать коммунистическую партию в Албании, то почему же они не сделали этого, скажем, в 1935 или в 1937 году, в 1939 или в 1940 году?! Или же, может, только в 1941 году они «открыли», что на границе с Югославией существует, оказывается, и Албания, которая, видите ли, ждала, чтобы Тито, этот «творец» сказал «да будет партия», так же как мир, по библии, ждал, чтобы «великий творец» сказал «да будет свет»?!

Если в связи с этим вопросом и можно кое-что сказать, то не по нашей вине место остается только для иронии. Ничего больше не заслуживает нелепая логика подобных «творцов».

Претензия титовцев в данном случае отпадает не только с точки зрения теории. Сама **практика** основания Коммунистической партии Албании является другим аргументом, который мы бросаем им в лицо. Это поистине смехотворно: титовцы, с одной стороны, громогласно предъявляют свою «исполинскую» претензию на то, что Коммунистическая партия Албании «создана ими», а, с другой — в подтверждение этого приводят карликовый «аргумент»: тот факт, что в совещании по основанию нашей партии участвовал и югославский коммунист Миладин Попович, а вместе с ним и Душан Мугоша в качестве его переводчика и сопровождающего.

Наша партия никогда не скрывала и не отрицала участия этих двух товарищей в ее Учредительном совещании, как и их присутствия среди нас после этого, так же как не отрицала и не скрывала чего-либо другого из их жизни и

---

1 См. «История Албанской партии Труда», изд. на рус. яз., стр. 54-83, Тирана, 1982.

работы в Албании. Это Тито и компания умышленно скрывали и отрицали главные стороны этого вопроса, а именно:

Во-первых, югославское руководство всегда обходило молчанием тот существенный факт, что Миладин Попович **не был послан в Албанию ни Тито, ни руководством КП Югославии.** Он ушел в подполье в Косове из рядов черногорско-албанского населения. Летом 1941 года он был арестован итальянскими фашистами и сослан в Албанию в лагерь для ссыльных в Печине. Мы совершили налет на этот лагерь и освободили его из неволи. И это было как раз в те моменты, когда мы, представители трех главных коммунистических групп, уже договорились собраться с целью основания Коммунистической партии Албании. В тот период, как я подробно писал в моих воспоминаниях «Когда родилась партия», мы приняли инициативу вступить в связь с Коммунистической партией Югославии и выразили желание того, чтобы она прислала к нам товарища, который бы присутствовал и помогал нам в предстоявшем великом событии. Поскольку нам представился случай освободить Миладина Поповича и раз он находился в Албании, мы попросили его оставаться у нас некоторое время в качестве «третьего», постороннего лица. Договорившись с ним, мы попросили также согласия руководства КП Югославии. Согласие было передано нам через Душана Мугоша к концу октября 1941 года, и после этого Миладин Попович еще теснее связался с нами и с нашей работой, так что участвовал и в Учредительном совещании.

Во-вторых, Миладин Попович не только не был послан к нам штабом Тито, но и в нашем Учредительном совещании принимал участие, **не имея никакой ориентировки, директивы, распоряжения и т.д.** от югославского руководства «о какой-нибудь особой роли» в этом событии. Это мы сами, албанские коммунисты, участники совещания, руководили его работой сначала до конца так, как учил нас марксизм-ленинизм. У нас не было никаких «указаний» или «ориентировок» извне — ни от югославской партии, ни даже от Коммунистической партии Советского Союза и ни от какой-либо

другой партии. Сама антиалбанская пропаганда титовцев, по крайней мере до сегодня, не фабриковала какого-либо «документа», «доказывающего» обратное.

В таком случае, каким это образом коммунистическая партия может быть основана членом другой партии, тем более если он не был непосредственно послан ею и если у него не было от нее какого-нибудь указания или ориентировки?!

Это постижимо лишь логике титовцев.

В-третьих, сам Миладин, как я писал об этом выше и *как это он сам доказывал за все время пребывания* в Албании, **никогда не приписывал себе «заслуги», которые ему не принадлежали, да и не могли принадлежать.** Напротив, он с возмущением и решительно отвергал всякие намеки, всякую хитрую лесть, к которым посланцы Тито прибегали в попытках приписать ему роль, которую не в состоянии играть не то что отдельный посторонний человек, но даже и целая посторонняя партия.

Словом, Коммунистическая партия Албании основана только теми, кто мог и кому принадлежало основать ее, албанскими коммунистами.

Итак, эта претензия югославов является не чем иным, как попыткой приписать себе незаслуженные заслуги.

Но в неослабном рвении белградских ревизионистов взять на себя роль, которая им не принадлежит, не следует видеть просто манию хвастаться, стяжать доброе имя и использовать его в качестве новой бляхи на их груди, обвешанной орденами «за великие подвиги». Нет, как доказывает целая история, они приписали себе роль «основателя» КПА с тем, чтобы их «творение» вело себя перед ними как ребенок перед родителями, чтобы оно росло и воспитывалось в их духе, а стало быть, чтобы оно превратилось в слепое и послушное орудие на службе *«партии-матки»*,[1] у КП Югославии. История отношений КПА с КПЮ, особенно начиная с лета 1943 года и вплоть до начала 1948 года и позднее, является историей борьбы с поработительскими, закабаляющими стремлениями.

---

1 На сербско-хорватском языке: партии-матери.

попытками и заговорами КПЮ и югославского государства против нашей партии, против нового албанского народного государства, против героического сопротивления руководства последних, которое не только не подчинялось им, но постоянно и не колеблясь давало предательству решительный отпор. Впрочем это мы увидим потом.

Следует отметить здесь, что насколько абсурдна и беспочвенна претензия югославов на основание КПА, настолько абсурдна и беспочвенна и другая их претензия, — претензия на то, будто наша партия обязана КП Югославии своим ростом, упрочением и линией в годы Национально-освободительной борьбы. Эту претензию они также обосновывают на роли их посланцев в Албании.

Как я уже сказал, до конца 1942 года ни руководство КПА, ни Миладин и ни кто-либо другой из нас не имели никакой встречи, не получали никакого письма или материала от КПЮ; мы даже не имели никаких вестей о том, как дела у товарищей из братской партии.

Этим никак не хочу сказать, что мы обиделись на них за то, что более одного года не было о них ни слуху ни духу и они не оказывали нам никакой помощи. Нет, мы представляли себе трудные условия, в которых им приходилось вести борьбу, и мы от всей души желали им успехов в их борьбе на благо братских народов Югославии, на благо Коммунистической партии Югославии, на благо освободительной борьбы мировой антифашистской коалиции. Разумеется, этим я не хочу сказать, что мы не испытывали нужды обмениваться опытом с товарищами по идеалу, тем более в условиях, когда наша партия была еще молода, наши товарищи неопытные, а условия, в которых мы боролись, весьма трудные.

Однако, не делать совершенно ничего и в то же время притязать на все, как это было в конкретном случае с руководством КПЮ, с этим мы никогда не были и не будем согласны.

Трубадуры Тито, чтобы убедить людей в «своем вкладе», упомянули нам и о роли Блажо Йовановича, особенно на Пер-

вой национальной конференции КПА. Это также является притязанием, о котором люди с чистым сердцем и здравым смыслом совсем не должны упомянуть. Блажо Йованович, за исключением того, что сказал насчет основания КПА, не вносил никакого другого «вклада» не то что в нашу пользу, но даже и в пользу тех, кто прислал его к нам.

Так же как и все другие дела, и подготовку и проведение Первой партийной конференции взяли на себя мы сами, албанские коммунисты, и довели ее до конца, будучи уже организованными в партию, которая за год с лишним накопила известный опыт в огне борьбы. Я подробно писал о нашей работе по подготовке конференции[1], поэтому нет надобности повторять то, что уже известно. Хочу только кое-что добавить: позднее, особенно в тяжелой ситуации, которую создали у нас люди Тито до и в ходе ноябрьского (1944 года) бератского Пленума, меня, но и других, обвинили, в частности, в «тяжкой» ошибке, которую мы допустили, мол, на Первой национальной конференции — в процедуре выборов в Центральный Комитет партии!

Что же из себя представляет эта «ошибка», которая настолько была преувеличена, что посланец Тито, Велимир Стойнич, сразу по прибытии в Албанию в конце августа 1944 года, стал повторять нам об этом, как будто мы наделали большого вреда?!

Процедура выборов на Первой национальной конференции КПА, особенно при тогдашних условиях, не составляла какой-либо грубой ошибки, а главное, она осуществлялась без каких-либо предвзятостей. Только кандидатуры были

---

1 В книге «Когда родилась партия (Воспоминания)» товарищ Энвер Ходжа в частности пишет: «Задачу по организации этой конференции в подходящее время и в подходящие моменты мы выдвинули еще на совещании по основанию партии. Вопрос об этой конференции мы до этого поставили на обсуждение и в партийных активах... и это сопровождалось ростом боевых операций и действий в деревнях и городах, пополнением рядов партизанских частей и отрядов, дальнейшим укреплением национально-освободительных советов, еще более широкой и интенсивной политической и идеологической работой среди широких масс народа и т.д.».

выдвинуты не называя имен, а конспиративно, путем зачтения их характеристики. В ней отмечалось, что предлагается такой-то товарищ с такими-то качествами, с такими-то положительными и с такими-то отрицательными сторонами, с таким-то прошлым, с такими-то склонностями, с такими-то изъянами в таком-то отношении и т.д. Делегаты одобрили тех, которых сочли лучшими.

Допустим, что это была ошибочная процедура, но, в конце концов, это было внутренним делом нашей партии, кроме того, она была навязана нам условиями глубокого подполья.

Важно то, что мы руководствовались принципом, согласно которому каждый коммунист есть руководитель, и искренно считали, что демократичнее было бы не назвать людей по имени, а всего лишь упомянуть их качества, что ограничивало возможности субъективного суждения о них. Мы считали, что так было лучше, и так и сделали. Кроме того, признаться, у нас не было нужного опыта в связи с процедурами выборов в такие высшие органы. Ни мы, ни Миладин и не думали, что поступали неправильно. Единственным среди нас человеком, имевшим опыт в этом деле, был Блажо Йованович, но он ничего не сказал нам. Между тем время доказало, что Тито и его посланцы ухватились за эту «ошибку» не потому, что были озабочены нарушением нами «процедурного порядка». Главная причина заключалась в другом: конспиративные выборы не удовлетворяли требование Тито, а ведь он требовал, чтобы мы прислали ему имена и фамилии, как и характеристики членов нашего Центрального Комитета.

Именно этим мы нечаянно задели за живое Тито, который позднее, отправляя в Албанию Стойнича, не преминул наказать ему сделать нам строгое внушение за нашу мартовскую «ошибку» 1943 года.

Дело дошло до того что, когда к Стойничу примкнули и Нако Спиру, Кочи Дзодзе, Сейфула Малешова[1] и другие,

---

1 Приехал в Албанию в начале лета 1943 года. Злоупотребляя тем, что еще с конца 1924 года был политическим эмигрантом и

эта «процедурная ошибка» полностью затмила неоспоримый успех самой конференции. Как известно конференция проходила нормально, делегаты, несмотря на трудные условия, были избраны согласно всем нормам и по демократической процедуре. Дух докладов и дискуссий был как нельзя здоровым, каждый имел право вставать, задавать вопросы, подавать реплику, выступать, критиковать и вносить предложения.

Впрочем обвинение Тито насчет «процедуры выборов» относится к другому периоду, на котором я подробнее остановлюсь ниже. Здесь мне хотелось бы всего лишь подчеркнуть правду о том, что до Первой национальной конференции КПА, следовательно, до марта 1943 года, помощь ЦК КПЮ нашей партии была совершенно несуществующей. Мы, конечно, никогда не обмолвились бы об этом, если бы Тито и его приближенные не претендовали и не трубили со всех крыш об обратном.

Титовский «странствующий посол» растягивает нити своей сети на Балканах

Только что закончилась работа Первой национальной конференции, причем закончилась она успешно, и мы принялись за решение поставленных ею больших задач. Делегаты разошлись по областям, отрядам и батальонам. То же самое, получив нужные указания и ориентировки, отправилась на места для непосредственного руководства делами бóльшая часть товарищей, избранных в Центральный Комитет и в Политбюро Центрального Комитета партии. Именно в один из этих дней, когда я работал над каким-то материа-

---

бóльшую часть эмиграции провел в Советском Союзе, по возвращении в Албанию изображал себя посланцем Коминтерна и претендовал на то, что его мнение было официальным мнением Москвы.

лом (кажется, я занимался последней редакцией текста резолюции конференции), неожиданно и при совершенно неизвестных обстоятельствах в Лябиноте (Эльбасан) словно из земли вырос какой-то югослав. Я говорю «словно из земли вырос» скорее не потому, что до этого мы не знали, кто он такой, откуда он приходил, куда и зачем ехал этот человек в те трудные времена, нежели из-за хлопот, которые он нам доставил, осложнений, которые он нам создал, обвинений, которые он на нас возвел, бесконечных ловушек, которые он расставлял нам с момента знакомства с ним, а затем и на протяжении целых лет. Антиалбанцем и антимарксистом первой руки, отъявленным и ярым великосербским шовинистом, надменным и свирепым — таким предстал он перед нами и три-четыре месяца спустя после первой встречи, и трудной осенью того же года, и в 1945 и в 1947 годах. Этот политический мафист (я нисколько не перебарщиваю, называя его так), так же, как это весной и летом 1943 года «неожиданно» вошел в руководство нашей партии и посеял семена раздора и диверсии, после освобождения «неожиданно» нашел путь проникнуть даже в верховные органы нашей армии и диктовать там свою волю. Пройдут годы, дела пойдут своим чередом и, когда для нас это уже совсем забытый человек, он так же неожиданно, как и в марте 1943 года, снова появится перед нами в другую черную ночь, но на этот раз за тысячи километров от Албании, в Москве. Поздно, за полночь зазвенит тревожный телефонный звонок и голос Анастаса Микояна сообщит мне, что со мною хочет встретиться Светозар Вукманович Темпо[1], человек марта 1943 года!

Я должен был вскоре убедиться в том, что его степенность и надменность первых моментов нашего знакомства не объяснялись тем, что я заставил его чуточку подождать (как уже говорил, я был занят каким-то материалом). Нет, это была его постоянная натура.

---

1 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», стр. 146-149, изд. на рус. яз., Тирана, 1980.

— Возвращаясь из Македонии и греческих местностей с целью пробраться в Черногорию и Косову, я узнал, что вы здесь. «Давайте-ка посмотрим, чем занимаются эти албанцы», — подумал я и решил нанести вам краткий визит, — степенно сказал он и подождал, по всей видимости, полагая, что я стану благодарить его. Я только промолчал, чтобы дать ему понять, что ему надо было исправить выражение ... «эти албанцы».

Но он ничуть не смутился. Он сказал нам (конфиденциально!), что был главным посланцем руководства КПЮ и Генерального штаба Югославской национально-освободительной армии по Македонии. Далее он отметил:

— Поскольку Македония в силу своей прошлой и нынешней истории является «узловым» вопросом на Балканах, мне приходится так или иначе заниматься всей этой территорией, где переплетаются Болгария, Греция, Македония, Албания, Сербия. Трудные времена и очень трудные проблемы, но ничего не поделаешь, справимся с ними, — закончил он вступление тем же тоном, которым и начал, и стал наблюдать за тем, какой эффект произвело на нас знакомство с этим «тяжелым бременем», которое история взвалила на плечи этого 30-летнего человека!

Высокомерие и чванство — вот первое впечатление, которое сразу сложилось у меня о «человеке Балкан». Как бы то ни было, он был у нас гостем, быть может, усталость и трудности довели его до белого каления, так что на один момент он не оказался в состоянии контролировать себя. Поэтому, чтобы смягчить атмосферу, взял слово я. Поблагодарил его за случайный визит, сказал, что мы рады встречам с коммунистами из братских партий и, независимо от постов, которые они занимают в своих партиях, мы придаем большое значение обмену мнениями с ними, взаимной помощи, лучшему взаимному ознакомлению.

— Не хочу вас задерживать, поскольку вы собираетесь в дальний путь,— сказал я ему, и добавил: — Только учтите одно: Если вам приведется снова побывать в Албании, больше не рискуйте, как в этот раз. Нам будет неприятно уз-

нать, что где-то в Албании схвачен фашистами коммунист из братской партии, тем более товарищ, которому поручено так много миссий, о которых вы нам говорили. «Сдавайтесь» нам, сказал я ему, улыбаясь, — и наши товарищи, которые везде присутствуют, доставят вас, куда вам нужно.

Было ясно, что ему стало приятно. Поблагодарил меня за предложенную помощь и тут же добавил:

— Я — путешественник, из одного края в другой. Встреча эта не входила в мои планы, и тем не менее мне очень помогло бы в работе кое-какое ознакомление с положением у вас. Можно обмениваться мнениями и относительно положения в Македонии, Болгарии, Греции. Я иду как раз оттуда, и не думаю, что ихние проблемы безынтересны для вас. Согласны?!

Не было никаких оснований отказываться от свободного обмена мнениями. Тем более что после моих слов стало очевидно, что он как-то снизил степень надменности.

Вначале я сделал ему краткий обзор жизни и деятельности нашей партии со времени ее основания, рассказал вкратце о работе с фронтом, с национально-освободительными советами, как и о наших отрядах, батальонах и других партизанских формированиях. Немножко подробнее рассказал ему о работе Первой национальной партийной конференции и ее очень важных решениях, особенно о новой, более высокой фазе, в которую уже вступила наша борьба, об организации и укреплении нашей Национально-освободительной армии, о предстоявшем создании Генерального Штаба армии и т.д.

Неспроста я говорил с ним совершенно спокойно, откровенно, стараясь отмечать как достигнутые успехи и борьбу, которую пришлось вести за их достижение, так и слабости и недостатки и наше критическое отношение к ним. Поступил я так, чтобы проложить путь гостю и дать ему понять, что именно в таком духе мы разговариваем с товарищами и того же товарищеского духа требуем от них. Однако все это осталось лишь добрым желанием.

— Из изложения, сделанного товарищем Генеральным

Секретарем, — начал Темпо, как будто говорил на какой-нибудь межпартийной встрече, — вижу, что вы продвинулись вперед. Это доставляет мне удовольствие. Кое-какие замечания (переводил, кажется, Рамадан Читаку) у меня есть относительно проведенной вами до сих пор работы, но прежде всего мне хотелось бы сделать вам обзор обстановки в Македонии и касаться того, как понимают характер борьбы болгарские и греческие товарищи.

Всем тем, что он наболтал в ходе этой первой беседы, как и в двух или трех других случаях летом того же года, он стремился выдавать себя не просто за «эксперта» балканских проблем, а за «великого политика» Балкан, за человека, способного тут же прийти к «важным и решающим выводам и заключениям»! Как по своему тону, так и по своей четкой манере «последней инстанции», по манере говорить он производил впечатление человека, в руках которого находились нити Балкан, такое впечатление, будто от него одного зависели нынешнее и будущее балканских стран!

Особенно поразило нас в этом человеке явное отсутствие уважения к руководителям двух братских партий — Болгарии и Греции, как и употребление им с начала до конца терминов «шаблон» и «шаблонность». Вскоре мы узнали, к чему он клонил.

— Болгарские товарищи, — сказал он, в частности, — не поступают сообразно с ситуациями, а шаблонно подражают прошлому опыту, выученному по книгам. Они ждут, пока не вспыхнут забастовки и демонстрации в городах, как в России в 1917 году, чтобы лишь после этого вступить в новую фазу, в фазу вооруженного восстания! Это значит положить конец борьбе с захватчиками, совершенно не начав ее. То же самое делают греки. Они сосредоточились в одних только городах и ждут в надежде на то, что им удастся взять власть позднее, путем парламентских переговоров. Это глупости! — без зазрения совести резко сказал он (вскоре мы должны были привыкнуть к такой терминологии, которая всегда была на языке у этого серба-черногорца). — Известно, — продолжал он, — что человек, у которого голова на плечах,

должен видеть дальше своего носа, не впадая, однако, в шаблонность, не упуская из виду и не умаляя то, что находится, так сказать, под носом. Я, — кичливо сказал он, — имею в виду опыт нашей партии и нашего Генштаба. Мы в горах и ведем большую борьбу, не ожидая забастовок и демонстраций болгар и греков! Это пример, которому надо следовать, особенно в условиях Балкан, — сказал он, — и мы никому не будем отказывать в нем!

Помолчав, он обратился ко мне:

— Вот мне приятно слушать, что и у вас началась борьба в горах, партизанская борьба. Это хороший признак, но надо торопиться. Вы пока что еще остаетесь с отрядами и боевыми дружинами. Бросьте боевые дружины в городах, заполняйте горы партизанами. Ибо, как я уже сказал, сосредоточить борьбу в одних только городах, значит впасть в шаблонность, слепо копировать опыт других, все равно, чьей революции этот опыт ...

Слишком развязно вел себя этот зазнавшийся коммунист! *Говорил ли он так нахально и чванливо потому,* что это было в его привычке, или же, может, он считал нас «молодняком» и полагал, что с нами мог говорить всякое, что ему заблагорассудится? Я не мог позволить ему продолжать таким тоном и такими словами.

— Мы, — прервал я его, — непосредственно не знакомы с братскими партиями Болгарии и Греции, нам не представлялись случаи и возможность подробно знакомиться с их нынешним положением. Так что, не считаю уместным даже и говорить здесь о них и их линии. Но, поскольку вы высказались, мне тоже надо выразить свое мнение.

— Я сказал это лишь в качестве примера, не задаваясь целью обсуждать их дела, — попытался оправдаться Темпо. — Это просто свободное собеседование.

— Я тоже свободно буду говорить, — сказал я ему и продолжил: — Наши чувства и наше мнение о них, как двух коммунистических партиях, членах Коминтерна были и остаются такими же, что и в отношении вашей партии и любой другой коммунистической партии. Мы всегда были са-

мого высокого мнения особенно о таких руководителях, как товарищ Димитров. Я говорю это потому, что нас не может не удивлять то, как вы отозвались о руководстве Болгарской коммунистической партии.

— Мы также с уважением относимся к товарищу Димитрову, — отозвался Темпо, — но в данном случае он тоже выступает за проведение шаблонной линии в вопросах борьбы с захватчиками. Быть может, это объясняется тем, что он работает в Москве, при Коминтерне, и не знает другого опыта, кроме опыта прежних революций и борьбы Красной армии. Именно здесь шаблонность ...

— Слишком уж часто употребляете вы термин «шаблон» и, насколько я понимаю, этим вы подразумеваете в первую очередь опыт Октябрьской революции, — резко перебил я его. — Или же я ошибаюсь?!

— В некоторой степени и его, но давайте разберемся...

— Вы уж простите меня, — снова прервал я его, — но для нас Октябрьская революция и весь ее опыт являются чем-то священным. Может, мы еще не вникли в сущность дела как вы, — не без иронии обратился я к нему, — но нам хорошо известно одно: Революция, в особенности Октябрьская, это великое дело, это мировое имя, мировое явление, которое прежде всего напоминает о коренных переворотах в обществе. Она включает в себя не только забастовки и демонстрации, как это вы сказали, она содержит в себе прежде всего последний бой с применением таких авторитетных средств, как винтовки, пулеметы, пушки. Так что для нас революция есть борьба, ведущаяся постепенно, но непрерывно и всеми формами, способами и средствами, начиная с самых элементарных и вплоть до всеобщего вооруженного восстания.

— Этого мы не отрицаем, — прервал меня он, — но вы пустились в теорию. Я имел в виду нынешнюю борьбу.

— Я тоже ее имею в виду, — сказал я, — а не просто область теории. Я хотел сказать, что мы во всей нашей линии опираемся прежде всего на незаменимый опыт Октябрьской революции и учимся на нем, естественно, стараясь как

можно глубже изучить и применять его сообразно с нынешним временем, с условиями и обстоятельствами нынешней ситуации.

Я заметил, что он только и ждал, чтобы я кончил. Он кизиловым прутом раздраженно и нетерпеливо хлестал сапоги.

— Это явное недоразумение, — сказал он. — Я говорил о другом, но давайте оставим эту тему. Дело в том, что ...

— Еще относительно того, что вы сказали о болгарских товарищах и особенно о товарище Димитрове, — перебил я его. — Повторяю, мы не поддерживали никаких прямых связей с ними и конкретно не знаем их положения и их дел. Но считаю, что вы ошибаетесь, утверждая, что товарищ Димитров против немедленного развития вширь вооруженной борьбы против наци-фашистской оккупации.

— Я говорю о том, что видел и слыхал, — резко отозвался Темпо.

— Несколько месяцев тому назад, — возразил я ему, — к нам поступили директивы Коминтерна относительно линии нашей партии в Национально-освободительной борьбе. Я уверен, что в определении установок и директив, даваемых Коминтерном, весомое слово и одно из главных мест принадлежит и товарищу Димитрову.

— Бесспорно! — ответил Темпо. — Он занимается Коминтерном непосредственно.

— Тогда, — продолжал я, — как понимать ваши слова, если в присланных нам директивах не говорится «ждите в городах», «занимайтесь только забастовками», а говорится «развивайте и расширяйте борьбу, мобилизуйте все силы на вооруженную борьбу против фашистского захватчика»?!

Побагровевший Темпо продолжал настаивать на своем, подчеркивая, что он знал не поступившие к нам директивы, а «конкретную реальную действительность в линии болгарских товарищей».

Я не дал ему продолжать дальше говорить о других, и он сам отступил, повторив, что коснулся он этой темы не

для того, чтобы «злословить в адрес третьих», а просто ради «консультации между товарищами».

Настала очередь «кое-каких замечаний» о нашей работе. С первых же «замечаний» я заметил, что он не был неосведомлен о положении дел у нас, как это он прикидывался вначале. Промыв себе рот и «сделав нам приятное» относительно целого ряда успехов, он нашел уместным перечислить свои «замечания».

— Во-первых, — сказал он, — в работе партии наблюдались сектантские тенденции и позиции относительно сотрудничества и сближения со слоями и группами людей, пользующихся влиянием у народа; во-вторых, надо еще теснее связывать характер освободительной борьбы с вопросом уничтожения старого режима, то есть с образованием национально-освободительных советов; в-третьих, партизанские отряды и группы не следует считать «отрядами партии»; в четвертых, ...

— Осудить троцкиста Заи Фундо, как врага партии! — тут же вставил я.

Темпо был потрясен и растерян моим вмешательством, но вскоре взял себя в руки.

— Да, — сказал он, — о нем тоже буду говорить!

— Товарищ Темпо, — спокойно заговорил я, — то, что вы говорите, мы читали два-три месяца тому назад в письме, которое товарищ Тито прислал нам, к тому же мы долго обсуждали эти вопросы и с Блажо. Видимо, вы также были хорошо осведомлены о них. Нам нельзя не выразить удовлетворение по поводу того, что вы проявляете столь большой интерес к нашему делу.

— А что, вы не хотите, чтобы мы интересовались? — раздраженно спросил он. — Не нуждаетесь в помощи? Или же считаете неуместными наши замечания?

Я очень кратко рассказал и ему о том, как мы обсуждали и как квалифицировали содержавшееся в письме Тито, и, чтобы кое-как сбить с него спесь, совершенно отчетливо сказал ему:

— В принципе с теми замечаниями можно было и считаться, но мы их получили слишком поздно. Получили мы их в такое время, когда для нас совершенно не существовали больше проблемы, к которым они относились. Тем более о них не стоило бы говорить сейчас.

— Может быть, — сказал Темпо, — но вначале, когда говорили о линии партии, вы все время употребляли термин «наши партизанские группы», «наши партизанские отряды». Вы говорите как Генеральный Секретарь партии, так что ли?

— Конечно! — ответил я.

— В таком случае получается, что отряды и батальоны вы еще считаете «отрядами партии!». Это также ошибка сектантского характера. Они являются вооруженными силами народа, а не просто партии ...

— Незачем заниматься игрой слов, — прервал я его. — Говоря «наши группы и отряды», мы всегда имеем в виду народ и партию. Они, безусловно, являются вооруженными силами народа, так как их ряды заполняет народ — крестьяне, рабочие, молодежь. Но мы, — продолжал я, — совершенно не считаем ошибкой и даже не можем замечать ошибки, которую вы подмечаете в том, что отряды и другие партизанские формирования мы тесно связываем с партией. Наша Коммунистическая Партия является их единственным и незаменимым творцом, организатором и руководителем. Мы ничего, ни одного отделения солдат, не говоря уже о более крупных соединениях не получили в наследство от старой армии бывшего короля. Так что все силы, ушедшие в горы, являются плодом правильной линии нашей партии, ее детищем и в этом отношении мы не допускаем ошибки, называя партизанские отряды «нашими». Перед нами стоят теперь новые важные задачи: будем организовать крупные соединения, начиная с бригад, создадим Генеральный Штаб нашей Национально-освободительной армии. Этих формирований и этих органов мы никак не можем понимать в отрыве от партии, от ее роли как их творца и руководящей силы.

Был странный порок у этого собеседника: всякий раз,

когда оказывался в неловком положении, он выговаривал какое-то «ладно, ладно», и тут же надменно перескакивал на новую ветку. Так было во время всех бесед, которые мы имели с ним.

— Я не отрицаю роли вашей партии, но говорить так — неправильно, ибо в таком случае получается, что отряды состоят из одних только коммунистов, — возразил он.

— Это абсурд, — заметил я. — Наши отряды и батальоны полны воинов, и их ряды непрерывно пополняются. Неужели вы думаете, что все они коммунисты! Нет, товарищ Темпо, этого быть не может. Коммунисты идут в авангарде, они — передовая часть воинов, они — их выдающиеся вожаки, но они не составляют весь состав наших воинов.

— Значит, получается так, что, по крайней мере, ваши штабы состоят из одних только коммунистов! Это другое наше замечание к вам. Раз армия является народной, в штаб должны входить некоммунисты, и нельзя оставить эту работу в руках только коммунистов.

— Эта «ошибка» также не выдерживает критики, — тут же ответил я. — Более того, могу сообщить вам, что подавляющую часть командного состава наших отрядов составляют не коммунисты, а честные патриоты, бойцы, желающие видеть Родину свободной и независимой и сознательно воспринявшие линию нашей Коммунистической Партии. Естественно, во всей этой работе в качестве самого главного мы отмечаем тот факт, что центральным штабом, руководящим штабом, определяющим линию, руководящим Национально-освободительным Фронтом, работой национально-освободительных советов и всей нашей борьбой, является партия. Мы этого не отрицаем, напротив, считаем главным фактором и самым важным нашим достижением.

Вскоре я должен был убедиться в том, что Темпо не беспокоили ни то, как мы организовали фронт, ни работа с националистами, ни роль коммунистов и элементов, не состоявших в партии, в штабах. Он повторил то, что мы уже прочитали в письме Тито, видимо, чтобы показать, что «умел делать конкретные замечания», но после наших возраже-

нии не стал спорить. Он клонил совершенно к другому.

— Обязательно надо создавать крупные штабы, — сказал он в продолжение нашей беседы, — ибо без штабов не обойдешься! Вы, товарищ Энвер, сказали, что руководящим, центральным штабом является партия. Согласен, но ведь партия есть партия, а штаб есть штаб! У последнего свои функции, своя роль, особенно в направлении организации и координирования боевых действий. Вы остались с одними только штабами отрядов и батальонов. Вы слишком отстаете. Где у вас штабы бригад, где у вас Генеральный Штаб?!

— Мы вас слушаем, товарищ Темпо, — прервал я его резким тоном, — только прошу учесть, где говорите и о чем говорите. Я в товарищеском духе рассказывал вам о ходе нашей борьбы и наших партизанских формированиях вплоть до Первой национальной партийной конференции. Я рассказывал вам также о конкретных задачах, поставленных этой конференцией в направлении создания более крупных боевых отрядов и, в этом плане, и о создании в скором времени Генерального Штаба нашей армии.

— Да, но где же они у вас?! — с каким-то необъяснимым терпением переспросил он.

— Они у нас в горах! — ответил я повышенным тоном. — В деревнях и городах Албании, везде, где организовывается и мобилизуется, сражается целый народ со своей партией во главе. И не беспокойтесь насчет благополучного хода наших дел, товарищ Темпо. Все пойдет так, как надо, будет сделано в нужное время, а не так, как заблагорассудится мне, вам или кому-либо другому.

— Я вас понимаю, я вас понимаю, товарищ Энвер, — неожиданно снизил он тон, — но вот, в чем дело: давно я разрабатываю в голове великую идею. Она охватывает Югославию, Албанию, Болгарию и Грецию.

— Она действительно великая, раз охватывает все балканские страны, — с легкой иронией отозвался я.

— Да, все балканские страны! — Повторил он с нескрываемым удовольствием и продолжал: — У меня в голове идея

великого штаба, штаба, стоящего, так сказать, над штабами, идея всеобщей организации, вы меня понимаете?

— Мы вас слушаем, мы вас слушаем, — ответил я, чтобы не сказать, что не понимаю, о чем вы говорите.

— Этот штаб, — продолжал он, — будет *межбалканским* штабом, или, давайте назовем его кратко — *балканским*, и я считаю, что он должен состоять из представителей генеральных штабов всех балканских стран. На него будут возложены важные функции, будут ...

Я отдавал себе отчет в том, что момент был не для иронии и что на его мысли надо было обращать внимание, поэтому собрал себя в руки и решил со всем заслуженным вниманием выслушать «идею». Он, видимо, заметил неожиданно происшедшее во мне изменение и сразу же понизил эйфорический тон своей речи:

— Поймите меня, — сказал он. — Все это я говорил потому, что случай привел меня к вам. Идея у меня пока еще в голове, она у меня, так сказать, еще проект. Я обменивался кое-какими мнениями с товарищем из греческой партии и с одним из болгарской, но им тоже передавал ее вот так, мимоходом. Просто, чтобы возбудить мысль. Мне придется еще дорабатывать, отработать ее, а потом уже изложить, где следует. Но, — продолжал он, — чтобы завершить и эту беседу, я снова настаиваю на том, о чем говорил выше: вам надо как можно скорее создать штабы, особенно Генштаб. Это очень важно. Вот предположим, что мы договорились с болгарскими и греческими товарищами о конкретизации идеи «Балканского штаба». Предположим, что вы тоже согласны. В таком случае как же вы будете участвовать в нем, если у вас еще нет генерального штаба?! Это я и имел в виду, — сказал он и поднял глаза в ожидании моего реагирования.

— Главное это то, чтобы у нас был руководящий штаб, партия, — ответил я. — С нею во главе в нужный момент будут созданы и команды и штабы других, более крупных соединений в соответствии с потребностями и темпами раз-

вертывания борьбы. Что же касается момента, когда они будут созданы, то этого, думается мне, вы не требуете от нас, но мне также незачем говорить вам об этом. Это дело Центрального Комитета нашей партии и Генерального Совета Национально-освободительного Фронта.

— Кажется, вы меня плохо поняли! — заметил Темпо, который до сих пор слушал меня с опущенными глазами. — Я говорил все это в рамках идеи, которая у меня в голове. Это меня занимает ...

— Сказать вам правду, нам никогда и в голову не приходила такая идея, — ответил я, — так что не могу занять позицию по этому вопросу не то что от имени ЦК партии, но даже лично от своего имени. Тем более, что вы сами, как уже говорили, еще не доработали ее, следовательно, она еще проект в вашей голове. Быть может, позднее вы еще лучше конкретизируете ее, быть может, вы проконсультируетесь и с товарищами из вашей партии и других братских партий.

— Обязательно, обязательно! — сказал Темпо.

— Только уже не на ходу и мимоходом! — сказал я ему, усмехаясь, и продолжал: — Если перед вами будет поставлен этот вопрос, мы будем его обсуждать и скажем свое мнение. Что же касается вашего последнего беспокойства, беспокойства о том, как бы вы, остальные, не вошли в этот «штаб», а мы остались вне него, так как у нас еще нет Генерального Штаба армии, то будьте спокойны! К тому же, — все же усмехаясь добавил я, — думаю, что участие или неучастие нашего штаба в нем не расстраивает вашу идею.

— О, нет! Речь идет о балканоком единстве. О таком братском союзе между нашими народами и нашими странами ...

— Мы никогда не будем мешать ничему, что служит общей борьбе против наци-фашистских захватчиков, — сказал я ему. — Но давайте оставим этот вопрос. Вы сами говорили, что еще рано обсуждать его. Нам самим предстоит решать более неотложные проблемы.

— Согласен! Мы еще увидимся, — сказал Темпо, встал и взвалил ранец на плечи.

Он выглядел более мрачным, чем когда пришел. По всей видимости, рассчитывал слышать от нас только слово «аминь!». В самом деле, на этой первой встрече мы отнеслись весьма по-товарищески, и даже больше, чем надо было, терпеливо и доброжелательно к нему и его мыслям. Ушел он так же неожиданно, как и пришел. Кажется, немного спустя после этого он снова появился в нашем штабе и снова исчез в направлении Македонии или Греции, чтобы опять возвратиться один или два раза к концу июля или началу августа того же года. Я никогда точно не знал, сколько раз приходил и уходил Темпо от нас в период между мартом и августом 1943 года. Быть может, это объясняется тем, что во время этих поездок он ставил одну только проблему, говорил одно только слово — «балканский штаб!». Во время одного из этих появлений и исчезновений, кажется к концу июня, он говорит мне:

— Что, если я возьму с собой в Фессалию и товарища Кочи Дзодзе[1]? Мы устроим с греческими товарищами встречу относительно «штаба», он попутно сможет как-нибудь размять себе ноги после долгого тюремного заключения!

Не было оснований отказать ему. Они ушли, исчезли недели две и снова возвратились в Албанию. По всей видимости, их звезды совпали, ведь несколько дней спустя, когда Темпо «понадобилось» совершить другую прогулку по Гре-

---

1 На I Национальной конференции КПА, состоявшейся в марте 1943 года, Кочи Дзодзе, хотя и сидел в тюрьме, был избран членом Политбюро ЦК КПА и на него была возложена обязанность секретаря партии по организационным вопросам. Выйдя из тюрьмы в начале лета того же года, во время поездок по Греции с Вукмановичем Темпо был завербован им и превратился в слепое орудие и послушного агента белградского руководства. Свою агентурную, антиалбанскую и антимарксистскую деятельность он развертывал последовательно до тех пор пока не был раскрыт и не получил заслуженное наказание в партии в конце 1948 года; в 1949 году был осужден органами народного правосудия.

ции относительно «штаба», он снова захотел взять с собой Кочи Дзодзе.

— Ты сделаешь и Кочи «балканским!». — как бы в шутку сказал ему Миладин.

— Раз взялись за это дело, — ответил ему Темпо, — нужно его продолжить.

Возвратились они к концу июля или началу августа. В этот период мы находились в Куцаке (Корчинская область). Это была моя последняя встреча с Темпо в годы Национально-освободительной борьбы. В то же время это была встреча, во время которой нам пришлось вступить с ним в острые дебаты, выслушать от него самые тяжкие обвинения в отношении линии нашей партии. Эта встреча ознаменовала собой начало открытого и организованного вмешательства и давления КПЮ на нас. Казалось, будто ее посланцы по своей собственной воле прибегали к такому вмешательству и давлению, а фактически, как выяснилось впоследствии, они ориентировались и руководствовались не своей головой, а головой югославского руководства, Тито и компании. Впрочем об этом я буду говорить ниже. Еще остается невыясненной дальнейшая судьба «движущей» идеи Темпо, судьба «балканского штаба».

«Конкретизировав идею», разъезжая по балканским странам (правду говоря, разъезжал он много, упорно, ни с чем не считаясь брался за любое предприятие, как бы оно ни было рискованным, решительно добивался осуществления сказанного, был упрям, как мул, бесстрашен, короче говоря, своего рода Душан Мугоша, но более способный, гораздо более толковый при выполнении своей миссии), он степенно появляется в Албании вместе с каким-то другим товарищем.

— Представитель Центрального Комитета Коммунистической партии Греции, — представил он его, назвав какое-то имя или псевдоним, которого я так и не запомнил.

Мы поздоровались с обоими пришлыми и, чтобы создать Темпо «атмосферу», я спросил его в шутку:

— Ну, как Балканы?!

— Бурлят, — ответил Темпо, и было ясно, что этим я сделал ему приятное. — Бурлят и кипят!

— Осторожно, а то, чего доброго, могут и взорваться! — заметил я.

Темпо был внушительный, своенравный и своевольный, редко он оставлял место для вольных бесед. Все — даже и приветствие и поздравление с благополучным прибытием принимали в нем окраску официальных формул. Когда он говорил или излагал какую-либо мысль, создавалось впечатление, будто он диктовал протокол. Так было и на этот раз.

— Недавняя идея «балканского штаба» уже созрела, — заговорил он, — и я считаю целесообразным, чтобы на этой встрече мы, представители трех партий, хотя и в отсутствии болгарского брата, сделали первый главный шаг к воплощению штаба в жизнь. Мы уже договорились с болгарскими товарищами, и они, наверняка, примут участие в следующей встрече. А теперь вот как понимаю я это дело . . .

Я заметил, что он очень важничал. Тем более, что теперь он ставил нас перед совершившимся фактом относительно такого вопроса, которому мы не придавали совершенно никакого значения. Поэтому я осторожно прервал его:

— Товарищ Темпо, вы проделали длинный и утомительный путь. Давайте отдохнуть, а потом мы найдем время выслушать вашу идею.

— Нет, — тут же возразил он, — дело не в том, чтобы одного меня выслушать. Это важная встреча по весьма кардинальному вопросу.

— В таком случае, — сказал я, — как же можно собраться так, нежданно-негаданно на такую встречу по вопросу, который мы также считаем очень важным?! Вы сами знаете правила организации . . .

— Какие там правила! — своей известной грубостью прервал он меня. — Теперь военное время, дела не могут ждать процедуры!

— Я сожалею о том, что вы так ставите вопрос, — сказал я ему. — Если бы это было просто процедурным вопро-

сом, то не мне надо было участвовать в этой беседе. Но давайте оставим этот вопрос. Выдвигаемая вами проблема очень важная, и мне непозволительно сесть на такую встречу с представителями двух братских партий, не имея ясного представления о том, что будем обсуждать, не имея для этого также мнения и ориентировок со стороны моих товарищей, по крайней мере, товарищей из Политбюро ...

Долго мы продолжали возражать друг другу до тех пор, пока не договорились все это считать предварительной консультацией и предварительным обменом мнениями в просто товарищеском порядке без малейших официальных обязательств и при условии, что высказанные в ходе дискуссий мнения ни в коем случае не будут иметь значения официальных позиций. После этого как будто пробудился и товарищ из КП Греции, который до того времени ни единого слова не вымолвил. Как мы узнали впоследствии, это был человек, который встречался с Темпо во время поездок последнего «по Балканам», но который не был уполномочен ЦК КПГ обсуждать такой вопрос; более того, руководство его партии ничего не знало о том, что он занимается подобной проблемой. Неизвестно, как это удалось Темпо убедить и вовлечь его в такое авантюристическое предприятие! Кстати, как мы узнали позднее, этот «представитель ЦК КПГ» не был даже обычным кадровым работником КП Греции. Был ли введен в заблуждение сам Темпо, или же он привел его, чтобы «от имени двух партий» навязать нам свою идею — этого мы так и не узнали. Впрочем это не имеет значения.

Итак, начали мы товарищескую «консультацию», которая отняла у нас несколько очень ценных часов, по какому-то вопросу, который так и кончился, как и начался — как «движущая идея» в голове и целях человека, бродившего по балканским странам с темными планами.

Я не намерен долго останавливаться на сути и характере того, что Темпо называл «балканским штабом», как и на том, что было сказано на проведенной консультации. Однако, поскольку об этом вопросе и, в частности, о темных замыслах, которые Тито с компанией скрывали за ним, говори-

лось время от времени, а также ввиду того, что, насколько я слыхал, Темпо вплоть до последнего времени без зазрения совести старался смешать также имя нашей партии и мое личное имя с этой проблемой, мне придется давать некоторые пояснения:

Как я уже говорил, встречу, проведенную с Темпо и «товарищем» из КП Греции, мы с самого начала охарактеризовали просто как предварительную товарищескую консультацию, только и всего. Мы договорились также о том, чтобы мысли, изложенные на этой консультации, предварительно обогатит также мыслями, которые могли быть у товарищей из Болгарской коммунистической партии, и только после этого представить их руководству всех четырех братских партий, причем не в виде заключений или установок, а просто в качестве мыслей, которые должны были быть проанализированы каждой партией в отдельности и самостоятельно. Мы договорились также о том, что результаты обсуждения каждой партией будут доведены до сведения всех четырех братских партий и только в случае одобрения этой идеи всеми этими партиями можно было провести встречу представителей всех четырех партий для официального обсуждения и решения проблемы.

Но события развернулись так, что руководство нашей партии совсем не «проанализировало» эту проблему. Почему?

Во-первых, в ходе изложения Темпо «своей идеи» нетрудно было подметить целый ряд темных точек, а на мои вопросы или реплики он либо не был в состоянии отвечать, либо имел указание уклоняться от ответа. А между тем это были весьма существенные вопросы. Например, у нас не было ничего против того, чтобы, хотя бы посредством какого-либо совместного органа, проводилась работа в направлении содействия боевым операциям, предпринимавшимся партизанской армией каждой из стран, в направлении обмена опытом и информациями, пропаганды успехов друг друга и даже организации совместных действий, особенно в пограничных районах, планирования одновременных ударов по врагу каждой из стран в отдельных, подходящих случаях и т.д. и

т.п. Однако Темпо, который глубоко «обработал» идею в своей голове, заходил гораздо дальше:

— Нет, — говорил он, — это должен быть штаб, наделенный более широкими, более значительными компетенциями. Он должен быть межбалканским штабом, имеющим право решать о «крупных» операциях всех армий балканских стран ...

Как раз этого мы не могли ни понимать, ни одобрять. Штаб, которому подчинялись бы партизанские армии всех четырех стран! Правильно ли было это? К тому же осуществимо ли было это, особенно при очень сложных условиях того периода?! Какие функции выполнял бы в таком случае генштаб каждой из стран? Как осуществлялось бы согласование действий? Кто должен был руководить этим «сверхштабом»? Если штабом соответствующей страны руководил ЦК партии данной страны, то которая партия руководила бы «балканским штабом»? Не следовало ли создать также «штаб партий»? Или же надо было поступать по мнению Темпо, который считал, что «партия есть партия — штаб есть штаб», следовательно, отрицать и отбросить прочь руководящую роль партии в штабах и командованиях?!

Не могу сказать, что мы еще в те моменты поняли, что за идеей этого «штаба» скрывались эгоистические и гегемонистские цели руководства КПЮ, стремившегося установить свое господство над Балканами. Это мы поняли впоследствии, однако еще в те моменты, помимо серьезных подозрений, возникших у нас в связи с характером «штаба», дурное впечатление произвели на нас и некоторые выражения Темпо. Он то и дело славословил «замечательный опыт» Генштаба югославской НОА, «его испытанные способности» брать на себя и успешно проводить крупномасштабные сражения, «готовность» этого штаба «вносить нужный вклад в дело осуществления новой идеи» и т.д. и т.п. Он дошел до того, что опыт югославской НОА назвал «беспрецедентным», «образцом борьбы в горах», «единственной формой успешной войны в условиях Балкан» и т.д. и т.п. Из всего этого у нас возникло подозрение в том, что в идее «сов-

местного штаба» он усматривал возможности подчинить этот «штаб» югославскому штабу, а, стало быть, подчинить армии балканских стран Югославии.

Однако мы могли подозревать в этом только его самого. В тот период нам в голову не могла и приходить мысль о том, что само руководство целой партии обуревал угар шовинизма и гегемонизма. С другой стороны, Темпо упорно заявлял, что это была «только его» идея.

Именно эти возникшие у нас подозрения и послужили главной причиной того, что мы никогда серьезно не относились к этому вопросу. Между тем мы ждали посмотреть, как отнесутся другие братские партии к этому вопросу, а также узнать «мнение» самого ЦК КПЮ. Но к осени 1943 года вместе с Темпо исчез и его провалившийся план. Больше нам ни разу не говорили об идее «балканского штаба», а потом мы должны были узнать, что другие партии также по праву отклонили ее.

Вот так началась и закончилась эта история летом 1943 года и, как я уже говорил, поскольку все было предано забвению, из всей этой истории в памяти осталось одно самодурство Темпо, человека провалившегося «штаба». Когда он диктовал и чеканил слова о предстоящих «подвигах» этого «мнимого штаба» на Балканах, казалось, будто сам бог войны пришел в гости к нам в Куцаку. Но сидевший перед нами «бог» выпускал из уст и вынимал из портфеля не громы и молнии, а приказы и директивы.

Привычка вести возможно более точную запись о занимавших меня вопросах, о различных событиях, о проводившихся мною беседах и совещаниях утвердилась во мне еще в молодости, но она дальше усилилась особенно в годы войны, несмотря на трудные условия. И после этой встречи, помню, я тут же изложил на бумаге главные высказанные мысли, зная, что они нам пригодятся, если понадобится рассмотреть этот вопрос в руководстве партии. Но получилось так, что, собираясь в путь «по Балканам», Темпо подходит ко мне и говорит:

— Товарищ Энвер, я заметил, что во время встречи вы

вели подробные записи. К сожалению, я этого не делал, так как в основном говорил. Теперь мне придется побеседовать с болгарскими и другими товарищами. Если вас не затруднит, дайте мне ваши записи, чтобы использовать их на моих встречах.

— Ничуть не затруднит, — сказал я ему, — но, во-первых, они на албанском, а во-вторых, это скорее всего изложение высказанных здесь мыслей, чем протокол.

— Тем лучше, переводчики и не устанут, — сказал он, и я заметил, что лицо его просияло.

Позднее я думал, что эти мои записи исчезли так же, как и сама изчезнувшая идея Тито и Темпо. Но я ошибался — Темпо хранил их в архиве, чтобы в один прекрасный день вытащить их оттуда и, к югославской книге тысячи одного клеветнического измышления, добавить еще одну клеветническую выдумку: Энвер Ходжа оказывается, был согласен с идеями Темпо! «Вот вам пожалуйста и рукопись»!

Впрочем от Темпо, этого серба-иезуита, ничего иного и нельзя было ожидать, кроме обвинений, клеветнических выдумок и уймы подобного рода аморальных деяний. Как я уже говорил, при первом же знакомстве с ним, у нас сложилось нехорошее впечатление об этом человеке, а четыре-пять месяцев спустя, к концу июля или началу августа 1943 года, мы должны были вступить с ним в очень острый конфликт. Итак, он снова пришел к нам в Куцаку таким же самодуром и высокомерным, что и раньше, однако на этот раз он не выбросил нам на стол вопроса о «балканском штабе». Он грозно пришел с другой миссией — решительно обрушиться на линию нашей партии. Он был вместе с Кочи Дзодзе; во время двух поездок, совместно совершенных по Греции, они нашли друг в друге самого себя и сдружились[1].

---

1 С. В. Темпо в своей книге. «Revolucia koja teče» («Текущая революция»). Memoari. Beograd, 1971, пишет: «После заседания ЦК КП Македонии, я снова отправился в Грецию. Как и в прошлый раз, со мною был и Кочи Дзодзе. Это значит, что мы оба стали «экспертами» по Греции. В конце концов, между нами развивалась дружба.

«Вступление» было уже формулой, которую мы выучили наизусть:

— Возвращаясь из Греции, поскольку мне было по дороге, я еще раз зашел повидаться с вами до отправления в Косову, Македонию и Болгарию. Но меня и товарищ Дзодзе попросил зайти к вам. «Заходи, говорил он мне, иначе наши товарищи рассердятся на вас».

— Товарищ Темпо так ополчился на греческое руководство! — Тут же заметил Кочи Дзодзе. — Какие дебаты, ну и задал он ему перцу! Ну и дал он ему нахлобучку! Я пригласил его подробно проинформировать вас.

— Зачем вы задерживаете товарища, которому предстоит долгий путь? — обратился Миладин к Кочи Дзодзе. — Вы сами могли бы информировать нас, раз вы сочли это нужным.

— Ну и ну! Разве могу я изложить дела как товарищ Темпо, — совершенно наивно протестовал Кочи. — Всю беседу он-то и вел.

Между тем Темпо, как будто и не заметил подтекста слов Миладина, сжал губы, положил ранец на колени и приступил к обычным взрывам. Излив уйму замечаний в адрес линии КП Греции (к сожалению, нашел за что хвататься, так как грубые принципиальные ошибки КП Греции были очевидны и известны и нам в тот период), остальную часть гнева излил на нас:

— Почему я сказал вам это?! — спросил он в один момент, словно учитель-педант, и бросил на нас взгляд «свысока». — Сказал, — продолжал он, — так как у меня есть замечания и в ваш адрес, в адрес вашей линии. Ваше отношение к Баллы Комбетар неправильное, ошибочное.

— Как? В каком направлении? — спросил я его.

— Словом, — степенно ответил он, — оно было и остается оппортунистическим, недопустимым.

Хотя он мало говорил на встречах с греческими представителями, я заметил, что Дзодзе поддерживал меня не только потому, что я был членом ЦК КПЮ, к которой он питал большое доверие, но и потому, что мы были единомышленниками», стр. 356-357.

— Сделанное вами замечание очень серьезное, это обвинение, — гневно обратился я к Темпо. — На чем вы основываете сказанное?

— На вашем попустительстве и терпимости к Баллы еще в первые моменты его появления на сцене, — как обычно заговорил Темпо. — Вы были застигнуты им врасплох, а потом не знали, какую занимать позицию. Вместо того чтобы объявить ему войну, вы предложили ему стол переговоров.

Миладин Попович начал теребить усы и делал при этом движения, говорившие не столько о равнодушном отношении к пришлому, сколько о недовольстве его словами, Нако Спиру с опущенными глазами, не зная куда девать руки, ламывал прутик, Сейфула, словно «профессор», принимал позы *с кафедры*, тогда как Кочи Дзодзе сидел перед «балкаником», словно ученик перед экзаменационной комиссией.

— Товарищ Темпо, — сказал я ему, — мы с уважением относимся к КПЮ и к вам, как ее кадровому работнику. Но, поймите меня, мы никак не можем согласиться с тем, что вы говорите. И все-таки мы не считаем вас очень виноватым, так как вам не представлялись случай и возможность лучше знакомиться с ходом событий у нас. Вы сказали, что мы были, мол, застигнуты врасплох появлением Баллы на сцене! Не знаю, на основе чего вы выносите такое заключение; быть может, здесь не место для дискуссий, но, чтобы вы могли спокойно отправиться в путь, скажу вам несколько слов: Не в конце 1942 года, когда появились первые признаки зарождения Баллы, а еще до основания партии и особенно после ноября 1941 года мы производили тщательные анализы и прилагали всесторонние усилия, чтобы сблизить с линией партии не только народные массы, но и другие патриотически настроенные элементы, националистов, колеблющихся, заблудившихся и других. Многие из них поняли нас и встали на наш путь борьбы, другие колебались, третьи, несмотря на наши усилия, выступили против нас, пытаясь мешать нам. Тем не менее мы продолжали работу с этой последней категорией, однако фашизм и открытая

реакция тоже работали с ними, но в противоположном направлении. Стало ясно, что они не будут сближаться с нами, стало ясно также, что они сами организуются или же их сорганизует фашизм в противовес нашей линии, Национально-освободительному Фронту, Национально-освободительной борьбе. Итак, где тут «врасплох»?! Другое дело то, как они организуются конкретно и какое название дадут своей группировке. Этого мы угадать не могли, но полагаю, что этого вы не считали бы «врасплох».

— Оставим этот аспект, — прервал меня Темпо, — и посмотрим что было дальше. Разве не отдают оппортунизмом ваше великодушное отношение к Баллы и попытки договориться с ним?

— Нет, — тут же возразил я, — этого никак нельзя называть оппортунизмом. Это факт, что мы никогда, ни на один момент не стояли и не стоим за компромисс с Баллы, с нашей стороны не было и нет никаких оппортунистических и примиренческих актов по отношению к нему. Напротив, с самого начала нам ясно было, зачем была создана эта организация, об этом мы говорили в партии и народе и не строили на этот счет никаких иллюзий. Но имейте в виду платформу нашей Пезской конференции. Не знаю, — спросил я его, — вы в курсе ее?

— Слыхал о ней, — холодно ответил тот.

— В Пезе, — продолжал я, — в сентябре 1942 года наша партия провела конференцию, на которой были заложены политические и организационные основы Национально-освободительного Фронта, был создан Антифашистский Национально-освободительный Совет и были выработаны и приняты очень важные решения. Чтобы вам это было яснее, — отметил я, — скажу, что в Пезе в сентябре 1942 года мы сделали именно то, что сделала ваша партия в Бихаче почти два месяца спустя, в конце ноября 1942 года.

Темпо раздраженно фыркнул. Ему совсем не понравилось сравнение, которое я провел неспроста. Но он ничего не сказал, так как нечего было сказать.

— На этой конференции, — продолжал я, — мы по

праву изложили платформу политического и организационного объединения всего народа в самостоятельный фронт, положив в основу объединения основное условие: борьбу с захватчиком. Баллы Комбетар, который был создан позднее как реакция на Национально-освободительный Фронт, независимо от своих истинных намерений, демагогии и обмана ради выступил с лозунгами «борьбы», «независимости», «этнической Албании» и т.д. Естественно, этими лозунгами ему удалось ввести в заблуждение некоторых людей. Вожаки Баллы создали и некоторые «отряды» и стараются создавать другие. Правда, они не предпринимали и не собираются предпринимать какие-либо боевые действия против итальянцев, но безэффектной их демагогия не остается. В таких условиях с самого начала выступить против них с оружием, это имело бы горькие и тяжелые последствия. Речь идет не о том, что в таком случае мы восстановили бы против нас 10 или 20 лидеров Баллы. Они с самого начала были против нас, они никогда не были и не будут на нашей стороне. Дело в той части заблудившегося населения и в ряде элементов из средних слоев, которые восприняли лозунги Баллы и которых мы обязаны во что бы то ни стало перетянуть на свою сторону. Выступи мы с самого начала с большим топором против Баллы, мы создали бы у этих людей неправильные взгляды, восстановили бы их против себя. Ну что, такую позицию вы называете ошибкой?

— Но как же вы можете согласиться с таким ходом событий? — проговорил Темпо. — Чтобы обе стороны слились? Этого я не понимаю, этого я иначе не могу называть, кроме как оппортунизмом, как уже сказал.

— Что за «слияние»?! — Тут же возразил я. — Этого никогда не было и не будет. Если мы и старались убедить различные националистические силы и группы включиться в борьбу, то это не значит, что партия хочет раствориться, она не растворится не то, что в них, но даже во Фронте. Это партия руководит Фронтом, и независимо от того, войдет или нет Баллы Комбетар во Фронт, наша партия никогда не согласится поделить с кем бы то ни было свою руководящую роль.

— Может быть, может быть, — сказал Темпо, — но я настаиваю на своем: надо было с самого начала противопоставляться Баллы всеми средствами. А вы с ним заигрывали.

Страсти разгорелись, но я проявлял самообладание.

— Нет, нисколько, — сказал я. — Поступи мы как вы сказали, мы попали бы в ловушку Баллы и тех, кем он был создан. Стало быть, мы попали бы на позиции политики фашизма, который лезет из кожи вон, чтобы сдерживать нашу борьбу, стараясь расколоть народ, вызвать вражду в рядах крестьянства, интеллигенции, молодежи и т.д. Он пытается вызвать у нас братоубийственную войну. Нам надо было предотвратить ее, и мы ее предотвратили. Наша тактика заключалась в следующем: ладно, мы учтем существование вашей организации, но какой платформой вы руководствуетесь? Платформой борьбы?! Если да, то давайте бороться будем на одном едином фронте, в составе Антифашистского Национально-освободительного Фронта, организации, включающей в себя весь сражающийся народ, все течения и организации, выступающие за бескомпромиссную и немедленную борьбу с захватчиками. Пробным камнем является борьба, борьба с захватчиком, немедленная, беспрерывная и организованная борьба, вот это, товарищ Темпо, — продолжал я, — было и остается нашим оружием разоблачения Баллы Комбетар и разгрома политики его лидеров. Это было и остается пробным камнем для всех. А эта линия имела и имеет большой эффект. Вожаки Баллы изолируются. Народ, который не терпит фашизм, понимает и все больше и больше будет понимать нас. Заблудившиеся, видя, что их вожаки просто бьют баклуши, что они ничего другого не делают, кроме как ведут борьбу с курами, покидают их и присоединяются к нам. Такова, значит, наша линия. И думаю, что поступаем мы не плохо, не дурно.

— Ну и терпение у вас! — сказал Темпо, оказавшись в неловком положении. — И тем не менее я настаиваю на своем. Таким образом вы либо будете растворены в Баллы, либо останетесь всего лишь горсткой людей, и тогда Баллы

поставит вас перед выбором: либо с нами, либо мы направим на вас оружие.

— Что касается того, что мы можем остаться всего лишь горсткой людей, то об этом не беспокойтесь, кстати сказать, я просто сожалею о том, что вам приходит в голову такая возможность. Что же касается того, что Баллы может направить на нас оружие, так твердо знайте: у нас пушка готова.

— Пусть время докажет! — сказал Темпо, словно зловещий оракул.

— Конечно, — ответил я, — и будьте уверены, что время докажет правильность сделанного нами.

— Или того, что я говорю! — злопыхательски добавил Темпо и сильно хлестнул прутом по сапогам.

— Ладно! — проговорил я. — Но мне думается, что вам, как коммунисту, никогда не захотелось бы, чтобы были подтверждены ваши слова. Не так, что ли?

— Конечно, конечно! — процедил он сквозь зубы.

Беседа шла к концу. Обе стороны были обострены, взаимное недовольство было очевидно. Но я не мог допустить, чтобы беседа с ним закончилась на этом.

— Еще одно обстоятельство удивляет меня, — спокойно заговорил я. — За последние четыре-пять месяцев мы «случайно» встречались несколько раз. Вначале вы сделали нам замечание по поводу «сектантской» линии в отношении тех же элементов, касательно которых вы обвиняете нас теперь в «оппортунизме». Мы вам сказали, что не считаем уместным ни первое, ни второе. Но, поскольку речь идет о двух противоположных обвинениях в связи с одним и тем же вопросом, думаю, что одно из них вы теперь отвергаете. Какое из них вы думаете взять обратно, замечание о «сектантстве» или замечание об «оппортунизме»?!

— Вы иронизируете! — крикнул он, — а это недопустимо в отношениях между товарищами. Но я отвечу вам без иронии: я настаиваю на обоих!

— Я совершенно не иронизировал! — ответил я ему. — Речь идет о двух противоположных оценках одной и той

же линии, одной и той же проблемы и одним и тем же лицом. Это несостоятельно.

— С диалектической точки зрения, я полагаю, что югославский товарищ прав, — заговорил своим тонким голосом «профессор» Сейфула Малешова. (Он вернулся из эмиграции месяца два назад, и мы встречали его тепло и даже кооптировали его в кандидаты Центрального Комитета партии. Я буду говорить ниже о нем, о его прошлом и его «деяниях», поэтому здесь остановлюсь на данном только случае.)

— То, что в один момент является проявлением сектантства, — продолжал «профессор», — позднее может превращаться в проявление оппортунизма и наоборот. Я говорю это с точки зрения теории, ибо, естественно, еще не взялся за дела на практике ...

Скоро Сейфула Малешова возьмется за дела «и на практике», но это будет потом. То, что в этот период беспокоило меня, это вопрос, на который я пока что еще не мог дать точного ответа: зачем эти «посланцы» КПЮ ведут себя так несправедливо и надменно? Зачем такие «замечания» и обвинения, которые неожиданно произвольно превращаются друг в друга?! Еще больше должны были беспокоить меня такие вопросы чуть позже, когда, после того как Баллы Комбетар, переполнив чашу, открыто перешел в объятия фашизма, мы начали с ним открытую борьбу. Именно Темпо и его товарищи, которые в июле и августе 1943 года обвиняли нас в «оппортунизме», в сентябре и октябре того же года обвиняли нас в «сектантстве»! Итак, чем же объяснить подобные совершенно противоположные позиции?!

Я все больше и больше подозревал, что посланцы КПЮ приходили к нам, обуреваемые манией во что бы то ни стало «найти» у нас ошибки, найти их и там, где их не было, и, в случае невозможности находить их таким путем, выдумывать их. Пусть все перевернется вверх дном, пусть белое будет названо черным, достаточно лишь того, чтобы «найти» ошибку и четко отметить ее! Но почему же так? — спрашивал я самого себя. — Быть может, они не знают правды? Может, они не знают нашего реального поло-

жения? Может, те, кто их информирует, передают все неверно, шиворот-навыворот? Или же, может быть, раз они приходят издалека, хотят представить дело так, будто они приходят «сверху», «из центра», с «Олимпа» марксизма-ленинизма?!

Я думал, что все эти факторы сказывались на этом, и тем не менее главной причиной, побуждавшей людей Тито одно за другим возводить на нас нелепые, совершенно несостоятельные обвинения, была мания показывать себя, умничать, выдавать себя за истинных мудрецов. В таких случаях мы, естественно, настаивали на своем, и не изменили и не извратили свою линию ради того, чтобы сделать приятное присланным к нам гостям! Иначе — нам конец. Они вели записи и заполняли свои докладные записки, крепко сжимали сумки, чтобы не потерять их, и мы знали, что их доклады доставлялись в штаб Тито. Ну пусть они и пишут, что хотят и как хотят. Мы питали уважение к Тито и руководству ЦК КПЮ и не могли подозревать их в чем-либо плохом. К тому же мы знали: хорошо или плохо, в конце концов, не Тито и не кто-либо другой извне будет о нас судить. Мы отвечали перед своей партией, перед своим народом. За возможные ошибки мы только перед ними должны были отчитаться до единого. Путь борьбы за победу, к которой мы решительно вели народ — самое лучшее и самое неоспоримое объяснение всего. Вот как объясняли мы тогда причины того, почему югославские посланцы выдумывали о нас небылицы и, естественно, мы продолжали свой путь, будучи уверенны, что и доли правды не было ни в их обвинениях в «оппортунизме», ни в их обвинениях в «сектантстве».

Время полностью подтвердило, что в этом нашем суждении была одна лишь ошибка: вначале вину мы взваливали только на посланцев, но не на тех, кто их посылал — на Тито и компанию. Время подтвердило также, что мы были совершенно правы, говоря, что обвинения на нас возводятся в темных, некоммунистических целях, однако эти цели были гораздо более далеко идущими и более враждебными, чем мы думали о них вначале.

Но, если вначале мы возмущались ими, так как были уверены, что они несправедливо обижали нас, то позднее мы должны были узнать потрясающие вещи. Позднее мы должны были узнать, что именно в то время, когда мы беседовали с колеблющимися патриотами и националистами, стараясь увести их на путь борьбы (из-за этого мы и были «оппортунистами!»), приверженцы «решительной борьбы против оппортунизма» — Тито и его присные не только вели переговоры и договаривались с представителями югославского эмиграционного королевского правительства, но вступили в переговоры ... даже с немецкими фашистами, с величайшими преступниками человечества с целью сговориться, договориться с ними!

У нас в Албании некий ничтожный Али Кельцюра установил связь с фашистским генералом Дальмацо и заключил с ним «соглашение о перемирии»[1] с итальянскими фашистами и борьбе против нас, но мы, узнав об этой подлости, подняли тревогу и разоблачили сотрудничество этого бая-мерзавца с лидерами фашизма!

Как и почему Тито с компанией поступили таким образом — не мое дело выяснять. Это дело самих югославов и, как известно, они сами в процессе никогда не прекращавшейся междоусобицы в один прекрасный день выводят друг друга на чистую воду. Так было в последнее время и с рядом документов, подтверждающих давно опубликованные заявления о переговорах Тито с немецкими захватчиками[2].

Во время хороших отношений между нами и КПЮ мы

---

1 По поручению центрального комитета Баллы Комбетар, один из его лидеров, Али Кельцюра, подписал в марте 1943 года с главнокомандующим итальянскими фашистскими оккупационными войсками, Р. Дальмацо, тайный протокол о сотрудничестве против национально-освободительных сил.

2 Речь идет особенно о книге официального биографа Тито, Владимира Дедиера «Novi prilozi za biografiju J. B. Tita». (Другие дополнения к биографии Тито) (2) Rijeka, 1981. Целая глава этой книги через подлинные документы рисует точную картину соглашения, по личному приказу Тито заключенного в марте 1943 года между посланцами Генштаба ЮНОА и представителями верховного командования нацистской армии в Югославии.

с уважением слышали о жестоких и кровопролитных сражениях, проведенных в Сутескской долине в мае-июне 1943 года. Мы слышали об исключительном героизме, проявленном там югославскими партизанскими бригадами, слышали о беспримерной смелости и мужестве сербских, черногорских, хорватских, словенских и других партизан, командиров и комиссаров. Говорили, что этими силами руководил сам Тито и что в те дни он был даже ранен.

Но затем мы узнали, что вся кровь, пролитая в Сутеске, гибель тысяч доблестных партизан и партизанок в этой битве явились результатом измены самого Тито. Личные посланцы Тито, три из главных работников югославского Генштаба, пресловутые Милован Гьиляс, Коча Попович, Владимир Велебит, по условиям немецкого командования с белыми флагами в руках пошли на переговоры с главарями немецкой армии, подписали с ними соглашение «о перемирии» и вернулись к Тито с нацистскими заверениями. «Полководец» Тито подумал, что настал час рассчитаться с внутренними противниками, с четниками и усташами, он внушал работникам своего штаба, что не надо опасаться нацистского наступления. Притупилась бдительность, главным врагом были названы усташи. И пока штаб Тито жил эйфорией победы, а партизанские бригады занимались строевой подготовкой (Тито готовился принять парад вступления на трон), нацистский штаб скрытно сосредоточивал свои дивизии и окружил в узкой лощине все главные силы югославской НОА. Настолько большой была эйфория, вызванная Тито у штабов, что, даже, когда стали поступать вести об увеличении немцами группировок сил, люди Тито смеялись над этими донесениями и над теми, кто их приносил.

Именно в эти моменты и началась трагедия. Свежие немецкие войска, поддерживаемые авиацией и артиллерией, устроили настоящую бойню. Измена Тито обошлась кровью 6000 сербских, боснийских, черногорских, хорватских, словенских и других мужественных партизан и партизанок. Сам главный автор этой мрачной истории, Тито, как он сам признался, спасся только случайно ... благодаря бульдогу, бла-

годаря своему личному бульдогу, который бросился на главнокомандующего и прикрыл его своим телом!

Тито остался в живых, чтобы продолжить и крупный заговор, составленный им против нашей партии и нашего народа. Но я уже говорил, тогда мы не знали и даже представлять себе не могли, чтобы руководитель, каким был в нашем представлении Тито, мог совершать подобные вещи. За то, что мы узнавали и что мы считали неправильным, вину взваливали на югославских посланцев, как это было в случае с Блажо Йовановичем вначале, с Темпо весной и летом 1943 года и в целом ряде других случаев. Но будем продолжать с Темпо.

После острого спора по политическим вопросам, происшедшего между нами в Куцаке, у нас был, так сказать, смешной инцидент и с женой Темпо, Милицей, которую в то время он брал с собой в качестве секретарши. Перед своим отъездом «балканская голова» захотела забрать единственную у нас рацию. Мы, конечно, не могли ее отдать. Но, когда Темпо упорно настаивал, в основном в виде просьбы, по-товарищески, в разговор вмешалась Милица, которая в какой-то мере авторитарным тоном стала убеждать нас в том, что нам рация не нужна была, а для Темпо она имела большое значение. Я разгорячился и невежливо сказал ей:

— Ну ты там замолчи, чего ты вмешиваешься, стала словно Геральдина[1] ...

Она оскорбилась и заплакала. Я принес ей извинения. Темпо стал успокоить ее, объяснив, что «Энвер сказал это в шутку». Этим инцидент был исчерпан.

Темпо покинул Куцаку очень недовольный. Не успокоили его ни одобрительные слова его «друга», Кочи Дзодзе, ни одобрительные реплики «теоретического характера» Сейфулы Малешова. Оба они — единственные наши товарищи, которые в той или иной мере одобряли обвинения Темпо. Где будет потеха, это мы должны были узнать позднее.

Со времени этого конфликта и вплоть до освобождения

1 Жена бывшего короля Албании, Ахмета Зогу.

Албании мои глаза больше не видели Светозара Вукмановича. Мы взаимно создали самое дурное мнение друг о друге. Факт, что он больше не приходил, или же ему не разрешали приходить в наш штаб ни «случайно», ни «официально». Однако от «албанского вопроса» в рамках взятой им на себя «балканской миссии» Темпо не мог отказаться. А после этого, не имея возможности непосредственно сталкиваться с нами, свое антиалбанское дело он продолжит «издалека» и косвенно: своими полными клеветнических выдумок и обвинений письмами, разъезжая по нашим пограничным районам, вступая в спор с нашими работниками и партизанами в этих районах и т.д. Он создаст нам бесконечные проблемы, трудности и препятствия, составит заговоры и расставит ловушки, но в процессе борьбы за расстройство всех его происков мы еще лучше узнаем истину и о «миссии Темпо», и о тех, кто возложил на него эту миссию.

Черные тучи над старой раной

Несмотря на первые трения и дурное впечатление, которое сложилось у нас о двух посланцах югославского руководства в первой половине 1943 года и вплоть до августа того же года, мы никак не охладили прежние чувства и не изменили прежнее дружеское отношение к КПЮ и ее руководству. Мы всегда считали, что незачем было смешивать руководство партии и тем более самую партию с одним или двумя ее работниками, страдавшими комплексами высокомерия и чванства, самодурством и манией диктата.

Именно потому, что рассуждали так, мы на каждом своем шагу старались подняться выше возникавших трений и недовольства. Тщательно обдумывали наши действия и со всей коммунистической искренностью боролись за упрочение братской дружбы и солидарности со справедливой борьбой народов Югославии и Коммунистической партии Югославии. В нашей пропаганде, на собраниях, совещаниях и

других мероприятиях с коммунистами и массами мы открыто говорили о дружбе с народами Советского Союза, с другими братскими народами и в этом плане и с народами Югославии. Всемерно пропагандировали успехи их борьбы, считая их своими успехами.

Это было очень хорошее дело с нашей стороны, однако не следует думать, что в этом направлении все удавалось нам легко и без трудностей. Фашистская пропаганда, как и пропаганда предательских правительств мустаф мерликов с компанией, изливала потоки антиславянской желчи, вытаскивала из-под сукна и публиковала в печати старые раздоры и неприязнь в отношениях между нашими народами, проливала крокодиловы слезы о прежней крови и страданиях жителей албанских краев Севера в условиях геноцида великосербов. Все это не могло остаться безэффектным. Этой пропаганде еще больше способствовал тот факт, что реакция манипулировала так называемым фашистским «освобождением» Косовы, как и соединение ее и некоторых других албанских краев со стволом своей родины, оккупированной наци-фашистами. Помимо этого, в первые же месяцы после основания партии для нас сложилось весьма неблагоприятное обстоятельство: когда весной 1942 года в руки фашистов попала одна из основных баз печати ЦК партии в Тиране, СИМ[1] заодно с нашими фамилиями узнал также о Миладине Поповиче и Душане Мугоша.

Газетенки фашизма и коллаборационистов стали изливать на нас желчь, называя нас «подкупленными» Москвой и сербами. Эти газетенки «выдвинули» Миладина и Душана ни больше ни меньше, как на пост «лидеров» нашей Коммунистической Партии(!), а нас обвиняли в борьбе за «присоединение» Албании к Сербии! (В водовороте этой гнусной пропаганды оказался впоследствии также Баллы Комбетар, а позднее ..., страшно даже думать об этом ..., точно как итальянские фашисты, такие как Париани, и как албанские фашисты, такие как Мерлика и Али Кельцюра, одинаковые

1 Servizio Informazioni Militari. (Воинская разведывательная служба фашистской Италии).

термины применяли в отношении нашей партии, так обзывали ее Тито и его приближенные касательно роли Миладина и Душана!)

Я привел все эти факты для того, чтобы показать, что дело, за которое с самого начала взялась наша партия, то есть дело создания и укрепления интернационалистской дружбы с народами Югославии и с Коммунистической партией Югославии, не было легким, напротив, было оно очень трудным и дерзновенным предприятием. Мы взялись за это дело, невзирая ни на что, и никогда не опасались того, что народ не поймет нас, что этим мы можем оттолкнуть от себя массы, что мы можем утратить влияние и лишиться руководящей роли во фронте и в борьбе. Народ понимает тебя, если ты умеешь объяснять ему правду, а главное, если ты сам остаешься ей верным до конца. Это факт, что мудрое слово нашей партии было воспринято албанским народом. Еще в годы войны мы заложили прочные основы для установления в будущем теснейших, самых братских отношений между нашими народами и нашими партиями.

Гораздо более щекотливой и сложной представлялась в этот период проблема других албанских краев, насильственно присоединенных к Югославии до и после первой мировой войны, и которые еще в 1941 году наци-фашизм в своих целях вновь соединил со стволом Родины.

Мы, как албанцы и коммунисты, всегда и вполне сознательно считали большой исторической несправедливостью расчленение нашей Родины в 1913 году. То же самое, как коммунисты и как албанцы, мы по праву считали не истинным разрешением дела, а игрой и большим обманом то, что сделали наци-фашисты в 1941 году в связи с албанским национальным вопросом.

Косова и другие албанские края присоединились к стволу своей Родины для целого ряда определенных целей, а не для исправления несправедливости прошлого. Этим «присоединением», во-первых, удовлетворялись старые амбиции и стремления фашистской Италии захватить как можно более обширные территории на Балканах. Во-вторых, этим «при-

соединением» иерархи фашизма, выдавая себя за «освободителей», стремились оттолкнуть албанское население, особенно Северных краев, от Национально-освободительной борьбы. Посредством такого «разрешения» они особенно старались нейтрализовать и бросить в объятия фашизма тех националистов и другие патриотически настроенные элементы, которые в кафетериях Европы или кабаках времен Зогу клялись и переклялись в том, что горели желанием увидеть Родину воссоединенной! Теперь фашизм говорил им: «вот повинуйтесь фашизму и служите ему, ибо он принес вам воссоединение так, как приносят зрелое яблоко и кладут его на комод в спальне ...»! Итак, это фашистское «присоединение» преподносилось различным квислинговским албанским правительствам, послушным орудиям фашизма и всей албанской реакции для того, чтобы они использовали его как тогу «патриотизма» в своей пропаганде, рассчитанной на надувательство народа, и особенно в своей пропаганде против нашей Коммунистической Партии, которая призывала всех — от мала до велика ко всеобщей борьбе за свободу.

В то же время этим «присоединением» с помощью оружия фашизм и нацизм сохраняли все предлоги для продолжения во все времена старых раздоров и распрей между соседними народами на Балканах. А это не только потому, что и это «присоединение» было совершенно порочным, произвольным и полным умышленно оставленных очагов будущих распрей и столкновений, но еще и потому, что в рамках фашизма оно не имело никакой почвы под собой и не давало никаких гарантий на будущее. Его очень легко можно было изменить, смотря по интересам фашистских захватчиков и по конъюнктурам. В условиях фашистской оккупации не имели никакого значения и никакого смысла границы между государствами и странами — все они жили в терроре, всем им грозила бойня гитлеровской и муссолиновской империи.

Можно перечислить и привести много других факторов и причин, объясняющих характер «присоединения», про-

изведенного наци-фашистами в Албании в 1941 году, и на историческом фоне того времени это остается одной из задач наших историков. Я привел лишь некоторые из них только для того, чтобы подчеркнуть, почему мы, албанские коммунисты, не поддались разнузданной пропаганде, которая велась в тот период в связи с этой щепетильной проблемой нашей истории.

Мы открыто говорили партии и народу, что наш национальный вопрос вообще, а стало быть и вопрос о Косове и других албанских краях, присоединенных к старой Югославии, никогда не могли быть разрешены наци-фашизмом. Никак нельзя было ждать, чтобы полчища, которые жгли и разоряли всю Албанию, «освобождали» и «закрепляли» часть ее.

Не поддавайтесь демагогическим махинациям правителей-предателей и лидеров Баллы Комбетар, со всех крыш трубящих о «великой Албании» и об «этнической Албании», говорили мы народу. Никогда не могут выступать за дело албанского народа те, кто все времена выставлял на аукцион всю Албанию, продавая ее тем, кто больше им платил. Их «патриотизм» — просто блеф. Дела нашей страны и нашего народа не могут быть разрешены лакеями фашистов.

Только беспрерывная борьба с фашистами и их сообщниками, указывали мы народу, обеспечит разрешение нашей национальной проблемы, составной частью которой является и исправление исторических несправедливостей. За это, говорили мы ему, борется наша Коммунистическая Партия, по такому пути ведет народы своей страны и Коммунистическая партия Югославии.

Народ понял нас и без всяких колебаний включился в решительную борьбу, будучи уверенным, что мы вели его по правильному пути.

Что же касается населения Косовы и других албанских краев в Югославии, дело представлялось более трудным. Оно неожиданно оказалось перед фактом «разрешения» своей самой существенной проблемы: было сброшено сербское ярмо, его края присоединились к стволу, от которого

были отколоты, была создана администрация из албанцев, люди ездили из Тираны в Приштину и обратно, открылись школы на албанском языке, стали выходить газеты и печататься книги на албанском языке и т.д. и т.п. Это было своего рода «освобождение», но зато «освобождение» от старого ярма, чтобы подпасть под новое ярмо, под ярмо фашизма.

Именно в таких условиях и был поставлен вопрос о мобилизации албанского населения этих местностей на борьбу с захватчиком, выдававшим себя за «освободителя». Только другое, гораздо более прочное, совершенно правильное, верное и обнадеживающее решение вопроса могло побудить население Косовы немедленно и всеми силами подняться на борьбу с захватчиком-«освободителем».

Такое решение было по плечу только нашим коммунистическим партиям.

Это могло быть достигнуто двумя путями:

Первый путь — Коммунистическая партия Албании должна была, совершенно оставив в стороне фашистское «решение», развернуть работу среди населения Косовы и открыто обратиться к нему с призывом: вставайте и под руководством Коммунистической партии Албании бейте новых захватчиков, наци-фашизм, присоединяйтесь к Антифашистскому национально-освободительному Фронту Албании, создавайте отряды, батальоны и бригады, которые сражались бы под командованием Генерального Штаба Албанской Национально-освободительной армии, вставайте же на последний бой, который избавит нас от ига нового, как и всякого другого захватчика.

Второй путь — народ Косовы должен был подняться на борьбу под руководством КП Югославии, в полном единстве с народами Югославии, под командованием Генерального штаба Югославской НОА.

Оба этих пути должны были обеспечить осуществление одной единственной цели: посредством вооруженной борьбы выгнать наци-фашистских захватчиков и в результате ее справедливо, раз и навсегда, как это мечтал и желал народ,

разрешить нашу национальную проблему, а потом и все остальные проблемы.

Вне всякого сомнения, первый путь имел многочисленные и большие преимущества в деле мобилизации народа Косовы и других албанских краев на борьбу. Это, в свою очередь, естественно, создало бы гораздо больше преимуществ и возможностей также для пропаганды и вообще для борьбы нашей партии во всех остальных частях Родины. В то же время мобилизация на борьбу масс косовцев, показавших себя настоящими богатырями в битвах и сражениях, была бы вкладом и в борьбу народов Югославии и Балкан в целом.

Но, как известно, был выбран второй путь. Коммунистическая партия Югославии потребовала, чтобы население Косовы и других албанских краев Югославии поднялось на борьбу под ее руководством и сразу же после войны само определило вопрос о своем будущем в соответствии с ленинским положением о праве на самоопределение. Мы нашли это требование разумным и справедливым.

Мы нашли ее таким отнюдь не потому, что «этого требовала КПЮ». КПЮ могла требовать от нас, как и потребовала, многого, но мы с самого начала согласились лишь на те ее требования, которые марксистская логика находила справедливыми. Так было и в данном случае. В этом не сказалось и «соображение» о том, что, «если народ Косовы поднимется под руководством КПА, этого навряд ли поймет сербская или черногорская реакция, а это доставило бы хлопоты Коммунистической партии Югославии». Антикоммунистическая реакция и реакция против национально-освободительной борьбы была не только в Югославии, но и в Албании. Так что этот факт доставил бы хлопоты обеим сторонам, а нам даже еще больше, ибо относительно косовского вопроса у албанской реакции была в руках карта истины.

Итак, более веские причины и соображения привели нас к выбору, с которым мы согласились.

Мы знали, что Коммунистическая партия Югославии была партией, созданной в стране, состоящей из многих на-

ций и народностей, которые из-за горького прошлого югославского государства не обладали никаким единством внутри югославского королевства. Наоборот, в результате жестокой угнетательской и шовинистической великосербской политики в отношении других народностей и наций внутри бывшего королевства, неуклонно усиливались новая и старая рознь, вражда и распри. Вдобавок усилия буржуазии и реакции каждой части страны к отколу, отделению или установлению своей гегемонии над остальными частями всегда были более чем очевидными и играли свою роль. А самое главное в том заключается, что после наци-фашистской оккупации в апреле 1941 года югославское королевство перестало существовать. Македония была поделена между Болгарией и Италией; Сербию, часть Словении и другие края оставила себе фашистская Германия; Черногория, Косова, Дальмация, Хорватское побережье и южная часть Словении были переданы Италии; так называемое независимое хорватское государство, порождение нацизма, включило в себя, помимо Хорватии, и другие территории, оторванные от других краев бывшего югославского королевства, и т.д. У такого искусственно склеенного государства-амальгамы, каким было югославское королевство, не могло быть другой участи, кроме всевозможных отколов, штопанья и искусственного приклеивания.

Но момент был не для обсуждения вопроса о том, нужно ли было сохранять созданное югославским королевством «единство». Это был и должен был быть вопросом будущего. Кардинальный вопрос заключался теперь в обеспечении объединения всех этих народностей на общую и решительную борьбу за свое освобождение. Это могла и должна была сделать Коммунистическая партия. Но, поскольку Коммунистическая партия Югославии была создана и действовала на федеративных основах, и теперь, независимо от того, что Югославия была разрушена, партия должна была сохранять прежнюю структуру своего строительства и функционирования. Иначе нельзя было поступать. В противном случае сама партия должна была либо распасться, расчлениться и

реорганизоваться на основе бывших государств, составлявших старое югославское королевство, либо перестать существовать. Эта угроза была неминуемой.

Как известно, после апреля 1941 года известный период времени партийная организация Македонии, как составная часть КПЮ, прервала всякие связи с ЦК КПЮ и вступила в связь с ЦК Болгарской коммунистической партии.

Прямо говоря, это значит, что в этой части старой Югославии КПЮ перестала существовать. Если бы и мы поступили так же с партийной организацией Косовы и других албанских краев, то, хотя эта организация была небольшой, КПЮ перестала бы существовать и в Косове и других краях бывшего югославского королевства, присоединившихся к Албании. В дальнейшем того же самого могли потребовать итальянская компартия в отношении территорий, которые были присоединены к Италии, КП Венгрии в отношении территорий, которые были присоединены к Венгрии и т.д. Следовательно, перспектива была такова, что добрая часть КПЮ должна была распасться и войти в состав коммунистических партий, действовавших в странах, к которым были присоединены части бывшего югославского королевства. Остальная же часть ее должна была либо исчезнуть, либо реорганизоваться в отдельные коммунистические партии в Сербии и Хорватии. Это в те моменты было бы опасным лавированием без каких-либо положительных результатов. Более того, подобные реорганизации были совершенно невозможными, к тому же время и условия были таковы, что не было возможности даже обсуждать подобные вопросы. Итак, в интересах неотложной и кардинальной проблемы данного момента — организации всеобщей борьбы против нацифашистских захватчиков — нужно было принять прежний статус КПЮ и способствовать его сохранению. Иначе, от этого пострадала бы не только КПЮ. Прежде всего пострадала бы борьба народов Югославии: они или остались бы без руководства, или, при отсутствии руководства коммунистической партии, их могли поднять на борьбу реакция,

Дража Михайлович с компанией, англо-американские союзники и др.

Вероятно, именно так рассуждал и Исполнительный Комитет Коминтерна, принимая решение о том, чтобы партийная организация Македонии порвала установленные после апреля 1941 года связи с Болгарской коммунистической партией и вступила в связь с Коммунистической партией Югославии, составной частью которой она была уже давно. Именно так рассуждали и мы с самого начала, определяя свою позицию в вопросе о том, кто должен был организовать борьбу населения Косовы и других албанских краев, когда-то присоединенных к старой Югославии, и кто должен был непосредственно руководить этой борьбой. Но, подчеркиваю, даже идя на такую уступку КПЮ в период войны, мы не допустили нарушения хоть сколько-нибудь ленинско-сталинских принципов национального вопроса и, в особенности, основного принципа — принципа о праве на самоопределение вплоть до отделения. Этот принцип, о котором КПЮ заявляла, что будет осуществлен на основе доброй воли всеми нациями и народностями бывшего югославского королевства, тем более должен был быть осуществлен народом Косовы и других албанских краев, когда-то присоединенных к нему. А это потому, что вопрос об этих краях и заселявшем их албанском населении коренным образом отличался от вопроса о Македонии, Сербии, Словении, Черногории и т.д. Если касательно каждой из этих стран речь шла о народах и странах одной и той же нации, составлявших самостоятельную единицу в пределах или за пределами старой Югославии, то с Косовой и другими албанскими краями дело обстояло совершенно иначе. Они были частью одного и того же народа, одной и той же нации, которые не только искусственно, но, а это самое главное, произвольно были присоединены к Югославии. Их стволом была Албания, они были частью этого ствола. В составе Югославии они не составляли самостоятельной нации, самостоятельной единицы, как некоторые другие. Именно поэтому, даже если бы население этих

албанских краев поднялось еще в те моменты на борьбу под руководством действовавшей на Родине-матери Коммунистической Партии, то от этого нисколько не пострадали бы ни КПЮ, ни боевое единство остальных народов бывшего югославского королевства. Но, как я уже сказал, мы решили уступить в этом КПЮ лишь потому, что не хотели дать повода для возникновения ненужных и вредных для тех моментов дебатов и дискуссий. Мы пошли на такую уступку, так как в противном случае другие, будь это даже националистски настроенные элементы внутри КПЮ (таких в ней было много) или работники коммунистических партий соседних стран, могли использовать это в качестве «предлога». Не было время объяснить им, в чем заключалась особенность Косовы и других албанских краев, не было время для подобных дебатов и дискуссий. Или, если бы в них возникла необходимость, ими можно было заняться потом. Главным теперь было поднятие народов на всеобщую борьбу против фашистской оккупации. Позднее, когда создадутся условия и возможности, когда к власти придут наши коммунистические партии, тогда да — все будет поставлено на правильный путь и будет окончательно решено в соответствии с желанием самих народов.

Так мы думали и так поступили. По-моему, мы думали правильно и поступили правильно, как зрелые коммунисты, проявляющие острое чутье при подходе к деликатным вопросам, как коммунисты, которые дело своей партии и своей страны не отделяют от общего дела, а интересы продвижения вперед борьбы в своей стране умеют даже в самые трудные моменты тесно связывать с высокими интересами продвижения вперед и в других странах борьбы за национальное и социальное освобождение.

Разумеется, принимая решение занять такую позицию, мы учли все трудности и многочисленные проблемы, которые будут созданы нам особенно реакцией. Но нельзя думать, что и в самой нашей партии все было понято и одобрено сразу и всеми. Имелись товарищи, которым нелегко было понять, почему теперь косовский народ не должен был под-

няться на борьбу под нашим руководством, были и другие, особенно недовольные элементы, закореневшие в старом духе групповщины и мании величия, которые оказывали на нас даже открытое давление и открыто вмешивались, требуя, чтобы мы изменили свою позицию.

В книге «Когда родилась партия» я писал о том, как Кочо Ташко пригрозил нам направить Коминтерну письмо, в котором он ставил ряд вопросов в духе, противоречавшем линии партии[1]. Одним из этих вопросов был вопрос о нашем отношении к Косове и другому албанскому населению в Югославии.

— Что это такое! — говорил Кочо, — Косове подчиняться ЦК КПЮ?! Ведь это албанская земля, заселенная албанцами, и теперь, когда у албанцев своя Коммунистическая Партия, нет смысла в том, чтобы одними руководила наша партия, а другими — югославская.

— Главное в том, чтобы народ как здесь, так и там, поднялся на борьбу; главное в том, что обе наши партии — коммунистические и борются за общее великое дело, — говорил я ему. — То, что народ Косовы поднимется на борьбу под руководством КПЮ, это касается только военного периода и делается в интересах борьбы.

— Я этого не понимаю, я протестую, — вскричал Ташко. — В письме, о котором я тебе говорил, об этом также напишу Коминтерну! — пригрозил он в заключение.

— Согласен, — ответил я. — И об этом напиши!

Он написал письмо, но, как я уже говорил где-то в другом месте, позднее он отказался от этого, взял письмо обратно, а на I Национальной партийной конференции выступил даже с самокритикой в связи с изложенными в нем взглядами.

Мы продолжали свой путь с коммунистической уверенностью в том, что успешное завершение борьбы наших народов и существование наших коммунистических партий

---

1 Энвер Ходжа, «Когда родилась партия (Воспоминания)», второе албанское издание, стр. 367-369, Тирана, 1982.

явятся самым надежным залогом того, что сразу же после войны вопрос Косовы и других албанских краев, «присоединенных» к старой Югославии, будет раз и навсегда и окончательно разрешен.

Сам ЦК КПЮ не раз заявлял, что относительно национального вопроса он останется верным ленинско-сталинской теории об этой проблеме: положению о праве нации на самоопределение вплоть до отделения.

Они говорили и заявляли так о целых нациях бывшего королевства, составлявших там единые государства, и поэтому заявления эти имели еще большее значение для справедливого разрешения вопроса о той части Албании, которая была искусственно и несправедливо присоединена к Югославии. Раз каждой нации в целом будет позволено свободно решать о своем будущем, тем более это будет позволено части нации, насильственно присоединенной к чужому телу. При этом я имею в виду не 10 или 100 деревень какого-то национального меньшинства, а обширные края, равные по своей величине половине всей территории Родины, имею в виду не 500 или 5000 жителей какого-то национального меньшинства, а такое население, которое по численности своей не меньше остальной части албанского народа.

Итак, мы верили, что все это понимали так и югославские коммунисты, и мы учли все трудности и препятствия, которые будут вставать перед нами. Пусть Косова из былого яблока раздора превратится в край, где будут утверждены дружба между народами и их боевое братство, в край, где будет испытано умение коммунистических партий мудро и благоразумно решать все проблемы, полученные в наследство от истории. Мы успешно выдержали наше испытание. Очередь была за югославскими товарищами на практике доказать свою преданность и верность своим принципиальным заявлениям.

Тем временем мы еще больше усилили нашу работу и нашу помощь в направлении расширения борьбы в Косове и других албанских краях. Известно, что еще в 1940, но особенно в 1941 году из наших коммунистических групп пое-

хало туда немалое число коммунистов косовского происхождения с целью работать и бороться там. Югославы прислали к нам двух человек, а мы к ним — сорок двух, не предъявляя при этом никаких притязаний на то, что они должны были поддерживать связи с нами. После соединения Косовы и некоторых других краев с родным стволом, коллаборационистские албанские правительства направили туда сотни государственных служащих, учителей и др. с целью создания там албанской администрации, открытия школ на албанском языке и т.д. Мы, используя эту легальную возможность, сделали все возможное и смогли включить в состав этих людей много сочувствующих и патриотов, дав им указания вести широкую разъяснительную работу среди косовского населения и помочь ему подняться на борьбу за свободу.

В течение 1942 года наша помощь и усилия к пробуждению и поднятию на борьбу албанского населения этих краев еще больше увеличились. Учитывая существовавшие там большие трудности, мы, несмотря на то, что сама наша партия была молодой партией с относительно малым количеством членов, решили все-таки направить в эти зоны ряд других товарищей из нашей партии происхождением из Косовы, Дибры и др. Как через этих товарищей, так и через пропагандистские материалы мы призывали население этих зон бросить всякие иллюзии насчет так называемого освобождения, которое им якобы принес фашизм, и включиться наряду с другими народами Югославии под руководством КПЮ в борьбу за то, чтобы сбросить иго фашизма — главного врага, засевшего в наших очагах.

Подобные усилия прилагала и с подобными призывами обращалась к населению Косовы и других краев и КПЮ, которой по ее же требованию была поручена мобилизация на борьбу народа этих краев и руководство им.

Однако это факт, что ожидаемых результатов не было. Конечно, в этих «колебаниях» сказывалась вся игра нацифашизма с так называемым освобождением этих зон, сказывались внутренняя реакция, большая отсталость, унаследо-

ванная в этих зонах от прошлого. Мы учитывали все это. Однако следует не забывать и о другом: включению в должной мере в борьбу этого населения мешала, причем серьезно, неправильная, нечеткая и неясная линия, которую проводила по отношению к нему сама Коммунистическая партия Югославии.

Много заявлений делала эта партия о своем отношении к национальному вопросу, однако она ни в одном из них не выражалась четко и недвусмысленно о послевоеннном будущем Косовы и других албанских краев. Это не могло не дезориентировать и не тревожить албанское население этих краев, потерпевшее как до первой мировой войны, так и после создания югославского королевства, большие лишения и испытавшее на себя самые бесчеловечные методы истребления. Из самых различных источников к нам поступали сведения о том, что албанское население в своих краях в Югославии не питало доверия к Коммунистической партии Югославии и ее слову, что оно с подозрением относилось к тому, как она поступала в Косове и в других краях.

Мы считали разумным тот факт, что в Косове и Дукадьинской Равнине (край, названный сербами Метохией) был создан Краевой Комитет КПЮ для этих зон, поддерживавший непосредственные связи с ЦК КПЮ. Это прямо или косвенно давало понять, что руководство КПЮ рассматривало Косову не как поместье Сербии, а так же, как и другие края — Македонию, Сербию, Словению и др.

Однако, если создание Краевого Комитета на таком уровне являлось положительным шагом, то в его составе и функционировании не было почти ничего албанского, хотя подавляющее большинство косовского населения составляли албанцы. Как в Комитете, так и в других созданных там органах, преобладали сербы или черногорцы, хотя в Косове сербское и черногорское население составляло небольшое меньшинство. Югославы не только не считались с патриотическими чувствами албанцев, с их любовью к своей Родине, не говоря уже об их желании присоединиться к Родине-матери, но и накладывали на них печать «великоалбанских

настроений. Конечно, эти и другие факторы не могли не сказываться отрицательно как на развитии и росте партийной организации Косовы и Дукадьинской Равнины, так и на расширении участия албанского населения в борьбе. В то же время банды четников свирепствовали в албанских деревнях и городах этих краев. Нерешительность и отчужденность населения этих краев, страх перед ненадежным будущим, лихорадочная пропаганда реакции, изъяны и недостатки в организации и в работе Косовско-Метохийского крайкома КПЮ и т.д. — все это с каждым днем все больше и больше убеждало руководящих деятелей КПЮ в невесомости их роли в этих зонах.

Выше я говорил о встречах и трениях с Вукмановичем Темпо весной и летом 1943 года. Вопрос о поднятии на борьбу албанского населения Косовы и других албанских краев составлял другую большую «заботу» Темпо. Он, как и обо всем, излил все, что у него накопилось, грубо высказавшись об «албанцах, которые становятся резервом врага», но и я не пожалел своего словаря.

— Убедите, — сказал я ему, — косовское население в том, что борьба, которую мы ведем, приведет его к решению его проблемы так, как этого оно желает, дайте ему заверения и гарантии в этом, покажите ему на конкретных примерах из вашей практической деятельности, что вы ведете его именно к такому решению, и вы увидите, что косовцы будут идти в авангарде антифашистской борьбы. У албанского народа никогда не было в привычке объединиться с врагом.

— Как же их убедить?! — отозвался он, — у всех их на уме одна только «великая Албания»!

— Что у них на уме Албания, это более чем естественно, — заметил я, — и не старайтесь выбить это из их головы, ибо этого вы никогда не добьетесь. Национальный вопрос это жизненный для них вопрос, и именно за это нужно ухватиться. Когда будут уверены, что борются за справедливое разрешение национального вопроса, они обязательно поднимутся на борьбу с нынешним врагом Албании, Югославии

и всего человечества, с фашизмом. Во-вторых, — продолжал я и уставился на него глазами, — особенно мы, коммунисты, должны быть очень осторожными в употреблении терминов. Мне очень неприятно, когда и вы кстати и некстати употребляете выражение «великая Албания».

— Почему?! — спросил он. — Чего тут плохого?!

— Все плохое, которое включают в него его авторы, реакционеры всех мастей — албанцы, сербы, фашисты, нацисты и еще кто угодно. Этот термин употребляется только ими и в их интересах, — ответил я ему.

— Извините уж, но вы очень меня оскорбляете, — протестовал он. — Я вас не понимаю.

— Тогда я действительно очень сожалею о том, — ответил я, — что вы, самый большой «эксперт» по балканским вопросам, здесь, среди нас, говорите, что не понимаете, в чем заключается ошибка. Лозунги и понятия «великая Албания» или «малая Албания», товарищ Темпо, в любое время, кем бы они ни употреблялись, являлись антиалбанскими лозунгами, противоречавшими объективной исторической действительности. «Большой» или «малой Албании» не было и о ней не может быть и речи. Была и есть только одна Албания, которая, независимо от махинаций реакции всех времен, то есть, независимо от того, что была урезана, искалечена, расчленена, все-таки остается одной и единой, как нация и страна, заселенная людьми одной и той же крови, одного и того же языка, одной и той же культуры, одной и той же истории, одного и того же психического и национального склада — албанцами.

— Согласен, согласен! — гневно сказал он. — Но такое выражение я слышал и от вас самих, встречал его в ваших материалах или беседах.

— В таком случае мне приходится посоветовать вам лучше читать их и слушать нас. Мы никогда не выдвигали и не будем выдвигать вопроса о «великой» или «малой Албании». Для нас этот вопрос не подлежит обсуждению. Наоборот, в наших беседах и материалах мы бичуем и разоблачаем всякого рода реакционеров, которые подобными

антиисторическими и антиалбанскими «творениями» стараются доказать свой «патриотизм», изображая из себя в глазах народа пламенных борцов «за национальный вопрос». Лозунгом «великой Албании» они стремятся оторвать наш народ от партии и подорвать Национально-освободительную борьбу как здесь, так и в Косове и других албанских краях. Одним словом, товарищ Темпо, — заключил я, — только в подобных случаях и в этом смысле мы употребляем термин «великая Албания», но мы никогда не допустим создания мнения о том, будто, раз мы обличаем носителей псевдолозунга «великой Албании», значит мы выступаем за какую-то «малую Албанию». Я уже говорил вам, мы не стоим ни за «большую», ни за «малую». Мы за ту Албанию, которая как территория и как нация одна и только одна.

— Понимаю вас, понимаю, — заметил он, — однако Балканы очень запутанные, очень сложные. Думаю, что не может быть человека, способного ножом определить границы стран этой территории так, чтобы удовлетворить всех и всем заткнуть рот.

— Это правда, — проговорил я. — Но в случае с Албанией речь идет не о склоне какого-нибудь холма, о дне какого-нибудь ручья, не об одной или пяти деревнях спорной принадлежности. Речь идет о целых равнинах, горах, городах и краях, произвольно отторгнутых от их ствола и присоединенных к чужому стволу. В данном случае не ставится вопрос о применении хирургического ножа, с тем чтобы не срезать нечаянно какую-нибудь чужую жилу. Речь идет об обширных и неоспоримых албанских краях.

— Не могу сказать, что хорошо знаком с этими вопросами, — сказал «балканик». — Знаю только, что национальный вопрос на Балканах очень сложный и нам приходится действовать в этих сложных условиях. Я беспокоюсь о нынешней борьбе. Вопрос о поднятии Косовы на борьбу очень меня занимает.

— И для нас он составляет одну из самых серьезных забот, — заметил я. — Но будьте уверены, если вы сумеете вдолбить, втолковать косовцам мысль о том, что вопрос

об их будущем будет решен ими же по их желанию, то вся Косова поднимется на борьбу. Вы сами захотели взять в свои руки дело организации и руководства народом этих краев, а ведь если бы он вступил в связи с нами, то проблемы эти не возникли бы.

Пока я говорил так, Темпо с трудом сдерживал себя и меня поразило одно: относительно этого вопроса он не очень-то упорно отпарировал, видно было, что он колебался в нерешительности. В принципе он открыто признавал меня правым, и в самом деле я удивился, когда он, спустя некоторое время, признал единственным путем для поднятия Косовы на борьбу переход ее партизанских сил в подчинение Генерального Штаба Албанской Национально-освободительной армии.

Это произошло во время той продолжительной беседы, когда он выдвинул нам платформу «бродившей в его голове» идеи «балканского штаба». Как я уже говорил, на этой встрече каждый из нас высказывал свое мнение совершенно свободно, без какого бы то ни было официального обязательства, так что, когда речь зашла о Косове и я выразил свое мнение, Темпо ответил:

— Вы правы. Партизанские силы Косовы и Дукадьинской Равнины должны подчиняться вашему Генеральному Штабу. Лишь таким образом они поднимутся на борьбу.

— В этом мы никогда не сомневались, — отозвался я.

Промолчав, он добавил:

— Как бы то ни было, это лишь идея, предложение, которое может быть реализовано только в рамках «Балканского штаба». Однако я не могу делать ничего конкретного, не узнав также мнение товарища Тито.

Эти два последних «условия» еще больше усилили у меня подозрение в том, что за всем, что нам говорил этот югослав, таились темные цели. «Лично» он соглашался с тем, что косовские партизанские силы должны подчиняться нашему Генштабу (о чем они раньше никогда не говорили), но только... в условиях существования «Балканского штаба»! Это просто означало: пусть Косова будет подчиняться вашему

штабу, но зато сам ваш штаб должен подчиняться другому, большому, «Балканскому штабу», которым, несомненно, должен руководить новый «стратег» национально-освободительных войн, Иосип Броз-Тито.(!)

Не призван ли этот «штаб», тут же подумал я, поставить под свою команду, подчинить себе в военном и политическом отношении все наши страны, Балканы в целом?

Насколько я был прав в моих подозрениях, это подтвердилось несколько месяцев спустя: как лед в воде растаяла идея «Балканского штаба» и сразу — «запевай, ласточка, на иной лад» и в вопросе Косовы!

«Партизанские силы Косовы и других албанских краев в Югославии ни в коем случае не должны быть поставлены под команду албанского штаба!» — передали нам люди Тито.

Но не было ни надобности, ни места для других иллюзий и дебатов. С этим решением мы согласились с самого начала и если как-то было высказано новое мнение, то это в интересах развертывания борьбы в этих краях. Сам Темпо, который на миг притворился, будто правильно понимал путь оживления движения в Косове и других албанских краях, скоро должен был показать свое настоящее лицо великосербского и антиалбанского националиста. Разгневанный глубокими подозрениями, выказанными нами в отношении идеи Тито о «Балканском штабе» и особенно острым дебатом по поводу «оппортунизма», он усилил свои нападки и обвинения в адрес нашей партии и ее работников. Но теперь он нападал на нас «издалека», из-за границы, где постоянно странствовал в качестве «посла» Тито на Балканах и сторожевого пса былых владений бывшего югославского королевства.

К середине сентября мне вручили его письмо, полное яда и желчи, в котором наше партизанское командование и наши партизанские силы, действовавшие в Дибринской области, он называл «великоалбанцами» и «шовинистами» и даже приказывал нам принять строгие и срочные меры, иначе, угрожал он, «дело может дойти до вооруженного столкновения»!

Каковы же совершенные там нашими работниками и

партизанами большие погрешения, вызвавшие такую ярость у «посла» Темпо?

В сентябре 1943 года соединения нашей Национально-освободительной армии, действовавшие в Дибринской области под командованием товарища Хаджи Лэши, молниеносным и решительным нападением освободили город Дибра и во взаимодействии с македонскими партизанскими отрядами героически сражались за освобождение Кырчовы, Тетовы, Гостивара, Радостуши от итальянцев и в защиту этих освобожденных краев от немецких и болгарских фашистов и их сообщников!

Во всех этих краях наша партия и штаб Национально-освободительной армии Дибринской области пользовались у местного населения большим авторитетом и престижем, и теперь, когда города и деревни этих краев были освобождены нашими же силами, наш авторитет и престиж еще больше повысились. Этого не было с Коммунистической партией Югославии и с югославским штабом, и в такой обстановке мы сочли целесообразным, чтобы наши товарищи действовали не теряя времени. По нашим указаниям они развернули работу по установлению в Дибре антифашистской демократической власти, сразу же организовали национально-освободительный совет, содействовали созданию местной комендатуры, восстановлению партийной организации и т.д. В состав совета и комендатуры, кроме албанцев, вошли и представители македонского меньшинства.

Мы поступили так потому, что считали это братским, интернационалистическим сотрудничеством между двумя братскими партиями и братскими народами. Если бы мы не давали таких указаний или если бы наши товарищи поступали так, как велел Темпо, то достигнутыми нами в Дибринской области победами воспользовалась бы реакция; к тому же, в народе возникли бы большие как для нас, так и для КПЮ проблемы. Как я уже сказал, КПЮ не пользовалась никаким влиянием и никаким престижем в Дибре, без помощи и борьбы наших сил она не была бы в состоянии что-либо предпринимать.

Именно это и не нравилось Вукмановичу Темпо, который боялся откола Дибры от Югославии.

Его письмо отдавало шовинизмом и несусветным высокомерием. Излив весь свой гнев на наших работников и партизан, он грубым и самодурным тоном извещал нас об отданном им приказе: всех коммунистов и партизан из албанских территорий, некогда присоединенных к Югославии, поставить в распоряжение македонского штаба; Хаджи Лэши и его силы должны покинуть Дибру, и они могут снова вернуться туда только в случае, если этого захочет и когда этого захочет Темпо; только что созданный нашими товарищами в Дибре национально-освободительный совет должен порвать связи с нами и стать в распоряжение Вукмановича и т.д. и т.п. И как будто всего этого мало еще было, в заключение он обвинял нас, руководство КПА, в том, что мы «не выполняли свои задачи», «приказывал» нам принять меры против Хаджи Лэши, а затем его превосходительство осмеливалось закончить свое письмо «вежливой» формулой на манер Темпо: «Вы обязаны сделать это как можно скорее».

Грубая натура и крутой характер Темпо уже были известны мне, так что я не очень удивился тону, которым он обращался к нам. Что же касается выдвинутых им вопросов и отданных им приказов, я серьезно сомневался в том, чтобы они были плодом одной только его головы и его характера. И тем не менее у меня не было никаких аргументов думать, что все это исходило не от одного Темпо. В то же время я совсем не считал уместным ответить ему тем же тоном. Было время не обострять отношения между нами, коммунистами, а усилить борьбу с захватчиками. В связи с этим я тут же написал письмо товарищу Хаджи Лэши, в котором наказывал ему проявлять величайшую осторожность и не допускать никаких ошибок в отношениях с югославскими товарищами и в связи с вопросом македонского меньшинства в Дибре[1].

Вы, наказывал я в частности, должны вести широкую ра-

---

1 См. Энвер Ходжа, Избранные произведения, т. I, изд. на рус. яз., стр. 221-225, Тирана, 1974.

боту по укреплению в ходе борьбы братских отношений между албанцами и македонцами, ибо это в интересах наших братских партий и народов. Однако, продолжал я, мы считаем совершенно неправильным, при конкретных условиях, приказ Темпо об удалении отрядов НОА из Дибры лишь по «причине» того, что этот город находится в пределах границ старого югославского государства. Если мы поступим так как пишет Темпо, и оставим Дибру, то македонцы уже не будут хозяевами положения; вдобавок реакция нанесет им, а заодно и нам, тяжелые удары, а против нас она поведет еще более нещадную борьбу. Поэтому, указывал я, мы должны установить там нашу национально-освободительную власть, предоставить македонцам права, как нацменьшинству, добиться того, чтобы и они имели своих представителей в национально-освободительном совете и тем самым расположить к себе народ и завоевать его доверие. Только тогда, когда наши позиции станут прочными, когда позиции югославских товарищей в Косове, Македонии и других краях тоже окрепнут, наши силы могут покинуть Дибру, будучи уверенные в том, что достигнутые победы не будут вырваны у нас реакцией. После этого, что касается будущего этих зон, отмечал я в письме, то оно будет решено по установленному принципу, то есть после освобождения наших стран.

В те же дни я направил и Темпо письмо[1], в котором, сдерживая законное возмущение, спокойно и в духе взаимопонимания объяснял ему нашу правильную точку зрения.

Эта правильная позиция ЦК КПА еще больше взбесила Темпо. Обуреваемый старым угаром славянского шовинизма, он вновь направил письмо ЦК КПА. Новое его письмо[2] было насквозь пронизано шовинистическим духом. В самом начале письма он отмечал, что «главным врагом» в Македонии и в Косове была «великоалбанская реакция»(!), а не

1. См. Энвер Ходжа, Избранные произведения, т. I, изд. на рус. яз., стр. 235-238, Тирана, 1974.

2 Оригинал этого письма С. В. Темпо, направленного ЦК КПА 23.9. 1943 г., хранится в ЦПА.

немецкие захватчики (?), и, по его мнению, «основная задача» заключалась в «разгроме» этой реакции. Однако осуществлению этой задачи, по словам Темпо, мешали наши партизанские силы, освободившие эти края (!), и он доходил до заявления о том, будто наши партизанские силы по сути дела вели себя так же, как и реакция! Еще раз потребовав выполнения данного им приказа об удалении всех албанских партизан из Дибры и свержения городского национально-освободительного совета, созданного с помощью КПА, он писал:

«Лучше иметь наш, югославский совет, который будет проводить югославскую линию, даже и если он не будет пользоваться авторитетом, чем иметь совет, который пользуется авторитетом, но не придерживается югославской линии!».

Читая вслух это письмо некоторым товарищам из нашего руководства, я замечал, что находившийся среди нас Миладин Попович с трудом сдерживал себя.

— Что Темпо высокомерный и грубый, это я давно знал, — сказал в один момент разгневанный Миладин. — Но что он такой великославянин, это и в голову мне не приходило.

— Мы тоже не можем не беспокоиться и не удивляться, — сказал я. — Он не какой-либо заурядный работник, а член верховного руководства югославской партии, выдающий себя за организатора всех мероприятий на всех этих территориях — в Косове и Македонии, суясь и в дела Албании, Греции и Болгарии.

— Он позор руководства Коммунистической партии Югославии, а не ее работник, — вспыхнул Миладин. — Тем, что говорит и делает, он уроняет престиж партии.

Еще больше потряс нас конец письма Темпо. Он обвинял нас, руководство Коммунистической партии Албании, в «великоалбанском шовинизме» и в «подрыве» нашего общего дела и «предложений» Темпо[1].

---

1 «Вы обо всем умалчиваете. Этим самым вы также ведете себя как саботажник нашего общего дела, — писал Темпо в этой части

— «... *materina*» с твоими предложениями! — выругался Миладин. — Это не предложния, а постыдные обвинения. Напишу Тито об этом негодяе, окончательно губящем дело не только у нас, а везде, куда ступает его нога на Балканах.

Мы со всей серьезностью проанализировали обвинительное письмо Темпо на встрече с некоторыми товарищами из нашего руководства, и, воспользовавшись случаем, я проинформировал их о всех непозволительных поступках Темпо, разъяснив им суть истины. (О главных вопросах, выдвинутых мною на этой встрече, я написал и остальным членам нашего руководства, находившимся в областях.)

— Особенно его письмо, написанное в конце сентября, — сказал я, в частности, товарищам, — очень для нас оскорбительно. Темпо пишет не как коммунист, когда называет нас «саботажниками» и «шовинистами». Каждое его слово отдает великославянщиной. Мы старались хладнокровно слушать его и не осложнять дела, но он и при встречах с нами, и теперь своими письмами и своим грубым отзывом о наших товарищах в Дибринской области, переполняет чашу. Мы дадим ему заслуженный ответ и, если считает себя коммунистом, то пусть он правильно поймет его и одумается. Это в его интересах, но особенно в интересах наших партий и борьбы наших народов.

— Знает ли югославское руководство о делах Темпо? — спросил один из наших товарищей. — Обвинения очень тяжкие, навряд ли он по своей собственной инициативе пишет так о столь щекотливых проблемах.

— Зная голову Темпо, можно подумать, что это он по своей собственной инициативе, — ответил Миладин.

— У нас нет никаких контактов с руководством югославской партии, — сказал я товарищам, — так что будем су-

---

своего письма от 23 сентября 1943 года, и продолжал: – В первом письме я писал вам об этих мерах, а вы в ответ пишете Хаджи Лэши проповедовать *братство* между македонским и албанским народами. Неужели вы только это находите нужным сказать Хаджи Лэши...? Не подрывайте мои предложения, как подрывали их в течение этих трех месяцев»!! *ЦПА*.

дить лишь о том, что нам известно. Я полагаю, что, исходя из этого, нам незачем путать Темпо ни с братской Коммунистической партией Югославии и ни с ее руководством. Однако это не значит, что мы должны молчать и терпеть его нападки и вымыслы. На всякий случай, сказал я, будем хранить все письма Темпо, как и письма, которые мы посылаем ему, и как только нам будет представлена возможность, доведем их до сведения Тито. Пусть он сам судит о пакостях Темпо...

Мне незачем дольше останавливаться на горькой истории споров и взаимных нападок между нами и Вукмановичем Темпо в этот период, ибо это очень долгая история. К счастью, история эта воплощена в основном в письмах, они хранятся в нашем партийном архиве, а отчасти опубликованы. (Может, и Темпо, известный своими великославянскими настроениями, хранит эти письма с целью убедить своих преемников в том, как и сколько он боролся за проектирование и создание империи «южных славян», которая, по его мнению и по мнению всех славянофилов, должна была брать начало на Дунайских волнах, проветриваться ветрами Альп, Карпат и Пинда и особенно освежиться волнами и мягкими ветрами Черного, Эгейского, Ионического и Адриатического морей.)

Однако, речь шла об имеющихся у нас документах и фактах. Все они неоспоримо свидетельствуют об осмотрительности и зрелости, которые руководство нашей партии проявляло в то время в своих взаимоотношениях с Коммунистической партией Югославии, как и касательно борьбы братских народов Югославии.

Мы остались до конца верными тому принципу, что вопрос о границах, о статусе Косовы и других албанских краев бывшего югославского королевства должен быть разрешен после войны, но всегда настаивали на том, что и там антифашистская национально-освободительная борьба должна принять возможно более широкие размеры. И поскольку КПЮ захотела взять на себя это дело, то она обязательно должна была как следует осуществить это. Но этого она не сделала и, к сожалению, вина за это взваливалась на албан-

ское население, которое было проникнуто, мол, «великоалбанскими настроениями», питало «иллюзии о фашизме» и «было предрасположено стать резервом нацистов и реакции», и т.д.

Мы никак не могли мириться с такими оценками. Не только мы, но и все те, кто хоть сколько-нибудь знаком с албанцами и их историей, среди наших редчайших качеств всегда отмечали свободолюбивый дух, ненависть к врагам, непримиримость ко всякого рода захватчикам. Из этого никак не могли составлять исключения ни косовцы, ни население албанских краев в Македонии, Черногории и т.д.

И если там борьба еще не принимала желаемых размеров, то это говорило о больших изъянах в работе тех, кто взял на себя организовать их и руководить ими в борьбе. Это стало для нас еще яснее летом и осенью 1943 года, и при такой обстановке мы не могли оставаться равнодушными. В связи с этим мы приняли решение о том, что Миладин напишет письмо Тито, где изложит ему мнение руководства нашей партии, которое полностью разделял и сам Миладин. В то же время как с помощью писем, так и при непосредственных контактах, которые мы старались организовать с другими товарищами из КПЮ, мы снова высказали им наше мнение. Его суть заключалась в следующем:

«Политика, которую вы проводили до сих пор в отношении Косовы и других албанских краев, была неправильная. Косова, Дукадьинская Равнина и др. должны немедленно обрести свое вышедшее из борьбы руководство, в котором большинство во что бы то ни стало должны составлять албанцы; у них должен быть свой антифашистский национально-освободительный совет, избранный демократическим путем, а не продиктованный сверху, должны быть свои штабы, подчиненные югославскому генеральному штабу. В процессе борьбы создавать, организовать и укреплять краевую партийную организацию, которая подчинялась бы ЦК КПЮ. В составе своих отрядов албанцы должны сражаться под флагом Албании, а их патриотические чувства, их любовь к Родине надо поддерживать и пропагандировать наряду с чувствами интернационализма и братской дружбы с другими

народами Югославии. Нужно ясно и открыто говорить им, что в результате своей борьбы после освобождения они будут, как и все другие, пользоваться полным и неоспоримым правом на самоопределение вплоть до отделения. Пусть Коммунистическая партия Югославии конкретными фактами и действиями убедит албанцев, как и все остальные нации старой Югославии в том, что она не только осмеливается открыто провозглашать принципы, но и будет защищать и претворять их в жизнь.

Мы думаем, что, если албанскому народу Косовы не будут ясны эти направления, он не может быть организован и не может как следует бороться против захватчиков, так как до сих пор он не доверяет Коммунистической партии Югославии. Если югославские коммунисты-интернационалисты не будут рассматривать национальный вопрос Косовы сквозь эту призму, то албанский народ Косовы и впредь не будет питать к ним доверия. Итак, в интересах успешного развертывания вооруженной борьбы в Косове и Дукадьинской Равнине надо открыто провозгласить его право на определение своей будущей судьбы, четко разъясняя при этом, что право это предусматривает все возможности, — как возможность соединиться с Родиной-матерью, Албанией, так и возможность, если он этого захочет, жить самостоятельно. Албанский народ Косовы не согласен ни с каким другим решением, всякое другое решение он считает несправедливым, и мы находим его воистину несправедливым. Наше мнение таково, что Косова, Дукадьинская Равнина и заселяемые албанцами албанские края в граничащей с Албанией Македонии, должны присоединиться к Албании после освобождения Югославии от когтей наци-фашизма. Лишь такой путь побудит албанцев, проживающих в Югославии, подняться на героическую борьбу».

Каков же был ответ югославских товарищей на эти правильные и принципиальные соображения?

Что касается Темпо, то, разумеется, он еще более рассвирепел, однако мы не надеялись и не думали, что он может иначе реагировать. Но, к нашему удивлению, мы заме-

чали, что к этому вопросу другие относились так же, как и Темпо.

В тот период к нам поступило от члена Политбюро ЦК КПЮ, Ивана Милютиновича (в то время он работал в Черногории) письмо, в котором он просил нас оказать немедленную материальную и прочую помощь югославским партизанским силам и движению в Черногории. Он писал, что во время последнего немецкого наступления они понесли огромные потери, так что нашу помощь считал очень нужной и важной. По этому случаю он высказывал желание встретиться и побеседовать с каким-либо товарищем из руководства нашей партии и нашего Генерального Штаба.

Я немедленно позвал Рамадана Читаку и Василя Шанто, которые относились в то время к числу главных работников нашей партии, и поручил им пойти на встречу, предложенную Милютиновичем.

— Передайте товарищу Милютиновичу, — сказал я им, — что наше руководство решило удовлетворить все их запросы о материальной помощи. Скажите ему, что мы соратники, товарищи, борющиеся за общее дело, и что мы будем делить между собой радости и горе, как поступали до сих пор. Потом, сказал я нашим товарищам, послушайте, какие проблемы он изложит, и выскажите свое мнение о них, руководствуясь позициями и линией нашей партии. В то же время, сказал я им, независимо от того, затронет Милютинович или нет этот вопрос, изложите ему предложения нашей партии относительно борьбы и ее перспектив в Косове, Дукадьинской Равнине и в других заселяемых албанцами краях. Вам известны наши соображения, сказал я им, так что передайте их ему как можно яснее и точнее. Скажите ему, что вы от имени руководства КПА беседуете с товарищем, который, вне всякого сомнения, передаст наши соображения руководству своей партии.

Они отправились туда и вернулись дней через пятнадцать или двадцать. Сказать, что они были возмущены — этого мало.

— Другой Темпо в Черногории, — сказал Рамадан. —

Деньги он сразу хватил, а все остальное вернул нам обратно. Не счел правильным ни одно из наших предложений и соображений. Он обозвал нас «великоалбанцами», обвинил в «шовинизме»,... Словом, сказал Батька [Рамадан Читаку], он говорил точно так, будто за его ухом сидел Темпо.

— А помощь-то они приняли! — гневно произнес Спиро Моисиу, который был тогда начальником Генерального Штаба нашей армии. — Деньгами, которые мы отдали им всем сердцем, мы могли одеть и вооружить две партизанские бригады. А у наших товарищей не хватает обуви и одежды...

— Мы же отдали их не Ивану, — стал успокаивать я Спиро. — Мы дали их борьбе, братским югославским партизанам.

— Он не только полностью отверг все изложенные нами мысли и решительно обрушился на нас с обвинениями, — добавил Василь Шанто, — но не сдержался даже когда говорил о товарище Миладине. «Вы не должны были прийти с такими мыслями, — сказал он. — Не понимаю, что вам говорит Миладин?! Или же он тоже стал великоалбанцем?». Крайне возмущенный, он сказал: «Я приказываю Миладину немедленно явиться ко мне. Он ни в чем не поступает как коммунист-интернационалист!».

— Как, как? — воскликнул Миладин. — Мне идти к Ивану, чтобы он учил меня интернационализму?! Нет, клянусь идеалом, я пойду прямо к Тито и выложу ему все эти пакости Темпо и Милютиновича. Пусть он узнает, что ему стряпают эти горе-руководители!

— Мы возразили против его приказа относительно товарища Али[1], — добавил Батька. — Мы сказали ему, что при нынешних условиях поездка весьма опасная. «Если вы хотите, чтобы его убили по дороге фашисты, которые разыскивают его везде, или чтобы он умер от болезни (Миладин болел туберкулезом), то мы передадим ему ваш приказ», — сказали мы. После этого Милютинович отступил.

---

1 В годы пребывания в Албании у Миладина Поповича была кличка Али Гостивари.

Впервые я серьезно забеспокоился о том, что мы тяжело обманывались в нашем коммунистическом доверии и нашей коммунистической искренности как в связи с путями развертывания борьбы в Косове и других албанских краях, присоединенных некогда к Югославии, так и в связи с путем окончательного разрешения вопроса этих албанских краев после войны. И у меня были основания.

Если антиалбанское поведение Темпо мы рассматривали как «личное» явление элемента, страдавшего шовинизмом, то как же нам называть аналогичное поведение и аналогичные выражения члена Политбюро ЦК КПЮ Ивана Милютиновича?! Мы с полным коммунистическим доверием с самого начала договорились: ради нашей совместной борьбы не будем затрагивать в период войны вопроса о границах. Мы сдерживали данное слово. Но почему югославские товарищи делали обратное?! Почему они горячились и вскакивали всякий раз, когда мы говорили, что во имя расширения борьбы надо открыто признать за албанцами их законные права, провозгласить и защищать их?!

— Они не партия и не ее руководство! — успокаивал меня Миладин. — В центре думают иначе, вот увидите.

И мы надеялись и всем сердцем желали, чтобы это было действительно так. Тито, вероятно, получил наши письма, а мы еще не получали ответа.

— У них большие дела! — оправдывал их Кочи Дзодзе. — Они подняли на ноги всю Югославию и им приходится маневрировать.

Однако в период с конца октября до середины декабря 1943 года начался вдруг подлинный наплыв писем в адрес ЦК КПА, в мой адрес и в адрес Миладина Поповича. Их подписывал или ЦК КПЮ или сам Тито. В сущности они только и делали, что ставили вопрос о Косове и других албанских краях старой Югославии. На один момент можно было подумать, что отношения ЦК КПЮ с нами сводились только к этой проблеме.

Письма Тито были крайне вызывающими. Тито стоял на одних и тех же позициях, что и Темпо и Милютинович,

однако он, как главнокомандующий, сохранял за собой право употреблять по отношению к нам более резкие термины и более тяжкие обвинения, чем его уже хорошо известные глашатаи. Однако в своих письмах он показывал себя более хитрым. «Порадовав» нас в одном из своих писем заявлением о том, что в принципе он не был против, чтобы «албанцы Косовы имели право идти, куда им захочется и как им захочется», он тут же обвинял нас в том, что мы, руководство КПА, якобы стояли «на тех же позициях, что и албанская реакционная буржуазия» (?!). «Обосновывал» он это обвинение тем, будто мы говорили, что Косова, Дукадьинская Равнина, Дибра и т.п., «уже теперь должны присоединиться к Албании». «Ставить сегодня вопрос о присоединении, — писал он далее, — значит лить воду на мельницу реакционеров и захватчиков»[1].

Это было умышленное искажение правды. Как Миладин в своем письме к Тито, так и мы никогда не ставили вопрос о присоединении «уже сегодня», «уже теперь». Нет, мы требовали, чтобы ЦК КПЮ «уже сегодня», «уже теперь» публично провозгласил законное право народа Косовы и других албанских краев в Югославии на самоопределение вплоть до отделения «завтра», то есть после войны и в результате ее. Этого требовали мы, это было главным в тот момент, но Тито искажал правду.

Письмо от первой до последней строки было свидетельством антиисторических и антимарксистских попыток увильнуть от этой проблемы. Тито был сильно раздражен тем, что в наших письмах мы сравнивали отношение КПЮ к Косове и т.д. с ее отношением к Истрии.

«Нет, угрожал пальцем Тито, вопрос Истрии коренным образом отличается от вопроса Косовы и Метохии».

Какова была правда?

---

1 Цитата взята из письма Тито, направленного ЦК КПА 6 декабря 1943 года и хранящегося в ЦПА. То же выражение содержится и в другом, более раннем письме ЦК КПЮ, направленном ЦК КПА 25 октября 1943 года.

Истрия, полуостров на побережье Адриатического моря, до 1918 года принадлежала Австрии, а в 1919 году была передана Италии. Поскольку большинство ее населения составляли словенцы, ЦК КПЮ еще во время войны поднял вопрос о ее присоединении к Югославии, аргументируя это тем, что она была насильно присоединена к Италии.

Но разве Косова и другие албанские края не были так же насильственно в 1913 году аннексированы империалистами?! Безусловно! Тогда почему КПЮ считала законным требование «уже сегодня» присоединить к Югославии зону, заселяемую славянами, и не считала законным аналогичный случай с Косовой и другими отторгнутыми от Албании краями?!

«Аргументы» Тито были смехотворными. Истрия, по его мнению, должна была быть присоединена к Югославии потому, что там было «развитое революционное движение», чего не было в Косове! Может быть, и в самом деле в Истрии было такое развитое движение (я считаю это высказывание Тито приемлемым, ибо ничего конкретного не знал о тамошнем положении), однако возникает вопрос: почему не происходило то же самое и в Косове?! Я с твердым убеждением повторяю, что, если бы КПА обратилась к населению Косовы с таким же призывом, с которым КПЮ обратилась к населению Истрии, то Тито пришлось бы сильно ломать голову над фабрикацией какого-либо другого «аргумента». Вполне возможно, что он заявил бы, что «Косова не может быть присоединена к Албании потому, что в Косове революционное движение более развитое»! Не то, что мы, но даже сама КПЮ, если бы предприняла самый элементарный и самый необходимый шаг в отношении Косовы, то есть если бы она открыто провозгласила ее право на самоопределение вплоть до отделения, дела шли бы совершенно иначе.

Однако Тито и партия, которой он руководил, не сделали этого ни в начале, ни в конце. Почему не сделали? В этом, безусловно, немалую роль сыграл тот великославянский угар, который, к сожалению, КПЮ целиком унаследовала, защищала и дальше развивала, залатав его лозунгами «братства-

единства», «интернационализма» и т.д. и т.п. Однако позже мы должны были убедиться в том, что они не поступали как марксисты в отношении Косовы и других албанских краев еще и в других, более неприглядных целях: мощное революционное движение в Косове и в остальных албанских краях составляло бы большое препятствие на пути к осуществлению темных планов, которые тайком вынашивало югославское руководство.

Тито и компания на словах «жаловались» на то, что Косова «не поднимается на борьбу», а на самом деле, по всей вероятности, их радовал этот факт, ибо позднее, в подходящий момент, армии Тито было бы легче и проще оправдывать в глазах общественности преследование и истребление тысяч «контрреволюционеров» и «националистских и баллыстских бригад», нежели преследовать и истреблять тысячи входивших в антифашистские партизанские бригады косовских борцов, которые после освобождения потребовали бы присоединения к родному стволу, к Албании. Так оно и было. В конце 1944 года и в 1945 году Югославская Национально-освободительная армия устроила настоящую расправу над населением Косовы и других албанских краев. А это должно было вызвать, как и вызвало, законное массовое возмущение косовского крестьянства и косовских партизанских отрядов. Тысячи албанцев оказывали сопротивление новому шовинистическому господству и террору. Этим положением воспользовались и *байрактары*, баллысты, головорезы, агенты фашизма, которые в своих интересах пытались установить сотрудничество с массами и ввести их в заблуждение. Лицемерно ухватившись за этот факт, под предлогом борьбы с этими подонками реакции, титовцы пытались запятнать это законное возмущение масс и повели с ним борьбу, называя его баллыстским движением. Реакционные элементы, вне всякого сомнения, заслуживали преследований и пули. Они были остатками старого мира, резервом реакции, выступавшим с воистину контрреволюционными, антиалбанскими и антиюгославскими целями. Однако тысячи, которые, к иронии истории, справедливо поднимались на первое антititовское вы-

ступление, не были ни контрреволюционерами, ни баллыстами. Эти тысячи были косовцами, дибранами, ульчинаковцами и другими, которых неправильная политическая линия, проводившаяся КПЮ все годы войны, и новый титовский террор разочаровали и по праву побудили снова потребовать разрешения своего национального вопроса. Более того, под маской борьбы за уничтожение «контрреволюционных сил», специальные отряды югославской НОА огнем и мечом обрушились без разбору также на всех патриотов и других честных албанцев этих краев, на всех тех, кто осмеливался выражать законное удивление: «зачем нам, албанцам, жить под пятой Югославии?!».

Однако вернемся к письму Тито, написанному им поздней осенью 1943 года.

Его вторым «аргументом» в доказательство того, почему вопрос Косовы нельзя сравнивать с вопросом Истрии, было то, что «нецелесообразно предать огласке факт, что между нами и демократической и антиимпериалистической Албанией существует проблема Косовы и Метохии!». Вот какая логика! Иначе говоря, не затрагивать этот вопрос, держать его в тайне, ибо втайне легче совершать предательство и составлять заговоры, не теряя доброго имени!

Очень редко приходилось мне видеть Миладина Поповича в таком угнетенном настроении, как в те моменты, когда мы читали и перечитывали письмо главного руководителя КПЮ. Опустив глаза, он сидел весь бледный.

— Может быть, письмо это написано не самим Тито, — сказал он, — может быть, оно написано другими, может быть, . . .

Это было время, когда и нам самим не хотелось верить, что письмо это написал ЦК КПЮ и такой человек как Тито, это было время, когда мы были бы готовы оправдать их ради уважения, которое мы издалека питали к ним. Но ведь все было черным по белому написано, а внизу стояли подписи.

Как бы то ни было, читая такие выражения, как «албанцы будут пользоваться правом идти куда им захочется и как им захочется», что вопрос о присоединении не следует

ставить «уже теперь», «уже сегодня» и т.д., мы как будто успокоились. Однако дав нам дальше «советы» относительно вопроса, который мы ставили на первый план еще в 1941 году, то есть, что «главным вопросом является ныне вопрос борьбы против захватчиков», Тито лукаво, но совершенно ясно давал нам понять, что вопрос об албанских краях и албанском населении в Югославии был уже предопределен ЦК КПЮ: «Сегодня в албанском народе в Косове и Метохии, — писал он, — надо насаждать чувства братской любви к героическим народам Югославии и верности совместной борьбе против немецких захватчиков. Новая, зарождающаяся Югославия будет страной свободных народов, так что в ней не будет места и национальному угнетению албанского меньшинства»[1].

Прямо говоря, это значит: ЦК КПЮ уже определил границы будущего югославского государства, они остаются прежними. «Албанское меньшинство», то есть Косова, Дукадьинская Равнина, Дибра и др., останутся в пределах «зарождающейся новой Югославии»!

Но что оставалось после всего этого от прежних заявлений самого Тито об обеспечении права народов старой Югославии на самоопределение вплоть до отделения?! Что оставалось после его «клятвенных обещаний» и «заверений» в том, что этот вопрос будет рассмотрен после войны?! Не скрывалась ли за такими выражениями, как «не нужно уже сегодня», «уже теперь», попытка обмануть нас и окончательно сорвать разрешение того вопроса, о котором они заявляли, что будет разрешен «завтра», то есть после войны?

Долго мы обсуждали эти и десятки других вопросов, возникших из письма Тито и уже известных актов других, и мы еще больше убеждались в том, что относительно этого вопроса югославское руководство не поступало ни по-марксистски, ни в товарищеском духе.

К ним мы всегда относились самым корректным образом,

---

1 Из письма ЦК КПЮ, направленного ЦК КПА 25 октября 1943 г. *ЦПА.*

слушали и верили их принципиальным заявлениям, мы были заинтересованы в наиболее теплых и братских отношениях с ними, но мы никоим образом не могли допустить, чтобы ради дружбы нарушались принципы и попирались законные права нашей партии и нашего народа. Итак, мы решили и в этом случае публично выразить свое мнение, не атакуя югославское руководство непосредственно и не давая ему никаких поводов обвинять нас в «национализме», «великоалбанском шовинизме». Лучшим путем к этому мы сочли обращение ЦК нашей партии к народу Косовы и Метохии. Мы и раньше обращались к нашим братьям в Косове и других албанских краях с открытыми призывами и листовками (один из них был подписан как нами, так и ЦК КПЮ), в которых предлагали им подняться на всеобщую борьбу за свободу. Однако в них мы ограничивались лишь призывом к борьбе и к братству с другими народами, а с заявлением о праве на самоопределение вплоть до отделения не выступали в надежде, что первым это сделает ЦК КПЮ и будучи уверены, что он сделает это. Он взял на себя задачу руководства борьбой в этих зонах, а следовательно, должен был первым провозгласить это принципиальное заявление. Но сейчас, убедившись, что ЦК КПЮ не сделает такого заявления, мы решили сказать свое слово. Итак, написали мы обращение, напечатали его в тысячах экземпляров и распространили в основном в Косове, Дибре и других албанских краях старой Югославии.

«Ваши албанские братья, — писали мы в нем, в частности, — те, кто в городах и горах Албании проливает кровь за свободу нашего народа . . ., призывают вас взяться за оружие и соединиться с другими народами — сербами, черногорцами, бить оккупантов и предателей, бить всех тех, кто пытается разъединить и расколоть вас».

До сих пор мы были убеждены, что и югославские товарищи будут вполне довольны. Однако, если бы они были последовательными в ленинских положениях о национальном вопросе, то у них не должно было быть причин оставаться недовольными тем, что мы говорили ниже своим албанским братьям.

«Единственным путем к спасению и осуществлению ваших чаяний, — заканчивали мы свое обращение, — является борьба, которую вместе с другими народами Югославии вы будете вести против иностранных захватчиков, является Национально-освободительная борьба, которая обеспечит вам право на самоопределение вплоть до отделения.

Итак, сплачивайтесь! Где сплоченность, там спасение!»[1].

Слово нашей Коммунистической Партии и албанских коммунистов в Косове и в других краях подбадривало местное население и побуждало его еще решительнее подняться на антифашистскую борьбу.

Мы храним из тех времен многочисленные воспоминания и письма, в которых простые люди из народа, коммунисты и патриоты из Косовы, Дибры, Ульчина, Струги, Тетовы, Гостивара, Плавы, Гуции и т.д. обращались к нам с самыми пламенными словами любви к Родине-матери и нашей партии, поздравляли нас с успехами в борьбе с оккупантом, открыто выражали всеобщую готовность масс албанского народа-патриота тех краев бороться с фашизмом. Но во всех этих письмах, где в намеках и подтекстах (они не хотели задевать наши чувства дружбы к КПЮ), а где совершенно открыто ощущались одновременно глубокие сомнения и опасения населения тех краев насчет будущего. В них ощущалось и недоверие к КПЮ и ее руководству. Встречаясь с нашими товарищами, которых мы посылали по партийным делам или для оказания помощи в Косову и в другие заселяемые албанцами края, или приезжая к нам, тамошние албанцы открыто проявляли свое недовольство к КПЮ и выражали свои недомолвки по отношению к ней.

— Они забрасывают нас вопросами, — сказал мне Хаджи Лэши во время одной из тогдашних встреч с ним. — «Почему Коммунистическая партия Югославии, говорят они, не высказывается открыто о нашем деле?», «Почему она совсем не упоминает вопрос о статусе Косовы, Метохии, Дибры и т.д., по крайней мере в тех случаях, когда она высказыва-

---

1 Из Обращения ЦК КПА к народу Косовы и Метохии, осень 1943 г. *ЦПА*.

ется за право на самоопределение других наций бывшего югославского королевства?!», «Кто гарантирует нас в том, что борьба, которую мы ведем и которую мы должны с еще большей силой вести, разрешит наше священное дело?». Мы стараемся дать им ответ, — продолжал Хаджи, — однако, поверь, товарищ Энвер, это такие вещи, на которые мы не знаем, как ответить. Мы боимся, как бы невольно не нанесли ущерб югославской партии.

— Мы должны говорить нашим братьям правду, — сказал я Хаджи. — В первую очередь, мы должны объяснить им позицию нашей партии по этому вопросу. Мы полагаем и верим, надо сказать им, что и Коммунистическая партия Югославии так смотрит на национальный вопрос. Надо объяснить нашим братьям, что главное теперь это борьба против общего захватчика. Он наш главный враг, значит враг албанцев, македонцев, сербов, всех ...

В то же время по просьбе Крайкома КПЮ для Косовы и Дукадьинской Равнины, а также македонского штаба, мы продолжали посылать все больше и больше партийных работников для ведения разъяснительной работы в этих зонах и особенно в качестве кадров для отрядов, батальонов и других создававшихся там воинских формирований. Отряды и батальоны нашей Национально-освободительной армии время от времени проникали вглубь Черногории, Косовы и Македонии и самостоятельно или во взаимодействии с воинскими частями, подчиненными югославскому штабу, совершали важные и смелые операции. Это братство по оружию, бесспорно, оказывало положительное воздействие на албанское и неалбанское население тех краев. Я хорошо помню момент расставания осенью 1943 года с незабываемым товарищем Хайдаром Души. Хайдар, сын патриотической семьи из Косовы, вырос в среде албанского коммунистического движения и сразу же после основания партии стал одним из ее наиболее способных кадров. Некоторое время занимался организацией партии в Тиране и в Дурресе, потом, летом 1942 года, мы отправили его в Берат в качестве представителя ЦК КПА на помощь обкому партии. Фашисты поймали его,

измучили, бросили в тюрьму, но Хайдар Души геройски выдержал суровые испытания. Мы освободили его, совершив смелый налет на тюрьму, а затем, после Первой национальной конференции КПА, назначили его секретарем Дурресского обкома. Его опыт, решительность и способность были очень нам нужны, и тем не менее, отдавая себе отчет в помощи, которую мы должны были оказывать делу борьбы в Косове, вызвали его и сообщили:

— С этого момента ты больше не будешь работником партии, за которую проливал кровь и переносил столько мук. Пойдешь в Косову установить связь с Коммунистической партией Югославии.

— Да здравствует коммунизм! — поднял сжатый кулак незабываемый Хайдар Души, и на его глаза навернулись слезы.

Он был прав — расставался со своей партией. Но его ждала великая миссия. Он пошел туда, работал, боролся и с честью и славой отдал свою жизнь, до конца оставшись верным делу, за которое он пошел туда: поднять народ Косовы на борьбу за выдворение чужеземных захватчиков и осуществление его вековых чаяний.

До и после Хайдара Души отправлялись в Косову и другие албанские края десятки других товарищей. Они тоже боролись и работали, внеся свой вклад в дело мобилизации народа и руководства им в борьбе, они честно выразили в те годы чаяния своего народа, поставили и свою подпись под документами важных органов, куда народ отправил их закрепить законное право на будущее. Однако после войны события обернулись иначе, и титовское предательство губительно сказалось и на части этих товарищей. Я не намерен вникнуть в совесть этих людей и в драматичный процесс их превращения. Но в майские дни 1981 года, перелистывая тетрадь с этими записями, сделанными много лет тому назад, неслучайно я вспомнил событие, происшедшее 40 лет назад.

Это было в трудном мае 1942 года, в дни, когда только что был убит фашистами наш дорогой товарищ Кемаль Стафа. Террор и жестокость захватчиков, особенно в Тиране, приняли в те моменты беспримерные размеры. Аресты и

обыски продолжались днем и ночью. Именно в моменты, когда фашисты думали, что насмерть ударили нашу Коммунистическую Партию, мы, помимо всего другого, провели в тогдашней Тиранской гимназии нашумевшую акцию в честь нашего павшего товарища Кемаля Стафа. Мы устроили митинг, посвященный его памяти, в котором приняли участие все питомцы этого неугасимого очага борьбы и революции. На митинге по нашему указанию выступил молодой коммунист, бывший ученик этой школы, который находился уже в нелегальном положении.

— Фашисты норовят погасить наше пламенное стремление к свободе, фашисты норовят лишить наш народ права на существование, права бороться за свое будущее. Они убили нашего дорогого товарища, Кемаля, они убивают и заключают в тюрьмы лучших сынов и дочерей этой земли, но в наших сердцах еще выше поднимется ненависть к тем, которые угнетают, убивают и пытают нас, — говорил подпольщик и продолжал: — Но нас не введешь в заблуждение, мы не боимся насилия и террора. Нет силы, способной сломить нас, мы поднимаемся на борьбу за правое дело ...

Это был парень из Косовы, Вели Дева. Близко я не знал его, но как политический секретарь Тиранского обкома полностью был в курсе акции и ее проведения.

И вот именно тот Вели Дева, который в мае 1942 года от имени Коммунистической партии Албании призывал гимназическую молодежь Тираны не пасовать перед фашистским насилием, а подняться на справедливую борьбу за свободу, 40 лет спустя, в мае 1981 года, но теперь уже в роли главы Косовского крайкома СКЮ, легально входит в приштинские гимназии и университет, чтобы силой и демагогией подавить законный взрыв и негодование косовского народа и косовской молодежи.

Я остановлюсь ниже на Буянской конференции, состоявшейся в конце 1943 года, на которой законные представители косовского народа обсудили и приняли решения, совершенно верные и очень важные не только для тогдашних моментов, но и для правильного разрешения косовской про-

блемы после войны и в результате войны. Одним из организаторов этой конференции и одним из первых среди тех, кто подписался под ее законными и важными решениями, был и Фадиль Ходжа. Он являлся одним из членов наших бывших коммунистических групп, он первым отправился в свой родной край, Косову, сражался и внес вклад в дело мобилизации и руководства косовским народом в вооруженной борьбе, одним из тех, кто собственноручно подписался под тем, чего требовали борьба и сам народ Косовы.

В письмах, которые присылал нам в годы войны Краевой комитет Косовы и Метохии (Дукадьинской Равнины), одним из главных руководителей которого был Фадиль Ходжа, совершенно без обиняков выражалось недоверие, с которым Косова относилась к КПЮ и югославским партизанам из-за жестокого великосербского гнета, из-за того, что «скоевцка[1] также истребляла невинных албанцев». «Пусть приходит кто угодно, — говорило согласно этому письму огромное большинство косовцев, — лишь бы нам избавиться от Югославии», и далее отмечалось: «Мы ждем вашу помощь»[2]. Это же недоверие, эти же чувства и помыслы народа Косовы в отношении КПЮ устно выразил мне сам Фадиль Ходжа, когда он приехал после освобождения в Тирану, где я принял его и долго беседовал с ним в моем кабинете в Совете Министров. Он пожаловался мне на тяжелое положение в Косове, на царившую в крае обстановку преследований, репрессий и террора по отношению к албанцам, и открыто сказал мне, что «не видим, да и на самом деле нет каких-либо изменений по сравнению с прошлым, когда мы стонали под игом Югославии царей».

И вот именно этот Фадиль Ходжа, но уже весной 1981 года, поднимает руку в Президентстве СФРЮ и голосует за стягивание танков и за применение штыков великосербских войск для истребления, подавления и покорения косовского

---

1 Югославская коммунистическая молодежь.

2 Из письма Косметского крайкома КПЮ, присланного ЦК КПА, 6 сентября 1943 г. *ЦПА*.

народа и косовской молодежи, выступивших с требованиями о соблюдении их прав. И, как будто желая открыто показать полный метаморфоз, происшедший с ним за истекшие 40 лет, Фадиль Ходжа, ставший уже титовцем по мыслям и по кошельку, доходит до того, что, выступая в защиту великосербских глашатаев, называет албанских убитых и демонстрантов 1981 года ... «отбросами!».

Однако чего требуют этот возмущенный народ и его молодежь сегодня, 36 лет спустя после «освобождения»? Они требуют, чтобы их конституционное, экономическое и социально-культурное положение было приведено в соответствие с законами Югославской федерации, требуют статуса Республики в рамках СФРЮ, требуют реализации тех прав, которые были поставлены на повестку дня и в 1943 году в Буяне, но которые Тито оставил на бумаге, требуют прекращения террора и насилия на улицах, в школах, домах и тюрьмах. И именно за это они являются «ирредентистами», «националистами», «контрреволюционерами», именно за это на подавление их мирных демонстраций были направлены танки и штыки, именно за это фадили ходжа и вели дева 1942 и 1943 годов растаптывают самого себя и свой народ, растаптывают честь молодежи, растаптывают кровь военных лет и кровь, которая пролилась и проливается в Косове нынешней весной.

Впрочем речь шла о другом. Я забежал вперед лишь потому, что в эти дни, когда положение в Косове очень напряженное и мне понадобилось перелистать мои записки и заглянуть в воспоминания военных лет, я установил естественное сходство между тогдашним и нынешним положением. И если положение в Косове за все эти 40 лет не успокоилось и не было поставлено на правильный путь, то это потому, что еще во время войны косовская проблема была поставлена ЦК КПЮ неправильно и разрешена неправильно, с националистских и шовинистических позиций, вразрез с желанием и волей народа Косовы и других албанских краев в Югославии.

Вернемся, однако, в те годы. Был тогда момент, когда

мы подумали, что косовский вопрос уже становился на путь правильного разрешения. Это относится к Первой конференции национально-освободительного совета Косовы и Метохии, состоявшейся в Буяне с 31 декабря 1943 по 2 января 1944 года.

Конференция проходила под руководством Косовского крайкома КПЮ и, по его просьбе, в ее организации большую помощь оказывали Тропойская организация КПА, как и штаб и партийная организация шкодринского партизанского батальона «Перлят Реджепи», действовавшего в Дьяковском Предгорье.

После горячих длившихся три дня дискуссий, конференция призвала народ края целиком подняться на борьбу с немецкими захватчиками и предателями, сражаться плечом к плечу с народами Югославии и с албанским народом, крепко сплотившись вокруг национально-освободительного совета.

В резолюции конференции провозглашалось, в частности, право косовского народа на самоопределение вплоть до отделения[1]. Эта резолюция была единогласно одобрена делегатами и подписана всеми членами совета[2].

Весть об этой конференции и ее важных решениях вско-

---

1 «Косова и Дукадьинская Равнина, — отмечалось в частности в этом документе, — это край, в большинстве своем заселяемый албанским народом, который, как всегда, и теперь желает объединиться с Албанией. Поэтому считаем своим долгом указать ему верный путь, которым албанский народ должен следовать, чтобы осуществить свои чаяния. Итак, единственным для албанского народа Косовы и Дукадьинской Равнины путем объединения с Албанией является борьба рука об руку с другими народами Югославии против кровожадных немецких оккупантов и их наемников, ибо это есть единственный путь завоевания свободы, путь, который всем народам, а стало быть и албанскому народу, даст возможность самому решать о своей судьбе на основе права на самоопределение вплоть до отделения». *(Из резолюции Первой конференции национально-освободительного совета Косовы, опубликованной и в книге «Народный совет Косовско-Метохийского автономного края 1943-1953», стр. 10, Приштина, 1955.)*

2 Совет состоял из 51 члена, из которых 43 были албанцами, а остальные — сербами, черногорцами и т.д. В правление совета входи-

ре долетела и до нас и, естественно, доставила нам огромную радость. Впервые мы видели, что был сделан правильный и надежный шаг, дававший импульс вооруженной борьбе в этих краях и ставивший на путь марксистского решения вопрос об их будущем.

Мы подумали, что, наконец, ЦК КПЮ правильно подошел к проблеме Косовы и других албанских краев и, считая нецелесообразным самому выступить с декларацией о правах на самоопределение, предоставил это сделать самому косовскому народу через его законных представителей.

Этим, конечно, преодолевалась старая «боязнь» югославского руководства и по поводу того, как бы реакция и националистские, великославянские элементы, внутри или вне КПЮ, не обвинили его «в подрыве» Югославии. Решения, принятые и опубликованные законными представителями Косовы и Дукадьинской Равнины, среди которых были не только албанцы, но и представители сербского и черногорского меньшинств в этих краях, являлись очень эффектным орудием в руках КПЮ. Ей представлялся теперь случай во всеуслышание приветствовать решения Буянокой конференции, как выражение воли населения этой зоны, и тем самым полностью искупить ту ошибку, которую она не должна была допустить, по крайней мере, еще в 1941 году. В феврале 1944 года в одном из бюллетеней «Зери и популлыт» мы поместили специальную статью об этом важном событии. Через нее мы выражали наши самые горячие приветствия Буянской конференции, онова призывали косовских братьев еще решительнее подняться на борьбу, и неспроста подчеркивали и приветствовали основные решения конференции. Эта статья, подчеркивая, в частности, что «Национально-освободительный совет Косовы и Дукадьинской Равнины поставил перед собой задачу указать народу правильный путь, которым он должен следовать для осуществления своих чаяний», отмечала,

---

ли и Резолюцию подписали: Мехмет Ходжа, Павле Йовичевич, Рифат Бериша, Джевдет Дода, Фадиль Ходжа, Хайдар Души, Зекерия Реджа и другие. *(Там же, стр. 12.).*

что борьба против нацистских захватчиков и их приспешников была и оставалась единственным путем к завоеванию свободы, это единственный путь, который даст всем народам, а стало быть и албанскому народу Косовы и Дукадьинской Равнины «... возможность решать о своей судьбе, **пользуясь правом на самоопределение вплоть до отделения»** (подчеркнуто в оригинале)[1].

Что касается позиции ЦК КПЮ по отношению к этому событию, мы пока что не слышали ни слова. Позднее мы узнали правду, которая, как и все остальное, была довольно горькой. Узнав о решениях Буянской конференции, ЦК КПЮ сурово отреагировал и потребовал никоим образом не публиковать ее декларацию о праве косовского народа на самоопределение вплоть до отделения. Утверждение самих собравшихся на конференции представителей народа о том, что «народ Косовы и Дукадьинской Равнины ... как всегда и поныне желает объединиться с Албанией», по указанию ЦК КПЮ надо было вычеркнуть в резолюции, не опубликовать его. Причина заключалась в том, что руководство КПЮ с Тито во главе, независимо от ряда «принципиальных» заявлений о «правильном» решении национального вопроса наций и национальностей старой Югославии, всегда добивалось и стремилось сохранить нетронутой и даже еще больше расширить Югославию. Нарушение и попрание со стороны КПЮ положений о национальном вопросе было закреплено особенно второй сессией АВНОЮ, состоявшейся в Яйце в конце ноября 1943 года.

Не входит в мои обязанности и не цель этих записок анализировать и дать оценку решений этой сессии в целом. То же самое не моя обязанность установить, правильным или неправильным путем было принято ее основное решение о «строительстве на федеративных принципах новой Югославии», которая обеспечила бы, как в нем отмечалось, «равноправие сербам, хорватам, словенцам, черногорцам» и т.д.

---

1 Бюллетень «Зери и популлыт», III год, № 33, 7 февраля 1944 г ЦПА.

Это решение оценено самими сербами, хорватами, македонцами и словенцами и, если они хотят, пусть снова оценят и переоценят его так, как они сочтут наиболее правильным. Я хочу подчеркнуть лишь то, что этим решением, по крайней мере включением Косовы, Дукадьинской Равнины и других албанских краев в «новую федеративную Югославию», и на этот раз был допущен такой же произвол, что и с Версальским и Лондонским договорами, состряпанными империалистическими державами несколько десятилетий назад. При принятии этого решения была попрана воля населения Косовы, Дибры и других албанских краев. Была учтена лишь воля ЦК КПЮ. Ни один представитель Косовы и других албанских краев старой Югославии не участвовал в работе этой сессии, о ней не были извещены даже представители Краевого комитета КПЮ для Косовы и Дукадьинской Равнины.

Мы сами долгое время не были поставлены в известность об этом решении данной сессии. Тот факт, что Буянская конференция была проведена месяц спустя после сессии в Яйце и что она приняла решения, противоречавшие «воле» Яйцы, но зато соответствовавшие воле косовского народа, показывает, что ни косовцы, ни руководство этой зоны ничего не знали о том, что было решено ЦК КПЮ за спиной у них.

Этот случай явился одним из самых вопиющих примеров постоянного вероломства югославского руководства в отношении албанцев.

В Яйце обязательно должны были быть представлены наши братья, албанцы из Косовы и других албанских краев, которые должны были пользоваться правом свободно высказаться. Пусть они сами там выражали свое мнение о своем будущем: объединятся ли они с Албанией или же останутся в составе «новой Югославии»?! И если бы стояли за последний вариант, то они опять-таки должны были свободно высказаться, без того, чтобы кто-либо навязывал им свою волю относительно того, как они будут строить свое будущее в составе Югославии. Значит, в данном случае они должны были высказаться, хотят ли они быть самостоятельной Республикой, подобно Сербии, Словении, Хорватии, Черногории

и др., автономной единицей или же состоять в зависимости от другой единицы, и т.д. и т.п. Одним словом, это самое элементарное условие, которое ЦК КПЮ должен был предварительно обеспечить обширным албанским краям с тем, чтобы они могли быть представлены в Яйце. Руководители КПЮ много лет назад заверяли нас в том, что по всем вопросам будет соблюдена и принята во внимание воля этого населения. Но, как я уже говорил, это не было сделано, воля этого населения была полностью попрана. Такой акт нельзя называть иначе, как вероломством.

Хуже того, хотя судьба Косовы окончательно была решена в Яйце еще в конце ноября 1943 года, к нам и в 1944 году поступали (как я уже сказал, только о косовском вопросе) письма и послания Тито и его людей, в которых скрывалась истина, говорилось, что «вопрос этот надо ставить не сегодня», «а завтра», что албанцы Косовы «будут свободны идти куда им захочется и как им захочется» (будто они цыгане, без крова и родины, а не автохтонный народ, который рождался, рос, падал или умирал в своих краях).

Время подтвердило впоследствии, что они нас обманывали не только относительно пройденного периода. Скрывая от нас истину, представляя дело так, будто это касалось «завтрашнего», югославское руководство готовилось к более коварным скрытым действиям. Ближайшие сотрудники Тито и его биографы пишут теперь, что его, особенно в 1944 и 1945 годы, очень «занимал» вопрос о Косове, что он «колебался», «не решался» и т.д. О каких «колебаниях» и «заботах» Тито идет речь, мы этого не знаем, но полагаем, что Тито и его сообщников в тот период (как и в последующем) совсем не занимал «особый» вопрос о Косове. Он был уже решен ими. Их занимала остальная часть Албании, то есть они изучали пути и средства полного включения Албании в состав Югославии. Мы узнали об этом позднее, и это составляет одну из самых драматичных глав нашей схватки с титовцами.

Так закончился 1943 год, так закончился и период до лета 1944 года в наших отношениях с руководством КПЮ.

Кто-либо может сказать, что здесь за весь период с ав-

густа 1943 года до лета 1944 года была затронута лишь одна сторона, один аспект отношений с КПЮ — вопрос о Косове и других албанских краях, присоединенных к Югославии. Почему не говорится о других аспектах этих отношений? Какое сотрудничество и какой обмен мнениями осуществлялись за все это время с КПЮ, каково было совпадение взглядов и каковы были конфликты с ней, скажем, по партийным вопросам, по вопросам борьбы, фронта, власти и т.д. и т.п.?!

Это факт, что в период со времени острого конфликта с Вукмановичем Темпо в августе 1943 года в Куцаке и вплоть до августа 1944 года, то есть ровно за год, ни один представитель югославского руководства не приходил к нам для консультаций, обмена опытом или каких-либо других подобного рода вопросов. Это факт тоже, что за весь этот период мы не получили от югославского руководства ни одного письма или другого особого для нас материала, в которых бы затрагивались такие вопросы, как вопросы партийной жизни, армии, Национально-освободительной борьбы, организации и функционирования новой закреплявшейся у нас власти, Антифашистского Национально-освободительного Фронта и т.д. и т.п. Словом, по всем этим вопросам каждая из наших партий работала, как это она находила и считала правильным и соответствующим принципам, которыми она руководствовалась, и реальной действительности своей страны.

Конечно, говоря, что в этих аспектах нет ничего заслуживающего упоминания, этим я ничуть не хочу сказать, что за весь этот период между двумя нашими партиями не было никаких связей, никаких вестей друг о друге. Нет. Время от времени мы получали различные материалы, рассказывавшие о жизни и строительстве КПЮ, о Югославской национально-освободительной армии, об организации новой власти и т.д. Были случаи, когда, помимо Московского Радио, мы ловили также передачи радиостанции «Свободная Югославия» и слушали сообщения или комментарии о жизни и деятельности КПЮ и югославской партизанской армии.

Мы, с нашей стороны, также время от времени по-товарищески знакомили югославское руководство с ходом воору-

женной борьбы у нас и ее перспективами, с происками оккупантов и реакции, с одержанными нами победами. В свою очередь Миладин Попович время от времени посылал югославскому руководству от своего имени отдельные информации о ходе борьбы и обстановке в нашей стране.

В доказательство нелепости утверждений югославского руководства о помощи, якобы оказанной нам в период до конца 1943 года, приведу еще один факт: письмо И. Б. Тито, присланное Миладину Поповичу 9 октября 1943 года для ЦК КПА. С какой бы стороны ни рассматривать это письмо, хранящееся в нашем Партийном архиве, мы никак не можем квалифицировать его иначе, кроме как квалифицировали и первое письмо Тито, которое мы получили в декабре 1942 года и о котором я упомянул выше.

Своими устами, вернее, своей собственной рукой Тито и в конце 1943 года, как и в конце 1942 года, подтверждает, что не имел ни малейшего представления о состоянии нашей партии и нашей Национально-освободительной борьбы. Осведомившись о том, правда ли, что «албанской партизанской армией руководил некий бывший префект полиции»!!! (это, мол, он узнал от Лондонского Радио!), Тито пускался в «указания»: в октябре 1943 года он писал нам, что в случае, если партизанские ряды в Албании увеличились, надо приступить к созданию более крупных соединений — бригад!

Нам оставалось лишь усмехнуться, ибо решение о переходе к крупным соединениям мы приняли еще в марте 1943 года, на Первой национальной партийной конференции; в июне мы отдали указание создать I Ударную бригаду, а до октября, когда Тито давал нам «директивы», у нас уже были I и III бригады и шла работа по созданию других партизанских бригад.

Еще в более смешное положение ставил себя Тито своими «советами» по вопросу о будущей власти в Албании. «Советую вам, — писал он, — приступить и в Албании к созданию народной власти . . ., кладя в ее основу советы народного освобождения . . .», и, описав «специфические трудности», на которые Югославия наталкивалась в связи с этим

вопросом, продолжал: «Вам в вашей стране можно было немедленно создать народное правительство, основанное, как я уже сказал, на советах народного освобождения ... Если же у вас ситуация еще не назрела, то создайте народный национально-освободительный совет, который исполнял бы все функции правительства до тех пор пока не будет создано такое правительство»[1].

Тот, кто не знает нашей действительности того времени или желает исказить ее, как это делали и делают титовцы, может сказать: «Вот, где ясные директивы, присланные вам Тито! Зачем вы отрицаете его заслуги?». Исходя из исторической истины, мы вправе ответить ему, как и отвечали: Коммунистическая партия Албании никогда не получала и не ждала от Тито «директив» по кардинальным вопросам или по каким-либо другим вопросам своей деятельности! И если то, что он писал нам по вопросу о власти можно и было назвать директивами, то нам оставалось всего лишь назвать их «запоздалыми директивами» или, как говорит народ, директивами, поступившими «к шапочному разбору». Более конкретно: Коммунистическая партия Албании еще весной 1942 года приступила к работе по созданию народной демократической власти с созданием первых национально-освободительных советов; в конце того же года во всей стране действовали советы, тогда как в сентябре 1943 года Вторая лябинотская национально-освободительная конференция провозгласила их единственной властью народа в Албании. Что касается другого «указания» Тито — создать «совет народного освобождения», то можно сказать лишь одно: в Албании не в октябре 1943 года, когда «спохватился» Тито, а еще в сентябре 1942 года наша партия создала Генеральный Национально-освободительный Совет! Правление Генерального совета, вышедшее из Лябинотской конференции в сентябре 1943 года, исполняло ряд функций демократического правительства!

---

1 Из письма Тито, присланного Миладину Поповичу для ЦК КПА, 9 октября 1943 г. *ЦПА*.

Одним словом, Тито ничего не знал о том, что делалось у нас, и давал нам «указания» по таким вопросам, которые мы сами уже давно прекрасно разрешили. Так что мы не виновны в том, что не ждали пока не прибудут «директивы» Тито и лишь после этого приступить к действию. Напротив, если бы мы занимали выжидательную позицию, если бы мы сидели в ожидании «ориентировок» Тито и его приближенных, то дело нашей партии и будущего нашего народа совсем бы пропало! Это было бы тяжким, непростительным преступлением.

Следовательно, как бы ни ломать голову и как бы ни напрягать память, невозможно найти что-либо в пользу «безграничной помощи», которую югославские «друзья», как они утверждают, оказывали нам и в этот период.

Но, может, они имеют в виду нашего старого «друга» Душана Мугоша, который бóльшую часть этого периода (вплоть до мая 1944 г.) продолжал находиться в Албании. Если Тито и компания свою мнимую «помощь» этого периода основывают на «вкладе» Мугоша, то мне надо будет сказать пару слов и о «вкладе» этого внешне мелкого и отчаянного титовца, на которого, однако, были возложены темные миссии дальнего радиуса действия.

Будучи человеком «мест», еще весной 1943 года Душан Мугоша «пристал» к Влёрской области. Особенно сошелся он с Мехметом Шеху, а позднее, когда мы направили туда в качестве представителя ЦК партии и Лири Гега, они втроем образовали своего рода таган. Они обрели известность людей действия, акции, стойких храбрецов, но зато все трое пользовались также известностью высокомерных и чванливых людей, сильно жаждавших славы и популярности, ради чего не останавливались перед террористическими актами, за которые неоднократно упрекали и предупреждали их в письменном и устном виде. Впрочем речь шла о Мугоша. Пользуясь дружбой с Мехметом Шеху и Лири Гега, Душан посещал всякие собрания, совещания и встречи и, то полуалбанским, то полусербским языком, «убеждал» каких-то скендер мучо и хюсни лепеницких примкнуть к линии Нацио-

нально-освободительного фронта и к борьбе, которой руководила Коммунистическая партия Албании!

Своим нетактичным и безумным вмешательством, особенно в таком крае, как Влёра, Мугоша всего лишь портил нам дело.

Как много труда и борьбы понадобилось партии и особенно Хюсни Капо, чтобы поправить то, что ткали ночью и портили нам днем во Влёрской области Душан Мугоша, Лири Гега и Мехмет Шеху.

Мы начали получать один сигнал за другим об их грубых ошибках сектантского характера и, расценив их работу как весьма вредную, удалили их из Влёрской области.

Естественно, нам надо было поступать, как и поступили, осторожно, чтобы не вызвать недовольство, особенно у «друга», у Мугоша. В августе 1943 года мы создали I Ударную бригаду, и Душан настойчиво требовал, чтобы мы направили его именно в эту бригаду.

— Буду постоянно находиться в действии, — сказал «человек мест», — к тому же мы с Мехметом Шеху прекрасно понимаем друг друга.

И действительно, они хорошо поняли друг друга.

Мы серьезно спорили на одной из встреч с Темпо по вопросу о том, как называть наши партизанские бригады. Он говорил, что «называть их надо пролетарскими бригадами, как в Югославии», тогда как я, Миладин и Спиро Моисиу настаивали на том, что называть их надо было «ударными бригадами», ибо в таком случае даже в отношении их названия не оставалось места для кривотолков, к тому же таким образом мы не превышали лозунги Национально-освободительной борьбы и т.д. Несмотря на настояние Темпо, мы поступили по-своему. Единственным среди наших людей человеком, влюбленным в югославский термин, был Мехмет Шеху. При нас он вынужден был называть I бригаду, в которой мы назначили его командиром, «Ударной бригадой», но в конфиденциальных беседах и письмах своим югославским «друзьям» он называл ее «Пролетарской бригадой». Кстати, в одном из писем, направленном Мугоша, Мехмет Шеху выра-

жал свое «глубокое сожаление» по поводу того, что Душан уезжал из Албании «еще до подготовки заказанной плиты с надписью «I ПРОЛЕТАРСКАЯ бригада»»[1].

В этом, несомненно, сказывался «вклад» Душана Мугоша, который в отсутствии Темпо исполнял его идеи и наказы о насаждении раскола и расхождений во мнениях и позициях наших товарищей. Но отрицательное влияние Мугоша на I бригаду сказалось особенно в других аспектах. Известны героические подвиги и самоотверженная борьба, которую доблестные партизаны этой бригады, под руководством партии и Генерального Штаба и вдохновляемые ими, вели в годы Национально-освободительной борьбы. О них говорила и будет говорить история. Однако, нисколько не упрекая в этом личный состав бригады и подавляющее большинство ее кадров, надо отметить, что по личному приказу Мехмета Шеху и при прямом подстрекательстве и поощрении Душана Мугоша были допущены в те годы и кое-какие произвольные и вредные акты сектантского характера. Таким был, например, случай с расстрелом группы баллыстов, которые, правда, были захвачены в плен после вооруженного столкновения с нашими силами, но при принятии решения о них было нарушено указание партии о том, что в таких случаях судить надо хладнокровно, с учетом преступлений, совершенных каждым из них. Мы строго осудили этот акт еще в те дни[2]. Своим сектантством Мугоша наносил в бригаде, как и на местах, только ущерб. Но этим не исчерпывается

---

1 Копия этого письма Мехмета Шеху, присланного Душану Мугоша, как и других его писем, полных восхищения о нем, хранятся в ЦПА.

2 В письме, направленном Мехмету Шеху 5 ноября 1943 года, товарищ Энвер Ходжа, в частности, писал: «Такой расстрел представляет собой крайность, это неуместный и ошибочный акт, так как вместо пользы он приносит нам ущерб. Надо учесть, что крестьяне, входящие в отряды Баллы, являются невинными, непросвещенными элементами, жертвами... Не следует восстанавливать крестьян против нас, так как они составляют основу нашей партии, и такое обращение с ними, как ваше, безусловно, связано с последствиями для наших отношений с крестьянскими слоями. Мы никоим образом не должны давать повод врагу обвинять нас в том, в чем мы не повинны». *ЦПА.*

«вклад» Душана Мугоша. Черный дым его агентурной работы с некоторыми из кадров I Бригады или же там, где ему повезло, несколько раз появлялся на горизонте нашей партии на протяжении всего её пути вплоть до наших дней, всякий раз, когда ей приходилось сталкиваться с антипартийными группами или лицами в своем руководстве.

Итак, для Тито и его присных «вклад» этого сектанта и высокомерного карьериста — огромный. Душан Мугоша ходил по «местам» не просто из-за «личного влечения», нет, ему было поручено ходить и совать нос везде, чтобы собирать данные о наших товарищах и пересылать их югославскому руководству. Готовились тайные планы и кадры для удара по руководству нашей партии, для извращения нашей правильной линии, для подчинения всей Коммунистической партии Албании. Не случайно, что четыре-пять месяцев до прибытия в Албанию Велимира Стойнича, в Югославию срочно был вызван для «особых» заданий Душан Мугоша. Проводили мы его так, как он этого не заслуживал (с почестями и благодарностью), но и он «отблагодарил» нас так, как мы этого не заслуживали: он передал югославскому руководству факты, необходимые для того, чтобы оно пришло к заключению, что действовать в отношении КПА и нашего руководства надо было немедленно и твердой рукой. Иначе попытки титовцев прибрать к рукам Албанию провалятся.

Начинался новый период в наших отношениях с руководством КПЮ. Итак, для югославского руководства настало время сосредоточить внимание и «помогать» нам в тех аспектах, которыми оно до сих пор пренебрегало: в наших внутренних проблемах. Наступало время направить при нашем руководстве, после года отсутствия, третьего за годы Национально-освободительной борьбы посланца Тито. Это был некий полковник — Велимир Стойнич. С именем и миссией этого специального посланца Тито от начала до конца связано одно из самых горьких событий, сопряженных с самыми тяжелыми последствиями для нашей партии и нашей страны, II Пленум ЦК КПА, известный в нашей истории под названием «Бератские происки».

II

БЕРАТСКИЕ ПРОИСКИ

«Миссия Стойнич» в Албании. Нияз Диздаревич «серое преосвященство» Нако Спиру. Советский майор Иванов «узнает нас» через Стойнича ■Обоснование нашего главного руководства в освобожденном Берате ■ Нако Спиру, Кочи Дзодзе, Сейфула Малешова и Панди Кристо подключаются к заговору титовцев. Лири Гега в роли «козла отпущения» ■ Три шага «миссии Стойнич»: первый — удаление из Албании Миладина Поповича; второй — внесение раскола в наше Политбюро; третий — внесение раскола в ЦК КПА и осуждение нашего главного руководства ■ За «единством» заговорщиков скрывается семя их раскола и саморазоблачения ■ Выступление В. Стойнича — платформа титовцев, рассчитанная на подчинение КПА и поглощение Албании ■ Тито — посредник англичан ■ Народные волнения в Косове ■ Стойнич преподносит идею «Балканской федерации» с Югославией во главе ■ Горькие плоды бератского Пленума.

Период с августа 1943 года, когда уехал Вукманович Темпо, и вплоть до августа 1944 года, когда к нам приехал Велимир Стойнич, является одним из самых бурных и светлых периодов в истории нашей партии и Национально-освободительной борьбы в Албании. За это время наша Коммуни-

стическая Партия умножила и дальше закалила свои ряды, выработала и последовательно проводила во всех областях четкую и правильную марксистско-ленинскую линию, в результате чего были достигнуты большие победы.

Укрепление и консолидация Антифашистского национально-освободительного Фронта, организация и упрочение в деревнях и городах национально-освободительных советов — другое свидетельство огромной работы и упорной борьбы, которые наша партия вела в тот период. Вторая Национально-освободительная конференция, состоявшаяся в Лябиноте (Эльбасан) в сентябре 1943 года, и ее очень важные решения[1] легли в основу всей большой и дальновидной работы партии по созданию нового народно-демократического государства в Албании. Увенчанием этой работы явились организация и вполне успешное проведение в мае 1944 года исторического Перметского съезда, окончательно разрешившего одну из стратегических задач партии — задачу основания нового албанского государства народной демократии.

За этот период, в непрерывных схватках с оккупантами и местными предателями Албанская национально-освободительная армия быстро пополняла свои ряды, вооружалась и закалялась в сражениях, утвердив себя как армия нового типа. Помимо всего другого, она успешно отразила один из самых сильных ударов противника, крупномасштабную нацистскую операцию, предпринятую зимой 1943-1944 годов, и весной 1944 года взяла в свои руки инициативу, перейдя по приказу Генерального Штаба в контрнаступление. С созданием значительного числа бригад и других частей, которые в мае 1944 года включали в свои ряды более 35 000 бойцов,

---

1 Главным вопросом, рассмотренным этой конференцией, было укрепление народно-демократической власти. Она приняла устав и положение о национально-освободительных советах, избрала новый Генеральный национально-освободительный совет, публично осудила компромисс, заключенный в Мукье, Круйский район, представителями Генерального совета Юмером Дишница и Мустафой Гиниши (тайный агент британского Интеллидженса сервиса) с представителями Баллы Комбетар вопреки полученным указаниям, и решила до конца разоблачить враждебную деятельность Баллы Комбетар.

не считая территориальных отрядов и вооруженных добровольцев в деревнях, была сформирована I Ударная дивизия, а немного позднее — II Ударная дивизия Албанской национально-освободительной армии. В конце мая 1944 года я, в качестве Главнокомандующего, отдал Национально-освободительной армии приказ перейти в генеральное наступление для полного освобождения Албании от нацистских захватчиков и полного разгрома Баллы Комбетар, Легалитета и всех других сил реакции. Пламя решающей битвы охватило Юг и Север Албании. Все шло благополучно как на внешнем фронте, на фронте борьбы против гитлеровских войск, так и на внутреннем фронте. Решающая победа была недалекой.

Именно в этот период как никогда раньше интенсифицировались усилия и потуги англо-американских союзников яростно вмешиваться в наши внутренние дела[1], чтобы не дать Албании ускользнуть у них из рук. Но этим планам союзников мы вовремя нанесли удар. И впоследствии мы постоянно выказывали осторожность и хранили бдительность перед лицом англо-американской опасности, нам приходилось вступать с ними в борьбу и столкновения, но, в конечном счете, их дело в Албании было проиграно.

Именно в эти моменты, когда буря войны и революции в Албании была в самом разгаре, пожаловал в наш Генеральный Штаб посланец Тито, полковник Велимир Стойнич вместе со своим помощником, Ниязем Диздаревичем[2]. С их приходом начинается один из самых трудных и самых деликатных периодов нашей военной и послевоенной истории — период явных и тайных столкновений и конфликтов с белградским руководством. Таким образом, КПА и албанскому

---

1 Энвер Ходжа, «Англо-американская опасность для Албании». алб. изд., стр. 320-338, Тирана, 1982.

2 Где сегодня этот Велимир Стойнич, это нам не известно и мы больше не слыхали о нем после его злополучной работы в Албании, а что касается Нияза Диздаревича, то он, отслужив службу дипломата в галстуке бабочкой в Париже, а затем посла с четками в Алжире, занимал пост председателя Комиссии по иностранным делам при Союзной Скупщине Югославии. *(Примечание автора.)*

народу пришлось несколько лет подряд вести новую, особую борьбу, которая велась без пушек и пулеметов, но была столь же трудной, если не труднее, и чреватой более опасными последствиями, чем вооруженная борьба с открытыми врагами.

«Миссия Стойнич»

Велимир Стойнич прибыл в Албанию в конце августа 1944 года в качестве главы югославской военной миссии при нашем Генеральном Штабе.

— Задача нашей миссии, — сказал он нам еще на первой встрече в Хельмесе — во-первых, по-братски передать вашему Генеральному Штабу опыт Югославского Штаба в связи с крупномасштабными и согласованными операциями в теперешние моменты, когда немецкие войска оставляют Грецию; во-вторых, установить регулярные связи между генеральными штабами и армиями обеих наших стран, рассмотреть возможность согласования в будущем и совместных крупномасштабных операций, и, в-третьих, помочь в деле дальнейшей организации братской армии Албании.

Но вскоре, еще на первых беседах с этим полковником и его главным помощником, Ниязем Диздаревичем, мы убедились в том, что их миссия только по названию, этикетке и образу действия была военной. Даже сам Стойнич еще на первой встрече сказал нам, что он пришел и в качестве «инструктора ЦК КПЮ» при нашем руководстве, но мы не согласились с этим, за что он совершенно открыто выразил свое огорчение. На самом деле он приходил с иными «поручениями». Некоторые из них, — самые очевидные и уловимые, при той степени нашей осведомленности, мы еще тогда поняли. Остальные же выяснились позднее, когда мы вернулись и снова, неоднократно возвращались ко всему, что произошло с момента прихода группы Стойнича в Албанию.

Время показало, что «миссия Стойнич» была прежде всего специальной миссией, высланной Тито на исходе войны в Албании в темных политических, диверсионных и агентурных целях. Он пришел для организации удара по КПА и ее линии, для подчинения КПА, для превращения ее в орудие и придаток КПЮ. Он пришел как раз накануне полного освобождения Албании, чтобы нанести удар устоям, на которых создавалась новая, народная власть, и подготовить почву для превращения Албании в седьмую республику Югославии.

Ввиду особых отношений, установленных нами с КПЮ, мы тепло и сердечно приняли нового посланца югославского руководства. Он проинформировал нас о положении в Югославии, о партизанской борьбе и успехах, достигнутых под руководством КПЮ и Тито. Мы также еще на первой встрече по-товарищески проинформировали его о положении и успехах нашей армии, о Фронте и зарождавшейся новой, народной власти.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он, — я расскажу вам и о строительстве и опыте нашей Коммунистической партии.

— С удовольствием слушать вас будем, — отозвался я, — наша партия молодая и мы нуждаемся в том, чтобы знакомиться с опытом старших и бо́льших партий и обмениваться с ними мнениями.

Итак, на одной из других встреч Велимир Стойнич рассказал нам о КПЮ, ее прошлом, как и борьбе и правильном ее развитии с приходом Иосипа Броз-Тито во главе руководства, а также о большом авторитете, завоеванном ею в народе в результате героической борьбы, которую она под его руководством вела за освобождение родины.

По этому случаю я также говорил ему об истории нашей партии со времени ее основания, о расширении ее рядов, о достигнутых ею успехах и т.д. и т.п. Как только я кончил, полковник, отбросив прочь роль «военного», сказал:

— Правда, моя главная миссия военная, но, являясь партийным работником и по особому поручению руководства нашей партии, я буду говорить с вами и о партийных де-

лах и обо всем другом, — и он принялся степенно делать «замечания» в адрес нашей линии, перечислять «ошибки», которые наша партия, видите ли, «постоянно» допускала!

Одно из «главных» критических замечаний, с которыми пожаловал к нам Велимир Стойнич, состояло в том, будто в линии нашей партии «постоянно» наблюдались колебания то направо, то налево; он не преминул при этом увязать «оппортунизм» нашей линии с критическими замечаниями Вукмановича Темпо. Фактически, Темпо проповедовал нам братоубийственную войну, он рекомендовал нам ударить по только что родившемуся Баллы Комбетар, критиковал усилия нашей партии оторвать от Баллы Комбетар заблудившиеся элементы. В свою очередь Велимир Стойнич обвинил нас в том, будто наша линия страдала оппортунизмом, а это он «аргументировал» тем, что представители Генерального Совета Национально-освободительного Фронта переговаривались с представителями Баллы Комбетар в деревне Мукье, близ Круи, в конце июля и начале августа 1943 года. В то же время, назвав Мукье «оппортунистическим актом», он, приведя тот же «аргумент», упрекнул нас в том, что мы проявили сектантство, не продолжив переговоры с этими коллаборационистами итальянского фашизма и изменниками нашего народа.

Спокойно выслушав эту персону (самое меньшее, что мы могли думать тогда о нем, это то, что он был плохо осведомлен о нашей линии), я говорю ему:

— Вы не только противоречите самому себе и Темпо, но, позвольте мне заключить, вы не знаете ситуации в нашей стране. Вы должны знать, что Баллы Комбетар это фронт изменников, его главари — сотрудники итальянских фашистов. Партия сразу же после его появления призвала его объединиться на борьбу с захватчиками. Это не было оппортунизмом в нашей линии, это была правильная линия. Баллы Комбетар воевал против нас и сотрудничал с итальянскими захватчиками. Накануне капитуляции Италии в нашей борьбе возникали новые моменты и мы должны были воспользоваться ими. Вот почему мы еще раз призвали баллыстов

включиться в борьбу как против находившихся уже накануне капитуляции итальянских захватчиков, так и против новых, немецких захватчиков. Лидеры Баллы Комбетар пошли навстречу нашему призыву вести переговоры и решить, что делать в будущем. У нас были свои цели, у них — свои. Они пришли на переговоры с нами, чтобы завоевать хоть какое-нибудь доверие в народе, в глазах которого сильно дискредитировались, а мы, как я уже сказал, стремились вовлечь Баллы в борьбу с новыми захватчиками, ярыми немецкими фашистами. И в случае если бы и после этого лидеры Баллы продолжали старую игру, то они еще больше и окончательно разоблачили бы себя в глазах народа, вследствие чего заблудившиеся элементы, составлявшие основу этой организации, бросили бы их. Именно для этого и состоялась мукенская встреча. Посланцам нашего Национально-освободительного Фронта было четко указано, что шли они в Мукье, чтобы убедить Баллы включиться в борьбу и что вне этого нельзя было заключить никаких соглашений.

Лидеры Баллы пришли в Мукье со своими планами. Они не только хотели образовать совместный комитет, но и добивались паритета в управлении будущей Албании. Этого требовали те, кто открыто сотрудничал с фашистской Италией, да еще в то время, когда не давали никаких гарантий в том, что бороться против немцев будут, и когда, помимо всего другого, требовали, чтобы мы приняли тезис о «великой Албании», об «этнической Албании». Оба посланца нашей партии попали в ловушку Баллы, приняли его требование, а это потому, что один из них, Мустафа Гиниши, как выясняется теперь, был агентом британского Интеллидженса сервиса, а другой, Юмер Дишница, был оппортунистом. Узнав о такой измене своей делегации, партия немедленно осудила ее. Вот почему, товарищ Велимир, я говорю вам, что ваши упреки в адрес нашей партии и ее руководства — как упреки в оппортунизме, так и упреки в сектантстве, — несостоятельные.

— Я настаиваю на том, что осуждение вами Мукье

было сектантством, — повторил Велимир. — Вам надо было найти язык, чтобы убедить лидеров Баллы.

— Ни за что! Это было бы изменой, предательством в отношении партии, — гневно ответил ему Миладин. — Сделай мы это, албанский народ должен был приставить к стене и расстрелять нас. За что боролись этот народ и эта партия? Неужели за то, чтобы разделить власть с реакцией?

Спор разгорелся и долго продолжался. В основном говорили я, Велимир и Миладин. Кочи Дзодзе совсем молчал, да всего лишь в зависимости от хода разговора то краснел, то бледнел, а Нако Спиру не имел «случая» участвовать в споре: итальянский язык привязал его к номеру два «миссии Стойнич», к умному и лукавому югославу, Ниязу Диздаревичу. Он переводил Диздаревичу наши слова.

— Я не говорю, чтобы вы разделили власть, — со злостью ответил Стойнич Миладину Поповичу. — Вы должны были участвовать в предусмотренных встречах в Мукье, вот что я хочу сказать. Не пытайтесь скрывать свое сектантство, Оно вопиющее!

— В чем вы его видите? — спросил я.

— Да вот, в сказанном мною относительно того, как вы поступили в Мукье. Впрочем у меня еще и другие факты. Ваше сектантство вывели наружу Лири Гега и Мехмет Шеху. Что это они творят?

— У них свои грехи, за которые мы их раскритиковали и которые мы еще глубже проанализируем. Не забывайте, однако, что их тесным сотрудником и даже вдохновителем во всех извращениях и сектантских актах был ваш товарищ, Душан Мугоша.

— Оставим Мугоша, — перебил меня Стойнич, — он принадлежит нам, его дело мы рассмотрим. Я говорю о ваших товарищах. Во Влёре Лири Гега снимает и ставит в обкоме и в штабе кого ей хочется. В Печине Мехмет Шеху убивает 50-60 баллыстов из люшнинских деревень, на Севере Лири свирепствует.

— Ну и хорошо знаете вы наше положение! — сказал я ему с явной иронией.

— Думаю, что знаю. Даже прекрасно знаю! — ответил Велимир Стойнич с апломбом.

— Товарищ полковник! — тут же отрезал я ему. — Мы товарищи и друзья, мы уважаем и чтим вашу партию и ваш братский народ, но, извините уж, мне кажется, что вы выходите за пределы ваших компетенций как военный, будь это как посланец югославского Генерального Штаба или же как член другой партии. Ваше вмешательство неуместное, а ваш тон неприемлемый.

— Мы прежде всего коммунисты, — проговорил он, отступив немножко. — В чем тут беда, если мы говорить будем и об этих вопросах! Я же сказал вам, что товарищ Тито специально поручил мне поговорить с вами и об этом.

— Ну хорошо, как коммунисты можем и поговорить, — заметил я, — но учтите, где и о чем вы говорите.

— Прошу прощения, — ответил он, покраснев. — Возможно, что я хватил через край, но вы-то должны меня понимать, я все говорю вам по-товарищески, по-дружески и к вашему добру. Иной цели у меня нет. Но давайте уж не будем больше про это сегодня и спокойнее поговорим в следующий раз.

Мы холодно расстались, хотя улыбнулись и пожали руку друг другу. Но меня терзала мысль о случившемся, особенно неожиданное обвинение в «сектантстве». Если год с лишним тому назад, когда мы делали попытки привлечь националистских элементов и всех других к борьбе против захватчиков, Темпо обвинил нас в «оппортунизме», то позднее, когда мы указали Баллы место, оказывается, что мы впали в «сектантство». Я не смог удержаться и сказал Миладину:

— Никак понять не могу. Эти посланцы помочь нам хотят или же стараются во что бы то ни стало «раскрыть» у нас или приписать нам «ошибку ...»?!

Миладин улыбнулся как-то принужденно, хлопнул меня по плечу и ни слова не выговорил. Это была улыбка, какую я редко видел на лице моего друга по борьбе и мукам. В этой улыбке чувствовались отчаяние, сожаление, а, быть мо-

жет, и подозрение насчет того, что говорили товарищи из его партии.

— Бороться будем, бороться и идти вперед, — сказал он, — а дела эти прояснятся. В конечном итоге, Темно, Вельо [Велимир Стойнич] и черт знает еще кто — это не КПЮ и не ЦК КПЮ.

— Я не хотел бы ставить это под сомнение, — сказал я.

Это были дни, полные работы, напряжения и самых различных и трудных проблем, которые требовали правильного и неотложного разрешения. В те дни и ночи я и мои товарищи добрую часть времени и сил тратили на подготовку стратегических и оперативных планов битв, которые вели или же планировали вести дивизии и другие крупные соединения и мелкие подразделения нашей перешедшей в генеральное наступление армии. Время и труд отнимали у нас большие проблемы партийной жизни на местах и в армии, проблемы Национально-освободительного Фронта и национально-освободительных советов. К тому же на Перметском съезде мы создали Антифашистский национально-освободительный комитет, выполнявший функции Демократического правительства, а это правительство, которое я возглавлял, не было ни продуктом бумаг, ни скоплением людей, которые должны были где-то сидеть в ожидании дня взятия власти.

Нет, мы были действующим правительством, правительством, контролировавшим подавляющую часть Албании, мы с каждым днем распространяли свою власть на освобождавшиеся города, деревни и края. О том, каким бескрайним полем сложных проблем представлялись создание, организация и управление властью, какого труда, усилий, поисков и дебатов стоило нам это, я как-нибудь подробно расскажу в другой раз. Хотел бы только подчеркнуть, что ситуация, фаза, которой достигла наша борьба, и ряд других обстоятельств принуждали нас думать и отвечать за все, — начиная от крупных проблем, связанных с последней битвой за освобождение Родины, от обеспечения населения освобожденных, и даже и неосвобожденных районов продовольствием и кровом, от первоначальной организации созидательного

труда и вплоть до принятия первых мер на этап, когда вся Албания будет у партии и народа свободной и демократической страной. Под ногами вертелись у нас англо-американские союзники, которые, будучи отъявленными политическими картежниками, каждый день пускали в ход новые карты, чтобы сбить нас с толку, вокруг нас была внутренняя реакция, видевшая, что ее дело безнадежное и старавшаяся чинить нам тысячу одну преграду и трудность. Прибавь к этому еще отсутствие почти у всех нас опыта в деле организации и управления новым государством, прибавь еще ощутимый недостаток кадров, и тогда картина станет хоть сколько-нибудь яснее. И как раз в разгар этого бесконечного потока дел, трудностей, кардинальных, средних и мелких проблем вклинивается «миссия Стойнич» с ее определенными целями и стремлениями.

В первые дни сентября мы спустились в Одричан (Хельмес с пятью его домами уже не мог содержать нас) и оттуда, поддерживая непрерывные и широкие связи, управляли всей страной. Телефон не переставал звонить, сообщения по радиосвязи поступали со всех сторон, связные и товарищи то и дело входили и выходили. Иной раз заходил к нам на «консультацию», на «помощь» или же просто, чтобы сказать *добар дан*[1] Велимир Стойнич. Он пытался все разузнать и всюду совал свой нос. Однажды, когда мы стоя обменивались с ним парой слов, приходит ко мне связной офицер и говорит:

— Товарищ Командант! Из Гирокастры сообщают, что там собираются взорвать Драготский мост. Со стороны ущелья Дриноса и Вьесы подъезжают немецкие автоколонны, а Драготский мост составляет узловой пункт. Спрашивают ваше мнение.

— Ни в коем случае не сделать этого! — сказал я. — Немедленно передайте им приказ не взорвать, а любой ценой защитить Драготский мост.

— Где этот мост? — живо поинтересовался Велимир Стойнич.

---

1 На сербско-хорватском языке: добрый день.

Я подошел к карте и указал его.

— А почему не взорвать его?! — разразился он словно ужаленный. — Ведь это стратегически очень важный мост. Если немецкие автоколонны пройдут через него, то наберется дел у вас, да и у нас. Пусть немцев поколечат и уничтожат по ту сторону, иначе они проберутся через всю Албанию, прорвутся и к нам, в Югославию.

— Не беспокойтесь, — сказал я ему. — Мы отдали приказ о том, чтобы от Какавии и вплоть до Хан и Хотит[1] ни одного немца в живых не осталось. Да и если останется, то будем по пятам преследовать их и за пределами наших границ.

— В таком случае, почему вам не разрушить и этот мост?! — опять спросил он. — Его разрушение во многом мешало бы проникновению ...

— Да потому, что настало время, когда нам и мосты нужны будут, — ответил я. — Добрую часть их взорвали и взрывают сами немцы, многие другие с удивительным усердием пускают на воздух офицеры британских миссий. Но теперь, когда наши войска контролируют все наши дороги, ущелья и горы, взрывать мосты значит уничтожать добро стоящего у власти народа. Вам не известно, что Драготский мост — стратегически важный пункт для наших действий. Что касается блокировки вражеских автоколонн, то вы должны знать, что у этого моста находится Кельцюрское ущелье, которое наши силы сделали непроходимым для немцев.

Глава югославской военной миссии ушел недовольный. Правда, как я уже сказал, главной его миссией не были военные проблемы, но пославшие его сюда поручили ему задачи и в этом аспекте. Одна из них заключалась в следующем: «Воздействовать» на нас в том направлении, чтобы за этот период мы задерживали боями на нашей территории как можно больше находившихся в Албании или отступавших из Греции немецких соединений и, тем самым, не давали на-

---

1 Пограничные пункты соответственно на юго-восточном и северо-западном окраинах Албании.

цистским войскам вторгнуться в Югославию. Как мы узнали позднее, по приказу Югославского генерального штаба на границах между Грецией и Македонией была создана ими сильная завеса с целью предотвратить отступление немцев в том стратегическом направлении. Следовательно, единственной «дверью» к отступлению оставалась Албания. Итак, согласно этому «разделению дверей», пусть смертельно раненый нацистский изверг обрушит свою последнюю жестокость на наши земли и на наши силы.

Конечно, нам никогда и в голову не приходило, что на войне могло быть и такое распределение ролей. Мы всегда всеми силами и возможностями боролись за уничтожение любого нациста, где бы мы его ни встречали, и никогда не думали, что можно предпринять «тактически выгодное нам отступление» в какое-нибудь ущелье, чтобы врага уничтожил кто-либо другой. Это было подтверждено всеми битвами, проведенными нами вплоть до августа 1944 года, это наилучшим образом подтвердилось героической и непрерывной борьбой наших сил с августа по ноябрь 1944 года, а после освобождения Албании — выделением доброй части этих сил на преследование нацистов за пределами наших государственных границ, в Югославии. Словом, на этой части своей миссии Велимиру Стойничу не пришлось тратить какие-либо силы. Он мог свободно сосредоточиться на других, самых главных аспектах. А за это, как я уже сказал, он взялся, как только его нога ступила в Албанию.

Каким образом начали свое дело Велимир Стойнич и его товарищи? Они распределили роли. Велимир изображал себя «компетентным» в вопросах организации армии, партии, власти, госбезопасности, просвещения, культуры и т.д. Короче говоря, он был «большой головой» и Коммунистическая партия Югославии оказывала нашей партии «большую услугу», посылая этакую персону для передачи нам своего «опыта».

В свою очередь Нияз Диздаревич был настоящей лисицей. Человек он был умный, но злой, в высшей степени интриган. То, что знал, он знал и говорил хорошо. Ему было поручено работать с нашей молодежью и восстановить ее против пар-

тии в случае, если бы последняя противодействовала осуществлению коварных планов югославов. Нияз Диздаревич не только стал *«серым преосвященством»* Нако Спиру, но и привел в движение свои «струны сердца» для югославского УДБ. Во время заговора он «влюбился» в одну женщину, члена Пленума Центрального Комитета нашей партии, пообещал ей жениться, и, получив все нужные ему сведения, ушел, бросив ее.

За несколько дней до прибытия «миссии Стойнич» появился к нам в Хельмесе и советский майор Иванов. Разумеется, мы приняли его с распростертыми объятиями и со всеми почестями, которых заслуживал представитель славной сталинской армии. Но жаль, что майор Иванов представлял такую армию, как Красная армия! Был он умным, хитрым человеком и, как выяснилось позднее, он также прибыл к нам не только с военной миссией, но и с другими, «специальными» поручениями. Мне хорошо помнится, как он целый день стоял на крыльце и ожидал полковника Стойнича, и это факт, что Иванов «познал» Албанию и нас, ее борцов, в том свете, в каком их представлял ему Стойнич. К сожалению, Советский Союз познавал Албанию через очки Стойнича, и это не только накануне освобождения, но и в течение нескольких последующих лет советские «знали» нас по тому, что болтали им Тито, Кардель, Гьиляс и другие. Майор Иванов там и сям постоянно расхваливал Велимира Стойнича и Нияза Диздаревича, стремясь «подтвердить» истину о том, что «оба югославских товарища башковитые». В действительности же, Велимир Стойнич был совершенный осел, человек посредственный, выучивший несколько формул и знавший про них только и говорить, не говоря уж о данных ему указаниях, которые он то и дело вынимал из сумки и цитировал.

Первые дебаты с нами и особенно резкие возражения, которые он встретил с моей стороны и со стороны Миладина, окончательно убедили Велимира Стойнича и Нияза Диздаревича в том, что следовало немедленно приступить к работе для радикальных действий и перемен. Велимир Стойнич упор-

но обострял обстановку. Он поддерживал повседневную радиосвязь с штабом Тито, конечно, с его секретарем по организационным вопросам, Ранковичем, и получал оттуда указания к действиям.

Увидев, что Миладин, как югослав, не поддерживал их критические замечания, а наоборот, возражал против них, он попытался убрать его со сцены и изолировать меня от товарищей, чтобы легче нанести мне удар. Так он и сделал. Мы еще находились в Одричане, когда ему удалось убрать Миладина. Он передал ему приказ Тито «немедленно вернуться в Югославию с докладом». В своей подлости группа Велимира Стойнича дошла до того, что даже «по-товарищески» не уведомила меня об этом решении, касавшемся товарища, который три-четыре года работал при нас и сражался вместе с нами. Миладину наказали: сообщая мне о том, что он уходит, не говорить мне, что его вызывали с докладом, а просто сказать, что «переводили на другую работу в Югославии».

Вначале, чтобы не огорчить меня, он не открыл мне правду.

— Да почему именно в эти моменты?! — спросил я его. — Вот еще несколько недель и Албания будет освобождена. Пусть еще раз войдем вместе в Тирану, но не нелегально, с бомбами и наганами в кармане, как в 1941 и в 1942 годах, а свободными, победителями. Потом уходи. Я соберу народ и скажу ему: «Видите этого человека? Он черногорец, югослав. Но он и наш, он и албанец. Зовут его Миладин Попович, а мы зовем его Али Гостивари. Он наш товарищ, наш брат, коммунист, который четыре года подряд вместе с нами и с вами сражался, жертвовал, вырос вместе с нами и все, что у него было, отдал этой победе, отдал свободе. Теперь он уходит. Поцелуйте все его, и счастливого ему пути!». Я говорил, а Али Гостивари плакал.

— Слушаешь меня? — сказал я. — Ты должен еще несколько недель остаться. Свободу увидишь!

— Я так хотел бы, Энвер, но ... должен уходить. Таков приказ моего центра.

Я почуял, что он что-то от меня скрывал. Встретил Стойнича и, от имени нашего руководства, попросил его походатайствовать у своего руководства о том, чтобы отложить исполнение приказа.

— Это совершенно невозможно, — холодно отрезал Велимир Стойнич. — Товарищ Тито приказывает только один раз.

— Хорошо, — сказал я, — но каким образом, каким путем перейдет он в Югославию?!

— Через горы, — ответил он. — Ведь мы еще на войне.

— Нет, — возразил я. — Этого мы не допустим. В 1942 и 1943 годах мы нелегально принимали и провожали машинами Блажо и Темпо, которые были совсем здоровы, а не то что Миладина, да еще теперь, когда мы почти полностью освобождены. Тебе известно, что он болеет чахоткой.

— Но что же нам делать? — спросил он и добавил: — Я только и знаю, что ему следует немедленно отправиться в Югославию.

Мне пришла в голову идея и я тут же попросил встретиться с одним из офицеров британской миссии. Это было время, когда англичане хотели «ладить» с нами, чтобы мы принимали их следовавшие один за другим «варианты» высадки[1]. Тогда мы пришли с ними к договоренности о лечении в больницах союзников, в Бари (Италия), нескольких тяжело раненых партизан. Англичанин явился в комнату, где я работал.

— Господин офицер, — говорю я ему, — хотел бы, чтобы вы конфиденциально сделали мне одолжение.

Англичанин забыл, что являлся военным, и поклонился, «довольный» тем, что я представлял ему случай сделать мне такое одолжение.

— Один партизан, мой тесный друг, очень болен. Можете ли вы немедленно доставить его в Бари?

— А как же нет, завтра вечером! — ответил англичанин с большой «готовностью» и добавил: — Пользуясь случаем,

---

1 См. примечание 1 на стр. 132 настоящей книги.

господин генерал, скажу вам, что хотел бы поговорить с вами об одном вопросе.

Я еще заранее предвидел, что придется мне «дань» платить.

— Послезавтра утром! — тут же ответил я.

— Окау! — вытянулся англичанин и вышел.

Я встретил Миладина и Стойнича и обратился к последнему:

— Миладина отправим завтра вечером в Бари под албанским именем «Али Гостивари». Соединитесь с вашим штабом, чтобы югославские представители при союзном штабе в Италии приняли меры и встретили его. Думаю, что там, на судах и самолетах, каждый день соединяющих ваш штаб с союзным штабом, найдется место для Миладина Поповича.

Велимир Стойнич помрачнел от гнева, вызванного тем, что все хорошо устроилось, но возразить не мог. Мы расстались.

Перед своим отбытием Миладин гулял в раздумье. Я догнал его и, когда мы спускались к церковной площади в Одричане, он взял меня за плечи и сказал:

— Слушай, Энвер, вчера я не говорил тебе правду, так как не хотел еще больше тебя опечалить. Но ведь ты должен знать. Я ухожу потому, что меня прижали к стене именем Тито. Они недовольны моей работой. Но вот что я скажу тебе: Велимир Стойнич и Нияз Диздаревич ведут себя как враги. Осторожно с ними. Лишь бы живым добраться до Югославии и встретиться с Тито, да не буду молчать, я разоблачу их.

Вот как убрали они Миладина.

Немедленно после его проводов, я позвал к себе в контору Велимира Стойнича и спросил его о причине ухода Миладина. Тот холодно ответил:

— Это Тито приказал ему вернуться в Югославию.

— Думаю, — говорю я ему, — что это не по приказу Тито ты не сообщил и мне такое решение о товарище, который работал в эти трудные годы вместе с нашей партией.

— Поставил тебя Миладин в известность об этом? — спросил он.

— Да, он-то поставил меня в известность, но ведь ты должен был сделать то же самое, — холодно сказал я и спросил: — Зачем вызвали Миладина в Югославию?

— Для отчета, — нахально ответил он мне.

— Я не против того, чтобы его вызвали, и не против того, чтобы он отчитывался в своей работе перед ЦК КПЮ, — говорю я ему, — но я за то, что ты должен был сообщить и мне об этом. Если дело просто в «отчете», — сказал я далее, — то Миладину надо было отчитываться прежде всего в нашей партии, где он работал. И я скажу вам, что он работал прекрасно, как коммунист-интернационалист. А вы поступили неправильно. Таково мое мнение.

— Вы можете остаться при вашем мнении, а мы остаемся при нашем, — сказал Велимир Стойнич, и мы расстались, холодно пожав руку друг другу.

После этого начинается второй шаг «миссии Стойнич». Целью удара оставался я. Конечно, в те дни я не знал, да и не соображал, что готовилось и что затевалось вокруг меня, но складывавшейся холодной атмосферы не мог не чувствовать.

В последние дни пребывания в Одричане приходит ко мне в рабочую комнату Велимир Стойнич и со всей серьезностью говорит мне:

— Товарищ Генеральный Секретарь ...

Я понял, что он пришел по «партийным делам», так как в отношениях с нами он завел некоторые «специальные» протокольные порядки: когда приходил по военным делам, начинал с «Товарищ Командант», когда приходил по «делам власти», начинал с «Товарищ Председатель», а когда приходил по партийным делам, начинал с «Товарищ Генеральный Секретарь».

— В последнее время мы обсуждали некоторые вопросы, но мы не довели их до конца. Думаю, что нужно хорошенько взяться за них, — сказал он.

— Это зависит от обстоятельств и возможностей, — ответил я. — Вы же понимаете, что мы очень заняты.

— Вижу, — сказал он, — но это я считаю необходи-

мым. Это важно для вашей линии, для всей вашей работы.

— Хорошо, — сказал я, — как только улучу время, сообщу вам.

— Нет, нет. Я полагаю, что мы должны широко обсуждать их в вашем Бюро Центрального Комитета. Кстати, мне жаль, что вы до сих пор не собирали Бюро, чтобы выслушать меня официально.

— Бюро, товарищ Стойнич, — сказал я ему, — собирается по своему плану работы, в зависимости от проблем и складывающихся условий. Но, откровенно говоря, я не считал, да и не считаю разумным собрать Бюро по выдвигаемым вами вопросам.

— Это надо было пораньше сделать, — сказал он угрюмо и обиженно. — Насколько мне известно, скоро у вас будет заседание Бюро. Товарищи собрались, я познакомился даже с Лири Гега, которая только что прибыла с Севера.

— Что у нас будет заседание Бюро, — отметил я, — это верно, но это заседание Бюро Центрального Комитета нашей партии и, открыто вам скажу, вашу просьбу участвовать в нем нахожу неуместной, неприемлемой.

— Не хотите ли вы этим сказать, что вы еще против моего участия в нем? — спросил он.

— Вам, несмотря на существующие между нами братские отношения, не следовало даже предъявить нам такие требования, которые противоречат нормам самостоятельной партии.

Когда тот упорно и молчаливо смотрел мне в глаза, я уловил выражение внутреннего гнева и циничной улыбки. Затем он что-то пробормотал и ушел. Что это была за улыбка, я понял сразу же после начала заседания нашего Политбюро. Мы решили проанализировать на этом заседании самые неотложные проблемы ситуации, выработать план работы Бюро на весь период вплоть до освобождения Албании, а главное, я должен был изложить основные тезисы доклада для предстоящего Пленума ЦК партии. В заседании участвовали я, Кочи Дзодзе, Нако Спиру, Рамадан Читаку и Лири Гега

(остальные два бывших члена Бюро, Юмер Дишница и Гьин Марку, избранные на Первой национальной конференции в марте 1943 года, давно были выведены из состава Политбюро и Центрального Комитета партии: Юмер Дишница за измену, совершенную в Мукье с Баллы Комбетар в августе 1943 года, а Гьин Марку за почти полное неучастие в заседаниях Политбюро, как и за пресловутый бератский компромисс с немцами осенью 1943 года)[1].

Как только началось заседание Бюро, встает с места Кочи Дзодзе и говорит:

— Предлагаю пригласить на это заседание представителя югославского руководства, товарища Стойнича.

Против этого резко возразили я, Рамадан Читаку, а, поначалу, и Лири Гега. С Кочи Дзодзе солидаризовался Нако Спиру. Заседание Бюро, созванное по важнейшим проблемам текучего момента и будущего, неожиданно превратилось в заседание реплик:

— Он начальник военной миссии, — сказал в один момент Рамадан Читаку. — Чего ему нужно в Бюро?

— Он представитель братской армии и братской партии! — воскликнул Кочи Дзодзе.

— В таком случае, позовем и Иванова, — заметил я. — Впрочем, согласно такой логике, — добавил я с иронией, — можно пригласить в качестве наблюдателя и англичанина, ведь они нам союзники ...

Страсти разгорелись, что явилось для меня совершенно неожиданным и странным. Никогда раньше с нами таких сцен не бывало. Поскольку мы не могли договориться, было предложено решать вопрос голосованием. Неожиданно Лири Гега подняла руку вместе с Кочи Дзодзе и Нако Спиру. В меньшинстве оказались я и Рамадан Читаку.

---

1 В сентябре-октябре 1943 года Гьин Марку, командовавший партизанскими силами Бератской области, без ведома Генштаба и вопреки линии КПА, позволил немецким войскам свободно войти в Берат, освобожденный силами Национально-освободительной армии. Этот беспримерный в Албании акт партия осудила, как весьма тяжкое преступление.

Таким образом, Велимиру Стойничу было предоставлено право участвовать, выступать и диктовать в нашем Политбюро.

С этого момента начинается один из самых горьких и самых трудных процессов в жизни нашей партии, процесс раскола нашего Политбюро, его «реорганизаций», и «кооптаций», а, впоследствии, процесс расшатывания всего Центрального Комитета, избранного в Лябиноте в марте 1943 года.

Чтобы добиться таких результатов, Велимиру Стойничу понадобилось работать согласно хорошо и тщательно обдуманному плану. Как уже я говорил, сразу же по прибытии в Албании, он взялся за осуществление своего плана, на что касается меня, то я впервые лишь на этом заседании Политбюро, когда Велимиру посредством голосования было предоставлено место «почтенного гостя», почуял, что происходило что-то серьезное. Сразу же после своего главного выступления, где изложил товарищам тезисы доклада, который я готовил для II Пленума ЦК, слова с какой-то «учтивостью» попросил Стойнич. Он в двух словах поблагодарил нас за «честь» и «доверие», оказанные ему нашим Бюро, пригласив его на это заседание, и тут же открыл портфель:

— Судя по тому, что говорил товарищ Генеральный Секретарь, — сказал он, — мне уже ясно, что настоящее заседание очень важное. Случайно (!) то, что я по-братски хочу сказать вам здесь, полностью совпадает с темой этого заседания, где будут рассмотрены вопросы, которые вы представите Пленуму вашего Центрального Комитета.

Все, что он говорил добрых два часа (не говоря уж о времени, ушедшем на перевод), сводилось по существу к тезисам, которые опрокидывали все изложенное мною во вступительной речи. Следовательно, его тезисы опрокидывали всю линию партии, перечеркивали все достигнутые ею победы, они составляли в то же время, в случае их принятия, совершенно ошибочную платформу на будущее. В сущности своей они содержали:

Во-первых, эйфорическую пропаганду «величественных успехов» КПЮ и Тито. Он превозносил Тито до небес, чуть ли

не приравнивая его к Сталину, и открыто давал понять, что благодаря их большой помощи «албанцы и болгары одерживали победу на войне».

Вслед за возвеличивающими тирадами о Тито, КПЮ и их «гениальной», «творческой» линии и т.д., Стойнич резко и категорически повторил то, что мы выучили уже наизусть: «у вас не было ясной линии», «вы страдали сектантством, оппортунизмом и опять сектантством».

Этими тезисами Велимир Стойнич норовил ударить по линии военного периода нашей партии и представить ее «неустойчивой, неясной и, в особенности, сектантской».

Во-вторых, хотя заседание и посвящалось нашим достижениям в вооруженной борьбе, Стойнич обошел это кое-какой мимоходной фразой, да и то сказанной пренебрежительным тоном, и всего лишь возвеличивал «опыт», «пример» и «выдающийся, огромный вклад» югославской армии.

Столь шумная пропаганда, которую Велимир Стойнич раздувал об их борьбе, преследовала целью создать впечатление, что наша Национально-освободительная борьба — «подумаешь, невидаль какая», она «не имела какого-либо веса по сравнению с борьбой народов Югославии». Этим он явно давал понять, что своим освобождением мы обязаны борьбе югославов, и работал в направлении утверждения мысли о том, что «наша борьба была просто борьбой каких-то отрядов», или же, что хуже, «борьбой террористов и одиночек, совершавших покушения». Итак, он вынул из портфеля старые, враждебные нам тезисы Вукмановича Темпо, против которого я всегда открыто выступал и с которым неизменно находился в раздорах.

В-третьих, согласно Велимиру, линия партии касательно Антифашистского национально-освободительного Фронта также была ошибочной, «сектантской», раз на заседании нас обвинили в том, что «неправильно поступали» с лидерами-«патриотами» (вроде Цена Элези[1], которого мы не приняли во

---

1 Элемент из правящей верхушки Дибры, противник партии и Национально-освободительного Фронта. Осенью 1944 года, по настоянию Вели-

Фронт); одновременно он повторил сказанное еще в первый день своего прибытия, а именно, что мы «нехорошо поступили, что не продолжили переговоры» с баллистами в Мукье. Итак, согласно ему и пославшим его людям, нам следовало реабилитировать Юмера Дишница.

В-четвертых, по их словам, организационная линия партии была «неправильной», а ее кадровая политика «проводилась в личном плане», в результате чего, мы, мол, «отстраняли верных товарищей от руководящих должностей» и т.д. и т.п.

Оказывалось, что успехи КПА были «незначительными», «непрочными», и, «если КПА вышла победителем, то это скорее всего благодаря Югославии, КПЮ и Тито». Только и всего о прошлом. А теперь что делать? Все это, согласно Стойничу, нужно было «исправить», а чтобы должным образом исправить, нам, албанским коммунистам, оставалось лишь «идти югославским путем, внимать советам и наставлениям Тито», которые принес с собою Велимир Стойнич. Это сводилось к следующему: «Тот, кто стоит на этом пути, тот настоящий коммунист, остальных надо убрать».

Таковыми были, в очень сжатом виде, первые главные обвинения Велимира Стойнича и темные цели, которых он старался добиться через них именно теперь, накануне полного освобождения Албании, когда мы выходили победителями из борьбы с наци-фашистскими захватчиками, местными предателями и внутренней реакцией.

Не могу сказать, что тут же, на этом же заседании я угадал широту, глубину и темные цели враждебной деятельности, которую посланцы Тито организовывали против нашей партии и нашего молодого государства. Нет, правда всплыла на-

---

мира Стойнича, Цен Элези, этот матерой агент сербских королей, под предлогом того, что «не проявлял себя столь активным, что и другие лидеры реакции, против Национально-освободительного движения», был принят в Национально-освободительный Фронт. С установлением народной власти Цен Элези поставил свою деятельность на службу реакционной политике англо-американцев и остатков реакции в Албании.

ружу позднее, но я должен сказать, что еще в те моменты в одном только я полностью отдавал себе отчет: их замечания и обвинения в наш адрес были несправедливыми и незаслуженными.

Я ждал реагирования товарищей, но те сами сидели в «ожидании», понурив голову. Я подумал, что они, вероятно, задеты тем, что Стойнич перечеркнул всю нашу работу и, поскольку он был нашим «почтенным гостем», не хотели выступить против него открыто, да еще на первом заседании. Однако мы были коммунисты, и, правды ради, незачем было оставаться в обиде ни нам, ни гостю.

Я снова взял слово (хотя не мне и только мне надо было говорить) и, поблагодарив Стойнича за «проявляемый ими интерес и заботу», и т.д., стал вкратце перечислять и отвергать все, что не было правильным в его «замечаниях» и обвинениях в адрес нашей линии и нашего положения.

— Поймите меня правильно, — сказал я ему дальше. — Я не согласен с только что сделанными вами «замечаниями», и это не потому, что нам не нравятся товарищеские замечания или советы, а потому, что у нас дела обстоят совершенно иначе. Товарищи выскажут свое мнение и вы убедитесь в этом.

— Пусть так и будет! — проговорил Стойнич с загадочной улыбкой. — Выслушаем и товарищей.

После короткого молчания опять разразилась неприятная атмосфера, сложившаяся на встрече, когда мы спорили о том, пустить или не пустить Стойнича на заседания нашего Бюро.

— Сказанное здесь товарищем полковником Велимиром Стойничем, — взял слово Кочи Дзодзе, — во многом противоречит тому, что товарищ Энвер изложит в докладе Пленуму. По-моему, нам не следует торопиться. Сначала хорошенько обдумаем это, а затем потолкуем.

— Да нет же у нас времени сначала *обдумать*, а затем *потолковать*! — тут же вскочила Лири Гега со своей известной манией не только во всем возражать Кочи Дзодзе, но и явно осмеивать его «чисто корчинский» говор.

— Если бы ты подумала немножко, твое сектантство не было бы столь вопиющим — сказал в ответ Кочи Дзодзе. — Но в Бюро мы хорошенько поговорим и о твоем сектантстве.

— Лучше быть сектантом, нежели греться, как ты, на солнце! — отрезала на свой манер Лири Гега, задев Кочи за живое.

Об «аллергии» Кочи-Лири и часто разыгрывавшихся между ними сценах расскажу потом, но здесь хотел бы отметить, что и между ними не было в прошлом столь открытых раздоров в Бюро. В основном они «оставляли» злобу друг против друга на «свободное время», или приходили ко мне жаловаться то вместе, то по одному.

Так, реплика за репликой, Лири Гега высказала свое мнение о главном вопросе:

— Была или не была сектантской линия партии, — проговорила она, — этот вопрос обсудить надо. Что касается меня, то я действовала в соответствии с линией ...

Я заметил, что Велимир Стойнич весь засиял, как только ему перевели это «заявление» Лири Геги. Он тут же записал его и кивнул головой. На множестве заседаний, которые мы провели позднее, спустившись в Берат, коварное и враждебное утверждение Лири Геги «я действовала в соответствии с линией» служило мощным оружием в руках Велимира Стойнича и его сообщников. Вопиющее сектантство Лири Геги (оно взаправду было таковым) служило им основным «доводом» в «подтверждение» того, что линия КПА была, видите ли, сектантской!

Все время, пока шел спор, Нако Спиру был очень занят. Он быстро записывал в блокноте, кто знает что. Впоследствии я узнал, что он вел детальные записи о наших заседаниях, чтобы передать их в переводе на итальянском языке своему другу, Диздаревичу. С тех пор это стало постоянной «обязанностью» Нако, и неизвестно как оно приняло законную форму и делалось открыто, у нас на глазах.

Много лет спустя я узнал, что в Центральном Партийном Архиве содержится, в частности, и рукопись на итальянском языке протокола II Пленума ЦК КПА (бератский Пле-

нум). «Открыв» это, работавшие с папками тех времен молодые товарищи удивленно спросили: «Что это за протокол на итальянском языке, почему он переведен?!». Когда мне рассказали эту историю, я улыбнулся и вспомнил полные напряжения осенние заседания 1944 года и блокноты «неутомимого» Нако, которые наполнялись один за другим. Но такой «перегрузкой» хитрец Нако прекрасно маневрировал: в острых ситуациях, когда ему невыгодно было высказаться, он погружался в свои «записи» и совсем не поднимал головы.

Как бы то ни было, спросили и его мнения о том, что делать.

— Когда все хорошо подготавливается, — приговорил он стосмысленную фразу, — разногласия легче преодолеть.

Что касается Рамадана Читаку, то он, как всегда, своей манерой говорить медленно и спокойно, что характерно для мужей Косовы (ведь он оттуда был и носил даже псевдонимом Батька), ответил:

— Думать, прежде чем говорить — это хороший обычай. Но я хотел бы сказать вот что: дело не в том, кто прав: товарищ Энвер или товарищ Велимир. Товарищ Энвер изложил тезисы главного доклада Бюро, который будет представлен Пленуму Центрального Комитета партии. Они являются тезисами всех нас, так как, хорошо или плохо, все мы говорили свое слово и боролись за проведение выработанной нами и известной всем нам линии. Поэтому я не понимаю, зачем нам медлить с высказыванием мнения о том, состоятельны или нет замечания товарища Велимира в адрес линии, которую мы сами приняли и проводили?!

Уместное и разумное вмешательство Рамадана Читаку, который до этого, на прежнем заседании, возражал против впуска Стойнича в Бюро, без сомнения, обвело имя Батьки красным карандашом в блокноте югославских заговорщиков. Ведь не случайны открытое вмешательство и давление, к которым они прибегали в октябре в Бюро, требуя исключения Рамадана Читаку из Политбюро нашего Центрального Комитета.

Как раз это первое заседание нашего Бюро в присутствии Велимира Стойнича и «тезисы» последнего служили впоследствии «официальной» платформой многочисленных заседаний, встреч, бесконечных споров, отнимавших у нас ценные часы, дни и ночи в октябре и ноябре того года, когда у нас было и нас ожидало впереди так много дел накануне освобождения.

В этих заседаниях участвовал, «конечно», и югославский товарищ, посланец Тито, который уже не ограничивался лишь сказанным в Одричане, а грубейшим образом продолжал нападки на линию нашей партии, называя меня «главным виновником» «тяжелых ошибок», якобы допущенных в линии нашей партии во время войны.

Хотя и не отличался «тонким умом», свое дело отъявленного интригана и агента Тито и Ранковича он хорошо сделал. Позднее мы поняли, что он все предпринимал согласно сценарию, давно и тщательно подготовленному югославским руководством. Этот тайный сценарий опирался на два «орудия», которыми располагали югославы: во-первых, на веру и уважение, которые наша партия питала к коммунистической партии, борьбе и народам Югославии, руководимым Тито. Во-вторых, они давно начали работу по подготовке своей агентуры в руководстве нашей партии.

Как я уже говорил, мы были заинтересованы в укреплении интернационалистических связей с ними, и, как товарищи-коммунисты, желали воспользоваться тем их положительным опытом, который мог найти у нас применение. Но того, что нам казалось неправильным или неподходящим для наших условий, мы не принимали. Несмотря на противоречия, время от времени возникавшие между нами и югославскими товарищами, мы не утратили своего доверия к КПЮ и Тито. Югославское руководство наказало Велимиру Стойничу воспользоваться именно этим фактом.

С другой стороны, югославы давно заполучили подробные сведения о главных товарищах из нашего руководства, об их подготовленности, характере, наклонностях, темпераменте, о способностях каждого из них, о том, какого мнения

были о них партия и массы и т.д. Неспроста в своем письме, направленном нам в сентябре 1942 года, Тито просил характеристику товарищей, избранных в ЦК партии Первой национальной конференцией. Позднее подробные сведения, собранные во время встреч с нами, как и другими агентурными путями, сообщили своему руководству Блажо Йованович, Вукманович Темпо и другие. Югославское руководство тщательно изучало их и, когда наступало уже время для окончательной подготовки плана действия «миссии Стойнич», оно спешно отозвало из Албании Душана Мугоша, ибо, как нам сказали, «он переходил на другую работу». Как выяснилось позднее и вплоть до наших дней, Душан Мугоша, действовавший под псевдонимом Хромой, завербовал тайных агентов среди кадров нашей армии и на местах, где он сотрудничал. Но вернемся к военному времени, когда почти 3-4 месяца спустя после ухода Мугоша, в Албанию прибыл наилучшим образом подготовленный Стойнич.

Таким образом, получив приказ, конечно от Тито и Ранковича, Велимир Стойнич уже успешно использовал собранные о нас сведения: и для подавления моего сопротивления, как и сопротивления других стоявших на твердых позициях товарищей, и для поощрения антипартийной фракционной деятельности Сейфулы Малешова, Кочи Дзодзе, Нако Спиру и их товарищей. Итак, он старался и смог еще в Одричане создать вот какую ситуацию: все, что делал или говорил «Вельо», «было правильным», потому, что это «говорил Тито, говорила КПЮ, а тот, кто возражал, был врагом и его следовало обличать».

По самым различным причинам и мотивам, еще в этой первой фазе его агентурной деятельности Стойничу удалось привлечь на свою сторону некоторых из главных товарищей в нашем руководстве.

Кто это были главнейшие?

Одним из них был Сейфула Малешова. Он известен и я не намерен рассказать его биографию, но это факт, что во время войны он был нолем без палочки. Он ничего не сделал, ни одного из наших поручений не выполнил, он был

якобы человеком пера, но ни одной листовки толком не написал. Был он образцовым лентяем. Не знаю, как и откуда пошла о нем молва, как о «преподавателе марксизма-ленинизма в Москве», тем не менее он ни единой лекции не подготовил. Его политические взгляды на многие вопросы были ошибочными, явно либеральными. Он был карьеристом, которому очень нравились похвалы, привилегии, был преобразом мещанина. Все эти характерные черты Сейфулы Малешова пришлись по вкусу югославу Велимиру Стойничу, как для тогдашних моментов, так и на перспективу, отчего он всячески подкармливал их. Сейфула готов был ссориться с товарищем даже из-за пустяков, как, например, из-за зубной щетки. Его характеризовало явное высокомерие. Он выдавал себя за «старого революционера», кичился тем, что «приехал из Москвы» и что был преподавателем марксистско-теории», отчего и лелеял надежду стать неоспоримым «шефом» партии и руководителем Национально-освободительной борьбы. Поскольку эта его мечта не осуществлялась, он был в молчаливой оппозиции к партии. Меня он считал человеком, занявшим место, «предназначенное для него еще до того, как его нога ступила в Албанию». Никто, кроме меня, не обращал внимания на этого человека, страдавшего манией величия. Несмотря на эти его недостатки и ошибки и хотя я его и критиковал, опять-таки я обращался с ним корректно.

Югославы хорошо пронюхали природу Сейфулы и особенно его жажду стать «шефом партии» и нашли в нем подходящего, хотя бы на время, человека для своей раскольнической деятельности в нашей партии и для моего отстранения. Вот почему Стойнич и Диздаревич держали Сейфулу близко к себе, лукаво лелеяли его мелкобуржуазное самолюбие, закидывали даже словечко: «жаль, что такая большая, как ты, голова, все еще кандидат в члены Центрального Комитета» и т.д. Итак, вскоре они сделали Сейфулу своим человеком, держали его близко к себе, активизировали его и очень «ценили» его «теоретические способности». особенно когда Сейфула гнусно атаковал партию за совершенно несуществующие позиции и ошибки.

Будучи мещанином, либерал-демократом и троцкистом, Сейфула Малешова не делал никаких попыток избегать водоворота, куда заманивали его югославы. Из трясины глубокой враждебности, куда погрузился, он развернул подлое наступление на партию. По его мнению, «подлинная жизнь и борьба» партии начинались сегодня, когда «дела налаживал уже товарищ Велимир Стойнич» (подразумевай и Сейфула Малешова).

Другим элементом, за которого ухватился и на которого прочно опирался Стойнич, был Кочи Дзодзе. Он был старым членом Корчинской группы, мелким ремесленником, относившим себя к группе рабочих потому, что работал жестянщиком. Вначале он любил партию и коммунизм, но был пугливым человеком, не работал над расширением своего кругозора и повышением уровня своих знаний, являлся одним из тех немногочисленных корчинских рабочих, в которых бросались в глаза нахальство и спесивость и которые остались, так сказать, «безграмотными». Ни он, ни Панди Кристо совсем не работали над собой. Кочи Дзодзе усваивал отдельные положения и все время каракулями делал лаконичные неразборчивые заметки, которые только он мог расшифровывать. Даже и это он писал не на обычной бумаге, а на конвертах. Это было его манией. Да и бумаги ему не много нужно было, ведь он писал мало или же совсем ничего. Кочи не был ни организатором, ни человеком действия. Он много мнил о себе, ему казалось, что стоял он выше всех. Единственная его заслуга состояла в том, что он был рабочим, отчего его избрали в руководство, и я уважал его. Я старался помогать ему, но зато и критиковал его, так как он ничем не блистал, напротив.

Титовцы давно обработали его через Вукмановича Темпо, еще когда тот, прибыв в Албанию, совершал вместе с Дзодзе «балканские» путешествия по Греции. Я, как уже говорил, ничего плохого не видел тогда в сближении Темпо с Кочи Дзодзе и дважды согласился на то, чтобы они пошли вместе в Грецию еще и потому, что Дзодзе знал греческий язык и был по происхождению из Негована. Но Кочи Дзо-

дзе вернулся из Греции уже человеком Темпо и югославской агентуры.

До тех пор пока Кочи находился в тюрьме, мы питали уважение к нему. Но, когда он, выйдя из тюрьмы, начал работать вместе со мною в руководстве, мы разочаровались. Послали мы его с заданием руководить борьбой в Корче, а он занимался «базами и тылом», интересовался тряпками, которые собирались в Лявдаре и Пунемире. Там ему создали все возможности работать, создавать, организовать, но он показал себя в руководстве заурядным товарищем, ничего конкретного он не сделал в направлении партийной работы, да что и говорить о работе в армии. Будучи высокомерным и претенциозным, он не мог не культивировать в самом себе большое недовольство. Разумеется, Темпо было хорошо известно его настроение, оно было известно и Велимиру Стойничу, который принял его, обработал и подкормил в вышеупомянутом направлении, сделав его своим орудием в борьбе против нашей партии и против меня лично. Будучи так обработанным и подговоренным, Кочи Дзодзе изображал себя «одним из отверженных пролетариев», «одним из партийных деятелей с пролетарским сердцем, очень полезным для партии»[1].

Третьим человеком, которого Стойничу удалось привлечь на свою сторону, был Нако Спиру.

Нако в некоторых отношениях не походил на двух первых. Он был умным и смелым человеком, партийная линия была ему ясна, к тому же он был и хорошим организатором. Я любил и уважал его и, после гибели Кемаля, предложил, чтобы он заменил его в молодежной организации и в партийном руководстве. С Нако я постоянно советовался, так как большей частью мы сидели вместе. Он всегда выступал действующим руководителем.

---

1 Позднее Ранкович, югославский гомолог Кочи Дзодзе, не преминул рекомендовать даже Сталину Кочи Дзодзе как «руководителя с пролетарским духом», как самого «надежного» и самого «толкового» в руководстве КПА! и т.д.

Однако Нако Спиру, в той же мере, что и два первых, был в душе мещанином, а некоторые отрицательные черты были у него весьма выраженными. Он был крайне властолюбивым и склонным к интригам человеком. Сплетни, уместные и неуместные критические замечания были у него на языке. Он всячески побуждал продвигаться вперед и хвалил тех, кто ему нравился, был человеком кумовских связей и работал в этом направлении, очень любил окружение людей, готовых слушать его, повиноваться ему и исполнять его приказания. Нако был очень любопытным человеком, копался даже в интимнейших делах людей. Часто, когда приходил ко мне и рассказывал о не касавшихся нас интимных, личных делах того или иного, я выражал удивление и критиковал его.

— Откуда тебе известно все это, Нако? — упрекающе спрашивал я.

— У меня свои методы и информирующие меня люди, — отвечал он.

Это были опасные для коммуниста и для руководителя склонности и, помимо всего другого, они явились одной из причин того, что Нако включился в гнусную антипартийную деятельность, затеянную посланцами Тито.

Югославы знали, да еще лучше узнали эти его серьезные изъяны. Велимир Стойнич и в особенности его помощник Нияз Диздаревич, якобы занимавшийся проблемами молодежи, подкармливали все эти амбиции, основательно скомпрометировав его. Дело дошло до того, что Нако Спиру посылал Тито и ЦК КПЮ секретные доклады, собственноручно написанные им и использованные впоследствии как средство давления на него и частично даже опубликованные ими; в них Нако, описывая «плачевное положение нашей борьбы, ошибки, болезненную обстановку в партии», обрушивался на меня с выпадами, ставил все это мне в вину и просил их содействовать моему отстранению от должности Генерального Секретаря партии. Вот до чего опустился этот товарищ в своей антипартийной работе. Хорошо распознав карьеристские склонности Нако, его мещанское властолюбие, его кри-

тиканство, югославы подкармливали у него все это и лелеяли его самолюбие и амбиции. Нако присоединился к их «критическим замечаниям» и «обвинениям» в адрес нашей линии не потому, что «ошибся» при оценке линии. В «обвинениях» югославов Нако пронюхал открывавшиеся перед ним пути к власти. В случае осуждения прежней линии, как «неправильной», заодно с ней был бы осужден и ее главный проводник, Генеральный Секретарь партии. А кто занял бы его место? Разумеется, тот, кто внес бы наибольший вклад в опорочение прошлого и снискал бы, тем самым, расположение и признательность югославов. Как раз на основе подобных рассуждений Нако целиком включился в заговор, осквернив не только партию, но и свой полный лишений путь, пройденный за 3-4-летний период войны.

Следовательно, это были три главных разбойника, которых югославы через своего посланца, Стойнича, со всей жестокостью должны были натравить на линию партии, на неоспоримые победы, которых мы достигли и достигали в борьбе.

Конечно, произведенное выше столь четкое описание этих элементов было совершенно невозможно и даже и немыслимо не только в Одричане, но и позднее, когда мы спустились в Берат. Их, несмотря на известные мне недостатки, я считал товарищами и на каждом шагу, при любых мероприятиях я обращался с ними, как с товарищами из партийного руководства. Поэтому, услышав из их уст самые тяжкие слова и обвинения в адрес партии, я был ошеломлен и почуял, что имел дело с группой товарищей, которые «блоком» выступали против линии партии и против меня лично, как Генерального Секретаря. Конечно, я не сразу сообразил, что речь шла об организованном заговоре. Эти три товарища из руководства все оправдывали заботой о том, чтобы «вникнуть в суть дел», «правильно оценить прошлое», учиться на «опыте и товарищеских замечаниях югославских братьев», «устранить ошибки», «увереннее идти вперед в дальнейшем», предстать перед Центральным Комитетом возможно «более точными», с «принципиальной» и даже «большевистской кри-

тикой и самокритикой» и т.д. Короче говоря, все они на чем свет стоит клялись бороться «за интересы партии», «за ее спасение» (!). Но фактически все их клятвы бороться «за интересы партии» были блефом, маской для прикрытия заговора, который они составляли за спиной у партии, за спиной у меня и всех других товарищей, стоявших на здоровых и принципиальных позициях.

В этом заседании Политбюро, где Стойнич возводил свои обвинения, участвовала и Лири Гега, но ей выпало «на долю» служить в планах югославской агентуры «козлом отпущения». Как я уже говорил, во время своих «командировок» во Влёрской области весною и летом 1943 года Душан Мугоша хорошо узнал Лири Гега, подметил ее многочисленные недостатки и особенно ее властолюбие и карьеристский дух, и держал ее близко, чтобы еще больше подкормить их в интересах своей агентурной деятельности. Надо отдать ему должное, эту низменную и антипартийную работу с Лири Гега, как и с некоторыми другими, Мугоша мастерски выполнил. Уже известные сектантские действия, еще тогда осужденные нашей партией, были в первую очередь плодом агентурной работы Душана Мугоша, в которой явное усердие выказала и его «ученица» и агент, Лири Гега.

Душан Мугоша заслуживал за это строжайшее наказание, но это факт, что он ушел из Албании не как наказанный. Наоборот, исполнив роль, отведенную ему югославским руководством, завербовав и испортив кого только смог, Дучи удрал, оставив нашей партии в «наследие» «вызванные сектантством ошибки», которые теперь нужны были руководству КПЮ для того, чтобы возводить обвинения на «неспособное» и «сектантское» руководство нашей Коммунистической Партии.

Но, чтобы «обвинение» это действовало и выглядело конкретным, югославам пришлось «пожертвовать», хотя бы и временно, своим преданным агентом, Лири Гега, назвав ее воплощением сектантской линии КПА». За «ошибками Лири» скрывался удар, который широким фронтом наносился нашей Коммунистической Партии.

Вся эта горькая и антипартийная история разыгрывалась в период октября и ноября месяцев в освобожденном городе Берат, куда мы спустились, если не ошибаюсь, несколько дней спустя после одричанского «заседания-платформы».

Накануне заговора

Обоснование главного партийного руководства, Генерального Антифашистского Совета и Генерального Штаба в свободном городе Берат после почти четырех лет борьбы в тяжелых условиях подполья свидетельствовало о том, что наступили уже моменты решающего, исторического значения для нашей страны. Национально-освободительная борьба увенчивалась большими успехами. Правильная, марксистско-ленинская линия партии вела наш народ к окончательной победе. Народ и партизаны всем сердцем любили ее и безгранично верили ей, так как именно партия воспитала, организовала, вооружила, подняла на борьбу и привела их к победе.

Юг Албании мы почти целиком уже освободили, так что Генеральный Штаб спустился в свободный город Берат, где мы разработали стратегический план наступления за освобождение Тираны. Немного времени до того, как мы вошли в Берат, немецкий арьергард, окруженный нашими силами, подверг город орудийному обстрелу. Было разрушено несколько домов, но людских потерь не было. Этот обстрел похож был на последний вздох астматика, так как в этих краях свобода уже восторжествовала. Оттуда мы посылали приказы о боевых действиях дивизиям, бригадам и другим, территориальным, отрядам, чтобы те сосредоточились, повели наступление на столицу, и, освободив ее, преследовали врага по пятам вплоть до полного освобождения Албании. Я находился в Берате, когда пришла весть об освобождении нашей дорогой столицы, а, попозже, и весть об освобождении почти всей Албании. Из Берата я отдал приказ

и некоторым другим бригадам нашей победоносной армии перейти наши государственные границы — переброситься в Югославию. Там они, вместе с двумя другими бригадами нашей армии (5-й и 3-й), еще в сентябре получившими приказ перейти границу и освободившими уже бо́льшую часть Косовы, должны были продолжать борьбу против немецких фашистов наряду с югославскими товарищами-партизанами. Я наказывал нашим партизанам в полном единстве с югославскими партизанами и в интернационалистическом духе, не жалея своих сил бороться за освобождение народов Югославии. Албанские коммунисты и партизаны выполнили волю партии. Они с большим героизмом сражались в Косове, Черногории, Санджаке, Босни-Герцеговине, Сербии и Македонии. В этих боях пали смертью храбрых сотни наших партизан, а еще тысячи были ранены, но титовцы попрали их героизм и кровь и за них отплатили нам враждебностью и заговорами против нашей партии и нашей социалистической Отчизны. Но мы выполнили свой интернациональный долг, и народы Югославии, что бы ни случилось, не забудут этих жертв, принесенных ради них албанским народом.

Там, в свободном Берате, нам предстояло разработать и разрешить ряд важных задач, которые должны были остаться в истории знаменательными для тех моментов и для будущего событиями. Одна из них состояла в подготовке доклада заседанию Генерального национально-освободительного Совета, которое предстояло провести до Пленума ЦК партии, как и в разработке других соответствующих документов. Настоящее заседание Совета, которое мы провели вполне успешно, имело большое историческое значение, ибо там Антифашистский Комитет превратился в Демократическое правительство Албании. Так что накануне освобождения страна имела свое, демократически избранное правительство. Правительство это было главным исполнительным и распорядительным органом нашей народной власти, борьбой установленной народом на развалинах власти враждебных классов, побежденных вместе с захватчиками.

Другой очень важной задачей была, несомненно, подготовка II Пленума ЦК партии, дело, которое, как я уже говорил, мы начали еще в Одричане, но которое, после вмешательства и «тезисов» Велимира Стойнича, заходило в тупик и затягивалось из-за бесконечных споров и дебатов.

За время пребывания в Берате центром Генерального Штаба был у нас дом врионских баев, где находились наши рабочие кабинеты и где спал один я. Остальные товарищи спали в других домах города. Эти товарищи, в том числе Нако, Кочи, Сейфула, приходили раз в день, сунув руки в карманы, спрашивали есть ли какие-нибудь вести из военных зон, и уходили. На Панди Кристо мы возложили дела «военной безопасности», но позднее выяснилось, что он занимался и другими видами «безопасности»: наблюдал за тем, что делалось в Штабе, кто входил и выходил, о чем говорили там и обо всем докладывал Кочи и Велимиру Стойничу. Панди был одним из элементов, всем своим существом причастных к бератскому заговору. Он во всех отношениях был ничтожеством и в его прошлом, за исключением того, что приходил из рядов «пролетариев» (действительно, он когда-то работал подмастерьем), не было ничего примечательного. Он то и дело афишировался как «старый член» Корчинской коммунистической группы, но все мы хорошо знали, что в 1935 году, когда от этой группы отделилась троцкистская фракция Нико Дзодзи, противопоставившая себя правильной линии и указаниям товарища Али Кельменди, Панди Кристо был одним из немногочисленных членов, примкнувших к фракционеру Нико Дзодзи. После заслуженного разоблачения фракции, Панди «отступил», «признал» свою тяжелую ошибку и присоединился к здоровой части группы. Но от старого своего порока заниматься фракционной деятельностью он не избавился. Особенно после весны 1943 года он примкнул к другому Дзодзе, к Кочи, превратился в его слепое орудие, а, следовательно, стал на службу той агентуры, которая завербовала и Кочи Дзодзе — на службу югославской агентуры. Все годы войны он прошел как-то «незамеченно» и зашевелился и стал показывать себя только осенью 1944

года, именно тогда, когда Кочи Дэодзе и Стойнич сочли нужным активизировать его в своих темных целях.

Что касается Лири Гега, то она держалась «ближе» ко мне, движимая иными мотивами и иными целями. Она думала, что в моем рабочем кабинете решались вопросы о чинах и постах и стремилась урвать какой-нибудь лакомый кусок. Она становилась совсем смешной в своей жажде афишироваться. Приходила иногда ко мне с клочком бумаги в руках:

— Вот посмотрите! — говорила она хвастливо. — Я разработала два закона. Если вы согласны, мы напечатаем и распространим их.

— Отнеси их доктору Нишани[1], — отвечал я с иронией. — Он и окружающие его товарищи разбираются в этих делах.

— Одобрим их поначалу мы, члены Бюро, — настаивала Лири, — а затем отнесем их доктору в готовом виде.

Я склонялся над работой, и Лири выходила. Немного спустя, она опять появлялась, неся с собой какое-либо другое «предложение». Однажды она остановила меня посреди дороги, когда мы с Нако и Кочи спускались к залу, где немного спустя мы должны были начать заседание Антифашистского национально-освободительного Совета.

— Я подготовила проект состава правительства, — сказала она со всей серьезностью и протянула мне листок бумаги. — Тут все министры и совет министров. Возьмите и посмотрите, когда время будет, но вы сами знаете, что дело не терпит отлагательств ...

Нако вырвал листок у нее из рук и, напустив на «правительство Лири» клубок табачного дыма, стал рассматривать его своим известным ироническим взглядом.

---

1 Омер Нишани (1887-1954) – Патриот и демократ-революционер, один из выдающихся деятелей Национально-освободительного движения. С сентября 1943 года член Генерального национально-освободительного Совета, на Перметском съезде был избран Председателем Антифашистского национально-освободительного Совета. После освобождения страны, с 1946 года по июль 1953 года был Председателем Президиума Народного Собрания НРА.

— У «твоего правительства» два недостатка, — сказал он Лири. — Место одного из заместителей премьер-министра пустое, да еще твое имя, дура (таково было его излюбленное слово, которое всегда было у него на языке), нигде не фигурирует. Ах да, извиняюсь, — добавил он затем, — эти два пробела ты по скромности оставила ...

— Нет, честное слово! — поклялась Лири. — Их я не для себя оставила, а потому, что не находила кого поставить.

— Ну ладно, ладно, сказал я. — Отнеси его Панди Кристо. Это он собирает предложения.

В этом нахальстве и маньячестве Лири Геги имелись и ноты для юмора и забавы, но нам не до шуток было, да еще ни время, ни атмосфера не были подходящими для этого. В общем, царила мрачная атмосфера, заволакивавшая особенно меня и Батьку.

Нако, Кочи, Сейфула и другие, под предлогом того, что я был занят делами, так как ко мне приходили встречаться командиры бригад, члены Совета и другие, партийные работники, подвергали меня молчаливому, необъявленному бойкоту.

Приход Хюсни Капо и Гого Нуши в Берат[1] изменили в какой-то мере мое душевное состояние, потому что товарищи эти принесли мне теплую любовь и искренность коммунистов. Приходили они с фронта войны, а не из комнат, где плелись интриги и происки.

Тем временем дом, где жили Велимир Стойнич и Нияз Диздаревич, или же, как его называли, «югославская военная миссия», превратился в «главный центр работы» и разговоров. Там целыми часами засиживались Нако, Кочи, Сейфула и другие. Видел я такую большую «близость» и не нравилось мне то, что они зря тратили много времени и как-то чуждались меня именно в моменты, когда у нас накопилось

---

1 Хюсни Капо — член ЦК КПА, политкомиссар I корпуса НОА, который сражался в то время на Севере Албании.

Гого Нуши — член ЦК КПА, до того времени политсекретарь Тиранского обкома партии.

бесконечное множество дел и перед нами все время возникало большое число новых проблем.

От других товарищей я узнал впоследствии, что там не рассказывали «истории», а извращали историю. Приходили они ко мне угрюмые и с выражением нахальства. Но, хотя сложившаяся обстановка и их поведение поражали меня, я не испытывал тревогу и не терял самообладания. Ведь раздражительность и шутки Нако мне давно были известны, а мания величия и мещанство Сейфулы Малешова были чем-то привычным.

Еще на одно обстоятельство обратил я внимание к тому времени. Майор Иванов, представлявший советскую военную миссию, сдружившись с Велимиром Стойничем, стал реже заходить ко мне. Приходил он проформы ради, весь наряженный, получал кое-какие сведения и выходил на прогулку. Помнится, как однажды принялся он рекламировать югославских генералов вроде Пеко Дапчевича, Коста Нади и других. Видимо, Велимир Стойнич, Нако Спиру и Сейфула Малешова обрабатывали майора Иванова и склонили его на свою сторону.

Итак, я продолжал неустанно работать над тем, чтобы удовлетворить большие потребности армии, власти и Национально-освободительного Фронта. Когда у меня оставалось хоть мало «свободного времени», я сосредоточивался на докладе или реферате, как мы иначе его называли, который я должен был представить Пленуму Центрального Комитета. Логика подсказывала мне, что этот реферат, ввиду решающих моментов, в которые его предстояло зачитать, и исходя из того, какому органу нужно было представить его, должен был с силой и глубоко трактовать два центральных вопроса.

Во-первых, поскольку мы были накануне полного освобождения Албании, реферат «О политической линии КПА» должен был подвести итоги этой линии со времени основания партии и, в особенности, со времени Первой национальной конференции и вплоть до освобождения страны.

Во-вторых, новый этап, в который мы вступали, выдвигал перед партией новые, большие и кардинальные задачи, так

что во второй части реферата обязательно нужно было глубоко трактовать этот момент, отразить стоявшие перед нами большие задачи, словом, определить будущую политическую линию партии у власти.

Это подсказывало мне мое убеждение, в котором меня еще больше укрепили беседы с рядом товарищей, и в таком духе я писал доклад, который предстояло сделать на II Пленуме ЦК партии. Спустя некоторое время, я закончил первый его вариант и роздал товарищам из Бюро на чтение. По настоянию Кочи и Нако, передававших также и «мнение товарища Стойнича», один экземпляр его был передан на просмотр Сейфуле Малешова.

— Это ничего, что он у нас не член Бюро, — сказал Нако. — Пусть просмотрит и он, может дать какую-нибудь мысль, особенно в направлении теоретической трактовки вопросов. (!)

Но этот вариант реферата не дошел до Пленума. Под предлогом заботы о том, чтобы реферат как можно лучше отображал «правду о линии», все — Нако, Сейфула, Кочи и другие принялись яростно «обстреливать» каждую фразу и абзац варианта, переданного им на чтение.

Описать то, как мы пришли до «официального» варианта, который я, поскольку мне ничего другого не оставалось, был вынужден зачитать на Пленуме, это настоящая одиссея. Упомяну здесь лишь некоторые из связанных с этим эпизодов.

В самом начале первого варианта реферата я давал умеренную и зрелую оценку линии, которую КПА проводила в тяжелых условиях войны и террора, и правильно заключал, что политическая линия КПА в годы войны была верной и последовательной линией, на основе которой выросла и окрепла сама партия и, под ее руководством, наш народ одерживал решающую победу.

Сейфула и Нако приходят ко мне в комнату, где я работал, угрюмые и начинают свое:

— Еще в самом начале бросаются в глаза экзальтации, — говорит мне Сейфула, — много похвальных отзывов о генеральной линии партии.

— Чем вы обосновываете такое замечание?! — спросил я их.

— Чтобы точно определить характер данной линии, — принялся «философствовать» Сейфула, — надо правильно сбалансировать все компоненты линии. Здесь вы акцентируете общее, упуская особое, упуская сектантство и оппортунизм, а у нас наблюдались то один, то другой. Надо все принимать во мнимание, так как общего без особого не может быть.

— Слушай меня, Сейфула, — говорю я ему. — Я не против ни твоего общего и ни твоего особого, но здесь не место и не время пустословить. Ты лучше скажи конкретно, на какой основе говоришь это?

— Вы упоминаете одни только успехи, победы, положительное! Я согласен с вами, но почему же не указываете и на заявлявшие о себе сектантство и оппортунизм?

— Во-первых, — ответил я, — я не отрицаю оппортунистических и сектантских явлений и позиций и там, где это надо, я подчеркивал их. Во-вторых, а это главное, мы пришли к великой победе. К этой победе могли привести нас не сектантство и не оппортунизм, а только правильная линия.

— Это ты так думаешь, а мы иного мнения, — ответил Сейфула.

Удивительным показалось мне скорее хладнокровие, с которым он говорил, нежели «его» мнение. Я почуял, что дела крайне усугубились. Более того, слова Сейфулы «*наше мнение*», акцентированные в присутствии Нако, который до тех пор как будто стоял в стороне от дебата, время от времени грызя когти из-за характерной для него раздражительности, дали мне понять, что они пришли не для каких-то замечаний, а чтобы добиться существенных изменений. Тем не менее я был убежден в верности определения о том, что политическая линия партии в годы войны была правильной; это я неоднократно подчеркивал и защищал в спорах с Велимиром Стойничем, так что не отступил. Однако они тоже не отступали.

— И ты, Нако, одинакового мнения с Сейфулой? — обратился я к нему.

— Я с ним согласен! — ответил Нако коротко и четко.

— Это мы рассмотрим и с другими, — сказал я им. — А теперь дальше.

Сейфула вынул из внутреннего кармана несколько листков мятой бумаги и разложил их на стол. Мне сразу бросился в глаза его неровный, некрасивый почерк, словно почерк начинающего, и вдруг я спохватился, что Сейфуле очень редко приходилось в его жизни писать на албанском языке. Но это было всего на несколько мгновений. Тут же началась серия «констатаций», «замечаний», самых гнусных и неожиданных «обвинений».

— Фронт! — повысил он вдруг голос, как будто ему вспомнилось, кто знает что. — Линия партии по отношению к Фронту! Ты здорово приукрасил ее, Энвер. В линии по отношению к Фронту допущены большие ошибки. Как была организована Пезская конференция?! А ну-ка, вспомни! Почему там не было Люмо Скендо[1] и Али Кельцюра[2]? Почему партия не склонила на свою сторону этих и многих других влиятельных патриотов, а дала им попасть в лоно фашизма? А про Абаза Купи что вы скажете? Почему Баз откололся от движения и примкнул к реакции? Ну, а как с другими такими же лидерами и окружающими их людьми? — начал горячиться Сейфула. — Нет! Фронт не открыл свои двери, как это подобало такой массовой организации, и это не потому, что не мог открыть их, а потому, что линия партии была сектантской, явилась фактором, приведшим к такому исходу.

Я слушал его полную спеси декламацию и сам не знаю как, даже испытывая крайний гнев, вспомнил знаменитое выражение Ленина «безмозглые философы».

Настоящий преобраз такого философа стоял как раз передо мною. Но здесь спор шел не на «чистом» поле фи-

---

1 Псевдоним Митхата Фрашери, председателя ЦК Баллы Комбетар.

2 См. примечание на странице 72 настоящей книги.

лософии. Я сдержал гнев и уставился глазами на бело-желтое, смахивавшее на прокисшее тесто маленькое лицо стоявщего передо мною человека:

— Сейфула, — проговорил я, — когда мы в огне борьбы готовили и проводили Пезскую конференцию, ты, быть может, совсем не знал, что существует в Албании деревня по названию Пеза. Тогда ты вряд ли знал, что мы уже основали нашу Коммунистическую Партию, что мы поднимали народ на борьбу, брали в свои руки судьбы Родины и народа. К тому времени ты, Сейфула, находился в эмиграции, поэтому я тебя спрашиваю: откуда тебе известно, как мы организовали Пезскую конференцию ...?! Во-вторых, откуда взялся у тебя вывод, что Люмо Скендо, Али Кельцюра и прочие подонки баллыстской реакции партия бросила в лоно оккупантов? В-третьих, откуда тебе известно, что линия Фронта была сектантской и что его двери оставались закрытыми для тех, кто хотел воевать? Короче говоря, мой вопрос сводится к следующему: с чьих позиций, во имя кого и в чью пользу возводишь ты такие обвинения и инсинуации?!

— Прошу вас, — пробормотал он, уже весь побледнев, — вы хотите навязаться мне. И по этому поводу у меня к вам замечание: вы стараетесь во что бы то ни стало навязать нам свое мнение. Вы ...

— Не говори обо мне, — сказал я ему, — вы возвели обвинения на партию и ее линию. О них говорите, о них отвечайте, я всего один человек и это не так уж важно.

— Как же это не важно?! Шеф партии — центральная фигура и от него зависит ...

— Сейфула, — прервал я его. — Брось ты крутиться и вертеться! Отвечай на мои вопросы!

— Наш вывод — тот, который я упомянул, — попытался он скрыть только что показанные когти и украдкой посмотрел в сторону Нако.

Мы долго спорили с Сейфулой и Нако, а позднее, в эти «дискуссии» включились и другие. За исключением Батьки, все выступали как один.

По многим разделам они приносили мне готовые от-

рывки и фразы и в унисон настаивали на том, чтобы их «находки» непременно отразились в реферате. Я возражал, приводил аргументы, но невозможно было «переубедить» их. Вспоминал я события и поступки из прошлого, анализировал их сквозь призму марксистской теории, взвешивал их во всех отношениях, да нет, я никак не убеждался в том, что мы поступали неправильно. «Но почему товарищи иного мнения?» — снова и снова задавал я себе вопрос. Такой неожиданный поворот беспокоил меня столько же, сколько и сами бесконечные «замечания» и обвинения.

Тем временем появлялся Кочи и настаивал на том, что в моем докладе обязательно нужно было акцентировать «выдающийся вклад товарища Тито в дело продвижения вперед нашей партии», приходил Нако и требовал «более обстоятельного пересмотра части о молодежи, так как получается бледной», приходила Лири Гега и говорила, что «нечего говорить о сектантстве, надо ставить ударение на оппортунизм».

— Добавим, — вскакивал Сейфула, — что наша позиция в отношении Баллы всегда была шаткой, колеблющейся, оппортунистической.

— Но ведь до сих пор ты говорил о «сектантской позиции», каким же образом стала она оппортунистической? — спрашивал я.

— Диалектика рассматривает оба этих явления! — заключал Сейфула и ломал голову над тем, где еще нужно было «отредактировать» его.

Конечно, в розданном им докладе я выступал также с критикой и самокритикой, но Нако, Кочи, Сейфуле и другим, преследовавшим определенные цели, которых я не мог знать к тому времени, во всех случаях, когда речь шла о недостатках и упущениях, легче было увеличить дозу, чтобы достигнуть пределов, установленных ими за кулисами. Как только замечали, что я где надо подчеркивал, например, что «наблюдались и проявления сектантства и оппортунизма», тут же вскакивал Сейфула:

— Сделаем: «проявлялись открыто, неоднократно и заметно . . .»

— Тревожаще! — немедленно «редактировал» Нако.

— Вот именно, — соглашался «философ», — так что оставим вот как: «Открыто и неоднократно проявлялась большая тревожащая доза как сектантства, так и оппортунизма».

Первым, что меня поразило, это, в частности, полное совпадение «взглядов» наших товарищей со взглядами югославских «товарищей». Те же слова я слышал из уст Темпо год с лишним тому назад в Лябиноте и Куцаке, те же обвинения повторил мне Стойнич в Хельмсе и в Одричане в сентябре и октябре, то же самое говорили и повторяли Сейфула, Нако, Кочи.

Что это такое?

Совсем странным и непонятным казалось мне особенно поведение Нако. Если и был человек, хорошо осведомленный о линии нашей партии и прямо связанный с нею, то это был Нако, один из моих ближайших сотрудников в тяжелые годы войны. Что же случилось с ним? Почему он противопоставлялся самому себе?

Между тем продолжались бесконечные заседания Бюро Центрального Комитета, где излагались и растягивались готовые реплики и фразы, которые преподносились мне в комнате, где я работал над докладом и другими материалами. Нельзя с точностью сказать, сколько раз собрались мы в тот почти двухмесячный период пребывания в Берате и сколько ночей ушло на беспринципные дебаты и ссоры. Но, поскольку выдвигавшиеся и ставившиеся вопросы были почти одинаковыми, можно сказать, что все те заседания и встречи составляли одно единственное заседание. Споры в самом начале приняли дурной оборот, и еще в те моменты мне стало ясно, что «слово» Велимира Стойнича в Одричане очень испортило нам дело.

Конечно, истинные цели вмешательства Стойнича мне еще не были ясны, я не знал, да и не мог знать их, но зато совершенно очевидно было, что сказанное Велимиром Стойничем сильно подействовало на Кочи и Нако. Может, подумал я, Кочи и Нако солидаризовались с «замечаниями» и

обвинениями Стойнича, чтобы предстать в его глазах и в глазах других как «способные» уловить «ошибку» и реагировать на нее, «способные» даже отвергнуть, ради «выправления положения», то, что они приняли или одобрили в прошлом.

Без сомнения, критическое отношение к ошибкам прошлого составляет норму для зрелых и преданных коммунистов. Однако в данном случае называли ошибочным то, что в действительности было совершенно правильным. В данном случае, размышлял я, ошибка товарищей заключается в том, что они страдают комплексом чувства неполноценности. Они не в состоянии правильно оценить сделанное всеми нами вместе и всеми силами защищать его, а, напротив, отрекаются от него исключительно потому, что «так сказал югославский представитель». С таким образом действия я не мог мириться, поэтому осторожно и всеми силами старался убедить товарищей в истинном положении вещей. Следовательно, фактами отвергая сказанное Велимиром Стойничем о нашей линии, я боролся за то, чтобы особенно наши товарищи уяснили себе и поняли, что от того, что было у нас правильным, незачем было отречься потому лишь, что «так говорит Велимир». Своим открытым возражением я даже старался убедить их в том, что свет не клином сойдется, если мы выскажемся против «замечаний» друга и в его присутствии.

Но я с сожалением замечал, что ни Кочи, ни Нако не убеждались, а настаивали на своем, перескакивая с пятого на десятое. На этих заседаниях Лири Гега выстроилась «за меня», но лишь по одному вопросу, по вопросу «сектантства».

— Мои действия, — настаивала она, — были не сектантскими, а нужными и правильными. Ведь шла война и не до разговоров было...!

Что касается Рамадана Читаку, то он чаще всего слушал, готовился «что-нибудь» сказать, но Нако, Кочи и Лири своим поспешным вмешательством либо совсем не давали ему говорить, либо перебивали его на полуслове. После нескольких заседаний, где шли такие дебаты, их выпады и особенно выпады Кочи Дзодзе неожиданно направились на Лири Гега и Рамадана Читаку: Лири Гега резко обвинили в сектантстве, а

Батьку, — в бездействии. Было предложено и решено обоих вывести из состава Политбюро, и, поскольку нас оставалось всего лишь три члена, тут же было внесено предложение кооптировать двух других.

— Сделать это надо сейчас же, — сказал Кочи Дзодзе, — затем, порядка ради, представим и Пленуму свое предложение и решение об исключении их обоих! Там поставим и вопрос включения других товарищей в состав Бюро. Но до поры до времени, — продолжал он, — предлагаю кооптировать в Бюро двух товарищей из числа наилучших, — Сейфулу Малешова и Панди Кристо! Оба они принесут в Бюро новый дух.

Я расскажу и ниже о том, что скрывалось за этими наспех выдвинутыми и принятыми предложениями и решениями, но здесь хотел бы сказать кое-что о впечатлениях, сложившихся у меня в те моменты.

Во-первых, меня не мог не удивить тот факт, что Кочи внес «предложение» совсем «неожиданно» и оно было тут же и столь же неожиданно принято Нако и Велимиром как нечто простое, как будто речь шла о снятии двух стульев, а не двух членов Политбюро Центрального Комитета. Чем объяснить это? «Непростительное легкомыслие при разрешении проблем, сведение личных счетов (я имел в виду особенно отношения между Кочи и Лири) мстительным, некоммунистическим путем», — подумал я в те моменты.

Во-вторых, была выдвинута и тут же одобрена кандидатура двух новых членов Политбюро без всякого разбора, консультации, предварительного изучения их дела, их поведения и т.д. Как же это Кочи мог столь неожиданно выдвинуть эти две кандидатуры?! Как же могли мы принять их «тут же», не спросив мнения Центрального Комитета или, по крайней мере, мнения тех товарищей, которые находились в те дни в Берате?

В те моменты этому я также наложил печать «легкомыслия», «принятия решений наспех», постановки «личной симпатии и личных связей в основу подбора кадров» и т.д.

Мое возражение против этих неожиданных предложений

не могло дать, как и не дало, никакого эффекта; ведь я был один против двоих, не говоря уже о Велимире Стойниче, который весь *сиял* оттого, что Кочи Дзодзе «взял инициативу».

Позднее выяснилось, что предложение не было неожиданным и что Нако и Кочи одобрили его не «легко» и «наспех». Наоборот, все было хорошо рассчитано, тщательно обсуждено и взвешено за кулисами. Совершенно открыто это разъяснил, в частности, Панди Кристо четыре года спустя, на XI Пленуме[1] ЦК партии в сентябре 1948 года.

— В Берате, — признался Панди Кристо, — Нако подошел ко мне и говорил об «ошибках» Миладина, о недовольстве Энвером, Батькой и Лири. Он и Кочи каждый день вели со мною такие разговоры и, наконец, было решено еще до созыва Пленума вывести из состава Бюро поначалу *Лири и Батьку, и произвести на Пленуме реорганизацию* Центрального Комитета. Там предстояло рассмотреть и дело Энвера, так как в Бюро это невозможно было. Как-то, — продолжал Панди, — я спросил Нако:

— А что станет с Командантом[2]? Какое впечатление произведет на народ и на партию его отстранение?

— Мы должны убедить его, — ответил Нако. — В противном случае его убедит револьвер»[3].

В этой тайной встрече, где, минуя Бюро, решалось, что́ будет в Бюро, участвовал и Велимир Стойнич.

Панди Кристо, как это он признал собственными устами в 1948 году, «поддался их влиянию»[4] и стал проявлять свое недовольство.

---

1 Смотри стр. 564-570 настоящей книги.

2 Энвер Ходжа.

3 Из протокола XI Пленума ЦК КПА, 13-24 сентября 1948 г. *ЦПА.*

4 «Кочи Дзодзе был ближайшим сотрудником Нако, Вельо [Велимир Стойнич] и Диздара [Нияз Диздаревич], – заявил, в частности, Панди Кристо, – и я поддался их влиянию. В Берате было мало хорошего и много плохого. Мое недовольство и недовольство Кочи благоприятствовали враждебной работе в Берате, ведь Нако не осмелился бы один сделать это». *(Из протокола XI Пленума ЦК КПА, 13-24 сентября 1948 года. ЦПА.)*

«С рабочими никто не считается, — говорил Панди Кристо на вышеупомянутой тайной встрече. — Я оказался в стороне. Состоял я при Штабе в Куцаке, но чем я там занимался? Меня низвели до положения повара».

Велимир Стойнич слушал и кивал головой.

— *Тако је! Тако је!** Какого происхождения товарищ?

— Рабочего, — ответил ему Кочи. — Он у нас член Центрального Комитета.

— Прекрасно, прекрасно, продолжайте, — поддержал Панди югославский представитель.

Панди наговорил на партию, на Миладина и меня, что ему взбрело в голову, и Стойнич спросил его:

— Каким образом продвинулся в партии этот товарищ?

— Борьбой, трудом! — ответил ему Кочи (хотя сам Панди говорил, что он ничего не делал и что, самое большее, был он штабным поваром. Но Велимир Стойнич ценил в нем другое. Он ценил способности Панди Кристо как повара клеветы, обвинений).

По окончании этой встречи Нако отвел Панди Кристо в сторону:

— Поздравляю! — сказал он ему. — Они (югославы) очень довольны тобою.

Два-три дня спустя после этого Панди Кристо плечом к плечу с Сейфулой, Кочи и Нако, имея связующей осью Велимира Стойнича, тяжелым блоком выступили в Бюро против меня.

Второй шаг «миссии Стойнич» был осуществлен. Бюро нашего Центрального Комитета было реорганизовано за кулисами, и теперь из пяти его членов четыре являлись покорными орудиями югославов.

Разумеется, после этого смятение, выпады и обвинения разразились более открыто и легче действовали. Я оказался полностью изолированным не только в Бюро, но и вне его. Дела, естественно, все больше запутывались, а день открытия Пленума приближался. Я увидел, что определить линию и

---

* На сербско-хорватском языке: Верно! Верно!

задачи на будущее будет очень трудно. Обстановка создалась такая, что люди занимались прошлым, или точнее, опошлением прошлого.

В один из этих дней, накануне Пленума, приходит ко мне Неджмие [Джуглини — Ходжа]. С чувством нескрываемой тревоги и отчаяния она говорит мне сквозь слезы:

— Как же это так... именно накануне освобождения вы решили отстранить меня от руководства молодежью?

— Зачем? — удивленно спросил я. — Кто это тебе сказал?

— Почему прикидываешься, будто не знаешь? Меня позвал Нако, предложил мне «прогуляться», мы вышли к берегу Осума и там он сказал мне: «Ты зря пришла в Берат ... (она находилась в Дибринском районе и в горных краях Центральной Албании в качестве представителя Центрального Комитета Молодежи при II Партизанской дивизии и при молодежных органах на местах, в которых действовала дивизия).

— Как это зря ...?! — отозвалась я. — Товарищ Энвер прислал мне письмо, в конце которого писал, что в ноябре состоятся заседание ЦК Молодежи и Съезд Антифашистских женщин. Я ждала вашего сообщения, но, поскольку никакого сообщения не было ни от вас, ни от Женской организации, подумала, что оно затерялось где-то на пути. Поэтому и явилась. А что, я не должна была прийти? — передавала мне беседу с ним Неджмие.

— Да нет, раз пришла, оставайся, — сказал мне Нако. — Но ты больше работать с молодежью не будешь. Тебе поручено другое важное задание, как член Комиссии Агитпропа при ЦК партии и будешь работать уже с Сейфулой Малешова.

Сказав это, Неджмие замолчала. Помолчал и я, но, совладав собою, я ответил ей, улыбаясь:

— Это ли тебя мучит?! Дел у нас много и не всем молодежью заниматься. И сектор, куда назначил тебя Нако, очень важный, особенно теперь, когда партия и народ берут власть в свои руки.

Я сказал это потому, что не хотел, чтобы она узнала о возникших в руководстве больших распрях и расколе. Я не хотел, чтобы она узнала это еще потому, что речь шла о весьма деликатных проблемах, которые следовало строго держать в тайне, да еще потому, что не хотел огорчить и обеспокоить ее в то время, когда мы день ото дня ждали радостную весть об освобождении Албании.

Но сам же я понял, что дела обстояли хуже, чем я представлял их себе. Не пригласив Неджмие ни на Женский съезд, ни на заседание Центрального Комитета Молодежи, Нако и его друзья стремились держать ее подальше от меня, так как она могла мешать осуществлению их замыслов, могла слушать, что они говорили, и сообщить мне об этом. Такая мысль сразу пришла мне в голову, и я, встревоженный, спросил себя: Что это такое? Не происходит ли тут что-нибудь за спиной у меня ...?

Но я молчал, ибо не мог обвинить товарищей в таких низменных поступках. Недовольство их действиями и поведением накапливалось у меня, подозрение все время росло.

В те дни со мною были Хюсни и Гого, однако им я тоже ничего не говорил. Я полагал, что все это было внутренним делом Бюро, что со временем будут преодолены все возникшие трудности; я считал также, что разгласил бы тайну, если бы поступил иначе. Но я думал и вел себя так потому, что еще не знал, что за кулисами составлялся заговор. Я не знал о том, что «товарищи» ежечасно и ежеминутно совершали вероломство, прежде всего вероломство в отношении партии и народа, но и в отношении меня. Знал бы я об этом, дела обязательно приняли бы другой оборот. Я открыто выступил бы перед товарищами-членами ЦК, не чтобы обработать их, а чтобы разъяснить им правду, предупредить их о том, что затевалось. И поскольку не знал, что было затеяно за кулисами, я пошел на II Пленум Центрального Комитета партии уверенный в том, что речь шла о расхождении во мнениях и взглядах с посланцем югославского руководства и что с ним несправедливо «солидаризовались» то-

варищи из нашего Бюро, однако я не представлял себе ярко, что именно скрывалось за этой солидарностью.

За два-три дня до начала работы Пленума Кочи Дзодзе приходит ко мне озадаченный и говорит:

— Надо лучше указать на спасительную помощь югославских товарищей, особенно товарищей Темпо и Вельо.

— А что еще нужно подчеркнуть в связи с помощью этих товарищей? — спросил я «обыкновенным» тоном и так «откровенно», что Кочи нимало не угадал, к чему я клонил, задавая такой вопрос.

— Что она оказывалась нам со времени основания партии и до сих пор! — сказал он мне с удивительным усердием. — Подчеркнуть надо, что особенно приход товарищей Темпо и Вельо помог нам осознать прежние и нынешние большие ошибки и хорошенько поставить точки над «и».

Совпадение «доводов» Темпо и Стойнича с «доводами» Кочи, Нако и Сейфулы вначале показалось мне странным, затем случайностью, но потом, особенно во время работы Пленума, я убедился в том, что это было не случайностью, а «усвоением» нашими товарищами «доводов» югославов. Это был снобизм, признак незрелости, проявление подчинения «более сильному» и априорийского представления себя на его суждение, несмотря на действительное положение вещей.

Несомненно, все это было вредным и предосудительным, но я думал, что на Пленуме и особенно после него страсти угомонятся, товарищи поразмыслят, будут лучше рассуждать и в процессе работы все будет улажено. Однако, как выяснилось позднее, эти мои аргументы не отвечали действительности. Они, самое большее, являлись выражением желания, доброй воли и здравого смысла при оценке большого неизвестного. Истина же состояла в другом и была куда более тяжелой и горькой. Итак, было подтверждено, что противопоставление товарищей из Бюро линии партии и мне являлось не случайным заблуждением, а преднамеренным делом, затеянным на закулисных встречах и беседах при подстре-

кательстве и под руководством Велимира Стойнича и Нияза Диздаревича.

Это был заговор, который они составляли на протяжении двух-трех месяцев втайне, за спиной у меня и Центрального Комитета партии, и который со всей своей яростью разразился на Пленуме.

Бератский заговор

Пленум начал работу 23 ноября в упомянутых мною выше тяжелых условиях. Кроме членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранных на Первой партийной конференции, состоявшейся в Лябиноте в марте 1943 года (отсутствовал лишь кандидат этого Пленума, Мехмет Шеху, так как ему было поручено заниматься установлением и соблюдением порядка в только что освобожденной Тиране), на Пленум «был приглашен» для участия в качестве представителя братской партии и Велимир Стойнич. Я говорю «был приглашен» потому, что дела приняли такой оборот, что Стойнич, пользуясь поддержкой большинства в Бюро, и без приглашения пришел бы на заседание, чтобы до конца довести и третий этап своего плана — этап раскола и дезориентации Центрального Комитета партии и моего отстранения от руководства.

Насколько мне помнится, все три предусмотренных реферата были зачитаны еще в первый день. Отражением всего, что давно уже бурлило и готовилось за кулисами, явился и тот факт, что первым взял слово Сейфула Малешова, который выступил с рефератом «О нынешней политической обстановке» в стране. Тряпье, подготовленное Сейфулой и компанией, не достойно упоминания. Я хотел бы всего лишь отметить, что «реферат о политическом моменте» был скорее всего патетической декламацией, написанной оппортунистической рукой, лишенной всяких идей и не содержавшей ни-

каких проблем, никакой ориентировки или задачи на тогдашний момент и тем более на будущее. Человек, который мимоходом коснулся героической борьбы народа и партии, тот, кто, будучи вне всякой опасности, «по-турецки сидя на лугу»[1], грел себе руки над обожженным телом Родины, теперь, опираясь на борьбу и героизм целого народа и целой партии, пользовался случаем для того, чтобы хвастаться и кичиться тем, в чем у него не было заслуг. Время изложить свою идею о «шефе партии», с которой он выступил позднее, еще не настало.

Главный реферат, а именно реферат «О политической линии КПА», который предполагалось произнести на Пленуме, зачитал я. Насколько мне известно, в Партийном Архиве есть один экземпляр его, но это копия, так сказать, «официального» варианта, варианта, подготовленного «с помощью», то есть при вмешательстве, под давлением Нако, Сейфулы и Кочи (Панди Кристо, как «новичок» в Бюро, всего лишь одобрял «серьезные замечания» своих товарищей, но сам он не в состоянии был пакостить побольше), которые даже за день до начала работы Пленума продолжали «редактировать» его, что-нибудь вычеркивать или вставлять в него. Третий реферат под лаконическим заглавием «Об организации» зачитал Кочи Дзодзе. Затем разгорелись споры и дебаты, которые шли почти два-три дня. Среди них были выступления, длившиеся более двух-трех часов, каким было первое выступление Нако Спиру (он выступил несколько раз), или одно из выступлений Сейфулы Малешова, который, подобно Нако и Кочи, при всяком случае просил слова «на одну минуту для объяснений» и, встав, задерживал Пленум более полчаса, перескакивая с пятого на десятое.

II Пленум нашего Центрального Комитета, созванный для обсуждения и разрешения задач большого исторического значения для партии, для будущего Родины и социализма,

---

1 Иронизация над стихами Сейфулы Малешова:

«По-турецки сидя на лугу,
Запеваю песнь про старину».

стал заниматься делами, совершенно противоположными его главной цели. Большинство членов Центрального Комитета (за исключением Наджие Думе и кое-кого другого) оказалось, к их удивлению и сожалению, перед лицом неожиданного и лихорадочного наступления, которое отрицало и отвергало то, что являлось для них святыней. Товарищи еще с первого дня стали испытывать те же чувства и разочарование, которые угнетали и мучили меня два-три месяца подряд.

Рефераты, особенно реферат Кочи Дзодзе, были написаны в таком духе, что отвергали все положительное из прошлого, а, что самое главное, ориентировали и призывали товарищей рассматривать и истолковывать проблемы в своих выступлениях в таком мрачном свете и так же превратно, что и сам Кочи. Мне хорошо помнятся угрюмые лица товарищей, полное и ледяное молчание, с начала до конца сопровождавшее чтение рефератов. Не случайно, что сразу же после первых рефератов выступили Нако, Сейфула, Панди и неоднократно «вмешивался» Стойнич. Их целью было не дать, чтобы молчание и удивление товарищей обернулись в противоположное «духу», диктовавшемуся сверху. То, чего и следовало ожидать, было достигнуто. С дезориентировавшихся и сильно возбужденных товарищей требовали, чтобы они рылись в прошлом, и после всего этого, разумеется, многие выступавшие пели с чужого голоса. Среди выступлений было и много правильных и уравновешенных, как, например, выступления Гого Нуши, Хюсни Капо, Мануша Мюфтиу и других, но это факт, что некоторые члены и кандидаты Центрального Комитета под воздействием общей атмосферы проявили на Пленуме подчеркнутые колебания и приняли, кто больше, а кто меньше, тезисы югославского посланца и его рупоров, группы Нако, Кочи, Сейфулы и Панди!

В силу сложившихся обстоятельств такое отклонение товарищей было, можно сказать, в известной мере оправданным и не являлось неожиданным. Члены Пленума оказались даже перед бо́льшими трудностями, чем мы, члены Полит-

бюро, когда в Одричане Велимир Стойнич впервые изложил свои «директивы». Тогда мы оказались перед обвинениями посланцев другой партии и, если бы у остальных членов Бюро не было упомянутых мною предпосылок и амбиций, то мы блоком выступили бы против «гостя» и оставили бы у него на руках «замечания», а вместе с ними, и сам заговор. Но ведь члены Пленума слушали уже «замечания» и обвинения из уст не только «постороннего», но и самих таких партийных руководителей, как Кочи, Нако, Сейфула. Это новое обстоятельство накладывало на «замечания» и обвинения, если можно так выразиться, официальную печать. Главный заговорщик, Стойнич, не зря тратил время за два-три месяца пребывания в Албании: черный план Тито и компании он уже преподносил Пленуму ЦК КПА не своими руками, а руками большинства членов Бюро ЦК нашей партии! Этот факт делал югославские обвинения более «достоверными», ведь к тому времени не могло быть и речи о том, чтобы наши товарищи были настолько подготовленными, чтобы они в состоянии были быстро и отчетливо различать верного от фальшивого в этих выступлениях. Никому, а это самое главное, не приходило в голову, что это был заговор, организованный за кулисами в коварных целях теми, кто изображал себя другом и кого мы, к сожалению, считали таким и пропагандировали как такового.

Главное обвинение, насквозь пронизывавшее работу Пленума, как и весь предшествовавший ему период, касалось **политической линии нашей партии.** Руководство партии и особенно меня лично обвинили в том, будто мы не в состоянии были выработать и проводить правильную линию, будто мы переходили от сектантства в оппортунизм и наоборот.

В «доказательство» этому было приведено все то, что описано мною выше в связи со спорами, которые я имел с Блажо Йовановичем, и особенно с Вукмановичем Темпо и Велимиром Стойничем. «Новое» на Пленуме заключалось в том, что Нако Спиру, Сейфула Малешова и Кочи Дзодзе эти хорошо известные обвинения югославов теперь выдавали за «свои» обвинения, за результат их «осмысливания и оцен-

ки». Так произошло, например, с Нако Спиру, который изобразил своим тесис Темпо о том, что «наша партия и ее Центральный Комитет были застигнуты врасплох основанием Баллы Комбетар и не поняли, что Баллы появился как реакция против Национально-освободительного Фронта», так было и с архиоппортунистом Сейфулой Малешова, который, будучи мастером блефа и противоречивым человеком, обвинил нас в «оппортунистическом отношении» к Баллы за период, когда мы делали попытки приблизить и склонить на свою сторону возможно больше элементов-националистов и патриотов и, в особенности, простых людей, введенных в заблуждение демагогией Баллы и т.д.

Не стоит останавливаться здесь на ложности этих обвинений в «оппортунизме», но я хотел бы подчеркнуть вот что: на проявления оппортунизма или на «оппортунистическую линию» как Велимир Стойнич, так и его последователи не делали особого упора. Обвинение в «оппортунизме» прошло на Пленуме легко (ниже я объясню причину), упор был сделан на обвинения в «сектантстве» и силы были сосредоточены в этом направлении. Последнее было расценено как «наибольшее зло в нашей партии и ее руководстве», как фактор, якобы препятствовавший и содерживавший развитие Фронта, национально-освободительных советов, массовых организаций и самой партии. Сектантство было расценено также как наибольшая опасность для будущего, поэтому, согласно Стойничу, Нако, Кочи и другим, надо было покончить с «сектантством» и «сектантами», иначе ни партия, ни новая Албания не продержатся!

Сейфула Малешова, самый что ни на есть классический оппортунист, которого знала наша партия, дошел в одном из своих выступлений и реплик до чудовищных обвинений:

— Явное сектантство в линии, — заявил он со злостью. — превращает партию в банду террористов! Наши товарищи, особенно те, кто в главном руководстве, утратили настоящую душу коммуниста, дорожащего человеческой жизнью!

Это факт, что многие выступившие после него това-

рищи, даже из числа тех, кто дезориентировался и примирился с диктовавшимся духом, с негодованием высказались против такого обвинения, возведенного Сейфулой, и отвергли его. Я же сам как на Пленуме, так и до него серьезно ссорился с Сейфулой из-за этого гнусного обвинения. За несколько дней до Пленума, когда был уже кооптирован в Бюро, он проходит ко мне в рабочий кабинет весь «встревоженный».

— Свирепствует террор! — злобно говорит он мне.

— Террор? — спрашиваю его удивленно. — Где?

— В Тиране! — отвечает он. — Убивают многих раскаявшихся офицеров.

— В Тиране идет великая битва за освобождение столицы, — говорю я ему. — Там идет борьба не на жизнь, а на смерть. Что ты называешь террором? И каких офицеров жаль тебе? Война уже близится к концу, — продолжаю я. — Когда мы призвали их уйти в горы и вместе с нами бороться против захватчиков, они не сдвинулись с теплого местечка. Теперь же они «раскаялись», но это слишком поздно, с преступниками мы сведем счеты.

— Вот оно! Это и есть сектантство! — вскакивает Сейфула. — Уже нет настоящей души коммуниста, такого, кто дорожит человеческой жизнью, кто долго раздумывает, прежде чем решить уничтожить человека, который может исправиться и служить Родине!

Видимо, его огорчило заслуженное наказание врага партии и коммунизма, Заи Фундо, с которым он некогда прожил в эмиграции целую жизнь, жизнь «коммунистов кафе». По-видимому, его огорчила и ликвидация в ходе борьбы тех офицеров бывшей королевской армии, которые, отслужив службу под фашизмом, превратились в агентов Гестапо и стали командирами воинских частей, сформированных из числа изменников Родины, сражавшихся плечом к плечу с немцами в Тиране и всюду.

— Это тяжкое обвинение, Сейфула, — говорю я ему, — и за это ты отвечать будешь.

— И отвечу! — напыжился Сейфула. — Повторяю, на-

ши товарищи не имеют никакого представления о том, что существует международное гуманное право, касающееся раскаявшихся и военнопленных.

— Кто раскаялся и когда раскаялся? — спросил я резким тоном. — Убийцы и разбойники, те, кто по горло погряз в крови народа?! Те, кто, совершив убийства и бесчинства до 15 ноября, увидев, что их дело проиграно, 16 ноября делает вид будто «раскаивается»? Нет, Сейфула, для преступников у войны свои законы. Это самые гуманные законы.

— Я не такого мнения! — сказал оппортунист и ушел.

И вот нашел он подходящий момент и набрался смелости не только изложить и на Пленуме свое безобразное обвинение, но и позволить себе назвать руководство нашей партии «террористическим».

Остальные участники заговора, Кочи, Нако и Панди, показали себя «более осторожными» в «аргументах», которые они приводили, и во многих отношениях, но это было более опасным, так как нам труднее было тут же дискредитировать и разоблачить их. Даже сам Стойнич, услышав обвинение Сейфулы, встал и назвал его «поспешным», «опрометчивым» и даже «несправедливым . . .».

Этим он обращал внимание другим: не говорите глупостей, как Сейфула, а то дискредитируете себя и у нас планы на руках останутся!

Так, Нако, Кочи и Панди, но и Наджие Думе и кое-кто другой «доказали» наличие сектантства на «более достоверных» фактах: «сектантская линия в отношении Фронта», «сектантское отношение к Али Кельцюра, Бази и Цанес, Цену Элези» и т.д. Но прежде всего весомым «аргументом» в руках заговорщиков были известные сектантские действия Лири Гега и Мехмета Шеху. Многие товарищи, знавшие о порочных и сектантских поступках двух последних, привели новые факты, и этого достаточно было, чтобы приклеить к линии нашей партии и ее руководству ярлык «сектантства».

Однако истина, как и в связи со всеми остальными обвинениями, обстояла совсем иначе. Подобно тому, как не

была оппортунистической, линия никогда не была и сектантской.

Конечно, было бы смертельно опасным обманом и самодовольством полагать, что такие опасности нам не грозили или что таких явлений не наблюдалось. Нет, имелись отдельные случаи, и мы, как только узнавали про них, как только нам сообщали о них, тут же принимали соответствующие меры, чтобы решительно пресечь их, не давая им усугубиться.

Встал на Пленуме и Бедри Спахиу, который, чтобы быть солидарным с «товарищами», особенно с Сейфулой, в частности, сказал:

— Сектантство не отсутствовало у нас, так как мы были склонны к нему! И в Гирокастре, например, своим сектантством мы в 1942 году закрыли двери Фронта националистам ...!

Вот и все, что сказал Бедри Спахиу о данном случае, но он «забыл» или, вернее, не хотел договорить правду, ибо, если бы он договорил ее, то подтвердилось бы, что линия партии не была сектантской, но он сам извратил ее.

Как я уже говорил, одним из тех, кто доставил нам больше хлопот в этом направлении, была Лири Гега, особенно многочисленными случаями своего сектантского поведения во Влёре или же на Севере, куда мы послали ее в июне 1944 года. Куда бы ни ходила, Лири Гега всегда ставила свой авторитет выше авторитета партии и Бюро Центрального Комитета, ни с кем не считалась и своевольничала; мы все время резко критиковали ее за такие действия. Кочи Дзодзе предложил отправить ее на Север. Это он сделал неспроста: он хотел, чтобы Лири Гега была подальше от него, так как считал ее ближайшим своим соперником, который наводил и еще мог наводить на него «тень». С другой стороны, он был убежден в том, что Лири Гега не могла побороть в себе болезненные сектантские склонности, так что росли мотивы, позволявшие обвинять ее в сектантстве и устранить ее. И действительно, на Севере она еще пуще обнажила меч сектантства, отчего мы вызвали ее в Одри-

чан, чтобы глубоко и окончательно проанализировать ее поступки, которые целиком шли вразрез с линией партии.

Такова непреложная истина о политической линии нашей партии, линии, которая, как я уже сказал, была и оставалась правильной, принципиальной и ни в коем случае «то оппортунистической, то сектантской», в чем обвиняли нас посланец Тито, Стойнич, и подговоренные им люди.

Другое обвинение, возведенное на нас на Пленуме и совершенно извратившее истину, касалось **организационной линии партии**. Платформу этого обвинения изложил в своем реферате Кочи Дзодзе. Этот реферат от начала до конца был гнусным извращением правды, он был полон тяжких клеветнических измышлений в адрес организационной линии партии, однако в действительности, он выходил за «организационные» рамки и служил подспорьем обвинению в адрес всей политической и идеологической линии партии и ее руководства.

В настоящем реферате Кочи Дзодзе впервые открыто изложил свои антимарксистские и враждебные партии взгляды. Из множества его низменных обвинений и взглядов особенно три проблемы остались неизгладимыми в моей памяти: так называемая «монополизация руководства партии тремя-четырьмя лицами»; роль интеллигенции в борьбе, во Фронте, в органах власти и т.д. и т.п., роль кадров.

Я буду и ниже говорить про эти вопросы, так как на протяжении четырех-пяти лет мы каждый день наталкивались на них и, к сожалению, с большим для нас вредом, но здесь я хотел бы всего лишь отметить источники этих взглядов и почему Кочи Дзодзе впервые выступил с ними в Берате.

Из зачитанного Дзодзе выходило так, будто в годы войны руководство нашей партии было монополизировано тремя-четырьмя лицами, и, как это он конкретно «объяснил», ими были: первый — Миладин Попович; второй — я; третий Рамадан Читаку и четвертый, на определенный период, Юмер Дишница, а затем в особенности Лири Гега! Остальных, согласно Кочи, мы игнорировали или же с ними совсем не считались.

Это была несусветная клевета, выдуманная в прямую поддержку главного обвинения в адрес нашей политической линии. Оказывалось, что наша линия была разработана, мол, тремя-четырьмя лицами и, поскольку она с самого начала была расценена как «ошибочная», то эти три-четыре лица являлись главными виновниками и должны были отвечать за это.

Однако в те моменты Миладина не было среди нас, Юмер Дишница, Лири Гега и Рамадан Читаку были де-факто выведены из состава Бюро. Следовательно, оставалось свести счеты с тем, кого они еще не убрали, с Генеральным Секретарем партии. Кочи Дзодзе, а затем Сейфула Малешова назвали меня «синтезом всех ошибок, наблюдавшихся в политической и организационной линии».

Но коварная фабрикация этой так называемой четверки в руководстве метила на многое и преследовала многие цели. Не случайно в «четверке» первым фигурировал Миладин Попович. Этим косвенно «одобрялся» югославский тезис о том, что КПА не только была основана югославом, но и действовала де-факто под руководством югослава!

Это говорил уже не Блажо Йованович и не Темпо, а сам секретарь партии по организационным вопросам, Кочи Дзодзе! Разумеется, этим самым Кочи Дзодзе оказывал титовцам большую услугу.

В то же время, бессмысленно ставя Миладина Поповича «во главе», он преследовал цель внушить членам нашего Центрального Комитета, что Генерального Секретаря «напрасно избрали на такую должность, ведь он не умел руководить и поступал по указке Миладина». Вдобавок, изображение верх дном всей проводившейся до тех пор линии преподносилось членам Центрального Комитета в качестве веского «аргумента» для того, чтобы выступить не только против Генерального Секретаря, но и против самого Миладина Поповича. Что касается Миладина, то югославы нуждались всего лишь в «признании» того, будто он де-факто руководил КПА! Никакого другого положительного отзыва о нем не хотели они, напротив, они открыто атаковали его и потребовали того же самого и от наших товарищей. Отпра-

вив Миладина в Югославию, Стойнич искал уже «доводов» в подтверждение его «ошибок», чтобы подвергнуть его «заслуженному наказанию». И, поскольку ему нельзя было открыто сказать: «тебя наказывают, ибо ты не содействовал осуществлению наших тайных планов», то собирались сказать ему «тебя наказывают за то, что в Албании ты показал себя сектантом, оппортунистом» и т.д. и т.п.

Не стоит аргументировать здесь, почему сказанное Дзодзе в его реферате было гнусным измышлением, но я хотел бы лишь отметить непреложную истину о том, что нашей партией и Национально-освободительной борьбой руководили не три-четыре или десять человек, а весь наш Центральный Комитет вместе со многими близкими ему преданными деятелями, а что касается Миладина Поповича, которого нужно считать другом нашей партии, то он всего лишь помогал столько, сколько помогали и наши товарищи-члены из Центрального Комитета каждый в отдельности.

Я же сам, как Генеральный Секретарь партии, всеми силами старался играть свою роль руководителя партии, старался направлять партию и движение, ориентировать их на правильный путь, давать товарищам ценные политические и организационные директивы и указания, опираясь на опыт партии и большую помощь других членов Центрального Комитета, которые руководили партийными организациями на местах и Национально-освободительной борьбой всюду в Албании. Здесь к месту сказать, что и Миладин Попович рос заодно с нами. Его вырастила наша партия, так же как вырастила всех нас. Этот товарищ был подлинным интернационалистом, он очень любил Албанию и албанский народ и в любом случае занимал верную коммунистическую, интернационалистическую позицию в защиту интересов и правильной позиции нашей страны и нашей партии.

Мы никогда и ни в коем случае не допускали монополизации дел и не игнорировали того или иного товарища, наоборот, мы всячески старались как можно больше активизировать, привлекать их к управлению делами.

Своим обвинением Кочи Дзодзе не только исполнил поручение Стойнича, но одновременно воспользовался случаем для того, чтобы выразить уже давно затаенное в нем личное недовольство.

Были ли мы виноваты в его заметном бездействии?! Ни в коем случае нет. Сразу же после основания партии, когда он был избран членом Временного Центрального Комитета, Кочи Дзодзе был арестован и сидел в тюрьме вплоть до конца апреля 1943 года. Разумеется, за этот период он и мы только фашизм «обвиняли» в том, что он бросил Кочи в застенки и не давал ему участвовать в наших делах. За исключением хорошего и твердого поведения в тюрьме, за это время Кочи ничего не делал (да и не мог делать), но, тем не менее, на Первой национальной партийной конференции мы оказали ему огромную честь — избрали его членом Центрального Комитета, Бюро и даже секретарем партии по организационным вопросам и это скорее всего потому, что был он рабочим, ибо, что касается его способностей, это мы не имели возможности узнать их, ведь, как я уже говорил, его бросили в тюрьму вскоре после основания партии. Хотя бы по этой причине честный коммунист должен был всегда относиться к партии с открытым сердцем и при первом случае отплатить ей и всеми силами оправдать честь и доверие, оказанные ему партией. Кочи Дзодзе сделал обратное. Выйдя на свободу, он по случайности присоединился к Темпо и лето 1943 года провел в его обществе. Этим и началось скатывание Кочи вниз. Будучи обработанным Темпо, он отошел в сторону, замкнулся где-то в деревнях Корчи и превратился в интенданта-тыловика. Разве в этом были виноваты мы?! Всякий раз, когда проводили заседания и встречи, мы звали его, обо всем уведомляли, спрашивали его мнение, а он -то ни слова. В пользу дела ему нечего было предлагать, а в ущерб делу накапливал он мелкие «замечания» и недовольство и ждал случая излить их. Я же неоднократно обращал его внимание на необходимость быть активным, более предприимчивым, брать на себя бо́льшую ответствен-

ность за разные дела в соответствии с занимаемой должностью, но он лишь молчал. Особенно озабочивал меня тот факт, что он не как следует выполнял обязанности секретаря партии по организационным вопросам, что, впрочем, замечали все. Движимая жаждой власти, Лири Гега из кожи вон лезла, чтобы сменить его на эту должность; ей удалось убедить даже Батьку, а в известной мере и Нако Спиру. Дело было в Хельмсе в мае 1944 года, когда мы готовились к I Пленуму ЦК партии. Приходят ко мне однажды Лири и Батька и она открыто предлагает «хорошенько рассмотреть» дело секретаря партии по организационным вопросам.

— А почему? — спросил я.

— Так как Кочи это не по зубам! Он совсем пропал! — ответила она.

— Мы должны помочь ему, — заметил я. — Особенно тебе мы неоднократно наказывали помогать ему.

— Нет, так я больше не могу, — ответила Лири. — Чтоб я дело делала, а его секретарем называли! Нет, это уже не идет. Либо он сам будет заниматься своим делом, либо нам придется найти какое-нибудь средство к этому.

— Какое средство ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ну вот, либо он будет аккуратно выполнять свои обязанности, либо же мы снимем и заменим его другим.

Я с самого начала понял, к чему она клонила, но не представлял ее себе такой бесстыдной карьеристской. Побудил ее дальше высказываться:

— А кого ты предлагаешь? — спросил я, прикидываясь «очень заинтересованным».

— Так вот, какого-нибудь активного, живого, воинствующего товарища. Ну, как мне сказать вам, какого-нибудь товарища, например, ... Шуле[1].

Имя Шуле она упомянула таким низким голосом, что едва слышно было.

— Твое мнение, — сказал я ей, — поставим на обсуждение Бюро.

---

1 Псевдоним Кристо Темелько.

— Почему Бюро? — вскочила она. — Здесь нас трое. Я и с Нако поговорила и он сказал мне «скажи Энверу». Вот это и есть Бюро!

— Никоим образом! — отрезал я. — С чего ты взяла? У тебя ни малейшего представления нет о партийно-организационных вопросах, хотя и прикидываешься наилучшим «экспертом» в этой области. Будь нас трое товарищей-членов Бюро или же всех пятеро вместе и говорили бы мы, как нам заблагорассудится, это не было бы, да и не может быть заседанием Бюро. Надо провести заседание Бюро, надо поставить вопрос в присутствии Кочи, всесторонне обсуждать его до тех пор, пока не выяснится истина. Ясно ...?

— Ясно! — проговорила она прерывающимся голосом.

На первом заседании, последовавшем за этой беседой, Лири выдвинула свое «предложение», уверенная в том, что оно будет принято. Поставила она вопрос в том духе, что Кочи не был активным, держался стороны, замкнулся где-то в Корче и т.д. В этом Лири была права, но она все говорила. исходя из личных интересов, преследуя карьеристские цели. Как бы то ни было, она здорово намылила Кочи голову. О его погрешностях мы тоже сделали Кочи критические замечания.

Кочи Дзодзе сидел, понурив голову, и ни слова не говорил. Потом он встал и выступил в Бюро с самокритикой, отметив, в частности:

— Это верно! Я работал обособленно, не делал того, что долг велел мне.

— Если ты не в состоянии исполнять свой долг, то открыто скажи, что тебе не место в Бюро! — по горячим следам перебила его Лири Гега.

— Лучше тебя я исполняю, — ответил ей Кочи. — Но ты терпеть меня не можешь!

— Терпеть не могу неспособность! — наскочила на него Лири.

Я тут же вмешался, чтобы угомонить страсти.

Как бы то ни было, по моему настоянию мы отклонили

предложение Лири Гега и посоветовали Кочи отдать все силы делу, хорошо вникать в проблемы и утвердить себя в ходе работы.

Опустив глаза, он что-то пробормотал, поблагодарил нас за оказанное доверие и «заверил» в том, что будет активным.

Три-четыре месяца спустя после этого прибыл Велимир Стойнич, и незаметный Кочи Дзодзе появился на сцене, зашевелился, стал «активным», у него язык развязался и вот теперь на Пленуме он встает и плюет на истину, обвиняет нас в том, что мы «игнорировали его» и не находит уместным сказать хотя бы словечко о том, почему он грелся на солнце и пропал, то есть, почему он целыми месяцами и годами держался в стороне от борьбы и дел.

Кто еще, согласно тезису Кочи Дзодзе, оставался якобы игнорированным?

Это оставался человек, который стоял к Бюро ближе всех, а именно Нако Спиру. Я никогда не мог предположить, что можно говорить такую нелепость, однако это факт, что не только Кочи, но и сам Нако встал да сказал на Пленуме:

— Я не знал, что состоял в главном руководстве партии!

Вопиющая ложь! В книге воспоминаний «Когда родилась партия» я подробно говорил о том, какое место занимал Нако Спиру в нашем руководстве. Здесь хотел бы всего лишь отметить, что в те моменты у меня потемнело в глазах; ведь если только был человек, который с самого начала принимал участие во всех заседаниях Центрального Комитета и Бюро, который знал подробности о его работе, хорошо и больше всех осведомлялся, часто выступал и от имени Центрального Комитета и Бюро и даже принимал от их имени решения, не спрашивая нас предварительно, то им был Нако Спиру[1]. И вот теперь он говорит «я не знал!».

---

1 Вся корреспонденция товарища Энвера Ходжа, помещенная в томах 1 и 2 его Сочинений, как и неопубликованная корреспонденция, свидетельствуют об очень тесных связях, которые товарищ Энвер Ходжа и руководство КПА поддерживали с Нако Спиру.

Я винил в этом властолюбие Нако, охвативший его момент взбудораженности и ослепления, его мещанскую тенденцию болезненного критикана. Я не отдавал себе отчета в том, почему Нако Спиру отрицал все, отрицал правду, своих товарищей и самого себя. Я еще не знал, что он весь отдался закулисному заговору.

Вот такова истина что касается клеветы Кочи Дзодзе о том, будто в руководстве нашей партии дела являлись монополией трех-четырех лиц!

Таким был и другой его «вывод» о том, будто в нашей партии господствовали и правили лишь интеллигенты, вследствие чего партия якобы утратила пролетарский характер!

Из утверждений Кочи выходило, что и бороться боролись только интеллигенты, и ряды Фронта наполняли они, и советы были созданы ими! Это было нелепостью. Правда, наша партия провела хорошую работу и приблизила к себе многих прогрессивно и революционно настроенных интеллигентов, но это факт, что интеллигенты эти играли в борьбе ту роль, которую может играть интеллигенция, руководимая коммунистической партией рабочего класса. Главное бремя, самый большой вес несли в этой борьбе рабочий класс и крестьянство, а в численном отношении воины из деревни, пожалуй, составляли подавляющее большинство наших воинов. Во всей нашей линии на протяжении всего периода войны, на встречах, собраниях, совещаниях и конференциях мы всегда решительно акцентировали пролетарский характер нашей партии, всегда старались изо всех сил, чтобы партия была пролетарской не только по идеологии и программе, но и по составу своих рядов, чтобы первое место среди вновь принимаемых в партию занимали рабочие, а за ними передовые крестьяне, чтобы их избирали в руководящие партийные и военные органы и т.д. и т.п. Причем мы не только разработали правильно эти директивы, но и боролись за их верное осуществление.

Кочи знал все это, но он возвел такие обвинения в определенных целях: исходя из того, что он сам был рабочим, «пролетарием», как он говорил (хотя фактически он был

мелкобуржуазным кустарником), он расчищал себе путь к руководству партии, стремился стать ее «председателем», поскольку является «пролетарием»! Он решительно настаивал на принятии обвинения Стойнича в том, будто наша «политическая линия была ошибочной», а это, по словам Дзодзе, было вызвано тем, что партия «опиралась на интеллигентов», что эти последние допустили «бесконечно много ошибок» и не в состоянии были руководить и править, что, в конце концов, партия принадлежит не интеллигентам, а пролетариям и ею должен руководить какой-либо пролетарий и т.д.!

Такое обвинение Кочи предъявил в Берате якобы в принципе, так что многие могли принять его за правильное изложение.

Но был и такой человек, который не мог оставаться довольным словами Кочи и который вскоре отреагировал против него. Это был Сейфула Малешова. Оба они, а вместе с ними и Нако, составляли в Берате одну группу, один оркестр, но внутри этого «единства» заговорщиков не могли не кипеть ссоры и всякого рода привычные противоречия. Выступая по этому вопросу, Сейфула прочитал нам целую теоретическую лекцию о том, «как должна быть построена и как должна идти вперед партия», и вслед за этим указал на потребность в «председателе» (вопрос он ставил якобы в принципе), который был бы очень образованным, «знал бы марксизм как свои пять пальцев» и в состоянии был бы маневрировать в любой ситуации!

Следовательно, он так поставил вопрос, что Кочи бросило в пот. Два соучастника заговора еще здесь начали точить зубы друг на друга. Мы ничего не знали о том, что было затеяно за спиной у нас, так что нам была непонятна злоба, неожиданно возникшая между ними, но сами они издалека чуяли друг друга.

Итак, Сейфула выступал за то, чтобы «шефом партии» был образованный и ученый человек, теоретик, подразумевая самого себя. Кочи же выступал за «пролетария», без многих «теоретизирований» и «словес», но который был бы

«дисциплинированной персоной!», а этим он подразумевал самого себя.

Не прошло много времени и стремления каждого из них, выраженные в Берате как будто в «принципе», обернулись жестокой ссорой, грызней за власть между ними обоими.

Наряду с ними в бератском заговоре участвовал и Нако, так что взгляды Кочи на «пролетаризацию» партийного руководства, на «интеллигентскую элиту» столкнулись и со взглядами Нако, как интеллигента. Позднее мы явились свидетелями того, что и между ними разразились бесконечные распри и взаимные обвинения.

Как это лучше выяснилось впоследствии, бератский заговор нес в себе для самих заговорщиков семя противоречий и внутренней грызни.

Вопрос «кадров» был в руках Кочи Дзодзе другим орудием для нанесения удара, опорочения линии, проводившейся до того времени партией. Согласно ему, партия «мало или ничего» не сделала для воспитания кадров, по его словам, имевшиеся кадры были интеллигентами, либо «нездоровыми», либо показавшими себя «неспособными» в работе и борьбе. На его взгляд, следовало в корне перестроить работу партии с кадрами, необходимо было провести реорганизацию, принять конкретные меры и т.д. и т.п. Тогда мы впервые услышали склонение слова «кадровик»[1] во всех падежах. Согласно Кочи, для работы с кадрами везде следовало назначить «доверенных» людей, для которых это дело было бы своего рода монополией. Начиная от партийных ячеек на местах и вплоть до центра, «кадровики» должны были связываться друг с другом по иерархической лестнице вплоть до высшей инстанции, вплоть до главного «кадровика» ЦК. Им был бы Кочи Дзодзе, до поры до времени в качестве секретаря партии по организационным вопросам и «поверенного» в делах безопасности!

Цель этого была изощренная, и так же, как и сам тер-

---

1 Служащий, занимающийся вопросами кадров.

мин «кадровик», вся система «подбора и воспитания» кадров не были «продуктом» тупого ума Кочи Дзодзе. Нет, это *кто-то продиктовал ему, кто-то научил его этому. Вскоре* выяснится, что это были югославские «друзья».

Увидев, что в Берате невозможно было, чтобы Кочи занял место Генерального Секретаря партии, они затеяли дело кадров и кадровиков. Являясь секретарем партии по организационным вопросам, Кочи прибрал бы к рукам монополию кадров. Заняв по югославскому «образцу» и пост министра внутренних дел, Кочи без особого труда отверг бы как «ошибочную» прежнюю линию в работе с кадрами, поставил бы партию под контроль органов безопасности, а это развязало бы ему руки для того, чтобы приступить к чистке кадров и замене их теми, кто служил бы замыслам его самого и его господ. Это в свою очередь создало бы условия и для отстранения Генерального Секретаря, а тем самым Кочи пришел бы к власти на давно уже подготовленной почве.

Таким был «невидимый» план, однако последующие события и обстоятельства бросили свет на все нити этих закулисных происков.

Во многих отношениях реферат Кочи можно было назвать «рефератом нету!».

— У партии *не* было правильной, налаженной линии, она была *не* в порядке, Фронт *не* работал, советы *не* действовали, молодежью *не* руководствовали, народ *не* был пробужден, женщины *не* были организованы, советы *не* пользуются авторитетом, *не* пользуются симпатией, *не* играют какой-либо роли, *не* и *не* ...

И, перечеркнув всю нашу работу и все понесенные нами жертвы, Кочи счел уместным противопоставить нам опыт югославов.

Он превознес до небес Тито, Темпо и Стойнича, изобразив их «олицетворением правильности», «нашими спасителями», превознес до небес их опыт, который «мы должны скорее перенять», и отметил далее:

— То, что не было сделано у нас, делают партия и советы в Югославии ... — И, распространившись об этом «опыте», он заключил:

— Вот такова большая разница, существующая между нашими советами и советами в Югославии!

Почему, на взгляд Дзодзе, советы у нас «не как следует действовали»? Это потрясающе, но вот, что он сказал:

— Сектантская линия партии привела к тому, что национально-освободительные советы у нас рассматриваются как партийные ячейки. Так что, если мы и впредь будем идти этим путем, — заключил он, — дело может кончиться тем, что власть останется в руках партии.

Правда, такие нелепости кажутся невероятными, но все это мы услышали в Берате.

Отвергая все, Кочи Дзодзе попытался в своем реферате привести и какой-нибудь «теоретический» аргумент, а в одном случае он сослался даже на опыт русской революции 1905 года! Это показалось нам странным. Ему ли, Кочи, не знавшему даже азбуки Октябрьской революции, говорить нам теперь о революции 1905 года?!

Дело в том, что реферат был кем-то продиктован ему. Это становилось ясным из абсолютного отрицания всего, отрицания, которое не могло быть исключительно продуктом тупого ума Кочи. Об этом свидетельствовали также обороты его речи. Трудно было понять албанский язык Кочи Дзодзе. Фактически, это был перевод сербско-хорватского текста, плохой перевод, в котором нахальство и наглость заявляли о себе через каждые два-три слова. Это не могло быть нахальством одного только человека, будь он даже из числа самых отрицательных, каким был в действительности Кочи. Это было нахальством целой группы, еще большей силы. К тому времени я не мог знать, что это была за сила, а всего лишь подозревал, что за этим скрывалась рука Велимира Стойнича и Нияза Диздаревича. Однако я еще больше убедился в том, что кто-то другой велел Кочи исписать це-

лые 15-20 страниц бумаги, увидев, что тайные авторы и их механизм, Кочи Дзодзе, охваченные эйфорией и стремясь нанести удар всему, нечаянно оставили в реферате также саморазоблачающие фразы. Говоря о партии, ее роли в борьбе и необходимости «более умеренной политики» партии во Фронте, он уронил такую фразу:

— Партия не должна выступать на первый план, и не беспокойтесь насчет того, что вы пострадать можете. В этой борьбе вы завоевали большой авторитет и авторитет этот не может быть утрачен так легко ...

Даже и я покраснел, услышав это, и, когда Кочи Дзодзе кончил чтение и сел, я перелистал его реферат и, дойдя до соответствующего места, спросил его:

— Кто это «Вы»? К кому ты здесь обращаешься?

— Вы ... — покраснел Кочи, — это ведь мы, партия, руководство.

— Ага! Мы! — с иронией заметил я. — А с каких же позиций ты к нам обращаешься, разве ты вне партии находишься?

— Это оговорка, — взволнованно проговорил он. — А ты посмотри, ниже я говорю «мы должны быть...».

— Ясно, ясно, — сказал я и положил его бумаги на стол.

— Как это ясно? — спросил он.

— Да вот, ты мне все объяснил, — коротко ответил я.

— Нет, — сказал он. — Дело в том, чтобы никаких недоразумений не было. Вот, посмотрите, я даже вычеркну эту часть, — я увидел, как он перечеркнул всю эту страницу кончиком пера. Он даже поблагодарил меня за внимание, оказанное ему при чтении!

Как я уже говорил, после чтения двух рефератов многие из товарищей, одни из которых были обработаны и преднамеренно выстроились рядом с Кочи, Нако и Сейфулой, а другие были плохо осведомлены и сбиты с толку, задали десятки вопросов, требуя разъяснения вставших проблем. Смятение и дезориентация пронизали весь Пленум. Инте-

ресно отметить здесь, что очень хорошие товарищи, как, например, Гого Нуши, озабоченные сложившейся ситуацией, с коммунистической честностью бросили на Пленуме свет на то, что было состряпано за кулисами. Гого с самого начала сказал:

— До хельмского Пленума мы чувствовали исключительное расположение к руководящим товарищам и Миладину Поповичу, а теперь, судя по рефератам, оказывается, что они мешали нам.

Что это за неожиданная перемена? Гого тут же разъяснил это:

— Я беседовал с Нако после Перметского съезда и позднее, и он всегда твердил мне, что «дела идут неблагополучно». Несколько дней тому назад Нако сказал мне: «Я уже понял ошибки, но ничего не говорил, так как боялся».

Итак, вот оно что! Нако, Кочи, Сейфула не ограничивались давлениями и обвинениями в «узком» кругу, в Бюро, а работали и с другими. У меня тут же возникло несколько вопросов: Что же побудило Нако на подобные действия?! Как это случилось, что он стал говорить Гого о том, что «дела идут неблагополучно», именно осенью 1944 года, в канун освобождения, а не раньше? Известно, что Нако с января 1944 года находился в Тиране, его контакты с Гого были каждодневными, оба они руководили там партийной организацией, оба они состояли в числе главных кадров. Следовательно, почему Нако, у которого было «столько замечаний», выложил их Гого теперь, накануне бератского Пленума, и не сделал этого раньше, когда они были вместе?! Даже самая элементарная логика убедительно подсказывает, что Нако не поговорил об этом раньше с Гого потому, что раньше, то есть до начала лета, у него не было замечаний, не было разногласий ни с партийным руководством, ни со мною, ни с Миладином. Ему, как импульсивному и раздражительному типу, незачем было скрывать свои «замечания» и умалчивать о них до осени 1944 года. Я невольно вспомнил югославского «гостя», который сидел во главе стола и

усердно вел записи. Все пошло кувырком с его приходом и особенно после того, как он изложил в Одричане свои «тезисы-платформу».

Когда Гого сел, Нако опять встал для одного «объяснения»:

— Что я говорил Гого то, что он сказал, это правда. Моя позиция была неясной, но я не смотрел на вещи так, как смотрю на них сегодня. Это являлось бы для меня заслугой, но не так было. Глаза открыл нам товарищ Стойнич. Вот Гого сказал здесь, что я боялся говорить об этом раньше. Он меня плохо понял. Я говорил ему, что мое слово не принесло бы результатов, вот это верно. Я же думал, что от этого будет скорее вред, нежели польза.

Частые выступления и реплики Нако на бератском Пленуме составляют, быть может, наиболее точное выражение его противоречивого характера. В целом его поведение было там более отрицательным и враждебным партии, чем в любом другом случае до и после данного Пленума.

Ведь тот же Нако незадолго до этого своим острым словом сочинял письма, воодушевленно выступал перед молодежью, как поступил он не дальше августа 1944 года на Первом съезде Союза Антифашистской Молодежи Албании в Хельмсе. Все его теперешние «отрицания» всего лишь несколько месяцев назад были во всеуслышание сделанными утверждениями о той правильной линии, которую наша партия проводила по всем вопросам — по вопросам советов, Фронта, женщин, молодежи, по вопросу организации партии и ее руководства и т.д. Он поступал так, основываясь на хорошо известной ему реальной действительности, на делах, на событиях и людях, которые были ему товарищами. А теперь все пошло кувырком. Тот же Нако, который всего несколько месяцев назад с величайшей ненавистью говорил и писал о Баллы и реакции, об Абазе Купи и других, снизил уже тон, затрубил под сурдинку. Странно, даже очень странно! Если бы я близко не знал Нако целые годы, то подумал бы, что раньше он лицемерил. Но нет! Пока он говорил,

во мне все больше крепло убеждение в том, что с ним что-то случилось, что-то глубокое бросило его неожиданно в противоположную сторону. Что это могло быть? Что скрывалось за Нако?

Я был уверен в том, что если Нако когда-либо лгал и обманывал, то он лгал и обманывал как раз теперь, в Берате.

О том, каким воплощением противоречия был Нако Спиру и на какой грязный путь он вступил, говорит еще один факт. Отрицав, отвергнув и извратив все, он, неожиданно, «позабыв» обо всем сказанном, превратился в другого Нако, в прежнего Нако, когда начал ссылаться на последнейшие факты и события, особенно на освобождение страны, формирование правительства, на встававшие перед нами задачи и так далее:

— Народ, — сказал он, — видит в нашей партии знаменосца борьбы. Мы подняли народ на ноги, мы привели его к этому и теперь, благодаря нашей работе, он должен уяснить себе, что партия и впредь будет главной силой национального единства. В этом-то и дело. Главным фактором, приведшим народ в движение, была наша партия. Народ победил в Национально-освободительной борьбе потому, что во главе его стояла наша партия. Мы стоим на руководящих позициях, мы в командном положении. Дело теперь в том, чтобы удержать эти позиции. Новые ситуации сложились, поэтому мы должны оставаться на этих позициях и укрепить их.

Вот таков был один Нако. Другой же Нако встал в Берате. С самого начала, будучи участником заговора, на Пленуме он излил много желчи, возвел множество обвинений, облил грязью партию, ее руководство, саму свою работу и усилия в кровавые годы войны. Выступая, продолжая возводить обвинения, порою он, ссылаясь на факты, ситуацию, встававшие задачи, невольно «освобождался» от подлой роли заговорщика и противоречил самому себе, сказанному раньше.

Как я уже говорил, одним из самых зрелых, самых уравновешенных выступлений было на Пленуме выступление товарища Хюсни Капо. Конечно, Хюсни не мог открыто встать против того духа, который был, так сказать, «официальным», преобладающим на Пленуме, но зато он не встал в его защиту, как это сознательно или несознательно сделали многие другие.

Говоря о работе партии во Влёрской области, Хюсни сосредоточился на грубых ошибках Лири Гега и Душана Мугоша.

— Сектантство Лири и монополизация дел ею и Душаном Мугоша, — сказал, в частности, Хюсни, — явно бросались в глаза; Лири и Душан, доставили нам много хлопот, у нас были с ними большие споры. Об этом мы ставили в известность партийное руководство, и руководящие товарищи не говорили нам когда-либо, что мы не правы. Наоборот, когда Лири и Душан переполнили чашу, партийное руководство убрало их из Влёрского обкома.

Итак, выступление Хюсни подтверждало, что «сектантскими» были не наша линия и не наши директивы, а действия отдельных лиц. Это не могло нравиться Стойничу и компании, поэтому Сейфула Малешова встал и хотел «поймать» Хюсни Капо на слове:

— У меня два вопроса к Хюсни, — сказал он тоном с *кафедры*. — Первый: как ты думаешь, если бы после зимнего наступления мы не заняли сектантскую позицию в отношении Скендера Мучо, присоединились бы к нам он и его люди?

— Скендеру Мучо, — отрезал ему Хюсни, — была ясна цель нашей борьбы, он был против линии Коммунистической Партии, так что он не присоединился, да и никогда не мог присоединиться к нам. Но, — добавил Хюсни спокойно и в то же время с иронией, — судя по духу, в котором здесь выступают, он мог и присоединиться ...

— Второй вопрос следующий, — продолжал недовольный его ответом Сейфула: — причинила ли вред делу дан-

ная Центральным Комитетом на Первой национальной конференции директива об осуждении Джепи[1]?

— Если бы мы дали Джепи поступать, как ему заблагорассудится, то он еще больше навредил бы нам. Наша ошибка в том и заключается, что мы не как следует разоблачали и бичевали его раньше, еще до Конференции, — ответил ему Хюсни.

На этом Пленуме Велимир Стойнич не ограничился тем, чтобы его дело делали только люди, хорошо подготовленные им на протяжении двух-трех месяцев. В ходе всей работы заседания он сидел с важным видом, серьезный, но у него лицо расплывалось в улыбке и глаза засияли, когда Кочи, Сейфула, Нако и другие делали дело, как этого требовал принесенный им из Югославии план Тито и руководства его партии. Однако как только видел, что выступления принимали невыгодный для него оборот, он тут же нахально вмешивался.

Так случилось, например, когда, после обвинений в «сектантской линии», острие удара сосредоточилось на том, что Кочи и Сейфула назвали «кликой у руководства». Велимир с большим удовольствием ждал, чтобы удар обрушился на меня, однако члены Пленума сделали обратное. Они сосредоточились на Лири Гегу, а вслед за нею на Душана и Миладина. Когда речь шла о последнем, Велимир кивал головой, и дозы критики усиливались. Как я уже сказал, Хюсни довольно хорошо портретировал сектантские и террористические черты Мугоша. Другие товарищи привели другие

---

1 Садык Премте, бывший заместитель руководителя группы «Молодых». Вместе с бывшим руководителем этой группы, Анастасом Люльо, он старался сорвать основание Коммунистической партии Албании, но свою раскольническую деятельность они продолжали и в последующем. В июне 1942 года Внеочередная конференция КПА исключила их из рядов партии. В апреле-мае 1943 года он и некоторые его сообщники сколотили во Влёрской области опасную фракцию, которая была разгромлена в результате непосредственного вмешательства товарища Энвера Ходжа.

факты. Тук Якова подумал, что ложка пришлась ему ко рту, и заговорил о Блажо Йовановиче:

— Блажо ничего не дал нам на Первой национальной конференции, так как ему нечего было нам дать, — сказал Тук. — Мы спрашивали его, а он либо увертывался, либо рта не раскрывал. Пришел к нам в те дни и Темпо, однако и он ничего не сказал о том, как нужно организовать Центральный Комитет, каковы задачи Бюро и Секретариата, и т.д.

Тук долго говорил о них обоих и, собственно говоря, в сказанном он был прав. Но наивный ум Тука ничего не понимал из происходившего там. Он не понял, что речь шла о том, чтобы обличать не югославских посланцев, а, в первую очередь, меня, других руководящих товарищей, а из числа югославов — одного только Миладина Поповича. Остальных же следовало хвалить. Этого и требовал «дух» Пленума, чего Тук не понял так же, как не поняли и некоторые другие. Факты обнаруживали истину: югославские посланцы не принесли нам ничего хорошего.

Встал Велимир Стойнич и нахально попытался восстановить «честь» югославских посланцев:

— Этот Пленум посвящается не работе наших товарищей, — строго проговорил он, — а вашей работе, работе ваших главных товарищей. Про них и говорите, а не про товарищей Душан, Блажо, Темпо или же про меня.

С такими репликами он выступал и раньше и впоследствии, но всю свою антиалбанскую «желчь» он сохранил главным образом для «приветственного выступления» на Пленуме. На Пленуме Центрального Комитета КПА он вел себя и говорил таким тоном, как будто находился на собрании батальонной ячейки югославской армии.

В его выступлении сквозила изложенная нам в Одричане «платформа», но уже «обогащенная», и многое он говорил более открыто, «смелее». Итак, полагая, что его цель уже достигалась, он своими собственными устами раскрыл много компрометировавших его фактов, подтверждавших, что все происходившее было делом его рук.

С самого начала он обвинил меня в том, что я «не со-

гласился собрать Бюро Центрального Комитета», чтобы господин этот мог там «изложить свои взгляды». В действительности, как это я говорил и выше, я не находил правильным и уместным участие иностранного товарища в заседаниях нашего Политического Бюро. Что касается Миладина, то это другое дело, ведь мы сами приглашали его и он никогда нам не навязывался, не говорил тоном Велимира Стойнича и не поступал, как он.

— Я и товарищ Диздаревич, — с апломбом заявил он Пленуму, — пришли из Югославии с поручением помогать вам во всем: в делах партии, армии, молодежи, фронта и т.д. Я пришел сюда с готовым планом, который сейчас вам представлю. Мне в деталях известно здешнее положение. Этого я искал не потому, что я любопытный и не для того, чтобы вмешиваться в ваши внутренние дела или задеть авторитет какого-либо из вас...[1].

Он так «клялся» в том, что «не вмешивался», «не ронял чей-нибудь престиж» и т.д., что частое повторение подобных заявлений давало понять, что именно для таких грязных дел он и пришел.

Он открыто «доложил» Пленуму о своем недовольстве мною и Миладином, отметил, что «когда мы пришли сюда, ваши товарищи не считались с нами, поддерживали связь скорее с Миладином, чем со мною, хотя я пришел в качестве инструктора ЦК КПЮ», что «мы ссорились по многим вопросам», что «присутствие Миладина затрудняло мою работу и мои встречи с товарищами, отчего я и потребовал его отзыва из Албании» и т.д. и т.п.

— Работа с молодежью, — сказал далее Велимир Стойнич, — изменилась. Товарищ Диздаревич быстро нашел общий язык с товарищами из молодежной организации и был в полном согласии с ними[2]. Но в партии, — пожало-

---

1 Из протокола II (бератского) Пленума ЦК КПА, стр. 62-63. *ЦПА.*

2 К этому времени секретарем ЦК Коммунистической молодежи и Председателем Союза Антифашистской Молодежи Албании был Нако Спиру.

вался он, — у меня ничего не получалось. Трудно было продвигаться. Таким образом пошли насмарку все мои усилия быстро стать хозяином положения. Лишь после заседания Бюро (он имел в виду состоявшееся в Одричане заседание), где было выражено согласие на мое участие в нем, дела пошли благополучно! На том заседании я изложил ряд директив, которые представлю и вам здесь.

Что это были за «директивы» — дело уже известное. Но почему Стойнич счел «разумным» еще раз одну за другой повторить их перед всеми товарищами на Пленуме?!

Быть может, и ошибаюсь, но я всегда полагал, что Стойнич, будучи высокомерным и не таким уж остроумным человеком, подумал, что все, чего он ждал, осуществилось, что наша партия уже подчинилась, и теперь нужно было сказать всему Центральному Комитету, что настоящим автором всей этой перемены, «героем поворота» был как раз Велимир Стойнич, а не такие молодчики, как Нако Спиру, Сейфула Малешова, Кочи Дзодзе и другие.

— Дело заключалось в том, — сказал он, в частности, — чтобы встряхнуть руководство вашей партии до такой степени, чтобы прийти к такому заседанию, как настоящее. Ваша партия сама не в состоянии была так встряхнуться, нужна была посторонняя сила, и сила эта пришла сюда с нами[1]!

Безобразия этого человека были беспримерными.

Выступив в поддержку обвинения Сейфулы Малешова в том, будто мы «утратили душу коммуниста», Стойнич, дальше идя, «изрек»:

— Голова человека, — сказал он, — это не то что голова петуха на чурбане. Голова человека играет большую роль, она один только раз рождается и один раз умирает.

В книге воспоминаний «Англо-американская опасность для Албании» я говорил о попытках англичан добиться «примирения» и «воссоединения» Национально-освободительного

---

1 Из протокола II (бератского) Пленума ЦК КПА, стр. 66. *ЦПА.*

Фронта с агентом англичан, Абазом Купи, в завершающий период Национально-освободительной борьбы[1], как и о скрывавшихся за этими попытками враждебных нам целях. Поскольку им ничего не вышло с нами, англичане выбрали Тито в качестве «посредника» для осуществления такого воссоединения. Как известно, они неоднократно просили Велибита, представителя югославского штаба при Союзном штабе в Каире, чтобы тот передал Тито просьбу англичан[2].

Какие вопросы обсуждались и что было достигнуто на этих переговорах Тито с англичанами, я не знаю, но одно лишь бесспорно: как только прибыл в Албанию, Велимир Стойнич начал оказывать на нас давление, чтобы мы проявляли «умеренность» и помирились с Абазом Купи и его приближенными, ибо в противном случае пострадает «объединение» народа и вспыхнет «гражданская война». С одинаковыми требованиями выступали и одинаковые «соображения» представляли нам тогда и англичане! Такое совпадение не было случайным. Тито принял роль посредника, роль, которая волей-неволей ставила его на один план с теми, кто стремился подорвать нашу Национально-освободительную борьбу и отдать в руки реакции ценой крови достигнутые победы.

Итак, Стойнич выполнил поручение Тито и англичан немедленно после своего прибытия сюда, но, если в Одричане предъявленное им требование унесло ветром (на тогдашних встречах мы не вели протокол), то он, как бы для обогащения документации на будущее, поднял и в Берате вопрос с тем, чтобы он был занесен в протокол. Его слова в Берате,

---

1 Энвер Ходжа, «Англо-американская опасность для Албании (Воспоминания)», стр. 248-250, 255-266, Тирана, 1982, алб. изд.

2 «... (3) поручить Тито (через бригадира Маклина) воздействовать на НОД, чтобы оно дало согласие на возвращение Абаза Купи ...» То же самое отмечается и позднее в письме, в котором говорится: «...Тито поручить в то же время использовать свое влияние на НОД». *(См. подробные записки в книге: Энвер Ходжа, «Англо-американская опасность для Албании (Воспоминания)», стр. 261 и 251. Тирана, 1982, алб. изд.).*

как по этому вопросу, так и обо всем другом, черным по белому написаны. Он сказал:

— Ваша линия по отношению к Бази и Цанес была неправильной. Линия эта не была в пользу широкого объединения масс, а внесла раскол и, как известно, — отметил он, — раскол равнозначен гражданской войне!

Да еще кто «обращал наше внимание» и «советовал» нам проводить «линию на широкое объединение масс» и на предотвращение «гражданской войны»?! Именно те, которые в своей стране и особенно в Косове и других албанских краях в Югославии проводили глубоко порочную, антинародную политику, политику угнетения и раскола.

Выше я говорил о нашем решении перебросить несколько соединений нашей армии для оказания помощи в битвах за освобождение Косовы и народов Югославии, для преследования нацистского изверга по пятам.

Вступление наших сил в Косову вновь подтвердило патриотическую жизнеспособность косовского народа, его непреклонный революционный дух. Поползновения Темпо с компанией, целые годы в определенных целях обвинявших косовский народ в том, будто он «связан с реакцией», были вскоре отвергнуты: 53 000 сынов и дочерей богатырской Косовы, особенно после вступления туда наших сил, заполнили ряды бригад Национально-освободительной армии Албании, как и косовских бригад. Хотя и молодые партизаны, они отличились отвагой в схватках с наци-фашистами так же, как и старшие партизаны. Вступление наших бригад привело к тому, что во всей Косове была установлена власть национально-освободительных советов, которые состояли из лучших сынов-патриотов Косовы.

Однако как раз в то время, когда Косова превратилась уже в гнездо Национально-освободительной борьбы, от штаба Тито неожиданно поступил приказ: партизанские силы Албании, как и косовские, должны покинуть Косову и преследовать нацистов «в направлении Севера» Косовы, вглубь Югославии. Наши силы выполнили этот приказ, так как они

пошли туда для преследования фашизма вплоть до полного освобождения народов Югославии. Но впоследствии мы должны были узнать, что целью приказа Тито о «преследовании противника вглубь» было не чем иным, как почти точным повторением той хитрости, которую когда-то цари и князья попытались использовать в борьбе с оттоманским игом. Особенно, когда стало очевидно, что османские войска шли под откос, а Албания находилась в канун завоевания независимости, цари Сербии и князья Черногории к чему только не прибегали, чтобы албанские повстанческие силы покинули освобожденную Косову и как можно дольше преследовали османские войска в других краях «в направлении юга». Их цель — дать возможность сербско-черногорским войскам захватить Косову и другие албанские края, не встретив никакого сопротивления со стороны албанских повстанческих сил и даже со стороны османских оккупационных войск. Именно так поступал и Тито в 1945 году. В Косову, освобожденную силами нашей армии и косовскими силами, ворвались силы титовской армии для ликвидации уже созданных национально-освободительных советов и учинения разнузданного и массового террора против албанцев. Эта невиданная репрессия титовцев, естественно, вызвала глубокое всенародное возмущение, поставившее под сомнение также и «новую Югославию», ибо косовский народ фактически не видел никакой разницы между нынешней жизнью и жизнью при «старой Югославии». В этой весьма сложной обстановке косовский народ-патриот потребовал «возвращения албанских партизан» с целью восстановления справедливости и прекращения свирепого террора. Во избежание дальнейшего осложнения ситуации, Тито с компанией были вынуждены согласиться с этим требованием, и албанские партизаны возвратились. В Косове не оказалось никаких «организованных реакционных» сил, как это пропагандировали югославы, а оказался народ, который встретил наших партизан так, как будто они вторично освободили Косову. Обстановка успокоилась, и после этого Тито стал планировать новые происки. Война уже кон-

чилась, так что он мог теперь своими собственными силами разрешать острые проблемы Косовы. Но для того, чтобы все это делалось за глазами мира и особенно за нашими глазами, ему надо было, чтобы наши силы окончательно покинули Косову и возвратились в Албанию. Но каким путем? Возвращение наших сил непосредственно из Косовы через тамошние государственные границы создавало бы неприятные и, может, тяжелые для титовцев сцены. Косовцы, увидев, что силы нашей армии уходили, могли снова взбунтовать. Чтобы выйти из этого положения, Тито снова скопировал былых королей и инсценировал «необходимость преследования реакционных банд в направлении юга, в направлении Греции» и с этой целью попросил «помощи» находившихся там наших сил. Мы, хорошо еще не зная грязных планов Тито, отдали приказ дивизиям выступить. Когда наши силы были уже к самым южным границам Македонии, им было сказано, что «больше нет необходимости» в их пребывании в Югославии! Переход совершился в районе Корчи и Преспы, далеко от глаз народа Косовы. У тито-ранковичей руки были уже свободные и они могли орудовать, как и орудовали, в мученической Косове своими варварскими методами.

Итак, вот кто нам «советовал» проводить «правильную линию», способную привести к «сплочению масс»: те, кто своей политикой проводил и замышлял дальнейшее углубление линии геноцида и массового уничтожения в Косове и других албанских краях в Югославии.

Но давайте вернемся к «речи» Стойнича на бератском Пленуме.

Облив грязью всю нашу работу и все наши победы, «устрашив» нас заявлением о том, что у нас не было, мол, прочных «позиций ни на местах, ни в армии», он не преминул дать нам также уйму других «наставлений» на будущее.

— Не обманываете себя тем, — сказал он, — что позиции у вас прочные. Учтите, что, помимо всего другого, вам грозит свергнутая буржуазия, но сильно грозят вам и внеш-

ние враги. Вы должны понять, — угрожающе проговорил он, — что вы маленькие и, как таковые, составляете для реакции легко проглотимый кусок.

Пространно изложив «теорию опасности», он повел речь к тому, что ему велели:

— Дело в том, — сказал он, — что вы не можете идти вперед сами, без Югославии, и особенно без такой Югославии, какая создана уже на Балканах и в Европе. Это, — продолжал Стойнич, — вопрос установления как можно более прочных отношений с нами, вопрос установления сердечных связей с Югославией.

Ниже я подробнее расскажу о всесторонних враждебных нам усилиях титовского руководства к осуществлению его конечной цели: поглощению всей Албании. Особенно в 1947 году и в начале 1948 года такая цель была открыто объявлена, но я хотел здесь отметить, что еще на бератском Пленуме Стойнич выдвинул в качестве *balon d'essaie*[1] идею такого поглощения:

— Какими формами следует укреплять наши отношения, — подчеркнул он, — этого не могу сказать сейчас, на этом собрании. Но пусть стоит перед нами перспектива союза, конфедерации и даже больше. Именно сквозь призму этой перспективы, — продиктовал он, — стройте отношения с Югославией. Перспектива Югославии есть перспектива Балкан, Европы. Имя Тито переросло рамки Югославии, его должны популяризовать и вы. По-моему, — кончил он с этим вопросом, — вы мало говорите о нас, так что в дальнейшем вы должны больше говорить о Югославии и о Тито.

Там было неуместно и нецелесообразно вступить в споры и требовать объяснений о том, что подразумевал Стойнич под словами «конфедерация и даже больше» и как это Югославия стала «перспективой Балкан и Европы». Все это выяснилось позднее. В Берате всего лишь излагались «идеи» и «директивы», принесенные Стойничем из Югославии

1 По-французски: пробный шар.

и составлявшие каждая в отдельности и все вместе мины с заведенным механизмом, они были сопряжены с неизмеримыми опасностями для будущего нашей партии и новой Албании. Все они были политическими и идеологическими минами титовского выпуска. Тогда рано еще было понять их широту и опасность, но их часовой механизм словно кошмар пришел в движение еще в те смутные моменты. Однако Стойнич, чтобы не дать нам задуматься над сущностью его заявлений о Югославии и союзах, сделал полный поворот и вернулся к самому главному в те моменты:

— Вы выступили здесь с критикой Центрального Комитета, но критика эта, и особенно самокритика, должна быть более глубокой и резкой. Эту критику, — сказал он далее, — вам следует в таком же духе довести и до мест, чтобы правильно ориентировалась вся партия...

Таким было в общих чертах все содержание работы Пленума, проходившего в Берате в моменты, когда наша столица, Тирана, только что была освобождена и когда со дня на день и с часу на час мы ждали и полного освобождения Албании.

К сожалению, в этих решающих условиях и ситуациях большинство целей «миссии Стойнич» было достигнуто. Нашу партию и ее правильную линию порочными путями и глубоко враждебными методами облили ушатами грязи. Был нанесен тяжелый удар единству в партийном руководстве, особенно в Бюро Центрального Комитета, оно было сильно повреждено. Кроме Сейфулы Малешова и Панди Кристо, было решено включить в состав Бюро еще двух «сейфулых» — Бедри Спахиу и Тука Якова, и было внесено предложение о том, чтобы позднее, если «нужно» будет, принять в Бюро и Кристо Темелько! Кем они были и что они делали во время войны — об этом я говорил в книге «Когда родилась партия», а ниже расскажу и о том, что они делали по окончании войны. Итак, остановились мы на том, какие «плоды» принес нам Берат. Но одной из главных целей Стойнича и его агентов, которой они не смогли достигнуть в Бе-

рате, было мое отстранение от партийного руководства и от поста Генеральнго Секретаря. Это факт, что товарищи на Пленуме, хотя и были сбиты с толку и согласились со многими несправедливыми обвинениями, выступили в поддержку правильной генеральной линии партии и выразили по отношению ко мне то, что чувствовали: любовь, уважение и доверие. Тем не менее, вследствие желчи, излитой бандой Стойнича, мой авторитет не как персоны, а как Генерального Секретаря партии, затмился. Это больше всех чувствовал и видел я сам. Но головы я не склонил. Даже когда говорили самые большие мерзости, я был убежден в том, что у нас была правильная линия и твердо верил, что впоследствии все выяснится и будет поставлено на свое место. Прежде всего я был проникнут коммунистическим убеждением в том, что, как бы то ни было, я сумею близко стоять к партии и народу и пусть их справедливое слово и мнение окончательно решат обо всем.

Но самым горьким и вредным «плодом» бератского Пленума была данная там ориентация на будущее: поскольку «наибольшим злом» и «наибольшей опасностью» для нашей партии было названо «сектантство», была дана зеленая улица оппортунизму.

В этом и заключалась главная причина того, что удар, якобы нанесенный на Пленуме оппортунизму в линии, прошел легко, без какого-нибудь углубления, без каких-либо аргументов. Все, что пришло из штаба Тито, было хорошо подсчитано. Обвинение в «оппортунизме» было возведено всего лишь в «подтверждение» того, будто наша партия не в состоянии была выработать правильную и последовательную линию; добившись этого, обвинители считали уже исчерпанным вопрос об этом обвинении. В конечном итоге, они не беспокоились ни об оппортунизме, ни о сектантстве. Их единственная забота заключалась в том, чтобы подчинить нашу партию и Албанию в целом Югославии, вот почему мы должны были быть не «сектантами», а «мягкими», «послушными», «тихими», «великодушными» вплоть до принесения

свободы в жертву, вплоть до продажи Албании! Такова была цель «миссии Стойнич» и, к сожалению, она подготовила почву для ее осуществления.

Особенно «директивы» Стойнича касательно будущей политики партии во Фронте, в национально-освободительных советах, в органах власти, в экономической, внешнеполитической и в других областях составляли ту зараженную антисоциалистическую почву, куда Сейфула Малешова и компания пытались погрузить новую Албанию сразу же после освобождения.

И по этим вопросам мы 2-3 месяца кряду вели широкие и острые споры, которые в той или иной мере нашли себе отражение в зачитанных на Пленуме докладах, но особенно в ряде выступлений. Выше я говорил о реферате, который я вынужден был сделать на Пленуме, как и о моем открытом несогласии с товарищами по большинству вопросов, на «дополнении» или «редакции» которых они настаивали. Но я хотел бы подчеркнуть тот факт, что мои возражения не прошли совсем даром. В порядке «компенсации» Нако, Кочи, Сейфула и другие со Стойничем во главе были вынуждены «согласиться» на то, чтобы в реферате остались некоторые из моих правильных взглядов и позиций. С еще большей силой акцентировал я эти позиции и в моем выступлении незадолго до завершения работы Пленума.

Так, например, что касается политики партии во Фронте, я, отметив новую обстановку, сложившуюся в стране благодаря решающим победам в борьбе, подчеркнул, в частности:

— Мы должны остерегаться явных и тайных врагов. Теперь, когда всем ясно, что победа за нами, открытые и явные враги пытаются вступить в связь со скрытыми врагами и через них пролезть во Фронт. До вчерашнего дня они боролись против нас извне, а теперь хотят бороться изнутри. Но уже слишком поздно, так как наши двери закрыты перед ними. Призыв, с которым мы обратились недавно к элементам, стоявшим на позициях оккупанта, был последним призывом. Ныне хотят вступить во Фронт все те, кто

стремится снять с себя ответственность за действия, совершенные ими в течение трех-четырех лет, когда они с оружием в руках и всеми другими средствами боролись против нас. Наша задача, — отметил я, — не пустить во Фронт тех, кто стремится подорвать его изнутри.

Такая позиция шла вразрез с мнением Сейфулы Малешова о том, что «в случае закрытия дверей, Фронт сузится», поэтому косвенно, не назвав Сейфулу по имени, я поставил вопрос:

— Сузится ли Фронт, если мы будем проводить такую линию? Нет, — подчеркнул я, — Фронт не сузится. Он пополнится всеми теми элементами, которые до сих пор держались в стороне или были введены в заблуждение предателями, но которые не обагрили руки кровью.

Так же как и в реферате, в заключительном выступлении я в общих чертах указал некоторые задачи Фронта на будущее, как широкой политической организации, призванной объединить все массы под руководством КПА.

— Функции власти, которые до сих пор выполнял Фронт, будут выполняться впредь советами, которые, — подчеркнул я, — мы должны постоянно укреплять и оживлять. Фронт должен упрочить союз рабочих, крестьян, интеллигенции и всех других слоев.

— Вопрос о власти, — сказал я далее, — является центральной проблемой для партии и это не потому только, что он составляет встающий перед нами актуальный вопрос, но и потому, что в этом направлении опыт у нас отсутствует. Мы должны укрепить советы, очистить их от чуждых нам элементов, которые проникли в них по ошибке или же разными махинациями, сделать так, чтобы народ полностью доверял советам, усматривал в них свои органы власти.

Тем не менее, хотя заговорщики и были вынуждены «позволить мне» изложить такие взгляды, в своих выступлениях они открыто и прямо атаковали их. Так, взяв слово, Сейфула Малешова, в частности, подчеркнул:

— Уже настало время распахнуть двери Фронта и даль-

ше расширить его. И в Югославии, где в вопросе с Фронтом всегда осуществлялась правильная политика, его двери открываются уже перед всеми, а у нас двери его следовало и подавно открыть, раз допускались ошибки сектантского характера. Нам не только надо расширить Фронт, — подчеркнул он, — но и привлечь на свою сторону даже тех, кого мы потеряли. Следовательно, мы должны привлечь и тех, кого мы не смогли привлечь в ходе борьбы!

В таком духе выступали и давали указания и Кочи, Панди, Бедри Спахиу, а, в известной мере, и Нако Спиру. Уже подготавливалась почва для принятия во Фронт ценов элези и компании, уже насаждались в голове партии семена всех зол, с которыми мы сталкивались впоследствии.

Другой «директивой» Стойнича, которая доставила нам позднее много хлопот, была «директива» об отношении нашего молодого государства к союзникам.

В ходе войны мы всегда осуществляли в этом направлении правильную линию, и, зная всех трех «великих союзников», проводили нужную грань между Советским Союзом, с одной стороны, и США и Англией — с другой.

К тому времени нам еще не были известны тайные и явные переговоры и связи Тито с двумя западными союзниками, особенно с Черчиллем, но кое-что мы заметили, когда в ходе одного из споров еще до начала работы Пленума Велимир Стойнич сказал:

— Сегодня вы государство, у которого своя официальная политика. К великим союзникам, сыгравшим решающую роль в этой войне, новое государство должно одинаково относиться...

— Как? — спросил я. — Ставя Советский Союз на один план с двумя остальными?

— С государственной точки зрения да, — «пояснил» Стойнич. — Политика настоящего государства не делает дифференциаций. Вы этого не знаете, но узнаете. Конечно, — добавил он потом, — неофициально, например, по партийной линии, Советский Союз можно считать самым глав-

ным и самым естественным союзником, а по государственной линии — нет. Америка и Англия всегда остаются союзниками и проводимая ими сегодня политика — положительная, она отвечает нашим интересам.

Такое рассуждение показалось мне странным и в глубине души я не был согласен с ним. Разве это можно, чтобы политика государства отличалась от линии и политики партии? Еще больше поразил меня другой факт. Когда говорил мне, что надо «неофициальным путем» подчеркивать особую роль Советского Союза, Велимир Стойнич тут же добавил:

— При этом следует учитывать и конкретные особенности борьбы каждой страны. Например, подлинным союзником всех нас является Советский Союз, но вы, как Албания, союзником, как сказать... — помялся он, — настоящим, особым союзником имели и имеете Югославию Тито.

Эти взгляды товарищи также изложили мне впоследствии как «свои», мы опять спорили по этому поводу и они, так или иначе, нашли себе отражение на Пленуме. Но, исходя из того, что реферат предстояло зачитать в партии, я воспользовался случаем и решительно подчеркнул:

— Советский Союз, как первое социалистическое государство и благодаря своей героической антифашистской войне составляет величайший залог освобождения народов и обеспечения их независимости. Следовательно, — отметил я, — мы должны укоренить в сознании масс истину о том, что нашим самым откровенным союзником и главной опорой нашей внешней политики является Советский Союз.

Одновременно, воспользовавшись правом заключительной речи, я сказал товарищам:

— Мы стоим на пороге полного освобождения Албании, перед нами встают очень важные задачи, и нам незачем скрывать за Фронтом нашу партию, которая была настоящим руководителем этой освободительной борьбы. Она должна стать как никогда раньше сильной, мудрой и активной, выступать во главе масс, держать в руках бразды правления и, занимая правильную позицию и умело проводя правильную

линию, осуществить свою программу и чаяния трудящегося народа.

В моменты такого большого поворота, в которые вступает история нашего народа, мы должны удесятерить свою энергию и политическую зоркость, Центральный Комитет и вся партия должны иметь в виду нашу прошлую действительность, как и нашу будущность, мы должны отмечать как удачи, так и промахи, и учить партию не пьянеть от успехов и учиться на ошибках.

Так завершился бератский Пленум. В следующий день нам предстояло войти в Тирану. Албания была полностью освобождена, неотложная задача, которую наша партия указала в своей программе еще в день своего основания, 8 ноября 1941 года, была успешно выполнена. Стояли дни, когда радость и счастье должны были быть как никогда раньше сильными. И, в действительности, именно такие чувства кипели в сердцах, отражались на лицах и глазах народа, открыто проявлялись, демонстрировались всюду, куда бы мы ни проходили в те дни. Эту радость разделяли и я и другие товарищи из партийного руководства, все коммунисты, все воины нашей героической партизанской армии.

Но я не могу скрывать, что, наряду с большой радостью, вызванной достигнутой нами победой, в душе копошились у меня большая тревога и горькая мысль о случившемся в Берате. Казалось мне, что где-то таилась другая большая опасность для будущего. Это вовсе не была озабоченность моим личным будущим. Еще в тот день, когда сознательно вступил на путь коммунизма, я принял во внимание все: страдания, муки и лишения, всю мою жизнь. Я все отдал великому делу народа, Родины, партии и революции. Единственное, что меня занимало, было дело партии, которую несправедливо облили ушатами грязи, было будущее партии, народа и страны, которыми ей предстояло руководить.

Вели мы целую гигантскую борьбу и увенчали ее успехом, и поставить теперь все это под угрозу своими же руками, это явилось бы большим позором и тяжким преступле-

нием! Это было бы самым непростительным преступлением, совершенным против нашего народа. Такого ни в коем случае не должно было произойти.

И поклялся самому себе сделать все от меня зависящее для того, чтобы истина была восстановлена, чтобы партия продолжала идти верным путем, чтобы Албания следовала по пути, который КПА обещала ей еще в ноябре 1941 года.

III

ТИТОВСКАЯ АГЕНТУРА В ДЕЙСТВИИ

Белград заменяет Стойнича говорящим на албанском языке титовцем Иосипом Гергя ■ 7-й кабинет по ... Албании в канцелярии Югославской федерации ■ Почему Тито «против» расчленения Албании?! ■ Правда о сделке Пьяде-Цалдарис в августе 1946 года ■ «Шутка» между Тито и королем Павло о разделении Албании ■ Спор вокруг политики выборов в Учредительное Собрание: С. Малешова: «Предоставить оппозиции свободу самостоятельно участвовать в выборах»; К. Дзодзе: «Югославские товарищи не побоялись договориться и с буржуа»; Н. Спиру: «Теперь нам нечего бояться своих противников»; народ: «Избирательные шарики мы проглотим, а реакционерам не отдадим» ■ Вспышка распрей между самими заговорщиками ■ V Пленум ЦК КПА (Февраль 1946 г.) ■ Тезисы о пересмотре бератского Пленума ■ Белград приходит на помощь своим агентам.

Новый исторический этап, в который вступали наша партия и наш народ сразу же после освобождения страны и установления народной власти, знаменует собой также и переход на новую стадию наших отношений с КПЮ и с югославским государством.

Теперь в обеих странах наши партии были правящими партиями. На них лежали бремя и благородная задача прилагать все свои силы и способности для продвижения вперед, к новым победам, соответствующих стран и народов, как и для дальнейшего упрочения и развития своих взаимоотношений и взаимных связей.

Трудности, особые условия и обстоятельства военного времени кончились. Мы, с нашей стороны, именно в тех понятных для военного времени условиях и трудностях находили главную причину того, почему прямые связи с КПЮ и особенно с ее руководством за истекшие четыре года ограничивались некоторыми эпизодическими шагами, которые не только не производили хорошего впечатления, а, напротив, разочаровали нас. Однако случаи эти мы пока что еще рассматривали как отдельные явления и не винили в них руководство КПЮ. Так что мы продолжали быть хорошего, а в известной степени даже эйфорического мнения о югославской партии и ее главном руководстве, хотя за четыре года нам так и не представилась возможность непосредственно и конкретно познакомиться с ними. Теперь пора была взаимно оценить друг друга уже на основе реального ознакомления с делами, с фактами и линией, проводившейся каждой из партий, а не как в прошлом, на основе «идеалистических» рассуждений. Пора было на практике рассеять всякую тень сомнения, оставшуюся у нас из ограниченных и неприятных шагов прошлого, так же, как надо было рассеять и всякое сомнение или дурное мнение, которое, быть может, сложилось о нас у югославского руководства под влиянием донесений его посланцев. Итак, мы были готовы и предрасположены как можно больше развивать и укреплять дружеские отношения с КПЮ и народами Югославии, на каждом шагу руководствуясь марксистско-ленинскими принципами взаимоотношений между братскими партиями и странами. Однако что же скажет будущее?

«Защита» Албании де-юре для ее поглощения де-факто

Первый год после освобождения и даже бóльшая часть 1946 года во многих направлениях говорили о «малой весне» в отношениях с югославскими «друзьями». Складывалось впечатление, будто они изменяли многие из своих прежних

позиций, будто дело шло к улучшению прежней тяжелой атмосферы критиканства и будто они даже пересматривали некоторые из своих неправильных позиций прошлого.

Сам полковник Стойнич, после того хаоса и замешательства, которые создал нам в Берате, стал сближаться со мною.

Однако то, что произошло в Берате, нависало нерассеявшейся черной тучей. Более того, с каждым днем ощущался его дурной эффект на наши повседневные дела, малые и большие.

Об этом я говорил Стойничу во время одного из многочисленных визитов, которые он начал наносить мне после нашего прибытия в Тирану, отметив при этом, что бератский Пленум пока что давал только негативные эффекты.

— Вы увидите, что как только угомонятся страсти, все изменится, — попытался успокоить меня он. — В Берате товарищи научились тому, как выступать с критикой и самокритикой. Это имеет большое значение для нынешнего и для будущего.

— Однако, — отметил я ему, — у меня впечатление такое, что там критическими выступлениями был облит грязью престиж партии, ее руководства и мой лично.

— Поймите меня правильно, — ответил он. — Ни я, ни ваши товарищи отнюдь не намеревались уронить авторитет вашей партии и тем более ваш личный. Вы сами видели, что и товарищи из Бюро ничего не имели против вас непосредственно, наоборот, они довольны тем, что вы Генеральный Секретарь партии!

— На занимаемые функции, — холодно и явно тенденциозно отметил я, — поставила меня партия, а не один или пять человек. Оставаться мне или нет на этих постах, это также не было и не будет делом отдельных лиц, кем бы они ни были. У нас превыше всего партия.

— Совершенно верно, — сказал Стойнич, и прикидываясь, будто ничего не понял, продолжал льстить мне: «Мы считаем за честь иметь такого друга, как вы», и т.д. и т.п.

Мне никогда не нравилась лесть, и если кто-либо льстил мне прямо в глаза, то я старался усмотреть и подметить,

что скрывается за ней и за самим льстецом. Так случилось и на этот раз с Велимиром Стойничем. Но говорил он с таким наивным видом, что мне трудно было угадать, что же произошло с ним так неожиданно. Быть может, подумал я, он послал югославскому руководству доклад о том, что произошло в Берате, и Тито, видимо, надрал ему ухо. Быть может, сам Велимир чувствует, что вместо того чтобы помочь нам своими «тезисами», очень навредил нам, и теперь хочет быть в ладах со мною. Может, он считает, что я в будущем, в письменном виде или же во время официальных встреч, могу проинформировать Тито о бератской неразберихе и, чтобы предотвратить неприятности, старается обращаться со мною, как с другом.

В то же время я заметил, что Стойнич продолжал поддерживать хорошие отношения и с другими товарищами, часто приглашал всех нас вместе в резиденцию югославской миссии и использовал любой случай, чтобы стучаться в наши двери для визита, хотя бы на «как поживаете». Я подумал, что это тоже входило в рамки его попыток кое-что исправить из испорченного в прошлом, особенно в период с конца августа до конца ноября 1944 года. Вплоть до момента своего отъезда из Албании (насколько я помню, он ушел к концу 1945 года) он занимался в основном рассылкой приглашений и предложений как можно чаще направлять в Белград «для изучения опыта» отдельных товарищей и групп товарищей из разных областей.

Как бы то ни было, я считал его битой картой. Все, что могло и быть в нем хорошего (фактически, в нем ничего хорошего не было), он окончательно испортил в Берате, и теперь, находился ли он или нет в Албании, улыбался или становился мрачным, это не имело уже совершенно никакого значения. Я уверен, что Тито и компания понюхали такое наше мнение о нем и вскоре отозвали его из Албании. Вместо него прибыл другой титовец, Иосип Гергя, с которым нас свяжет другая длинная и горькая история. Это был дипломат, албанец по происхождению, родом из какой-то деревни Далмации, говорил он по-албански свободно. Его дед, если я

не ошибаюсь, был регентом сербской или хорватской монархии. Иосип Гергя был человеком умным и хитрым, прикидывался он «человеком из простонародья», со всеми встречался, в чем ему помогало также знание языка, занимался очень аккуратной информационной работой в пользу Белграда. Со мною старался быть корректным и обходительным, пытался изгладить из моей памяти дурное впечатление, оставленное Велимиром Стойничем и многими другими, показывал себя «сговорчивым» человеком, склонным не вести дела по пути дальнейшего обострения. Итак, вначале Гергя был сладкоречивым и настоящим «экспертом» по всем вопросам. Письмом в пяти-шести строках сам Тито представлял нам его, как подготовленного работника, готового помочь нам. Еще на одной из первых встреч, которые я имел с этим новым югославским представителем, он завел речь о Стойниче.

— Товарищи, — «конфиденциально» сказал он, — попрекнули его за кое-какое отсутствие такта в отношениях с вами, но вы должны понять его, он был склонен в основном к военным методам, ибо такова была его профессия.

— Это не было просто отсутствием такта, — ответил я югославу, говорившему на албанском языке. — Из-за сделанных полковником Стойничем «замечаний» произошла и еще продолжается целая история.

— Ваши товарищи плохо его понимали. Мы, как друзья и коммунисты, будем делать друг другу замечания, но это не значит, что они должны быть взяты за основу.

— Да, но ведь ваш товарищ настаивал на том, чтобы они были не только приняты, но и дальше «углублены».

— Может, может, — сказал Гергя, — но я пришел с доброй идеей не оглядываться на прошлое. Тогда условия были такие, что трудно было вникать в суть положения и проблем. Главное в том, чтобы теперь идти вперед рука об руку, как друзья и братья.

Между тем другие послания дружбы поступили и продолжали поступать из Белграда. Начались поездки в Югославию наших товарищей из разных секторов, а встречавшие

их работники, особенно партийные, тепло обходились с ними и не упускали случая через них передать и мне приветствия и «заверения» в том, что «дружба» между нашими партиями и нашими странами «окрепнет», что в «Белграде двери будут оставаться открытыми для вас» и т.д.

Все это, взятое в целом, не могло не радовать и не подбодрять нас. Мы сами были заинтересованы в укреплении взаимоотношений, мы хотели прежде всего, чтобы сами Коммунистическая партия Югославии и новое югославское государство стояли на как можно более прочных и более правильных позициях. Мы, естественно, надеялись и считали, что нам было чему учиться у них, особенно по части устройства нового, народно-демократического государства, в чем у нас не хватало опыта, в области восстановления и дальнейшего развития страны, в борьбе за признание, укрепление и утверждение наших позиций на международной арене и т.д.

Это факт, что югославское правительство первым признало наше правительство законным правительством, оно еще весной 1945 года[1] установило с нами дипломатические отношения. Мы поблагодарили югославских товарищей и выразили им свою признательность за такой акт, хотя, в конечном счете, этот акт был более чем нормальным и его должно было немедленно совершить правительство любой страны, проводившей на международной арене реалистичную политику.

Признание нашего правительства другими нам незачем было считать какой-либо «привилегией» или «особым благодеянием» по отношению к нам. Наше правительство было более чем законным, оно вышло из огня войны. Благодаря нашей героической и бескомпромиссной борьбе с захватчиками и их местными сообщниками наше правительство пользовалось поддержкой и любовью всего народа, оно было преисполнено решимости проводить правильную и принципиальную внешнюю и внутреннюю политику, знало свои обя-

---

1 Решение югославского правительства о признании Албанского демократического правительства было опубликовано 1 мая 1945 г.

занности и отстаивало свои права на международной арене.

Итак, рассматриваемый хладнокровно, или, так сказать, в принципе, акт признания нашего правительства югославским правительством был чем-то более чем нормальным, был шагом, необходимым для него и для всех других правительств.

Но при тогдашних условиях и ситуациях, когда мы несправедливо и открыто были бойкотированы и оказались перед американо-английскими попытками низвергнуть, а не признать нас, когда другие нас еще не признавали, и т.д., — акт югославского правительства заслуживал нашего уважения и нашей признательности. Тем более, что мутное положение в Греции, явившееся результатом англо-американской военной интервенции, составляло новую угрозу на наших южных границах. Греческое правительство, образованное в эмиграции и доставленное союзниками прямо на кресло, сразу же открыто выступило со своими старыми притязаниями на южную часть Албании. Старая сказка о так называемом Ворио-Эпире опять начала ходить по канцеляриям великих держав, и греческие монархо-фашистские представители, открыто поддерживаемые американцами и англичанами, развернули на международных конференциях и встречах яростную кампанию о новом расчленении Албании. Мы решительно подняли свой голос против этой свирепой и несправедливой политики, проводившейся в отношении нашего нового государства, и как раз мы явились главным фактором и залогом номер один отстаивания наших законных национальных прав, как и наших законных прав на международной арене, и отстояли их. Внешние факторы, действовавшие в нашу пользу, были вспомогательными, подсобными факторами.

Прежде всего этот фактор мы усматривали и находили в правильной и интернационалистической политике Советского Союза, руководимого Сталиным, видели его в сталинской внешней политике, которая, выступив в защиту интересов и прав всех других стран и народов, великих и малых, выступила и в защиту нашего правого дела. Представители

Сталина выступали в поддержку новой Албании и устанавливавшегося у нас народно-демократического строя; в то же время они разоблачали происки мировой реакции, ее угрозы и попытки вмешиваться в наши внутренние дела или отрицать и попрать наши права. Это факт, что в этот период и югославское правительство своими заявлениями или же через своих представителей выступало в защиту наших прав, причем надо сказать, что его усердие с особенно большой силой проявилось в связи с признанием наших государственных границ и их защитой от стремлений других. Ниже я объясню, что это была за «защита», и чем объяснялось такое странное усердие титовцев в связи с нашим делом. Здесь я хочу лишь подчеркнуть то, что было очевидным и громогласно прокламировалось ими в 1945 и 1946 годах, как прокламировалось и в 1970 и в 1980 годах. Мы, естественно, исходя из того, что знали и видели в те моменты, не могли не выражать им нашу признательность за оказываемую помощь, а они с удовольствием принимали это выражение признательности и даже сердились, когда мы не воздавали ее с излишком и особенно когда мы не писали о ней в печати, не упоминали о ней в наших выступлениях или же не присылали им в письменном виде. Разъясню также, что это была у них за «привычка» требовать, чтобы все, особенно хорошие заявления, преподносились им в письменном виде и, особенно, помещались в газетах.

Я мог бы привести здесь и целый ряд других фактов и аспектов, связанных с нашими «теплыми» отношениями с югославами в первый и второй год после освобождения (об экономической помощи в этот период не может быть и речи), но считаю, что даже уже приведенных достаточно в подтверждение сущей правды об этом так называемом «периоде теплых», «дружеских отношений» с югославами. Хочу сказать, что все эти «доброта», «помощь», «поддержка» были по сути дела просто блефом, большим лукавством, западней, прикрытой лаврами и оливковой ветвью, под которой таились железные зубы заклятых врагов партии и свободы нашей Родины. Этим я никак не хочу отрицать ни «добра», ни правды

или превратно истолковывать факты или перечеркивать их, как об этом утверждали и утверждают титовцы. У нашей партии никогда не было такого обычая и в своих рядах она никому не позволяла извращать не то что историю в целом, но даже ни единого ее слова.

Факты — упрямая вещь, сошлемся на них.

В качестве самой большой и «неоспоримой» помощи и поддержки, оказанных нам с самого начала, югославы упоминают, значит, **признание ими нашего правительства в мае 1945 года и свою борьбу на международных конференциях и т.д. за то, чтобы другие также признавали наше законное правительство и неприкосновенность наших границ.**

В связи с этим они приводят «факты», перепубликовывают заявления, воспоминания и т.д. и т.п. Между тем эти факты, эти заявления существуют и мы никогда не отрицали их. А титовцы всегда норовили скрыть, «предать забвению», уничтожить всякие следы целого ряда других фактов и аргументов, относящихся к одному и тому же вопросу, к одному и тому же периоду. Конкретно: именно в то время, когда громогласно заявляли о признании нашего правительства, независимости Албании и неприкосновенности ее территории, они втайне, на самых высоких уровнях государственного и партийного руководства вынашивали планы аннексии Албании и превращения ее в седьмую республику Югославии! Еще в начале 1945 года один из ближайших сотрудников Тито, Моша Пьяде, потребовал, чтобы в новой канцелярии Федеративной Республики Югославии в Белграде было не 6, а 7 кабинетов! 7-й кабинет принадлежал, по мнению титовцев, «Югославской Республике Албании!»[1].

Кое-кто из нынешних югославов приводит этот неоспоримый факт, называя его манерой бесшабашного Пьяде или же первоначальным «желанием», «колебанием» других. Это не так. Эти планы аннексии Албании чуть позднее, в

---

1 Помимо всего другого, и в книге Владимира Дидиера «Novi prilozi za biografiju J. B. Tita» (Новые дополнения к биографии И. Б. Тито) (2) Rijeka, 1981, стр. 902, отмечается: Моша Пьяде, пла-

1946 году и особенно в 1947 и 1948 годах официально, коварно и с силой были изложены нам самим Тито и его людьми. Впрочем, об этом речь пойдет ниже. В данном случае мы хотим всего лишь показать ложь и коварную подлость Тито и компании в связи с их публичным актом 1945 года о «признании» Албании.

Но возникает вопрос: почему они решили и объявили о признании Албании, нашего правительства и т.д. в такое время, когда втайне разрабатывали аннексионистские планы? Быть может, они поступили опрометчиво?! Быть может, они ошиблись?! Нисколько! Глупцами они не были и, особенно по части ловушек и закулисных происков, надо отдать им должное, они полностью доказали свою способность и свое коварство.

В данном случае они также прибегали к ухищренной и многоплановой тактике.

Тито с компанией считали (и в этом они сильно просчитались), что так или иначе Албания будет принадлежать им. Ключевые позиции в нашем руководстве они уже обеспечили после Берата, наши эйфорические чувства дружбы к ним они знали и ощущали, кое-какие оставшиеся препятствия они находили легко устранимыми. Итак, «внутренний фактор» они считали вообще уже обеспеченным. Теперь дело заключалось в том, чтобы аннексия Албании не вызвала дебатов и не доставляла им хлопот на международной арене, чтобы другие никак не считали ее аннексией с применением силы, результатом войны и т.д. Эта аннексия, по их планам, должна была быть осуществлена в мирных условиях и носить печать «законной воли» албанского государства и его законного правительства. Вот тогда и не будет никаких осложнений. Именно поэтому первым шагом должно было быть признание Албании самостоятельным государством, надо было

менный сторонник федерации Югославии и Албании, предлагал..., чтобы в планы нового здания федерации в новом Белграде немедленно было включено строительство 7 кабинетов: для 6 югославских республик и для Албании».

признать новое албанское правительство законным правительством, выражавшим чаяния и стремления народа. Когда Албания будет признана всеми и особенно «великими», тогда, естественно, «желание» законного и общепризнанного правительства объединиться с кем ему угодно, в данном случае — с Югославией, не могло вызвать беспокойства и осложнений. Таким образом разрешалась и косовская проблема; вопрос ставился не так, чтобы она присоединилась к Албании, а чтобы Албания «объединилась» с нею в рамках Югославии Тито!

Именно к этому и стремилось прежде всего югославское правительство своим актом от 1 мая 1945 года. Этим оно подавало другим «пример», чтобы они торопились с признанием законного правительства суверенной страны. Такую цель преследовали все виды его «помощи», как и его «усилия» воздействовать на Англию, США, Францию и другие страны, чтобы они признали независимость Албании и наше демократическое правительство. Следовательно, Тито и компания признали Албанию *де-юре*, чтобы поглотить ее *де-факто*.

В этот план входят и все их усилия «пресечь» претензии и попытки других, особенно греческих монархо-фашистов, расчленить Албанию. В Белграде и по сей день на всех перекрестах трубят об этой «помощи» тех лет и даже используют ее с целью «доказать», будто югославское руководство не только не стремилось к аннексии Албании, но и содействовало тому, чтобы никакая часть ее земли не пострадала от тогдашних монархо-фашистских притязаний!

К середине августа 1946 года, когда в Париже проходила Мирная конференция, мы и вся мировая общественность слышали о решительном осуждении со стороны Моша Пьяде на одном из заседаний конференции предложения Цалдариса[1] заключить тайное греческо-югославское соглашение о расчленении Албании.

---

1 В то время премьер-министр Греции и ее представитель на Парижской мирной конференции.

Несколько дней спустя после выступления Пьяде я сам отправился[1] в Париж на эту конференцию во главе нашей делегации, и на первой же встрече поблагодарил Пьяде за позицию его и югославского правительства в отношении грязного предложения Цалдариса. Мы были вместе с Молотовым, когда я встретил Пьяде, которому доставили большое удовольствие мои слова, тем более, что они были сказаны ему в присутствии Молотова.

— Монархо-фашистские волки своей ненасытной жадностью вложили мне в руки большой факт, — с явной кичливостью начал декламировать Пьяде. — Но зато я взял да взорвал «бомбу» на конференции!

Когда Пьяде закончил эмфазу, Молотов спокойно и с юмором сказал ему:

— Очень хорошо вы сделали! Но в те дни товарища Энвера здесь не было, так что он подробно не знает, каким образом греки вложили вам в руки эту «бомбу».

— Цалдарис пригласил меня на тайную беседу, — с пылом начал рассказывать Пьяде, — и сказал: «У нас старые притязания на Южную Албанию, но у вас, сербов, также имеются притязания на Северную Албанию. Давайте договоримся, согласимся, что является вашей долей, а что — нашей — и с Албанией конец. Она не должна существовать, как яблоко раздора между нами. Пусть она будет сладким яблоком, поделенным пополам при полном взаимопонимании!». Вот до чего они дошли! — сказал Пьяде и уставился на нас глазами, чтобы понять эффект своих слов.

— Да, да! — совершенно серьезно отозвался Молотов и спросил его: — Ну, а дальше, как со сделкой?!

— Мы никогда не могли допустить и не допустим посягательств на братскую Албанию, — заявил Пьяде, — вот почему на конференции я сделал то, что им в голову не приходило.

Я снова поблагодарил Пьяде за это заявление, считая его интернационалистической помощью и защитой со сто-

---

1 Товарищ Энвер Ходжа отправился в Париж 18 августа 1946 г.

роны представителя братской страны. Но я не знал тогда, что именно этот «защитник» южной части Албании страдал мечтой о поглощении всей Албании, я не знал, что именно этот Пьяде еще в 1945 году хотел «резервировать» нам 7-й кабинет в главной югославской канцелярии!

Стало быть, в соответствии с тайным планом аннексии всей Албании, представители Тито не могли не выступать в «защиту» южной части, на которую предъявлял притязания Цалдарис. Они полагали, что дела пойдут в их пользу, а раз это так, то как же они могли допустить, чтобы на многожеланную милую, на Албанию, посягали и греки, если они сами могли целиком завладеть ею?!

Короче говоря, югославские «защитники» защищали не Албанию, как свободное и суверенное государство, а те края, которые в их тайных планах составляли южную губернию многонационального и многонародного югославского «великого государства», о котором они веками мечтали.

Вот, значит, главный источник большого усердия югославов в деле «признания Албании» и «неприкосновенности» ее границ.

Конечно, в соответствии с этой основной стратегией и тогдашними моментами, в соответствии с этой «покровительственной», «интернационалистической» и т.д. политикой, Тито и компания осуществляли в одно и то же время и другие цели.

Выступая в первых рядах «защитников» дела Албании, они вкладывали в демократическом и прогрессивном мире капиталы, чтобы выдавать свою страну за «пламенного защитника» прав других стран, чтобы изображать себя «выдающимися интернационалистами», а свое государство и свою партию — государством и партией, не питающими никаких аннексионистских и гегемонистских амбиций. Они давали мировой общественности понять, что, напротив, даже когда другие говорят им о сделках и тайных соглашениях в ущерб третьим (как это было в случае с Цалдарисом), они не только отказываются от них, но и во всеуслышание изобли-

чают аннексионистов! Люди чистейшей воды! — вот, что можно было сказать людям Тито.

Таким образом игра становилась изощренной и опасной. Такое изображение себя, как людей «чистейшей воды», должно было служить им в этой первой фазе весомым аргументом для «подтверждения» в последующем, при втором шаге, того, что в вопросе объединения Албании с Югославией нет никаких заговоров и никакой скрытой руки югославов. «Нет, — защищались бы Тито и его присные, — мы выразили свое согласие на объединение потому, что оно было желанием самих албанцев, у нас не было никаких претензий. Наоборот, как вам известно, господа, мы выступали в защиту независимости Албании и за признание этой независимости даже тогда, когда другие либо молчали, либо стремились растерзать ее».

Много лет спустя, когда уже не только для югославских шовинистов, но и для всех других стало ясно, что в отношении Албании Тито рассчитывал без хозяина, снова появился какой-то греческий монархо-фашист, который уже «с равных позиций» повторил югославам акт Цалдариса 1946 года. Однако новая попытка к сделкам в известной мере отличалась от первой. На этот раз уровень договаривающихся сторон был выше: предложение о разделе Албании сделал президенту Югославии, Тито, сам монарх Греции, Павел. Она отличалась еще тем, что на этот раз Тито не счел целесообразным отклонить предложение короля даже тут же, будучи наедине с ним, а не то что публично.

Конечно, что это была за «шутка королей» в Корфу, расположенном напротив Албании, это показало и еще лучше покажет время. Но одно бесспорно: всем известная эзоповская лиса назвала столь желанный виноград «зеленым», увидев только, что ягодки его висят высоко.

Но, как я уже говорил, это относится к более позднему периоду, к тому времени, когда мы уже годы были на ножах с югославским современным ревизионизмом. Так что вернемся к периоду «дружбы», к периоду, когда Тито и ком-

пания «защищали» и поддерживали нас *де-юре*, чтобы поглотить *де-факто*.

Такова была тогда реальная действительность о югославской политике по отношению к нам во всех других аспектах. Эту цель преследовали и неожиданная «защита» и «поддержка», о которой начал говорить мне Велимир Стойнич после бератского заговора, и «приветствия», которые Тито и компания прислали мне тем или другим лицом, и сама высокая югославская награда, которую они присудили мне в 1946 году. Все делалось с целью притупить нашу бдительность, чтобы розовой дымовой завесой прикрыть всякие сомнения относительно заговора, чтобы нанести нам удар именно тогда, когда мы этого не ожидали.

Как мы узнали потом, выдавая мне «удостоверения» доверия и признательности, они продолжали в то же время поощрять и дальше возбуждать амбиции Кочи Дэодзе, Нако Спиру, Сейфулы Малешова с тем, чтобы они сделали теперь то, чего им не удалось сделать в Берате — отстранить меня от руководства партии. В этот первый период Нако Спиру то и дело демонстрировал свою проюгославскую жилку, но позднее было доказано, что взаимные связи между Нако и югославским руководством не покоились на какой-либо правильной, марксистской основе. Это были агентурные связи. Нако мечтал стать Генеральным Секретарем партии, и, чтобы сменить меня, он рассчитывал использовать югославов, а получилось так, что это югославы использовали Нако в своих целях. Именно к этой фазе и относится тот подлый и пакостный документ Нако Спиру, в котором он агентурным путем обращался к югославскому руководству, употребляя в мой адрес наихудшие слова и требуя обсуждения моего дела, словом, чтобы те содействовали моему отстранению от поста, на который я был избран партией.

Однако югославы умолчали о просьбе Нако, так как, видимо, они увидели в Нако человека, могущего доставить им хлопоты и испортить дело. Они предпочли Кочи Дэодзе. Сильно обиженный этим, но и вломившийся в амбицию, Нако установил другие связи. Югославы увидели новые связи

Нако, однако о его компрометирующем документе продолжали умалчивать. Но при тяжелых ноябрьских обстоятельствах 1947 года (о них речь пойдет ниже) люди Тито вытащили из столового ящика компрометирующий документ и показали его Нако в порядке давления на него, в качестве «оружия», которым последний, при сложившихся тяжелых обстоятельствах, покончил собой. Однако и на этот раз нам ничего не сказали, ибо югославы заинтересованы были в том, чтобы в те моменты обстоятельства самоубийства Нако Спиру оставались для нас как можно более таинственными. Позднее югославы снова вытащили из столового ящика этот документ и опубликовали только отдельные его части, чтобы создать у общественности как можно более дурное мнение о нас.

Итак, вот кто такие «югославские товарищи», те, которые прикидывались «чистейшими марксистами» и которых мы, к сожалению, за неимением фактов и из-за отсутствия единства в наших рядах, продолжали считать товарищами и друзьями и в 1945 и в 1946 годах.

Естественно, в этот период имелись также некоторые признаки, некоторые показатели, малые или большие, которых невозможно было скрывать и которые производили на нас нехорошее впечатление.

Ездили в Белград с визитами или по делам группы товарищей или же какая-либо делегация молодежной или женской организации, и югославские товарищи, к нашему удивлению, то и дело упоминали имя и «заслуги» Лири Гега! Как-то понадобилось поехать в Югославию также самой осужденной в Берате (не помню почему и при каких обстоятельствах, но, вне всякого сомнения, по вмешательству и ходатайству самих югославов), и исключенной из нашего Политбюро и из Центрального Комитета партии за тяжкие ошибки сектантского характера оказал теплый и сердечный прием сам номер два югославского руководства — Милован Гьиляс! Началось на нас всякого рода давление с целью заставить нас реабилитировать ее, а также и Юмера Дишница, который был осужден за оппортунизм.

Как же нам назвать подобные действия югославских товарищей?! Они возвели на них уйму обвинений и выработали целую платформу, бератскую, основываясь именно на ошибках и проступках этих двух элементов. Как же они теперь держали их близко к себе и нажимали на нас, чтобы мы снова включили их в состав партийного руководства?! Просто странно!

Как я уже говорил, Лири Гега была их человеком, их покорным агентом, и в Берате югославы были вынуждены пожертвовать ею, «осудить» ее не за вред, причиненный ею КПА, а только для того, чтобы ее ошибки рассматривать, как и рассматривали, как ошибки руководства нашей партии, в основном как ошибки, совершенные мною и Миладином. После этого было естественным их требование о реабилитации Лири Гега. Что же касается Юмера Дишница, то югославы добивались его реабилитации потому, что давно знали его оппортунистические и примиренческие наклонности. Такой оппортунист в нашем руководстве был бы одним голосом больше в пользу тайных планов югославов.

Мы, конечно, хотя и не знали и не понимали тогда бесчисленных «чудес» югославов, отклонили их предложения. Создалось впечатление, будто они не «обиделись» за это, и мы продолжали свое дело, по-прежнему сохраняя уважение и чувства дружбы к ним, но в то же время осмотрительно идя этим путем. Тем более диктовал нам такую осмотрительность целый ряд их позиций и взглядов, которые либо усиливали наши недоумения, либо вызывали у нас серьезные подозрения и тревогу.

В апреле 1945 года поехала в Югославию группа военных для участия, с целью получения опыта, в каком-то курсе или семинаре, организованном для югославских военных кадров. Возвратившись оттуда, приходят ко мне в рабочий кабинет Мехмет Шеху, Кристо Темелько, Тахир Кадарея и, кажется, еще два-три других, и начинают описывать мне, что они там слыхали и чему научились:

— Был произведен анализ крупных тем об опыте Октябрьской революции и югославской революции, — начал

докладывать Мехмет Шеху. — Сами товарищи Тито и Кардель разобрали стратегию и тактику югославской партии по этому кардинальному вопросу. Весьма интересно и с творческой оригинальностью товарищи...

— Да, да, — перебил я Мехмета Шеху, дав ему понять, что надо было вникнуть в суть вопроса, — но что же было сказано там конкретно?!

— Суть в следующем выводе: югославская революция не пошла по следам русской революции, у каждой из них были свои особенности. Русская революция была неприменима в условиях Югославии, так что югославская революция является особой революцией, причем именно в этом и заключается заслуга товарища Тито; на этой основе и надо организовать наши армии.

— Такой вывод вы выносите на основе услышанного там, или же это есть вывод, сделанный югославскими товарищами? — озабоченно спросил я.

— Это вывод, сделанный ныне товарищами Тито и Карделем, — ответил Мехмет Шеху.

Мне тут же вспомнился имевший место весной 1943 года спор с Темпо по этому же вопросу. Именно этот «вывод», именно эту точку зрения преподнес нам тогда Темпо, и я решительно возразил, назвав их неправильными, умалением важности и международного значения Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда я взвалил вину на Темпо, а теперь оказывается, что на таких же позициях стояли Тито и Кардель.

Мехмет Шеху почувствовал мое несогласие и сразу же изменил тактику. Он отказался от дальнейшего изложения новой югославской «стратегии и тактики» и дал Кристо Темелько окунуться в мутную воду.

Последний сделал нам подробное изложение взглядов, выраженных Тито, Карделем и другими югославскими руководителями. Помимо упомянутого мною выше, остальные идеи касались «этапов революции», а именно мнения югославов о том, что, «поскольку еще не завершен этап буржуазно-демократической революции, мы задержим переход во

второй этап, в этап пролетарской революции»; что «путь перехода от первого этапа ко второму есть путь реформ»; что «национально-освободительные советы являются органами буржуазно-демократической революции»; что «одно из различий между Октябрьской революцией и югославской революцией заключается в том, что в югославской революции буржуазия является членом, участником Фронта»; что «Тито обогатил марксизм тактикой национально-освободительной борьбы»(!) и т.д. и т.п.

Не могу притязать на то, что еще в те моменты мне было все ясно, но тем не менее многие из этих взглядов показались мне сомнительными и даже неприемлемыми; одни из них попахивали бахвальством и невообразимым самомнением, другие же были двусмысленными и чреватыми большими опасностями.

Весьма осторожно я сказал товарищам, что такие вопросы очень важные, но зато и весьма трудные, что сами югославские товарищи, по всей видимости, еще изучают эти вопросы, что невозможно сразу и легко обобщить опыт войны и революции, и т.д.

— Я говорю вам все это, — обратился я к товарищам, — для того, чтобы быть осторожными и умеренными как в беседах и лекциях, которые будете читать, так и в нашей повседневной работе. К тому же, поскольку югославские товарищи сказанное там еще не предали огласке, вы сами не должны заниматься пропагандой услышанных вами взглядов. — Все, — указал я в заключение, — надо хорошо обдумывать, взвешивать и сверять с учением марксизма-ленинизма. Таким образом мы будем и учиться и в то же время застрахуем себя от ошибок.

Генералы встали да ушли, но сказанное ими я должен был долго обрабатывать в своей голове. С одной стороны, меня встревожила суть самих взглядов, изложенных югославскими товарищами, их мания так быстро прийти к большим «обобщениям» и выступить с большими притязаниями, претендуя даже на роль «обогатителей» марксизма-ленинизма! Но, подумал я, быть может, к таким поспешным выводам их

приводит первая эйфория победы. Время все поставит на свое место, товарищи, особенно советские, помогут как им, так и нам уяснить вопросы и занять правильные позиции.

Я беспокоился в основном о наших товарищах. Слишком быстро приходили они в восторг всем, что говорили югославы. Конечно, Тито и его приближенных мы считали товарищами и друзьями, и тем не менее склонность безо всяких оснований «воспринимать» все, что они говорили, казалась мне неправильной, некоммунистической. Это не единственный случай, когда я замечал такого рода эйфорический восторг и подчинение «старшему», «сильному».

В тот период Кочи Дзодзе съездил в Белград по «особым» делам и, возвратившись оттуда, заходит ко мне в кабинет. Там были и Сейфула Малешова и Панди Кристо.

— Какая честь, какой прием были оказаны нам! — говорит он. — Просто не могу описывать. Кроме генерала Марко (имел он в виду Ранковича), меня встречали лично товарищи Гьиляс и Кардель!

Фамилии двух последних он произнес с таким почтением, что можно было подумать, будто Кочи встречал сам «всевышний».

— Кто они такие? — тут же, будто случайно, будто «кстати», спросил я его. Я, конечно, хорошо знал, кто такие Гьиляс и Кардель, у меня не было какого-либо дурного впечатления о них и даже не хотел уронить их авторитет, но то, что Дзодзе проявлял такое почтение, показалось мне неправильным.

Кочи был задет моим «бестактным» вопросом.

— Товарищи Гьиляс и Кардель?! — спросил он, сделав большие глаза. — Это самые умные люди Тито, это большие начальники. Они, как тебе сказать, идеологи партии.

— Ага! — выразил я «удивление», — это действительно большие! О чем они тебе говорили?

— Мы обо всем поговорили. Обо всем понемножку. О войне, о правительстве, о госбезопасности, об обороне. Говорили они нам хорошие слова. Помогать нам будут. «Не

торопитесь, — сказали они, — в этот период, чтобы не смешивать.... шествие революции»!

— Как это шествие? — спросил я.

— Значит, как это они мне сказали, — помялся Кочи Дзодзе, — то есть, ступени, шаги...

— Этапы революции, вот о чем они говорили тебе! — надменно подправил его Сейфула.

— Про них-то они сказали, что их не следует смешивать. Это было довольно сложное дело, но, насколько я их понял, нам не следует торопиться, ведь пока что мы будем демократией для народа, но буржуазию также не надо особенно обижать, в противном случае нарушаются эти самые, значит, этапы.

— Ладно, ладно, — с явным пренебрежением прервал своего коллегу Сейфула, — это целая теория, когда-нибудь я объясню ее вам. Но в сущности они правы, все мои реплики в Бюро и в правительстве такое и имеют в виду.

Что именно имели в виду «реплики» Сейфулы, это мы еще увидим. Но я остановился на априористическом и неправильном почтении, с которым стали относиться к руководству КПЮ некоторые из наших товарищей. Я не хочу сказать, что надо было уронить его авторитет и престиж или ущемить теплые взаимоотношения наших товарищей с югославскими товарищами, но, когда представлялся случай, я отмечал, что доверие и уважение должны быть взаимными, что нельзя создавать в наших отношениях позиций «старших», «мастеров», которые все знают и обо всем решают, и «младших», «подручных», которые должны сидеть смирно и тихо, исполнять волю «мастера». Надо было положить конец этому злу. Надо было готовить и закалять товарищей так, чтобы они думали не головой того или другого, а в соответствии с линией партии, основываясь на реальной действительности и руководствуясь только марксистско-ленинской теорией.

А между тем именно это необходимое требование и было неосуществимо в тот период. Некоторые члены Бюро нашего Центрального Комитета были «проинструктированы»

так, чтобы во всем шли в ногу с югославскими «друзьями», чтобы все их позиции соответствовали позициям югославов.

Таким образом, хотя югославы и «отступили» и «прямо» не вмешивались, их план подчинения нашей партии и аннексии Албании осуществлялся нормально. Югославы делали свое дело «нашими» же руками, людьми, которых они тщательно подготовили еще во время войны и в Берате, а теперь бросили в наступление.

Агенты Белграда в наших рядах

После удара, нанесенного нам в Берате, Тито и компании нужна была завеса «любви» и «дружбы» еще и для того, чтобы замести все следы истинного бератского заговора и довести свое дело до конца. В Берате они посеяли семена разрушения нашего будущего, причем, к сожалению, посеяли их среди нас, в рядах руководства нашей партии и сразу же после этого «отступили», чтобы дать посеянному ими злу самому развиваться внутри нашего руководства.

И вскоре их план начал давать первые плоды. Это факт, что руководству нашей партии враждебными методами была навязана не правильная, не марксистско-ленинская линия. Ведь не трудно заметить, что после бератского Пленума в наших выступлениях и документах мало говорилось о партии и много о фронте. Это было следствием «моих ошибок сектантского характера», ведь я много говорил о партии, а о фронте говорил, дескать, мало. В то же время нам было навязано положение о том, что надо скрывать существование партии и ее руководящую роль во всей жизни страны, что партия должна находиться в полулегальном положении.

«Скрывать существование партии» — таково было следствие ликвидаторской линии югославов, преследовавшей две цели:

Во-первых, уронить престиж и авторитет партии в гла-

зах коммунистов и народа и таким образом проложить путь насаждению оппортунистического и либерального духа в идеологии, в политической линии, в области экономики, в органах власти и вообще во всех областях жизни. Причем все это делалось на почве антимарксистских «теоретизирований» и извращения положения о двух этапах революции, времени и путях перехода от одного этапа к другому, и т.д. Таковыми были и привезенные Сейфулой Малешова тенденции и идеи, которые он поспешно развивал уже при поддержке югославской миссии.

Во-вторых, посредством сокрытия существования нашей партии югославы боролись за более успешную подготовку почвы для принятия КПЮ и Тито в качестве «руководящей силы» нашей жизни, в качестве единственных и главных руководителей в Албании, и «той КПА, которая плохо управляла и допустила так много политических и организационных ошибок».

Поскольку им не удалось полностью ликвидировать меня в Берате, что и считали важным условием быстрого осуществления своего плана, они, видимо, отложили это дело на более поздний период. Само собой было отложено на более поздний период и осуществление надежд конкурентов на один и тот же пост: Сейфулы, Нако, Кочи. После освобождения страны они из кожи вон лезли, чтобы полностью прибрать к своим рукам дела управления, а меня совершенно изолировать, и, наконец, отстранить как ненужного.

Но эту цель им также не удалось осуществить, ибо я, занимаясь делами, возложенными на меня партией и народной властью, не сидел сложа руки. Несправедливые критические замечания и удары не обескуражили меня, не привели в отчаяние, от них я не пал духом и не потерял уверенность. Я продолжал сохранять убеждение в том, что у партии была вообще правильная, верная политическая и организационная линия, несмотря на отдельные ошибки субъективного характера. Иначе были бы невозможны эти столь большие победы и прежде всего освобождение Родины и установление народной власти. В то же время я боролся, проникнутый

уверенностью в том, что дела поправятся, что сложатся благоприятные условия для того, чтобы вновь правильно поставить вопросы.

Однако бератские «товарищи», как только я упоминал вопрос о «пересмотре прошлого», проявляли странное недовольство и раздражение, которые превратились затем в явный страх.

Вспыхнули раздоры, атмосфера накалилась в нашем Политбюро. Естественно, раздоры эти вспыхивали не по мелочам а, напротив, по существенным проблемам, стоявшим перед страной, партией, народной властью во всех областях жизни.

Итак, мы вступали в новый исторический этап без четко и ясно определенной линии. Это было бы небольшой, легко преодолимой бедой в случае, если бы наше руководство действовало в полной гармонии и если бы оно было предрасположено отдавать в условиях единства все свои силы делу разрешения возникавших проблем. Но как раз этого непременного условия и не было. После победы, одержанной ими в Берате, Сейфула, Нако, Кочи искали не путей к разрешению стоявших перед страной крупных проблем, а путей к осуществлению своих чаяний о «троне». Каждый из них молча стремился занять первое место. Но особенно неудержимым становился Сейфула Малешова. Сильная жажда власти, стремление стать «шефом партии и государства» толкали его побороть в себе свойственную ему в прошлом лень и показывать себя очень активным. По всей вероятности, исходя из особых, причем весьма сложных проблем, выдвигавшихся новой обстановкой, он подумал, что настало время захватить флаг. Этому способствовало то, что он жил некоторое время в социалистической стране, в Советском Союзе, отчего и представлял дело так, будто исключительно он был способен осторожно лавировать в сложной ситуации нового этапа, в который мы вступили.

На каждом заседании Политбюро, как только утверждалась повестка дня, он смело брал слово:

— Слушайте, товарищи, вопросы государственного, хо-

зяйственного, культурного и др. строительства, устройства — очень сложные, они требуют диалектического подхода, чтобы не впадать ни в одну, ни в другую сторону противоположностей. Советский опыт послереволюционного периода, который мне посчастливилось пережить, убеждает нас в том, что надо проявлять большую гибкость. Вот, например, как мы будем поступать с национализацией, а с частным сектором, а с государственным сектором, с промышленностью, с сельским хозяйством?! Национализировать все?! Согласен, — говорил «профессор», — такова и наша цель, таково и будущее социализма! Но как это сделать? Сразу? Приказом? Можно и так сделать, ведь теперь нам и карты в руки. Но если бы поступили так, то были бы мы не коммунистами, а сектантами, авантюристами! Ведь нас не только не понял бы ни крупный, ни мелкий владелец, но даже и если бы отобрали у них имущество силой, мы все равно не были бы в состоянии привести в действие с эффективностью предприятия, банк, рудники, шахты.

— Ладно, — но к чему ты клонишь, — перебивал его Кочи. — Объясняй вещи просто.

— Я же просто говорю, товарищ Дзодзе, и даже объясняю марксизм совершенно вульгарно, чтобы вы правильно меня понимали, — отвечал ему Сейфула.

Я замечал, что почти по всем вопросам мы много дискутировали, поднимали большой шум и у меня складывалось впечатление, что этот шум вызывался не «характером» проблем, а попыткой того и другого хвататься за «характер проблем» для осуществления особых и личных целей.

Когда мы весомыми аргументами отвергали «теории» Сейфулы в защиту частного сектора и т.д., он тут же хватался за «нэп» Ленина, а, когда и в этом случае мы доказывали, что тот извращал Ленина, он сразу же ссылался на Тито.

— Я очень вас прошу! — протестовал он. — Товарищи Тито, Кардель и Гьиляс говорят не даром. Они сами не торопятся, нам тоже не раз советовали не торопиться. Мы переживаем этап параллельного продвижения вперед проле-

тариата и буржуазии, частной и социалистической собственности. Не следует перескакивать этапы.

Весьма острые споры имели мы в 1945 году особенно вокруг существенных вопросов, связанных с выборами в Учредительное Собрание — как будут проведены эти выборы, что они из себя будут представлять, какую роль должна играть партия в этой великой политической кампании, каких кандидатов надо выдвигать и другие.

— Не следует забывать, — поднимал голос Сейфула Малешова, — что выборы эти докажут, насколько нас любит народ, или, точнее, на чей стороне народ.

— Как? — спросил я, — в 1945 году вы хотите доказательств того, на чей стороне народ? Народ — на стороне партии, на стороне Фронта, на стороне сформированного нами демократического правительства, которое управляет страной!

— Да, в принципе мы даже согласны, — подпрыгивал Сейфула. — Но нам следует убедить всех и особенно внешний мир в том, что народ с нами. Это окончательно покажут голоса. Нельзя недооценивать то, что говорят англо-американские союзники. Нельзя недооценивать и голоса того направления, которое выкристаллизовывается в качестве оппозиции внутри Фронта и которое хочет самостоятельно участвовать в выборах! Мы говорим, что народ с нами. Англо-американцы говорят, что это не так, они говорят, что народ нас не любит! Мы будем отстаивать свою точку зрения, не умаляя, однако, и не игнорируя голоса оппозиции. Хочу сказать, что нам следует поступать в избирательной кампании не как сектанты, а как олицетворение демократии. А демократия — это значит дать людям — избирателям и кандидатам — свободу выбирать и быть избранными, свободно действовать. Мы будем выдвигать своих кандидатов, но надо позволить и противникам, то есть тем, кто не с нами, выдвигать своих кандидатов. Этим мы заткнем рот реакции, которая твердит, что мы ограничили свободы, ликвидировали демократию.

— Такой путь, — сразу же возразил я, — не только за-

ведет нас в тупик, но и приведет к катастрофе. Позволить реакции самостоятельно выступать в избирательной кампании, значит пойти на деление власти с ней, на деление той власти, которую мы завоевали ценой крови и жертв.

— Нет, не надо так категорически рассуждать — отозвался Сейфула. — Это будет лишь тактикой. Народ увидит, что мы за полную свободу и еще теснее свяжется с нами.

— Произойдет как раз обратное, — сказал я. — Этим мы разочаруем и собьем с толку народ — рабочих и крестьян, бедные слои города и деревни. Когда они увидят в списках кандидатов людей, которые раньше сосали им кровь, людей, которые либо были чуждыми нашей борьбе, либо стояли в стороне от нее, вполне законно подумают: за что мы сражались? Неужели за то, чтобы избирать в управление подобных людей?!

— Один момент! Один момент! — крикнул Сейфула, будто нашел Архимедову точку. — Логика привела тебя туда, где и надо было. Когда народ увидит в списке людей, которых он не любит, он отдаст шарики не им, а нам. Этим самым произойдут дифференциация и изоляция! Вот тогда мы сможем с основанием сказать американским и английским союзникам: видите, господа, на чей стороне народ?! Наша победа будет закреплена.

— Я против такой политики, как бы ты, Сейфула, ни называл ее «широкой» и «демократической», — отрезал я.

— Это сползание в сектантство! — вскрикнул Сейфула. — Это возвращение к той линии, которую мы осудили в Берате. А мне, товарищ Энвер, приходится с сожалением и огорчением констатировать, что вы еще не поняли бератского Пленума.

— Я никогда не понимал да и никогда не пойму бератского Пленума так, как это вы говорите, — ответил я ему. — Если в Берате были раскритикованы имевшие место в прошлом позиции и уклоны сектантского характера, то это нисколько не значит, что теперь мы должны удариться в другую крайность — в оппортунизм.

— Только при сектантской оценке можно называть оп-

портунистической политикой платформу, которую я излагаю, защищаю и защищать буду до конца, — до хрипоты кричал Сейфула. — Пусть высказываются и товарищи!

— Что это не простые вещи, — вступал в беседу Кочи Дзодзе, — такое всем ясно. Но, слушая как Сейфулу, так и Энвера, я думаю, что мы должны быть немножко более уравновешенными. Я ни с первым, ни со вторым, но говорю так: у нас есть опыт времен «Пуна» в Корче. Когда Коминтерн прислал нам в 1937 году новую линию, мы приняли участие в выборах в качестве оппозиции, выставили свои списки, и население Корчи отдало нам самое большое число шариков. Мы одержали тогда победу, другое дело, что потом режим прогнал меня и ряд других товарищей. В этом отношении я клонюсь к Сейфуле. Он прав. Надеюсь, реакционеры ничего не получат. Но и если получат — там видно будет... Мы не дадим им захватить власть... К тому же у нас опыт югославских товарищей. Они не побоялись договориться и с буржуа, с Субашичем. Он у них в правительстве. Что да как — это уж ихнее дело, мы не вмешиваемся, однако не следует забывать, что они проявляли и проявляют умеренность и великодушие в отношении реакции. На партийном съезде в Сербии югославские товарищи высказались за свободу действия всех политических партий, за то, чтобы у них были и свои газеты и журналы, противоположные партийной печати, пусть развертывается посредством газет и выступлений борьба между обеими сторонами, таким образом народ убедится в том, что он действительно завоевал себе свободу. Они поступают так потому, что иначе реакция может доставлять им хлопоты. Нам тоже надо учиться у них, ведь они нам друзья. Дело не в некоторых отъявленных реакционерах, я знаю, как с ними обходиться, дело в союзниках. Мы ждем, чтобы они признали нас, а они нас не признают, не увидев результатов выборов. Потому я и говорю что надо проявлять большее великодушие. Пусть они участвуют в выборах, все равно они проиграют, ведь их карта уже давно бита. Но и относительно того, что сказал Энвер, по-моему, подумать надо. Я считаю, что некоторых ультра-

реакционеров обличить нужно и не позволить им выдвигать своих кандидатов, остальным же — да.

— Я за умеренную и мудрую политику, — подливал масла в огонь Нако Спиру. — Товарищ Кочи кое-что упомянул из опыта последнего съезда Коммунистической партии Сербии. Я тоже читал эти материалы и на них можно учиться, особенно что касается смелости и гибкости югославских товарищей. Они не боятся участия реакционеров в выборах и даже избрания их в советы. «Даже и если в одном совете возьмут верх реакционеры, — сказали югославские товарищи относительно своей страны, — мы не должны отстранить их, ибо их избрание показало, что не все массы на нашей стороне. Надо давать им управлять, а поскольку они реакционеры, они не будут удовлетворять запросы масс. Этим они будут разоблачены и изолированы народом». Так говорили югославские товарищи, — повторил Нако, — и я считаю, что это умная и смелая тактика. Нам тоже, поскольку мы у власти, незачем бояться.

— Я настаиваю на том, что уже говорил, — снова взял слово я. — Товарищи, вам известно, что реакция, получив удар, склонила голову, но она не отказалась и никогда не откажется от своих целей. Она зашевелилась, начала скапливать силы, устанавливать связи, организовывать удар. Она пользуется поддержкой внешней реакции, особенно американо-английской.

Сейчас не момент вдаваться в подробности о бесконечных дебатах, которые мы вели по этим кардинальным вопросам того периода, а хочу всего лишь отметить, что происходившее среди нас все более и более беспокоило меня по ряду причин:

Во-первых, я подмечал, что ощущались опасные тенденции и дух оппортунизма, а знамя этих тенденций нес Сейфула Малешова.

Во-вторых, явно ощущалось отсутствие единства мнения и действия между нами. В дебатах и спорах участвовали почти все (за исключением Бедри Спахиу и Тука Якова), но я замечал, что возражения Кочи и Панди, а в известной сте-

пени и Нако Спиру, против Сейфулы не являлись свидетельством расхождений во взглядах, они касались скорее всего второстепенных вопросов, «отдельных реплик» и т.д. Мне казалось, что товарищей беспокоил не столько оппортунизм Сейфулы, сколько сам Сейфула, его надменность, его позы «недюжинного» авторитета, «эрудита», руководителя «первой руки».

Такое положение необходимо было изменить, исправить. В этом я еще больше убедился после успешного проведения всеобщих выборов, проходивших по всей стране в декабре 1945 года. Своими голосами народ доказал, что он был неразрывно связан с партией и нашим Демократическим Фронтом. Однако, хотя в целом все было положительно, имелись и отдельные, вызвавшие боль случаи. Под давлением Сейфулы Малешова и других в отдельных случаях были включены в списки кандидатов также люди, которых народ ненавидел. К нам сразу же поступили вести:

— Мы готовы проглотить шарики, а Риза Дани их не отдадим, — открыто заявила группа граждан в избирательном пункте, где была выдвинута кандидатура этого антинародного элемента. Так было и с некоторыми другими. Имелись случаи, когда избиратели голосовали за людей, которых они не любили, а это потому только, что такова была воля партии, но не по своему желанию. Речь идет о таких элементах, как Суат Аслани, Селяудин Тото, Шефчет Бея, Герг Кокоши и другие, которые позднее открыто выступили опасной враждебной группой в нашем Учредительном Собрании.

В то же время Сейфула Малешова усиленно продолжал попытки к возможно более широкому открытию и ориентации на Запад, к установлению с ним экономических связей ибо, по его словам, «таким образом можно будет быстрее идти вперед и вытеснить из головы союзников идею о том, что мы нарушаем демократию», «мы в одиночку ничего сделать не можем», «у друзей (он имел в виду югославов) свои заботы» и т.д. Следовательно, по мнению Малешова, нам надо было обратить взоры на Запад. На одной из встреч,

выражая свое мнение относительно «признания» нас союзниками, Сейфула сказал:

— Надо пересмотреть вопрос о соглашениях, заключенных с американцами и англичанами в период правления Зогу!

— В каком направлении? — удивился я.

— В направлении признания этих соглашений действительными. Мы нисколько не пострадаем от того, что их признаем и мы! — как ни в чем не бывало ответил Сейфула.

— То есть отвергнуть решения Перметского съезда? — гневно возразил я ему. — Этого хочешь ты, Сейфула?

— Не забывайте, товарищи, — обратился Сейфула к Кочи, Нако и другим, — что Перметский съезд состоялся в период сектантства, еще до Берата! Тогдашнее решение о «пересмотре», то есть о непризнании соглашений Зогу с союзниками кажется мне сектантским решением!

Я решительно и с негодованием возразил против этого и, к моему удивлению, Кочи Дзодзе поддержал меня, что редко бывало со времени бератского Пленума.

— Сейфула Малешова, ты переходишь меру, — обратился он к нему. — Как же нам отвергнуть съезд, давший нам правительство. Поступать так, как ты говоришь, значит связаться с Америкой и Англией, но те времена канули уже в прошлое. Если речь пойдет о связях и друзьях, то теперь у нас есть другие. Признать концессии англичан и американцев на нефть! Это не серьезно. Нефть нужна нам самим, в ней нуждаются также наши югославские друзья! — закончил Кочи Дзодзе и, полный раздражения, бросил на стол конверт, на котором виднелись две-три его заметки.

— Не противопоставляй меня югославским товарищам! — набросился Сейфула на Кочи Дзодзе. — Мы вместе были, когда беседовали с ними, и они порекомендовали нам признать соглашения, заключенные Зогу с союзниками, ибо это нам ничего не стоит.

— Как, как? — тут же спросил я. — Когда это было?!

— Мы с Кочи были у Карделя и Гьиляса, — начал объяснять Сейфула, — и говорили им об условиях, предъявляемых нам западными союзниками. Они сказали нам, что

соглашения с ними можно признать действительными. Пусть Кочи сам расскажет.

— А ты не смешивай вещи, не впутывай и товарищей Карделя и Гьиляса, — возразил ему Кочи Дзодзе мрачный, но дрожащим голосом. — Мы беседовали не о концессиях, предоставленных Зогу, мы беседовали о признании нашего правительства союзниками.

— Но ведь я то же самое говорил, — разгневанно отозвался Сейфула.

— Да, но сперва ты говорил больше, чем они. Ты все изложил им по ниточке, совсем сбил их с толку. Ты и меня запутал, не говоря уже о них. Вот, как обстоит дело. Не впутывай товарищей.

— Раз вы беседовали об этом с югославскими товарищами, — обратился я к Кочи и Сейфуле, — то почему не проинформировали нас по возвращении оттуда? Это очень серьезная проблема.

— А как же не информировали! — стал защищаться Сейфула. — Все мои усилия в Бюро в направлении проведения мудрой тактики по отношению к союзникам в этом же духе и прилагались. Я думал, что Кочи подробно говорил вам об этом.

— Ты запутываешь дела, а теперича запутываешь всех нас! — снова возразил ему Кочи Дзодзе. — Своей большой теорией ты кашу навариваешь.

Вот, значит, какие советы давали нам югославские «товарищи» и «друзья»! Отвергнуть то, что было решено нами в Перметском съезде, согласиться со всеми предложениями американцев и англичан, оставлять в силе кабальные соглашения, заключенные Зогу с ними. Кочи Дзодзе попытался умалить и отрицать эту истину, однако четыре-пять месяцев спустя югославское руководство снова прибегло к открытому давлению, чтобы заставить нас признать действительными кабальные соглашения Зогу[1]. Мы, естественно, не поддались этим нажимам и продолжали свой прежний курс.

---

1 В радиограмме, направленной товарищу Энверу Ходжа из

Снова начались споры, но на этот раз весьма острые, полные взаимных обвинений между Кочи и Сейфулой. Бедри и Тук, как обычно, колебались, они прикидывались больше всего нейтральными, тогда как Нако Спиру вслушивался и старался определить самую подходящую позицию, которую нужно было занять. Чаша весов клонилась в сторону Кочи Дзодзе. Сейфула Малешова неожиданно оказался в центре удара. К моему удивлению, на целом ряде заседаний и встреч того периода Кочи, Нако и Панди Кристо решительно ополчились на Сейфулу Малешова. Приводили они уйму новых фактов и аргументов в доказательство измены Сейфулы Малешова, доказывая в одно и то же время еще и другое: они аккуратно скрывали от меня эти факты, которые были им известными и которые они обсуждали в своем кругу.

Все это проливало свет не только на грубые ошибки Сейфулы Малешова, о которых я знал в общих чертах и которые я давно бичевал. Главное было то, что проливался новый свет на «старую» ошибку, на бератский Пленум. Уже настало время спокойно, зрело и со всей ответственностью анализировать и обсуждать все эти дела.

Конец Сейфулы Малешова еще больше обнажает заговор, составленный югославами

Диалектика вещей делала свое. Заговор, за кулисами составленный в Берате, помимо опасностей и всех других бед, которыми он был чреват для партии и страны, таил в себе и семена зла для самих заговорщиков.

Белграда 25 апреля 1946 года, Нако Спиру, в частности, писал: «Эти считают, что мы должны признать соглашения с американцами под той формулой, что Албания признает все довоенные обязательства по отношению к другим государствам, за исключением агрессоров. Касательно соглашений с Америкой Кардель не видит чего-либо серьезного, он говорит, что их можно признать без всяких опасений». *ЦПА.*

Кочи Дзодзе, Нако Спиру и Сейфула Малешова составляли в Берате «единство», и югославы бросили их в согласованную атаку на нашу партию, подкармливая в каждом из них стремление к занятию главного поста. Но их было трое, а пост — только один. Так что настал момент развала «единства» главной бератской антипартийной тройки. Личные амбиции каждого были направлены на отстранение остальных двух компаньонов.

Ход событий и интересы заговорщиков определили тот факт, что первой пешкой, которую нужно было вывести из игры, оказался Сейфула Малешова. Фактически, он заслуживал осуждения не то что теперь, а еще раньше, чтобы не сказать, что вообще выдвижение его на руководящий пост было ошибкой. В тот короткий период военного времени, который провел в Албании, он показал себя редчайшим трусом, он даже представления не имел о том, где и как происходили бои и совершались налеты на врага. Выступал он за борьбу кафе и салонов, за борьбу репликами, да и это, естественно, только словесно, ибо писать он считал для себя большим трудом и мукой. После освобождения он утвердил себя как либерального, парламентского демократа, он лез из кожи вон, чтобы навязать партии «широкую» оппортунистическую линию, «Фронт без границ», в который бы вошли даже военные преступники.

Сейфула Малешова как в период войны, так и после нее показал, что был другом и сторонником всех политиканов кафе и кулис, буржуазных элементов, кулачества и реакционного духовенства. Фактически он, в теории и на практике, был против социалистической революции, против диктатуры пролетариата.

За такие антимарксистские и враждебные позиции и действия, которыми он уже переполнил чашу, мы по праву решили осудить его на V Пленуме ЦК КПА, состоявшемся в феврале 1946 года. Но это был лишь очевидный, партийный мотив осуждения Сейфулы Малешова. Говорю я это потому, что в этом осуждении был заинтересован еще «кое-кто» другой. Этим «кое-кто» были, в первую очередь, югославы.

Антипартийные наклонности Сейфулы Малешова они использовали столько, сколько этого и требовали их интересы, но затем, увидев, что он стал для них надоедливым и даже опасным своими явно прозападными наклонностями, согласились убрать его со сцены. При этом они еще больше удовлетворяли амбиции своего главного любимца, Кочи Дзодзе. С отстранением Сейфулы Малешова отстранялся один из конкурентов в борьбе Кочи Дзодзе за абсолютную власть. Это является и главной причиной того, почему Кочи Дзодзе, а заодно с ним и Нако Спиру, еще когда я поставил в Бюро вопрос о необходимости созыва V Пленума, выразили полную солидарность, у них лицо просияло. Поздно я узнал правду, а именно, что они ухватились за мое требование об обсуждении грубых ошибок и проступков Сейфулы Малешова, по сути дела, в других, антипартийных интересах и целях. В данном случае партия невольно «помогала» Кочи и Нако убрать со сцены одного из компаньонов-соперников. Но надо отдать им дань, они также невольно «помогли» партии, представив ей уйму фактов.

Я, конечно, не знал, да и не мог знать тогда истинные мотивы, побуждавшие Кочи Дзодзе вести подобную атаку против «оппортунизма», я только подмечал, что он проявлял большую активность и каждый день вытаскивал из досье новые «аргументы» против Сейфулы. Не отставал в этом деле и Нако Спиру. Он продолжал старую песню: с помощью своих людей собирал изобличающие данные о Сейфуле, стараясь перегнать даже Кочи Дзодзе в борьбе за разоблачение оппортуниста. На V Пленуме оба они прикидывались «спасителями положения». Во время заседаний, судя по тому, что́ они говорили, они были солидарными друг с другом, солидарными со мною и со всеми товарищами из Центрального Комитета. Это показалось мне хорошим признаком. Может, подумал я, наступает момент упрочения многожеланного и столь необходимого единства. Может, товарищи стали понимать, куда могла привести нас бератская установка, и теперь одумываются. Но я ошибался, а первые сомнения и признаки этого появились еще на Пленуме. Как Кочи, так и Нако в

своих выступлениях и репликах ограничивали зло одним только Сейфулой, одним только оппортунистом, упуская из виду оппортунистический дух, оппортунистические тенденции, которые стали появляться после бератского Пленума. Сейфула был самым явным среди них, он был знаменосцем этого чуждого, антимарксистского духа, но тем не менее мы ничего не выиграли бы в случае сосредоточения анализа и критики только на нем. Почему среди нас появилась такая оппортунистическая тенденция? Где надо было искать ее корни, причины, истоки?! Какие факторы помогли Сейфуле решительно развернуть свои либеральные наклонности?!

От ответа на эти законные вопросы как Кочи Дзодзе, так и Нако Спиру уклонялись, увиливали. Я был твердо уверен, что источником всего этого был Берат, были несправедливые обвинения Велимира Стойнича в так называемом «сектантстве» в линии КПА, и я открыто указал причину зла в докладе, сделанном на V Пленуме. Естественно, в докладе, как и в своих репликах, прямо я не атаковал ни Стойнича, ни его «директивы». (Иначе, помимо всего прочего, я допустил бы ошибку, ибо это дало бы Кочи и Нако с компанией возможность ополчиться на меня, как «антиюгослава», «сектанта», «непоправимого» и т.д.) Так что картину ошибок Сейфулы Малешова я осторожно нарисовал на ее истинном фоне, втиснул ее в рамки «нового», «широкого» духа, о котором шла речь в Берате.

— В Берате, — отметил я, в частности, — мы искали сектантства даже там, где его не было, и сектантство было объявлено самой большой для партии опасностью. А это было чревато большими опасностями, ибо приводило к тому, что молодая, вдобавок не очень-то опытная партия, как наша, переходила в другую крайность, — на оппортунистические позиции. Больше всех, — отметил я, — потеряли чувство меры товарищи, которые не посчитались с опытом нашей партии и которые видели в прошлом одну только «сектантскую» тенденцию.

Здесь не место распространяться о докладе, с которым

я выступил на этом Пленуме (он уже опубликован[1] и фактически представляет собой первый пересмотр бератского Пленума), а лишь хочу отметить, что как Кочи, так и Нако до конца уклонились от такого глубокого анализа вещей, что мне и бросилось в глаза.

— Почему же они не называют зло своим именем? — спрашивал я себя. — Быть может, им трудно признаться в том, что в Берате они ошиблись? Почему они так приходят в ужас даже от одного только упоминания слова «бератский Пленум»? — У меня усиливалось подозрение, что они что-то утаивали.

Другое, что не понравилось мне в поведении Кочи Дзодзе и Нако Спиру на V Пленуме, была их мания изображать себя теми, кто «вскрыл» это дело и «спас положение».

В своем выступлении и своих репликах Кочи Дзодзе возвеличивал роль окружавших его «кадров», которые, по его словам, «констатировали» ошибки Сейфулы и дали о них знать. Закончив с «констатациями кадров», Кочи ополчился на Сейфулу:

— Ты, — сказал он ему, — хотел убедить нас в том, что твоя линия безвредная, и устранял кадры. Ты причинил нам большой вред. Мы упустили из виду контроль. У нас не было линии контроля, мы не контролировали. Необходимо восстановить контроль...

«Главный специалист по кадрам» готовился захватить бразды правления, открыть личные дела. Под маской борьбы с вражескими элементами, подпавшими «под влияние оппортунистической линии Малешова», Кочи Дзодзе найдет лазейки, чтобы линию «контроля», слежки, преследования и наказания распространить во всех направлениях, особенно на надежных партийных и государственных работников.

Нако Спиру, в свою очередь, «заслугу» приписывал «молодежи», «товарищам, отличавшимся революционным духом»,

---

1 См. Энвер Ходжа, Избранные произведения, т. I, стр. 517-562, изд. на рус. яз., Тирана, 1974.

«проницательным» товарищам, «раскрывшим» Сейфулу Малешова! Дошел он до того, что открыто противопоставил молодежь партии.

— Товарищи из молодежной организации, — сказал Нако, — показали себя более бдительными, чем партийные деятели, в отношении Сейфулы Малешова. Молодежь в состоянии выдвигать умелые кадры, способные выполнять любое задание и разрешать любую проблему!

Конечно, воспитанные партией, как кадры, так и молодежь, делали и продолжали делать свое дело во всех областях, и партия направляла, поддерживала их, всеми силами помогала им. Но ведь отнюдь не ставился вопрос о том, кто первым «раскрыл» Сейфулу Малешова — молодежь или партия, кадры или партия! Такие разделения, такие противопоставления были недопустимыми и опасными. Ошибки Сейфулы Малешова раскрыли партия, рабочий класс, люди из народа, в том числе и молодежь и кадры. Мания деления на «молодежь» и «кадры» была неправильной и опасной. И тем не менее Кочи Дзодзе и Нако Спиру как на Пленуме, так и до и после него, рассматривали и выдавали как молодежь, так и кадры (под ними Кочи подразумевал прежде всего работников государственной безопасности, а затем и работников аппарата) за личные «секторы», где, по их мнению, роль принадлежала не партийным директивам, а «руководству» со стороны Кочи и Нако. Мы еще на Пленуме обличили эти тенденции (в той мере, в какой они проявлялись в те моменты), но впоследствии мы еще лучше выяснили истину и провели с Кочи Дзодзе и Нако Спиру острые дебаты и споры

На Пленуме бросалась в глаза также взаимная злоба и недовольство в отношениях между Кочи Дзодзе и Нако Спиру. Хотя в вопросе осуждения Сейфулы и были солидарны, то, как они обличали его и как излагали факты, создавало впечатление своего рода соперничества между ними.

Впоследствии все это всплыло на поверхность и было доказано, что как Кочи Дзодзе, так и Нако Спиру все делали в плане борьбы за личную власть. Впрочем, об этом речь пойдет ниже. В данном же случае интерес представляет тот

факт, что на V Пленуме был убран из наших рядов один из наиопаснейших и наиковарнейших врагов. Все товарищи сурово осудили Сейфулу Малешова, и в той или иной мере выяснилось, что в основе ошибок Сейфулы Малешова лежали не просто его личные наклонности, его нетвердый, оппортунистический характер.

Все это было так, но главное в том, что, во-первых, наклонности Сейфулы нашли опорную базу в «установке», данной в Берате Велимиром Стойничем; во-вторых, существовавшая в нашем Политбюро нездоровая атмосфера не стала барьером и не были созданы условия для того, чтобы в самом зародыше пресечь неправильные тенденции Сейфулы Малешова.

V Пленум полностью подтвердил эту истину. Между тем я был уверен, что мы допустили бы поспешность, если бы последовали «заключению» Кочи, Нако, Панди Кристо и компании о том, что, «зло уже устранено», так что, мол, «дела пойдут на лад». Нет, V Пленум только отметил, в чем источник зла, устранил часть этого зла, но корни оставались там, где и были. Рана могла снова загноиться и нанести нам еще больший ущерб.

Это подтвердилось сразу же после V Пленума. Появившиеся еще во второй половине 1945 года первые признаки злобы в отношениях между Кочи и Нако, стали теперь усугубляться и проявляться открыто. Ход событий создавал новые ситуации: грызня между Нако и Кочи положила конец моей изоляции, установленной ими после Берата, они стали приходить ко мне «жаловаться», рассказывать о положении дел, просить моего вмешательства. Все больше и больше я замечал, что приводимые ими «аргументы» говорили скорее о личных амбициях каждого, нежели о принципиальных делах, связанных с нашими делами или с линией вообще.

Эти их амбиции, которые вызвали у меня отвращение, для них, естественно, имели первоочередное значение, и «продвижение» одного не могло не беспокоить другого.

Это факт, что после освобождения Кочи Дзодзе брал верх над Нако, хотя у него не было ни культуры, ни остроты,

свойственных Нако. Но Кочи продвинулся потому, что югославы стали придавать значение «македонцу» Кочи Дзодзе, они накачивали и афишировали его, по их планам именно он должен был стать главным. Кочи начал ходить в мундире со званием «генерал-лейтенанта», он был министром внутренних дел и секретарем партии по организационным вопросам, подобно Ранковичу в Югославии. Стал он вести себя грубо, самодурствовать, прикидываясь «всезнающим» человеком.

Нако Спиру с удивлением и тревогой следил за этим быстрым ростом Кочи. Он знал способности Кочи, которые были почти равны нулю, ему было известно и наше общее мнение о нем, так что он был уверен, что кто-то, какая-то посторонняя сила накачивала Кочи. Нако почуял, что югославы подводили его, что его амбиции не сбывались. По всей вероятности, отсюда и начались охлаждение Нако с югославами и ориентировка его на кого-то «более сильного». Но об этом речь пойдет ниже. Вначале Нако стал обострять грызню с Кочи с целью опрокинуть эту ситуацию не партийными методами и формами, а свойственными ему кознями, фракционной работой.

«Волны» Нако стали еще непосредственнее катиться на меня, но не открыто, не искренно. Вместо того чтобы открыть мне сердце, рассказать обо всем, чего и что он наделал, он всегда критиковал Кочи под предлогом текущих дел. То же самое делал Кочи в отношении Нако. Из всего этого я выносил заключение, что проявленное в Берате их «единство» давало трещины, что проявлялись тенденции образования двух групп — группы Кочи, Панди, Кристо Темелько (который после Берата окончательно стал человеком югославов[1]) и группы Нако Спиру с его сторонниками из моло-

---

1 Под воздействием Кочи Дзодзе и в результате давления и агентурной деятельности титовцев, Кристо Темелько, после бератского Пленума, также примкнул к антимарксистской и антиалбанской деятельности лидеров Белграда и их агентуры в Албании. Когда была разоблачена титовская измена и был раскрыт и разгромлен заговор, составленный югославами против свободы и независимости нашей страны, Кристо Те-

дежи — Лири Белишова, Фадилем Пачрами и другими. Что же касается Бедри Спахиу и Тука Якова, то вплоть до конца 1945 года они либо занимали «нейтральные» позиции, либо выступали на стороне Сейфулы, а после обличения Сейфулы остались в стороне.

В то время на наших глазах случилось много других такого рода происшествий, и, когда я размышлял о них, все они стекались к одной точке, к одному единственному источнику — к бератскому Пленуму. Вот тогда я нашел, что настал момент поставить вопрос в Политбюро. Так я и сделал. Как известно, мои соображения об этих вопросах, о причинах и источниках всего этого я изложил в материале, составленном для Политбюро и известном под названием «Тезисы о пересмотре II Пленума ЦК партии»[1]. Эти тезисы полностью были опубликованы много лет назад, так что не приходится вновь распространяться здесь о них. Хочу только отметить, что тогда, то есть весной 1946 года, я открыто и официально изложил в Политбюро вывод о том, что главным автором грубых ошибок, совершенных на II Пленуме, был югославский посланец Велимир Стойнич, что все его «тезисы» и «директивы» были неверными, а солидариза-

---

мелько признал свою большую виновность и свои тяжкие ошибки и выступил с самокритикой. Своей позицией он помог КПА еще лучше выявить тайные нити заговора, состряпанного югославским руководством и его агентурой — Кочи Дзодзе и компании. Ввиду всего этого против Кристо Темелько были приняты только партийные меры наказания (он был выведен из состава Политбюро, в которое был кооптирован летом 1946 года, и исключен из ЦК КПА) и ему была предоставлена возможность своим трудом и правильными позициями искупить вину и исправить прежние ошибки. Кристо Темелько высоко оценил великодушное и доброжелательное отношение партии к нему и приложил все силы, чтобы с честью выполнить обязанности, возложенные на него в важных областях народного хозяйства. За хорошую работу и партийность, помимо всего другого, он награжден Президиумом Народного Собрания НРА.

1 См. Энвер Ходжа, Избранные произведения, т. I, стр. 589-623, изд. на рус. яз., Тирана, 1974.

ция наших товарищей с ними привела ко всем последующим трудным ситуациям. Отмечая опасность этих действий, вызвавших и еще продолжавших вызывать раскол, я считал, что поступал правильно, что это было необходимо для предотвращения дальнейшего раскола партии. С другой стороны, было срочной необходимостью указать товарищам, что в руководстве отсутствовало марксистско-ленинское единство, а это грозило ослаблением единства партии и народа, поэтому было абсолютно необходимо восстановить это единство в руководстве партии и прежде всего там, где оно отсутствовало, в Бюро.

На одной из рабочих встреч я высказал Кочи и Нако это свое мнение, но они вскочили с места:

— Зачем нам взяться за анализ прошедших событий? — будто без какого-либо умысла спросил Кочи. — Берат касался периода войны. Этот период уже позади. Даже относительно двух первых лет мирного времени дела поставил на свое место V Пленум. Незачем заниматься анализами.

В таком же духе возразил, такие же аргументы привел и Нако Спиру:

— Сожалею, — сказал я, — но среди нас и после V Пленума отношения натянутые. Вы это знаете лучше всех.

Оба побагровели и опустили голову. Им стало неловко от изобличения в том, что каждый из них в отдельности приходил ко мне и жаловался на другого.

— Если у нас порою и наблюдаются натянутые отношения, то это по злободневным вопросам, — попытался отделаться Кочи Дзодзе.

— Нет, — сказал я в ответ, — вы представляли мне дела в более мрачном свете. В нашем руководстве нет единства, и я настаиваю, что зло надо искать там, где его корни — в бератском Пленуме. Надо серьезно обсудить вопрос в Бюро.

— Раз ты настаиваешь, давай соберемся только мы втроем, — ты, Нако и я, — сказал Кочи Дзодзе. — Остальным товарищам незачем заниматься происшедшим в Берате.

Эта его мысль поразила меня.

— Почему ?— спросил я. — Не произошло ли там что-нибудь такое, о котором не должны знать другие? Они же сами были на Пленуме...

— Были, но не как члены Бюро, — заступился Нако Спиру за своего соперника-противника. — Лучше всего будет, если вопрос обсудим мы втроем.

Эта их внезапная «солидаризация» в такое время, когда было известно, что они готовы были схватить друг друга за глотку, усилила мое подозрение. Тогда я резко и решительно сказал им:

— Второго Берата больше я не допущу. Для решения или обсуждения от имени Бюро собираться в стороне больше не будем. Я готов выложить Бюро свои мысли для анализа.

Они были вынуждены согласиться, но их потрясение было очевидным. Итак, я изложил свои мысли в виде тезисов, с самого начала обратив внимание товарищей в Политбюро на то, что меня беспокоило прежде всего отсутствие единства в Бюро, поэтому надо было обсуждать этот вопрос, вскрыть причины и улучшить положение.

В то же время я обратился к Кочи Дзодзе и Нако Спиру:

— Итак, мое убеждение таково, что все началось со времени, когда мы готовили II Пленум, и полностью развернулось на этом же Пленуме. Там и надо искать корни, поэтому, особенно вы, товарищи Кочи и Нако, а также и ты Панди, должны объяснить нам: почему вы заняли в Берате позицию, идущую вразрез с линией партии, почему вы там выступили с критикой в адрес партии, из каких позиций вы там исходили, воздействовал ли кто-нибудь на вас и придерживаетесь ли еще своих прежних взглядов?! Ответа на все эти вопросы, — подчеркнул я, — требую не чтобы привлечь вас к ответственности, а с тем, чтобы разобраться в этом деле как вам, так и нам, чтобы признать ошибки, исцелиться посредством большевистской критики и самокритики и коренным образом улучшить положение.

После этого начались дискуссии. Оба они долго со-

противлялись, оправдываясь тем, что «в Берате мы обличили явления, а не линию», что «мы не хотели исказить прошлое», что «быть может, имели место и перегибы, но без злого умысла» и т.д.

На аргументах я доказал им, что подобного рода оправдания не выдерживают критики. Я напомнил им об их несправедливом и беззастенчивом вмешательстве во время подготовки мною доклада, но Нако предупредил дурное. Всю вину он взвалил на Сейфулу Малешова.

— Именно Сейфула запутывал нас своими теориями, — «солидаризовался» с Нако Кочи Дзодзе. — Он говорил, что надо подготовить солидный доклад, и мы предоставили ему это дело.

Так продолжали мы две или три ночи, пытаясь добраться до истины, но Кочи, Панди и Нако Спиру увиливали от всякой истины.

Как и в годы войны, заседания Бюро мы и в этот период проводили ночью. В основном собирались мы в моем доме, освобождали одну из комнат, которую я использовал в качестве рабочего кабинета, и часто продолжали обсуждать дела почти до самого утра. Нередко (не только когда мы обсуждали бератские вопросы, но и раньше, и позднее) дебаты обращались в перебранку, и голоса так повышались, что нас слышали не только хозяева дома, но и какой-нибудь прохожий, который случайно проходил по улице ночью. (Тогда улица рядом с домом, где я жил и продолжаю жить, не была заблокирована, так что по ней могли свободно ходить, как говорят, не только добрые, но и злые.)

На сей раз тоже были моменты обострения, однако надо отметить, что как Нако, так и Кочи и Панди Кристо уже понизили тон, что раньше бывало очень редко. Они стояли на «оборонительных позициях» и хотели, чтобы все проходило «тихо-мирно», вели себя, как «ангелы», чтобы сгоряча не уронить чего-либо нежелательного.

Бедри и Тук, как обычно, сперва делали большие глаза от того, что слышали, а потом, беря слово, не знали, кому угодить, а кому нет. Я оставался одним против трех, и

понял, что при такой обстановке дальше идти вперед было невозможно. Я внес предложение расширить состав Политбюро за счет новых товарищей, чьи слова и мысли должны были способствовать выяснению этой проблемы, как и изменению и улучшению ситуации.

— Закончим этот анализ, — сказал Кочи Дзодзе, — а потом видно будет. — Теперь не надо, чтобы и другие занялись этой историей.

— Вы же видите, что без участия новых товарищей нам не выйти из этого положения, — возразил я Дзодзе. — Кроме пользы ничего плохого не будет, если мы пополним состав Бюро, если у нас будут и мнение и суждение новых товарищей.

Снова разгорелся спор. Кочи, Нако и Панди возражали особенно против немедленного включения новых товарищей в Бюро. «Позднее, — говорили они, — можно будет».

Отложили мы заседание на следующую ночь (ведь было очень поздно) для продолжения обсуждения моих тезисов и внесения предложения о расширении Бюро.

Однако на следующий день все было приостановлено: Вдруг из Белграда поступили «хорошие» вести. Срочно вызывали туда Нако Спиру и двух-трех других товарищей-хозяйственников для обсуждения важных для нашей страны и албанско-югославских отношений проблем. Югославская миисия в Тиране «с радостью» сообщила нам, что были приняты все меры: билеты были готовы, места в самолете — забронированы. «Только товарищу Нако Спиру как можно скорее вылететь»!

Эта неожиданная весть меня и порадовала, и удивила. Мы сами давно выразили желание вести с югославским руководством переговоры по вопросам взаимоотношений, особенно в экономической области, но конкретного ответа не получали. «Товарищи заняты, — отвечал нам Иосип Гергя, — как только освободятся, они примут вас. Мы друзья, понимаем заботы друг друга, так что не беспокойтесь».

И вот пути открылись! Да когда?! Как раз в разгар дебатов о пересмотре грубой ошибки прошлого! Какое стечение обстоятельств!

Но подтвердилось, что это отнюдь не было стечением обстоятельств! «Доброжелательное» отношение югославских товарищей, но «при отступлении», «издалека», кончилось. Видимо, они были сигнализированы о происходившем в нашем Бюро. Почуяли опасность того, что могут быть выведены на чистую воду, что может быть раскрыт состряпанный ими в Берате заговор и тут же приняли меры. Их первым шагом было срочное приглашение Нако Спиру в Белград. Отправили мы его еще на завтрашний или послезавтрашний день, дав ему соответствующие наказы, и несколько дней спустя после его отправления туда, я сказал товарищам:

— Давайте продолжим заседание!

— Без Нако? — подпрыгнул ошеломленный Кочи. — Нет, этого нельзя делать. У него свои мысли, он должен быть здесь, чтобы высказать их. Он может сказать, что мы разговаривали за спиной у него. Ты знаешь, он ни за что, ни про что обрушивается на меня.

— Ладно, — сказал я, — подождем возвращения Нако, а потом продолжим.

Между тем Нако время от времени присылал нам вести из Белграда.

Первое, что «посоветовали» ему Кардель и Гьиляс сразу же после встречи с ним, это «бесконечно откладывать намеченный нами на V Пленуме срок созыва I съезда КПА[1]. «Даже мы еще не созываем своего съезда, — говорили ему господа, — а не то, что вы, неопытные». Они выставили ему уйму «трудностей» (подготовка докладов, резолюций; что вы будете обсуждать, как будете организовать его; что будете говорить о вашей линии, как будете выступать, легально или нелегально, и т.д. и т.п.), а затем сказали ему:

— Подождите, пока мы проведем свой съезд, посмотрите, как мы его будем проводить, подготовьтесь, принесите сюда материалы, чтобы мы просмотрели их, а затем уж решайте, созвать или нет ваш съезд. Что же касается пути его проведения, — добавили они,— мы считаем це-

1 V Пленум ЦК КПА принял решение созвать I съезд партии в Тиране 25 мая 1946 г.

лесообразным, чтобы съезд проходил втайне, нелегально, чтобы не обострялись ни внутренняя реакция, ни внешняя! Так поступили мы со съездом КП Сербии[1].

Я никогда не соглашался с подобными «советами» югославских товарищей, но особенно их настоятельное требование скрывать существование партии казалось мне настолько нелепым и смешным, насколько и опасным. Тем не менее мои возражения в Политбюро наталкивались на «единство» остальных товарищей, которые не только повторяли «аргументы Карделя и Гьиляса, но и «открывали» другие, воздвигая их передо мной баррикадой, чтобы обеспечить победу своего тезиса. Что касается отложения срока созыва съезда, то мы все равно отложили бы его и без «советов» югославских товарищей, но по совершенно иным мотивам и причинам, а не по тем, которые приводили Кардель и Гьиляс. Съезд должен был быть отложен потому, что мы еще не могли договориться в Бюро о том, как найти корни зла, да и потому, что мы ждали Нако, чтобы дальше продолжить дискуссию.

Насколько я помню, Нако возвратился из Белграда в мае, и тем временем изложенные на предыдущих заседаниях мысли о пересмотре бератского Пленума я начал лучше систематизировать письменно, в виде доклада. Это был последний вариант (именно тот, который опубликован), розданный мною в начале июня 1946 года членам Бюро для чтения и изучения.

— Так лучше будет, — сказал я им. — Не следует как в первый раз затеряться в бесконечных дискуссиях. Надо всем серьезно подготовиться и высказаться.

Заседание возобновилось несколько дней спустя. Снова то же давление с той лишь разницей, что на этот раз фразы и «аргументы» Кочи и Нако были более «обдуманными», более «изученными» и даже начиненные небольшой дозой «самокритики». Как первый шаг, это не так уж плохо было. Будем продолжать дальше.

---

1 Этот съезд проходил в подполье в Белграде с 8 по 12 мая 1945 г.

Но мы не могли продолжить. В мой адрес поступила срочная радиограмма. Направлял ее Хюсни Капо, который в то время был нашим послом в Югославии. Его вызвал «Марко» (Ранкович еще сохранял кличку военного времени) и сообщил ему, что на сей раз они срочно приглашали в Белград Энвера Ходжа! Ожидали только мое слово, согласен ли я или нет «как можно скорее» выехать в Белград, где меня ждала «величественная» встреча[1].

Сообщение, бесспорно, обрадовало меня и я принял «условия», то есть согласился выехать «как можно скорее». Но посмотрите, какое новое стечение обстоятельств, причем по одной и той же проблеме: когда мы впервые поставили в Бюро вопрос о пересмотре бератского Пленума, друзья срочно вызвали Нако, теперь, как только мы возобновили прерванное заседание, они вызывают меня!

Но и это не было стечением обстоятельств. Кочи Дзодзе, вне всякого сомнения, снова сигнализировал своих хозяев о моем настоятельном требовании, и они нашли лекарство. И, чтобы я выехал «как можно скорее», они упоминали мне Тито, Гьиляса и самого Сталина! Естественно, они ставили в мое распоряжение «столько самолетов, сколько мне нужно будет», и обещали «величественную встречу», лишь бы я выехал!

Получив эту весть, я, правда, побеспокоился о том, что снова прерывался необходимый анализ, но, как-никак, поездку в Белград я считал важным моментом для наших дел — как в плане наших отношений с Югославией, так и в международном плане. Поэтому мы прервали Берат. Перед нами стоял Белград, он срочно нас вызывал.

---

1 «Марко сказал мне, — писал, в частности, Хюсни Капо, — что хорошо будет, если Энвер приедет как можно скорее, по возможности, в воскресенье. Ожидается только ваше мнение. Для вашего приезда они поставят в распоряжение столько самолетов, сколько в этом будет необходимость. Намереваются устроить вам величественную встречу» (*Радиограмма от 19.6.1946 г. ЦПА.*)

IV

У ТИТО

Тито неожиданно приглашает меня в Белград ■ Официальные переговоры между албанской делегацией и югославской делегацией. Рассмотрение вопроса Косовы и других албанских краев в Югославии ■ Тито стремится поглотить все Балканы ■ Политика массового уничтожения в Косове ■ Чванство и скандальная роскошь Тито ■ О визитах в Хорватию и Словению ■ Церемония в Президиуме Югославской Скупщины ■ Встреча с Тито в Бледе. «Наш Тито» или «Дуче а нои»? ■ Договор о дружбе и взаимопомощи ■ «Помощь» по каплям.

С просьбой отправить в Югославию возглавляемую мною правительственную делегацию высшего уровня, мы обратились к югославским товарищам уже давно. Поездкой туда этой официальной делегации мы стремились сделать другой важный шаг по пути дальнейшего укрепления взаимных дружеских отношений между нашими странами, народами и партиями, роста престижа наших стран на международной арене, использования создавшихся возможностей для обсуждения на высшем уровне различных, представлявших обоюдный интерес проблем политического, экономического и другого характера.

Югославское руководство ответило нам, что в принципе

оно согласно было в подходящий момент принять делегацию высшего уровня, однако прошли целые месяцы, а ответ оставался положительным, но только «в принципе». Оправдывали они эту затяжку своими многочисленными заботами и проблемами и, само собой разумеется, это была состоятельная причина. Но в то же время мы замечали и что-то другое: с одной стороны, югославские товарищи были «очень заняты» делами и заботами, так что «не могли принять в ближайщее время» делегацию, возглавляемую мною, а с другой, Гьиляс, Кардель и сам Тито находили время принимать ездившие туда наши молодежные делегации или рабочие группы и проводить с ними длительные беседы, находили время принимать даже Лири Гега! Ну что и говорить о Кочи Дзодзе, Нако Спиру и Сейфуле Малешова (до его осуждения), которых, когда ездили в Белград, они встречали так, что Кочи «не мог мне и выражать словами!».

Несмотря на это, мы продолжали оправдывать их тем, что, быть может, они не могли принять меня потому, что, как говорил Нако Спиру, «высший уровень» делегации требовал больших предварительных приготовлений (!), а, быть может, потому, что поездку нужно было совершить в важный национальный или международный момент, быть может...

Можно привести здесь еще много «быть может» относительно причин, подобных тем, которые я упомянул выше (у каждой из них свое объяснение), однако, по-моему, главная причина затяжки дела с поездкой нашей делегации в Белград заключалась в другом «быть может»: югославские руководители, наверное, не хотели, чтобы первую официальную делегацию высшего уровня возглавлял я! Подложив мины в Берате, они ждали моего скорейшего отстранения от руководства (ведь они знали, что в Бюро, избранном в Берате, я был один против четырех, чтобы не сказать один против всех шести товарищей), следовательно, ждали моего смещения, стало быть, ждали, чтобы делегацию возглавлял тот, кто должен был сменить меня — их наилучший друг, Кочи Дзодзе.

Эту мою гипотезу я основываю не только на бесчисленных фактах, подтвердивших, что югославское руководство хотело отстранить меня еще в Берате, а при невозможности — позднее. Основываю ее на огромном множестве других фактов, в том числе на лихорадочных попытках Тито с компанией мешать и, по мере возможности, сорвать поездку нашей делегации того же уровня в Москву — к Сталину, в Болгарию — к Димитрову и т.д.

Как я уже говорил, мы тогда многого не знали и поэтому нам оставалось только ждать. И именно в то время, когда принялись за обсуждение в Бюро «Тезисов о пересмотре II Пленума ЦК КПА», мы получили весть о том, что путь в Белград был открыт.

Мы прервали все дела и, ввиду того, что нам предстояло выехать в ближайшее время, еще раз систематизировали вопросы, которые должны были обсуждать с югославским руководством и с Тито.

В те моменты перед нами, как и перед всеми другими странами народной демократии, вставал вопрос о том, чтобы наша экономика была не стихийной, а организованной, то есть развивающейся по плану социалистической экономикой. Несмотря на большую бедность, унаследованную от прошлого и от войны, мы приступили к этому делу с проведения ряда крупных преобразующих социальных и экономических реформ правильным, марксистско-ленинским путем. Мы отдавали себе отчет в том, что в деле социалистического строительства нам нужно было опираться в первую очередь на свои внутренние силы, однако сотрудничество и помощь внешних друзей, особенно в той первой фазе, были для нас нужными и необходимыми.

Помимо всего другого, в этой основной области, которая поглощала и должна была и в будущем поглощать неиссякаемые силы и энергию, у нас недоставало не только средств и фондов, но и опыта. Мы изучали марксистско-ленинскую литературу, труды классиков марксизма-ленинизма, отраженный в литературе опыт строительства социализма в Советском Союзе, но, разумеется, по одним

только книгам его нельзя было изучить. Мы уже делали первые шаги и на практическом поприще, однако это было еще началом всех начал. В частности, на V Пленуме ЦК партии была особо подчеркнута необходимость выработки и последовательного осуществления правильного курса на социалистическое преобразование страны. Было решено развивать экономику по плану, который мы должны были аккуратно составить своими собственными силами, однако при его разработке мы считали необходимым консультироваться с друзьями. Итак, все это должно было составлять один из основных вопросов, которые нашей делегации предстояло обсуждать с югославским руководством и с Тито. Как я уже говорил, в апреле месяце они вызвали туда Нако, который имел с югославскими товарищами-экономистами неоднократные беседы, так что относительно этого вопроса кое-какая предварительная работа была уже проведена. Наша делегация намеревалась касательно этого вопроса попросить югославских товарищей помочь нам составить экономический план по крайней мере двухлетней перспективы, чтобы затем можно было идти по пути составления пятилетнего плана.

С югославами мы уже договорились обсуждать и решить в первую очередь вопрос заключения договора о дружбе и взаимопомощи между двумя нашими странами, что мы считали большим политическим и экономическим успехом, как и успехом в области обороны. К этому мы подготовились со всей серьезностью ввиду большого интереса, который представляли дружественные отношения между двумя нашими союзными социалистическими странами, а также в интересах дальнейшего экономического развития, в интересах обороны наших двух социалистических стран, окруженных с запада и с юга враждебными нам государствами, и в то же время двух народно-демократических государств-участников социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом.

Мы впервые ехали за границу в качестве представителей народного правительства и, конечно, ехали в друже-

ственную нам страну, и при этом считали своим первоочередным долгом передать друзьям, — как югославскому народу, так и его руководству, — чистые чувства нашего народа, чувства искренней дружбы, и рассказать им о нашей объективной действительности. В соответствии с этой действительностью, как и с их реальным положением, с которым они, подобно нам, должны были ознакомить нас, мы намеревались изложить им свои запросы и ознакомить их с нашими возможностями, открыто и искренне обсуждать их и прийти к решениям обоюдного интереса.

Другая причина того, почему мы радовались предстоящей встрече с Тито, заключалась в очень тесных и очень искренних отношениях, существовавших (как мы полагали в то время) между Советским Союзом и Югославией, между Сталиным и Тито. У нас было впечатление и мы верили (а в этом мнении нас укрепляли также находившиеся в Тиране советские люди, не говоря уже о самих югославах), что «Тито обо всем договаривается со Сталиным, консультируется с ним» и т.д. Поэтому мы думали тогда, что обо всем, о чем будем говорить и решать с Тито, узнает и Сталин, и он будет согласен с нами. При невозможности вступать в то время в какие-либо связи со Сталиным (прямые албанско-советские отношения через советскую миссию, которая, насколько я помню, только что была открыта в Тиране, были очень бледными, и это не по нашей вине), мы думали, что встреча с Тито явится, как сказать, своего рода передачей и развитием также взглядов Сталина.

То, что писал нам Хюсни в радиограмме, а именно, что «Тито уже договорился со Сталиным, который положительно отнесся к поездке нашей делегации в Белград», еще больше укрепило в нас надежду, что через Тито мы услышим также мнение и советы Сталина.

Конечно, по всем вопросам, которые мы должны были обсуждать и решать, у нас были своя линия, свои взгляды, свои соображения и мы были убеждены в их правильности. Договор о дружбе и взаимопомощи, который хотели заключить с ними, мы не выпрашивали, мы были преисполнены реши-

мости не допустить, чтобы хоть сколько-нибудь были ущемлены жизненные интересы нашей социалистической Родины. Мы проливали кровь именно для того, чтобы больше не повторилось прошлое. В то время мы верили, что и югославы думали то же самое.

Мы подготовились изложить югославским товарищам и наши взгляды на международную обстановку сквозь призму тогдашних конъюнктур, останавливаясь при этом особенно на вражеских и диверсионных действиях, которые греческие монархо-фашисты совершали на наших южных границах, а итальянские неофашисты, поддерживаемые англо-американцами — на нашей морской границе и в нашем воздушном пространстве. Мы хотели нарисовать югославским друзьям ясную картину нашего очень здорового внутреннего политического положения, стальных связей партии с народом, отмечать им успехи и недостатки в нашей работе. Югославские товарищи должны были выкинуть из головы и какой-нибудь туман, и какую-нибудь неясность, вызванные тенденциозными, не объективными донесениями, которые, наверное, присылали им те, кто не хотел развития правильным путем дружбы между двумя нашими странами. Мы, конечно, намеревались как можно больше учиться на югославском опыте в области организационной работы, работы советов, партийной и хозяйственной работы, а также в военной области, ибо считали его нужным в то время. Были назначены даже товарищи, которые должны были особенно подготовиться к обсуждению этих вопросов и войти в состав делегации, членами которой, помимо меня, должны были быть, насколько я помню, и Нако Опиру, Мюслим Пеза и наш посол в Белграде Хюсни Капо и другие.

Наконец, мы подумали преподнести Тито какой-нибудь подарок. Стали ломать себе голову над тем, что ему преподнести, ибо не хотели осрамиться, но ничего подходящего не находили. Мне пришла в голову идея подарить ему отделанный серебром старинный албанский пистолет, о чем я и сказал нашим товарищам. Это прекрасный подарок. Товарищи разделили мое мнение. Вызвали мы Стерио Гье-

кореци и поручили ему найти такой пистолет. Он сказал, что при конфискации имущества у одного квислинговского преступника были найдены три прекрасных пистолета, среди которых мы выбирать могли. Мы сказали ему принести их, и, когда он принес их, в кабинете с нами был и представитель Югославии, Иосип Гергя. Это действительно были красивые пистолеты. Я выбрал один из них и сказал югославу, зачем он мне нужен был. Он разглядел его и, оставшись очень довольным нашим выбором, без капельки стыда сказал:

— Тито будет безмерно доволен, пришлите ему все три пистолета.

Что могли мы сказать этому скопидому?! Оставалось лишь принять его предложение. (Так что Тито взял три отделанных серебром пистолета и положил их в свой подарочный арсенал.)

Но вот еще одна мелочь, которую мы прозевали: у меня не было нужной генеральской формы! Я хотел поехать в штатском, но товарищи настаивали на том, что мне нужно было взять с собой и генеральскую форму, поскольку был я Главнокомандующим. Обычная форма была у меня, а «парадной» не было. Поэтому нам надо было как-нибудь обзавестись такой формой, начиная от ботинок с лоском и кончая генеральской фуражкой. Хорошо, что ботинки изготовили, сшили и синие брюки с красными лампасами, но нужно было найти еще китель, вот в чем беда! Вызываю к себе в кабинет Соколова (советского военного атташе в Тиране) и говорю ему:

— Есть у тебя лишний китель?

— Зачем он вам? — спросил тот.

— Не спрашивай, — говорю я ему, — ну-ка сними твой китель и дай мне попробовать!

Надев его, я увидел, что он на мне мал. Тогда я рассказал ему о своей заботе. Соколов отвечает:

— Есть у меня несшитый отрезок военного сукна; я пришлю его вам, и, если понравится — сшите из него китель и фуражку.

Так мы разрешили и вопрос о «парадной форме». Мы

ждали только намеченной нами даты отправления, и из «неограниченного» числа самолетов, поставленных в наше распоряжение, я попросил лишь один и даже сказал Герге, что, в случае если у них трудно будет, то пусть забронируют 5-6 мест в рейсовом самолете.

— Да что вы говорите! — отозвался Гергя. — Вы можете заказать столько самолетов, сколько вам хочется. Будет специальный самолет.

Самолет прибыл, и первая делегация Народной Республики Албании отправилась в Белград с дружеским визитом[1].

Осматривая из окна самолета земли Черногории и других краев Югославии, я с глубокой болью и большим уважением думал о сотнях моих товарищей-партизан, павших в этих краях в борьбе с немецкими фашистами. Две дивизии, состоявшие из албанских юношей и девушек, по приказу, отданному мною из Берата накануне полного освобождения Албании, перешли границу и в жестоких схватках с захватчиками стяжали славу в этих краях своим героизмом, самоотверженностью, дисциплинированностью, интернационализмом и воинской доблестью. С борта самолета я с любовью думал об албанских матерях, которые, не моргнув глазом, отправили своих сыновей и дочерей на борьбу за освобождение Родины, а время потребовало от этих парней и девушек, воспитанных партией коммунистов, думать и о свободе соседних народов и даже проливать за нее кровь. Тысячи из них вернулись из этих героических битв, думал я в те моменты, а сотни пали на полях сражений на территории Югославии; сотни албанских матерей ждут, чтобы мы привезли им святые останки их сынов. Это, сказал я про себя, мы сделаем, это наш долг, они будут покоиться в самых красивых местах своей Родины, где поколения на

---

1 Правительственная делегация НР Албании, возглавляемая товарищем Энвером Ходжа, находилась с визитом в ФНР Югославии с 23 июня по 2 июля 1946 года.

протяжении всей истории будут воспевать их славу и героизм[1].

Самолет летел уже над Белградом и мы с высоты смотрели на столицу. Иосип Гергя старался что-то указать нам пальцем, но я ничего не мог зафиксировать, ибо трудно было с самолета знакомиться с городом, который я посещал впервые. В то же время мы были взволнованные особенно потому, что впервые встретимся с Тито и другими югославскими руководящими товарищами. Мы уже над аэродромом, самолет приземляется, скользит, останавливается, открывается дверь. Нас встречает множество людей, солдаты; там же военный духовой оркестр. Нам никогда раньше не приходилось участвовать в таких церемониях, они были нам незнакомы, и мы должны были проявлять осторожность, чтобы не допустить какую-нибудь ошибку в так называемых протокольных порядках. Мы делаем несколько шагов, а навстречу нам идет Тито. Он подает нам руку, крепко сжимает ее. Мы думали, что обнимемся, как это принято у нас. Да нет. Другие порядки и обычаи. Впрочем мы нисколько не обратили на них внимания. Я по очереди представил Тито всех товарищей, и мы услышали звуки нашего Гимна знамени. Мы вытянулись в знак почтения; после нашего гимна был исполнен югославский гимн. Затем Тито пригласил меня стать в правую сторону и мы обошли почетный караул. «Солдаты — как наши, — говорил я про себя, — бывшие партизаны, смелые». Только одежда у них лучше нашей, а оружие — более новое, советское. Наше оружие — трофейное. Затем Тито представил нам югославских деятелей, встречавших нас на аэродроме, а на последующих встречах познакомил меня и с другими югославскими партийными и государственными деятелями. Большинство из них (за исключением Гьиляса, однажды транзитом проехавшего через Албанию) мы видели впервые:

---

1 Останки сотен наших партизан, павших в Косове, Черногории и т.п. привезены в Албанию и похоронены на Кладбище Павших Героев Нации и на кладбищах павших героев соответствующих районов в 1947 и 1975 годах.

Карделя, Влахова, Ранковича, Симича, Пьяде, Поповича, Йовановича, Кидрича и др. Вереница автомобилей, проехав через Белград, прибыла в Дединю, где находилась наша резиденция.

— Огромная, чрезвычайная честь! — невнятно говорил Гергя. — Это Дединя, здесь главная резиденция самого Тито!

Как нам говорили и как мы сами увидели позднее, он жил и работал в главном дворце бывших сербских королей. В то время, как вереница автомобилей медленно тянулась по улицам парка, Гергя пальцем указывал мне на какое-то здание.

— Вот, — сказал он, — Белый Дворец, дворец бывших королей. Теперь он наш, Тито!

Проехав еще немного по парку, машины остановились.

— Дворец бывшего принца-регента! — говорит мне Гергя. — Теперь вы жить там будете.

Я не придал какого-либо значения этим подробностям, как и многим другим знакам внимания к нашей делегации, которые Иосип Гергя считал «важными, чрезвычайными». Этим он хотел убедить нас и произвести на нас впечатление, что об Албании проявляли «чрезвычайную заботу и любовь» и что для нашей делегации делали, мол, такое и принимали такие меры, чего не делали для других делегаций. Конечно, эта задача, задача преувеличивать и приукрашивать вещи, была поручена югославскому послу в Тиране.

После отдыха они сообщили нам (не помнится хорошо, в тот же день или в следующий), что мы должны были нанести Тито визит вежливости в Белом Дворце. Для окружавших нас югославов дело это было слишком сложным: Какие костюмы мы должны были одеть, чтобы пойти к Тито? Оденьте вот этот костюм, оденьте другой. Протокол еще в то время начал свою работу во «дворце Тито». Для нас же дело было очень просто. У нас было всего два костюма: пресловутый военный, о котором я говорил выше, и один штатский. Поэтому мы оделись в штатские. В конце концов, мы шли к нашему товарищу, был он коммунистом как и мы! И пошли к нему пешком через парк.

Со всех сторон дворец сторожили люди, одетые в «новенькие» мундиры и вооруженные автоматами. Зачем вся эта стража? — говорил я про себя, вспоминая, что мой дом охраняли только два партизана, а по улице перед ним люди проходили в то время свободно. Однако я тут же находил «причину»: «Большая страна, а сам Тито великая личность, хорошо и делают, что его так охраняют». Перед дворцом был выставлен почетный караул, в холах дворца все было предусмотрено, начиная с одежной щетки и вплоть до человека, который должен был тряпкой очистить нам напыленные дорогой через парк ботинки! — К Тито нужно ходить «щеголем»! — говорили мы про себя. И подумать только, что эти смельчаки, очищающие ботинки и услужливо суетящиеся, еще год с лишним назад сражались и жили партизанской жизнью!

Вошли в большой салон дворца. Роскошь. Во главе салона, в центре, под какой-то картиной стоял один только Тито, одетый в белую маршальскую форму, его воротник и рукава украшали позолоченные цветки и звезды, на груди было у него значительное число орденских лент. Влево от него стоял ряд товарищей, членов Политбюро КПЮ и министров; по обеим сторонам салона — кресла старого французского стиля XVII и XVIII веков, в середине салона — красивые персидские ковры. С дверей салона до того места, где мы подали руку Тито, который не двинулся с места, показалось, будто прошли целый километр.

Как только мы сели, нас начали угощать сигаретами и напитками. Тито поднял тост за дружбу между двумя нашими народами и за нас, задал несколько общих вопросов о нашей стране, о погоде, культурах, маслинах и апельсинах. Мы поблагодарили его, передали ему привет нашего народа, партии, армии и попрощались с ним. Первый протокольный прием у Тито длился не более полчаса. Иосип Гергя не замедлил сказать, что прием «прошел очень хорошо», и повторить слова, которые у него не сходили с уст: «изумительный», «исключительно сердечный», «редко бывает так на приемах у Тито», и т.д.

По протоколу Тито должен был нанести нам ответный визит, но он этого не сделал, вместо него пришли другие товарищи, которые сказали нам, что Тито «просил прощения, так как у него вышло очень важное и срочное дело» и т.д. и т.п. Но тогда мы совершенно не обращали внимания на такие вещи и никакого понятия не имели о протоколах. К тому же с нами был Иосип Гергя, который всему находил «причины». Важно было для нас то, когда начнутся с югославскими товарищами деловые переговоры с целью разрешить и поставить на правильный путь ряд проблем.

День переговоров был намечен.

Как я уже говорил, мы были уже подготовлены к этим переговорам. Югославскую делегацию возглавлял Тито. В моей речи, которую мы подготовили еще в Тиране, я старался быть как можно более лаконичным, объективным и реалистичным. Сами проблемы нашей страны были в то время трудноразрешимыми, но сами по себе, как проблемы, они не были сложными. Мы сознавали, что мановением руки нельзя было все разрешить, и что мы не могли просить у Югославии того, что ей было не под силу. Нас занимали прежде всего экономические вопросы, поэтому мы попросили у них помощи кредитами. Кредиты, которых мы просили у них, нужны были нам для развития сельского хозяйства и промышленности. Что касается сельского хозяйства, то у нас не хватало даже простейших сельскохозяйственных орудий, начиная с железной сохи и кончая боронами и средствами для прополки. Конечно, мы попросили у них и несколько тракторов и других сельскохозяйственных механизмов из числа тех, что они получали из Советского Союза, ЮНРА и т.д.; попросили мы у них также немного семян зерновых и технических культур и других подобного рода материалов. Как видно, наши запросы были скромными, запросами неимущих, однако иного пути у нас не было!

Что касается промышленности, то мы проинформировали югославов о нашем поистине бедственном положении. Наша страна не унаследовала от прошлого ничего другого, кроме отсталого ремесленничества, которое мы продолжали под-

держивать. Имевшиеся у нас немногочисленные, старые, мелкие, амортизированные, к тому же разрушенные войной фабрики, мы отремонтировали так, как смогли, но можно представить себе, как остро мы нуждались в запасных частях к этим старым машинам, к этим старым автомобилям в условиях, когда у нас не было хотя бы одного механического завода, который можно было называть заводом в полном смысле этого слова. Все, что имелось в стране, было введено в строй нашими собственными силами, а теперь это нужно было поддерживать, чинить и дополнять, ибо потребности в них увеличивались.

Важное значение для нашей экономики имело дальнейшее развитие рудников и шахт, нам надо было прочно опираться на их развитие и эксплуатацию. Поэтому мы попросили югославов помочь нам в деле дальнейшего развития промышленности по добыче нефти, битума, как и хромовой, медной и других руд. Мы попросили их помочь нам, по мере их возможностей, в строительстве нескольких небольших предприятий легкой промышленности для удовлетворения неотложных и насущных потребностей нашей страны.

Сделав обзор международного положения и рассказав им также о том, что происходило на наших южных границах, я высказал югославским товарищам и Тито наше мнение о необходимости заключить договор между двумя нашими странами, договор о дружбе и взаимопомощи, какой Югославия уже заключила с остальными странами народной демократии. Я отметил при этом, что этот договор очень нужен особенно для защиты свободы, независимости и суверенитета НРА от постоянных вожделений империалистов, греческих монархо-фашистов и итальянских неофашистов. Я подчеркнул, что договор этот еще больше упрочит искреннюю дружбу между двумя нашими народами и будет служить, подобно другим договорам, заключенным странами народной демократии с Советским Союзом, как и между ними самими, укреплению наших стран. В то же время я говорил югославским товарищам и Тито о большой любви и предан-

ности нашего народа, нашей партии и нашей армии СССР и великому Сталину.

Пока я говорил, Тито вел какие-то записи в своем блокноте и постоянно курил из мундштука с изогнутым в виде трубки концом. Он носил очки, был всегда серьезным, хмурым, словно впавший в глубокое раздумье. Нам казалось, что он внимательно слушал. Время от времени наполнял стоявшую перед ним на столе кружку минеральной водой и выпивал ее. После моего изложения, мы сделали перерыв, он повел нас в буфетный зал, где столы были покрыты всякой всячиной, начиная с тортов и сосисок и вплоть до шливовицы и прохладительных напитков. Там Тито начал разговаривать, шутить со своими товарищами и смеяться без особых причин, просто ради времяпрепровождения; переводчики все переводили нам. Впоследствии такие шутки и беседы Тито с Моше Пьяде показались мне почти одинаковыми с шутками и беседами Хрущева и Микояна, которые, собираясь вместе, все время делали то же самое.

После перерыва переговоры возобновились, и слово взял Тито. Он сделал нам обзор международного положения того периода, обрушиваясь при этом на империалистов и реакционные правительства. Хорошо педчеркнул он «великую» роль социалистической Югославии не только на Балканах, но и в Европе и особенно в народно-демократических странах, конечно, после Советского Союза, — отметил он. Ничего подозрительного не заметили мы в его словах, кроме «торжественного» тона, «авторитарных» слов и того особого значения, которое он придавал своим словам, когда говорил «так-то я сказал тому», «так-то я сказал другому».

Сделал он также краткий исторический обзор борьбы с немцами, с генералом Дража Михайловичем и с эмиграционным правительством в Лондоне. Тут он не преминул отметить «умение и хитрость Черчилля», с которым ему пришлось вступить в столкновение и с которым продолжалось обсуждение вопроса о Венеции-Джулии.

Об экономических вопросах Югославии он говорил крат-

ко, сказал только «у нас много трудностей» и перешел к нашему вопросу, о котором отметил: «Независимо от этих трудностей, мы должны помогать вам по мере наших возможностей». Тито сказал, что с их стороны они назначат для этого дела товарища Бориса Кидрича.

— Назначьте и вы вашего товарища, — сказал он, — и пусть они рассматривают все ваши экономические проблемы и затем представят их нам для принятия решения.

Мы договорились о том, чтобы этим вопросом продолжал заниматься Нако Спиру, который и в апреле находился в Югославии для обсуждения именно таких проблем. Нако Спиру был в то время у нас министром экономики и председателем Государственной Плановой Комиссии и, назначая его непосредственно вести переговоры с югославами об экономических вопросах, мы хотели показать, какое значение придавали этим проблемам.

После того, как я проинформировал их о развитии просвещения и культуры в нашей стране и представил некоторые запросы в этом направлении, особенно о принятии нескольких албанских студентов в Белградский университет, Тито спросил меня, что я думал о решении вопроса Косовы и других албанских краев в Югославии. Помолчав, чтобы собраться с мыслями и как можно более сжато и полно изложить наши взгляды на эту важную проблему, я сказал ему:

— Вам известны исторические несправедливости, совершенные в отношении Албании различными империалистами и великосербской реакцией. Вам известны также принципиальная позиция, которую наша партия занимала во время Национально-освободительной борьбы, и доброе желание нашего народа жить в дружбе с народами Югославии.

Потом я высказал Тито мнение албанской стороны о том, что Косова и другие заселенные албанцами края в Югославии принадлежат Албании и должны быть возвращены ей.

— Албанцы, — сказал я ему, — боролись за свободную и суверенную Албанию, к которой теперь должны быть присоединены и албанские края Югославии. Настало время пра-

вильного разрешения нашими партиями этой национальной проблемы.

Президент Тито ответил:

— Я разделяю вашу точку зрения, но до поры до времени мы не можем сделать этого, ибо сербы не поймут нас.

Затем Тито перешел к другому вопросу, к вопросу о так называемой «Балканской федерации» и спросил мое мнение по этому вопросу.

— Идея об этом вопросе, — ответил я, — давно существовала. Албанские демократы и антизогисты, в том числе и коммунисты-эмигранты, вступили в связь с Коминтерном и создали политическую организацию КОНАРЕ[1].

Будучи в связях с товарищем Димитровым, эта организация восприняла идею Коминтерна о «Балканской конфедерации» и пропагандировала ее. Эта идея выдвигалась в основном в принципе и касалась боевого сотрудничества рабочего класса и народов Балкан в борьбе с феодальными монархическими режимами. Перспектива этого вопроса была неясной и закрытой.

— Мне самому, когда был студентом в Корчинском лицее, но особенно когда поехал во Францию на учебу, случалось читать газету КОНАРЕ «Лирия Комбетаре» («Национальная свобода»), а также получать отдельные номера журнала «La Federation Balcanique». В них иногда упоминалась идея «Балканской федерации», но всегда как вопрос или лозунг будущего.

Начиная Национально-освободительную борьбу, как и в ходе ее, — отметил я дальше, — мы никогда не думали об этой проблеме, и эта идея была заменена идеей совместной борьбы балканских народов с наци-фашистскими захватчиками. Сейфула Малешова, после своего возвращения из эмиграции, начал теоретизировать нам о вопросе «Балканской конфедерации» или «Балканской федерации».

В принципе эту идею мы находили правильной и тогда перспектива не была уже такой закрытой, но необходимо

---

1 Национальный Революционный Комитет.

было много работать, надо было, в первую очередь, одержать победу в борьбе против наци-фашистских захватчиков.

Мы продолжаем придерживаться того же мнения, однако надо, чтобы ситуации назрели, надо много работать для преодоления старой вражды, кстати, нам хотелось бы, чтобы вы еще лучше разъяснили нам эту столь важную проблему, так как нам не известна ни ваша точка зрения, ни точка зрения болгар и греков.

Тито очень внимательно меня слушал и, когда я кончил, сказал:

— Я совершенно правильно вас понял, товарищ Энвер, и согласен со сказанным вами. И мы стояли и стоим за создание такой федерации, прилагали и будем прилагать и конкретные усилия, но это, как вы уже сказали, трудная проблема, которую нельзя тут же разрешить и которая не от нас только зависит. В свою очередь, мы в подходящее время выступим с конкретными предложениями и рассмотрим все возможные пути, но в глубине души мы стоим за создание федерации. Пример и опыт новой, федеративной Югославии во многом содействует нам в этом направлении. Но оставим на сегодня эту проблему. Я упомянул ее скорее потому, что речь зашла о будущем Косовы. В рамках «Балканской федерации» объединение Косовы с Албанией удалось бы куда легче.

— Бесспорно! — сказал я. — Но мы всегда придерживаемся того мнения, которое выразили в самом начале: создадутся или нет возможности для образования «Балканской федерации» — это одна проблема, тогда как разрешение косовского вопроса это совсем другая проблема. Надо, как вы сами сказали, добиваться правильного разрешения косовского вопроса.

— Мы будем работать в этом направлении, — «дал мне слово» Тито.

Однако все слова и клятвенные обещания Тито оказались просто блефом. Он лгал и обманывал нас относительно правды об идее «Балканской федерации». Тито, как было подтверждено фактами и временем, был ярым антимаркси-

стом, он был националистом, шовинистом и агентом буржуазии и империализма, он был «троянским конем» в социалистическом лагере, в международном коммунистическом движении и особенно на Балканах. Ухватившись за идею «Балканской федерации», он стремился и боролся за присоединение к Югославии всех балканских стран, а в рамках этого, и Албании.

В 1947 году, когда отношения между Албанией и Югославией получили развитие и были заключены, помимо договора о дружбе и взаимопомощи, также Экономическая конвенция и ряд других связанных с ней экономических соглашений, о которых я буду подробно говорить ниже, некоторые товарищи из нашего Политбюро, в особенности Кристо Темелько, но и Кочи Дэодэе и Панди Кристо, подстрекаемые югославами, находившимися у нас или приезжавшими в Албанию, беспрерывно оказывали на меня давление, с тем чтобы мы требовали вступления в «Балканскую федерацию», что означало, по их идее, присоединение к Югославии. Я не поддерживал эту их идею, но однажды, в начале 1948 года, они пришли ко мне и сказали, что «создается «Балканская федерация» между Югославией и Болгарией!». Я подумал, что проблема эта была обсуждена Сталиным, Димитровым и Тито, хотя они совершенно и не спрашивали нашего мнения. В этой обстановке мы решили и написали ЦК КПЮ и Тито письмо, в котором, в частности, просили разъяснений по этой проблеме, так как немыслимо создать «Балканскую федерацию» с Болгарией, оставляя вне ее Албанию.

Ни ответа, ни разъяснений мы так и не получили. Для нас стало ясно, где собака зарыта. Титовская Югославия хотела одним выстрелом двух зайцев убить: аннексировать Албанию, прикрываясь так называемой Балканской федерацией, которая полностью провалилась, и распространить свою власть и на эту часть Балкан.

Сталин, который уже пронюхал экспансионистские планы Тито, обратил внимание Димитрова и тот (Димитров), сделал в начале 1948 года публичное заявление о том, что ошибся, думая о федерации между Югославией и Болгарией.

Но, прежде чем продолжить дальнейшее описание визита, я хочу отметить, что слова и обещания Тито относительно косовского вопроса были таким же блефом, что и его слова о «Балканской федерации».

У этого Тито, который так «ловко» выразил согласие со мною касательно косовской проблемы, совершенно не повернулся язык сказать: «Товарищ Энвер, я предлагаю, чтобы вы, кроме других краев Югославии, посетили и Косову. Мы должны показать албанскому народу Косовы, что наступило время настоящей дружбы с народами Югославии» и т.д. Но Тито и его товарищи боялись сделать это. Вскоре время показало мошенничество и жестокость Тито, этого сербско-хорватского шовиниста, не только в отношении албанцев, проживавших в своих краях в Югославии, но и в отношении Народной Республики Албании. Тайный план Тито предусматривал соединение не Косовы с Албанией, а Албании с Косовой, а заодно с этим и поглощение Албании титовской Югославией. Однако титовцы не достигли этой коварной цели. 1948 год явился для них роковым годом.

Фальшивость Тито и компании была настолько явной, что по отношению к Косове и ко всем проживавшим в Югославии албанцам они враждебно относились даже тогда, когда между двумя нашими республиками происходили эти «дружеские акты», не говоря уже о периоде после 1948 года, когда они перешли на яростные антимарксистские, полицейские, шовинистические позиции, ничем не отличавшиеся от позиции сербских королей. Отношения между НРА и Косовой в период «дружбы» *де-юре* были почти несуществующими, нам не разрешали посылать в Косову наших людей, ибо там, видите ли, были баллысты и т.д. и т.п. Террор против албанцев все больше усиливался. Всегда под маской борьбы против остатков «баллыстских банд», они бросали в тюрьмы, мучили и в массовом порядке убивали наших людей, ужасные концлагеря Ранковича были битком набиты ими. Это был настоящий геноцид, осуществлявшийся всеми средствами и методами. Чтобы обезлюдить Косову, титовцы, подобно прежним реакционным режимам, заставили сотни тысяч албан-

цев эмигрировать в Турцию и другие страны. В Косове, не говоря уже о Македонии, бедность достигала кульминации, школ на албанском языке не было, что Тито и Ранкович оправдывали многими предлогами. Хотя земля и недры Косовы были настолько богатыми, что трудно найти на Балканах другую такую зону, там никаких капиталовложений не производилось, сельское хозяйство было самым отсталым в Европе. Вот какую политику проводил там Тито. Говорил нам одно, а делал другое.

В дни нашего визита ни в Белграде, ни в каком-либо другом месте, ни на одном собрании или приеме я не видел и не встречал кого-либо из албанских коммунистических руководителей Косовы, хотя некоторых из них, таких как Фадиль Ходжа, Юмер Пуля, Ниманы и другие, я лично знал. Единственным «представителем» Косовы, которого я встретил, была мать Миладина Поповича...

Мы были на митинге, ко мне подошла седая старушка, которая, целуя и обнимая меня, шепнула: «Я мать Миладина и Михайло[1], которые сражались вместе с тобой, сын мой, Энвер Ходжа». Я крепко прижал ее к себе, и казалось мне, будто рядом со мною стоял и мой милый товарищ Миладин Попович, будто я обнимал и его. Я не смог дальше удержаться и в моей речи там сказал о Миладине самые хорошие и горячие слова, которые он заслуживал.

Однако продолжим дальше с визитом нашей делегации в Югославию.

Тито устроил для нас большой прием в Белом Дворце в Дедине. Прием был «величественным». Мы были одеты в «официальную» одежду, но какая картина открылась нашему взору, когда мы вошли во дворец? Он был полон женщин, мужчин, офицеров, дипломатов. Все они были одеты в парадные костюмы, смокинги, женщины — в длинные шелковые платья, с украшениями, с открытой грудью, у некоторых

---

1 Михайло Попович был освобожден албанскими партизанами из поселения для ссыльных в Албании. Погиб в Черногории в схватке с врагом.

из них были шубы на плечах, офицеры — в орденах. Тито встречал нас впереди в «парадной», обвешанной орденами, с выпяченной грудью; на пальце был у него перстень с мелькавшим бриллиантом. Мы совсем растерялись! Прошли среди людей, которые с любопытством разглядывали нас с головы до ног и аплодировали столько, сколько этого требовал протокол салонов. Лишь когда подошли к Тито и подали ему руку, мы подумали, что спаслись, и на самом деле спаслись. Мы перестали быть объектом любопытства белградской «знати». Центральной точкой опять стал Тито, которого мы затмили в течение не более пяти минут. Публика Белого Дворца перестала обращать на нас внимание и мы успокоились.

Тито ходил туда-сюда, разговаривал то с одной, то с другой группой, несколько раз брал и меня с собой и знакомил с ними, но их имена у меня в одно ухо влезали, в другое вылезали. Это было для меня неописуемой мукой, но наконец мы сели за стол. Тито встал, достал какую-то бумагу и зачитал ее со свойственным ему тщеславием, расхвалил нас, публика аплодировала ему и он сел. За ним встал я, достал свою «спич», зачитал ее, мне тоже аплодировали раза два, и я сел. Закончилось и это испытание, однако нашим мукам на этом «величественном» ужине не было конца. Чтобы выпить кофе, Тито встал, за ним встали все мы. Он взял с собой некоторых из нас, советского посла Лаврентьева и некоторых своих товарищей и вывел нас в парк. Была ночь, но светились электрические лампы и Тито нас вел. Куда мы шли? Мы вошли в какую-то пещеру. Электрические лампы освещали все — разостланные ковры, кресла, столы, заваленные напитками, фруктами, сладостями и прохладительными напитками. Мы без протокола сели за общий стол с Тито, Лаврентьевым, Моше Пьяде, Карделем и еще с кем-то. Тито, естественно, вел беседу, а мы больше слушали, чем говорили; несколько раз говорили Лаврентьев и Пьяде. Помнится, в один момент, когда Тито беседовал с Лаврентьевым о «высокой политике», Пьяде, зная, что я учился во Франции, завел разговор о французской литературе и истории Франции.

Речь зашла о кардинале Ришелье, и Пьяде защищал тезис о том, что он был жестоким и хитрым государственным мужем. Я согласился с ним, добавив, однако, что кардинал был великим государственным мужем и что о его деле судить нужно диалектически, с учетом того времени. Дело Ришелье, его вклад в создание единства монархии, удары, нанесенные им крупным феодалам, рассматриваются в истории Франции как революционные акты. Моше Пьяде согласился со мною; мы потолковали также о литературных направлениях во Франции. Однако Тито не сиделось в пещере, хотя он сам привел нас туда.

— Пошли, — сказал он, — вернемся в салоны, небось, дождь перестал. — Пока мы беседовали в пещере, на улице моросил дождичек, которого достаточно было, чтобы улица превратилась в сплошную грязь, и, к моему несчастью, нижняя часть брюк и ботинки с лоском основательно испачкались. Увидев у входа в салоны людей, суетившихся от того, что шел маршал, я до ушей покраснел от стыда. Нечего было делать, оставалось только двигаться осторожно, а это зависело от Тито. Мне нужно было волочить ноги, чтобы не были видны каблуки. Так я и сделал. Но испытал настоящие муки. Хорошо, что взоры всех были обращены на маршала.

Было жарко, мы потели, люди окружали маршала и нас, жара еще больше сушила грязь на моих брюках и ботинках, что делало ее еще более заметной. Наконец, Тито сказал:

— Ну, друзья мои, давайте осмотрим дворец, где я живу и работаю.

Мы подумали, что на этом все кончилось! Да нет, все время преследуемые массой женщин, одетых в платья с декольте чьи шеи и пальцы украшали бриллианты, как и мужчинами в смокингах, мы оказались перед лестницей *en colimaçon**.

Мы должны были взобраться по ней, так что на этот

---

* По-французски: винтовая.

раз я уже не мог волочить ноги. Что мне делать? Тогда, против своей воли, якобы в порядке вежливости, я поднялся на 7 или 8 ступеней не спиной к людям, ибо в таком случае они увидели бы мои ноги, а лицом к ним и приветствуя их. Я выдержал и эту последнюю пытку.

Поднявшись наверх, мы вошли в окруженную деревянными перилами галерею; внизу, в салонах суетились гости, а мы обошли кругом галерею, в которой было несколько дверей. Стены были обвешаны картинами. Кто из нас был знаком с ними? Никто. Тито, как хозяин, хвастливо рассказывал нам об их авторах, об их художественной и... денежной ценности. Мы делали вид, будто изумлялись всему этому, а на самом деле думали о нуждах своего народа. Тито открыл одну дверь и вошел внутрь, мы последовали за ним.

— Это рабочая комната, — сказал он. Это была красивая комната с большими окнами, на стенах ее висели картины, в углу стоял рабочий стол со всеми письменными принадлежностями, на столе все было ценное; не было ни одной книги, ни одной тетради. На краю стола — никелированный самолет в миниатюре на красиво никелированной железной подставке; Тито нажал кнопку, и самолет начал вертеться. Это была игрушка!

— Ее подарили мне рабочие, — сказал Тито.

Из рабочей комнаты мы перешли в другую комнату, в которой стояли изящные кресла, большая радиола и вполне модная мебель.

— Это передняя, здесь я завтракаю, — сказал Тито. — Радиолу эту подарил мне Готвальд[1].

Оттуда он отвел нас в спальню, в которой стояла большая роскошная кровать с кружевным постельным бельем, на ней — шелковая пижама; он открыл даже и шкафы, полные костюмов, рубашек и т.д. Не забыл он показать нам также «светлую» уборную.

---

1 К. Готвальд (1896-1953) – Председатель Центрального Комитета КПЧ и Президент Чехословацкой Республики.

После этого Тито сказал, что покажет нам и парткабинет, в который, как он выразился, «никто не может входить, ключи от него ношу я сам в кармане». Мы говорили про себя: «Он делает нам большую честь; посмотрим, что это за «священная комната»». Это была комната, как и все другие комнаты. На стене висела какая-то схема.

— Это секрет, — сказал Тито, — это схема партийного строительства. Съезд, Центральный Комитет, областные комитеты, их аппараты и первичные организации.

У одной из стен стоял небольшой шкаф с книгами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, в другом углу — сейф. Это была «секретная комната», с осмотром которой мы закончили большой вечер, пожелав маршалу спокойной ночи.

На следующий день прибыл в нашу резиденцию Иосип Гергя, одетый, как всегда, в черный костюм, улыбаясь и с акцентом говоря на албанском языке. У него была такая привычка: после каждой фразы, как бы для подчеркивания слов, он сжимал нос двумя пальцами и трепал его. Он пришел вместе с заведующим протокольным отделом передать нам программу визитов и осмотра достопримечательностей в Белграде и в других республиках. Помимо всего другого, они предложили посетить Хорватию и Словению и мы с радостью приняли их предложение. В Белграде никуда не ходили пешком; конечно, мы возложили венки в Авале, у могилы неизвестного бойца сербской армии королей, принятой в качестве алтаря также режимом Тито. Там один югославский генерал, Герой Народов Югославии, рассказал нам о битвах Советской армии и Югославской Национально-освободительной армии за освобождение Белграда.

Затем мы посетили несколько фабрик и автомобильный завод, где монтировали грузовики из импортных частей. Мы, естественно, радовались тому, что видели, это были хорошие вещи, югославы продвинулись далеко вперед по сравнению с нами. Они кое-что унаследовали от прошлого, получили довольно большие репарации за ущерб, понесенный во время войны, тогда как мы получили в наследство одни

лишь бедность и нищету, а что касается репараций, то получили всего лишь несколько очень старых станков, которыми нельзя было создать даже ни один механический завод. В порядке репараций мы получили также амортизированное судно, назвав его «Борова» в честь мученической деревни в Кольоне, которую немецкие фашисты в порядке репрессий против партизан сожгли дотла, убив всех находившихся там людей — женщин, детей и стариков. Югославы забрали у нас судно «Борова» под тем предлогом, что мы не могли использовать его, а когда мы порвали с ними, они похитили его и больше не вернули; похитили его в качестве «военной добычи», как похитили и все другое наше имущество, ведь они больше взяли у нас, чем дали нам.

В один из дней нашего пребывания в Белграде, для ознакомления с которым мы всегда ехали на автомашинах, нам устроили прием в доме офицеров, куда, если только не ошибаюсь, пришел и Тито. Присутствовали также советский военный атташе, как и другие советские офицеры. Дом офицеров представлял собой многоэтажное здание, построенное специально для офицеров. Нас встретили хорошо, с радостью, с симпатией, как бойцов-антифашистов, участников нашей совместной великой борьбы. Югославские офицеры были прекрасно одеты и обуты, их одежда не шла ни в какое сравнение с одеждой наших офицеров, но по мужеству, отваге и решимости мы нисколько им не уступали.

После этих визитов однажды вечером Иосип Гергя пришел к нам веселый, сжимая нос двумя пальцами, и сказал нам:

— Завтра вы поедете в Президиум Скупщины, так как Рибар (старец, Председатель Президиума, отец Лолы Рибара, погибшего во время войны) наградит вас. Вы, товарищ Энвер, — сказал Гергя, — будете награждены самым высоким орденом Югославии.

На церемонии, состоявшейся в следующий день в здании Президиума Скупщины, которое походило на буржуазный парламент, так как фактически было построено серб-

ско-хорватскими королями, доктор Рибар вручил всем нам награды. Мне он надел на шею Орден Героя Народов Югославии, представлявший собой золотой медальон, подвешенный на красной ленте с двумя черными линиями посреди. В церемонии вручения наград присутствовали Кардель, Пьяде, Гьиляс, Попович и другие. Я поблагодарил их от имени товарищей, отметив, в частности, что награда эта принадлежит албанскому народу и его сынам, отдавшим свою жизнь и за освобождение Югославии. Несколько месяцев спустя после освобождения Президиум Югославии наградил ряд наших товарищей Партизанской Звездой. Так что мне досталось два югославских ордена. После разрыва с ними, после всех зол, причиненных титовцами нашей партии и нашей стране, все эти награды мы вернули им обратно в знак протеста.

Выехали мы в Хорватию и Словению. Мы были рады тому, что предстояло нам увидеть новые края, дружеские народы. Везде, как Бакарич и его товарищи в Хорватии, так и Миха Маринко и его товарищи в Словении, хорошо нас приняли. Мы побывали в Загребе, Любляне и других городах этих двух республик, посетили фабрики, комбинаты и музеи. Народ был хорошо одет, страна была более цивилизованной, мало что было разрушено. Словения была еще более развитой. Любляна почти не пострадала от войны; австрийский стиль австро-венгерской империи преобладал, жизненный уровень был выше, чем в других посещенных нами в те дни местах, буржуазия была менее задета. Мы побывали на тамошнем металлургическом комбинате, который произвел на нас впечатление. Бросалось в глаза то, что в этих местах церковь оказывала сильное влияние, в городах и за городом можно было видеть иконы и кресты.

Нас повезли и в Блед, роскошную гостиницу, построенную на берегу одноименного живописного озера. Нам сказали, что туда приезжали иностранные туристы и что это было источником валюты.

Позднее, во время неофициального визита, я имел на бе-

регу этого озера еще одну встречу с Тито, если не ошибаюсь, когда ехал на Парижскую Мирную Конференцию. Прилетел я в Белград, Тито находился в Словении, жил как раз на даче, стоявшей на берегу озера Бледа. Меня доставили туда самолетом, и я имел с ним встречу. Мы с ним поговорили в веранде о возможном изложении проблем, которые предстояло обсуждать в Париже. Конечно, мы пришли к договоренности. Тито оставил меня обедать. Это была роскошная летняя дача, окруженная цветами и деревьями. Недалеко от дачи, на берегу озера, стояли белые моторные лодки. В комнате, у ног Тито лежал, как будто спал, его бульдог (потомок злосчастного «Люкса»), который то храпел, то издавал какие-то ... звуки. Наконец, Тито потерял терпение и сказал генералу Тодоровичу, бывшему партизану, побывавшему и в Албании: «Выведи его отсюда!».

По окончании беседы, прежде чем обедать, Тито предложил мне и Жуевичу, которого он впоследствии ликвидировал вместе с Гебрангом, как сталинца, прокататься на лодке. Я не отказал ему в этом, хотя и не умел даже плавать в случае, если лодка перевернется.

Заревел мотор и лодка тронулась. За нами вплавь следовал бульдог Тито. «По крайней мере, — говорил я про себя, — от холода он больше п... не будет». На берегу озера мужчины, женщины и дети кричали:

— *Герой Тито, друже Тито, наш Тито!*

Меня поразило это, ибо такие выкрики мы слышали из уст итальянских фашистов, когда те кричали «Дуче а нои»*. Я с удивлением думал о том, как это можно, чтобы такого разрешали. Когда мы возвращались, Тито сказал:

— Бульдог устал, — и крикнул ему: — Влезай!

Он вскарабкался в лодку и, поскольку был ростом с быка, лодка покачнулась, но мы не пострадали, пострадал только костюм, в который я был одет для Мирной конферен-

---

* По-итальянски: Дуче наш.

ции: бульдог встряхнулся и мою одежду обрызгало водой.

— Высушим ее по возвращении на дачу, — сказал Тито.

— Ничего, — проговорил я и посмотрел в сторону бульдога.

Но все это было позднее. Из этого визита, кроме вышеупомянутого факта, у меня ничего не осталось в памяти, так как, фактически, мы не обсудили какой-либо веской проблемы. Как я уже говорил, Тито отдыхал и ни на что не променивал свои развлечения. Но вернемся опять к первому, официальному визиту.

Вернулись мы в Белград из Хорватии и Словении очень усталыми; тем не менее, отдохнув целый день, мы преодолели всю физическую усталость, ибо к тому времени еще молодыми были. Предстояло уже завершить начатые переговоры. Первым делом мы договорились об основном содержании Договора о дружбе и взаимопомощи и решили подписать его немножко позднее в Тиране[1].

Затем перешли к экономическим вопросам. Нако и товарищи из торговых органов провели ряд встреч с Борисом Кидричем и другими и достигли кое-каких результатов, которые Нако считал «удовлетворительными». Югославы согласились предоставить нам в кредит несколько объектов (об этой «помощи» я подробнее расскажу ниже), но речь шла особенно о сахарном «заводе» и о веревочном «заводе», они приняли обязательство помочь нам рельсами и локомотивом для железной дороги Дуррес-Тирана, поставить нам какие-то нефтепроводные трубы и некоторые другие мелочи. К тому времени это казалось нам невесть что, но тем не менее я, воспользовавшись случаем, отвел Нако в сторону и спросил:

— Это и включает всего-навсего их кредит?

— В общих чертах — да, — сказал Нако. — Конкретно мы возьмемся за дело позднее. Они обещали нам порядочную помощь.

---

1 Договор был подписан в Тиране 9 июля 1946 г.

Важным был и вопрос о ряде совместных компаний, в основном по развитию наших рудников и шахт, о создании которых мы договорились. Когда, в завершение нашей работы, мы собрались для подписания документов, Тито рекламировал нам эти компании словами:

— Такие компании мы имеем с Советским Союзом, они весьма успешно работают, приносят результаты и помогают нам в строительстве социализма!

Мы были согласны создать такие компании, для которых разработали затем и уставы, определили процедуру их работы, платежи, участие и природу участия. Об истинной сущности этих компаний я не буду теперь останавливаться, а лишь отмечу, что югославы в своих грабительских целях хотели, чтобы компании эти на бумаге фигурировали как совместные, а на самом деле управлялись ими, чтобы весь материал был наш, чтобы они ничего не вкладывали и не поставляли, а лишь господствовали и получили их продукцию. Но, естественно, лжи не осуждено долго действовать — вместе со всякой другой ложью был разоблачен и обман о «совместных компаниях», которые столь усердно рекламировал нам Тито.

Когда все официальные документы были уже подготовлены, мы подписали их на торжественном собрании. Выпили шампанского. Вечером нам предстояло дать прощальный ужин; конечно, был приглашен и Тито. Ужин устроили в резиденции нашего посольства.

Прибыл Иосип Гергя, на этот раз невеселый. Он попросил нас извинить Тито за то, что он не сможет прийти, якобы по соображениям безопасности, так как наше посольство находилось на этой и на той улице, расположено среди других домов, что мы должны понять это дело и т.д. и т.п.! Нам стало неприятно, но нечего было делать. Остальные пришли.

Настал и день нашего возвращения на Родину. На аэродроме нас проводили с той же церемонией, с которой и встречали, мы сели в самолет и вернулись в Тирану.

От первоначальной радости моей поездки ничего не ос-

талось. Я возвращался с каким-то необъяснимым чувством, верил, но в то же время был разочарован надменностью и скандальной роскошью Тито, которая еще тогда была очевидной. Я говорил про себя: Сойдемся ли мы с Тито характером, сойдемся ли мы с ним в наших делах?

V

ПОМОЩЬ ТИТОВЦЕВ — ОКОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАКАБАЛЕНИЯ АЛБАНИИ

Трудное положение нашей экономики после освобождения ■ Друзья оставляют нас перебиваться в своей собственной нужде ■ Базарные грабители проявляют щедрость в «советах» и «ориентировках» ■ Горькая история албано-югославской Экономической конвенции. По вопросу установления валютного паритета, снятия таможенных границ, образования совместных компаний, унификации цен. Наши возражения в связи с истинной природой подписанных соглашений ■ Пресловутый Саво Златич в Албании ■ Титовское обвинение в «существовании двух линий в руководстве КПА» ■ О поездке в Москву нашей делегации на высоком уровне. Белград обвиняет нас в «антиюгославщине» ■ Тито и его приближенные хотят дискредитировать наше руководство в глазах Сталина ■ Югославы следят за нами и ведут против нас саботаж ■ Дальнейшее обострение взаимных отношений.

Картина взаимоотношений между двумя нашими партиями и двумя нашими странами в первый послевоенный период была бы совсем неполной, если бы мы не затронули вопроса об отношениях в экономической области. Это весьма обширная область, всегда привлекавшая как наше внимание, так и внимание людей Тито. Однако, ссылаясь на экономические отношения одного и того же периода, подход к ним обеих сторон, их оценка прямо противоположные.

В то время, как Тито, когда он был еще жив, а за ним весь арсенал югославской пропаганды при жизни Тито и

после его смерти, поднимали и поднимают до небес югославско-албанские экономические связи периода 1945-1947 годов, выдавая их за образец «братских отношений», проникнутых «духом пожертвования» и «щедрости» титовцев по отношению к нам, мы, с нашей стороны, всегда говорили и говорим противоположное.

Наш вывод, сделанный не сегодня и даже не в 1948 году (когда Тито и титизм были обличены публично), а еще раньше, еще когда в публичных заявлениях мы продолжали считать друг друга «друзьями», был и остается таким: Область экономических отношений между двумя нашими партиями и странами была одной из тех областей, где самым очевидным и неприглядным образом проявились характерные черты титовского ревизионизма вообще, весь его антиалбанский, националистский и шовинистический угар — в частности. В «теоретизированиях» и первых практических шагах Тито и его присных в области социалистического строительства в Югославии мы четко увидели их глубокие отклонения от теории и практики научного социализма. В их так называемой экономической помощи нашей стране мы вскоре увидели и угадали попытки и коварные цели титовцев превратить нашу экономику в придаток югославской экономики, один из главных путей надеть на Албанию кандалы нового рабства. Итак, «экономическая помощь» титовцев нам, если вообще ее можно и называть помощью, преследовала одну лишь цель: помочь Тито возможно скорее добиться экономического и политического порабощения Албании.

С самого начала приводя такой вывод, я и в этой области нисколько не хочу ни отплатить злом за «добро», ни отрицать истину. Итак, какова эта истина?

Друзья или грабители?!

Шли первые годы после освобождения. Наша страна была сожжена, разорена во всех отношениях, народ влачил жалкое существование, но его моральный дух был исключи-

тельно высок. Заодно с захватчиками мы разгромили и реакционных помещиков и буржуазию, и народ, под руководством своей героической Коммунистической Партии, установил свою, новую, народно-демократическую власть.

Теперь, после освобождения, надо было прочно удерживать эту народную власть, необходимо было дальше закалять ее в классовых битвах и построить, начиная с нуля, новую Албанию в стране нищеты и невежества. Невзирая на свою материальную бедность, народ, под руководством партии, с огромным и неописуемым энтузиазмом выполнил эту задачу своими силами, не получив в первые годы никакой помощи извне. Это были одни из самых героических лет в истории нашего народа, это было время, когда он лил пот, трудясь полуголодным, одетым в лохмотья, не имея крова над головой, время, когда мы боролись со всякого рода нехватками, стихийными бедствиями, как и против диверсии врагов — внутренних и внешних, — но всегда с укорененной в нас партией твердой верой в то, что одолеем все трудности и всех врагов.

Особенно в первые два года после освобождения нам никакой помощи кредитами не было оказано Советским Союзом, а также Югославией. Те немногие товары срочной необходимости, которые были поставлены нам, были совершенно незначительными, чтобы не сказать ничтожными, причем все они были куплены либо на чистые деньги, либо путем продажи югославам нефти, керосина, битума или других продуктов, которые они часто приобретали у нас за бесценок, в виде «обязательства» в «знак дружбы» и «братства».

Следовательно, можно сказать, что в первом году после освобождения мы поддерживали торговые связи только с Югославией. Но торговля эта была почти однобокой и неблагоприятной для нас. Мы давали больше, чем получали. Давали мы добротные товары, а получали барахло. Мы конфисковали имущество крупных торговцев и отобранный у них текстиль продавали югославам по ими же установленным ценам, тогда как за лезвия и другие такого рода галантерейные изделия, которые закупали у них, мы платили втридоро-

га. Мы покупали у них хлеб, так как у нас его не хватало, некоторое количество кожи, железные сохи, и все это они продавали нам по их внутренним, очень высоким ценам. Мы продавали им маслины, брынзу, оливковое масло и т.д. в такое время, когда у нас самих их не хватало; мы все делили пополам, причем от всего сердца.

Это положение казалось нам в то время до известной степени нормальным, так как понимали, что Югославия была сожжена войной, как и мы, что у нее были экономические трудности и нелегко ей было помогать нам. Но мы надеялись, что положение улучшится.

Помимо всего вышеизложенного, как в 1945 году, так и в большей части 1946 года хорошие братские отношения с Югославией (но и с Советским Союзом) заключались и в «обмене опытом», в предоставлении нашим парням известного числа стипендий на обучение в Москве и Белграде и в направлении нескольких специалистов разных профилей для оказания нам помощи. Позднее, особенно после моего визита в Белград в июне 1946 года, экономические отношения начали развиваться более «интенсивно», но развитие это сводилось к переговорам, проектам и заявлениям на бумаге, к бесконечным обещаниям, а конкретно пока что ни к чему дельному. Как бы то ни было, будущее представлялось нам обещающим. Весь этот период, один из самых трудных и самых тяжелых для нас, мы варились, так сказать, в «собственном соку», и совершенно нетрудно представить себе, какие мы резервы получили в наследие от прошлого! Почти ничего. Понемногу, туго, в голодном или полуголодном состоянии, но народу мы не дали умереть ни с голоду, ни с холода. Самые элементарные потребности мы удовлетворять начали.

Однако задача и цель нашей партии отнюдь не ограничивались только благоустройством жизни и удовлетворением неотложных запросов населения. Задача нашей Коммунистической Партии и народной власти в том и заключалась, чтобы осуществить сокровенные мечты народа, во имя чего и было пролито столь много крови. Надо было осуществить

крупные реформы социально-экономического характера, надо было привести характер экономики в соответствие с характером новой власти. Итак, надо было последовательно продвигать страну вперед по пути построения социализма во всех областях, а, в данном случае, и в области экономики.

Мы отдавали себе отчет в том, что основным фактором социалистического преобразования страны был внутренний фактор, сознавали, что внешним, вспомогательным фактором будет прежде всего Советский Союз Сталина, но, особенно в условиях, когда нами еще не были установлены нужные прямые связи с советским государством, мы с открытым сердцем обратились к соседним друзьям, Коммунистической партии Югославии. И они не замедлили «прийти нам на помощь», особенно «опытом», «ориентациями», которые давали нам либо путем приглашения в Белград наших товарищей, либо посредством брошюрок и рефератов, либо через Стойнича, Гергя, а позднее и пресловутого Саво Златича, как и посредством целого ряда «экспертов» и «политэкономистов», как называл их Сейфула.

Однако на что «ориентировали» нас эти сановники?!

Выше я коснулся вопроса об «этапах» революции и о «заботе», которую Тито, Кардель, Гьиляс проявляли о том, чтобы мы «не перескакивали этапы». Теперь вопросы эти предельно ясны, и партией проведена огромная работа над тем, чтобы их основательно понимали даже школьники, но в 1945-1946 годах, мы, которые руководили партией и государством, в известной мере также были школьниками. В самоотверженности и прилежности недостатка у нас не было, но как нам трудно было, как много мы теряли, когда часто приходилось истрачивать эту прилежность на то, чтобы вывести на чистую воду плохие советы, которые давали нам «друзья»!

Мы тратили много сил и времени, ссорились с Сейфулой и с теми, кто, стоя за Сейфулой, преподносил нам идею «двух параллельных хозяйств»[1], говорил, что «сейчас не время

---

1 Подпав под влияние антимарксистских теоретизирований врагов социализма в Советском Союзе, где он и был, Сейфула Малешова

преобразований социалистического характера», что «в социализм пойдем вместе с буржуазией» и т.д. и т.п., а в процессе этих столкновений мы поступали так, как нас учил марксизм-ленинизм. Это факт, что Албания вступила на путь социалистического преобразования страны раньше, решительнее и шла этим путем последовательнее всех стран, в которых после второй мировой войны был установлен народно-демократический строй. Быстро продвигаясь по этому пути, мы, конечно, отнюдь не перескакивали этапы революции в ленинском смысле этого слова. «Мы «перескочили» лишь югославские теоретизирования и скрывавшиеся за ними злые умыслы.

Большие рогатки ставили нам и сильно дезориентировали нас «друзья» и в связи с аграрной реформой. Сразу же после освобождения мы приступили к выполнению обещания передать землю тем, кто ее обрабатывает, но стойничи, герги и им подобные поспешили «советовать» нам не «портить отношения» со старыми владельцами земли; рекомендовали нам кое-что отобрать у них (а кое-кто даже «советовал» купить ее у них!), оставляя за ними добрую часть земель, что составляло бы фактически в десять или двадцать раз больше, чем у «бедняков»!

Такая неверная «ориентация» вначале была принята под давлением Сейфулы Малешова, но вскоре мы почувствовали, к каким опасным последствиям мог привести этот шаг, и внесли необходимые исправления. Установили правильные размеры земельной площади для каждой семьи (не более пяти га), приняли ряд других мер по предотвращению оживления капиталистического сектора в деревне (законом была запрещена купля-продажа и сдача земли в аренду и др.).

Что касается «ориентировок» в области промышленности, то югославам не надо было особенно ломать голову над нахождением «вариантов».

Вначале они «посоветовали» нам вовсе не взяться за

проповедовал положение об одновременном существовании в албанской экономике двух секторов, социалистического и капиталистического. Это положение ничем не отличалось от теории «равновесия», чья реакционная сущность давно была отвергнута И. В. Сталиным.

это дело, так как мы были бедными, у нас не хватало хлеба и лаптей, индустрия была нам не по плечу! «Позднее, — сказали они, — видно будет что касается рудников и нефти, но, до поры до времени, ведите учет того, что у вас есть, давайте нам сырье и мы заполним ваш рынок готовой продукцией».

— Вам, как отсталой аграрной стране, — советовали они, — надо взять крен в сторону сельского хозяйства!

Шесть или семь лет спустя аналогичные «советы» предстояло нам услышать из уст тех, кто после смерти Сталина узурпировал партию и власть в Советском Союзе. Подробно об этом я говорил в другой книге[1]. Здесь хочу лишь напомнить, что, оказавшись лицом к лицу с Хрущевым, Микояном и другими, мы прошли уже великую школу марксизма-ленинизма, школу непосредственного столкновения с титовским ревизионизмом. Это помогло нам быстро определить хрущевскую разновидность современного ревизионизма. Однако в первой «школе», в первом столкновении, трудности и препятствия были более серьезными, так как многое было нам неизвестно, опыт у нас отсутствовал, к тому же мы страдали той «эйфорической оценкой» других, о которой я говорил и выше. Нам казалось, будто все, подобно нам, искренно относились как к марксизму-ленинизму в теории и на практике, так и к нашей партии и нашей стране. В силу всех этих, как и других причин, понятных в этом первом столкновении с ревизионистами, мы порой делали и какой-нибудь неверный шаг, принимали и какое-нибудь решение, которого и не следовало принять. Но это великое счастье или, вернее, это великая заслуга нашей партии, что и в тогдашних очень трудных, внешних и внутренних, условиях, если мы и «промахнулись» в чем-нибудь, то это лишь по отдельным вопросам, по вопросам методов проведения линии, но зато никогда не допускали ощутимых ошибок в политической, идеологической и экономической линии.

Я уже говорил, что югославские «друзья» с самого начала

---

1 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 65-107, Тирана, 1980.

были против социалистической индустриализации нашей страны. В то же время это факт, что в первые годы после освобождения мы не сделали чего-нибудь заметного в данной области. Но это отнюдь не потому, что мы приняли югославскую ориентацию! Нет, мы никогда не соглашались с этой ориентацией; если нам не удалось быстро продвинуться по пути индустриализации, то это потому, что идти быстрее было невозможно, так как нам не досталось от прошлого какой-либо базы, на которую можно было опираться, у нас не было в те моменты никакой помощи со стороны югославских «друзей» или со стороны советских. Мы сразу же использовали любую создавшуюся возможность. Так было, например, кое с каким старым оборудованием для механической промышленности, еле доставшимся нам от минимальных репараций, которые были предназначены для нас. Поскольку мы «не умели» сами получать принадлежавшие нам репарации, «поручителями» и «посредниками» стали югославские «друзья». Последние, выделив себе все, что считали лучшим из предназначенного для нас, отправляли в Тирану остатки. Тем, что прибыло к нам, мы оборудовали два зала и произвели торжественный пуск первого в Албании механического завода, а именно завода, который с 1946 года носит мое имя, но который с течением лет возрос, преобразился и превратился в один из крупнейших и современнейших комбинатов нашей механической промышленности.

Такую же правильную, марксистско-ленинскую позицию занимали мы еще в те моменты во всех других аспектах партийной линии и социалистического строительства страны. Но, как я уже говорил, в отдельных аспектах проведения линии невозможно было избегать и ошибок и опрометчивых или навязанных решений.

Так произошло, например, с ориентацией, данной нами крестьянству в 1946 и 1947 годах относительно ряда сельскохозяйственных культур, которые должны были пользоваться «преимуществом»!

Целыми часами и днями югославы набалтывали нам о том, как сделать сельское хозяйство возможно более «продуктив-

ным», «большим источником» доходов, фондов, оборудования.

— При ваших условиях, когда у вас не хватает финансовых и всяких других средств на приобретение товаров ширпотреба или оборудования за границей, — говорили они нам, — наилучшим путем является превращение сельского хозяйства в большой источник фондов и ценностей. Обладая такими землями и такими замечательными климатическими условиями, вы можете добиться чего вам угодно!

А как конкретно?

— Откажитесь от кукурузы и пшеницы! — советовал нам Иосип Гергя. — Зерновые никогда не выведут вас на светлый путь. Они не обеспечивают вам даже половины хлеба для народа, а не то что дополнительные доходы. Сейте подсолнух! Знаете ли вы, что такое подсолнух?!

Правду говоря, мы кое-что знали об этой культуре, но зато не знали того, что знал Гергя.

— Это благодатное растение! — «объяснял» он нам. — Из него можно получать масло, растительное масло. Вы будете удовлетворять потребности населения в жирах, к тому же мы в Югославии очень в нем нуждаемся. Его продавать можете и на западных рынках. Подсолнух землю переворачивает, он-то и рынки валютой переворачивает.

— Мы в хлебе нуждаемся, — возражали мы. — Наши люди привыкли есть блюда, в том числе фасоль, и без масла, но без хлеба обходиться они не могут. Впрочем большинство нашего крестьянства на один только хлеб живет, плюс немножко творога и лука.

— Привезем мы их из Войводины! — тут же отзывался Гергя. — Вы представить себе не можете, что такое Войводина. Это житница для Югославии и для вас. Колос пшеницы там с шашку. Мы с удовольствием и на выгодных для вас условиях будем давать вам хлеб в обмен на подсолнух. Подсолнух...

Те же гимны «пели» подсолнуху в Белграде, те же гимны повторяли нам не только специалисты югославского земледелия, но и те, кто приезжал к нам по партийным делам, даже и военные.

Не считали они за труд взяться и за карандаш, подсчитывая, что «это стоит столько-то, а это столько-то», так что нам оставалось всего лишь признать, что у нас добро было под самим носом, а мы его не замечали!

Итак, мы ориентировали крестьян все земли отвести под подсолнечник, совершенно не беспокоясь о хлебе, который в изобилии должен был доставлять нам Тито из Войводины (как «доставил» его Хрущев с Украины 10-12 лет спустя!)

Чтобы показать высшую степень страданий и мук, наш народ употребляет меткое выражение: «выжимать соки, как из маслины». Однако страдать, словно из тебя «выжимают соки, как из маслины», это совершенно ничего в сравнении с испытанным нами, когда из нас «соки выжимали, как из семян подсолнечника». Послушавшись нас, крестьяне засеяли этим растением целые площади, но из-за полного отсутствия опыта, из-за отсутствия уверенности в выгодах подсолнуха, из-за тогдашнего очень плохого состояния земель, отсутствия семян, механизмов, оросительной системы и т.д., мы остались не только без «валюты и оборудования», но и без хлеба! А югославские «друзья», когда мы им напомнили о войводинской житнице, превратились из «щедрых» в торговцев:

— Мы дадим вам зерно при условии, что вы либо доставите нам семена подсолнуха, как мы уже договорились, либо уплатите чистыми деньгами! Бесплатно нельзя!

Они были правы! Ведь мы нарушили «договорные обязательства»!

Чтобы долго не задерживаться на этой «истории», которая, правда, вызывает теперь и юмор, но в 1946 и 1947 годах не давала нам засыпать, хочу сказать лишь одно: «ориентация» югославов оказывать предпочтение подсолнуху в сравнении с зерновыми культурами, не была их случайной «ошибкой», не являлась следствием какого-либо легкомысленного и поверхностного отношения к нашим тогдашним условиям и возможностям! Нет! Все было тщательно продумано, а «ориентация», на первый взгляд «сельскохозяйственного» характера, скрывала прежде всего определенные политические цели.

В общем плане всесторонних усилий титовцев к поглощению Албании, навязывание нам ошибочной и порочной политики в области сельского хозяйства создало бы белградскому руководству более благоприятные условия для осуществления его целей: страна оказалась бы под угрозой голода, партия дискредитировалась бы в глазах масс, как «неспособная» вывести бедняка на светлый путь, и мы были бы вынуждены, в конечном итоге, протянуть руку «друзьям», которые только и делали, что выжидали подходящий момент, чтобы схватить все тело.

Иными словами, они стремились превратить всю Албанию в «подсолнечник», который бы головкой и телом повернулся бы к «их солнцу», к титизму и титовской Югославии.

Аналогичное давление оказывали они на нас, настаивая и на другом «источнике» «валютных доходов» — на хлопке!

— Хлопок — это золото! — говорил нам Гергя, а затем и другой посланец Тито, Златич. — Побелите Мюзечею, Влёру, Саранду хлопком, он сам знает, как делать вам честь!

То же самое, мы посоветовали крестьянам сеять хлопок, но, как известно, он не только не сделал нам какой-либо чести (он не побелил даже засеянные им участки), а, напротив, увеличил наши трудности и хлопоты.

Я никак не хочу этим сказать, что в те моменты мы недооценивали эти технические культуры или что наш крестьянин был консерватором и не воспринимал нового! Нисколько. Когда настал момент мы выращивать стали и выращиваем и теперь и подсолнечник и хлопок, причем их урожайность непрерывно растет. Но в 1945 и 1946 годах, когда у нас ничего не было, когда половина равнинной местности была покрыта болотами и трясинами, когда хлеб стал уже острым оружием в борьбе за то, быть или не быть нашей стране, в тех условиях отказаться от зерна означало встать на путь провалов и катастрофы. Однако мы вскоре убедились в том, что все это было превратным, антимарксистским. Ведь настал день, когда «колос с шашку» войводинской пшеницы навис над нашей головой, как дамоклов меч. Но мы сумели уклониться от удара. Неудачи 1946-1947 годов стали

для нас большим уроком. На практике, в процессе столкновений, часто весьма опасных, мы еще лучше осваивали теорию и практику научного социализма. Позднее, когда другой Тито, Никита Хрущев, указал нам путь выхода из затруднений в овцах, цитрусовых и в щучьем велении, мы улыбнулись с иронией и в то же время с горечью. «История» повторялась, но наша первая ошибка — нет. «Подсолнечники» научили нас тому, что голову надо повернуть не к Войводине и не к Украине, а только к марксизму-ленинизму! Мы уже поняли, что такое современный ревизионизм по внешности и по содержанию.

Между тем мы настойчиво и, прилагая всесторонние усилия, искали новых путей, средств и возможностей продвижения вперед. Особенно после установления дипломатических отношений в конце 1945 года, мы обратились за помощью и к Советскому Союзу.

Я беседовал с сотрудниками советского посольства в Тиране об этой проблеме, но они, хотя и благосклонно относились к нашим предложениям и запросам, всегда говорили: «доложим Москве». Докладывать Москве было делом естественным, но Москва какого-либо четкого ответа не давала и косвенно давала понять, а, наконец, открыто сообщила нам, что «экономическая помощь вам будет оказана через Югославию, так как ей мы оказываем значительную помощь, которая предназначена и для вас. Поэтому обращайтесь к югославам». То же самое повторил нам своими собственными устами и Молотов в Париже, когда мы находились на Мирной конференции, причем сказал он это в присутствии Карделя и Моше Пьяде.

Хотя и не понимали такого способа оказания экономической помощи, мы думали и верили, что между социалистическими странами можно было практиковать и такие формы. Нам оставалось всего лишь ждать, чтобы «посредники» давали нам то, что нужно было давать. Но они, если как «посредники» по вопросу военных репараций и дали нам какое-то барахло, то как «посредники» по вопросу советской помощи ничего не давали.

Такова разрекламированная белградским руководством «помощь» нашей стране вплоть до середины 1946 года: ничего конкретного, а только «советы» и «ориентации», но зато *ориентации*, о которых я говорил выше.

После моей поездки в Белград в июне 1946 года казалось, начиналась новая, более передовая фаза в наших экономических взаимоотношениях. Мы изложили Тито и его сотрудникам просьбу помочь нам в области методологии составления единого плана, пока что только однолетнего или двухлетнего плана, а также оказать нам, по мере возможности, какую-либо помощь кредитами, направить к нам несколько специалистов по различным областям экономики и т.д. На сей раз наше настояние сделать первые шаги по пути социалистической индустриализации страны заставило югославских руководителей проявить больше умеренности в своих «ориентациях». Они ответили, что помогут и в этой области. «посоветовав», однако, наряду с развитием ряда рудников и нефтепромыслов, главное внимание уделять легкой и пищевой промышленности.

— Мы будем помогать вам и кое-какими кредитами, — сказали они, — однако договориться надо о том, каким путем вы будете получать эту помощь. По накопленному до сих пор опыту, — продолжали они, — мы видим, что весьма действенным путем сотрудничества и оказания помощи является путь совместных компаний. Такие компании мы создали уже с советскими и дела прекрасно идут. Давайте создадим такие же компании и с вами!

Широкое рекламирование «выгод» от этих компаний и частое упоминание того, что такие компании они создали и с Советским Союзом, побудили нас еще во время моего пребывания в Югославии согласиться, в принципе, на создание подобных компаний в будущем.

— Время у нас есть, — сказали они, — до конца года можно подробно обсуждать вопрос о них, о том, как они будут созданы, как будут действовать и управляться. Но это не такой вопрос, который должен быть рассмотрен руководством. Пусть им займутся специалисты соответствующих секторов.

Итак, мы возвратились в Тирану с целым рядом обещаний и «более широкой проблематикой взаимоотношений», однако на все наши вопросы они давали уклончивые, неопределенные ответы. После нескольких месяцев молчания они сообщили нам, что настало время собраться в Белграде экспертам обеих стран и все уточнить. Казалось, 1947 год начнется благополучно. К концу октября 1946 года мы направили туда Нако с группой товарищей из Министерства экономики и Государственной плановой комиссии, и нам оставалось всего лишь ждать итогов переговоров. Именно отсюда и начинается горькая история подписания в конце ноября 1946 года албанско-югославской экономической конвенции.

Экономическая конвенция между Албанией и Югославией была воплощением союза между обеими нашими странами. Конвенция эта сопровождалась протоколами о согласовании планов, об унификации цен, об установлении валютного паритета, о создании совместных компаний, о снятии таможенных границ между двумя странами и т.д.

Мы подписали эти соглашения, но, как я об этом буду говорить ниже, еще в ходе переговоров по этим вопросам у нас возникли подозрения, серьезные проблемы и замечания. Накануне их подписания мы еще раз выразили югославской стороне свои замечания и свое беспокойство, а они, естественно, сделали кислую мину, но хлопнули нас по плечу:

— Не беспокойтесь, все будет в вашу пользу!

Прошло не так уж много времени и мы отчетливо увидели, что Экономическая конвенция со всеми ее компонентами была не чем иным, как новым свирепым оружием титовской диверсии и саботажа в борьбе за покорение и поглощение Албании. Этой конвенцией югославское правительство стремилось, в качестве первого шага, дальше эксплуатировать и расхищать богатства нашей страны известными неоколониалистскими формами; в качестве второго шага, оно стремилось целиком превратить нашу экономику в придаток югославской экономики, полностью взять ее в свои руки и поставить под свой контроль, а, в качестве третьего шага, со-

здать такие условия, при которых нам волей-неволей пришлось бы согласиться на экономическое и политическое «соединение» с Югославией, рассматривая это как единственный путь спасения!

Для того, чтобы детально проанализировать то, что произошло на самом деле с Экономической конвенцией, понадобились бы целые тома, в которых нашли бы отражение как теоретические аргументы и мошенничество югославской стороны, так и сопоставление на основе цифр и фактов того, что нам было обещано, и того, что нам было дано, того, что нам было продано, и того, что у нас было похищено самыми грубыми методами. Во многих партийных документах и материалах, начиная с доклада, сделанного мною на XI Пленуме ЦК КПА в сентябре 1948 года, и кончая докладами, сделанными на I съезде КПА в ноябре того же года, и т.д., проблемы эти подвергнуты правильному, марксистско-ленинскому анализу[1]. Позднее произведены и другие, более детальные анализы, в которых ясно проступают замыслы и неоколониалистская, антиалбанская позиция югославского руководства в вопросе экономических отношений с нашей страной, а в этом плане и характер подписанной в ноябре 1946 года Экономической конвенции. Однако, несмотря на это, горькая и полная опасностей история того периода продолжает оставаться открытым и весьма интересным полем для наших исследователей, особенно для тех, кто занимается историей наших экономических отношений с зарубежным миром. Цифры и факты неопровержимо доказывают, что стремления и усилия тех, которые называли себя «руководителями-коммунистами» Югославии, в сущности ничем не отличались по своему содержанию от неоколониалистских стремлений и усилий итальянского, английского, американского и другого капитала в черные годы зоговского королевства. Элементарное отличие заключается в формах,

---

1 См. Энвер Ходжа, Избранные произведения, т. I, изд. на рус. яз., стр. 810-832, Тирана, 1974.

в масках, за которыми выступали новые колонизаторы, а основное и решающее отличие в том, что наша партия и наш народ своим трудом, борьбой и лишениями не допустили повторения 1939 года в 1947 или 1948 году. Как и во всех других областях, и в области экономики провалились планы и стремления белградских ренегатов.

Итак, считая ненужным повторять в этой книге записок и воспоминаний то, что уже сказано, или же приводить детальные цифры и факты экономического характера, хочу лишь указать на условия, при которых мы вынуждены были подписать конвенцию и связанные с ней соглашения.

Как я уже говорил, нашу делегацию возглавлял Нако. Связь с нами он поддерживал через радиограммы, и, судя по его первым сообщениям, казалось, что все благополучно начиналось. Его принимали и провожали высшие югославские хозяйственные руководители — Кидрич («гений экономики», как называли его югославы!), его заместители моричи, некидричи, петровичи вместе с целыми бригадами других специалистов и ответственных работников средних или низших рангов.

Естественно, после улыбок и лобзаний, после обедов и пиршеств переходили они к делу. На 27-28-летнего Нако обрушивались знания и багаж всех «боссов» югославской экономики: совместные компании создаются на основе количества и вклада в основные фонды; политика капиталовложений будет такой-то и такой-то; первоначальная прибыль, чистая прибыль...; себестоимость...; сырье... страна, в которой действует компания, имеет такие-то права и такие-то обязательства...; страна-участница имеет такие-то права и такие-то обязательства; кредит предоставляется на такие-то условия; будет погашаться таким-то путем и т.д. и т.п.

После того, как специально подготовленные для этого дела люди читали ему лекции, которые длились целые два-три часа, «друзья» давали Нако работать «спокойно», «без вмешательства»; вываливали ему на стол 100-200 страниц материалов теоретического и практического характера о природе «совместных компаний» и очень вежливо добавляли:

— Если у тебя возникнет какой-либо вопрос, то поговорим об этом завтра, на утреннем заседании. Не забудь, сегодня мы приглашены на ужин товарищем Кидричем.

Нако еще не успевал создать ясное представление о характере «совместных компаний», как у него наваливали другие специалисты разъяснять проекты каждой компании в отдельности («Совместная компания по строительству железных дорог», «Совместная компания по добыче и эксплуатации нефти», компании «гидростанций», «импорта-экспорта» и др.). Снова приглашения на официальные обеды и ужины, дружеские и частные, снова целые папки с рабочими материалами, снова переговоры, только на сей раз о других вопросах: об унификации цен, об установлении валютного паритета, о принципах таможенного объединения и т.д. и т.п.

Время от времени я получал короткие радиограммы, которые и раздражали своей лаконичностью (я ничего не понимал, что происходило), и беспокоили меня. Срочными радиограммами я требовал от Нако подробностей и разъяснений, но он либо «исчезал» целыми днями, либо успокаивал меня такими сообщениями: «Настойчиво приглашают меня на какую-то годовщину освобождения в какой-то край Словении стоп Переговоры возобновятся через три дня стоп Подробное письмо позднее стоп Нако».

И как раз в то время, когда Нако полностью ушел в водовороты лабиринтов югославских экономистов, когда ему не оставалось даже одного часа на отдых или же на то, чтобы разъяснить нам положение подробным письмом, к нам поступает от него другая потрясающая весть:

«Товарищи (он имел в виду югославов) говорят, что поставок не будет и ничего другого не будет сделано, если мы немедленно не представим свой план развития на 1947 год»!

Вот оно что! Вначале мы договорились, что югославы предоставят нам то, что могли, из запрошенного нами, а после этого мы сядем и возьмемся за разработку плана, тогда как теперь они ставили предварительным условием предста-

вление плана! Вот именно в таких условиях Нако Спиру садился и среди уймы дел по своему усмотрению разрабатывал в Белграде «ориентировочный план» развития Албании!

Не хочу винить в этом Нако или же взвалить вину на нас, позволявших Нако таким образом поступать. Нет, это была целая политика, которую югославы проводили, рассчитывая сбить нас с толку и заставить незамедлительно, поспешно согласиться с тем, что говорили они и что было в их интересах.

Так поступали они по всем вопросам. В числе самых серьезных проблем, которые они выдвигали перед нами и в связи с которыми требовали, чтобы мы немедленно подписали соответствующие документы, входили вопросы об установлении валютного паритета, об унификации цен и другие. Свои соображения, предложения и «аргументы» они бросали Нако; Нако же из глубин трясины, в которую его погрузили, обрушивался на меня с радиограммами; «Помогите! Скажите, как мне поступать!».

При этом не следует забывать о важном факте. Во многих вопросах из области финансовой, технической, организационной и другой, мы еще толком не разбирались, да и не могли мы в них разбираться. Нам была ясна установка на развитие страны в соответствии с принципами марксизма-ленинизма, но как будут конкретно организованы совместные компании, какие были отрицательные и положительные стороны у этих компаний или же у таможенного объединения, валютного паритета и т.д., — по всем этим вопросам у нас не было нужного опыта, а по некоторым другим не было вообще никакого опыта. Нако, например, мы считали одним из главных экспертов, и я нисколько не хочу умалить ни его воли, ни его способностей. Но Нако, хотя бы как экономического работника, значит освобожденного от целого ряда других недостатков, надо рассматривать таким, каким он был в то время. Он не имел высшего экономического образования, не говоря уже о полном отсутствии у него опыта. Это все равно, что возложить на плечи молодого парня, учившегося в высшем учебном заведении два-три года,

разрешение столь специальных проблем целого государства, каким бы малым оно ни было. Теперь дело гораздо проще, ибо даже и если какой-то один человек, будь он руководителем учреждения, не может или не умеет руководить, партией создан большой и гармонический механизм, который работает в совершенстве, подключает молодого работника к работе и управлению, учит, квалифицирует его, не нанося ущерб делу. В 1946 же году дело обстояло совершенно иначе: большой механизм социалистической экономики был тогда еще в зародыше. К тому же перед нами были старые волки югославской экономики. Но это еще не все. Они уже давно думали над этим, консультировались, все подсчитали. Были они рядом друг с другом, собирались, консультировались, когда им угодно и сколько им угодно, и находили тысячу зацепок, чтобы сбить нас с толку.

Следовательно, в таких условиях Нако приходилось обращаться ко мне. Я, конечно, не могу претендовать, что в то время лучше Нако разбирался в «тонких» вопросах финансов, кредита, капиталовложений и т.д. Что же касается Кочи, то свои способности «экономиста» он полностью исчерпал, став интендантом складов в Панарите во время войны. Теперь на него лежали «другие заботы». Ему надо было проводить в партии и органах внутренних дел директивы Ранковича. Ему надо было втайне делать свое черное дело.

Как бы то ни было, мне обязательно нужно было давать Нако ориентации и указания, причем возможно более ясные и четкие. В тот период, среди уймы других дел, я прошел настоящий курс «интенсивного усвоения» экономических проблем. Целыми сутками читал я Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина — ту литературу на французском языке, которую нам удавалось приобретать и в которой трактовались вопросы экономики, вызывал специалистов по финансам и другим секторам (среди них я не забуду Наума Стралу), спрашивал их мнения, приходил, таким образом, к известному заключению и писал Нако:

— Осторожно, но ясно и определенно вырази товарищам наши большие оговорки в связи с вопросом устано-

вления валютного паритета. Скажи им, что разная степень экономического развития двух стран не создает возможности для правильного и реального уравнения нашего лека с их динаром. Такое уравнение было бы еще нереальное ввиду различий в уровне окладов между работниками обеих стран, в ценах на наши и ихние товары и т.д. Скажи им, что такой шаг, помимо всего другого, породит в народе много проблем социального и политического характера, ослабит веру масс в нашу валюту и т.д.

То же самое, я передал Нако наши конкретные, серьезные и аргументированные замечания, объяснявшие невозможность немедленной унификации цен, трудности и опасности, с которыми было бы сопряжено таможенное объединение и др. Я наказал ему подробно обсуждать эти вопросы с Кидричем, а если удастся, и с самим Тито и незамедлительно дать нам ответ. Но прошла неделя и от Нако не было никаких вестей.

В те дни по специальному приглашению съездил туда и Кочи Дзодзе, «чтобы оказать честь друзьям своим присутствием в празднествах по случаю 7 ноября»! Он тоже прислал мне радиограмму, в которой писал о том, как его встречали с помпой, об ужинах, на которых Ранкович и другие поднимали «по 30 тостов за здоровье Албании!», и даже хвалился тем, что на одном из официальных ужинов они выпили с югославскими товарищами до четырех часов утра, но Кочи до конца показал себя настоящим мужчиной и не осрамил нас!

Я не смог сдержать гнева:

— В своем ли они уме! — сказал я товарищу, принесшему мне радиограмму «товарища генерала». — У нас голова идет кругом, а они рассказывают нам о том, до какого часа выпивали. Где радиограмма Нако?

— Мы ее расшифровываем, — отвечает мне товарищ, — но оказали приоритет товарищу генералу, считая, что его радиограмма могла содержать срочные для вас сообщения.

— Ладно, ладно, — проговорил я, — но мне срочно нужен «товарищ план».

Наконец-то мне принесли радиограмму Нако. Поздно,

но зато первые два-три абзаца изобиловали нолями: «Импорт-экспорт 1 000 000 новых франков[1]; шахты — 2 000 000; банк — 4 000 000; нефть — 4 000 000; электричество — 2 000 000; железные дороги — 4 000 000!!

Черным по белому, все эти вереницы нолей представляли собой капиталовложения, которыми югославская сторона размахивала нам на 1947 год, обещая произвести их в шесть совместных компаний, которые предполагалось создать. Далее нам обещали еще три-четыре фабрики, товары широкого потребления и т.д. и т.п., а за этим следовали условия: эти ноли на бумаге обратятся во франки, или вернее, в кандалы в этом случае, если мы согласимся на создание компаний, на унификацию цен, на объединение таможен и т.д. и т.п.

Что же касается моих замечаний и моих оговорок, то югославы дали следующий ответ: «Проявление недоверия к братскому духу Экономической конвенции»!

Я снова собрал наших товарищей и мы принялись обсуждать то, что писал Нако. Но тот стал уже очень «торопливым». Утром следующего же дня мне передали радиограмму в полстроку:

«Срочно ждем ответа на вчерашний материал»!

Два-три дня подряд (это были последние дни ноября) одна за другой поступали лаконичные радиограммы Нако, «друзья» спешно требовали ответа, проект заявления был уже готов, причем его составление они возложили на Нако (!). Была установлена даже дата подписания заявления — 27 ноября. Только нашего ответа и ждали: да или нет! Между тем возвратился Кочи Дзодзе, который весь день, помимо описания своей отваги в схватке со шливовицей, не преминул широко афишировать свой талант в области глубокого понимания экономических проблем! Он клялся в том, что подписание конвенции будет иметь для нас значение тайны из сказки про Сюзама.

---

1 В первые годы после освобождения единицу нашей валюты составлял франк.

— Не следует проносить кусок мимо рта! — говорил он. — Они говорят «на», а мы боимся взять.

В этих условиях, наконец, мы сочли целесообразным сказать: «Сюзам, откройся!». 27 ноября конвенция была подписана. Дня через два Нако Спиру и группа его сотрудников принесли нам кипы писем, проектов, и, естественно, и вереницы нолей на бумаге.

С первой же встречи с Нако у меня еще больше усилились тревоги и подозрения по поводу сделанного нами шага.

За исключением кое-каких умеренных возбуждений, в целом тон Нако был мрачным и пессимистическим. Как и я, он полагал, что подписанные нами соглашения таили в себе для нас опасности и трудности. Он прямо сказал мне, что «друзья» совсем не давали ему времени думать и вникать в суть того, что ему преподносили, на наши замечания или предложения отвечали они кратко и нахмурив брови.

— Это всего лишь соглашение, — сказал я ему, — и считать будем, что оно подписано обеими сторонами с наилучшими намерениями. Теперь, когда начнется работа по его практическому осуществлению, мы увидим как положительные, так и отрицательные стороны каждого положения соглашения в отдельности. Мы будем вносить нужные поправки и примем необходимые меры к предотвращению любой опасности. Думаю, что югославские товарищи будут руководствоваться тем же духом.

— Навряд ли они признают какую-либо ошибку в своих мнениях и в своей работе! — сказал Нако с присущей ему иронией и пессимизмом.

Я посоветовал ему взяться за дело и сказал, что мы, с нашей стороны, должны все сделать осмотрительно, осторожно и бдительно, причем не только продвигая наши дела вперед, но и сохраняя и укрепляя интернационалистическую дружбу с народами Югославии и югославской партией.

В последующем мне время от времени приходилось говорить с Нако на эту тему и обо всем, что она повлекла за собой, и он так или иначе добавлял свои замечания и

оговорки относительно «искренности» югославских товарищей, иной раз готовился сказать мне что-то больше, но внезапно мялся и умалкивал, становился таинственным. Ясно было, что он что-то от меня скрывал. Поздно, после его самоубийства, особенно после VIII Пленума ЦК КПА, состоявшегося в феврале 1948 года, я узнал, помимо всего другого, еще один горький и потрясающий факт, связанный с «тайной», которую он готовился открыть мне, но так и не открыл.

Возвратившись из Белграда после подписания конвенции, он интимно сказал некоторым товарищам-членам своей интеллектуальной «элиты» (Лири Белишова, Фадиль Пачрами, Нико Опари и др.):

— Ну что? Говорит ли народ обо мне, что Нако Спиру продал Албанию Югославии, как Ахмет Зогу Италии?!

Что Нако Спиру отличался, как и многими другими пороками и заслугами, также то горькими и ироническими, то восторженными и эйфорическими выражениями, это сущая правда, выражавшая его противоречивый и сложный характер. В данном контексте и эти горькие, враждебные слова, сказанные им в интимных обстоятельствах в окружении членов его «элиты», находили одно из своих объяснений. Но он грубо ошибался при такой оценке и набивал себе высокую «цену».

Во-первых, никак нельзя было проводить сравнение между черным делом Ахмета Зогу и мотивами, которыми тот руководствовался, заключая соглашения с другими странами, и целями и мотивами, которыми руководствовались мы, заключая соглашения с Югославией.

Как я уже говорил, мы руководствовались, во-первых, самыми благими намерениями и исходили из того, что имели дело с социалистическим государством. Во-вторых, революция, которую мы совершили и постоянно углубляли, не давала возможности ни Нако, ни какому-либо другому отдельному лицу продавать или покупать Албанию, как это делал некогда Ахмет Зогу. Теперь партия была у власти, народ стоял у власти и они не могли допустить, как и не допускали, не то, что продажи Родины, но даже посягательств на ее свободу и независимость.

Но я думаю, что выражение Нако о «продаже Албании», обязательно имело, помимо этого, и другие, более веские причины, выходившие «за пределы» Нако. По всей вероятности, на белградских переговорах, длившихся целый месяц, он оказался перед лицом более суровых и более свирепых требований и нажимов, чем те, о которых он писал нам в своих радиограммах или рассказывал по возвращении на Родину. Быть может, «друзья» намекали и даже открыто требовали, чтобы тот подписал гораздо больше чем «экономические соглашения». Тот факт, что в самый критический период переговоров они «пригласили» в Белград и Кочи Дзодзе в «поддержку» или же для оказания давления на Нако — другой аргумент для такого предположения. Быть может, Нако уже понял, что этими соглашениями Югославия стремилась «связать по рукам» Албанию, невзирая на маски братской «помощи», которыми югославы намеревались камуфлировать такую базарную сделку. Нако отказался, но югославы напомнили ему в порядке угрозы и давления компрометировавшие его в наших глазах факты и документы из прошлого (его роль при бератских происках, тайные письма антипартийного содержания, которые он прислал им, и др.). В этом случае узость мещанского духа взяла верх над революционным духом Нако Спиру. У него не хватало смелости подробно рассказать нам о том, какие цели таили югославы, а говорил нам всего лишь о «некоторых оговорках» (у нас самих были не то что оговорки, но и серьезные замечания) и, с нашего разрешения, поставил свою подпись под целым рядом соглашений, зная, что они были неправильными, антиалбанскими. Итак, если Нако знал, что ему предстоит подписать такой антиалбанский документ, то его ошибка была непростительной, ибо он своевременно не дал знать партии о том, что скрывалось за конвенцией.

Более того, возвратившись на Родину, он не набрался смелости и силы подробно рассказать нам все, что мог знать и что наверняка знал.

Но факт, что после этого Нако стал держаться ближе ко мне. Часто приходил встречаться и советоваться со мною,

ставил проблемы (причем ставил их неплохо), работал прилежно и старался, чтобы дела в области экономики шли возможно лучше в интересах развития и укрепления нашей страны.

В это время в целях осуществления соглашения и особенно создания совместных компаний прибыла из Югославии группа специалистов, советников и техников по различным областям. Одновременно по нашей просьбе стали прибывать также советские советники и специалисты.

Итак, весь первый период 1947 года превратился в интенсивный период осуществления, помимо других задач, и задач, вытекавших из наших экономических соглашений с Югославией. В процессе этой работы нам предстояло увидеть все зацепки, которые таили в себе уже подписанные соглашения. Среди тех, что сразу бросилось нам в глаза, было явное искривление югославами характера таможенного объединения. Мы согласились на такое объединение и прилагали все усилия к тому, чтобы мероприятие это облегчало торговый обмен между двумя нашими странами. Предварительным условием предупреждения аномалий и беспорядков на рынке и во всем процессе торгового обмена мы считали соблюдение положения о том, что торговля между нами, правда, должна была осуществляться без таможенных тарифов, но зато всегда находясь в руках и под контролем государства; что как лек в Югославии, так и динар в Албании должны были обращаться и обмениваться не спонтанно, а на основе официальных контрактов; что предприятиям или частным лицам одной страны не разрешалось покупать в другой стране, что им захочется и сколько им захочется, помимо официальных контрактов, и т.д.

Югославы попрали и отвергли эти основные условия. Наши законные возражения они сочли за «капиталистические настроения» (!); за попытки «руководствоваться узкими интересами», за «нарушение духа дружбы» и т.д. В результате, под давлением югославов, открылись границы, в нашу страну хлынули югославские государственные и частные предприятия, как и контрабандисты из Черногории, Македонии, Сер-

бии и др., которые грабили на нашем рынке все, что можно было грабить, за бесценок. Вследствие этого происходило полное опустошение нашего рынка и заполнение банка мертвыми динарами. Впоследствии мы решительно выступили против этого настоящего разбоя (мы продавали товары и покупали динары!), но это факт, что рынок разорился. На накопленных динарах можно было только греться, ибо на свободном югославском рынке нечего было покупать. Тито и его присные уже приняли меры — все распределялось по пайку, так что на свободном югославском рынке можно было покупать всего лишь детские игрушки, куклы и свистки!

Одинаковые извращения видели мы и в других соглашениях. Было принято решение о создании «совместных компаний» и были сделаны даже первые конкретные шаги, однако партнеры хотели только грабить долю прибыли, ни единого динара не вкладывая в инвестиционные фонды. Предоставили они нам кредит в два миллиарда динаров, однако что же они реализовали из этого разрекламированного ими кредита? Почти ничего дельного. На основе этого кредита, помимо некоторых потребительских товаров, они должны были поставить нам, и поставили, еще три-четыре завода: один мыловаренный, один веревочный, один сахарный и, кажется, один мукомольный завод.

Что они из себя представляли и сколько они стоили?

Цены были установлены югославскими «экспертами». Обошлись они нам втридорога! Знаменитые «заводы» представляли из себя просто железо, даже не накрашенное как следует. На строительство сахарного завода в Корче мы истратили большие деньги, присвоили ему и почетное имя Али Кельменди, но он не работал ни одной минуты и не дал нам ни одного грамма сахара в полном смысле этого слова.

Веревочный завод состоял из каких-то орудий промыслового производства времен князя Николы. Несколько колес, несколько деревянных осей и тамбур для трепания конопли, которая пропала даром, так как нам никогда не удалось приготовить из нее не то, что веревки, но даже и шнурка.

Весь этот «завод» был смонтирован в каком-то сарае в Рогожине, и так по порядку.

Все это и многое другое, как я уже говорил, обошлось нам втридорога, так как за все нужно было платить нефтью, битумом, минералами и т.д. Однако нам следовало оставаться «довольными» этим грабежом, так как ради нас югославы «отказывали себе в самом необходимом», предоставляя нам «кредиты» (которые никогда не реализовались), и бесконечно давая нам другие «советы» и «ориентации» во всех областях жизни.

Давая такие «ориентации», они проявляли явную беззастенчивость, а порою становились совершенно смехотворными. К началу 1947 года мы направили в качестве министра при нашей миссии в Югославии Тука Якова, который заменил там Хюсни Капо, отозванного нами в Тирану, так как я считал нужным его мысль, волю и верность делу партии.

Итак, выехал Тук в Белград и на встрече с Тито в связи с вручением ему верительных грамот, ответив на вопросы маршала о климате и погоде в Албании, получил от него соответствующие наказы:

— Научись сербскому! — было первым наказом Тито, — ибо тогда тебе можно будет беседовать с глазу на глаз как со мною, так и с другими; старайся как можно больше учиться на нашем опыте и информируй нас о достижениях и нуждах Албании.

Настолько подробно знал Тито наше положение, что Тук был до глубины души растроган тем, что этакий маршал нашел время поинтересоваться даже овцами и козами Албании и собственными устами сказать ему, что козы уничтожают леса!

После этой «волнующей» встречи Туку устроили ознакомительный визит в Боснию-Герцеговину, где он так воодушевился всем увиденным и услышанным, что муза побудила его, помимо детальных писем об этом, самому приехать в Тирану и доложить нам об этом.

— В Сараево, — говорит он мне, — меня принял самолично заместитель премьер-министра Республики, кото-

рый порядочно побеседовал со мною и дал очень ценные советы. Они представляют интерес для наших условий.

— Да, да! — ответил я. — Послушаем их.

— Особенно о козах и баранах! — удивил меня Тук. — Они спросили меня, есть ли у нас козы и бараны местной породы, есть ли у них рога. Я ответил, что рога у них с прядильный гребень. «Знаете, что мы сейчас делаем? — сказали мне товарищи в Сараево. — Убираем традиционных коз и заменяем их войводинскими или мальтийскими. Каждая дает по 5-6 литров молока, они даже одной лишь травой питаются. Охапку травы — и 5 литров молока! И надой молока увеличиваем, и леса спасаем! Ведь козы леса уничтожают». — Затем, — продолжал Тук, — они поинтересовались нами и были потрясены моим сообщением о том, что многие семьи в наших деревнях имеют по 10, 20, а то и больше коз и овец местных, традиционных пород, и что в каждом стаде мы держим по два-три козла и барана.

Ну и «удивлял» меня наш министр этими «перлами», но больше всего «поражал» огромный интерес югославов к нашим козам и баранам! Все-таки я дал Туку продолжать, чтобы до конца выслушать чудо.

— Знаешь, что делали в Сараево? — говорит он мне все же про одно и то же. — Один породистый козел или баран оплодотворяет там целые стада. Там козлы и бараны больше не пасутся на воле. Они посоветовали нам делать то же самое. «Режьте, — сказали они мне, — козлов и баранов, даже и коз, ибо они уничтожают леса. Дадим мы породистый скот. Нам нужны и мясо, и шкуры, но особенно нужны рога! За рога мы больше платим»!

Я посмотрел Туку прямо в глаза, чтобы убедиться, в своем ли он уме, но тот говорил совершенно спокойно и серьезно. Сомнений не было, он говорил сущую правду. Югославы просили рогов! В этом нет ничего смешного или образного! Это было именно так, но зачем им нужны были рога — это долго оставалось для меня загадкой. Но придет день, когда Саво Златич войдет в мой кабинет и поставит передо мной длинный лист бумаги:

— Вы не соблюдаете договорных обязательств! — протестует он. — Вы не поставили нам тысячи тонн нефти!

— Знаю, — ответил я ему, и сожалею об этом. Но интересовались ли вы узнать причину этого? Нефть добывает совместная компания — наша и ваша. По контракту, вам надо было предварительно, еще год назад, поставить нам соответствующее бурильное и нефтедобывающее оборудование. Вами оно не было поставлено, а, как известно, нефть сама не бьет из-под земли.

Златич продолжал еще двумя-тремя товарами, затем невзначай уронил слово, о котором я почти совсем забыл: рога!

— Что, что? — переспросил я его. — Какой товар вы имели в виду?

— Несколько сотен центнеров рогов, — серьезно проговорил он. — Мы заключили контракт, но он не выполнен вашей стороной!

— О такой истории мне как-то говорил наш посол в Белграде, — ответил я ему, — но, правду говоря, это казалось мне настолько смешным, что просто не хотелось верить ему. Но раз это правда, скажите, на что вам рога?

— Как, на что?! — отозвался Златич, шокированный моей неосведомленностью. — Красивые гребешки и булавки, которые мы продаем и вам, из рогов-то изготовляются!

Я засмеялся в бороду, но вскоре оправился. Я был рад тому, что моя «неосведомленность» в этой области побудила меня предотвратить принесение коз, козлов и баранов Албании в жертву лишь потому, что друзьям нужны были рога[1].

Итак, мы должны были привыкнуть слушать со стороны «друзей» «обвинения» и жалобы также по фиглярствам вроде вышеприведенной и других аналогичных историй. А между

---

1 В «Белой Книге — Югославско-албанские отношения 1939-1948», опубликованной в Белграде в 1949 году, югославские официальные лица жалуются, в частности, на то, что «албанская сторона не смогла выполнить свои договорные обязательства о продаже югославской стороне 245 центнеров рогов».

тем подобные истории звучат смешными лишь теперь. Ведь, когда происходили, эти истории ставили нас перед серьезными трудностями и препятствиями.

Мы, естественно, не могли оставаться равнодушными, так что и столкновения с «друзьями» были неизбежными. Причем даже еще не поняв, что имели дело с разбойниками, стало быть, когда еще считали их друзьями, мы продолжали осторожно и искренне излагать им наши замечания и предложения о внесении соответствующих изменений, поправок и улучшений. Но они будто этого и ждали: собирали наши замечания, «выявляли» еще другие даже там, где их не было, и готовились к новой антиалбанской атаке. Прошло немного времени и мы оказались лицом к лицу с этой атакой.

За титовским обвинением в «двух линиях» и в «антиюгославщине» в руководстве КПА

Новый удар, известный в истории как первое обвинение Тито в адрес нашей партии, югославское руководство предприняло в конце июня 1947 года через своего главного представителя в Албании, пресловутого Саво Златича.

Этого высокопоставленного югославского миссионера, прибывшего к нам некоторое время назад в качестве представителя ЦК КПЮ при ЦК КПА, Тито и его приближенные рекомендовали, как «отличного» товарища, обладавшего «большим опытом партийной работы», как «эксперта по экономическим вопросам», как «квалифицированного организатора и координатора», и т.д.

Короче говоря, он был человеком, наделенным такими всесторонними способностями, что нам оставалось полагать, что Югославия ослабнет и многим пожертвует, посылая к нам такое «чудо», но зато окрепнет Албания!

На самом деле, Саво Златич был направлен к нам, чтобы руководить всей югославской деятельностью в Албании.

Он приехал к нам с намерением полностью взять в свои руки бразды правления для осуществления готовившегося титовцами генерального наступления на нашу свободу и неприкосновенность и, наверняка, в представлении Югославского руководства играл роль имперского наместника в «албанской провинции». *Де-юре* он занимался официальными связями в Албании, а *де-факто* — политическими, экономическими, военными, агентурными и другими вопросами. Все югославские граждане, работавшие в Албании в различных секторах, подчинялись его приказам. Он «отвечал» за любое партийное дело и за всякую другую работу работавших у нас членов Коммунистической партии Югославии.

Нужно отдать ему должное, был он большим хитрецом. Начал он свою работу весьма тактично и дипломатично. Умел прикидываться товарищем, не ставящим себе целью вмешиваться в дела Албании и нашей Коммунистической Партии.

— Но, — сказал он нам, — я всегда буду в вашем распоряжении, чтобы помогать вам всякий раз, когда вы это сочтете нужным.

Притворялся он спокойным, авторитетным, серьезным, говорил медленно, его слова были обдуманными, тщательно взвешенными и полными учтивости.

Вначале наши встречи с ним были очень редкими, а это, помимо его заботы о том, чтобы «не вмешиваться» в наши внутренние дела, объяснялось еще и незнанием языка.

На первой же встрече с ним я рассказал ему о положении в нашей стране и нашей партии, нарочно упомянул ему обсуждение в Политбюро вопросов о пересмотре происшедшего на II Пленуме ЦК партии, о не очень-то прочном положении в нашем руководстве (он все это знал, и знал даже больше меня, так как приезжал из Белграда), я рассказал ему и о расширении состава нашего Политбюро тремя новыми товарищами — Хюсни Капо, Гого Нуши и Кристо Темелько.

— На расширении состава Бюро, — пояснил я ему,

— настаивал я, ибо при той ситуации, которая сложилась из-за бератского Пленума, трудно было идти вперед. Новые товарищи непременно оживят наше Политбюро и способствовать будут искоренению всех старых недомолвок и искривлений.

Он внимательно меня слушал, ритмично кивал головой все время, говорил я об успехах или же недостатках, но не высказывался ни положительно, ни отрицательно.

Я оказал ему, что будем консультироваться с ним по различным вопросам, рассчитывая на его помощь. Сказал ему также, что другие члены Бюро время от времени могут обсуждать с ним различные вопросы. Он согласился с таким методом работы. но в основном его желание заключалось в том, чтобы принимать участие в работе Бюро. Но обжегшись один раз, мы взялись за ум. Одричан и Берат больше не повторятся.

Когда меня не было в Тиране (насколько помню, тогда я отдыхал), Саво Златич присутствовал на одном из заседаний нашего Политбюро. Там, под маской передачи своего опыта, он выступил по вопросу метода работы Бюро, особенно заострив внимание на экономические вопросы, на то, как надо изучать эти важные проблемы, как надо решать их.

Мне доложили, что на этом заседании Кочи и Нако разошлись во взглядах на экономическое положение нашей страны. В самом деле, это было единственным заседанием Бюро, на котором присутствовал Саво Златич. Между тем он устраивал встречи с разными членами Бюро. Встречи со мною просил через Кочи Дзодзе и мы втроем обсуждали выдвигаемые им проблемы. Вначале он вел себя на встречах очень вежливо и с тактом (так было до тех пор, пока он не перешел в атаку).

Что же сообщал он нам на этих встречах? Говорил о различных организмах, созданных в государственном аппарате Югославии, мимоходом комментировал взгляды Карделя на устройство советов и государственной власти (мы сами еще до этого были проинформированы о них), восхвалял вы-

ступления Тито по вопросу организации фронта, подчеркивая, что вопрос о фронте был «чем-то новым», которым Тито обогатил марксизм(!), и что все страны народной демократии должны были внимательно изучить и проводить в жизнь титовский опыт!

«Всезнайка» Златич старался производить на нас впечатление очень сильного во всех делах человека, но во мне постоянно укреплялось мнение о том, что его сила заключалась лишь в одном — в интригах. Его так называемая помощь сводилась почти к нулю. Как я уже отмечал, он сообщал нам давно знакомые вещи, причем и то, что сообщал, было кратким изложением директив, которые ему присылали из Белграда, как и изложением выводов, сделанных им после чтения статей или выступлений Тито и Карделя. Мы ни разу не замечали, чтобы он распространялся об этих вопросах, углублялся и говорил что-либо новое. Такова была природа «официальной» деятельности Саво Златича. Зато его работа по организации в кулуарах срыва нашего плана, по руководству молчаливой борьбой, которую он готовил против нас и против работавших в Албании советских советников, гражданских и военных, была огромной.

Подрывная работа против нас, как и работа по дискредитации советских советников, велась мало-помалу и непрерывно усиливалась при помощи югославских специалистов, инженеров, техников и всех сотрудников югославской миссии. Душой всей этой враждебной нам работы был Саво Златич, но он, будучи мошенником, принимал все меры, чтобы скрывать свою причастность к этой грязной работе. Как бы то ни было, наше дело шло своим чередом, развивалось правильным путем, несмотря на постоянные столкновения и трения с югославами в процессе практической работы. Такое положение, естественно, не приходилось по душе Центральному Комитету Коммунистической партии Югославии и его уполномоченному, Саво Златичу.

Особенно в первые месяцы 1947 года, когда мы на практике видели изъяны и извращения, содержавшиеся в соглашениях, или, как мы называли их тогда, в экономических

договорах с Югославией, мы начали решительно поднимать свой голос, требуя их исправления и пересмотра правильным, дружеским путем. Поскольку югославская сторона ничего не выполняла из заключенных контрактов, что могло привести к срыву плана 1947 года, в апреле месяце мы направили Нако Спиру в Белград с целью подробно обсуждать положение с «палой» югославской экономики, Кидричем, и его сотрудниками. Нако пришлось снова возиться, его снова забросали оправданиями и обещаниями. Но теперь наши замечания были продуманными, мы уже научились плавать и в водоворотах острых экономических проблем. Югославское руководство почувствовало, что мы могли раскрыть антимарксистскую и антиалбанскую суть заключенных соглашений, как и других его действий, так что во избежание нежелательной атаки, выбрало путь внезапной контратаки.

К середине июня приходит ко мне Кочи Дзодзе и говорит:

— Югославские товарищи недовольны нами.

— Недовольны? Почему? — спрашиваю я.

— Потому, что мы не заканчиваем дело с унификацией цен, а затягиваем его. Так сказал мне товарищ Златич.

— Но знает ли Златич почему мы его затягиваем? — спросил я Кочи.

— Я-то сказал ему несколько слов, — процедил сквозь зубы Кочи, — но он не захотел беседовать, а просто выразил недовольство.

Я не обратил внимания на этот факт, ибо тогда югославы бесконечно выражали недовольство по мелочам.

Однажды зашел ко мне Златич, этакий представитель ЦК КПЮ при нашем ЦК, и стал жаловаться:

— Ваш специалист посягнул на престиж Югославии.

— Неужели?! — спросил я. — Мы рассмотрим это дело, но прежде всего скажите мне, в каком смысле он уронил честь дружеской нам Югославии?

— Он сопровождал в Берате нашего специалиста по хлопководству и на глазах у земледельцев отверг советы нашего товарища!

— Ну, а советы вашего товарища каких вопросов касались? Политических? — нарочно спросил я.

— Нет, вопросов хлопководства, — ответил мне Златич с величайшей серьезностью. — Наш говорил «надо так делать», ваш говорил обратное.

— И вы это считаете посягательством на престиж?! — удивленно и в то же время иронически переспросил я. — Товарищ Златич, дайте специалистам заниматься своими делами, ведь это не уроняет престижа ни вашего, ни нашего, ни хлопчатника!

— Нет, нет! — настоял на своем Златич. — Надо глубже вникнуть в суть дел. Откуда это ваш товарищ знает все, что говорил о хлопке?! У вас ведь опыта нет. Выходит, что кто-то его научил. Получается, что он предпочитает либо свое мнение, либо, точнее говоря, мнение тех, кто его научил. Разве это не есть оскорбление Югославии?!

Я понял, что Златич имел в виду не нас одних. Этим «кто-то», который научил (?) нашего товарища, был, по мнению Златича, какой-нибудь из советских специалистов. Давно стал чувствоваться и этот «новый» способ оценки югославами наших позиций и наших действий. Всякий раз, когда мы выступали с каким-либо возражением, они тут же заключали, что нас «учили» советские, хотя, не умаляя их заслуг, сказать надо, что в 1946 и даже в 1947 году последние смотрели на нас скорее глазами югославов. Я дал Златичу заслуженный ответ. Спокойно, серьезно и в то же время осторожно посоветовал ему быть сдержаннее в своих выводах, все равно касаются они его сотрудников или же нас. Ушел он от меня, бормоча и даже попросил извинения за беспокойство, но, добавил он, я «руководствуюсь принципом, что мы с вами можем обо всем беседовать».

Позднее он снова приходил ко мне по поводу таких мелочей, но мы всегда расставались, «выяснив дело». Однако на сей раз «недовольство», которое они выразили мне через «товарища» Дзодзе, явилось сигналом к чему-то более серьезному. Дня через два или три приходит ко мне Нако и говорит:

— Товарищ Златич сказал мне, что в Албании кристаллизуется вторая линия в партии!

— Как, как? — удивленно спросил я и уставился на него глазами.

— По словам Златича, — спокойно и с некоторой иронией сказал Нако, — выходит, что у нас две экономические линии: линия Центрального Комитета, которая в принципе правильная и, наряду с нею, конкретизация на практике какой-то второй линии, идущей вразрез с линией Центрального Комитета!

— Странно! — заметил я. — Но чем он обосновывал это?

— Не привел какого-либо аргумента.

— А ты не спросил его?

— Он поставил вопрос в принципе, так что я не счел уместным зондировать его, — ответил мне Нако, побагровев.

— Неправильно! — сказал я. — Высказывание Златича не есть констатация, это обвинение. Ты должен был остановиться на этом вопросе и требовать с него подробностей.

— Верно! — сказал Нако. — Я не придал этому особого значения.

Я дал ему указание немедленно встретиться со Златичем и основательно поговорить с ним. Он так и сделал, в результате чего истина стала кое-как выясняться.

— Свое обвинение они обосновывают тем, что нами еще не произведена унификация цен, — говорит мне Нако. — В этом они винят экономический сектор, то есть меня. По словам Златича, было решено список цен на наши товары закончить к концу мая, но его пока-что еще нету. Исходя из этого, они утверждают, что это я мешаю осуществлению правильной линии Центрального Комитета, следовательно, провожу, мол, вторую линию в Центральном Комитете.

Мне показалось невероятным, чтобы этакое обвинение югославы основывали на такой вопиющей глупости, поэтому решил продолжить объяснения со Златичем, на этот раз прислав к нему вместе с Нако и Кочи Дзодзе, явно пользовавшегося симпатией югославских друзей.

К 20 или 21 июня они встретились со Златичем и доложили мне о беседе с ним, принеся даже письмо в двух страницах, в котором Златич приводил югославские «аргументы» в обоснование возведенного ими обвинения.

Все их аргументы по поводу «двух линий в руководстве» были чепухой на постном масле, но Кочи Дзодзе слишком принял их всерьез.

— Это очень серьезное дело, — говорит он мне в присутствии Нако. — Надо тщательно и серьезно относиться к нему. Я думаю, что это обсудить нужно в руководстве.

— Неужели и ты согласен, что Центральный Комитет ошибся, что у нас кристаллизуется «вторая линия»? — спрашиваю я его.

— Ведь я не то сказал! — понизил тон Дзодзе. — Югославские товарищи тоже не имеют в виду весь Центральный Комитет. Они даже говорят, что партийная линия в принципе правильная, но она искривляется на практике, становится антилинией. Это делают товарищи из соответствующего сектора. Товарищ Нако, как заведущий этим сектором, должен дать объяснения в Бюро.

Нако не находил себе места, разгневанный он набрасывается на него:

— Согласен, обсуждать будем в Бюро вопрос об «антилинии» в моем секторе и увидим, кто прав! Не забывай, что мы уже целый год хотим поставить в Бюро вопрос о твоем секторе, но ты пока что еще не представил нам материала об организационных вопросах!

— А ты не перескакивай на другую ветку, — вспыхнул Дзодзе. — Мы не об организационных вопросах говорим и я не допущу, чтобы там были две линии! Речь идет здесь об экономических линиях.

Я уже отмечал, что раздоры между ними уже давно начались.

— Здесь нет места нервозности! — сказал я им. — И я считаю, что обвинение нисколько не касается Нако. Оно гораздо тяжелее. Будем его обсуждать в руководстве, там мы как следует рассмотрим его.

Я сообщил партийному руководству об обвинении Златича, и оно отвергло его, да так, что даже Кочи Дзодзе не осмелился возразить. В первые дни июля я вызвал Златича, с которым имел продолжительную и острую беседу; насколько мне помнится, мы продолжали ее с перерывами целые два дня[1].

— Как с Кочи Дзодзе вначале, — сказал я ему, — так и с Нако Спиру позднее вы сделали — назовем его мягко — «замечание» о том, что у нас кристаллизуется вторая линия, идущая вразрез с линией нашего Центрального Комитета!

— Да, да! — согласился Златич.

— Эту свою серьезную констатацию, — продолжал я, — насколько мы поняли, вы обосновываете двумя аргументами: **во-первых**, тем, что мы должны были унифицировать цены в мае месяце, а дело это затянулось до конца июня и, **во-вторых**, тем, что в конце мая не были окончательно разрешены вопросы о зарплатах и разрешаются почти на месяц с лишним позже, значит, в июле. Не так ли? Или же я ошибаюсь?

— *Tako je, tako je!* — согласился Златич с наделанной вежливостью. — Я даже в письменном виде передал свои тезисы об этом вопросе! — добавил он.

— Вы еще придерживаетесь их? — спросил я.

— Конечно! — ответил тот.

— Если это так, то извините уж меня, — сказал я ему с вежливостью, в которой еле скрывался внутренний гнев, — но вы поспешили вашими суждениями, если вы искренно говорите то, что выдвинули.

— Прошу вас, — сказал он, — вы меня оскорбляете. Я посланец страны и партии, доказавших себя...

— Как раз потому, что вы их посланец, я сожалею о том, что вы уроняете их престиж подобными недопустимыми даже для совсем молодого товарища обвинениями.

---

1 Эта беседа состоялась 4 и 6 июля 1947 года.

Я заметил, что он часто изменялся в лице.

— Слушайте, товарищ Златич! — продолжал я. — Давайте поговорим спокойнее и посмотрим, что именно поспешно — ваше обвинение в адрес нашей линии или же мое обвинение в адрес вашего опрометчивого и необоснованного суждения. Вы обосновываете обвинения тем, что два «центральных» вопроса — вопрос о ценах и зарплатах, были разрешены нами не в конце мая, а в начале июля, с опозданием на месяц с лишним. Неужели из-за задержки на 30 дней вы предъявляете нам такие обвинения?! Это ниже всякой критики! Даже формальные акты, даже рассмотрение какого-либо письма затягиваются часто на несколько дней, не говоря уж о столь важных проблемах, связанных с экономикой целой страны. Мы — друзья, — продолжал я, — между нами установлены разные связи, которые постоянно ширятся. Перед нами стоят задачи по развитию и укреплению этих связей, как это они стоят и перед вами. Однако на практике бывает и так, что с некоторыми делами наши товарищи не справляются, тут и неумение, и медлительность, и халатность, и непонимание. Но ведь аналогичные явления встречаются и у ваших товарищей. В вашей стране также бывало и бывает, что по той или иной причине одна или десять проблем разрешаются не в предусмотренный срок. Если посмотреть на контракты, то таких примеров много. Не так ли?

— *Tako je!* — словно попугай повторил Златич.

— Тогда что? — спросил я. — Обвинить ваш Центральный Комитет в проведении «второй линии»? Обвинить вас в том, что говорите одно, а делаете другое? В таком случае вы рассердились бы, не так ли?

Он опустил голову, стал что-то записывать, но его излюбленного выражения «tako je» на этот раз не последовало.

— Дело в том, товарищ Златич, чтобы рассуждать правильно и с более ясным умом. Мы нисколько не возражали бы, если бы вы ставили перед нами поистине тревожные проблемы и аргументы, наоборот, мы поблагодарили бы вас. Но то, о чем вы говорите, не аргументы.

Я заметил, что он стоял как вкопанный и ждал иного случая возразить мне, поэтому я сказал далее:

— Даже и если задержку на месяц считать чем-то серьезным, возникает вопрос: хорошо ли рассмотрели вы причину такой задержки?

— Есть разные причины! — коротко ответил он.

— Согласен! — продолжал я. — Я приведу свои, а вы добавьте то, что не приведено мною. Что касается нашей стороны, то если и была какая-либо задержка, это потому, что некоторые вещи, связанные с ценами, наши низовые работники и даже работники центральных учреждений только теперь усваивают. Известно ли вам, что два-три года назад большинство тех, кто ныне занимается у нас делами государственного устройства, еле умело читать?! К тому же, поскольку проблема эта касалась соглашения, заключенного между двумя нашими странами, мы мобилизовали на завершение в срок этого дела лучшие силы наших экономистов. И потому лишь, что мы на месяц затянули это дело, вы обвиняете нас во «второй линии»! На наш взгляд, из-за такой затяжки нельзя прийти к выводу, что здесь имеет место извращение линии или же вторая линия. Можно говорить о чем угодно, лишь не о второй линии. Это, — сказал я ему, — не только мое мнение. Я выразил свое мнение руководству нашей партии, изложил я там и ваши «тезисы» и «аргументы», и все товарищи отвергли их, как несостоятельные, как неуместные.

Он оторвался от клочка бумаги, на которой вел записи, посмотрел на меня в упор и чуть не спросил: «Неужто все согласны с вами?!».

Но он снова втянул когти и умолк.

— И тем не менее, — продолжал я, — главная причина задержки вовсе не заключается в нас, в нашем неумении или же в нашей халатности. Главная причина это вы, ваши товарищи, начиная с Сергея Крайгера — главного представителя югославской стороны в экономических отношениях с нами, и вплоть до всех находящихся здесь его сотрудников и других ваших товарищей в Белграде.

— Как вы можете так говорить? — гневно нарушил молчание лисица Златич. — Вы обливаете грязью нашу помощь, наш вклад, вы ...

— Нисколько, — прервал я его, — давайте оставим в стороне общие соображения. Сошлемся на факты: Вам известно, что вопрос об унификации цен и заработных плат начал обсуждаться к концу января или в начале февраля этого года. В феврале мы спросили, как будут уравнены эти цены в Албании и Югославии. Крайгер и один из его помощников, Перович, представили нам в начале марта несколько списков уравненных цен и была достигнута договоренность приступить к совместной работе по установлению структуры наших цен. Но ваши товарищи затянули это дело до конца марта. Присланные вами к нам специалисты всего лишь тем и занимались, что разъезжали по Албании, ничего не сделав в этом направлении. А это мешало составлению нашего плана и бюджета. Крайгер настоятельно требовал установить наши цены второпях, в Тиране, тогда как мы и даже и помощники Крайгера говорили, что работу эту делать надо на местах. Была достигнута договоренность отправиться на места, на предприятия, но ваши товарищи предпочли Белград албанским местам. Возвратились они в Тирану к концу апреля, но уже с новым предложением: отказаться от шаблонной унификации цен в обеих странах, установить совместную структуру цен! Мы изучили ваши новые предложения, которые нашли более правильными, и в первые дни мая собрали всех наших экономистов и отправили их на места. Наши товарищи получили задание работу, требовавшую 4-5 месяцев, закончить менее, чем за месяц. В начале июня мы закончили нашу работу, конечно, так, как умели, и передали вашей стороне для рассмотрения. В середине июня нам были возвращены наши материалы со множеством новых замечаний и ориентировок, для обсуждения которых нам понадобилось бы по крайней мере 10-15 дней. Такова история, товарищ Златич. А вам-то история эта прекрасно известна. Поэтому я вправе спросить вас: зачем ваши товарищи задер-

живали это дело 4-5 месяцев? И по какому праву вашу же вину вы на нас взваливаете?!

Теперь Златич еле сдерживал себя.

— Можно искать причин и найти их, — ответил тот. — Но, несмотря на ваши соображения, я настаиваю на том, что проблемы эти можно было разрешить быстрее. Порядок унификации цен был изучен нами в Югославии, так что вам незачем было заниматься глубоким обсуждением и анализом этого дела на предприятиях. Надо было просто установить и у вас наши цены, минуя все этапы.

— Простите, — заметил я, — но вы, насколько мне известно, специалист и по экономическим вопросам! Как же это можно установить на наши товары такие же цены, что и в Югославии, если известно, что условия производства, сырье, квалификация рабочих, производительность труда, уровень технологии и т.д. и т.п. у нас совершенно различные?!

И все-таки, дипломатия творит чудеса. Златич сумел сжать губы и не проронить ни единого слова.

На основе таких аргументов я продолжал доказывать ему, что и в остальных вопросах, таких как унификация заработных плат, бюджет, наш план 1947 года и другие, вина за затягивание дела лежала вовсе не на нас, а на их самих.

— Если вы довольны своей работой, то вы ошибаетесь, — сказал Златич. — Выполнение плана возлагает на нас большую ответственность перед нашими народами, но и перед демократическим миром. Если мы будем не как следует выполнять их, то сам Сталин надерет нам уши. Я говорю, что вы не полностью мобилизовали свои кадры.

— Мы не можем кичиться, утверждая, будто все сделали, — ответил я. — Мы отдаем себе отчет в том, что нам предстоит еще больше работать, еще больше мобилизоваться и учиться. Однако, что касается обсуждаемых нами конкретных проблем, мы целиком мобилизовали свои силы. Многого вы требовали от нас упорно и поспешно, мы поручили всем

нашим людям проводить исследования, изучать данные вопросы, составлять списки, но как только они доходят до какого-нибудь рубежа, приезжает Крайгер и выдвигает новые варианты, приезжает Киро Григорьев и опрокидывает прежние ориентировки, давая новые, приезжает Перович и приносит множество других вариантов и тем для исследования. Понимаете ли вы, какая у нас создается обстановка?! Вместо того чтобы делом заниматься, наши люди занимаются никому не нужными исследованиями и планами. А виновны в этом не мы. Кстати, раз вы упомянули мне Сталина, я уверен, что если ему и надо будет кому-либо надрать уши за происходящее, то это будут не наши уши.

— Это сложные проблемы, — моментально отступил Златич, и я заметил легкую дрожь на его лице. — Если первые ориентировки изменяются, то это делается в пользу лучшей, более правильной ориентировки.

— Я вполне согласен! — сказал я, — но до каких пор будет продолжаться это?! Вы обвиняете нас в «двух линиях» за то, что мы, не по нашей вине, представили список цен с опозданием на 30 дней по сравнению с намеченной датой. Что же мы должны говорить о вас, если план 1947 года вы задержали до конца апреля и даже до сих пор еще не уточнили, что вы будете давать и чего нет за счет предоставленного нам кредита?! Вам прекрасно известно, что наш бюджет мы должны были утвердить еще в первые месяцы нынешнего года. Киро Григорьев обещал нам еще в апреле прислать специалиста по финансовым вопросам. Вопрос о нашем бюджете не решен и поныне, так как вы настаиваете на том, что его должны предварительно просмотреть ваши специалисты, поскольку этого требует координирование наших совместных планов. Что же нам остается сказать вам об этих задержках и препятствиях, продолжающихся уже 5-6 месяцев?!

Встреча долго длилась и в основном говорил я. Златич подавал какую-либо короткую реплику, старался защищаться, повторяя то, что сказал нам с самого начала:

— Я настаиваю на том, что кристаллизуются две линии!

Увидев, что и после приведенных мною подробных и конкретных доводов он настаивал на своем, не предъявляя со своей стороны никаких аргументов и не будучи в состоянии что-либо опровергнуть из изложенного мною, я сказал ему:

— Одно яснее ясного: что касается сугубо экономических вопрооов ваше обвинение в «двух линиях» несостоятельно. Быть может, вы имеете в виду что-либо другое?

— Свое мнение я уже выразил, — ответил тот. — Ведь к делу нельзя подходить просто так: экономические или же политические эти вопросы. Первые и вторые взаимосвязаны. Вы, например, при установлении своих цен не приняли тех списков и той методологии, которые были разработаны и переданы нами. Ваши техники и специалисты все начали сначала. Почему? Может, товарищи эти не верят в наши списки и в нашу методологию? Это мешает всему делу, ибо если у нас поступают так, а у вас иначе, то не может быть согласования между нашим и вашим планами. Это, по-моему, не хорошо. Собственно говоря, такая кристаллизующаяся тенденция выражает недоверие к Югославии. У меня есть и другие отдающие антиюгославщиной факты!

— Вы очень углубляетесь в проблему, — сказал я в ответ, — и не знаю, является ли это только вашим мнением. Из сказанного вами получается, что «две линии» составляют не проблему, связанную просто с нами, с экономической политикой нашего руководства, а проблему, связанную с вами. Оказывается, у нас есть одна «проюгославская» и одна «антиюгославская» линия! Это вы хотите сказать?!

— Не именно так, — попытался кое-что «смягчить» Златич, — но зато наблюдаются некоторые явления, некоторые тенденции, которые именно туда и ведут.

— Вы рассуждаете слишком опрометчиво и приходите к неправильным и вредным заключениям, — заметил я. — У нас есть одна и только одна линия как по нашим внутренним проблемам, так и по вопросу отношений с друзьями, в данном случае с вами. В моем изложении я доказал, что с нашей стороны не было ничего такого, что несправедливо про-

тивопоставлялось бы вашим мнениям, предположениям или запросам. Произошло обратное, если только хотим оставаться верными фактам. Не ищите в нас «антиюгославщины». К правильным дискуссиям, возражениям или недоговоренности по различным проблемам, будь это экономические, политические, технические и другие, мы никогда не можем приклеивать ярлык «антиюгославщины» или «проюгославщины». Если у вас имеются другие аргументы или факты, приводящие вас к таким выводам, то давайте обсудим их.

— Нет, случай здесь не подходящий. Я остаюсь при прежнем мнении. Хочу лишь добавить, что все делаю в интересах нашей дружбы. Между нами существуют особые связи и мы должны сохранить и укреплять их. Нельзя допустить, чтобы какие-то техники или специалисты подробностями и манерами своего ремесла сбили нас с генеральной линии.

— С нашей стороны этого никогда не произойдет, — заметил я. — Но мне тоже, раз мы завершаем эту встречу, хочется повторить вам: Выражаю сожаление по поводу того, что вы продолжаете настаивать на таком выводе, которого вообще вам не следовало высказать. От имени руководства нашей партии заявляю, что мы не принимаем его, так как он совершенно ошибочный.

На этом и кончилась встреча, которая еще больше укрепила во мне убеждение в том, что дела с югославскими товарищами обострялись и становились все более сложными. Они незаслуженно обижали нас. Почему, спрашивал я себя, и после наших подробных и обоснованных разъяснений они стоят на своем?! Что же скрывает такое настояние Златича на абсурдных обвинениях «в двух линиях»?! И что же заставило его прибегнуть к такому давлению как раз в эти моменты?!

Но вскоре начало проясняться все подозрительное и темное, оставшееся после обвинений Златича и моей встречи с ним.

Дня два или три после моей встречи с ним к нам поступила одна из самых радостных вестей: Москва пригла-

шала правительственную делегацию НР Албании, возглавляемую мною. Нам предстояло выехать туда к 12 или 13 июля 1947 года.

Я сообщил об этом Златичу накануне отъезда, и на меня произвело глубокое впечатление то, как он встретил мое сообщение: он чуть-чуть передернулся, нахмурились брови, и я заметил, что улыбка, которая появилась на его лице, была деланной, напряженной улыбкой.

— Рад этому, — спокойно и холодно сказал тот. — Быть может, вам представится случай встретиться со Сталиным.

Это был подходящий момент иронически добавить: «Чтобы он надрал нам уши», но я сдержался. И тем не менее, у меня возникло подозрение, что он заранее, быть может, раньше нас самих, знал о том, что мы поедем в Москву. Тут же в голову пришло много вопросов: Не прибег ли Златич несколько дней назад ко всем этим обвинениям и давлению потому, что знал о скором посещении нами Москвы?! Не видел ли он как раз в этом визите признак «антиюгославщины»? У меня были основания подозревать его во всем этом, и время подтвердило, что мои подозрения были более чем реальными, причем слишком бледными по сравнению с горькой действительностью.

Наше желание направить в Советский Союз делегацию высшего уровня было пламенным, давно кипевшим в наших сердцах желанием. Как любой коммунист, я лично тоже с нетерпением ждал случая увидеть родину Октябрьской революции, совершенной под руководством великого Ленина, и на месте знакомиться с опытом советов, учиться у них и непосредственно слушать слова, советы или замечания великого Сталина. Мы были его учениками, мы намеревались внимательно прислушиваться к каждому его слову. Короче говоря, наша поездка в Советский Союз была не только желанием, но и необходимостью. Мы считали, что были достойными чести посетить Советский Союз, мы заслужили это своей борьбой, линией, которую проводили, путем, по которому стремились вести Албанию. Такое желание мы высказали и

советским товарищам, находившимся в первые годы в Албании, мы просили также помощи Коммунистической партии Югославии, а позднее, когда были открыты посольство Советского Союза в Тиране и наше посольство в Москве, тем или иным путем мы высказали свое желание и официально.

Ответы сопровождались улыбками, но улыбки ни о чем не говорили. Отчего же так?! Быть может, нам мешало в этом какая-либо ошибка на нашем пути и в нашей работе? Безупречными мы не были, но мы не находили какой-либо причины, которая явилась бы помехой на нашем пути. К тому же мы не понимали еще одного: если у нас были ошибки, то почему они не говорили нам об этом открыто, как коммунист коммунисту?

Правду мы должны были узнать поздно. Помехой на нашем пути в Москву становились югославы.

Сами Тито и его присные чего только не делали, чтобы путь к Сталину как можно дольше, а по возможности, навсегда оставался для нас закрытым.

Они стремились создать всеобщее мнение о том, что для нас «центром» всего являлся Белград, что Тито был для нас «Сталиным и куда больше Сталина»! К сожалению, эта тогдашняя пропаганда оставила свои следы. К тому же, верные агенты титовцев, такие как Кочи Дзодзе, Панди Кристо и другие, восприняли как свое и пропагандировали это положение, но и среди ряда других товарищей утверждалось мнение о том, что «встречаться со Сталиным может Тито», а мы «должны встречаться лишь с Тито», что «нам незачем ездить в Москву, туда за Югославию и Албанию ездит Тито, который излагает Сталину как свои, так и наши заботы».

Выражение «Путь в Москву проходит через Белград» стало в тот период модным в суждениях и мыслях не только югославов, но и их агентуры в наших рядах и оно утвердилось даже в умах некоторых других товарищей.

По возвращении из одной поездки в Белград, которые были многочисленными, как-то Кристо Темелько приходит ко мне «докладывать».

— Приняли нас как нельзя лучше! — восторженно стал рассказывать он. — Состоялась там большая встреча с югославскими руководителями, куда пригласили и нас. Речь шла о перспективах Белграда, и Тито сказал, что Белград разрастет и расширится, станет центром Балкан. «Сюда, — сказал он, — будут приезжать за опытом все новые европейские демократии».

Тогда только что было основано Информбюро и, как известно, вначале центром его определили Белград, причем выходил там и теоретический орган Информбюро «За прочный мир, за народную демократию!». Это и побудило Тито и компанию усиленно пропагандировать себя и Белград как центр Балкан и Центральной Европы и даже как «центр народных демократий»! Такой факт они использовали особенно в отношении нашей страны, чтобы закрыть нам двери связей с другими братскими странами и полностью держать нас привязанными к Югославии.

Странно! Всякий раз, когда мы высказывали мысль о том, чтобы направить делегацию в Советский Союз, Болгарию, Чехословакию и т.д., югославы испытывали нескрываемое раздражение. И когда, наконец, какой-либо делегации низшего уровня удавалось съездить в ту или другую из этих стран, то она либо «оказывалась» под опекой, либо подвергалась мафийской слежке со стороны югославов. Скрытые цели Тито по отношению к нам и другим требовали, чтобы на международной арене мы, и когда говорили собственными устами, говорили то, что приходилось по вкусу югославам, повторяли то, что нам диктовали югославы в Белграде. А когда мы отказывались от такой «рабочей практики» с суфлером, люди Тито разражались протестами.

Так произошло с посетившей Советский Союз в мае 1947 года культурной делегацией, в состав которой входили Нако Спиру, Неджмие Ходжа и другие. Не успела наша делегация как следует устроиться в гостинице, как югославское посольство в Москве подняло тревогу. Югославский

посол попросил срочной встречи с нашим послом в Москве, затем югославский военный атташе попросил встречи с албанским военным атташе, жены югославских дипломатов приставали к женам наших дипломатов, как банный лист, а югославские студенты приставали к албанским студентам: «Зачем ваша делегация приехала в Москву?», «С кем она встречалась?», «Не была ли она вчера у Молотова?», «Нам говорили, что ее хорошо встретил Микоян, что она подписала также какое-то экономическое соглашение» и т.д. и т.п. Радиограммы, поступавшие от наших товарищей в Москве, потрясали и беспокоили нас. И, как будто этого еще не хватало, несколько дней спустя после возвращения делегации в Албанию, югославский посол в Москве совсем нагло заявил нашему правительству протест по поводу поездки албанской культурной делегации в Советский Союз! Он назвал эту поездку «нарушением достигнутой с югославией договоренности» и отдал приказ о том, чтобы в любом другом аналогичном случае предварительно просить благословения Белграда[1]!

— Тито и его присные особенно старались закрыть мне все пути установления связей с братскими партиями и странами и прежде всего с Советским Союзом. Как выяснилось, «мою проблему» они довели до самого Сталина, исказив

---

1 В частности, в связи с поездкой албанской культурной делегации в Советский Союз югославский посол в Москве высказался буквально так: «Необходимо хорошо уяснить себе, что обе наши страны связаны узами широкого экономического соглашения. Мы не понимаем, как это можно, чтобы в условиях, когда мы так связаны в экономическом отношении, вы хотите заключить другие экономические и торговые соглашения с другими странами, мы не можем понять, как это без предварительной консультации с нами, без предварительной договоренности с нами вы занимаетесь подобными действиями. Вы могли бы заключать такие соглашения в случае отсутствия соглашений с нами. Это не хорошие действия, больше так делать нельзя, это несовместимо с нашими соглашениями». (*Радиограмма о встрече с югославским послом в Москве, состоявшейся 5 июня 1947 г. ЦПА.*).

и поставив головой вниз всю обстановку в нашей стране. Сами Кардель и Гьиляс засвидетельствовали это. Они пишут в своих воспоминаниях, что, когда Тито посетил Москву в 1946 году, Сталин, видите ли, сказал ему: «У меня из Албании несколько запросов пригласить в Москву официальную делегацию во главе с Энвером Ходжа» и продолжал, мол, говорить Тито, что «мы до сих пор колебались, так как нехорошо их знаем», что «среди руководства албанцев имеются разногласия», что «тамошние товарищи требуют (?!),чтобы вместе с Генеральным Секретарем, приезжал в Москву и Кочи Дзодзе, являющийся секретарем по оргвопросам!» и т.д. и т.п.

Имела ли место такая беседа и как она фактически проходила, я об этом не в курсе и за это ручаться не могу. На различных встречах, которые я имел со Сталиным в 1947 году и в последующем, он ни разу не упоминал мне об этой беседе, которую, как утверждают, он провел-де с Тито и его присными. Это факт, что мои связи со Сталиным стали весьма сердечными и интимными. а Сталин был из тех, кто не боялся правды, какой бы она ни была. Поэтому даже и если имя Кочи Дзодзе было упомянуто на этой так называемой встрече, то его, наверняка, упомянули Тито, Гьиляс и Кардель. Они-то да, как свидетельствует вся история, еще к концу войны всеми средствами добивались того, чтобы Кочи Дзодзе везде занимал ключевые посты. Разумеется, Тито и Гьилясу незачем было не преподносить и Сталину свое мнение и грезы о своем любимце, представляя ему истину в искаженном свете. И позднее, чтобы «отвлечь» внимание от истины, они без зазрения совести приписывали свои заговоры Сталину, хотя Сталин ничего и не знал о том, что в Албании существует какой-то Кочи Дзодзе.

Но дела обернулись так, что Кочи Дзодзе, этот любимец Тито, еще в июле 1947 года был «удостоен» чести, которую югославы старались оказать ему: посредством их вмешательства он отстранил Нако Спиру и приехал в Москву в ка-

честве заместителя главы делегации, присутствовал также на встречах со Сталиным, но все время оставался балдой. Он не проронил ни единого слова, и хорошо помню, что Сталин не проявил к нему никакого интереса. Если бы Сталин хоть что-либо знал, он замолвил бы словечко о нем, задал бы ему вопрос, хотя бы для удовлетворения любопытства в отношении этого человека, представлявшего «пролетарскую совесть» КПА!

О незабываемых встречах со Сталиным я подробно писал в отдельной книге воспоминаний[1], поэтому здесь хочу отметить что-то другое: визит нашей делегации в Москву в июле 1947 года послужил мощным катализатором, способствовавшим еще лучше вывести на чистую воду всю гнусность, которую белградские ревизионисты скрывали в отношениях с нами. Это стало очевидно как только мы возвратились в Тирану.

В те дни Златич под предлогом того, что ему нужно было изучить какие-то вопросы, связанные с проектом нашего пятилетнего плана, готовился выехать в Белград. Я осведомил его о том, что Советский Союз предоставил нам кредит и рассказал ему особенно о наших впечатлениях, о том, как нас встречали советские товарищи, какую большую радость мы испытывали, увидев товарищей Сталина, Молотова и всех других советских руководителей, и т.д. Все это он слушал с большим недовольством, с ледяным холодом. Я сказал ему также, что наш министр, Тук Якова, специально отправился в Белград с письмом, в котором Тито информируется о соглашении, заключенном в Советском Союзе.

Златич съездил в Белград, и, естественно, осведомил Тито обо всем этом и, хотя Тук Якова трижды просил встречи с Тито, так и не был принят им.

Такое холодное обращение побуждало нас к более глубоким размышлениям. Мы сами вернулись из встреч со

---

1 В книге «Со Сталиным (Воспоминания)», изд. на рус. яз., Тирана, 1979.

Сталиным преисполненные еще большего энтузиазма и веры в правильную линию, которую мы проводили. Это факт, что ни Сталин, ни другие товарищи, как Молотов и Жданов, с которыми мы встречались, ничего плохого о Тито и его людях нам не говорили, но зато не говорили о них ничего особого в положительном смысле. И лишь когда я упомянул Сталину о нарушении нашего воздушного пространства югославскими самолетами, тот сказал мне:

— Ваш народ недоволен отношениями с Югославией? Ведь это хорошо, что вы граничите с дружественной Югославией.

За исключением этого момента, ни разу не были упомянуты ни Югославия, ни наши отношения с ней. Но, судя по мыслям, высказанным Сталиным относительно выдвинутых нами проблем, мы заметили глубокое противоречие между ориентациями, которые нам давали югославы, и ориентациями, которые теперь давал нам Сталин. Так, Сталин был вполне согласен с нашим курсом на социалистическую индустриализацию Албании, на механизацию сельского хозяйства, он пообещал и щедро оказал нам запрошенную помощь, ориентировал нас на расширение связей с другими странами и особенно со странами народной демократии и т.д. и т.п. Более того, манеру Сталина разговаривать с нами и давать нам советы, его тон нельзя было и сравнивать с повелительным и кичливым тоном югославов.

Все это мы уже спокойно анализировали, прибегали к сопоставлениям и выносили соответствующие выводы. К числу первых принятых нами в этот период мер относится и более ясная ориентировка нашей работы по составлению проекта пятилетнего плана. Естественно, его мы должны были основывать на наших тогдашних источниках и возможностях, но, что касается помощи извне, мы не собирались ограничиваться только «обещаниями» и «ориентировками», данными югославами. При составлении этого проекта учитывался также кредит, предоставленный нам Сталиным.

Между тем югославы развернули против нас настоящую

кампанию давления и ударов. Как сотрудники югославской миссии в Тиране, так и югославские специалисты в ведомствах или же на экономических предприятиях совершенно открыто выражали недовольство и даже «удивление» по поводу того, как это мы пошли на заключение торгового соглашения с Советским Союзом! Этот наш более чем законный и, пожалуй, запоздалый акт они считали «нарушением духа албанско-югославского соглашения», актом, который приведет нас к разорению! На одной из «рабочих» встреч югославский «уполномоченный по экономическим вопросам» в Тиране Сергей Крайгер без обиняков сказал нашим товарищам:

— Албания это своего рода часы, к которым не подходят какие угодно детали. Из них одни могут быть лучше, другие — хуже, но зато все они должны быть одинаковой марки! Не может быть так, чтобы одни были югославскими, другие — какого-либо другого производства. Раз у вас заложена некоторая югославская база, значит все, что будет построено на этой базе, должно быть исключительно югославским!

Через своего временного поверенного в делах, Драго Космерлий, заклятого врага Советского Союза, югославская миссия в Тиране официально заявила после нашего возвращения, что «политика албанского правительства в отношении Югославии претерпела изменения со времени возвращения генерала Ходжа из Москвы».

Все это мы слушали с тревогой, смешанной с огорчением. Еще больше потрясали нас поступавшие с мест вести. Осторожно, со смущением (и это было понятно), но зато открыто наши товарищи с мест говорили нам уже не о случайных, а о задуманных и запланированных югославскими специалистами повреждениях. Мы, например, давно решили и договорились с югославской стороной о том, чтобы торжественное введение первой очереди железной дороги Тирана-Эльбасан состоялось 7 ноября 1947 года, в честь 30-летия Октябрьской революции. В августе и сентябре югославская сторона на «аргументах» доказала нам, что это недо-

стижимо. Мы, с нашей стороны, выполнили работ в два или три раза больше наших обязательств с тем, чтобы не оставить им ни одной лазейки. Они под всякого рода предлогами предъявили нам тысячу требований, а, когда мы полностью удовлетворили их, они возразили:

— Шпал нет!

Мы мобилизовали большие силы, которые взяли топоры и отправились леса валить. Доставили мы и шпалы, но югославы их не приняли.

— Они не заклеймены нашими специалистами на месте! — сказали они.

Мы подготовили другие, и, наконец, и шпалы были обеспечены. Они стали искать других предлогов. Тогда наши парни, которым надоело все это, заявили югославским «специалистам»:

— 7 ноября поезд пройдет. Если не будет хватать шпал или рельсов, то мы договорились лечь на трассу и пусть поезд пройдет по нашим телам. Но данное партии слово мы сдержим!

Этот блестящий революционный дух наших людей наполнил нас верой и удесятерил наши силы в борьбе за решение множества трудных проблем тех лет. Нам было не до подозрений и изыскания «оправданий» и «аргументов», чтобы скрывать вину друзей. Мы все более и более убеждались в том, что не имели дело ни с «ошибающимися» настоящими коммунистами, ни с друзьями.

Все было хорошо подсчитано и согласовано ими. Уже настало время глубоких размышлений. Мы проявляли слишком большое великодушие, слишком большое терпение, слишком большую искренность в отношениях с ними.

Мы все объясняли ошибками отдельных лиц, «специалистов» и сгорание больших количеств газа в Кучове, и бурение скважин безо всяких критериев и предварительных расчетов, и рогатки и всякого рода волокиту в связи с железной дорогой, и потерю «по пути» кредитов в миллионы динаров (нам говорили, что они «были отправлены» из Белграда,

но неизвестно, где застряли»), и застой в работе по сооружению Селитской гидростанции[1], и заржавленный хлам, обнаруженный нами под краской, которая была наведена на «пресловутые фабрики» и т.д. и т.п. Вначале даже возведенное Златичем обвинение в «двух линиях» и в «антиюгославщине» мы сочли за его личный вздор. Но теперь все прояснялось. Выяснялось, что мы имели дело с подрывной, антимарксистской и антиалбанской деятельностью, запланированной и руководимой белградскими лидерами с целью осуществления их старых замыслов: сдержать развитие нашей экономики и целиком поставить ее в зависимость от югославов, дискредитировать нашу партию в глазах широких народных масс, как «партию, неспособную управлять страной и судьбами народа», дискредитировать партийное руководство, как неспособное справляться с ситуациями, и обличить всех тех руководителей, которые служили помехой на пути к осуществлению их планов. В то же время они задались целью подорвать веру и любовь нашей партии к Советскому Союзу, конкретнее — подорвать наше доверие к советским советникам, опорочить этих советников и заставить нас потребовать, чтобы они ушли от нас. Это привело бы к изоляции нашей страны и нашей партии от Советского Союза и социалистического лагеря, вызвало бы у братских партий иллюзии и дурное мнение о нас, так что мы, оказавшись в одиночестве и сбитые с пути, не смогли бы избежать югославской западни.

Летом и осенью 1947 года попытки Тито и его присных к осуществлению этих целей стали как никогда лихорадочными. Первое обвинение, возведенное на нас через Златича, составляло подготовительный этап этого генерального наступления. Наше решительное возражение против такого обвинения, наша поездка в Москву и бесконечные трения с югославами по множеству вопросов после нашего возвращения из Москвы — все это привело белградское руководство к

---

1 Позднее была названа Гидростанция им. Ленина.

заключению о том, что ждать было некогда. Албания могла ускользнуть у них из рук. Спешно готовился уже следующий, самый большой и самый опасный дотоле удар по нашей партии и нашей стране.

VI

ТИТО ПРИСТУПАЕТ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЛАНА ПОГЛОЩЕНИЯ АЛБАНИИ

Второе обвинение Тито... «ЦК КПЮ недоволен отношениями с вами» ■ Острый спор с посланцем югославского руководства. Тито стремится превратить «федеративные Балканы» в сосредоточенную в его руках «державу». Требование о высылке советских советников ■ О пресловутой Координационной комиссии ■ Тито решает жертвовать бывшим его агентом — Нако Спиру. Кочи Дзодзе берет реванш. Дальнейшее обострение положения в нашем Политбюро ■ Почему Нако Спиру кончил самоубийством? Белград добивается устранения Генерального Секретаря КПА ■ Начало яростного наступления на КПА, ее руководство и проводившуюся ею линию. Кочи Дзодзе и Панди Кристо в борьбе за осуществление замыслов Тито.

Период с начала ноября 1947 года по март-апрель 1948 года останется в истории как один из самых тяжелых и самых опасных периодов, которые когда-либо переживали наша партия и наш народ. Это были месяцы, когда мы оказались лицом к лицу с окончательной битвой, развернутой титовцами с целью ликвидировать КПА и аннексировать

Албанию. Однако, битва эта имела особое значение не для одних только титовцев. Она явилась и для нас одной из самых жестоких, но и самых славных битв против современного ревизионизма.

Тито и компания перешли в наступление на очень хорошо знакомой им почве. 5-6 лет взаимных связей с нами дали им возможность хорошо узнать, где были у нас слабые, а где сильные стороны, кто из нас был их противником и на кого могли они опираться. Совсем обратное происходило с нами. Мы только что пришли к заключению, что имели дело с руководством партии, не придерживавшейся правильного, ленинского пути, по крайней мере в отношениях с нами. Однако, наихудшее в том и состояло, что наше заключение о югославском руководстве, как о руководстве, вероломно относившемся к нам и проводившем антимарксистскую и антиалбанскую линию, нельзя было открыто высказать тогда даже и в нашем Политбюро. Внутри Политбюро существовало и старалось взять полный реванш проюгославское лобби с Кочи Дзодзе во главе. Это побуждало нас определять и осторожно применять хорошо обдуманные тактические приемы, двигаясь вперед, но тем не менее в пользу дела и с учетом тогдашних условий мы вынуждены были говорить в наших заявлениях и кое-какое хорошее слово в адрес югославских «товарищей» и титовской Югославии.

С другой стороны, в этот период, как и во всех наших схватках с югославскими ревизионистами, мы оказались почти одни перед жестокими врагами, у которых был опыт в подлостях и злодеяниях. В те трудные моменты никто не оказался рядом с нами, чтобы сказать нам, хорошо или не хорошо мы поступали, были мы правы или нет в том, что сопротивлялись белградским руководителям. Конечно, говоря «никто», я имею в виду конкретные партии, конкретных товарищей братских партий, ибо нельзя отрицать большой фактор, который всегда был с нами: марксизм-ленинизм. Сопоставление наших позиций и действий с путеводной

теорией пролетариата подсказывало нам, что единственным спасительным путем было решительное, но зато осмотрительное и осторожное сопротивление наступлению Белграда. Однако, в силу как тогдашних моментов, так и небольшого имевшегося у нас опыта мы время от времени спрашивали себя: «Не ошибаемся ли мы? Разве другие, особенно руководство КПСС, не понимают, кто такие белградские руководители?!».

Как бы то ни было, острие ножа вонзалось в нашу кость, так что сложа руки мы сидеть не могли. Итак, мы вынуждены были одни выдержать натиск Белграда. Все это сделало финал нашей первой схватки с современным ревизионизмом куда труднее и сложнее, чем другие схватки, в которые мы вступили позднее. Следовательно, в этой первой схватке мы вынуждены были также отплатить «дань» прошлому — нашей прежней, чрезмерной вере и искренности, отсутствию опыта, отсутствию надлежащей идейно-политической подкованности, отсутствию непосредственной помощи и поддержки со стороны других и т.д. В силу этого и других причин были на время поставлены под серьезное сомнение существование партии, свобода и независимость Родины, дело революции и социализма в Албании.

Однако все это мы вполне успешно преодолели. Из первой непосредственной схватки с титовским вариантом современного ревизионизма мы вышли победителями. И, когда в апреле 1948 года нам попали в руки письма ЦК КПСС к югославскому ревизионистскому руководству, мы испытали большое и законное удовольствие. В принципиальном содержании этих писем мы увидели, в частности, подтверждение правоты развертывавшейся нами борьбы. И это происходило в такое время, когда мы ничего не знали о том, что такую же борьбу давно вело против белградских ренегатов и руководство КПСС со Сталиным во главе. К общему знаменателю нас привела верность наших партий марксизму-ленинизму. Именно здесь, а не в чем-либо другом находит себе объяснение полная и немедленная солидари-

зация нашей партии и нашего народа с письмами ЦК КПСС. Этим объясняется и «удививший» многих другой факт о том, как это мы так быстро и последовательно свели счеты с титовцами. Но это относится к последнему периоду этой битвы и подробнее я расскажу об этом в нужный момент. Но давайте вернемся к началу битвы.

Второе обвинение Тито в адрес КПА

В начале ноября 1947 года Саво Златич прислал мне письмо, в котором говорил, что ЦК КПЮ поручил ему вести со мною «и с товарищем Дзодзе» беседу «о некоторых вопросах албано-югославских отношений». Передав приказ, он, как дипломат, не забыл закончить письмо словами, что «каждый день будет в нашем распоряжении» и что, ожидая от меня ответа, считал за «великое счастье» передать мне свой привет «хорошего товарища».

Как из серьезности, с которой Златич передавал «приказ ЦК КПЮ», так и из его привета «от хорошего товарища», которым он кончал шесть своих телеграфных строк, я понял, что его сообщения будут чрезвычайно важными. Вызвав к себе Кочи, я дал ему записку Златича и на следующий день, 6 ноября 1947 года, мы оказались лицом к лицу с «хорошим товарищем».

— То, что я вам сообщу, — угрюмо начал он беседу, — это формулировки, сделанные на основе последнейших заключений ЦК КПЮ в связи с нашими отношениями. Еще вначале хочу также отметить, что об этом знает товарищ Тито и что с вами я говорю от его имени.

Кочи Дзодзе кивнул и посмотрел мне в глаза. Быть может, про себя он и думал: «Теперь тебе не увернуться!». Между тем Златич начал:

— Центральный Комитет КПЮ заключил, что за все это

время наши отношения не удовлетворительные. Более того, они не только нетесные и непрочные, но даже и неясные. Наблюдается общий упадок в наших связях, особенно экономические связи очень слабые. Что касается наших совместных компаний, то в них имеют место между партнерами такие столкновения, что арбитражной комиссии приходится все время вмешиваться. Отношение к югославским техникам столь плохое, что время от времени совершаются даже очень беспокоящие нас акты. Я должен сказать, что ваши люди, албанцы, не извлекают пользы из югославской помощи, да и не хотят ее. Имеются люди, которые боятся сотрудничества с нами и нашей помощи. Вместо того чтобы мы прилагали совместные усилия к преодолению препятствий, некоторые албанские товарищи недружелюбно к нам относятся. Они всегда упоминают обязанности Югославии, занимая при этом либеральную позицию по отношению к обязанностям, которые должны выполнять вы сами, албанцы. Центральный Комитет КПЮ недоволен такими столь нехорошими отношениями и мы задаем вопрос: Не желает ли враг этой ситуации, то есть, не ведется ли такая работа с тем, чтобы угождать врагу?

Мне кровь бросилась в голову и я хотел было вмешаться, но Златич «попросил» меня дать ему закончить сообщение о заключениях руководства своей партии.

— Эти отношения, — продолжал Златич, — доведены вами до такого положения именно в такое время, когда девять коммунистических партий-членов Информбюро, собрались и решили укрепить связи между странами народной демократии. Нас действительно удивляет и поражает тот факт, что у нас такие с вами отношения в то время, когда другие страны Балкан и Центральной Европы стараются как можно больше связаться с Югославией. Югославской партии и югославскому правительству очень жаль констатировать, что отношения с Венгрией и Румынией (а с Болгарией и подавно) намного лучше, чем с маленькой Албанией, с которой нас соединяет борьба и все остальное.

Златич положил на стол листок бумаги, который был у него в руках, и вынул платок, бросив на нас такой взгляд, будто хотел сказать: «Теперь вы в моих руках». Не знаю почему, но мне вспомнилось заседание Бюро в Одричане, когда другой югослав, Велимир Стойнич, набросился на нас, приняв такие же позы и предъявив схожие по существу обвинения. История повторялась. Поскольку Златич долго молчал, я подумал, что это было все, что он собирался сообщить нам от имени Тито, поэтому обратился к нему:

— Мы выслушали ваше сообщение и в нужный момент дадим вам ответ. Однако, ясности ради, хотел бы спросить вас: На чем основывает ваше руководство свои заключения? Во-вторых, проанализировало ли оно причины, приведшие к такому уровню отношения между нами?

— Я скажу вам все! — ответил он. — Ведь я еще не закончил с заключениями Центрального Комитета. Мы хорошо проанализировали ситуацию и будем говорить, раскрыв все карты. Вы спросили, искали ли мы причины этого?! Да! Мы заключили, что причины нарушения отношений искать надо в политике, проводимой по отношению к Югославии албанским правительством и его органами. Такая, открыто скажем, антиюгославская политика имела место особенно в экономическом секторе, где ваша ориентировка вполне противоположна линии, которой намечено придерживаться в отношениях между двумя нашими странами.

Я заметил, что у Кочи Дзодзе лицо просияло на мгновение. Ведь не только его «сектор» не получал удара, а главное, что удар этот наносился правительству («сектору», который, по мнению Дзодзе и югославов, входил в мои обязанности), и особенно экономике («сектору», входившему, по их мнению, в обязанности Нако Спиру).

После этого Кочи Дзодзе стал вести запись на лежавших перед ним на столе клочках бумаги. «Друзья» официально выдвигали платформу, на основе которой он мог уже «легально» действовать в соответствии с их стратегическим планом по изменению ситуации в Албании. Между тем Зла-

тич приводил нам «аргументы» и «факты», на которых Тито основывал свои «заключения».

— Возьмем ваш проект пятилетнего экономического плана, — сказал он. — У этого проекта нет главного, то есть в нем не упоминается наш кредит. Этого не видно. У проекта автаркическое содержание, им совсем не учитываются экономические отношения с нами. Допустим, это приемлемо. Возьмем указания, которые даны в связи с пятилетним планом. Они ведут вашу экономику к автаркии. Промышленность, железнодорожный транспорт, работа в Дурресском порту и т.д. запланированы с завышенной мощностью. Чего тут нет? Албанская экономика не рассмотрена как экономика, связанная с югославской экономикой, и у нас такое впечатление, что подобное указание не учитывает заключенных с Югославией соглашений и директив Центральных Комитетов наших партий. Мы не против того, чтобы Албанское правительство добилось и самообеспечиваемости хлебом или развивало и легкую промышленность, однако нам не следует забывать, что сегодня у нас общие задачи и на их основе мы будем удовлетворять потребности друг друга. То, что мы производим, не следует и вам производить с начала.

Между тем, как он говорил, или, вернее, сообщал то, что поручил ему Тито и югославское руководство, я с трудом пытался сдерживать себя. Из всех его слов лучше обнаруживалась и становилась совсем ясной правда; в то же время я все больше убеждался в том, что наши подозрения и выводы были более чем правильными. Мало сказать, что югославское руководство относилось к нам вероломно. Оно уже открыто говорило нам, что подписанными год тому назад соглашениями они добивались всего лишь подключения нашей экономики к их экономике, то есть ее превращения в составную часть, в придаток югославской экономики, и, если она и должна была «развиваться», то должна была развиваться в соответствии с интересами Югославии и в той мере, в какой этого хотела Югославия.

Нет, мы никогда не исходили из такой основы; даже и

когда вначале у нас возникали подозрения, мы старались рассеять такое подозрение, ибо не могли представить себе, чтобы социалистическая страна норовила поставить под свою зависимость и взять в свои когти экономику другой социалистической страны.

При составлении самого проекта пятилетнего плана хозяйственного и культурного развития НР Албании мы придерживались курса на постепенное, но самостоятельное развитие страны. Будучи искренними и убежденными в правоте нашего курса, мы послали югославам проект плана с тем, чтобы они просмотрели его, высказали свое мнение и дали окончательный ответ в связи с теми частями плана, при составлении которых мы опирались на кредит в 20 или 21 миллиард динаров, обещанных нам еще весной того года. А вот теперь выходило, что наш курс на самостоятельное развитие Албании привел Тито и компанию в бешенство!

Второе обвинение в том, будто проект нашего плана был «автаркичным», имело в виду именно это. Но это был удар, который наносили нам, как сказать, в непосредственно экономическом плане. За ним скрывалась политическая цель: по их мнению, «реальный» план, «связанный с югославским планом», привел бы не только к экономическому, но и к политическому объединению наших стран. Это было не просто логическое рассуждение. Златича так подговорили, что он открыто сообщил нам:

— В Албании, — сказал он, — существует линия, установка, не соответствующая нашим совместным соглашениям. Ваша установка ведет не к укреплению, а к ослаблению наших связей.

ЦК КПЮ настаивает на том, чтобы отношения Югославии с Албанией каждодневно характеризовались стремлением к тому, чтобы наше объединение было возможно более прочным и наша дружба вела к братству и сотрудничеству между нашими народами, включая сюда и народ Болгарии.

Из-за своей отсталости албанская экономика не в состоя-

нии самостоятельно развиваться. Нужна югославская помощь. Принимая такую помощь, вы не должны руководствоваться критерием о том, чтобы все получали в готовом виде и паразитически опирались на нас! Вы будете идти вперед, еще крепче связавшись с нами, и наш Центральный Комитет полагает, что югославская помощь дальше увеличится, когда наши страны будут объединены в экономическом отношении!

Вот до чего дошла безудержная смелость югославского руководства! Оно совершенно открыто требовало от нас не сотрудничества, не братской и взаимной помощи, а экономического объединения с Югославией! И более позорным являлся тот факт, что они хотели втянуть и наш Центральный Комитет в эту подлую торговлю, в эту сделку, при которой продавали и покупали не товары, а страны, народы. Наш Центральный Комитет никогда не выступал с такими «директивами», да и никогда не говорил о таком ходе дел. При этом мне вспомнился период после возвращения Нако из Белграда после подписания Экономической конвенции. Вспомнился мне его пессимизм, отсутствие у него всякого доверия к конвенции и та странная загадка, которая, по всей видимости, терзала его и о которой он ни тогда, ни впоследствии ничего мне не говорил. Я снова спросил себя: Неужели в Белграде этот вопрос изложили Нако открыто и в таком духе?! Неужели именно в этом и скрывалась его загадка?! Столь открытые заявления Златича к такому выводу и приводили.

Но не были ни момент, ни обстановка, чтобы тут же возразить Златичу. Два-три раза я прерывал Златича, а он тоном «хозяина» и свысока сказал мне:

— Товарищ Энвер, я вижу, что многое из того, что я вам сообщаю, вызывает у вас реакцию. Но сегодня я захотел встретиться с вами не для обсуждения вопросов. Мне всего лишь поручили сегодня сообщить вам эти заключения, которые являются не моими заключениями, а заключениями нашего Центрального Комитета. Я точно передаю их. Вы, с вашей стороны, изучайте, анализируйте их и, как только

сочтете целесообразным, я буду в вашем распоряжении, можем обсуждать и вести сколько угодно дебатов.

— Обязательно так и будем поступать, — отозвался я, — но в сказанном вами имеются такие вещи, которых слушать мы не можем с таким хладнокровием, с каким вы сообщаете их нам.

— Прошу не перебивать меня, — сказал он. — Таким образом, вы, независимо от того, согласны ли вы или нет с тем, что я вам сообщаю, по крайней мере правильнее поймете суть моего сообщения и вам легче будет на переговорах, которые мы можем иметь в дальнейшем.

Тут вмешался Кочи, который сказал мне полушепотом:

— Энвер, это сложные вещи, их не разрешишь тут одной беседой!

И я согласился «хладнокровно» слушать Златича, когда тот бросал огромные «камни», решив сразу же после этого собрать всех товарищей и дать надлежащий и заслуженный ответ антиалбанским и антимарксистским «заключениям», вынесенным югославским руководством.

Оставленный в «покое», Златич продолжал свое сообщение. Чтобы дать нам понять (хотя дело было очевидное), что экономическое объединение было бы многоплановым и явилось бы главным шагом к «объединению» во всех других областях, Златич не преминул своими устами сообщить нам также следующие «заключения» Тито и компании:

— К экономическому сотрудничеству нам следует так подходить, чтобы не только вместе поднять экономику, но и отдавать себе отчет в том, что вместе бороться будем и идти вперед и в других областях, в области обороны, культуры, внешней политики и т.д. В таком духе должны мы воспитывать наши народы, а не так, как это вы поступали до сих пор. Как ваш автаркический план, так и общая ориентация культурного развития подкармливают в народе идею ухода в свою скорлупу. Однако в случае насаждения в народе чувств своего рода антиинтернационалистской, как сказать, националистской независимости, мы делаем не что иное, как

поднимаемся против наших общих основ, то есть против объединения!

«Оказывается, Нако писал мне правду, когда мы находились в Советском Союзе», сказал я про себя, услышав эти слова Златича касательно «объединения». Вспомнился врученное мне в Ленинграде короткое письмо, в котором Нако писал, что накануне нашей поездки в Москву Вукманович Темпо (находившийся в те дни в Тиране) говорил Кочи Дзодзе: «Объединение Югославии с Болгарией в принципе уже достигнуто. Было бы не хорошо, если бы Албания отстала». Я тут же спросил Кочи о сообщении Нако, но Кочи сказал: «Такая беседа не состоялась. Я ничего не знаю о ней». Оставил я это дело, но вот сейчас Златич лично и официально передал нам то, что Темпо говорил Кочи за кулисами. Я тут же спохватился: было ли случайностью пребывание Темпо в Тиране в начале июля, накануне нашей поездки в Москву?! Никоим образом! Не была случайной и его встреча с Кочи Дзодзе, которую они держали в тайне от меня. Титовская агентура одинаково действовала как в 1943, так и в 1947 годах!

Я тут же посмотрел в сторону Кочи Дзодзе, который, потея, старался записывать на бумаге диктаты Златича. Хотел спросить его: «Почему вы держали от меня в тайне эту идею и этот план югославов? А когда я спросил тебя в Ленинграде, почему ты так бесстыдно обманул меня?». Но не были ни момент, ни обстановка обратиться к сидевшему рядом со мною человеку. Златич продолжал передавать «сообщение» югославского руководства о его планах «объединения».

Что они могли дойти до таких глубоко враждебных и реакционных заключений и директив — это было для меня невообразимым. Тем не менее, «условие» было достигнуто, мне пришлось спокойно и дважды выслушать и испытывать излитые Златичем яд и желчь, вначале на сербском, а потом на албанском языке (беседа проходила через переводчика). Меня удерживала от реагирования мысль о том, что нам сразу же представится случай ответить на эти безобразия, так что, подавляя в себе гнев, я старался дальше слу-

шать «сообщение». Я полагал, что испытываемая мною настоящая мука не должна была долго длиться, ведь Златич стал излагать идею Тито о будущем Балкан. По мнению югославского руководства, первым шагом должно было быть «экономическое объединение» наших стран (включая сюда и Болгарию), а после этого предстояло сделать и другие шаги:

— «Экономическое объединение», — сообщил Златич, — составит фактически основу будущей федерации. Нынешняя Югославия — зародыш федерации, ее ядро. За этим следует вопрос о фазах, однако наше руководство считает, что это не является актуальной проблемой. На практике «экономическое объединение» представляет собой саму федерацию. Это обеспечит подлинный прогресс наших стран, которого нельзя достигнуть, действуя изолированно. Объединившись, мы выступим перед миром как малая держава!

— На этой основе, — продолжал наместник «малой державы» в Тиране, — нам следует излагать проблему и народу. Пока что будем осторожно говорить лишь об «экономическом объединении». В других же аспектах мы должны сохранять формальные стороны независимости, сохранять соответствующие Министерства иностранных дел и т.д., но зато их основы должны быть федеративными. Таков, — повторил он, — вывод, к которому пришло наше руководство.

Я подумал, что он уже все сказал, но это было поспешное заключение. Руководство «малой державы» вдалось во все подробности и, будучи убежденным в том, что натолкнется на реакцию, кроме «имперокого приказа», вынуждено было дать и некоторые «откровенные» объяснения и клясться в том, что в его черных мыслях ничего темного не было:

— Наш Центральный Комитет, — продолжал Златич, — не собирается оказывать на вас давление по поводу этих проблем, однако мы находим, что указанный нами путь — наилучший путь к быстрому развитию отношений между нашими общими экономиками. Как мы будем поступать дальше, это мы посмотрим, это будет зависеть от воли народа, партии и Центрального Комитета. Некоторые работники могут принять это за давление, но вы должны все объяснить

людям. Вам самим уяснить себе надо, что Болгария может жить и отдельно, а Албания в одиночку не может жить. Это вы должны прочно вдолбить в голову людям.

— Вы кончили? — спросил я.

— Нет, — ответил он прежним тоном. — У меня еще два важных вопроса. Первый вопрос относится к ряду новых мер, которые наше руководство предлагает принять в рамках наших взаимоотношений. Центральный Комитет КПЮ считает, что нынешние организационные формы в совместной экономике недостаточные, и, если останутся такими же, какими являются сегодня, то они станут серьезным препятствием на пути развития дел указанным мною выше образом.

Далее он изложил конкретные предложения югославского руководства, которые, по существу, касались полного подключения нашей экономики к югославской экономике. Среди них меня поразили особенно два:

— Совместное экономическое планирование мы должны последовательно осуществлять в будущем и нельзя допустить, чтобы кто-либо другой приходил и давал нам советы в связи с уже составленным проектом или же составлял проекты над проектами!

— Нельзя ли более ясно, чтобы мы поняли, что имеет в виду ваше руководство?! — спросил я.

Златич помолчал и посмотрел на меня со сдержанным гневом.

— Вы, наверное, поняли о чем идет речь, — отозвался он, — и я не знаю, как понимать вашу реплику, товарищ Энвер! Но я открыто скажу вам, конечно, как товарищам, и вы больше не должны ставить нас в такое трудное положение. Речь идет о том, что здесь работают не одни только наши советники. Мы дали вам ориентировки относительно пятилетнего плана и, если бы вы придерживались их, то план не вышел бы автаркическим и нереальным. Независимо от того, отправили ли вы в Москву или же он сам поехал туда, но это факт, что Нако Спиру поверил советам советских. Наши ориентировки не были соблюдены, было

спрошено чужое мнение, и вот, какой план принес вам Нако.

— В общих чертах, этот план мы обсудили и одобрили в Бюро, — сказал я и неспроста добавил: — Он не план Нако или советских. Он —дело руководства нашей партии.

— Неужели вы еще не убеждены в том, что это порочный, нереальный, антиюгославский и антиалбанский план? — возмущенно сказал он. — О чем же мы до сих пор говорили?

— Мы не говорили, — отозвался я. — Мы только слушали. Мы говорить будем после того, как до конца выслушаем и изучим сообщение вашего руководства. До сих пор мы ничего не говорили.

— Если это так, то почему вы меня перебиваете?! Даже тот факт, что вы меня перебили, говорит о том, что у нас с вами будет много хлопот.

— Я вас не перебивал. Я всего лишь спросил, чтобы лучше понять суть вашего предложения.

— Суть-то вот какова, — проговорил он со злобой. — Если наши планы будут совместными, то советским советникам незачем давать нам советы. Их советы будут лишними, хотя мы с ними закадычные друзья...

— Это ваше мнение или же мнение вашего руководства?

— Наше руководство считает, что не должно быть проектов над проектами, советов над советами. Я вам разобрал вывод, чтобы он был вам ясным.

— Ясно! — сказал я.

Второе предложение, оставшееся у меня в памяти (как я уже говорил, сделали они много таких), касалось «необходимости» лучшей организации и укрепления Координационной комиссии.

— Комиссия эта, — отметил Златич, — будет играть очень важную роль. Она будет своего рода органом, призванным связывать республики, но в конкретном случае в эпицентре ее будут стоять связи, координированные действия между Югославией и Албанией.

— Не хочу ни перебить вас, ни выразить уже сейчас наше мнение об этом, — тут же сказал я Златичу. — Од-

нако можете ли вы лучше разъяснить нам, какую роль отводит этой комиссии ваше руководство?

— Комиссия эта, — с готовностью ответил Златич, — будет очень важным органом, она, как нам было сказано, будет своего рода совместным экономическим правительством, которое будет обеспечивать осуществление упомянутой нами выше политики.

— Мне еще не ясно, так что приходится перебить вас, — сказал я ему. — Каким будет, по мнению вашего руководства, соотношение между этой комиссией и правительством каждой страны?

Златич покраснел, помолчал, а затем продолжил:

— Я передаю вам самое существенное. Главное в том, чтобы решить в принципе о способах наилучшей организации этой комиссии с важными атрибутами, а потом видно будет. Подробностей я не знаю. Мы не вдавались в такие подробности, которых вы требуете.

— Ясно! — проговорил я.

Он продолжал излагать «предложения» о бюджете, сказал, что в «Югославии ничего не запланировано касательно вашего плана», что «мы предлагаем отвергнуть автаркический пятилетний план», «отклонить даже идею всякого пятилетнего плана» и на 1948 год «составить однолетний план! Мы предоставим вам в качестве помощи столько миллионов в такой-то области, столько-то в другой, столько-то машин, столько-то тракторов, столько-то потребительских товаров» и т.д. и т.п.

— Таковы, — отметил он, — предложения нашего руководства!

Я хотел сказать ему то, что и нужно было сказать на этой встрече, но он «опередил» меня.

— Я много говорил, — продолжал он, — но вы же сами увидели, что проблемы весьма серьезные. А теперь у меня нечто гораздо более важное. Сказанное мною выше относится к обеим сторонам, к нам и к вам. Теперь у меня последнее заключение нашего руководства, которое вас только и касается. Товарищ Энвер по праву еще вначале поста-

вил вопрос о том, рассмотрены ли нами причины неприятного положения наших отношений и я дал ему ответ. Но здесь я хочу особо остановиться и шире сообщить вам мнение нашего руководства.

Руководство нашей партии пришло к выводу, что во всем этом положении странную и пагубную роль играл в особенности ваш товарищ, Нако Спиру, как и некоторые его сообщники. Такое заключение мы основываем, в частности, и на следующих фактах: Когда рабочие группы на уровне министров поставили вопрос о разработке вашего пятилетнего плана, Нако Спиру, как ваш главный представитель, высказался против ориентировок товарищей Крайгер и Перович. В сущности, возражение Нако Спиру находит себе отражение именно в составленном и одобренном вами проекте плана. Мы думаем, что Нако Спиру либо ухитрился обмануть товарищей из вашего руководства, либо насильно навязался им и таким образом смог добиться того, что его автаркический и антиюгославский проект был в общих чертах одобрен вами и передан и нам на просмотр.

— Вы продолжаете говорить о грубых и тяжелых ошибках и возводить такого же рода обвинения, обосновывая их лишь словами или несостоятельными «фактами», — отметил я. — Скажите нам, пожалуйста, на чем вы основываете все это?! Во-вторых, еще теперь я должен сказать вам, что вы многое уж ставите в вину Нако Спиру. Из ваших слов выходит, что он руководил всеми нами, Политбюро и нашим Центральным Комитетом! Такое утверждение несостоятельно, с какой бы стороны ни подходить к нему.

— В принципе вы, быть может, правы, — «хладнокровно» старался Златич выйти из положения, — но иногда бывает, что даже один человек, если к его слову очень прислушиваются, может обмануть целое руководство. К сожалению, так поступил с вами Нако Спиру!

— Меня удивляет то, что вы говорите, — отозвался я. — На чем вы основываете это?

— Нако Спиру, — заговорил Златич, — обманывал вас относительно так называемого 21 миллиадра динаров, кото-

рые, по его словам, наша сторона согласилась предоставить вам в виде кредита на период пятилетнего плана. Наши товарищи такого обещания не давали, в нашем бюджете ничего такого нет. Исходя из наших возможностей, мы думаем предоставить вам меньшую сумму.

— Как это возможно? — спросил я. — Ведь эта цифра не сообщена вчера или месяц назад. Еще в мае нынешнего года нам говорили о 21 миллиарде, такая сумма неоднократно упоминалась и вот сегодня нам говорят, что это нереальная цифра. Почему вы раньше не возражали?

— Я говорю то, что мне сообщить вам поручено. Нако Спиру сам выдумал такую цифру.

— Это не так, — сказал я. — В мае, когда вы сообщили нам эту цифру, Нако Спиру находился в Москве. Она была сообщена нашим товарищам, находившимся в Белграде.

— Вам не следует защищать Нако Спиру! — обратился ко мне Златич и с цинизмом добавил: — У меня о нем еще другое. Из целого ряда данных явствует, что Нако Спиру разжег в Албании пламя антиюгославщины. Он стремился нарушить не только отношения между нами, но и наши отношения с Советским Союзом и с товарищем Сталиным.

Камням, которые тот бросал в Нако Спиру, не было конца. Принялся он говорить о железной дороге, о Селитской гидростанции, о нефтяном секторе, об оливковых рощах, об обязательствах перед крестьянством и т.д. и т.п. и во всем он считал Нако человеком, который ходил с головешкой в руке и предавал огню Албанию, причем, видите ли, столь большим было пламя этого пожара, что его дым дошел до Белграда и обеспокоил даже Тито.

— В таком духе и под влиянием Нако Спиру поступали и поступают и другие и, можно сказать, что у вас линия антиюгославщины уже выкристаллизована. Этому надо положить конец в наших общих интересах.

— Я остаюсь при мнении, что сегодня мы лишь слушать вас будем, — отметил я, — но одно я должен сказать вам. Принимать или не принимать одну, десять или двадцать установок, заключений и т.д. вашей партии, это ни в коем слу-

чае нельзя называть ни проюгославщиной, ни антиюгославщиной. Антиюгославщину нельзя путать со справедливыми критическими замечаниями, которые у нас были. Никто из нас, включая сюда и Нако Спиру, и не думал когда-либо вредить Югославии. Эти ваши сообщения являются тяжелой шубой, которую мы носить не можем. Приведите, пожалуйста аргументы о том, в чем, по-вашему, заключается «антиюгославщина»?

— В нужное время приведу и подробности, — сказал он. — Но главное, упомянутое мною выше, об антиюгославщине и говорит.

Помолчав, он добавил:

— Мы убеждены в том, что Нако Спиру ведет такую антиюгославскую и антиалбанскую деятельность, будучи агентом империализма! Он работает в интересах иностранных разведок против наших социалистических стран.

Последние слова Златича молнией поразили меня, хотя происходило это в покрытом тучами небе, откуда ничего иного и нельзя было ждать, кроме громов и молний.

— Да что вы говорите, товарищ Златич? На чем вы основываете столь тяжкие обвинения в адрес товарища Нако Спиру? — спросил я Златича.

— Я передаю заключения нашего руководства, — повторил он. И, чтобы закончить всю эту историю, товарищ Тито поручил мне посоветовать вам хорошо рассмотреть эти вопросы, особенно вопрос о Нако Спиру. Здесь-то беда и начинается, поэтому отсюда и следует начать лечение. Такова революция. К тому же нельзя забывать, что он не действовал в одиночку. Он имел и имеет и в Бюро, в главном руководстве вашей партии товарищей, которые оказывали и оказывают ему поддержку. Все это вы должны хорошо рассмотреть. Я сказал вам это, как братьям, которых мы любим. мы с беспокойством следим за вашим положением, за положением дорогого албанского народа. У меня все.

Кочи Дэодзе схватился за голову, но, выражая свое «сильное потрясение» таким образом, он становился совершенно смешным, походил на клоуна трагикомедии.

— Ваше сообщение мы выслушали, — сказал я, да так решительно и в то же время спокойно, что и сам Златич остолбенел. — Все это чрезвычайно тяжело, и ответ мы дадим вашему руководству в подходящее время. Сегодня у меня к вам одна лишь просьба: ввиду самого значения и деликатного характера изложенных вами проблем, сообщение вашего руководства передайте нам письменно.

— Письменно? — вскочил Златич. — Да почему? Ведь я говорил совсем ясно. Если хотите, я еще раз могу повторить вам все или же то, что осталось для вас неясным.

— Нет! Нам, — я употребляю множественное число потому, что уверен, что и Кочи одинакового со мною мнения, — все ясно. Тем не менее, сообщение мы хотим в письменном виде, чтобы позже ни в нашем, ни в вашем руководстве не оказалось, что «это мы сказали так, но вы поняли не так»; «в этом виновен товарищ Златич, а в этом — товарищ переводчик».

— Не беспокойтесь насчет меня, — сказал он. — Я все на себя беру!

— Как бы то ни было, это требование я предъявлю вашему руководству в качестве Генерального Секретаря Коммунистической партии Албании. Являясь посредником, вы должны удовлетворить или же передать это требование.

— В таком случае, посмотрим это требование! — «отступил» Златич. — Но сегодня этого не сделаешь. Сказанное вам я изложу в письменном виде, отправлю его руководству в Белграде на просмотр и пусть там решают. Мое дело — всего лишь передавать.

Таково было, в общих чертах, содержание выводов руководства КПЮ, представленных нам в ноябре 1947 года и известных в истории нашей партии как «второе обвинение Тито в адрес Коммунистической партии Албании».

Златич встал и собирался уже уходить, оставляя нам все сказанные им мерзости. Я еще раз повторил ему, что мы в письменном виде ждали всего, что он говорил, а затем мы рассмотрим в руководстве нашей партии «заключения» югославского руководства и выскажем свое мнение о них.

Однако это факт, что письменное сообщение из Бел-

града не поступило (Тито знал, где и с какой целью оставлять документы), но, что еще хуже, мы не то, что в те моменты, но даже на протяжении целых месяцев не давали заслуженного отпора глубоко враждебным, антимарксистским и антиалбанским обвинениям Тито и компании.

Почему и как это случилось — об этом я расскажу ниже. Здесь хотел бы всего лишь подчеркнуть, что обвинение Тито с начала до конца представляло собой один из самых подлых и самых ненавистных актов, когда-либо совершенных ренегатами марксизма-ленинизма. Позднее, особенно на XI Пленуме ЦК КПА в сентябре 1948 года, на I съезде КПА в ноябре 1948 года и в других случаях мы, как и все остальное, в деталях и со зрелостью проанализировали также титовское обвинение, и, в свете последовавших событий, вывели наружу его враждебную, антиалбанскую сущность и цели.

Не вдаваясь в аргументы и подробности, считаю необходимым кратко изложить здесь наше заключение по поводу такого обвинения:

Оно имело главной целью превратить нашу страну в седьмую республику Югославии, подчинить ее приказам Белграда, сделать ее колонией Югославии, чтобы наша независимость была формальной, прикрытой и замаскированной формулами буржуазной псевдонезависимости. Обвинение это стремилось оторвать Албанию от лагеря социализма, вызвать вражду между нею и Советским Союзом и вовлечь нашу партию на антимарксистский путь. Для югославских троцкистов Албания должна была служить тем маленьким государством лагеря социализма, где они собирались произвести первый опыт в рамках осуществления своей изменнической линии против социализма. В этом направлении они уже давно работали, однако сопротивление нашей партии не только не было подавлено, но и было далеко от этого. Наша партия таила в себе огромную силу. Вот почему югославским руководителям приходилось бороться за подавление этой силы.

Стремясь добиться этой цели, они планировали в первую очередь сломить волю нашего Центрального Комитета и Генерального Секретаря партии, в котором видели большое

препятствие на своем пути. Мерзкие обвинения югославского троцкистского руководства в адрес Центрального Комитета нашей партии, скорее, чем против Нако Спиру, были направлены против меня, так как, будучи Генеральным Секретарем партии, я оказывался главным виновником «ошибочной политики» Центрального Комитета. Им была хорошо известна обстановка в Политбюро и Центральном Комитете нашей партии. они знали о разногласиях, существовавших между членами Бюро, особенно между Нако и Кочи, как и о положении, сложившемся в отношениях между мною и Кочи. Им было известно также, что взгляды Нако на отношения с Югославией во всех пунктах, в которых они были правильными, соприкасались с моими взглядами. Они прекрасно знали, что Нако ничего не делал в этом направлении, не посоветовавшись со мною и не получив моего согласия. Итак, югославы рассчитывали на сложившуюся в нашем Политбюро обстановку, которая была вызвана прежде всего их низменными происками.

В этом и заключается причина того, почему они попросили, чтобы на встрече, на которой Златич сделал мне сообщение, присутствовал и Дзодзе. Кочи знал, что югославы поддерживали его, но теперь они говорили ему: «Ну вот мы раскрыли карты и перед Энвером Ходжа, твой час пробил, действовать нужно!» И Кочи Дзодзе, одна из самых мрачных и самых мерзких фигур в истории нашей партии, собирался взять реванш. В реализации титовского плана он должен был играть первостепенную антиалбанскую и антипартийную роль.

Прошло немного времени, и целый ряд фактов, столкновений и ударов еще больше укрепил мое убеждение в том, кем был Кочи Дзодзе, в чью пользу и с каких позиций он работал.

Реванш югославских агентов

Уже наступило время, чтобы вся партия и ее руководство, в первую очередь Политбюро, хладнокровно и принципиаль-

но проанализировали югославские обвинения, то есть сначала вывели наружу их несправедливость и фальшивость, а затем раскрыли истинные мотивы и стремления, которыми руководствовались белградские лидеры. Мы должны были с непреклонным революционным духом, но и применяя обдуманные и осторожные тактические приемы, одно за другим отвергать обвинения, которые, по существу, являлись всего лишь звеньями одной единственной цепи, цепи грозившего нам нового рабства.

Время не терпело отлагательств, надо было немедленно начать работу в нашем Политбюро. Однако, еще не созвав Бюро, я отдавал себе отчет в том, что дело это с большим трудом продвинется вперед, и что могли даже возникнуть тяжелые ситуации, которые завели бы нас в тупик.

В Бюро продолжало отсутствовать необходимое единство мнения и действия, о чем говорили прежде всего бесконечные ссоры между Кочи и Нако. Не стоит упомянуть здесь целое множество их ссор по важным и маловажным проблемам, но я хотел бы отметить, что при этом возраставшем процессе у меня сложилось мнение, что Нако Спиру, невзирая на его большие недостатки и изъяны, стоял на более правильных и принципиальных позициях, чем Кочи Дзодзе. Прежде всего Нако был куда активнее в работе, принимал деятельное участие в обсуждении проблем и проверке исполнения, часто приходил ко мне с докладом и умел ухватываться за самое главное. Особенно в двух аспектах или же областях Нако проявлял большую активность и открыто говорил со мною: в области экономики и в области «критических замечаний» в адрес других, особенно, когда речь шла о секторах, за которые отвечали Кочи Дзодзе и известные как «близкие» ему люди.

Что касается обсуждения экономических вопросов (при этом видное место занимали и отношения с югославами), то я слушал Нако, давал ему советы, ориентировал его и в целом наши мнения соприкасались. Что же касается другой области, а именно критических замечаний в адрес «сектора» Кочи, то там я больше, чем где бы то ни было, усма-

тривал старую болезнь Нако: его болезненное самолюбие, атаки с личных позиций и тенденцию к недооценке или устранению Кочи Дзодзе. Не желая умалить бесконечные недостатки Кочи, скажу, и это верно, что «критические замечания» Нако в его адрес я не принимал во внимание и не поддерживал, как это делал и насчет «критических замечаний» Кочи в адрес Нако. Было совсем очевидно, что оба они готовы были унизить друг друга. В свою очередь, Кочи Дзодзе пыжился и важничал, но всегда оставался «закрытой дверью» для меня и для Бюро. Он не поднимал важных вопросов даже о секторах, за которые сам отвечал, будучи Секретарем по организационным вопросам и министром внутренних дел, «скрывал» их от нас, как «секретные», и в Бюро чаще всего вел себя как арбитр, который слушает, наблюдает, делает заметки.

Фактически, он нисколько не был «замкнутым в себе» и «бездеятельным», каким казался. Он даже много работал, но за спиной у нас, в темноте, под секретом Министерства внутренних дел и «сектора» кадров.

«Активным» он проявлял себя в Бюро лишь тогда, когда речь шла о критике какого-либо аспекта, связанного с секторами, которыми заведовал Нако, но еще более «активным» показывал он себя, когда бывал наедине со мною или же когда отводил меня в сторону и говорил «я расскажу тебе про Нако что-то, о чем я узнал через мои каналы».

Нельзя сказать, что к тому времени я вполне знал, что Кочи Дзодзе был агентом югославов. Я хорошо знал (а это было общеизвестно), что он стоял очень близко к югославам, воспринимал и слепо осуществлял все, что они говорили, готов был поддерживать любое безумие югославов; мы также знали и видели, что он был любимцем югославов, самым близким им человеком, но полагали, что это было вызвано тем, что Кочи угождал им, даже пикнуть не смел перед ними и одобрял все, что они говорили. Нам, и особенно мне, известны были непрестанные трения Нако с югославами, его постоянное недовольство действиями посланцев Тито, и, по

существу, критические замечания Нако в адрес друзей я находил вообще справедливыми, принципиальными. У меня самого были такие же замечания в адрес югославов и я давно пришел к выводу, что они не стояли на правильном пути.

Между тем Кочи и Нако делали свое дело и обеспечили себе «сторонников» и «приверженцев» даже в Бюро. На стороне Кочи всегда выступали Панди Кристо и Кристо Темелько, а на стороне Нако выстроилось три элемента, которые после расширения нами Бюро летом 1946 года не были приняты членами и даже кандидатами, а всего лишь были названы «тремя товарищами, стоящими близко к Бюро». Это были Лири Белишова, Мехмет Шеху и Фадиль Пачрами. Хюсни Капо и Гого Нуши являлись двумя из самых уравновешенных и серьезных новых товарищей, кооптированных в Бюро летом 1946 года и не попавших в ловушки ни одной из соперничавших сторон, а зрело судивших и высказывавшихся о поднимавшихся вопросах. Что касается Бедри Спахиу и Тука Якова, то они, как и раньше, не играли какой-либо особой роли, а занимали чаще всего либеральную, примиренческую позицию. Они могли примкнуть к обеим сторонам, но скорее всего им не нравилось быть ни с Нако, ни с Кочи, и, как это сами заявили на VIII и на XI Пленуме ЦК, они «ничего не делали в Бюро». Этим они хотели сказать, что стояли вне этих «конфликтов» и «закулисных происков».

Такими были, в общих чертах, состав и положение нашего Политбюро в моменты, когда мы должны были действовать как один, как стальной кулак для отражения грозившей нам опасности. Разумеется, наш кулак не мог быть единым и трудно было нанести удар в должном месте и с должной силой. Однако я возлагал большие надежды на что-то существенное: правда, рассуждал я, эти товарищи спорили и злились друг на друга по разным вопросам, но теперь, в моменты, когда на партию и страну возводятся извне тяжкие обвинения, они должны найти в себе силу преодолеть

личные раздоры и присоединиться к нам в предстоящей битве. На ее волнах мы укрепим и желанное единство.

По существу, такое рассуждение было более чем верным, но основа, на которой я строил его, была неправильной. Как уже говорил, я не знал, что в случае с Кочи Дзодзе и Панди Кристо, с одной стороны, и Нако Спиру — с другой, речь шла не просто о злобе или же о «личных делах», а об агентурных делах. Они были старыми агентами Белграда. Предъявив нам обвинение, Тито и компания хорошенько учли такой благоприятствовавший им фактор, о котором мы не знали. Расхождения в Бюро были им известны, так как они сами вызвали и подкармливали их, использовали их в качестве главного оружия, которое должно было принести им успех в борьбе против линии нашей партии. На сей раз югославская тактика открыто внушала Кочи Дзодзе и Панди Кристо, что «к этому делу причастен враг, ваша борьба против Нако и Команданта обоснованная, Нако Спиру играет странную роль, Энвер Ходжа стопроцентно поддерживает его, следовательно, ваш путь уже свободен, так что бейте их». В действительности, Нако сделал полуоборот, стал ближе ко мне, чаще советовался со мною, не повиновался директивам югославов, опирался на советских и в этом, пожалуй, был прав, отчего и я поддерживал его.

Кочи Дзодзе увидел в этой начинавшейся схватке надежный путь к осуществлению своей старой мечты. Для него с Нако Спиру было покончено, единственным препятствием оставался я, и, по мнению его самого и югославов, меня, как «сторонника» Нако, должна была постигнуть та же участь. Итак, в нашем Политбюро вскоре должна была разразиться гроза.

Два-три дня спустя после обвинения Златича пришли ко мне в дом с «визитом» Кочи Дзодзе и Панди Кристо. Как только они вошли, я понял, что они еще заранее хорошо обсудили дело друг с другом. Не соблюдая даже правил приличия, они тут же приступили к ругательствам и обвинениям.

— Это стыд и срам! Это позор, что мы длительное вре-

мя давали такому элементу оставаться и своевольничать в партийном руководстве! — «жаловался» Панди.

— Мы проявляли мягкосердечие, переоценивали его. Он ослеплял нас своими цифрами и критиканством, — добавлял Дзодзе.

Ясно было, что косвенно все это было направлено против меня. Обстановка стала тяжелой. Так или иначе беседа, начавшаяся как «между товарищами», превращалась ими в своего рода заседание Бюро с одной только разницей, что нас было трое, других не вызвали. Они настаивали на том, чтобы мы позвали одного лишь Нако, чтобы «поставить его в известность и требовать с него отчета».

— Хорошо, — сказал я, — но не будем торопиться. Сначала мы должны собрать свои аргументы, обсудить вопрос и с товарищами и представить обвинения Златича на рассмотрение Бюро.

— С какими это товарищами? — спросил меня Кочи. — С товарищами из Бюро? Я не согласен с вами, товарищ Командант. — Обвинение касается не одного Нако, а всего его клана.

— Обвинение не касается ни одного Нако и ни одного его «клана», возведено тяжкое обвинение на всю линию партии и на ее руководство. Нам ни в коем случае не позволяется миновать Политбюро, — сказал я им. — Сначала надо проанализировать и рассмотреть все поднятые вопросы. Там выяснится и дело Нако.

— Никоим образом! — злобно вскочил Кочи Дзодзе. — Разве ты не слышал, что говорил товарищ Златич: «В деле Нако Спиру вся беда в том и заключается, оттуда и следует начать анализ». Давайте разберем вопрос Нако Спиру, хватит ему своевольничать.

— Товарищи! — обратился я к ним, озадаченный. — Нам известны неприятные ссоры и сцены, которые часто у нас разыгрывались. Однако теперь я полагаю, что вставшие перед нами проблемы требуют от нас отложить в сторону раздоры, задуматься над самым главным. Мы должны аргу-

ментами ответить на вопрос о том, были ли правильными или нет наша линия и наша ориентация вообще, и по отношению к Югославии — в особенности.

— Вся беда в Нако и в его сторонниках. От них-то и следует избавиться. С этого и должны мы начать анализ! — настаивал Кочи Дзодзе.

С болью и горечью в сердце я окончательно убедился в том, что в предстоящей борьбе мы действовать будем не в единстве между собой. Вдобавок Кочи и Панди выступали не просто как «оппозиция» к Нако Спиру, а как посланцы югославов. И, фактически, они такими и были. Хотя само и не «присутствовало», югославское руководство через своих агентов манипулировало впоследствии всеми «анализами», за которые мы принимались.

Мы долго спорили и, увидев мое твердое возражение, Дзодзе сбросил с себя вуаль «мягкосердечия» и бросил другую бомбу:

— Товарищ Командант, давайте, наконец, разберемся. Не забывайте, что мы всегда делали вам замечания о том, что «вы охотно внимаете слову Нако». Не забывайте, что вы, конечно, при подстрекательстве Нако, настаивали на автаркическом плане! Неужели вы еще ратуете за сохранение старой линии? Такое ваше упорство удивляет нас! В конце концов, нам больше незачем слушать имеющихся в Бюро врагов. Давайте вызовем самого главного из них, а что касается остальных, то после этого от них нам нетрудно будет избавиться.

Оба они продолжали приводить «аргументы» и оказывать на меня всякого рода давление. Я почуял, что для них обоих югославское обвинение больше не являлось вопросом, которым должно было заняться Бюро, вопросом, который надо было проанализировать. Все было предрешено и заранее разработано Белградом и югославским посольством в Тиране. После длительных споров мы пришли к «компромиссу»: не вызвать Нако прямо в Бюро, чтобы все сказать ему там, а предварительно поставить его в известность

о сообщенном нам Златичем, а затем приступить к обсуждению. Теперь, когда я убедился в том, что Кочи и Панди будут выступать в поддержку югославских тезисов, большое значение приобретало в особенности поведение Нако Спиру.

К середине ноября мы вызвали его (присутствовали при этом я, Кочи Дэодзе, Панди Кристо) и поставили его в известность об обвинениях Златича в связи с «антиюгославщиной» и «его ролью в экономике», не упомянув, однако, что они считали его «агентом империализма». Нако выслушал нас, напустив на себя важный вид, преспокойно закурил папиросу (обычно, выкуренной папиросой он зажигал следующую) и, к моему удивлению, как только мы кончили, он выпустил клубок дыма и проговорил:

— Ах так? Значит вы обеспокоены?! Если это так, то я за две недели сделаю вам всю Албанию проюгославской!

За 7-8 лет знакомства с Нако я столько и столько раз злился на него и испытывал в нем разочарование (так же, как и радовался его положительным качествам), столько и столько раз, кроме похвальных слов, делал ему самые суровые критические замечания, но после этой реплики мое потрясение и разочарование были одними из сильнейших.

— Как ты смеешь говорить такое? — сказал я, потеряв самообладание. — Какой ты воображаешь себе Албанию, чтобы за две недели превратить ее в «проюгославскую» или «антиюгославскую»?! И кем ты себя воображаешь, полагая, что способен творить такие чудеса?!

Он тут же онемел. У Кочи и Панди глаза засияли от удовольствия — они ждали ссоры.

— Простите! — проговорил Нако, уже совладав с собою. — Возможно, я ошибся. Но что же мне сказать. В моей работе не было ничего антиюгославского. Я действовал в моих секторах согласно линии партии. Я не ставил себе целью нарушение отношений с югославскими товарищами, а всего лишь делал замечания или критику насчет того, что казалось мне неправильным. Вы же не возражали мне.

— Как не возражали! — вскочил Кочи Дзодзе. — Мы на ножах с тобою были!

— Дело не в наших ссорах! — хладнокровно ответил Нако и уставился глазами на Кочи Дзодзе. — Это другое дело. Предъявляемые обвинения — нечто совсем другое.

— К тому они и клонили, — угрожающе сказал Кочи. — Видел я с кем имел дело, поэтому и возражал тебе.

— Если речь пойдет о том, почему ты возражал мне и почему я возражал тебе, то на это понадобился бы целый анализ — спокойно проговорил Нако и так посмотрел на Кочи, что тот побледнел и растерялся. — Об этом не раз спрашивал и товарищ Энвер.

— Да что ты, Нако, давай возьмемся за то, что нам говорят, — испуганно, как бы умоляюще отозвался Кочи Дзодзе. На несколько мгновений оба расосвирепевших петуха присмирели.

— То, что нам говорят, не меня одного касается, — сказал в ответ Нако.

— Товарищ Златич именно так сказал, и мы вызвали тебя как раз, чтобы поставить в известность об этом и помочь тебе, — сказал ему Кочи Дзодзе как бы «случайно».

«Отступление» обеих сторон, особенно Кочи Дзодзе, который всего несколько минут до этого рубил налево и направо, лишний раз, но с еще большей силой, показывало, что между Кочи и Нако существовала какая-то тайна, преступный замысел, загадка (для меня), пугавшая их обоих и даже совсем обезоруживавшая их. Я уже годы знал, что такое было, что тут-то и начинался клубок, но они так боялись этого, что сразу же отступали и временно приходили к «согласию», чтобы продолжать затем вечные ссоры. Быть может, в конце концов, новая сложившаяся ситуация все раскроет.

Так продолжали мы несколько часов, после чего было решено обсудить вопрос в Бюро в следующий день. Нако было наказано спокойно, бесстрастно и без предвзятостей высказать там свое мнение и привести свои доводы по вопросу

плана, что, впрочем, должны были сделать и мы остальные. Мне показалось, что тем самым дело принимало правильный оборот. Я был убежден в том, что Нако сумеет отстоять верную линию, которую мы проводили, я же сам собирался поддерживать его, благодаря чему Бюро должно было правильно ориентироваться и зрело судить обо всем.

Однако такой ход дел не устраивал Кочи Дзодзе, Панди Кристо и компанию. В случае начала анализа главных проблем, они могли проиграть дело. Вот почему, еще в самом начале заседания Бюро, когда я в общих чертах изложил югославское обвинение, Кочи Дзодзе встал да сказал:

— Об одном лишь забыл товарищ Командант! Нако Спиру обвиняют не в том, что он по неумению исказил курс нашей экономики. Нет, Нако Спиру сделал это, как агент империализма! В таком духе мы проанализируем его работу и выслушаем его.

Нако весь побледнел. Я впервые увидел, как этот импульсивный тип, то и дело вертевший что-нибудь в руках, весь помялся и оцепенел. Мне также стало неловко и слова Кочи застигли меня врасплох, ведь мы решили до поры до времени не упомянуть обвинения югославов в адрес Нако, как агента империализма.

— Это очень серьезная проблема! — проговорил Нако. — Очень-то серьезная. Это скорее всего обвинение, нежели проблема. Все это тяжело и неожиданно для меня. Тем не менее, я выскажу свое слово.

— Мы тебя слушаем, — сказал ему Кочи.

— Нет, — сказал Нако, — я подготовлюсь и отвечу.

— А к чему тебе подготовиться? — угрожающе спросил его Панди. — Подготовленное тобою целыми годами выложи здесь, а мы, Бюро, судить будем о нем.

— Мне нужно по крайней мере пять дней на подготовку, — настаивал Нако.

— Зачем тебе подготовиться? Чтобы замести следы, что ли? Нет, мы не дадим тебе замести следы, которые с трудом обнаружили. Впрочем, это заслуга югославских то-

варищей, что ты выведен уже на чистую воду, — рубил Кочи налево и направо. — По-моему, в кочиенце* (он давно, прикидываясь теоретически подготовленным, употреблял иностранные слова, естественно, в извращенном виде и в таком контексте, что становился совершенно смешным. Однако атмосфера была слишком натянутой, чтобы позволить себе хотя бы полузамстную улыбку), ты всегда таким и был, но виноваты в этом другие, которые слушались тебя, как будто ты апостолом Павлом был! Генеральный Секретарь сам посмотрит, в чем заключается его ответственность и ответственность нас остальных за твою антиюгославщину ... Словом, — кончил Дзодзе, — предлагаю настоящему Бюро рассмотреть «дело Нако Спиру» не позднее, чем завтра вечером в 8 часов. Просьба Нако отложить дело — это ловушка, попытка втереть нам очки и вызвать у нас трудные ситуации.

— Прошу товарищей, — снова обратился к нам Нако. — поразмыслить и понять меня. Без предварительной подготовки я не в состоянии говорить, как надо.

— Товарищ Кочи, — вмешался я, — не торопись ни словами, ни «ультиматумами» насчет времени, когда должно быть созвано Бюро. Мы же здесь и решим, как это правильнее будет. Здесь ты бросил на стол одно из переданных нам Златичем обвинений югославского руководства, причем лишь обвинение, касающееся Нако, а ведь Златич изложил выводы Тито и его приближенных относительно всей нашей линии, так что отсюда и следует начать анализ и обсуждение вопроса в Бюро, над этим должны задуматься и к этому должны подготовиться все товарищи члены Бюро. Разумеется, Нако должен глубже всех поразмыслить и больше всех подготовиться, но, — обратился я к Нако, — пять дней на это слишком.

Воцарилось молчание, и немного спустя Нако поднял голову и неожиданно спросил:

---

* Извращенное употребление французского слова conscience — сознание.

— Поставили ли вы советскую миссию в изветность о таком анализе?

— Что это за советская миссия! — вскочил Кочи Дзодзе. — Да еще с чего ты это взял? Мы же партия, мы руководство и не получаем линии от советской миссии.

— Нет, — сказал Нако весь бледный, — я не говорю, чтобы мы получали линию от советской миссии или от югославской миссии, но дело всего лишь в том, чтобы консультироваться.

— Нако, — перебил я его, — мы еще не провели анализ и не проконсультировались как Бюро...

— Это наше дело, с кем будем консультироваться! — сказал ему Кочи. — И не тебе нас учить. Хватит тебе своевольничать. Теперь ты отчитаться должен, до последнего отчитаться.

Он помолчал, а затем, словно находясь перед большим открытием, обратился к нам:

— Я думаю, что нам следует глубоко рассмотреть высказывание этого элемента «проконсультировались ли вы с советской миссией». Многое скрывается в рамках проводимого нами анализа. Судя по его высказыванию, Нако считает, что если мы сообщим об этом советской миссии, она может взять Нако под защиту и сказать нам «не троньте его». Допустим, что мы прислушаемся к словам советской миссии. Ну, а что из этого выйдет? Станут врагами две большие партии, две братские партии, славная югославская партия и Вэкапэ[1]. Вот куда втягивает нас своими гадкими хитростями Нако Спиру! — вскрикнул Кочи. — В этом-то и его антисоветчина!

— Что? Что? — спросил Нако, онемев, но с некоторой иронией: — И антисоветчиком меня называешь?

— Называю, да как! Антиюгославом, антисоветчиком, антиалбанцем и как тебе угодно назову. Таков ты. Отчитывайся, — ревел Кочи, а Панди Кристо кивал, одо-

---

1 ВКП(б).

бряя «политические» ухищрения министра внутренних дел.

Я понял, что дела весьма осложнились, и трудно было с ними справиться. Заговорщицкий ум Кочи Дзодзе готов был плести любые интриги и делать из небыли быль.

Он подумал, что настало время, когда больше не решали ни Бюро, ни Секретарь. «Генерал» взял дубинку в свои руки. Мы решили продолжать заседание вечером следующего дня в 8 (20) часов.

Прежде, чем объявить заседание закрытым, я добавил:

— На предстоящем заседании я не позволю говорить таким тоном и, чтоб всем было ясно — мы будем анализировать нашу линию, нашу работу и, в этих рамках, рассмотрим и вопрос о том, в чем и в какой мере ответствен товарищ Нако, но не только касательно обвинения, предъявленного Нако Златичем и упомянутого здесь Кочи.

По окончании заседания я подошел к Кочи и сказал ему:

— Ты слишком разошелся. Опрометчиво поступил. Надо было спокойнее и хладнокровнее говорить и рассуждать.

— А, Энвер, мы с другими ... с врагами ведем разъяснительную работу, а сами не разбираемся, в чем дело! Я же все это время говорил тебе: как-то часто выступаешь в поддержку Нако Спиру! Прошу тебя, не поддерживай его больше!

— Я не в поддержку Нако выступаю, — сказал я ему, — а в поддержку того, что мне кажется правильным.

Таким образом, мы расстались, чтобы опять встретиться на следующий день, вернее, вечером того же дня, ибо почти наступило утро 20 ноября 1947 года.

О сне и не могло быть речи. Я был убежден в том, что не только все дела принимали дурной оборот, скатываясь на самый ошибочный и порочный путь, но и просто, с точки зрения самых элементарных правил внутрипартийной жизни, поступали несправедливо. Однако я думал, что важно было то, какую выдержку проявит Нако Спиру. Я был убежден, что, по существу, в связи с поднимавшимся вопросам ошибок у него не было, я твердо верил, что в данном случае его столкно-

вения с югославами были справедливыми и неизбежными. Но сколько и как устоит он перед обвинением?!

Мне нимало не понравилось его мгновенное раздражение, когда мы сообщили ему, что было выдвинуто югославами против партии и его самого, в особенности. Мне не понравились ни нашедшие на него впоследствии ошеломление и замешательство, ни то, как он попросил пять дней на подготовку. По существу, я был согласен, чтобы он готовился, если понадобится, не пять дней, но и больше, однако то, как он просил этого, словно умоляюще, как будто речь шла о подачке, не понравилось мне. Я знал его импульсивный темперамент, из-за которого говорил он порою язвительные слова. Особенно в те трудные моменты таких недостатков нельзя было выказывать.

К полудню постучали ко мне в дверь, вошел Нако Спиру. Был он потрясенный, упавший духом и совсем измученный.

— Хотел бы еще раз попросить вас, — сказал он. — Войдите в мое трудное положение. Используйте свое влияние, чтобы мне предоставили пять дней.

— Слушай меня, Нако, — ответил я. — Мы вместе прошли самые трудные времена и моменты. Были моменты, когда враг стоял лицом к лицу с нами и мы знали, как отвечать ему, но были также и моменты, когда враг находился среди нас и нелегко было распознать его и нанести ему удар.

— Разве и вы считаете меня врагом? — проговорил он, опустив руки.

— Нет, этого я не говорю, да и никогда не говорил. Такие слова, такое обвинение исходят от других, от другой партии. Тебе это открыто сказали. Ну что, разве ты плакать должен? Нет, это тебе не к лицу, это не к лицу коммунисту. Ты должен отвергнуть обвинение. Ты свое мнение скажи, свои доводы приведи.

— Как раз поэтому я и пришел, дайте же мне время на подготовку!

— Об этом, — сказал я, — не я решаю, это Бюро ре-

шило. Слушай меня, Нако, на что тебе 5 дней, ведь мы товарищи, говорить надо обо всем так, как оно и есть на самом деле. Единственное, чем я могу помочь тебе в такой ситуации, — отметил я, — это посоветовать тебе: говори открыто и искренно. Уже настал день, Нако, положить на стол все, что годами оставалось скрытым и тайным. Наступил уже не только для тебя, но и для всех нас момент ответить на вопросы, которые я всегда поднимал: что это за ситуация, чем она вызвана, правильно ли это или нет, в чем причины этого, что следует предпринять?! На скамью «подсудимых» посадили ныне тебя. Однако критические замечания не одного тебя касаются. Они глубже и шире простираются. Отвечай на то, что тебе в вину вменяют, хладнокровно и смело; верю, что такие качества у тебя не отсутствуют. Таким образом, мы, партия, Центральный Комитет сможем правильно судить и как следует отвечать на обвинения.

— Мне нужно время на то, чтобы все подготовить, восстановить в памяти и по порядку изложить.

— Я же тебе сказал, это не от меня зависит, ведь ты же сам был на заседании. Однако не все кончится сегодня. Давайте возьмемся за анализ, потом все по порядку выяснится: кто прав, а кто неправ — ты, я, Кочи или же кто-либо другой. Вот, что я могу тебе сказать.

— Постараюсь, — проговорил он и ушел.

Я полагал, что в сложившейся тяжелой ситуации твердая выдержка Нако, полное раскрытие карт и выведение всего на чистую воду явится, быть может, одним из главных и самых надежных путей к спасению. И речь шла при этом не о Нако, обо мне самом или кем-либо другом. В случае проявления нами выдержки, проведения открытого и искреннего анализа все должна было всплыть наружу. Я полагал, что тем самым выяснится истина, и партия и народ избавятся от грозившей им опасности...

Но именно, когда я думал, что настало время и назрели условия сделать то, что нам уже давно следовало сде-

лать, то, что мне помешали сделать в 1946 году, распахивается дверь и в мою рабочую комнату врывается Кочи Дзодзе:

— Я же говорил тебе, — крикнул он, — что он враг, мерзавец. Покончил с собой, собачьей смертью умер. Тем самым он доказал, что был закоренелым врагом!

— Кто? — спросил я. — В чем дело?

— Нако Спиру застрелился. Того и заслуживал!

Говорил он с таким гневом, что нетрудно было уловить в его словах глубокое, внутреннее злорадство. Итак, со сцены заговорщиков ушла единственная преграда, мешавшая им направить стрелы против меня.

Для Кочи это означало дальнейший большой шаг вперед к осуществлению его конечной цели. Самоубийство Нако Спиру глубоко меня потрясло, да и не без основания. Раз он считал себя невиновным, не было причины дойти до самоубийства. Он был главной персоной, отвечавшей за экономические проблемы, и поскольку был убежден в том, что югославская экономическая линия была неправильной, то он должен был выступить в защиту нашей линии, которую находил правильной; к тому же он знал, что пользовался и моей полной поддержкой. Этого он не сделал. Не поступил ли он так со страху? Или же по какой-нибудь другой причине? Но еще больше толкнули меня поразмыслить об этом его слова «за 15 дней сделаю Албанию проюгославской». Хладнокровно рассмотренное, это «высказывание» побудило меня задуматься над тем, не исходил ли Нако до сих пор из антиюгославских позиций, выступая с критическими замечаниями (которые сами по себе были правильными)? У меня возник вопрос: не ухватился ли он за ошибки и неправильные позиции югославов, чтобы использовать их в определенных, но зато не партийных целях и стремлениях?

Нако Спиру очень помог бы партии, если бы раскрыл закулисные происки титовцев и роль Кочи Дзодзе. Но заодно он раскрыл бы и свои грехи, так что, оказавшись на перепутье, не нашел в себе смелости так поступить. Нако

поставил свою «репутацию» выше интересов партии и покончил самоубийством.

Прошло всего несколько месяцев и истина совсем выяснилась. Нако Спиру противопоставил себя югославам потому, что они покинули в беде своего человека, причастного к братскому заговору, и предпочли ему Кочи Дэодзе. Тогда Нако обратил взоры на другую сторону, на сторону более великой, чем Югославия «державы». Он связался с советскими. Эти его связи мы находили более чем естественными и нормальными, служившими нашему делу, делу социализма, однако Нако не так рассматривал их, он связался с ними не просто из чувства уважения и любви. В сближении с советскими он видел средство, путь к навязыванию себя другим и особенно Кочи, чтобы устранить его и занять его место. Какую роль играли советские (я имею в виду сотрудников советской миссии в Тиране и аппаратчиков низшего или среднего ранга в Москве, с которыми Нако встречался) в поощрении амбиций Нако — этого я не знаю. Я лишь то знаю, что особенно советские советники и специалисты в Тиране любили и совершенно открыто предпочитали Нако Спиру, прислушивались к его слову так же, как и он прислушивался к их слову. Однако это факт, что советские товарищи ни разу не ходатайствовали при нас за Нако Спиру. После его самоубийства один товарищ из советского посольства, по фамилии Гагаринов, устно уведомил нас о том, что Нако Спиру направил им письмо, в котором говорил, что «после тяжких обвинений, возведенных на меня югославским руководством, я вынужден покончить с собою...». Вот и все, что нам сказали. Советские советники и особенно главный советник по экономическим вопросам, Троицкий, оплакали Нако и не скрывали своей скорби, но тем не менее до этого акта или же для предотвращения его они ничего не предприняли. Думаю, что они ничего не знали о происходившем или, даже и если какой-либо из приближенных Нако поставил их в известность об этом, советские не сочли уместным вмешиваться в это дело. Быть может, Нако не без умы-

сла спросил в Бюро «проконсультировались ли вы с советской миссией насчет такого анализа?» и попросил при этом пятидневный срок на подготовку или, вернее, чтобы передать Москве сигнал «SOS! Спасите меня!».

Но впоследствии подтвердилось, что другая сторона, югославы, спешили — и именно они довели Нако Спиру до совершенного им низменного и непростительного акта. Предупрежденные Кочи Дзодзе о том, что Нако Спиру мог раскрыть в Бюро все нити заговора, который начался в Берате и продолжал действовать, югославы выставили перед Нако агентурные документы, в которых тот высказывался против нашей партии и против меня. Оказавшись в трудном положении, рассуждая как мещанин, Нако подумал, что потеряет и мою поддержку и увидел себя в безвыходном положении.

Его конец окончательно закрыл и единственный оставшийся путь выхода из положения, созданного югославами. Он унес в могилу тайну состряпанного заговора. В то же время самоубийство Нако явилось мощнейшим оружием, которое югославы и их агенты, Кочи Дзодзе и компания, принялись использовать теперь для осуществления своих целей. Путь к сосредоточению удара на меня уже был открыт.

И, чтобы еще больше разъяснить, к чему стремились югославы, на другой день после самоубийства Нако Спиру, Саво Златич подходит к Туку Якова и говорит ему:

— Нужно очень осторожно относиться к происходящему в вашей партии, ведь похожее на это случалось раньше и в нашей партии. Раньше у нас генеральный секретарь партии, Горкич, изменником был ...

Все это было направлено непосредственно против меня. Этим Саво Златич получил первую дань своей победы.

Агенты Белграда — Кочи Дзодзе, Панди Кристо и другие приняли в свои руки знамя борьбы и развернули самое мерзкое наступление на партию, на ее линию и на меня. Начался процесс бескрайних «заседаний» и «анализов» в Бю-

ро, где теперь преобладал и открыто дирижировал Кочи Дзодзе.

Критика, сделанная югославами, была признана справедливой. Более того, усилия и правильные взгляды, излагавшиеся мною, Нако и другими товарищами, обернулись против нас и были использованы для того, чтобы подчеркнуть наше недоверие к «правильной линии Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии». Тезисы о пересмотре бератского Пленума, мой ответ Саво Златичу в связи с первой их критикой — все это было изучено и использовано с целью показать, что я и Нако уже давно питали недоверие к Югославии. Действия молодежи на стройке железной дороги и на других объектах были расценены как враждебные акты, направленные против югославов и против линии нашей партии, и в основном были поставлены в вину Нако. Как ни в чем не бывало были отвергнуты все доклады наших контрольных органов и партийных работников на железной дороге и в других местах. То, что подтверждало точность правильных взглядов наших людей, было детально собрано, чтобы на их основе «доказать» обратное, в выгодном для югославов направлении. Нако был отнесен к числу шпионов и изменников партии!

Партия и Родина переживали самые трудные и самые трагические моменты. Шла уже «работа» над тем, чтобы все эти вопросы сделать объектом обсуждения Центрального Комитета партии, а затем всей партии и народа.

Как раз в разгар этой тяжелой обстановки, которая многим казалось безвыходной, пришла радостная весть: от имени партии и правительства братской Болгарии Георгий Димитров приглашал с визитом в Болгарию правительственную делегацию НР Албании во главе со мною. Приглашение было официальным, делалось оно в ответ на заранее направленную нами просьбу, и югославы, как и их агентура в наших рядах, оказались перед совершившимся фактом. Невольно думается, что в силу самих трудных моментов, которые переживала наша партия, такое приглашение было сделано не

без совета Сталина, делалось оно в противовес проискам югославов. Как-никак, всеобщая эйфория и уверенность в том, что все пойдет как они рассчитывали, побудили югославов «отступить». Мы отложили анализы на более позднее время и стали готовиться к поездке в Болгарию.

VII

НАШ ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В НР БОЛГАРИЮ

Ранкович поручает Кочи Дзодзе контролировать нашу деятельность

Димитров приглашает нас с визитом в НР Болгарию ■ Краткая остановка в Белграде. Визит у Тито ■ Ранкович вызывает Кочи Дзодзе на тайную встречу. Он поручает ему контролировать нашу деятельность ■ Волнующий прием в Софии ■ Официальные переговоры ■ Ужин у Георгия Димитрова. Инцидент в полночь ■ Завершение официальных переговоров в Кришине. Георгий Димитров: «Храните партию чистой. Она должна быть революционной, пролетарской, тогда у вас все образуется» ■ Проездом в Белграде — Тито в Румынии ■ Возвращение на Родину.

Выйдя из героической Национально-освободительной борьбы, Народная Республика Албания приложила все усилия к установлению тесных дружеских связей с Советским Союзом, с Федеративной Народной Республикой Югославией, с Народной Республикой Болгарией и со всеми другими европейскими народно-демократическими странами.

Национально-освободительная борьба и кровь, пролитая нашими народами в этой борьбе с общим врагом, лежали

в основе такой великой дружбы, которую мы питали и старались установить, воплотить в жизнь, беспрестанно укреплять в отношениях со всеми дружескими странами и братскими народами. В свою очередь, мы, хотя и принесли большие жертвы (одни борясь в нашей стране и освободив ее своими силами, сражаясь и за пределами наших государственных границ, чтобы помочь в освобождении Югославии), правильно оценили большой и решающий освободительный вклад Красной армии, как и вклад Югославской национально-освободительной армии и т.д. Другие же умалили нашу борьбу и, воспользовавшись тем, что мы верно, согласно марксистско-ленинской линии ставили этот вопрос, изобразили дело так, будто «все было сделано ими» и что «без них мы ничего не достигли бы». Для них Албания была грудным младенцем, которого следовало поить молоком из рожка, держать под патриархальной опекой так, чтобы ее голоса не было слышно в концерте политики, проводившейся другими странами народной демократии. Как я уже говорил, в первые годы такой дух пренебрежения к нам ощущался прежде всего в поведении югославских руководителей, которые вели себя таким образом не только потому, что были беззастенчивыми мегаломанами, но и потому, что преследовали по отношению к нам темные цели. От других они требовали всего лишь официального «признания» Албании на бумаге, словами и издалека, но зато никоим образом не хотели, чтобы такое признание конкретизировалось во всесторонних взаимных связях нашей страны с другими странами народной демократии, включая сюда и Советский Союз. В известной мере такая антиалбанская политика Белграда имела успех, и это факт, что дружеские страны народной демократии, хотя официально признали нас еще в 1945 и 1946 годах, в действительности знали нас издалека, а, что хуже, исходя из того, как «представляла» нас им Югославия.

Первоначально такой дух и такая практика получили развитие и были дозволены, но не нами. Конечно, этот дух имел свои приливы и отливы, прекращался и сопровождался скрежетом зубов до тех пор, пока Гордиев узел не был раз-

рублен мечом. Но давайте не будем забегать вперед. Следует отметить, что Югославия и Тито были заинтересованы в том, чтобы мы были изолированными, они, без сомнения, маневрировали и продолжали маневрировать за кулисами также в направлении Болгарии и имели успех вплоть до того момента, когда от имени Правительства и Коммунистической партии Болгарии Димитров пригласил нашу делегацию с визитом в Софию.

Сделанное Димитровым приглашение было с большим восторгом встречено нами, когда я внес его в Политбюро и Правительство на рассмотрение и одобрение. В тогдашней тяжелой атмосфере оно было словно ясный день после темной и чреватой опасностями ночи. Мне поручили сформулировать и уточнить проблемы, которые нам предстояло выдвинуть, заняться другими техническими вопросами, определить состав делегации и поставить в известность об этом послов дружеских стран.

Вначале я пригласил болгарского посла, снова поблагодарил его и передал ему официальный ответ — сообщил о принятии приглашения. Оставалось всего лишь вместе установить точный день выезда.

Затем я пригласил советского посла, которого также поставил в известность об этом. Он дал мне понять, что был осведомлен об этом Москвой. Я нисколько не сомневался в этом и считал даже, что такой шаг не мог быть предпринят, не посоветовавшись и со Сталиным. Это вселяло в нас особое доверие. Но в уме мы прикидывали, что и югославы были в курсе дела. Тем не менее, я вызвал и югославского посла и поставил его в известность об этом. Он выслушал меня, делая заметки, и сказал, что немедленно сообщит об этом своему правительству в Белграде. Я заметил, что весть его не согрела и, насколько я понял, он не знал о приглашении.

— Известно ли это советскому послу? — спросил меня он.

Я ответил, что поставил его в известность. Сказал ему также, что поговорим позднее, когда установим с болгарами день выезда.

— По пути мы заедем в Белград и попросим вашей помощи, — кончил я.

Тот ответил:

— Непременно!

Таким образом «хорошо» и «по-товарищески» расстался я и с югославским послом, хотя и соображал, что югославы не могли быть довольны тем, что нам придется приостановить анализы, отложив на более позднее время «албанский вопрос», который стоял у них на повестке дня.

Начались и кончились приготовления, и мы отправились в Софию через Белград. Делегацию возглавлял я, а главными ее членами были Кочи Дзодзе, Хюсни Капо, Кристо Темелько.

Я был чрезмерно рад тому, что ехал в Болгарию Димитрова. Такую большую радость испытывал и Хюсни. Внешне казалось, будто Кочи и Кристо Темелько испытывали то же самое (но позднее выяснилось, что это не так было). Это в третий раз я оставлял Родину, отправляясь с официальными делегациями в братские и дружеские страны: в первый раз мы ехали в Белград, к Тито; во второй раз в Москву, к Сталину, а теперь — в Софию, к Димитрову.

Наш народ, наша партия и наше правительство питали к Болгарии и ее выдающемуся вождю, Димитрову, горячую любовь и симпатию. Эти чувства были основаны на старых исторических традициях дружбы, а традиции дружбы дальше окрепли в годы Национально-освободительной борьбы, несмотря на то, что связи и контакты между нами и болгарскими партизанами были редкими. Особенно выдающаяся личность Георгия Димитрова тесно связывала нас неоспоримым идейно-политическим единством. Вдохновлявшая наши партии марксистско-ленинская идеология — вот стальные узы, соединявшие нас во всех наших действиях.

В прошлом, когда албанский народ боролся против сербских притязаний и террора, мы дружили с болгарским народом, мы любили, уважали друг друга и оказывали друг другу помощь. Патриоты и деятели нашего Национального Возрождения находили в болгарском народе укрытие и по-

мощь в своей борьбе; в самой Софии были созданы албанские патриотические общества, там печатались албанские книги и газеты, которые нелегально ввозили в Албанию. Наши отряды Национального Возрождения и в период балканских войн поддерживали тесные боевые связи с повстанческими отрядами этих краев, предпринимали совместные боевые действия и укрывали друг друга. Так что связи наших народов исторически и давно уже были весьма дружественными. Совместная Антифашистская Национально-освободительная борьба еще больше укрепила эти связи, хотя, как я уже говорил, в период войны мы не поддерживали непосредственных связей с болгарскими партизанами. Один только раз, а именно в 1943 году, в Лябинот пришел встретиться со мною Болгаранов. Мы обменялись мнениями о борьбе и у меня сложилось впечатление, что они, болгары, были слабыми. И, действительно, партизанская борьба в Болгарии развивалась медленно и разгорелась в широком масштабе только после вступления Красной армии в Болгарию. На встрече со мною Болгаранов хорошо отозвался о югославах, как и о наших, албанских отрядах, действовавших в краях Дибры и Македонии. Он сказал нам, что Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии направил его туда с поручением вести работу среди македонцев, которых он называл к тому времени болгарами. Я знал, что Болгаранов не ладил с Вукмановичем Темпо, руководившим национально-освободительной борьбой в Македонии, но мне он сказал, будто был в хороших с югославами отношениях. Я отметил Болгаранову, что в Македонию были включены целые края с албанским населением, что это составляло несправедливость прошлого и что по окончании Антифашистской национально-освободительной борьбы вопрос национальностей следовало рассматривать, исходя из ленинских положений.

— Лишь сквозь такую призму, — сказал я, — могут быть правильно разрешены проблемы этих районов, проживающих в них наций и народностей, иначе будут продолжаться национальный гнет, старые противоречия и конфлик-

ты. Коммунистическая партия Югославии, Коммунистическая партия Албании и Болгарская коммунистическая партия, — сказал я Болгаранову, — за весь период борьбы против общего врага — фашизма, должны работать и в том направлении, чтобы наши народы сдружились. Нам надо политически подковать наши народы, чтобы покончить с горькими пережитками прошлого и вести их к победе; народы, страдавшие от несправедливостей, учиненных великими державами и шовинизмом балканских государств, должны завоевать право на самоопределение. Так думаем мы что касается албанцев тех албанских краев, которые были присоединены к Югославии.

Поскольку я уже проложил путь, Болгаранов принялся в свою очередь говорить о вопросе Македонии, которую он считал частью Болгарии.

Я дал ему высказаться, но не распространился об этом вопросе. Мне известно было, что югославы склонны были умалить борьбу болгар, с пренебрежением относились к ней. Не подлежит сомнению, что одна из главных причин этого заключалась в македонском вопросе.

Кроме этой встречи, в годы войны мы не имели с бол-

Кроме этой встречи, в годы войны мы не имели с бол-

ской и интернационалистической дружбы к болгарскому народу и Болгарской коммунистической партии (насколько помню, называлась она тогда Болгарской рабочей партией) мы постоянно насаждали. В этом большую роль играла личность Димитрова, стяжавшего мировую известность. Имя героя Лейпцига, Генерального Секретаря Коминтерна, было на устах у коммунистов и антинацистов всего мира. Они любили его, восхищались им, слушались его вслед за великими классиками марксизма-ленинизма — Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным. Димитров был тесным другом и одним из ближайших соратников Сталина. Вот почему поездка в Софию и встреча с Димитровым составляли для нас огромную радость.

Питая именно такие чистые и дружеские чувства к дружественным и союзным странам, и выехала наша делегация,

которая 12 декабря прибыла в Белград. Встреча на железнодорожном вокзале была весьма холодной, но «официально» югославы соблюдали «протокол строжайшим образом»: встречать нас вышли Кардель, Ранкович, Симич (к тому времени министр иностранных дел), Гебранг (Председатель Плановой комиссии), Темпо и ряд других личностей более низкого уровня. Как я уже говорил, наш визит в Болгарию состоялся в такое время, когда Тито и компания перешли в наступление на нас, так что появление на вокзале всех «этаких личностей», как их назвал Кочи Дзодзе, явилось для нас неожиданностью. Но всему свое объяснение, и югославы хорошо рассчитывали свои действия. Публично, внешне еще не было видно больших трещин, образовавшихся в отношениях между нашими партиями и нашими странами, и югославы старались в глубокой тайне предпринять свой удар. А чтобы рассеять любое подозрение относительно этого наступления, они предпринимали и кое-какой жест «дружбы» и «братства» по отношению к нам, каким было и появление «этаких личностей» на вокзале, однако все это делалось нехотя, холодно. Мы совсем не были знакомы с дипломатическими правилами, протоколами и формальностями, такими как церемонии и т.д. и не обращали на них внимания, но это факт, что, за исключением нескольких протокольных и весьма официальных приветствий, приближенные Тито ничего другого нам не сказали. Впрочем, такая холодность не должна была произвести на нас впечатление. На нас не произвел впечатление тот факт, что нам отвели частный дом (конечно, национализированный). Нам сказали, что дом принадлежал когда-то Стояниновичу, великосербскому реакционеру-фашисту, который во времена югославского королевства имел с Чиано переговоры о разделе Албании с Италией Муссолини.

Однако, несмотря на оказанную нам холодную встречу, на возведенные Златичем в наш адрес обвинения и тяжелую обстановку, вызванную у нас этими обвинениями, я считал нужным использовать время пребывания в Белграде для встречи с Тито, чтобы непосредственно поговорить с ним о том, как обстояли дела на самом деле. С этой целью мы решили

попросить встречи с ним, даже и если он сам не пригласит нас. Будучи союзниками, мы находили уместным также поставить его в известность о целях нашего визита в Болгарию, говорить ему о значении договора, который мы предполагали подписать с братской Болгарией и который мы считали укреплением договора, заключенного раньше с Федеративной Народной Республикой Югославией. Конечно, по этому случаю мы могли обменяться с ними мнениями и о международной обстановке, но главное, если это возможно будет, мы хотели открыто говорить о наших внутренних делах и обострившихся отношениях с ними. Такова была наша предрасположенность с прибытием в Белград.

В момент, когда мы должны были расстаться с Карделем и Ранковичем, провожавшими нас до дверей отведенного нам дома, я изложил им нашу просьбу о возможной встрече с Тито.

— Да, — сказал Кардель, холодный, как змея. — Товарищ Тито сам желает вас принять и встретиться с вами, быть может, еще сегодня вечером. Мы сообщим вам об этом в нужное время.

Долго ждать не пришлось, нам передали, что Тито ждал нас для «приветственной встречи».

Правда, мы как-то «взволнованные» шли к «этим великим людям», ведь они такими изображали себя и хотели, чтобы такими мы и считали их. От их характера и поведения зависело создание либо товарищеской и теплой, либо натянутой и принужденной обстановки. Два дня спустя после этого мы впервые должны были встретиться и с Димитровым, познакомиться с ним и, сказать по правде, Тито ни в какое сравнение не шел с выдающимся вождем Болгарии. Они отличались между собой как небо от земли и это я так сужу не с сегодняшних позиций; именно такими были в то время мои впечатления. Тито чванно обращался с нами, холодно, сдержанно и обдуманно вел себя, ни в коем случае не ошибался — не делал жест, не говорил слово, которые передавали бы товарищескую близость и теплоту. Нет, ничего такого в нем не было, все было холодно и заранее обдуманно.

В 1946 году, на первой встрече с ним, мы говорили себе, что таков, должно быть, его характер, однако теперь мы сообразили, что холодность Тито имела другой смысль. Он хотел, чтобы мы и внешне стояли перед ним «покорно», словно перед патриархом.

На этот раз Тито принял нас не в дворце Дедини, а в простом доме в самом городе Белграде, стоявшем, кажется, на улице по названию Румунска. Это был красивый двухэтажный дом старого стиля, окруженный высокими стенами. Мы вошли в переднюю, где, если не ошибаюсь, нас ждали Тито, Кардель, Ранкович и Гьиляс. Тито был в сером шерстяном костюме и в такого же цвета ботинках. Стоял, как будто аршин проглотил. Он всего лишь пожал нам руку, спросив как наше здоровье, и, когда церемония эта кончилась, повел нас в стоявшую рядом свою рабочую комнату. Это была относительно длинная комната с окном чуть ли не во всю ее ширину. У окна находился его рабочий стол, а посреди комнаты стоял другой, длинный стол. Видимо, там проходили заседания Бюро или же Тито вызывал туда по делам других людей. Мы собирались сесть за стол и, как обычно, по одну сторону должны были сидеть они, а по другую — мы.

— Пожалуйста, садитесь, — сказал Тито, а сам продолжал стоять. Я сел, мои товарищи собирались уже занять свои места следом, один за другим. Но Тито сказал:

— Товарищ Дзодзе, сюда, пожалуйста, — и указал ему свободное кресло во главе стола. Все мы остолбенели от такого поступка Тито. Однако я хладнокровно сказал вогнанному в краску Кочи:

— Иди, куда тебе говорят!

— Да вот, товарищ маршал, я здесь посижу, пусть там товарищ Энвер сидит, — ответил ему Кочи.

— Нет, нет, — проговорил Тито, — идите сюда, и вы можете здесь сидеть.

Я спокойно повторил Кочи идти, куда ему говорили. Этим и завершалась эта провокация. Все мы уселись. Тито взял свой мундштук с изогнутым как у трубки концом, вставил папиросу, прикурил и придвинул пачку ко мне:

— Пожалуйста, закурите!

Я сказал ему, что бросил курить (это была неправда, но я не хотел принять от него папиросы после того, что он сделал). Затем Тито обратился ко мне:

— Товарищи сообщили мне, что вы поедете в Болгарию и, наверняка, встретите и Димитрова. Довольны ли вы предстоящим визитом?!

Я вкратце рассказал ему о цели нашего визита в Болгарию, отметил, что такое желание было у нас давно, указал на расположение и любовь, которые албанский народ питал и продолжал питать к Болгарии, к ее народу, особенно, к выдающемуся вождю Болгарии и международного коммунистического и рабочего движения, Георгию Димитрову. Далее я сказал ему, что с болгарскими товарищами мы предусматривали вести переговоры по вопросу укрепления взаимных отношений между нашими партиями и нашими странами, и, в этих рамках, собирались подписать такие документы, которые укрепили бы не только независимость обеих наших стран, но и отношения между Народной Республикой Албанией и Федеративной Народной Республикой Югославией. Тито слушал меня со хмурым видом, он высоко держал голову и смотрел на меня своими стеклянными, холодными глазами.

Когда я кончил, Тито повернулся к Кочи и улыбающе сказал ему:

— Наверное, вы подготовились перенять опыт Болгарской коммунистической партии...

— Возможно, нам представится случай сделать и это, однако у нас безграничные возможности перенимать в любом случае и во всем опыт Коммунистической партии Югославии, — ответил ему Кочи.

Ранкович с первого и до последнего момента сидел неподвижно, с застывшим лицом, он всего лишь курил из своего белого длинного мундштука.

Затем слово взял Тито. Он неспроста почти совсем забыл о сказанном мною, о том, куда мы ехали и что собирались делать. Очевидно было, что этим своим поведением

он хотел сказать нам, что для него совершенно неважно было, о чем мы будем переговариваться с болгарами. Короче говоря, этим он хотел сказать, что им не нравился наш предстоящий визит, не случайно Тито всю свою беседу сосредоточил на «укреплении отношений между Албанией и Югославией», подчеркнув, что «эти отношения имеют для Албании большое значение», что «вам, албанцам, следует бороться с недостатками и ошибками, наблюдающимися в партийной работе и в государственных аппаратах», чтобы тем самым не мешать использованию «большой помощи, оказываемой вам Югославией», которая «приносила жертвы» ради нас и т.д. и т.п.!

У меня сложилось впечатление, что Тито принял нас перед нашим выездом в Болгарию, чтобы «напомнить» нам о том, что «наш путь» и в Софию, так же как в Москву и куда бы то ни было, «проходил через Белград». Ведя разговор таким образом, он дал нам понять, что мы не должны были «перешагнуть границы дозволенного» в отношениях с болгарами.

Я поблагодарил Тито за «ценные советы», искренне заверил его в чувствах любви, которые мы продолжали питать к дружеским и братским народам Югославии, и, когда собирался уже взяться за наши проблемы, где, по его словам, у нас были «ошибки и недостатки», тот встал.

— Будет время, когда вернетесь из Болгарии, — сказал он и на ходу пригласил нас вместе смотреть фильм.

По окончании фильма, из которого у меня в памяти ни единого кадра не осталось, нам подали кофе или же, как говорят в Гирокастре, «выпроводительное кофе», мы пожали руку друг другу и расстались. Мы подумали, что после этого больше не будет контактов с югославскими руководителями. Но вот, обособленно и без моего ведома, либо они предложили Кочи Дзодзе встретиться с Ранковичем, либо сам Кочи просил такой встречи. Однако, скорее всего это Ранкович захотел встретиться с Кочи.

Дело было вечером, за день до нашей отправки поездом в Болгарию. Мы отдыхали перед ужином, как вдруг Кочи

и Шуле входят в салон, где сидели я и Хюони, и обращаются ко мне:

— Товарищ Энвер, я и Шуле пойдем на краткую встречу с Марко (Ранковичем) и поговорим с ним о том, как организовать партийную работу на уровне бригады и в штабе дивизии.

— Не лучше ли вам встретиться после возвращения? — сказал я. — Вопросы ставьте теперь и, когда вернемся, свободнее будет.

— Нет, — ответил мне Кочи, — лучше пойдем и кончим это дело еще сегодня, чтобы спокойно было в душе.

— Хорошо, — сказал я им, — идите.

Кочи и Шуле пошли к Ранковичу, а я и Хюони остались сидеть дома и даже поужинали, не дождавшись их, так как югославский сопровождающий «посоветовал» нам поужинать, ибо «товарищи могут задержаться».

Вернувшись со встречи, и Кочи и Кристо казались довольными, веселыми, ведь они получили «подробные и полные объяснения о методе партийной работы в бригаде и в дивизии». Эта ночная встреча между Ранковичем, Кочи и Шуле заявила впоследствии о себе в Софии.

Визит, нанесенный Кочи и Шуле Ранковичу при таких обстоятельствах и по указанным ими причинам, показался мне, а, наверное, и Хюони, совершенно неубедительным, однако ни я и ни он не подали виду и притворились, будто нашли его естественным.

На другой день мы отправились в Софию. На границе нас очень радушно встречали Антон Югов и многие другие товарищи из болгарского руководства. Мы обнялись, поцеловались, как теснейшие друзья и братья. Нам передали привет Димитрова и сказали, что он сам и все товарищи-члены партийного и государственного руководства встретят нас на главном софийском вокзале. Первый контакт с представителями болгарского народа был сердечным, трогательным. Простые люди обнимали нас, говорили нам «добро пожаловать», желали нам успехов в нашей поездке и укрепления взаимных отношений между обеими странами и обоими нашими на-

родами. И я приветствовал их, выступив с кратким заявлением, в котором выражал чувства большой любви албанского народа к братскому болгарскому народу, уверенность в том, что наши дружественные связи будут неуклонно идти вперед и под конец выкрикнул:

— Да здравствует ваш великий вождь, Георгий Димитров!

Народ разразился продолжительными овациями. По национальному обычаю нам преподнесли хлеб и соль, а молодая девушка подарила мне мастерски отделанный болгарский традиционный костюм.

— Сколько уколов в этом костюме, столько же выражений любви к албанскому народу от болгарского народа, — сказала она мне в слезах от восторга и обняла меня.

Окруженные такой атмосферой поехали мы в Софию.

Доехали. Встречать нас вышло много народу, вышло руководство во главе с величественным Димитровым, у которого было мужественное, высеченное лицо настоящего революционера, длинные и распущенные волосы, так как он снял меховую шапку, хотя падал снег и холодно было. Он ждал меня на перроне, пожал мне руку, обнял и поцеловал меня. Это был для меня очень волнующий момент. Я обнял и не отпускал его. Слезы катились у меня от волнения, вызванного тем, что настал уже день, когда партия и народ послали меня сюда встретиться с этим великим учителем пролетариата; ведь, будучи его верным учеником, следуя его примеру, его наказам и советам, я научился, как держаться и бороться против фашистских захватчиков, против врагов народа и классовых врагов, за освобождение своей Родины, за основание и укрепление своей партии, за социализм и коммунизм.

По окончании церемоний на вокзале мы сели в машины, которые доставили нас в резиденцию болгарского правительства. Димитров и я сели в первую, открытую машину и проехали сквозь длинную вереницу людей, наполнявших улицы, тротуары, площади, вышедших к окнам и на балконы. Всюду были установлены албанские и болгарские флаги, портреты и лозунги в честь болгаро-албанской дружбы. Какая безгра-

ничная любовь народа к Димитрову, к Сталину и к Албании! Площадь перед дворцом была полна людей. С его балкона предстояло нам приветствовать братский болгарский народ.

Прежде, чем выйти на балкон, я и Димитров посидели рядом. Он был велик в своей образцовой скромности. Димитров спросил меня о народе, о партии, о товарищах. Говорил он по-русски, а я по-албански, так как совсем мало понимал русский.

Когда мы вышли на балкон, под овации народа раздался громкий голос Димитрова. У него был сильный, звучный голос, сопровождавшийся глубоким дыханием, так как ему астма мешала; он восторженно, горячо, с беспредельной любовью говорил о нашем народе. И я, слушая его, уставился на него глазами и невольно вспоминал его титанические битвы, пытки, которым он был подвергнут, его страдания ради дела мирового пролетариата, думал я об этом пролетарие, который никогда не сгибался, а постоянно возвышался в бури, как Антей, ратуя за победу революции.

И моя речь была хорошо принята народом Софии, так как она была простой и выражала пламенную любовь и самые глубокие чувства нашего народа и нашей партии к болгарскому народу, к Болгарской коммунистической партии и к Димитрову лично. Я вкратце описал историю войн нашего народа в прошлом и в период Национально-освободительной борьбы, тесные ленинские связи с Советским Союзом, с героической Красной армией, со Сталиным, с Болгарией Димитрова. Я упомянул также наши отношения с новой Югославией.

На официальных переговорах делегаций от имени нашей делегации выступил я, а от имени болгарской делегации выступил Димитров.

Я выступил с относительно длинным изложением, описав нашу Национально-освободительную борьбу, указав на принципы, которыми руководствовалась наша борьба. Я рассказал, как закладывались первые основы и как создавалась народная власть во время войны и после нее, говорил о фор-

мировании отрядов и Национально-освободительной армии в ходе битв и акций, о мобилизации народа и создании Национально-освободительного фронта. Рассказал я о том, какую политику проводили мы относительно Фронта и о главных формах работы, подчеркнув тот исторический факт, что Фронтом руководила Коммунистическая Партия, но зато ни во Фронте и ни вне его у нас не было в стране других партий. Потом я рассказал о партии, без которой ничего не было бы достигнуто, говорил о директивах, полученных нами от Коминтерна и т.д. и т.п.

В продолжение моего изложения я нарисовал картину внутренней политической обстановки и экономического положения, совсем кратко говорил о наших отношениях с Югославией. Естественно, здесь не были ни место и ни момент вдаваться в подробности как в положительном, так и в отрицательном смысле касательно наших отношений с Югославией и югославским руководством. То, что кипело в Тиране в области этих отношений, я старался хранить глубоко в себе, чтобы не дать понять болгарским товарищам, да и никому другому, что между нами и Тито происходило что-то недоброе. Позднее, в подходящий момент, когда ситуации выяснятся и назреют, все будет открыто сказано. Сами болгарские товарищи не давали нам повода и не просили от нас вдаваться в подробности что касается наших отношений с Югославией. Портрет Тито они вывесили наряду с портретами Сталина, Димитрова и моим портретом; они также сказали несколько общих слов о дружбе с братскими народами Югославии, о совместном пути к строительству новой жизни и больше ничего.

Итак, продолжая мое изложение, я «обошелся» в вопросе Югославии без каких-либо хлопот и отметил друзьям, что внутренняя политическая обстановка была у нас прочной, но зато в деле экономического развития нам приходилось бороться с многочисленными и всесторонними трудностями.

Рассказал им о диверсионной деятельности англо-американцев против нас. Мы вели непрерывную борьбу с диверсантами, которых засылали к нам с воздуха, моря и со

стороны границ с Грецией, а последняя вела непрекращавшуюся разнузданную пропаганду, предъявляя притязания на Южную Албанию и сохраняя «состояние войны» с Народной Республикой Албанией. Я отметил, что вся эта пропаганда и подрывная деятельность ничуть не запугивают наш народ, наоборот, он каждодневно крепнет, закаляется, усиливает и повышает бдительность.

Товарищ Димитров поздравил меня с изложением и, сказать по правде, я еще храню впечатление о том, будто выдержал большой экзамен, ибо испытывал сильное волнение перед Димитровым, хотя он был самым простым человеком среди великих руководителей, с которыми мне доводилось встречаться в жизни. Как раз уважение и любовь к нему и усиливали мое волнение.

Вслед за мною слово взял Димитров, который выступил с пламенной речью о дружбе и особенно о нашем народе, о его героических битвах и сражениях.

Мы очень внимательно слушали его слова, его глубокие мысли, когда тот говорил нам о важной роли Советского Союза и великого Сталина в успешном исходе второй мировой войны и установлении нового строя в наших странах. Он открыл нам широкие просторы в области внешней политики наших социалистических стран и Советского Союза, свирепой политики англо-американского империализма и его сателлитов, с которыми следовало вести ожесточенную борьбу во всех областях. Коснувшись вопроса о Греции, где господствовала монархо-фашистская реакция, как и смутной и неустойчивой обстановки в неофашистской Италии, Димитров подчеркнул:

— Они не в силах будут вредить Албании, так как новая народная Албания прекрасно умеет защищаться и мы будем защищаться вместе.

Затем, упомянув существовавший между Албанией и Югославией Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, Димитров предложил от имени болгарского правительства и болгарского народа заключить и между Болга-

рией и Албанией Договор о дружбе и взаимопомощи, что впрочем было предусмотрено и нами.

Мы пришли в восторг от этого. Я встал и, произнеся краткую и волнующую речь, так как от радости и волнения слов не находил, сказал ему:

— Мы вполне согласны с вашим предложением, наш народ и наше правительство крайне обрадуются этому и будут вам признательны. Это день исторического значения для нашего народа, и т.д.

Мы обнялись и поцеловались. Для нас не было дня радостнее этого, мы были на седьмом небе. Этим мы еще больше обеспечивали безопасность рубежей нашей дорогой Отчизны, ради свободы которой народ в веках истекал кровью.

Не буду говорить о церемониях и разных визитах, нанесенных нашей делегацией в Софии в разные ее учреждения и на фабрики, так как их много было и я не всех их помню, ведь с тех пор прошло много лет, однако энтузиазм и любовь, проявленные болгарскими трудящимися и болгарским рабочим классом к албанскому народу, никогда не будут изглажены из моей памяти.

На большом праздничном вечере в Софии меня удостоили звания «Почетного гражданина Софии» и помню, что в тот вечер мы пели и танцевали с простыми болгарскими гражданами и руководителями, словно находились в Албании.

Как-то (не помню, было ли это в тот вечер или же на ужине, данном по случаю прибытия нашей делегации) Димитров, в частности, сказал мне:

— Наш народ проникнут почтением и уважением к вашему народу, к вашим ценным традициям и качествам. Еще в детстве я слушал, как у нас говорили «будь непреклонным как арнауты, то есть как албанцы». У нас широко известно ваше качество не склонять головы ни перед какими трудностями и опасностями.

Я внимательно посмотрел ему прямо в глаза, силясь понять, говорил ли он это совершенно случайно или же по-

дразумевал что-либо другое, но ничего не смог угадать. Он глядел на меня улыбающе и поднял бокал.

— Да, — ответил я. — Такова извечная черта нашего народа. На него нападали всякие враги, он сталкивался с ними, истекал кровью, приносил большие жертвы, но зато никогда не сгибался. Теперь, когда мы имеем во главе партию, черта эта дальше крепнет. Мы ни в коем случае не согнемся, какими бы ни были трудности и преграды, товарищ Димитров.

— За ваше здоровье! — сказал он и чокнулся с нами. — Да здравствует ваш народ!

Как я уже говорил, визиты были многочисленными и сердечными. При посещении нами одного кооператива нас повели на поле под клубниками. Помню, что при этом нас сопровождали Трайче Костов, тогда заместитель премьер-министра и министр внутренних дел Болгарии (болгарский гомолог Ранковича, осужденный с раскрытием титовской измены и реабилитированный с приходом хрущевцев к власти), и Георгий Трайков — генеральный секретарь Болгарского Земледельческого народного союза, к тому времени заместитель премьер-министра, а впоследствии председатель Президиума Народного Собрания Народной Республики Болгарии. Там нас встречали женщины и мужчины. После краткой беседы один старик спрашивает меня о Георгие Трайкове:

— А это кто?

Я сказал ему кто это был, а старик встал и обратился к нему:

— Где же ты, *брате*, а то у меня усы поседели, ведь ты у нас председатель аграрной партии и я никогда тебя не видел!

Это произвело на нас впечатление, так как свидетельствовало о слабых связях этих людей с массами. Хотя Трайков состоял в атрарной партии Стамболийского[1], Болгарская коммунистическая партия держала его совсем близко к ру-

---

1 Руководитель Болгарского Земледельческого народного союза, созданного в 1899 г.

ководству; нам оказали даже, что он был и коммунистом, но этого они не разглашали.

Незабываемым останется официальный ужин, устроенный Димитровым в честь нашей делегации. Он был в черном костюме. Вправо от себя он усадил Неджмие, а я, сидевший напротив, имел вправо от себя его супругу. Помнится мне мелкая, но многозначительная деталь. Прежде, чем приступить к речам и взяться за еду, Димитров разом собрал множество лежавших перед ним разнообразных ложек и вилок и оказал официанту:

— Убирай их, не нуждаюсь я в 20 штуках, мне достаточно всего лишь одного ножа, одной ложки и одной вилки, — вот до чего доходила его скромность, скромность человека, который терпеть не мог буржуазной роскоши и обычаев. Воодушевленный его скромностью, и я тут же наполнил официанту руки никелированным железом.

После выступления Димитрова, я также ответил ему очень теплыми словами, часть которых посвятил высокой фигуре Димитрова, его большой роли, как руководителя не одних только болгарских коммунистов, но и коммунистов всего мира, назвал его учеником и очень близким соратником великого Сталина.

Ужин прошел в весьма радостной обстановке. Димитров был веселым человеком и большим оптимистом. По окончании ужина мы в приподнятом настроении и унеся с собой неизгладимые впечатления, вернулись в отведенную нам резиденцию, во дворец бывшего короля Бориса. Закурив в салоне и обменявшись впечатлениями об ужине, мы пошли в спальни. Но сон не шел. С моих глаз, из моей головы не уходили впечатления от встреч и теплых слов Димитрова, я вспоминал его жизнь непреклонного борца, его борьбу, жертвы, принесенные им за дело своего народа и мирового пролетариата. Вероятно, было уже за полночь, когда я услышал стук в дверь. Встаю, открываю ее. На пороге с угрюмым видом стояли Кочи Дзодзе и Шуле.

— Что случилось? Вы еще не легли спать? — спросил я их.

— Нет, не легли, — ответил Кочи, — так как поговорить с тобою хотим.

— Неужели это такое срочное дело? Не могли вы ждать до утра?

— Я и Шуле настолько обеспокоены, что спать не можем, — сказал Кочи Дзодзе, — поэтому хотим сейчас же поговорить!

Я упорно посмотрел на них, сказал им подождать в салоне, пока я накину что-либо на плечи, и ушел. Стук в дверь моей спальни и голоса в полночь услышал и Хюсни, так что и он вышел к двери своей спальни.

— Давай, Хюсни, — сказал я ему, — у Кочи и Шуле какое-то срочное к нам дело!

Мы сели в салоне и Кочи Дзодзе заговорил:

— Мне и Шуле не понравилась твоя речь, мы не согласны со сказанным тобою в адрес Димитрова!

Я широко раскрыл глаза от удивления и посмотрел в сторону Хюсни, который был поражен в той же мере, что и я.

Кочи продолжал:

— Мы не согласны со всеми теми эпитетами, которые вы ему приписали. Мы не говорим, что Димитров не является выдающимся человеком, но ведь ты приписал ему большую роль.

— Я не допустил ошибки, я ничего лишнего не говорил о Димитрове, — ответил я, — мне следовало бы еще больше говорить о нем, так как он заслуживает этого. Это вы ошибаетесь; тем не менее мне непонятно, как это можно, чтобы вы так мучились по этому поводу, что даже сон потеряли! Не то что мы должны говорить про Димитрова, — отметил я далее, — о нем говорил весь революционно настроенный и прогрессивный мир, к тому же горячими и вполне заслуженными терминами!

Хюсни раздраженно вмешался, взяв мою сторону:

— Да что вы говорите, что это за неуместные слова! В речи товарища Энвера все было правильно!

Вскочил Кочи и сказал:

— Это вы так думаете, а мы думаем иначе и не согласны с вами.

— Этот вопрос мы разрешим в Тиране, — ответил я им резким тоном. — Такое разногласие не должно мешать нам успешно вести работу и исполнить долг, возложенный на нас партией и правительством.

— Да, да, — вскочил Кочи Дзодзе, — но во всей твоей речи, в которой ты так превозносил Димитрова, ты совсем игнорировал Тито, ни слова о нем не сказал. Я не согласен с тем, чтобы Димитров затмевал величие Тито, его умение и славу выдающегося революционера. Тито — самая великая и самая светлая личность балканских народов. Ты сказал, что «Димитров — выдающийся международный деятель», а ведь то же самое надо было сказать и о Тито, ведь он именно таким и является, а Югославия Тито должна стать теперь эпицентром балканских народов.

Тут я сообразил, почему их сон не разбирал, что это была за «тревога» и почему они не были согласны с нами. Я уяснил себе и понял истинный смысл и причины их белградской встречи с Ранковичем — якобы для получения от него партийных указаний, а фактически для получения директив о том, чтобы наблюдать за нами и не дать нам перешагнуть границы, установленные югославами, «исправлять» нас и действовать согласно тайным указаниям Тито-Ранковича.

Я говорю Кочи и Шуле:

— Это провокация с вашей стороны, ибо я думаю, что, провозглашая тост на официальном ужине в Болгарии, мне незачем было говорить о заслугах Тито. Тито я упомянул, когда говорил о нашей дружбе с Югославией, а это мне кажется правильным и достаточным, так что не отказываюсь от своего мнения.

— Мы с тобою не согласны! — настояли побагровевшие Кристо и Кочи.

— Но и я с вами не согласен. Это мы разберем в Тиране, а теперь пойдемте спать, а то завтра работа нас ждет, — отрезал я и встал.

— Я вполне согласен с мнением товарища Энвера, —

вставил в свою очередь Хюсни, и мы пошли в спальни, хотя и не уснули до самого утра.

Это был первый инцидент, происшедший у нас в Болгарии с Кочи и Кристо. Ведь случился и другой, на сей раз в форме «поправки» в документе, который мы должны были подписать в связи с развитием торговли между обеими странами. Это был простой, обычный документ, какой бывает в принципе. Оба «принципиальных» (подговоренных Ранковичем) сказали мне, что нужно было добавить к тексту слова «по договоренности с Югославией».

Я отметил им, что нехорошо было бы с нашей стороны требовать этого.

— На практике никто не связывает нас по рукам и не мешает нам действовать так, как это мы считаем разумнее, — сказал я им. — Если нам выгодно, то мы продаем и покупаем и в Болгарии, конечно, выполняя прежде всего обязательства, вытекающие из соглашений, подписанных нами с Югославией.

Однако, не имея возможности убедить их (убежденных сторонников югославской зависимости), я сказал им под конец:

— Составьте в подготовительной комиссии какую-либо поправку и обсудите ее.

Наконец, по ходатайству Димитрова, Коларов[1] — один из болгарских руководителей и соратник Димитрова — сформулировал на пленарном заседании что-то в таком духе и этим инцидент был исчерпан. Кочи Дзодзе уже было, что доложить своему коллеге, Ранковичу, по возвращении!

В свободные моменты болгарские товарищи приходили к нам потолковать о разных проблемах. Коларов также вел себя с нами очень скромно и любезно. Однажды он рассказал нам о Сталине, о героических подвигах большевиков, о трудном положении, сложившемся в Советском Союзе после революции, о первой пятилетке и трудовом подъеме масс.

---

1 В то время заместитель Председателя Совета Министров и министр иностранных дел Болгарии.

Он говорил нам о своей деятельности в Коминтерне и в период, когда его послали работать в Монголию.

— Как трудно было там, — рассказывал Коларов. — Страна и народ были словно в самом раннем средневековье. Господствовали ламы и храмы. Каждая семья обязательно должна была отдавать одного или двух сыновей в ламы. Ламаистские учреждения все до единого были гнездами японского шпионажа. Кочующий народ был совершенно неграмотным жил во мраке, болел сифилисом, страдал от неописуемой нищеты. Люди не знали врача, лекарств, хлеба. Для них все сводилось к мясу, кумысу, одежде из овечьей шкуры, лошадям — больше ничего не было. Религия и мистицизм были в полном разгаре. В Улан-Баторе умиравших людей не хоронили, там существовал «бассейн», куда бросали их. Иногда их бросали туда еще живыми. Трупы не вонял в силу климата, а «тлели». Народ жил в юртах. Народный строй Сухэ-Батора начал с помощью советских строить некоторые жилые квартиры, — продолжал Коларов свой рассказ, — однако никто в них не поселялся. Во всем, вплоть до мельчайших вещей, понадобилось вести большую пропаганду и, особенно, приходилось бороться с влиянием ламов и их деспотической структурой, поддерживавшейся японцами.

Наступил и момент поехать в Кришин, где должны были подписать соглашения. По дороге мы посетили исторические места, фабрики и кооперативы. Нас всюду встречали радостно и с неописуемым восторгом. Выстроившись вдоль железнодорожной линии, на снегу, массы народа кричали «Ура!». Поезд останавливался, нам вручали подарки, мы снова трогались в путь и доехали до какого-то места, названия которого я не помню, но где мы должны были слезть с поезда и сесть в машины, которые доставили бы нас до Кришина.

Когда поезд остановился, народ прорвал кордоны и, устраивая нам овации, преградил дорогу. С большим трудом Димитров и я вышли первыми. Димитров сказал мне:

— Так долго будет, поэтому, если товарищей ждать будем, толпа опять окружит нас; давай лучше сядем в ма-

шину и «бежим отсюда» (этим он хотел сказать как старые гайдуки). Так было и сделано. Димитров, я и личная охрана ушли вперед по снегу. Вереница машин осталась далеко позади.

— У нас нет охраны по безопасности, *брате*, — твердил водитель Димитрову.

— Ничего, народ нас охраняет, — отмечал Димитров.

Недалеко от Кришина народ преградил нам дорогу.

— Тебе держать речь придется! — обратился ко мне Димитров. — На руском?

— А как же я могу держать перед ними речь? — сказал я. — Понимать-то русский я кое-как понимаю, но говорить не могу, знаю всего лишь несколько слов.

— Давай,* — сказал Димитров, — обратись к ним на албанском, а я, хотя и не знаю албанского, буду верно им переводить, так как мне известно, что ты собираешься сказать, ведь наши чувства соприкасаются, у нас одно сердце.

Так и было сделано. Мы вышли перед народом, я говорил на албанском, вставляя кое-какое русское слово, а дорогой старец переводил на болгарский.

Когда сели в машину, Димитров сказал мне:

— Крестьяне не будут удивляться тому, откуда я албанский знаю, ведь болгары и албанцы всегда были братьями и товарищами по оружию.

Милый и дорогой Георгий Димитров, из твоих уст мед лился, как говорят в нашем народе!

Наконец доехали мы до Кришина. Кришин это большая деревня, где болгарские цари имели свои лучшие земли, они построили там красивый охотничий дворец как на лето, так и на зиму. В этом дворце, ставшем уже собственностью Республики, мы были гостями болгарской партии, болгарского правительства и лично Димитрова. В этом живописном месте был великолепный парк с естественными и росшими в оранжереях цветами, которые зеленели и цвели

* По-русски в тексте.

зимой и летом. Там разводились разнообразные деревья, в том числе и некоторые разновидности высоких и крепких сосен «секвойя», привезенных, как нам сказали, из Канады. В этом парке держали и кормили прирученных и акклиматизированных животных и птиц.

Здесь произошла у нас с Кристо Темелько неожиданная неприятность. На следующий день он встал рано утром, прихватил с собой двустволку и вышел в парк. Когда все мы спустились уже вниз, открылась дверь и «триумфально» вошел Шуле, неся в руке большую стреляную птицу.

— Я в парке убил ее, — гордо сказал он.

— Да что ты натворил, — ответил ему Югов, — это редкие птицы, которых мы охраняем, не убиваем, это орнамент парка. Но ничего, не велика беда! — добавил он затем, стараясь не показать виду. У Кристо Темелько выпали перья хуже, чем у убитой им птицы. Нам было очень жаль и стыдно по поводу случившегося.

В Кришине мы завершили переговоры, окончательно составили и подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Это был торжественный момент, особенно для меня и товарищей. Церемония подписания договора состоялась в салоне. Там был поставлен большой стол, за которым сидели Димитров и я. Мы подписали документы, обменялись ими, пожали друг другу руку и крепко обнялись. Это мы подписали исторический акт[1] большой важности, который ограждал Народную Республику Албанию от возможных опасностей со стороны врагов. Албанский народ и его партия овациями и с большим восторгом приняли впоследствии этот договор, заключенный с его старым другом, болгарским народом, вступившим уже на светлый путь социа-

---

1 Этот договор, подписанный мною и Димитровым, был символом дружбы между албанским и болгарским народами, но теперь, когда к власти пришли ревизионисты, вроде Живкова и компании – покорные слуги советских социал-империалистов, договор этот является мертвой буквой, тогда как дружба между нашими народами будет оставаться живой, какой она была во время деятелей нашего Национального Возрождения и при жизни незабываемого Димитрова. *(Примечание автора.)*

лизма под руководством Димитрова и Болгарской коммунистической партии, как и при решающей помощи Советского Союза и Сталина.

Все было покрыто снегом и в этот радостный день нам буквально все казалось великолепным. Я забыл мерзости и интриги Кочи Дзодзе, вертевшегося словно «ком» из тряпьев в своем генерал-лейтенантском мундире, который он все время носил, чтобы придавать себе авторитет.

Поев и поздравив друг друга, мы сфотографировались, как это водится в таких случаях, и Димитров предложил нам прогуляться по парку. Все были согласны. Нас ждали кареты, в которые были запряжены по два вороных.

— Пойдем вместе, — сказал мне Димитров и оба мы сели в карету, взяв с собою и переводчика. Это была замечательная прогулка. Я считал за большую честь сидеть совсем рядом с Димитровым, моим дорогим учителем в деле коммунизма и революции. По дороге он стал расспрашивать меня о знакомых ему товарищах, об Али Кельменди, о священнике-демократе Фан Ноли, о докторе Омере Нишани. Затем он спросил:

— А что стало с троцкистом Заи Фундо?

— Мы его расстреляли, — сказал я, — он оказался агентом англичан и феодалов!

— Очень хорошо поступили, убрав такой мусор, — сказал мне Димитров.

Затем я спросил Димитрова, какого он мнения о нашей партии и ее линии в период войны и теперь.

Тот ответил:

— Это смелая, революционная партия нового типа, как нас учит Сталин. Линия вашей партии была правильной. На мой взгляд, она показала зрелость в деле мобилизации Фронта и объединения народа в него. Раз у вас не было буржуазных партий, вы правильно поступили, не допустив и не поощрив их создания, так как они наделали бы вам хлопот, как это стараются делать нам. Слушай меня, товарищ Энвер, — сказал далее Димитров, положив руку на мое колено, — храните партию чистой! Пусть она будет

революционной, пролетарской и тогда у вас все образуется!

Дорогой Георгий Димитров, то, что ты сказал мне в то утро в Кришине, когда мы шагали по снегу, навсегда укоренилось в моем уме и сердце. Я до смерти буду оставаться верным и бороться буду за то, чтобы партия была революционной, пролетарской!

Это были незабываемые моменты, незабываемые дни для нашего народа и особенно для меня.

Мы покинули братскую Болгарию, расстались с великим Димитровым, с болгарским народом и болгарскими товарищами со слезами на глазах, от души поблагодарив их за гостеприимство, за великую и искреннюю дружбу, которую они проявили к нашему народу, к нашей партии и к Народной Республике Албании.

Члены делегации были очень рады тому, что вернутся на Родину и сообщат народу и партии о достигнутых нами больших политических результатах. Что касается экономической помощи, хотя и наша страна была очень бедная, то мы ее не просили, учтя и подумав, что и болгары переживали большие трудности и получали помощь от Советского Союза. В свою очередь, они тоже не сделали нам какого-либо конкретного предложения, но, конечно, путь к взаимной торговле и предоставлению какого-нибудь кредита в более благоприятных для них ситуациях был открыт.

Казалось, Кочи Дзодзе и Кристо Темелько также были в приподнятом настроении. У меня сложилось впечатление, что они поняли допущенную ими глупость и подумал, что тот горький эпизод был предан забвению. Я считал, что столь близкое, столь любезное обращение Димитрова и всех болгарских товарищей с нами, с нашей партией и нашей страной, побудили их как-то иначе оценить свою позицию в отношении пути, по которому наша партия шла, особенно в отношениях с югославским руководством. Они должны были уяснить себе, что не то что земной шар, но даже социализм не начинался и не кончался для нас в Югославии. Им следовало понять, что у нашей партии, у нашей страны были своя роль и вес, которые мы должны были постоянно

хранить и укреплять. Словом, им представлялся случай взять да выкинуть дрянь, что была у них в голове. Некую радость я видел и на их глазах и в их жестах, и поездка поездом по Болгарии и Югославии, в направлении Белграда, прошла весело, мы пели, спрашивали болгарскую и югославскую охрану о местах, куда проходили, нам объясняли, где шли бои и т.д. Мы задавали друг другу вопрос: примет ли нас Тито или нет?

Как я уже говорил, когда мы заехали в Белград, он сказал нам, что поговорит с нами о «наших отношениях» по возвращении, и я знал, что в случае, если начнутся, переговоры эти будут очень трудными. Как бы то ни было, дела нужно было довести до конца.

Но, еще когда мы прибыли на белградский вокзал, стало очевидным, что таким переговорам не суждено было состояться. Кроме того, что нас встретили еще холоднее, чем в прошлый раз, на вокзал вышли встречать нас третьестепенные и четверостепенные официальные лица. Мы сели в машины, и они, отведя нам те же места, где мы остановились и в прошлый раз, начали уходить, чтобы оставить нас «в покое». Я спросил человека, назначенного «сопровождать» или, вернее, проводить меня, знал ли он, когда мы встретимся с Тито по данному им слову.

— Товарищ Тито, — «официально» ответило официальное лицо, — вот уже два дня, как находится с дружественным визитом в Румынии!

Я покачал головой, чтобы дать официальному лицу понять, что мне все ясно было, и протянул ему руку. Ни он, ни другие не сделали нам какого-нибудь предложения о какой-либо программе и не предложили нам какой-нибудь встречи с кем-либо из других югославских руководящих товарищей. Я сам не обратился к ним с какой-либо просьбой. На следующий день мы отправились в путь и прибыли в Тирану.

VIII

ТИТОВЦЫ НА ПУТИ К РАЗОБЛАЧЕНИЮ И НЕИЗБЕЖНОМУ ПРОВАЛУ

Поработительские предложения. К вопросу о Координационной комиссии ■ Наплыв югославских военных в Тирану: «Албании грозит непосредственная опасность!». Настоятельное требование Нако Спиру поставить Мехмета Шеху во главе Генштаба. Военные тезисы Темпо ■ Генерал Хамович выступает за создание единого командования ■ Генерал Купрешанин в Тиране. Тито: «Прошу предоставить нам в Корче базу для одной дивизии». Сообщение Сталину по вопросу о югославской дивизии ■ VIII Пленум ЦК — черное пятно в истории КПА. Временное торжество югославских тезисов ■ Чудовищное наступление Кочи Дзодзе и других на партию и ее здоровых работников ■ Купрешанин, Златич и другие: «Тито хочет, чтобы вы сами просили объединения с Югославией» ■ Странная поспешность титовцев ■ Историческое письмо Сталина ■ Посланцы Тито позорно покидают Албанию.

В результате «анализов», к которым наше руководство приступило после обвинений, возведенных на нас через Саво Златича, и после самоубийства Нако Спиру, югославское руководство убедилось в том, что осуществление его стратегического плана превращения Албании в седьмую республику

Югославии шло намеченным путем. В целях маскировки перед нанесением окончательного удара, сами югославы временно «отступили». Они перестали атаковать нас непосредственно, начали под сурдинку говорить о «чувствах дружбы» к братской Албании, громогласно рекламировали помощь, оказываемую ими, конечно, на бумаге. По всей Югославии на собраниях, митингах, по радио, в печати и т.д. говорили о том, что «в трудные и тяжелые дни мы рядом с албанскими братьями», что, «хотя и бедные, мы должны кое-что сэкономить и отдать Албании», даже с подносом в руках титовские фокусники организовывали кампании по сбору милостыни для «нищего».

Все это было поистине унизительным и дематогическим фарсом, достойным для тех, кто трагедии старается камуфлировать и прикрывать средствами буффонады. Фарс этот получил еще большие размеры особенно в момент, когда мы собирались поехать в Болгарию. Тито почуял, что сделанное нам Димитровым приглашение посетить Болгарию не было чем-то случайным: наверное, он усмотрел в этом и ходатайство советских, в первую очередь, Сталина.

В то же время эта «интернационалистическая и всенародная помощь», громко рекламировавшаяся как в Югославии, так и за ее пределами, должна была служить белградским руководителям своего рода пудрой, которой засыпают искалеченное тело. Они надеялись на то, что албанский народ будет ослеплен буффонадой «солидарности», так что не сообразит, что ему нож в спину вонзали.

Мы сами при всем этом видели уже, что «за красивым» фасадом скрывалось что-то дурное и горькое. Когда Белград улыбался, у нас складывалось впечатление о том, что для нашей партии и нашей страны подготавливалось что-то нехорошее. «Кнут и калач», обвинения и «обещания» Тито и компании уже чувствовались и виднелись в Тиране в их подлинном свете: как звенья одной и той же цепи.

Однако во всем этом «дружественном» фарсе мы видели и другую сторону медали: лихорадку страха и сильного беспокойства, которые белградские руководители испыты-

вали на каждом шагу в своем стремлении совершить преступление. Любое их действие, любая их тактическая уловка против нас несли в себе семя неизбежного разоблачения и провала их заговора. И чем больше лидеры КПЮ торопились осуществить свое черное дело в ущерб нам, тем больше они приближали свой позорный и неминуемый провал.

Поработительские предложения

Накануне 1948 года в качестве новогоднего «подарка» белградское руководство сосредоточило свое внимание к нам особенно на двух областях: во-первых, на области экономики, во-вторых, на области обороны, на армии.

Что касается партии, то они думали, что она уже полностью была в их руках. Со времени бератского Пленума их люди, особенно Кочи Дзодзе и Панди Кристо, были совершенно титизованы, они набили себе руку в заговорщицких методах, так что и без непосредственного вмешательства югославов полагалось, что они могли управлять сложившейся ситуацией по воле своих хозяев.

Итак, югославы думали, что, завербовав в руководство нашей партии агентов, имели уже ключ к успеху, обеспечили себе самую прочную опору, но, в действительности, в этом и заключалась одна из самых слабых их точек, которая привела их к провалу и разоблачению.

Это было связано с антимарксистским, троцкистским представлением Тито и компании о партии, ее роли и функциях. По их мнению, основой партии была «толпа», «галерея», на которую не следовало обращать никакого внимания, ибо она всего лишь и делала, что слепо и беспрекословно повиновалась приказам и директивам, поступавшим «сверху», от «руководства» и, особенно, от «сильной руки» в руководстве.

Исходя из такой концепции они и по отношению к нам,

как это делали и в своей партии, сосредоточили внимание в основном на «высоких рангах», на создании и привлечении на свою сторону протитовского лобби в руководстве, лобби, которое, по их мнению, привело бы в титовскую овчарню всю партию, будто она являлась овечьим стадом. Однако наступил момент, когда именно эта антимаркоистская концепция и привела ее носителей на край пропасти. Четыре-пять завербованных ими агентов, как бы сильными они ни были, оказались бы ничтожеством по сравнению с огромной силой нашей партии, воспитанной и закаленной так, чтобы вести народ по пути сохранения и укрепления свободы, а не завести его в тупик, куда заманивали его Тито и его банда.

Однако это подтвердилось впоследствии. Итак, вначале Тито и компания думали, что через своего агента, секретаря по организационным вопросам, Кочи Дзодзе, они «завладели» нашей партией, и, раз, по их мнению, дела должны были идти там как часы, они сосредоточили внимание на нашей экономике и нашей армии.

В соответствии с «предложениями» югославского руководства, сделанными нам Златичем заодно с обвинениями, в начале декабря ко мне пришли он сам и еще другой югослав, Сергей Крайгер, с кипой папок под мышкой. С нашей стороны присутствовали я, Кочи Дзодзе и Панди Кристо. «Поздравив» нас с тем, что наконец мы избавились от Нако Спиру, элемента, который «сбивал нас с толку и вредил нашей работе, невольно вызывал между нами даже трения и сомнения», они открыли папки.

— Теперь, — сказал Златич, — мы хотим конкретнее изложить вам вопрос о Координационной комиссии. Товарищ Крайгер, один из лучших наших знатоков экономических проблем, назначен нашим руководством на должность председателя этой комиссии. Комиссия будет югославско-албанской, следовательно, в ее составе будут и албанские представители. Она будет в деталях следить за экономическим развитием наших стран, с тем чтобы все было налажено, то есть хорошо согласовано.

— И когда встретились в начале ноября, — сказал я Златичу, — я спросил вас, какого характера будет эта комиссия и каково будет соотношение соответствующих правительств обеих стран с ней и с ее компетенциями. Этот вопрос нам по-прежнему совершенно не ясен.

— Вы правы, — отдал мне «должное» Златич, — так как вас заботили более крупные проблемы. Отвечать вам буду, сколько смогу. Вы упомянули слишком деликатный вопрос, вопрос о «соотношении Комиссии с соответствующими правительствами обеих стран». Хочу, чтобы вы правильно поняли то, что я вам скажу. Сама идея экономического объединения наших стран не может быть конкретизирована без общего органа, который, как сказать, стоял и функционировал бы между обоими нашими правительствами. Если дело экономического объединения оставить только в руках югославского правительства, что касается югославской стороны, и только в руках албанского правительства, что касается албанской стороны, то у нас будут хлопоты, конфликты, трения и всякое другое. Координационная комиссия будет органом, который устранит эти опасности.

— Ну как, не будет ли такой орган стоять над нашими правительствами? — спросил я его.

— Нет, он стоять не будет над нашими правительствами. В ее компетенциях будут, прежде всего, лишь экономические вопросы, так что за вашим правительством останутся все компетенции в других областях.

— Как, как? Значит «освободимся» от экономических вопросов?

— Вы меня плохо понимаете! — сердито прервал меня Златич. — Я не то сказал, чтобы вы освободились от экономических вопросов. Я всего лишь говорил, что в компетенциях Комиссии будут только экономические вопросы, даже и в этом направлении Комиссия заниматься будет вопросами, касающимися наших общих планов, наиболее эффективных путей согласования этих планов, определения и уточнения бюджета, капиталовложений, доходов; она заниматься будет проверкой исполнения заданий и мер, которые будут приня-

ты, то есть всеми большими вопросами этой области. Затем пусть об экономике решает правительство.

— И что, к слову сказать, остается тут решать нашему правительству, если все знает и обо всем решает Координационная комиссия? — спросил я.

— Право, товарищ Энвер, — разразился Златич, — не знаю почему вы боитесь этой Комиссии. У вас ошибочное представление о ней, отчего во всем и сомневаетесь. На такой основе обсуждать нельзя. Вы должны верить в преимущества комиссии. Наши товарищи в Белграде хорошо обдумали это, изучили все ее преимущества, поэтому мы и добиваемся создания комиссии. Она будет вспомогательным органом для вас и для нас, у нее будет много дел и заданий, так что мне неприятно от того, что вы обо всем спрашиваете. Мы пришли сюда с мыслью, что канули уже в прошлое те времена, когда по всякому вопросу возникали подозрения и трения.

— Мой вопрос был откровенным и весьма конкретным, — хладнокровно сказал я ему. — Не верю, что товарищ Тито или же вы хотите, чтобы мы приняли идеи или проекты, которые нам не ясны.

— Согласен с вами, — «отступил» Златич, — но я убежденно говорю вам, что вы не задавали бы нам столько вопросов, если бы больше верили в искренность и правильность наших предложений. Мы все говорим в ваших интересах. Наши правительства оказались бы перед большими трудностями в случае отсутствия связующего, координирующего органа. Ведь нельзя, чтобы по вине некоторых директоров или специалистов-экономистов между нашими правительствами возникали споры. Пусть экономические вопросы решают компетентные в этой области товарищи, пусть между ними возникают трения и пусть они находят соответствующие решения. Товарищ Крайгер готов преодолеть все препятствия, которые могут возникнуть. Пусть правительства решают о больших проблемах. Это ясно. Не знаю, какого мнения товарищи Дзодзе и Кристо?

— Мы от всего сердца благодарим вас за всю эту по-

мощь и советы, которые дает нам югославское руководство, — тут же отозвался Кочи Дзодзе. — Я не специалист по этим вопросам, ведь экономика не является моим сектором, но думаю, что Координационная комиссия наладит у нас работу и больше не будет того, что происходило в прошлом. Я думаю, что и товарищ Командант верит в это, но экономика весьма сложная вещь. Еще больше осложнил ее Нако Спиру и теперь никак не разберешь, что тут происходит.

— Совершенно правильно! — одобрительно сказал ему Златич. — В самом деле экономические вопросы и особенно вопросы экономического объединения очень трудные и очень сложные вопросы. В Белграде ими занимаются сливки экономических работников. Не хочу, чтобы товарищ Энвер плохо меня понял, но я же сам нехорошо разбираюсь во всех тайнах этих проблем. Если бы я знал их, то сказал бы вам. Главное в том, чтобы иметь чуткое сердце. Ведь товарищ Дзодзе правильно сказал. Он не специалист по этим вопросам, но к правильным заключениям его ведет классовый инстинкт. На этом-то и должны учиться выходцы из рядов интеллигенции!

Кочи Дзодзе кивнул головой, очень довольный такой лестью.

— В нашем руководстве, — продолжал Златич, — существует блестящая слаженность. Возьмем к примеру отношения между Тито и Карделем. У товарища Тито классовый инстинкт, и Кардель охотно опирается на этот инстинкт.

Само собой разумеется, чего он хотел этим сказать. Однако их бесстыдство уже не знало себе границ.

После длившегося около одного часа дебата о «характере» комиссии, в ходе которого я не раз слушал замечания «не хочешь понять», «не хочешь верить» и т.д., Кочи Дзодзе, откашлявшись, сказал последнее слово:

— Я думаю, что комиссия должна быть создана именно так, как говорят югославские товарищи. Польза, которая нам будет от этой комиссии, убедит и кое-какого колеблющегося товарища. Мы, с нашей стороны, должны поручить товарищу Панди Кристо непосредственно заниматься этими

делами. Хотя Панди не углублялся в экономические вопросы, главное в том, что у него развит классовый инстинкт...

В такой ситуации и при таких обстоятельствах давления и шантажа мы вынуждены были принять, таким образом, первое предложение Тито — предложение о создании Координационной комиссии, которая, как бы замаскированной ни была в планах титовцев, составляла первую форму, зародыш будущего правительства оккупационного режима.

Не прошло много времени и наружу всплыла вся дрянь, которую несло в себе это по сути дела неоколониалистское созидание.

Мое мнение о том, что комиссия эта могла превратиться в своего рода правительство над правительством, уже целиком подтверждалось. Крайгер сосредоточил в своих руках почти все компетенции нашего правительства, он писал и решал обо всем, что касалось албанской экономики и путей ее развития. В рамках Координационной комиссии были созданы различные подкомиссии, которые по существу дублировали наши ведомства. И если до сих пор югославы при прежних формах «сотрудничества» грабили как разбойники, то с этого момента они стали грабить нас совершенно открыто, легально, как хозяева.

Своевременно и осторожно мы воспротивимся им и в этой области, но первоначально, когда «экономическое объединение» еще прикрывалось «дружескими» фразами, наше противодействие было ограниченным. Как только я выражал Кочи Дэодзе какое-либо подозрение или беспокойство по поводу того, что наша экономика приходила уже в состояние упадка, тот сразу принимался «успокаивать» меня:

— Не надо беспокоиться об экономике, — говорил мне Дэодзе. — Ведь мы подписали экономические соглашения с Югославией и нам будет оказана помощь. Важно теперь, чтобы мы готовились к прерванным анализам Пленума.

Не раз требовал я от Панди Кристо проинформировать нас о работе Координационной комиссии, но и он твердил то же самое, что и Дэодзе. Панди не умел даже двух слов связать и не разбирался в докладах, так что коротко отвечал:

— Товарищ Командант, не беспокойтесь об экономике, ведь товарищ Крайгер и комиссия непосредственно занимаются ею.

Предстоящий Пленум нашего Центрального Комитета, где дискуссии должны были проходить в духе обвинений Тито, использовался белградскими агентами в качестве средства шантажа, чтобы устрашить и заставить нас принять то, что они говорили.

Между тем в Тирану как никогда раньше наплыли военные. Югославские генералы, полковники, майоры и капитаны с блестевшими издали погонами въезжали и выезжали из Албании, как будто она была их поместьем. Они передавали нам сильное «беспокойство» югославского руководства по поводу «слишком обострившейся» международной обстановки и «непосредственной опасности», как никогда раньше грозившей нашим странам! У нас вот уже два с лишним года в ушах звенело от этой «тревоги», о которой люди Тито кричали на всех перекрестках.

Конечно, обстановка вокруг наших стран не была спокойной и безопасной. Это было совершенно верно. Но большая напряженность и тревога, с которыми представляли нам дело титовские посланцы, казались нам неоправданными. Мы находили это преувеличением.

Как и во всех других областях, и в этой области вскоре выяснилось, к чему они стремились.

Белградское руководство готовилось сделать нам очередное свое «предложение». Внешне предложение это касалось «совместной» защиты нашей свободы, но по существу являлось оно не чем иным, как официальным требованием преподнести нашу свободу и независимость в дар белградским шовинистам.

Они уже годы старались добиться этого более «подходящими», менее «заметными» путями и средствами, но не имели успеха. Так произошло с их лихорадочными усилиями прибрать к рукам нашу армию, ориентировать и организовать ее как составную часть, как крупное соединение югославской армии, поставить ее в подчинение югославского штаба.

Вопрос об армии был и оставался для нас священным делом, так же, как и вопрос о самой партии. Наша армия была создана, организована, воспитана и закалена на основе идей нашей партии, богатого опыта освободительных войн нашего народа и опыта Советской армии. Что же касается политического и идейного воспитания и военной подготовки нашей армии, то все вопросы были категорически установлены нашей партией правильным, марксистско-ленинским путем.

В основе нашей Национально-освободительной борьбы лежали партизанская борьба, боевой опыт наших предков, который обогатился в новых условиях современной войны, так что в ходе войны мы обогатили свой опыт и опытом революционной борьбы других народов, прежде всего советских народов. Весь этот опыт мы сами накопили, сами обработали, ибо в период войны и вплоть до полного освобождения Албании мы никаких связей не поддерживали с Советской армией, которая даже не проходила по нашей стране.

Однако это факт, что для нашей армии Красная армия, вышедшая из Великой Октябрьской революции, была самой любимой армией и еще в первые дни после освобождения мы поставили себе задачей воспитывать нашу армию в духе высокого патриотизма, марксистско-ленинским путем и по примеру сталинской Красной армии.

Многие военные кадры, только что вышедшие из войны, мы начали отправлять в училища*, в другие военные школы и академии Советского Союза, который всегда принимал их, за что мы всей душой благодарили его.

В югославские училища мы послали совсем мало кадров. В первые годы после освобождения у югославов было мало военных школ. Они сами, как и мы, многих своих парней отправили учиться в Советский Союз. Так что в этом направлении между нами и югославами не имелись явные трения, они не выражали какого-либо недовольства по поводу того, что мы предпочитали военные школы Советского

* По-русски в тексте.

Союза ихним школам. Трения, их антисоветчина и антиалбанщина открыто проявились впоследствии, а именно когда их буржуазно-националистские и шовинистические настроения стали заявлять о себе более интенсивно и подчеркнуто, когда стали насаждаться и развиваться их мания величия, чувство «умения», «способности» «великого и мощного югославского государства». Это, как и во всех других секторах, стало очевидным и в военном секторе.

Пользуясь связями, которые были установлены между двумя нашими партиями в годы войны (и которые мы находили чем-то нормальным и нужным), югославы стремились к тому, чтобы наша армия оставалась в напряженном положении, без прочной организации и управления.

Вначале мы попросили их передать нам уставы с тем, чтобы мы изучили и приспособили их к нашим условиям. Они охотно прислали их вместе со «специалистами по уставам». Но зато они доставили нам много хлопот. Каждые три-четыре месяца уставы эти менялись. Военная подготовка не проводилась обдуманно, а как это приходило в голову тому или иному югославскому «специалисту».

Этото они делали не по незнанию. Нет, они хотели, чтобы наша армия была слабой и неорганизованной, вследствие чего, в подходящий для них момент, она не могла бы оказывать им сопротивление.

Вредную роль сыграл в этой ситуации Кристо Темелько, начальник Политического управления нашей армии, который сражался неплохо и был искренним человеком, но после братского Пленума Кочи Дзодзе и Панди Кристо поймали его на удочку, учтя и его македонское происхождение, и он примкнул к элементам, работавшим в пользу любой поступавшей из Югославии «установки».

Часто я вызывал к себе Шуле и гневно говорил ему:

— Что это такое? Опять изменение уставов?

— Поймите меня правильно, товарищ Командант! — отвечал он. — Мы еще делаем первые шаги. Построим мы современную армию. По сравнению с периодом, когда у нас никакого устава не было, первые уставы являлись положи-

тельным шагом в направлении модернизации. Поступившие к нам вторые уставы, само собой разумеется, были более совершенными. Затем они опять изменили их. Работают, черти, ломают себе голову, исправляют уставы. Хорошему конца нет, товарищ Комендант!

— Ну ладно, ладно, хорошему-то конца нет, однако с такой ситуацией покончить надо, — говорил я ему. — Что это такое, как только наши солдаты начинают изучать один устав, вы заменяете его другим!

— К добру мы это и делаем.

— Нет, — сказал я ему, — это скорее дезорганизация, чем организация.

Я увидел, что положение не менялось, дисциплина расстраивалась. Я заметил, что, хотя и был Главнокомандующим, меня почти отстранили, чтобы заниматься «сливками», всем понемногу. Так долго не могло длиться. Нако, будучи целиком подключенным к игре, которая велась «вдали от меня», приводил мне всякого рода горькие факты и рассказывал всякого рода горькие истории, которые узнавал от «своих людей». Я убедился в том, что надо было хорошенько взяться за армию. Одной из первых мер, которую я решил принять, была реорганизация Генштаба. Когда мы с ним разговаривали об этом. Нако настойчиво предложил поставить во главе Генштаба Мехмета Шеху, как «настоящего, подготовленного, выдержавшего испытания военного».

— Испытания-то выдержал, — сказал я Нако, — но зато в обоих направлениях, и в положительном и в отрицательном.

Под отрицательным направлением я подразумевал совершенные им на войне акты, особенно сектантского характера, но и тот факт, что, когда мы критиковали его за сектантство, он пошел в противоположную сторону, в оппортунизм. Я имел в виду и то, что он часто поступал по своему усмотрению, был высокого мнения о самом себе, требовал, чтобы другие соблюдали дисциплину, а сам не так уж соблюдал ее при осуществлении линии партии и выполнении приказов Главного командования; в годы Национально-освободительной борьбы он даже не выполнил приказа о переходе

Первой дивизии на Север, пока не получил второй, категорический приказ.

Именно это имел я в виду, что касается отрицательных сторон Мехмета Шеху, когда Нако предложил мне поставить его во главе Генштаба. Разумеется, насколько мы могли знать о нем к тому времени, я имел в виду и его положительные стороны, которые побуждали меня верить, что, под руководством партии, он отбросит прочь известные нам отрицательные качества. Вдобавок, тот факт, что он учился в Военной Академии в Советском Союзе, усиливал у меня надежду на то, что Мехмет Шеху решительно противопоставится неразберихе, которую югославы создавали в нашей армии. Ведь с людьми вроде Тахира Кадаре, Неджипа Винчани, Пелумба Дишница и др., нельзя было выправить положение.

Мы внесли предложение в Бюро на рассмотрение и, после некоторых маленьких колебаний, Кочи Дзодзе и Панди Кристо также приняли его. Вызвав Мехмета Шеху из Москвы, где он учился в Академии имени Ворошилова, я еще на первой встрече говорил ему о положении нашей армии, рассказал ему историю с югославскими военными уставами и тот, не дав мне докончить, разразился, как это было у него в привычке, крайними выражениями:

— Блестящее стратегическое военное искусство Красной армии найдет себе полнейшее подтверждение во всей жизни нашей армии. Уставы Советской армии мы передадим в руки каждому солдату и ни слова из них не выкинем ...

— И так не надо, — сказал я ему. — Мы давно вынесли указание разработать свои уставы, которые не должны быть дословным переводом уставов братских армий. Ошибка товарищей заключалась до сих пор именно в том, что они опирались исключительно на югославские военные уставы и время от времени заменяли их. Таких аномалий нам больше допускать нельзя. Надо принимать в расчет прежде всего советские военные уставы, посмотреть, что хорошего и в югославских, но работать над тем, чтобы наши военные уставы опирались также на наш опыт и тем самым добиться

того, чтобы в будущем мы имели вполне свои собственные уставы.

— Как раз это я имел в виду, — ответил Мехмет Шеху, отступив и торжественно пообещав: — Мы все творчески определим на основе линии партии и богатого опыта, накопленного нами в период Национально-освободительной борьбы.

Итак, осуществляя в наших условиях сталинское искусство в деле организационного строительства и идейно-политического воспитания армии, мы решили принять в качестве основы советские военные уставы. В то же время мы попросили Сталина прислать к нам и советских военных советников для оказания помощи в организации Генштаба и частей. Сталин прислал к нам хороших людей, обладавших военным и политическим опытом.

Такой путь, которым мы последовательно шли, не понравился югославам. Они чувствовали себя «оскорбленными», а их военный атташе и его помощники всячески клеветали, критиковали и восстанавливали наших офицеров против советских советников, против советских военных уставов и советского военного опыта. Особенно активным показал себя в этой антиалбанской и антисоветской кампании некий Спиро Серджентич — югославский офицер, который пришел якобы для передачи политического опыта югославской армии Политуправлению нашей армии, а фактически поддерживал связи с Кристо Темелько, Пелумбом Дишница и другими.

Подобные действия, хотя мы и пресекали их, не прекращались и наступил даже такой момент, когда у югославов, начиная от главнейших их представителей, какими были посол Йосип Гергя и «советник» Тито у нас, Саво Златич, и другие, до того ум за разум зашел, что и наших товарищей-офицеров, кончавших военные учебные заведения и возвращавшихся на Родину, принимали за советских офицеров и «жаловались» нам на большое число приезжавших к нам «советских советников». Позднее они сделали другую попытку совратить нас. Они вызвали Кристо Темелько, Мехмета

Шеху и некоторых других в Белград на какое-то военное совещание или семинар, где Вукманович Темпо (к тому времени начальник политуправления югославской армии) изложил «военные тезисы югославской армии». Вслед за этим они старались через Шуле уговорить и нас принять эти антимарксистские и явно антисоветские тезисы. Обработанный Темпо, Кристо Темелько пришел ко мне восхищенный, восхвалил эти тезисы и предложил мне принять их.

— Эти тезисы у тебя в письменном виде? — спросил я.

— Записей у меня достаточно, — самоуверенно ответил он. — Мы были на семинаре с Мехметом Шеху и все точно записали.

— Хорошо, — сказал я. — Напиши на бумаге все, что изложил мне, и принеси сюда, чтобы мы подробнее с ними ознакомились.

Прошло несколько дней и Темелько принес мне «тезисы». Это были те же идеи и претензии, которые мы давно уже слыхали об «особом опыте югославской армии в Национально-освободительной борьбе», о «творческом применении» военной науки со стороны Тито, о «значении этого опыта в борьбе с шаблонностью прежних революций и т.д. и т.п., однако на сей раз все это было возведено в искусство, в теорию. Согласно этим тезисам, «в условиях Балкан и Европы вообще опыт Октябрьской революции и Красной армии утратил свое значение», а это не только потому, что «новые условия отличаются от условий периода Октябрьской революции», но и потому, что «Красная армия — это армия страны, которая на 30 лет впереди нас что касается строительства социализма». Так что, по мнению Темпо, формы организации и работы Красной армии были для нас неподходящими!

Тщательно рассмотрев «тезисы» югославов, я вызвал к себе Темелько и Мехмета Шеху и высказал им свое бесповоротное мнение:

— Настоящие тезисы содержат неправильные, ошибочные взгляды и мы никоим образом принять их не должны. Мы не пренебрегаем никаким положительным опытом, —

сказал я им, — но в этих тезисах такого опыта нет. К тому же, зачем нам принять их тезисы, если у нас свои тезисы и советский опыт?

Тем самым провалилась и эта попытка титовцев.

Исходя из всех этих наших позиций, как и на основе подробных сведений, которые они получали от созданных ими агентурных источников, югославы убедились в том, что им не использовать нашу армию в качестве слепого орудия для достижения своих скрытых целей. Тогда они переменили тактику.

В июле 1947 года приехала в Албанию большая югославская военная делегация с Вукмановичем Темпо и Коча Поповичем во главе (первый начальник политуправления, а второй — начальник Генерального штаба югославской армии) и вступила в интенсивные переговоры с нашими представителями — Кристо Темелько, Мехметом Шеху и другими. В те дни я собирался ехать в Москву. После моего возвращения оттуда, ко мне приходят с докладом Мехмет Шеху и Кристо Темелько и информируют меня:

— Переговоры, — говорит мне Мехмет Шеху, — дали блестящие результаты. Югославские товарищи серьезно относятся к сложившейся на Балканах тревожной обстановке и предложили нам большие поставки военных материалов, всестороннюю помощь и сотрудничество во всех областях обороны.

— Какого характера будет это сотрудничество? — спросил я.

— Более или менее, вроде сотрудничества в других секторах. «Дух Экономической конвенции, — сказал нам Темпо, — надо распространить и на армию». Они предложили конкретные меры к росту личного состава нашей армии, к расширению военного строительства, к обеспечению военных снаряжений, связи, одежды и обуви и др. Короче говоря, чтобы у нас была бо́льшая армия, лучше оснащенная в техническом отношении, лучше одетая и обутая, чтобы она лучше питалась. Стало быть, современная армия. Мы намечаем уже конкретные меры в рамках этого большого мероприятия.

— Все нужно, — сказал я Мехмету Шеху, — но учтите условия, в которых мы живем. В состоянии ли наша экономика немедленно удовлетворить все эти потребности?!

— Вы не должны беспокоиться на этот счет. В духе конвенции югославские товарищи выразили согласие покрывать за счет своего бюджета наши расходы на армию!

Это показалось мне весьма подозрительным. «Друзья» не выполняли почти ни одного из обязательств, взятых на себя в экономических секторах, и вот теперь, когда речь шла об армии, становились очень щедрыми! А когда Кристо Темелько счел «нужным» вставить еще кое-что в дополнение к тому, что сказал Мехмет Шеху, мои подозрения и моя тревога еще больше усилились.

— Югославские товарищи, — вставил Шуле, — будут заботиться о нашей армии так же, как и о своей армии! Темпо сказал, что в духе Экономической конвенции унификация наших армий имеет такое же значение, если не большее, что и унификация в области экономики.

— Как?! — спросил я потрясенный. — Что это за унификация армий?!

— Этого он не сказал, такого я не слыхал! — немедленно вмешался Мехмет Шеху, который заметил мое беспокойство.

— Он говорил о распространении духа Экономической конвенции и на армию, — спокойно ответил Темелько, — ведь мы вместе присутствовали на всех переговорах и со всем согласились. Что представляет собой Экономическая конвенция? Унификацию цен, установление валютного паритета, унификацию таможен. Такой дух в армии я понимаю как унификацию армий.

— Это Темпо так сказал или же это ты так понимаешь? — спросил я, строго посмотрев на него.

— Быть может, я и перепутал, — пробормотал Шуле.

— «Быть может, я и перепутал» говоришь, — разозлился я. — Ты лучше скажи, что отнесся к отношениям между нашими армиями, как будто речь шла об отношениях между леком и динаром.

Мехмет Шеху снова «заявил», что этого «не было сказано». Это «было бы ошибкой», «товарищу Шуле не следует наивно проводить параллели» и т.д.

На этом была исчерпана проблема, которая была названа заблуждением Шуле. Однако сразу после того, как в ноябре Златич сообщил нам обвинения, мы с горечью и тревогой узнали и окончательно убедились, что то, «что думал Шуле», но которого якобы «не расслышал» (!) Мехмет Шеху в июле, было сущей правдой. Югославы совершенно открыто потребовали унификации наших армий, стало быть, перехода нашей армии в подчинение главного командования югославской армии.

В один из тех дней приходит ко мне Мехмет Шеху и говорит:

— Товарищ Командант, в Генштабе мы уже ссоримся, там разговор идет об унификации обоих командований наших армий и югославы хотят поставить на тебя крест!

Это были моменты после самоубийства Нако Спиру, моменты, когда Кочи Дзодзе обнажил меч и рубил им налево и направо. При проводившихся нами анализах возводились, в частности, обвинения и в создании «неудовлетворительного положения в армии», особенно в Генеральном Штабе, в «шаблонном духе», в котором мы воспитывали армию (!), в «недооценке военного опыта югославских товарищей» и т.д.

Удары эти предпринимались вначале, подвергая «критике» начальника Генштаба, Мехмета Шеху. Особенно среди некоторых работников Политуправления армии, с которыми югославы поддерживали прямые контакты, кристаллизовалось такое настроение не только в отношении Мехмета Шеху, но и в отношении меня. Это еще не делалось открыто, но зато косвенно к тому и вело, ибо получалось так, будто я предложил кандидатуру Мехмета Шеху на пост начальника Генштаба и поддерживал его, и т.д. С другой стороны, поскольку я был Главнокомандующим и раз говорили, что в «Генштабе дела неблагополучно идут», это было прямым ударом, который наносили мне за то, что «допускал» такое положение!

Мехмет Шеху чуял, что его позиции расшатывались и, во избежание этого, открыто «противопоставился югославам (я расскажу ниже, что это было за «противопоставление») и попытался заручиться моей поддержкой. Его слова «югославы хотят поставить на тебя крест» не удивили меня в те моменты, ибо анализы в нашем Бюро были в самом разгаре, но все-таки я спросил его, в чем он видел это.

— Приехали генерал Хамович, помощник Темпо, и группа военных и добиваются они не только унификации наших армий, но и создания единого командования, которое управляло бы действиями и подготовкой объединенной армии, — пояснил мне Мехмет Шеху. — Я открыто возразил против этого.

Я со всей серьезностью отнесся к информации, переданной мне Мехметом Шеху, «поставил в известность» об этом также Кочи Дзодзе и поручил ему организовать мне встречу, на которой, в присутствии Мехмета Шеху и Кристо Темелько, Хамович лучше «разъяснил» бы нам идеи югославского руководства.

Встреча состоялась, но Хамович не принял в ней участия. Он ушел лично проверить состояние воинских частей и встретиться с разными начальниками нашей армии!

— Мехмет Шеху поторопился со своими выводами и со всей переданной вам информацией! — перешел в наступление Шуле. — Мы собирались поставить вас в известность обо всем сказанном на встрече, но дела еще не назрели.

— А как, не уж то вы думаете, что меня нужно поставить в известность лишь тогда, когда все будет решено вами? Это недопустимо ни в одном секторе и тем более в армии! — сказал я Темелько.

— Это верно, товарищ Командант, но ведь мы еще в фазе обсуждения. Вы заняты иными делами, а Мехмет Шеху маневрирует, чтобы сбить нас с толку, точно так, как это поступал и его друг, Нако Спиру. Никто не говорил о том, чтобы поставить на вас крест. Вы остаетесь Главнокомандующим.

— Останусь или же не останусь, об этом ни ты, ни я и

ни Хамович не решает, — сказал я. — Об этом решает партия, решают представительные органы стоящего у власти народа!

— Переход нашей армии в подчинение югославского командования ведет к сделанному мною заключению, — вскочил Мехмет Шеху.

— А кто сказал, что командование будет югославским? — Не сдержался Кочи Дзодзе. — Оно будет общим, единым.

— Неужели и ты в курсе этого?! Почему ты не проинформировал меня об этом? — тут же спросил я Кочи Дзодзе.

Тот на мгновение растерялся, но все-таки нашелся что сказать, будучи уже мастером избегать «мата».

— Да нет! Когда вы говорили мне вчера об этом, я обеспокоился, отвел Шуле в сторону и спросил его. Тот и объяснил мне, в чем дело.

Совершенно очевидно было, что он лгал, но, поскольку ложь и обман возводились уже в систему, было напрасно стараться раскрыть корни этого.

— Это всего лишь некоторые идеи, товарищ Командант, причем речь идет не только о нашей, но и о болгарской армии, — попытался охладить пыл Кристо Темелько. — Мы представим вам платформу унификации, как только идея хорошо созреет. Мехмет Шеху пытается расколоть нас с целью замазать свои ошибки. С тех пор, как он пришел во главе Генерального Штаба, он только и делает, что вредит нам. Нет слаженности между Генштабом и Политуправлением. Мехмет Шеху все хочет сам делать, он оттесняет товарищей и «срамит» их из-за пустяков. Теперь же говорит вам, будто «на вас крест ставят», а когда мы были в Белграде он сам на вас крест поставил.

— Кристо Темелько, будь осторожен! — угрожающе вскричал Мехмет Шеху. — Ты злонамеренно лжешь в присутствии Команданта!

— Разве не помнишь, что ты сказал товарищу Тито, когда мы встретились с ним в Белграде! — ответил ему Шуле, ничуть не смутившись, «под руководством и верховным

командованием товарища Тито наши армии станут несокрушимыми!». Вот, что ты сказал ему!

У Мехмета Шеху кровь ударила в лицо и он не находился что ответить. Затем он, бормоча добавил:

— Это был тост! Когда тосты провозглашаются, люди говорят и лишнее. Ведь я и за товарища Энвера тост провозгласил ...

— Да бросьте вы про тосты говорить! — прервал его Кочи Дзодзе. — А ты, Мехмет Шеху, за ум возьмись! Говоря такое, ты хочешь еще больше восстановить нас против дружеской Югославии! В Белграде ты угождаешь Тито, а здесь — Команданту. Ты с обоими нечестен. Прекрасно я тебя знаю, как свои пять пальцев знаю, как это знал я и Нако Спиру.

Мехмет Шеху побледнел и оцепенел.

— Твое дело мы хорошенько рассмотрим, — добавил Кочи, — ведь у нас Пленум впереди. На Пленуме мы все разрешим.

Несколько дней спустя после этого, на совместном заседании Генштаба и Политуправления армии Мехмет Шеху получил удар сполна. Ошибок, за которые можно было ухватиться, было у него полным полно, их перечислили одну за другой, приклеив к нему этикетку «антиюгослава», а в Политбюро внесли предложение снять его с занимаемой должности! При сложившейся обстановке мнение Бюро и в данном случае было бы сущей формальностью. Все было предрешено вне Бюро. В конце декабря 1947 года Мехмета Шеху сменил Бекир Балуку.

Было ясно, что и в армии, как и во всех других секторах, дела шли у нас под откос. Я был вполне убежден в том, что вопрос «унификации» и «единого командования» составлял не «обрабатывавшуюся идею», как это старались изображать дело Кочи Дзодзе и Кристо Темелько, а требование категорической формы. Якобы для «предварительных дискуссий и консультаций» были вызваны в то время в Белград Кристо Темелько и новый начальник Генерального Штаба, Бекир

Балуку, однако, мне казалось, что это была игра, несшая в себе другие опасности. Я почувствовал настоятельную необходимость исчерпывающей консультации с нашими товарищами, но Кочи Дзодзе и Панди Кристо отказывались заниматься «проектом» под предлогом того, что перед нами стояли «более важные проблемы, что мы должны были углубиться в анализы для Пленума»! Я потребовал, чтобы мы проконсультировались и с советскими товарищами, но Кочи Дзодзе вскочил с места, как ужаленный:

— Консультироваться с советскими?! — воскликнул он. — Никоим образом! Ведь даже нам не все ясно и в таком случае мы разочаруем и Вэкапэ! Подождем пока товарищи возвратятся из Белграда, посмотрим, что они скажут, а потом видно будет!

Наконец, товарищи возвратились. Однако на сей раз они были не одни и приехали они не с пустыми руками. С ними приехал югославский генерал, у которого было трудное имя, напоминавшее при произношении стук подкованных сапог по тротуару, «круп-круп». Это был генерал Купрешанин. С собой он принес целую свиту полковников и майоров, как и «чрезвычайно срочное и важное» послание самого Тито в мой адрес.

Принял я их, насколько мне помнится, еще на другой день после их прибытия в Тирану. Мы, как это заведено в таких случаях, обменялись приветствиями и генерал вступил прямо в тему:

— По специальному приказу нашего Верховного главнокомандующего, министра народной обороны, маршала Югославии Иосипа Броз-Тито, я приехал сюда передать вам ряд чрезвычайно важных предложений. Официально обо всем, что я вам сообщу, как и о моей персоне, подробно говорится в этом личном письме товарища Тито. Позвольте мне вручить его вам!

Он встал, вытянулся, сделал шаг вперед и торжественно протянул мне конверт, словно вручал верительные грамоты.

— А теперь разрешите мне устно сообщить вам цель

столь неожиданного моего приезда к вам. Положение вокруг нас как никогда раньше грозящее. У нас имеются сведения о том, что в Греции уже заканчивают приготовления к наступлению, которое вначале будет предпринято на ваши юго-восточные границы.

Помолчав, он обратился к югославскому военному, который был вместе с ним.

— Карту! — произнес он.

Тотчас была развернута большая карта Балкан, на которой бросались в глаза прежде всего стрелы, круги, флажки и всякого рода другие разноцветные линии.

— Наступление предполагается развернуть вот именно на этой территории, — сказал Купрешанин и указал пальцем на границы в зоне Корча-Эрсека. — По имеющимся у нас сведениям, удары могут быть одновременно предприняты и с моря. Греческие агрессивные войска, поддерживаемые силами и средствами англо-американцев, предпримут попытку молниеносным ударом по всей линии фронта сломить вашу оборону, а затем прорваться вглубь... В таких условиях наше руководство, будучи крайне обеспокоенным этим и оставаясь верным обязательствам, вытекающим из Договора о дружбе и взаимопомощи, думает, что необходимо принять ряд срочных мер. Что же касается самого главного, я буквально прочту вам то, что товарищ Тито пишет в письме, которое я вам передал, — сказал Купрешанин, открыл портфель, вынул оттуда листок бумаги и принялся читать: «Ввиду такой неясной ситуации, прошу вас предоставить нам в Корче базу для одной дивизии и вспомогательных технических частей. Таким образом вам представится возможность еще лучше обеспечить оборону участка со стороны моря и, в случае провокации, наши части смогут быстрее вмешиваться»[1].

— Таково, — продолжал Купрешанин, — главное и срочное предложение югославского руководства. Товарищи

---

1 Из письма И. Б. Тито, направленного товарищу Энверу Ходжа 26 января 1948 г. *ЦПА.*

Балуку и Темелько согласились с этим на встрече с товарищем Тито, и, уверенные в том, что у вас также не будет каких-либо возражений, я и сопровождающая меня группа приехали сюда, чтобы сразу взяться за дело. Мы немедленно отправимся в Корчу осмотреть территорию, где будет дислоцирована наша первая дивизия...

— Я прервать вас должен, генерал, — сказал я. — Предложение товарища Тито имеет такое значение, что его не обойдешь случайным сообщением.

— Все, что я сказал, написано самим Тито! — ответил Купрешанин.

— Этому я верю, — продолжал я. — Но ведь мы только что услышали об этом. Мы должны изучить, обсудить предложение в нашем партийном и государственном руководстве, а затем дадим вам ответ.

— Как это можно, — «удивился» Купрешанин. — Ваши товарищи, непосредственно занимающиеся армией, проявили большую готовность и благоразумие.

— Наших товарищей, — ответил я, — никто не уполномочил принять какое бы то ни было предложение, не спросив заранее мнения руководства нашей партии и моего мнения, как Главнокомандующего. Вдобавок, такое действие, если хорошенько его не взвесить, поставит нас перед трудными проблемами.

— Можно было поступить и так, как это вы говорите, — настаивал на своем Купрешанин, — но учтите ситуацию. Мы-то можем и ждать ваших анализов, однако будет ли враг ждать до тех пор, пока вы не убедитесь в этом?!

— Убедимся мы или нет, — отозвался я, — это будет в самом конце. Что же касается врага, то я думаю, что он, во-первых, не может напасть на нас в такой ситуации. Во-вторых, и если предпримет наступление, то мы в состоянии сами отразить его.

— Я передал вам заключение нашего руководства, у которого обильные сведения об этих приготовлениях. Вы что, не верите?!

— Может быть, — сказал я, — но одно уже хорошо известно: патриотические силы только что развернули в Греции всеобщее наступление и правительственная армия занята боями с ними.

— Допустим, что это так! Но чего тут плохого, если мы примем предварительные меры? — старался убедить меня Купрешанин.

— Есть плохое! — отрезал я ему. — Во-первых, мы, с нашей стороны, не можем одобрить такой шаг без основательного обсуждения его в руководстве, и скажу вам прямо, что, как Главнокомандующий, я не согласен с этим. Во-вторых, такое поспешное действие вызвало бы в нашем народе сильное беспокойство.

— Товарищ Тито предвидел это, — прервал меня генерал, — и вот, что он пишет в своем письме: «Полагаю, что все эти действия совершать нужно тихо и незаметно». Нам поручено все это организовать втайне, чтобы народ ничего не узнал об этом.

— И вы верите, что это возможно?! — спросил я. — Не думаете ли вы, что наш народ глуп как пробка! И если бы мы согласились с вашим предложением, опять-таки ничего не предприняли бы без предварительного разъяснения и убеждения народа. Народ вправе требовать от нас отчета и отвергать любое действие, которое кажется ему неправильным. В-третьих, — продолжал я, — такое действие обострило бы обстановку на Балканах и на международной арене. Враги начнут говорить все, что им вздумается.

— Товарищ Тито предвидел и это, — прервал меня Купрешанин, — и в своем письме он пишет: «Враг узнает об этом, но, когда наши соединения будут размещены там, нам незачем будет держать это втайне, ведь оно покажет, что наш союз не формальный, наоборот, мы преисполнены решимости до конца и вместе защищать наши границы». Товарищ Тито, — продолжал Купрешанин, — считает даже, что, если после размещения дивизии в Корче журналисты спросят вас или товарища Тито, вы должны заявить, «что

мы договорились отдать базу с тем, чтобы обеспечить не только албанские, но и югославские границы»[1].

— Товарищ генерал, мы спорили больше чем полагается, — сказал я. — Ваше сообщение мы услышали, да и письмо Тито у нас есть. Теперь пусть ответственность лежит на нас. Мы дадим вам ответ своевременно. Это будет и в наших и в ваших интересах.

— Лучше всего будет разместить дивизию как можно скорее с тем, чтобы реакция не смогла что-либо предпринять для оккупации вашей страны! — настаивал на своем Купрешанин.

— Но хуже всего будет, если из-за такого поспешного действия враги или же друзья станут обвинять нас в том, что Албания оккупирована югославскими войсками! — ответил я генералу и увидел, как тот в мгновение весь побледнел.

На этом и кончилась встреча. Я очень холодно расстался с Купрешаниным, и он, уходя, спросил меня:

— Будет ли долго задержан ваш ответ?

— Думаю, что вы получите его вовремя! — холодно ответил я.

Тут вмешался Кочи Дзодзе, который все время черным монахом держался в стороне от спора, и обратился ко мне:

— Положение, товарищ Энвер, весьма тревожное, и мы не должны отклонить такую интернационалистическую помощь югославских братьев.

Лицо Купрешанина тут же просияло улыбкой. Он посмотрел на меня в упор в ожидании моего ответа.

— Если положение столь тревожное, — ответил я Кочи, повысив голос, чтобы это хорошо слышал и Купрешанин, — то пусть югославы подтянут свою армию к северной части Греции, в пределах своих границ.

Генералом Купрешаниным овладел безудержный гнев, он что-то сказал сквозь зубы и ушел. Кочи Дзодзе, стараясь

---

1 Все цитаты в кавычках взяты из письма Тито от 26 января 1948 г. ЦПА.

казаться «спокойным» и крайне «озабоченным ситуацией», сказал мне:

— Думаю, что вы поспешность проявили. Ведь товарищ Купрешанин сообщит об этом товарищу Тито и будут у нас хлопоты.

— То, чего они требуют, весьма опасное и деликатное дело. Я высказал свое мнение, убежденный в том, что и Бюро будет такого же мнения.

— Согласен, так соберемся и решим сегодня или завтра! — добавил Дзодзе как бы умоляюще.

— Нет! Вопрос о дислокации югославской дивизии это не вопрос, который разрешить можно быстро и на ходу. Речь идет о важном для судеб нашей страны и нашей дружбы с Югославией решении, — сказал я ему таким тоном, чтобы он убедился в том, что я не намерен был отречься от своего мнения.

— И они, по-моему, к дружбе стремятся, — добавил Кочи. — Мало ли вам кажется, чтобы югославские солдаты пришли сюда и погибали, защищая наши границы! Ведь то же самое сделали и наши дивизии, придя на помощь Югославии.

— Тогда ситуация была другая. Ведь мы немцев по пятам преследовали. Кого преследовать будут у нас югославские солдаты? — спросил я его.

— Они первыми примут на себя удар греков, если те нападут на нас, — вскочил Дзодзе.

— Если греки нападут на нас, то первый удар пусть мы сами примем. Друзья знают с какой стороны оказывать нам помощь, если им дороги свобода и независимость Албании, — ответил я и протянул ему руку.

— Ладно, ладно, но, по-моему, вопрос этот надо как можно скорее поставить в Бюро, — сказал Дзодзе, удаляясь. — Ведь мы не можем заставить Тито долго ждать.

Убежденный в том, что находились мы перед большой и чреватой самыми горькими последствиями опасностью, я впервые решил поступить «по своему усмотрению». Через советское посольство я осведомил Сталина о том, чего тре-

бовал от нас Тито, и, в ожидании ответа, с большим трудом смог добиться отложения до поры до времени постановки в Бюро предложения о дислокации югославской дивизии. Особенно использовал я с этой целью «облегчающее обстоятельство»: решение провести в начале февраля собрание VIII Пленума ЦК партии. Я говорю «облегчающее обстоятельство» потому, что после самоубийства Нако Спиру как югославы, так и их агенты у нас, придавали этому Пленуму чрезвычайно большое значение. Они приложили все усилия к тому, чтобы Пленум узаконил «правильность» обвинений Тито в наш адрес и принял линию объединения Албании с Югославией. Ведь не случайно предложение о дислокации дивизии было сделано накануне этого Пленума. Это делалось с тем, чтобы мы, оказавшись под давлением жестоких мер, которые Пленум обязательно должен был принять, молчаливо согласились с югославским военным вмешательством в Албанию. В то же время срочное вступление югославских войск на нашу территорию явилось бы открытым шантажом, рассчитанным на то, чтобы Пленум проходил так, как это выгодно было югославам. Тем самым мы оказались бы меж двух сильных огней: между мерами Пленума и вмешательством югославской армии, что поставило бы нас в безвыходное положение. Именно потому, что так расценил ситуацию, приняв во внимание все последствия, я настаивал на том, чтобы было предупреждено одно из этих двух зол. Следовательно, не имея в те моменты возможность предотвратить созыв Пленума, я постарался предотвратить дислокацию югославской дивизии, и добился этого.

Ответ от Сталина поступил очень быстро, за несколько дней до начала работы Пленума. Сталин говорил нам, что не видел какой-либо опасности возможного нападения греческой армии на нас и разделял мое мнение о том, что не было необходимости в дислокации югославской дивизии в Албании.

Югославы рассвирепели, когда я сообщил им, что не только мы, но и советские товарищи и лично Сталин не считали разумным дислокацию их дивизии, но тем не менее они

«отступили» и временно ничего не сказали. «Уступка» была сделана мне потому, что, как югославы, так и их агенты, еще думали, что все было у них в порядке и дела пойдут так, как это они предвидели.

Следовательно, нам оставалось ждать ядовитые удары, с которыми обрушится на нас VIII Пленум ЦК Партии.

Черное пятно в истории нашей партии

На VIII Пленум ЦК КПА белградское руководство и его агенты в наших рядах возлагали большие надежды, на нем они основывали большие стремления. Там они преследовали целью увенчать успехом свой многолетний заговор, направленный на окончательное подчинение КПА, на постановку нашей партии в такое положение, при котором она «сама», «своими собственными устами» одобряла бы все, что диктовали ей Тито и компания. В первую очередь, белградское руководство стремилось к тому, чтобы VIII Пленум ЦК КПА создал такие условия, при которых наша партия при первом же сигнале была вынуждена принять и подписать «объединение» или же, вернее, аннексию Албании Югославией. После этого, согласно расчетам титовцев, все должно было легко разрешиться: наш Центральный Комитет по «своей свободной воле» внесет в Народное Собрание свое «предложение об объединении Албании с Югославией», депутаты «прекословить не станут» партии, волей-неволей они поднимут руку, будут проведены полные «восторга» и «радости» церемонии и весь мир узнает большую весть о том, что «Албания, по своей воле и настоянию, стала частью Югославии».

Удивятся, обрадуются другие такой вести или же вскочат на ноги — это для Тито неважно будет. Он знал, что, имея в руках наши «решения», заткнет рот любому, кто возразит против этого.

Чтобы такая «красивая мечта» Тито сбылась, необходимо было предварительно, чтобы VIII Пленум ЦК КПА любой ценой отверг прежнюю линию, осудил ее сторонников и проводников и принял «новую», проюгославскую линию, линию «объединения и братания»! Югославское руководство не прислало какого-либо своего представителя на этот Пленум, да и не попросило участия своего представителя в нем. Оно все предоставило сделать нам «самим» с тем, чтобы оно «умыло» руки в случае, если что-нибудь произойдет. Но дело в том, что, отойдя на задний план, югославские руководители привели в движение своих агентов, конечно, подучивая и направляя их на каждом шагу.

В числе главных указаний, данных в эти моменты югославами Кочи Дзодзе и его приближенным, состояло указание о том, чтобы они проявляли умеренность что касается прямых выпадов на главных товарищей из нашего руководства. Вот почему прямое нападение было сосредоточено вначале на Нако Спиру и двух-трех близких ему людях, а в отношении других и особенно меня они воздержались и не выступили открыто. Такова была коварная тактика взятия албанской крепости шаг за шагом, поэтапно, и даже, если это удастся, обманывая одних, чтобы восстановить их против других. Особенно в том, как поступать со мною, югославы показали себя большими мастерами заговоров.

Сам ход событий вовлек их в такой водоворот, что до поры до времени, в интересах своего конечного плана, они были вынуждены в обязательном порядке «сохранить» мое пребывание в руководстве, даже и «дружбу» со мною, хотя для них меня следовало отстранить еще в 1944 году! Лишь таким образом их план аннексии Албании мог быть осуществлен без трещин, без сомнений, без возражений и противодействия со стороны как нашей партии и албанского народа, так и зарубежного мира, коммунистического и некоммунистического. В противном случае, то есть, если в подходящих для всякого рода преступления условиях, сложившихся в ноябре-декабре 1947 года, удар открыто сосредоточился бы на меня и я был бы освобожден от возложенных на меня

обязанностей, или, из-за невозможности сделать это, был бы ликвидирован, то югославский план аннексии оказался бы на скамье подсудимых. Аннексию тут же связали бы с нанесением удара и предварительным удалением со сцены Генерального Секретаря партии, Премьер-министра и Главнокомандующего Албанской армией, и, само собою, преступление стало бы яснее ясного. Белградское руководство оказалось бы перед тяжким и неопровержимым обвинением в том, что аннексировало Албанию посредством *coup d'Etat**, путем заговора и гнусного преступления. Это причинило бы им неизмеримый вред в самой Югославии и особенно за ее пределами.

Это хорошо рассчитывали в Белграде, поэтому, вопреки старому желанию возможно быстрее убрать меня со сцены, вопреки животному нетерпению Кочи Дзодзе незамедлительно взять в руки бразды правления, югославское руководство вынуждено было пока что «не тронуть» и «не снять» меня с должностей, которые я занимал, до тех пор пока объединение с Албанией станет *fait accompli***.

Но и без того, для белградских заговорщиков дело было сопряжено, как и произошло в действительности, с большими опасностями, так что все внимание было сосредоточено на агентурной слежке и полной моей изоляции, на создании такой ситуации, при которой официально я оставался бы Генеральным Секретарем партии, но фактически не пользовался бы никакими полномочиями, ни в партийном руководстве, ни в партии, где поступал бы по своему усмотрению секретарь по организационным вопросам, югославский агент Кочи Дзодзе; официально я оставался бы и Премьер-министром, но фактически властью манипулировали и управляли бы Координационная комиссия или Комитет в Белграде; официально я оставался бы и Главнокомандующим, но фактически нашей армией руководило бы Единое командование, а Главнокомандующим был бы И. Броз-Тито. Короче говоря,

---

* По-французски: государственный переворот.

** По-французски: совершившийся факт.

мое пребывание на прежних постах нужно было лидерам Белграда в те моменты в качестве весьма эффективной маски для оправдания в глазах общественности и сокрытия от нее готовившегося против Албании страшного преступления. Затем все должно было легко разрешиться: УДБ Ранковича, гомолога Кочи Дзодзе в Белграде, стало мастером самых что ни на есть безобразных преступлений, начиная от бесследной ликвидации и вплоть до прикрепления высокой награды именно к тому месту, куда незадолго до этого те же руки готовились пустить пулю или вонзить нож.

Никогда не забуду те трудные времена, когда, оказавшись в полной изоляции, убежденный в том, что находился в центре удара, я вынужден был, помимо всего другого, отражать и бесконечные провокации посланцев Тито и их агентов.

Особенно Кочи Дзодзе мобилизовал в те дни все свои заговорщицкие способности на то, чтобы принудить меня действовать согласно интересам белградского руководства. В один из этих дней приходит ко мне Дзодзе — черный, низкий, приземистый и с глазами навыкате, как у лягушки, и с циничной улыбкой говорит мне:

— Мы должны выпускать журнал дружбы с Югославией, так как это очень важно, особенно в настоящие моменты. Напиши и теплую передовую статью о наших жизненно важных связях с югославскими друзьями, об их помощи и, в особенности, о вкладе товарища маршала.

Он дал мне еще некоторые «указания» о том, каким должен был быть журнал, что именно должна была содержать моя статья, и, судя по всему сказанному им, я понял к чему клонили он и те, кто передал ему подобные «указания»: югославам нужна была моя статья, чтобы иметь ее в качестве «удостоверения любезности» к Югославии и Тито.

Хладнокровно оценив сложившуюся для нас тяжелую ситуацию, как и весьма трудные и деликатные проблемы, которые нам предстояло разрешить, я «выразил согласие» и на издание журнала и на то, чтобы написать запрошенную статью. Наконец-то «журнал» Дзодзе вышел (это было, насколь-

ко я помню, в декабре 1947 года), содержал он и мою статью, в которой в совершенно общих словах и приведя кое-какой «факт», относившийся к первым годам войны, я отмечал связи и дружбу между нашими партиями и нашими странами.

Однако югославы и их агенты остались довольны и этим: для них важно было, чтобы Генеральный Секретарь КПА сказал о титовской Югославии хоть бы одну единственную положительную фразу, какой бы общей она ни была, чтобы иметь ее в качестве сопроводительного письма для аннексии.

Между тем споры в нашем Политбюро кипели и я то и дело, осторожно, но зато упорно, говорил Кочи Дзодзе о том, что дело нельзя ограничивать лишь Политбюро и Советом Министров, что оно должно быть доведено и до сведения товарищей-членов Пленума Центрального Комитета, как и главных государственных деятелей.

— Никоим образом! — возражал мне «организационный». — Нам не следует осведомить об этом товарищей, ибо они все перепутают. Давайте хорошенько рассмотрим эти вопросы в Бюро, проконсультируемся и с югославскими друзьями и созовем Пленум лишь после того, как все будет уже налажено.

— Лучше было бы, — отозвался я, — основательно потолковать с товарищами, или же хотя бы с некоторыми из них. У них свое мнение, они знают положение дел там, где работают, так что и их слово и мнение во многом помогли бы нам прийти к возможно более точным и правильным заключениям.

— С организационной точки зрения это было бы нарушением! — резко возразил Кочи Дзодзе. — Мы не должны преждевременно огласить эти вопросы. Ведь нас в Бюро всего 7-8 человек и то мы не можем договариваться, а не то, если в это дело вовлекли бы и других. Пленум плясать будет под дудку Бюро лишь тогда, когда у Бюро будет единое мнение. Иначе Пленум обернется неразберихой и управлять будет нами, вместо того чтобы мы им управляли.

Уговорить его в том, что, поступая таким образом, мы

допускали чреватую последствиями грубую ошибку, было невозможно. Как и у самого югославского руководства, у Кочи Дзодзе были чуждые нам троцкистские и антипартийные взгляды на партию и даже на ее Центральный Комитет. И по его мнению, основа партии и сам Центральный Комитет представляли собой «толпу», «галерею», которые должны были делать то, что говорили им «верховное руководство», Бюро и, в особенности, «сильная рука» в Политбюро, «собственнолично» Кочи Дзодзе. Такое представление о партии лучше соответствовало титовскому плану аннексии Албании, ибо таким образом, по их мнению, имея на своей стороне Бюро, они имели бы «на своей стороне» весь Центральный Комитет и даже всю партию.

Другая мера, которую приняли в тот период Кочи Дзодзе, Панди Кристо и другие, подученные своим мастером Александром Ранковичем, касалась укрепления психологического давления посредством установления слежки и т.д. во всех звеньях партии и в органах власти. Хотя Кочи Дзодзе уже давно втайне применял такие троцкистские и антипартийные методы, теперь, накануне Пленума, они стали единственной формой «работы». Угроза и шантаж были очевидными. Самоубийство Нако Спиру, нарушение самых элементарных организационных правил в Политбюро и в Центральном Комитете, произвольное снятие ряда товарищей с занимаемых должностей за «антиюгославщину», постоянные аресты, наплыв югославских военных, давление и угрозы «сверху» даже при малейшем проявлении какого-либо делового спора с югославскими техниками, шумная пропаганда всего югославского и т.д. и т.п., — все это создавало везде большое психологическое давление и тяжелую атмосферу. В таком же духе, стремясь заранее подготовить к этому и дальше обработать партийных работников, Кочи Дзодзе в конце декабря 1947 года выступил с речью на активе, созванном им в Партийной школе, где он должен был якобы прочитать лекцию, но, фактически, выдвинул всю платформу югославизации Албании. Эта отвратительная речь, подготовленная югославским посольством в Тиране, явилась впоследствии и платформой VIII Пленума ЦК КПА.

Между тем, за кулисами, втайне шла интенсивная обработка некоторых работников ЦК КПА, органов власти и армии, вроде Джоджи Блюши, Нести Керенджи, Пелумба Дишница и других с целью полностью втянуть и их в этот заговор. Им подробно указали, что именно нужно было предпринять, и в начале февраля 1948 года югославы решили, что ситуация уже совсем назрела: был созван и начал работу VIII Пленум ЦК КПА.

Еще в самом начале его работы большинство членов Центрального Комитета оказалось перед «новым порядком»: хотя Пленум был созван по вопросам огромного политического значения, не было сочтено «разумным» представление на нем какого-либо доклада. Были зачитаны так называемые заключения одного из заседаний Политбюро и, к «удивлению» присутствующих, зачитал их Секретарь по организационным вопросам, Кочи Дзодзе. Было очевидно, что Генерального Секретаря партии в стороне оставили. А почему?! Разумеется, все было связано с «заключениями», прочитанными Кочи Дзодзе. Хотя мое имя и не было упомянуто им, всем стало ясно, что за «антиюгославской кликой» Нако стоял я.

Остановиться здесь на содержании этих «заключений» нет нужды, иначе мне пришлось бы повторить все написанное мною выше о случае, когда Златич передал нам обвинения Тито[1]. Единственная разница состояла в изменении местоимений и глагольных лиц: выражение «вы нарушили дух соглашений» было заменено выражением «мы, под давлением Нако Спиру, нарушили дух...», а выражение «ваша антиюгославщина» — выражением «антиюгославщина наших товарищей...», и т.д. и т.п.

Сразу же после «заключений», которые совсем дезориентировали и поразили товарищей, начались прения. Были приняты меры к тому, чтобы все шло, как «часы» и, на вид, даже без «нажимов» и «диктата» со стороны Бюро! Слово взяла «галерея», Нести Керенджи, Пелумб Дишница и другие.

---

1 См. в настоящей книге стр. 362-379.

Они в двух словах выразили негодование «против тех, кто был виновником ухудшения наших отношений с югославскими братьями», «солидаризовались с мерами по укреплению этих отношений» и, после этого, «свободная воля» привела их на другие пути: разразились они с чисто индивидуальных позиций нападками и обвинениями в адрес Нако Спиру и «близкой ему клики». Именно такова была главная миссия, возложенная Кочи Дзодзе и Панди Кристо на эти элементы. Словом, они должны были ориентировать дух выступлений так, чтобы не затрагивались главные проблемы албанско-югославских отношений, ибо в случае их основательного рассмотрения, чего доброго, вольно или невольно истина могла всплыть на поверхность. Итак, еще на первом заседании выступлений вместо того чтобы сказать, были справедливыми или нет обвинения югославского руководства в адрес руководства нашей партии, был или не был «автаркическим» проект нашего плана и т.д. и т.п., работа Пленума приняла иной оборот: все было сосредоточено на «биографических поисках» о том или другом, на неслыханных обвинениях и клеветнических измышлениях, на догадках, на соревновании в том, кто приведет больше фактов о высказываниях Нако, того или иного в таком-то году, в таком-то месте, беседуя с таким-то лицом.

Чтобы наложить печать одобрения на этот нездоровый дух, Кочи Дзодзе вставал и в своих бесконечных выступлениях и репликах рассказывал различные истории, причем с тем же усердием, с каким рассказывали в кафе анекдоты; кто-то из выступавших, чтобы сделать свою речь «интересной», говорил, что от Нако ничего другого и нельзя было ждать, так как «он был сыном буржуа и обращался с Албанией, как это его отец обращаля со «Стамлесс»[1] в Дурресе». Сразу же после этого Дзодзе вскочил с места и обратился к Пленуму:

— Именно так и поступал он, но виноваты в этом и то-

---

1 Албанская торгово-промышленная акционерная компания табака и папирос, созданная в 1925 г.

варищи, позволявшие ему такое. Со мною это у него не действовало. Знаете, что я сделал ему однажды? Застал его в коридорах Министерства внутренних дел.

— Что тебе здесь надо? — спросил я громким голосом.

— «Поговорить с тобой пришел», — ответил он.

— Убирайся отсюда и чтоб твоя нога больше сюда не ступала! — воскликнул я, — нет тебе дела в Министерстве внутренних дел!

— Я член Политбюро, — нисколько не смутившись ответил мне этот бесстыдник.

— Будь ты кем угодно! — сказал я. — Министерство внутренних дел это место не для разговоров, а для других дел. Если ты по этим делам и пришел, то оставайся! — Вот, так я поступил с ним, — заключил Дзодзе, заулыбавшись и снова став серьезным.

— Если бы мы всюду закрыли перед ним двери, то он не наделал бы столько зла. Пусть товарищи сами выскажутся по этому поводу, выступят с критикой и самокритикой.

Я привел здесь один лишь случай, но такие случаи имелись с начала и до конца работы Пленума. А все эти «истории» нелепо считали проявлениями «антипартийности» и, в особенности, «антиюгославщины». «Антиюгославщину» эту облекали в одежду «антимарксизма» и «антисоциализма», даже и «антисоветчины». Говорили, что выступать против тесных отношений, против связей с Югославией, значит быть «антисоциалистом, антимарксистом, антипартийным элементом, антиалбанцем», — то есть «анти» во всех отношениях. Такая подлая постановка вопроса привела к тому, что многие товарищи, не имевшие по существу ничего дурного, ничего антипартийного, ошиблись в своих суждениях, стали смотреть на вещи сквозь такую призму. Если какой-либо товарищ говорил о работе вообще, Кочи и его люди сразу же перебивали его:

— Если у тебя что-нибудь, то скажи конкретно! — говорили они.

Конечно, о Нако Спиру и его приближенных «конкрет-

ного» можно было говорить много, ведь в своей жизни и деятельности они разрешали себе грубые ошибки и нарушения. В особенности, нездоровые амбиции Нако, его тенденция и усилия к монополизации дел, к тому, чтобы везде быть первым, сколотить вокруг себя свиту «избранников», «элиту интеллигенции», готовую поступать по указке Нако, — все это было нам известно и мы все время критиковали его за такие изъяны.

В своих выступлениях многие товарищи привели в этой связи новые факты, многие из которых были состоятельными. Так, они отметили, в частности, попытки Нако Спиру и после его освобождения от обязанностей в молодежной организации рассматривать эту организацию как «свой контингент», как «отдел» на службе его амбициям. Аналогичные попытки сделал он, чтобы прибрать к своим рукам профсоюзную организацию, как и женскую. Он по своему усмотрению давал этим организациям «директивы» и «указания», которые толкали их, как и молодежную организацию, на путь откола от партии.

— Приходил к нам Нако, — сказал один из выступавших, — и говорил нам:

— Посмотрите, что молодежь творит! Она выдвигает из своей среды даже и министров, тогда как партия и профсоюзы ничего не дают.

Такие же тенденции к монополизации дел, такие же проявления нахальства и самомнения в достатке было и у Лири Белишова и Мехмета Шеху.

Мы часто критиковали эти элементы за все это и, если бы VIII Пленум собрался для обсуждения таких ошибок и чуждых нам явлений, то это было бы более чем нормально. Однако VIII Пленум не для этого был созван. К тому же на этом Пленуме эти недостатки и изъяны не только были разуты, преувеличены и «приукрашены» неправильным путем, но и были произвольно использованы в доказательство того, что именно в этом и заключалась «антиюгославщина». Я никоим образом не мог согласиться с таким «заключением»,

преднамеренно сделанным за кулисами. Это факт, что у Нако и его товарищей были трения и разногласия с югославами и относительно известных мне случаев я был согласен с ними. Но ведь они, как это подтвердилось впоследствии и как было признано и некоторыми на Пленуме, противопоставились югославам не с принципиальными намерениями и на принципиальной основе, они в своих целях противопоставлялись давлениям и неправильным позициям югославов. Весь этот неправильный оборот, который приняли события, ярко показывал, что после «клики» Нако Спиру удар будет направлен на других благонадежных деятелей партии. Хотя не всегда прямо, Кочи намекал на то, что вся ответственность за деяния Нако лежала на меня. Он открыто сказал, что Нако сделал все это потому, что в Бюро его поддерживал Генеральный Секретарь. То, что не мог сам говорить, ибо так ему угоднее было, говорили его прихвостни — Панди Кристо, Кристо Темелько, Тахир Кадаре, Пелумб Дишница, Гьин Марку и другие.

Подготавливалась уже почва для нанесения окончательного удара. На Пленуме не один раз настойчиво утверждали:

— Не сосредоточивайтесь лишь на группе Нако. Дальше критикуйте руководство, ведь оно несет большую ответственность за это!

Однако, к несчастью Кочи Дзодзе, ударов по мне нигде не было видно. Тогда Панди Кристо встал и внес «личное» предложение:

— Не будем повторять то, что происходило с нами и раньше — ограждать руководство от критики. В руководстве имеются товарищи, допустившие большие ошибки, и за это здорово бичевать их надо. Предлагаю прекратить работу на один-два дня, чтобы товарищи поразмыслили и подготовились.

Все поняли, что такое предложение было направлено в первую очередь против меня. Однако в том плане, на который были ориентированы выступления, то есть в обвинениях в грубости, нахальстве, кичливости, сплетнях, болезненном

самолюбии и в другом, трудно было придираться ко мне даже самому Кочи Дзодзе и Панди Кристо, а не то, что другим товарищам. В моей жизни я, как коммунист и как гражданин, никогда не позволял себе таких явлений. Наверное, и «личное дело», заведенное Кочи Дзодзе на меня, в данном аспекте было совершенно белым. Так что и с возобновлением выступлений агенты Белграда напрасно ждали какого-либо «факта» против меня.

Как бы то ни было, их упорство взяло свое. Возникло подозрение в том, что «со мною дело неладно».

За все дни работы Пленума, хотя *де-юре* я был Генеральным Секретарем партии, не помню, вмешался ли я всего-навсего два или три раза. Обстановка была восстановлена против меня. Изображая себя «спасителем партии», «генерал Кочи», казалось, видел в Пленуме свой батальон, которому он приказывал делать то, что он говорил и чего он хотел. Я воздержался от того, чтобы вмешаться и поставить товарищей перед некоторыми вопросами и фактами так, как они были у меня в голове. Я подумал, что ни момент, ни атмосфера не были подходящими для этого. Достаточно было всего лишь одного опрометчивого шага или маленькой тактической ошибки и все могло оказаться принесенным в жертву, а дело было не в том, что жертвой оказался бы я. Речь шла о судьбах партии и Албании. Все висело на волоске.

Считая ненужным дальше распространяться о затеянном на Пленуме множестве обвинений, клеветнических измышлений и «истории», я должен сказать, что в конечном итоге на Пленуме взяли верх тезисы югославов. В члены Политбюро и Центрального Комитета произвольно были кооптированы некоторые элементы, ставшие на службу у югославов, такие как Нести Керенджи, Джоджи Блюши и другие. Был узаконен путь «экономического объединения» с Югославией, был отклонен проект пятилетнего плана, была отвергнута прежняя линия партии. Была подготовлена почва для дальнейших действий. В конце работы Пленума речь зашла о резо-

люции. Я высказался за то, чтобы была создана группа по составлению резолюции, которую следовало рассмотреть впоследствии в Бюро, а затем созвать Пленум для ее обсуждения и окончательного одобрения.

— Когда соберемся? — спросил кто-то.

— Работа начнется немедленно, однако некоторое время и понадобится, — объяснил я, — ведь, как вы сами увидели, проблемы очень сложные.

— За несколько дней и даже в ближайшие дни мы организуем работу и соберемся. Не будем долго тянуть, — нахально вставил Кочи.

Конфликт стал еще очевиднее. Товарищи разошлись, убежденные в том, что в самом руководстве борьба продолжалась, но теперь оставалась уже последняя схватка. Кто возьмет верх?!

Немедленно после VIII Пленума начались собрания, активы и конференции по «осведомлению» низов, по «разъяснению» враждебной деятельности Нако Спиру и других, и по включению низов в борьбу против этой деятельности. В активы преднамеренно протащили многих из тех, у которых были личные «счеты» с Нако и его приближенными. Антипартийная стихия еще больше усилилась. Кочи и все члены его шайки ходили на собрания в Тиране как победители, и, не ошибаясь, скажу, что собрания эти походили скорее на пресловутые инквизиционные процессии. Все изображалось черным, гнетущим. Мое имя совсем было вычеркнуто. И если упоминали его в каком-нибудь случае, то всего лишь намекали на то, что я был сторонником Нако и даже главой «антипартийной клики».

«Генерал Кочи» пожинал уже плоды своей работы. Тупица Дзодзе («тупой» — была у него и кличка), некогда интендант наших складов в Панарите, темная персона в Бюро и Правительстве, надувался уже как лягушка из басни. Собрания и активы открывал и закрывал именно он. Часто активы эти превращались в конференции, походившие на базарные собрания лидеров буржуазии: задавались вопросы снизу и

тут же отвечал «компетентный». Спрашивали на них обо всем, начиная от вопросов «заговора», от обстановки в Гонолулу и вплоть до того, чем кончатся выборы в Италии и почему так будет[1].

Дзодзе за словом в карман не лазил; отвечая на такие вопросы, он определял даже и проценты итальянцев, которые намеревались голосовать за «демократию» и т.д. и т.п.

Я не буду распространяться здесь об этой эйфории, но скажу, что, как на Пленуме, так и на активах Дзодзе дальше изложил свои прежние враждебные идеологические и политические взгляды:

— Политической партией широких масс народа, — вот, чем является Фронт, — заявил Дзодзе в Тиране и добавил: — Народ должен видеть во Фронте силу, организовавшую борьбу, осуществившую объединение и восстанавливающую страну..., поэтому необходимо, чтобы Фронт реально организовал, сделал сознательным и подготовил народ в моральном и политическом отношениях. Все это должно быть осуществлено под знаменем Фронта, в рамках Фронта.

Цель упорного повторения подобного антимарксистского положения в такие моменты была ясна: Согласно Дзодзе и тем, кто его научил этому, наша партия уже сделала свое, оставалось всего лишь, чтобы Фронт, то есть народ, шел по проложенному же пути, значит по пути беспрекословного принятия любого указания, которое поступало «сверху».

Одновременно Кочи Дзодзе нашел способ подать сильный сигнал о репрессиях, которые развернутся против тех, кто осмелится возражать. Это он связал особенно с интеллигенцией, к которой он всегда питал органическую ненависть.

— Вопрос интеллигенции, — отметил он, — представля-

---

1 Ответы К. Дзодзе на вопросы, которые задавались на такого рода «активах» и конференциях, как и его выступления, отображены в протоколах, которые хранятся в ЦПА.

ется еще более трудным, так как педагоги, врачи, инженеры и другие кончили школы за рубежом. Эти интеллигенты никогда не думали о народе, они не являются сынами народа и всегда стремились сеять в нашей стране раскол. В случае с Нако Спиру, который получил образование за рубежом и смог пролезть даже в руководство нашей партии, мы видим ярчайший пример этого! — кончил свое выступление Дзодзе.

На самом деле, сигнал был уже давно подан. Министерство внутренних дел, руководимое Кочи Дзодзе, Нести Керенджи и другими, завело досье не только на всех наших революционно и патриотически настроенных интеллигентов, но и на всех тех, кто осмеливался высказать какое-либо мнение, не соответствовавшее югославской ориентации. Этих лиц называли «людьми пера», «школярами», и на них должна была обрушиться дубинка. Невежество и слепое повиновение — вот чего хотели югославы и Кочи Дзодзе в Албании.

Следовательно, таким был, в общих чертах, VIII Пленум ЦК КПА, который всего несколько месяцев спустя после этого мы по праву расценили как «черное пятно в истории нашей партии».

На один момент Пленум этот позволил, чтобы победила троцкистская линия титовцев. На один момент была отвергнута правильная линия, которую осуществляла и защищала наша партия. На один момент были дезориентированы как Политбюро, так и Центральный Комитет. Мастерам фабрики УДБ в Белграде, военным и дипломатическим «посланцам» Тито и их прихвостням, клану Кочи Дзодзе, удалось отстранить Генерального Секретаря партии и свалить на него «вину» за многие ошибки.

Это я говорю «на один момент», вовсе не имея целью недооценить большой ущерб, причиненный нам этим горьким событием, или же умалить долю падающей на нас ответственности за это. Нет, я говорю так потому, что неоспоримая истина в связи с настоящим Пленумом в том и заключается, что еще в моменты его работы большинство членов

Центрального Комитета партии видело и чувствовало, что совершалась слишком тяжелая ошибка, извращение, чреватое губительными последствиями, но дела так обернулись, что ошибки тут же были возведены в линию.

Немедленно по окончании Пленума большинство товарищей так или иначе открыто выражало свои оговорки и возражения против всего сказанного и решенного на Пленуме, и это факт, что, невзирая на лихорадочные усилия агентов Белграда, антимарксистский дух и линия, «официально утвержденные» VIII Пленумом, не проникли в партию и в жизнь страны. Другой факт, а именно то, что всего лишь 3-4 месяца спустя после VIII Пленума, в июне 1948 года, наша партия во всеуслышание осудила антимарксистское отклонение югославского руководства, также показывает, что VIII Пленум ЦК КПА явился коварной махинацией, навязанной Центральному Комитету извне. Еще лучше подтверждают это XI Пленум ЦК КПА, проходивший в сентябре 1948 года, и I съезд КПА, состоявшийся в ноябре 1948 года. Все, что было сказано и решено на VIII Пленуме, было отвергнуто единогласно и с негодованием. Разумеется, столь быстро и с таким негодованием можно отвергнуть лишь то, что не имеет под собой никакой реальной основы, нечто чуждое, навязанное, фальшивое и враждебное.

Тем не менее, истина была восстановлена несколькими месяцами позже. Первоначально ситуация была весьма тяжелой, сложной и часто безвыходной.

Но вскоре мы должны были увидеть странную поспешность в действиях и попытках белградского руководства и его агентов поскорее покончить с «албанским вопросом». Их давление, их упорное требование решать дела наспех, тут же, произвели на нас впечатление, мы уловили в этих действиях и признаки известного страха, сопровождавшего их авторов, однако мы еще не знали, откуда такая поспешность и чем была она вызвана. Мы знали всего лишь то, что у торопящегося своя тревога и от поспешности можно шею себе сломать. К счастью свободы народа и независимости Албании

такой конец, такая участь постигла антиалбанский заговор Тито и его агентов — Кочи Дзодзе, Панди Кристо и других.

Титовцы мчатся к провалу

Вследствие оборота, который приняли события сразу же после VIII Пленума, наша Албания, еще не излечившая раны войны, могла попасть в новое рабство. Но теперь рабство могло быть следствием не агрессии, а «просьб», «официальных требований». А такой позорный акт, который нам ни в коем случае не простили бы ни современники, ни грядущие поколения, совершил и подписал бы не какой-нибудь марионеточный парламент, вроде парламента Зогу, его могло совершить, оказавшись под мощным давлением и перед разнузданной демагогией, само наше Народное Собрание, «приняв» предложение «Центрального Комитета партии».

К этому вел дела Кочи Дзодзе, это слепое орудие КПЮ и Тито, таков был оборот, который приняли события после пресловутого февральского Пленума 1948 года!

В этих ситуациях я находился в трудном положении. Меня изолировали и за мною постоянно наблюдали. Однако мне ни в коем случае и никогда не приходило на ум сложить оружие.

В первую очередь, **я верил в партию и в ее Центральный Комитет.** Первая волна наделанного Дзодзе пройдет, товарищи будут хладнокровнее и объективнее смотреть на вещи, поразмыслят и займут надлежащую позицию. Это произойдет особенно в моменты, когда товарищи узнают, что Дзодзе и компания готовились преподнести «югославским спасителям» в подарок уже не какой-то Вермош или Святой Наум[1], а все

---

1 Сербский король Карагеоргиевич с помощью великорусских банд Враигеля привел в Албанию своего агента, разбойника Ахмета Зогу,

28 000 квадратных километров территории Албании! Я твердо верил, что это полностью и окончательно выяснит все и что люди увидят, к чему вел страну генерал-изменник и разбойник.

Это должно было служить большой тревогой. Товарищи скажут «нет» и я, вместе с ними и во главе их, верну «предложения» обратно титовскому руководству. Такова была первая опора, за которую я крепко ухватился, будучи вполне убежденным в том, что наше дело не будет проиграно.

Во-вторых, даже если партия допустила бы трагическую ошибку, одобрила бы порочные решения сбитого с толку руководства, **то народ не согласился бы с подобной ошибкой.** 7-8 лет кряду партия и ее руководство направляли, вдохновляли, убеждали народ в том, что для нас нет дела выше и священнее свободы, независимости и преуспеяния Родины. Такой призыв был сделан в годы войны и повторялся всякий раз, когда это для дела требовалось. Известны героические подвиги и войны нашего народа за свободу и независимость, даже когда у него не было партии, а не то что теперь, когда у него был уже свой руководящий штаб, вышедший из его же среды и испытанный в огне борьбы за национальное освобождение и за народно-демократическую Албанию. Народ не раз вставал в защиту своих прав. Так, он всем своим существом выступил в поддержку слова представителя нового албанского государства на Парижской мирной конференции летом 1946 года. В нем ребром ставился и вопрос о неприкосновенности наших границ. Это был многосторонний удар. Его слово являлось также предупреждением против стремлений и провокаций англо-американцев и греческих монархо-фашистов, но зато и мощным сигналом в адрес любого другого шовинизма, стало быть, и в адрес югославов.

Я был убежден в том, что народ, если понадобится, еще раз с силой и величием повторит свои блестящие пат-

---

который, будучи заклейменным изменником Родины, преподнес Югославии в подарок за эту помощь Святой Наум (Поградецкий район) и Вермош.

риотические и боевые традиции и не позволит, чтобы в 1947 или в 1948 годах повторились исторические трагедии и несправедливости прошлого.

Именно они (партия и народ) явились двумя основными факторами, двумя мощными опорами, которые придавали мне силы, подсказывали мне действовать осторожно, терпеливо и обдуманно, и я был убежден в том, что, пока я буду стоять близко к ним и во главе их, не будет силы, способной сломить нас. Прошло всего немного времени и справедливость такого суждения подтвердилась.

Югославы ошиблись в Берате, ошибались теперь, ошибаться будут и позднее, ибо у них, как я говорил и выше, было порочное и антимарксистское представление о нашей партии и в первую очередь о том, куда она уходит своими корнями, в чем истоки ее успехов и побед. Они считали, что, прибегая к некоторым закулисным махинациям, имея некоторых агентов в руководстве, изолируя того или иного противника, прибегая к шантажу и некоторым угрозам, смогут перечеркнуть целую борьбу, в которой народ пролил много крови, борьбу, в которой рабочие, крестьяне, молодежь, женщины, свободолюбивая и прогрессивная интеллигенция увидели путь к спасению и возложили свои чаяния к лучшему будущему.

В настоящих записках и воспоминаниях я вынужден говорить, описывать то, что происходило вокруг меня, то, что в Бюро я долгое время оказывался даже один против четырех и пяти, то, что и Пленум Центрального Комитета, как в Берате, так и ныне, дезориентировался в известной мере вследствие закулисных происков и махинаций заговорщиков. Нельзя забывать, что в Берате и на VIII Пленуме были порочным путем произведены и кооптации с целью укрепить костыли заговорщиков. Все это отрицательно сказывалось на нашей борьбе. Однако, это факт, что, когда вопросы были поставлены на обсуждение в партии, она показала себя монолитной, до конца потребовала отчета и не допустила ни осквернения пройденного славного пути, ни отклонения от будущего. Часто простые люди из нашего доброго народа,

когда идет речь о борьбе за отражение этих врагов или происшедших позднее аналогичных случаях, приписывают мне некоторые заслуги, которые не мне принадлежат. Необходимо учесть, что, если врагам не удалось отстранить меня в Берате, а также позднее, то это произошло скорее всего не потому, что они просто боялись меня лично, а потому, что боялись народа, партии, Национально-освободительной армии, с которыми нас связывала борьба, правильная линия, вырабатывавшаяся и осуществлявшаяся не одной головой и не пятью или шестью лицами, а всей партией, которая вдохновлялась марксизмом-ленинизмом, всеми кадрами, — коммунистами и некоммунистами, — отдававшими свою «жизнь, словно речь шла о появлении в свет». Да иначе и не могло быть: ведь десятки тысяч партизан сражались против одного рабства не для того, чтобы попасть в другое; рабочий класс не мог отказаться от роли гегемона, завоеванной им ценой крови и жертв; бедные крестьяне не для того боролись, чтобы снова отдать богачам свои земли, пот и голоса, так как этого хотели Сейфула Малешова или другие ему подобные; наши патриоты и интеллигенция не могли согласиться с нелепостями «пролетарского» ума и сердца Кочи Дзодзе, который хотел, чтобы были преданы забвению и вычеркнуты имена и славные образы Скандербега, Наима Фрашери и других таких личностей.

Нет, наша партия и наш народ не могли позволить, как и не позволили, чтобы у них выскользнули из рук жизненно важные победы, к которым албанский народ веками стремился и которых он достиг, наконец, ценой потоков крови и пота.

Кроме этих двух основных факторов я имел в виду и то, что жили мы в иные времена. Мы жили во времена Ленина и Сталина, во времена, когда социализм строился в ряде стран, когда существовали Коммунистическая партия Советского Союза, руководимая Сталиным, и коммунистические партии других стран, когда было создано Информбюро и т.д. Мы не состояли в членах Информбюро, однако я был убежден в том, что, в случае чего, **братские партии придут**

нам на помощь, поскольку мы являлись Коммунистической Партией, признанной Коминтерном благодаря нашей борьбе. Я, не ошибаясь, полагал, что правду о Тито понимали и видели не одни мы. Это верно, что по отношению к нам поведение и действия Тито были более открытыми и жестокими, так как он считал нас «маленькими» и думал, что ему легко нас поглотить, однако я был убежден в том, что другие не могли дремать, да и не ослепли. Некоторые признаки и сигналы в этом направлении были. Первый сигнал я получил немедленно после того, как осведомил Сталина о вопросе дислокации югославской дивизии. Ответ Сталина был «нет!». Он ни слова не говорил о Тито или же о руководстве КПЮ, но из его ответа «мы не видим никакой непосредственной угрозы извне, а, следовательно, дислокацию югославской дивизии не находим целесообразной» я понял, что вероятно, между ЦК КПСС и ЦК КПЮ существовали расхождения. А самое главное, из ответа Сталина я понял, что наши справедливые возражения не пропадут даром.

Как говорил и выше, я вызвал Саво Златича и Купрешанина и сказал им, что мы не считали целесообразной дислокацию дивизии и что об этом спросили и мнение советского руководства. Они сделали кислую мину и рассвирепели, но были вынуждены «принять» отказ. Отчего такое «отступление» — это нетрудно понять. Это маневр агрессоров всех времен. Когда надо, они делают кое-какую «уступку», чтобы затем, ослепив тебя, снова обрушиться на тебя со всей яростью. В случае, если бы они грубо настаивали на дислокации дивизии в Корче, мнение о том, что «югославы хотят нас оккупировать», стало бы очевиднее, и их требование, без сомнения, натолкнулось бы на сопротивление и могло серьезно осложнить их дела.

После VIII Пленума, когда подумали, что условия для дальнейших шагов уже были созданы, они предприняли очередной шаг: решили лишить нас любой связи и возможности консультации с советскими товарищами.

В один из тех дней пришел ко мне Златич, который «поздравил» меня с «успехом» Пленума и сказал:

— Вы хорошо поступили, отказавшись от автаркического пятилетнего плана. Теперь, приняв однолетний план, вам легче будет идти вперед. Мы предоставим вам все необходимое, так как он наш совместный план.

Я был уверен в том, что его что-то мучило, раз он пришел ко мне. Я ждал, чтобы выяснить, к чему он клонил.

— Теперь, — сказал он далее, — вместе с пятилетним планом отпадает и многое связанное с ним. Так же, как ушли Нако и его взгляды, отбросьте прочь и все остальное, пронизанное его духом, его предложениями, его советами, порвите с теми советниками, которые научили его этому!

— Это вы про кого? — спросил я.

— Пожалуйста, поймите меня правильно! — ответил он. — Это я о том, чтобы дружба между нами и Советским Союзом была возможно более прочной, длилась как можно больше, была стальной, честной, интернационалистической. Таков и наказ Тито. Но вот, раз автаркический план Нако по праву отвергнут, что делать в Албании советским товарищам-советникам? Они с полным основанием будут на вас в обиде. Нако завел их в тупик...

Он без умолку трещал, утверждая, что в советских советниках «больше не нуждаетесь», «что касается техников, то они могут оставаться, пусть работают», но чтоб не «путали ни мы их, ни они нас» и т.д.

— Это тоже наказ Тито? — спросил я Златича таким тоном, что ему трудно было угадать, спрашивал ли я его с иронией или же откровенно.

— Товарищ Тито дает общие наказы, — дипломатично ответил он мне. — Общее это дружба. Впрочем, и в данном случае это я в рамках дружбы говорю.

Златич «пощадил» Тито в этом случае, но несколькими месяцами позже, Кристо Темелько, выступая с самокритикой на XI Пленуме, принес, в частности, и следующее свидетельство:

— Когда я поехал в Белград в марте месяце, на приеме, оказанном мне, Тито говорил и о советских советниках и спросил меня: «как у вас дела с ними?». Я, — продолжал

Темелько, — находясь под влиянием Кочи, Панди и югославов, сказал ему, что «рассматриваем вопрос о том, чтобы удалить их, так как они вмешиваются в наши дела». Тито сказал: «Это, пожалуй, не идет. Мы-то деньги предоставляем, а другие нос суют»[1].

Это было именно в те дни, когда Златич потребовал удаления советских советников.

— Товарищ Златич, — ответил я ему. — Ваше мнение я не нахожу правильным. Если советских советников «сбил с толку» Нако, как это вы утверждаете, то мы сумеем найти с ними общий язык. Нам они очень нужны и мы не замечали у них никаких признаков недовольства.

— Все-таки, вы посмотрите это дело, — ответил мне Златич. — Поставьте вопрос на обсуждение в Бюро, спрашивайте и мнение товарищей...!

Потребность в том, чтобы я сделал это, не возникла Ведь нити были заранее согласованы, так что на ближайшем заседании Политбюро Кочи Дзодзе, Панди Кристо и Кристо Темелько высказались совершенно открыто: советских советников нужно удалить!

— Не то, что мы их не любим, не то, что они плохие, но ведь мы в них не нуждаемся! — сказал Панди Кристо. — Вдобавок, — рассуждал «глубокомыслящий» Панди (уже некоторое время он силился блестеть красноречием), — держать здесь без дела полезных советских советников, значит совершать акт недоброжелательства и непризнательности по отношению к Большевистской партии и дорогой стране советов. Там страна очень-то нуждается в них, а мы держим их здесь, никакой потребности в них не испытывая. Поэтому, — заключил он, — предлагаю по-братски поставить этот вопрос перед советскими товарищами, объяснить им, почему мы предпринимаем такой шаг и сказать им, что это всего лишь ненадолго! Позднее ..., позднее видно будет...

— Позднее, — перебил я Панди, и посмотрел ему пря-

---

1 Из протокола XI Пленума ЦК КПА. *ЦПА.*

мо в глаза, — быть может, мы совсем нуждаться не будем и в советском после в Тиране!

— А, пожалуйста! Если вы против, то скажите, только без иронии! — вскочил Кочи Дзодзе. — Вы всегда иронизируете. И учтите, — напыжился он, — что VIII Пленум все на свое место поставил и указал пальцем на врагов. Вы оскорбляете нас...

— Не хочу вас оскорблять, — сказал я, — но мне сдается, что мы неверный шаг предпринимаем. Утверждать, что советские советники не нужны нам, значит говорить, что мы не нуждаемся в советах советских, в их опыте, в большом опыте партии и социализма в Советском Союзе!

— А ты не обобщай совсем простые вещи! — стал «защищаться» Кочи Дзодзе. — Мы это про конкретное, просто по делу плана!

Я был убежден в том, что говорил он неправду. Дело было еще более глубокое. Требование Златича и югославских агентов вело на тот порочный, антисоветский путь, на который давно вступили титовские руководители.

Натолкнувшись на возражение мое, Хюсни и Гого, остальные члены Бюро как будто «отступили», но при условии, чтобы, как сказал Кочи Дзодзе, «мы опять рассмотрели этот вопрос в предстоящие дни и решили».

Однако именно в моменты, когда югославы больше всего нуждались в спокойствии и секретности при осуществлении своего аннексионистского плана, некоторые обстоятельства заставили их спешить в своих действиях по отношению к Албании. Мы еще не знали, что́ это были за обстоятельства, но зато их поспешность стала явно бросаться в глаза.

Приходит ко мне Кристо Темелько, только что вернувшийся из поездки в Белград, и говорит:

— Меня даже Тито принял, не говоря уже о товарищах Темпо и Поповиче! Они весь день составляли мне компанию! Отношения снова потеплели. Помощь для армии и для обороны я всю обеспечил. Я и не представлял себе, что так много дадут нам: оружие, снаряжения, одежду и обувь! Они

сказали мне, что даже кормить будут нашу армию! Приедут югославские саперные части дороги прокладывать, мосты и другие стратегически важные объекты строить. Бетоном и железом наполнят всю страну, а главное — они сказали мне, что все это «будет за счет югославского бюджета».

Он оторвался от лежавших перед ним бумаг с «помощью» и удивился, заметив, что я слушал его совершенно равнодушно.

— Как? — проговорил он. — Не веришь мне? Спроси генерала Купрешанина и увидишь!

— Устроили ли тебе что-либо другое? — спросил я, чтобы дать ему понять, что разговор кончился.

— Обедов и ужинов хоть отбавляй! — сказал он. — Кроме упомянутых мною, о других проблемах мы не говорили.

Я встал, чтобы избавиться от скуки, которую он на меня наводил, но тот обратился ко мне:

— Товарищ Командант, хотел бы сказать вам еще кое-что от себя. Мне еще неясен ответ советских. Я от себя это говорю, а что если спросить их, почему они не согласны с тем, чтобы мы приняли югославскую дивизию?

— Ответ Сталина ясен, — ответил я ему, — нам нечего больше выяснять!

— Ну ладно, но все-таки мне кажется, что это гвоздем засело у югославских товарищей. А что, если попросить Москву пересмотреть свой ответ. Быть может, нам скажут принять дивизию.

— Мы свой ответ дали югославам. Если дело им неясно, то пусть сами обратятся к Сталину! — отрезал я.

— Как будто так не идет. Это я от себя говорю, давайте возобновим просьбу!

На меня произвело впечатление скорее не требование Темелько о том, чтобы мы снова обратились к Москве, нежели выражение «это я от себя говорю», которое он употреблял кстати и некстати. Я остался слушать, что он скажет еще.

«От себя» он внес очень «интересные» предложения, а именно: создать единое командование, «если не для всей армии, то, по крайней мере, для сил, которые будут действовать совместно с югославской дивизией в случае, если мы позволим ей вступить в Корчу»; он выразил особенно «свое» горячее желание как можно скорее увидеть Албанию объединенной с Югославией в одну Федерацию (!) и т.д., и т.п.

— Теперь, находясь в Белграде, — добавил он тихим голосом, — я узнал от весьма достоверного источника большой секрет. Болгария чуть ли не объединяется с Югославией. Их объединение — вопрос недель или же месяцев. В глубине души, товарищ Командант, я не хотел бы, чтобы Болгария опередила нас. Я от себя говорю вам, давайте первыми выступим с такой инициативой. Давайте скажем Тито объединиться вначале с нами, а затем уже с Болгарией.

Шуле здорово подговорили, с тревогой подумал я, но сдержался и спокойно и одновременно иронически сказал ему:

— Ты от себя все это говоришь?

— Клянусь идеалом, это я от себя! — «поклялся» он.

— Предложения очень «интересные»! — сказал я. — Изложи их на бумаге, как это мне изложил, и мы поставим их на обсуждение в Политбюро. Там и рассмотрим их!

— Дело легкое, — ответил мне Шуле, — но я предварительно сказал об этом вам, чтобы спросить и ваше мнение. Было бы надежнее, если бы мы представили их Бюро как общие предложения и желания — твои и мои.

— Ни в коем случае! — сказал я ему. — Мне никогда в голову не приходили подобные желания и, во-вторых, незачем мне приписать себе твои «заслуги»! Ты сам напиши и представь их!

Три-четыре дня спустя генерал Купрешанин попросил встретиться со мною. Я принял его и он с первых же слов начал излагать мне «со своей стороны» те же «желания» и предложения, что и Кристо Темелько.

Что все это было налаженное и управляемое издалека дело — это я пронюхал с самого начала, однако меня удивляла неожиданная поспешность, с которой настаивали на рассмотрении и принятии таких предложений. Еще больше усилились у меня подозрения по поводу такой поспешности, когда два-три дня спустя после Купрешанина пришел ко мне Саво Златич.

Он также принялся говорить о «новом духе» в отношениях между двумя нашими странами, о «невиданном расширении» экономического и культурного обмена, о совместных проектах и планах (которые оставались только на бумаге) и т.д. и т.п.

— Как вы и сами видите, — продолжал он, — у нас возникло много проблем, которые мы должны совместно разрешать. Однако для этого, для того, чтобы дела благополучно шли, недостаточны ни добрая воля, ни желания обеих сторон. Невольно возникает много трудностей. Мы хорошенько обдумали это и считаем, что назрели уже условия для предпринятия большого и решающего шага. Наши страны должны объединиться возможно скорее!

— Как это объединиться? — спросил я.

— В рамках одной федерации! — ответил он совершенно спокойно. — Уже годы как вы, так и мы и болгарские товарищи были согласны создать эту федерацию. Мы полагаем, что настало уже время для этого.

— Бывало, речь заходила о какой-то федерации, — сказал я, — но всегда в принципе, рассматривая ее как вопрос будущего. Мы, с нашей стороны, не обсуждали эту проблему, так как не были ни момент, ни возможности для этого. Со своей стороны я скажу вам, что, особенно в наших условиях, еще не настал момент не то, что для разрешения, но даже для внесения этой проблемы на рассмотрение.

— Наше руководство считает, что уже наступило время для этого, — настаивал Златич. — Конфиденциально скажу вам что-то сугубо внутреннее: Болгарские товарищи выразили согласие на объединение с Югославией, и наше объединение это вопрос недель, самое большее — месяцев. Я уже давно

сдружился с вами и в глубине души не хотел бы, чтобы Болгария первой выступила с такой инициативой. Почему вам не сделать первыми такой шаг? Это лучше продемонстрировало бы на международной арене наши особые связи!

Мне вспомнился Шуле и я иронически улыбнулся. Видимо, подумал я, они сошлись не только в идеях, но и в словах и выражениях. Тем временем Златич пристально смотрел на меня; он спросил:

— Как вы думаете?

— Я вас слушаю, — ответил я. — Продолжайте!

— Не принимайте это с опаской и оговорками! Ведь не сегодня-завтра такой шаг будет обязательно предпринят. Объединение обоих наших народов тут же сгладило бы все трудности, которые постоянно возникали и возникают. Дело в том, кто выступит первым с инициативой. Товарищ Тито наказал мне передать вам, что лучше было бы, если предложение будет исходить от вас. Это рассеяло бы всякое сомнение в том, будто мы хотим включить Албанию в федерацию.

— Почему? Разве предлагаемое вами не означает включение? — спокойно-преспокойно спросил я.

— Почему вы так говорите?! — смущенно сказал он. — Быть может, я не то сказал! Мы хотим объединения, но не желаем, чтобы нас обвиняли в том, что это мы своевольничаем.

— А как же, не хотите ли вы, чтобы в своевольности обвиняли нас?! — спросил я тут же.

Златич побледнел и запнулся. Я протянул ему стакан воды, он выпил из него глоток и принужденно улыбнулся:

— У меня с горлом неладно, — проговорил он, как бы «оправдываясь». — Видимо, нам нелегко договариваться. Вы придираетесь к моим словам. Вникайте в суть дела, пожалуйста! Дело не в том, что мы этого не хотим, а в том, что легче будет, если вы сами выступите с предложением. Мы немедленно примем ваше предложение и все устроится без хлопот. Вас не в чем будет обвинять, ведь, поскольку вы малая страна, никому и в голову не приходит, что вы сде-

лали Югославию своей частью. С нами-то дело обстоит иначе.

— Вы посоветовались с советским руководством насчет этого шага, который нам предлагаете? — спросил я его.

— Нет! — раздраженно ответил он. — Это вопрос, касающийся двух наших стран, их руководства. Лишь когда все будет осуществлено, мы поставим в известность об этом советских товарищей. Кстати, вы хорошо сделали, что спросили меня об этом. У меня к вам наказ от товарища Тито, чтобы вы занимали такую же позицию, что и мы. Ведь нехорошо беспокоить советских товарищей о делах, которые еще не налажены между нами. Я должен сказать вам, что мы не согласны с тем, как вы поступили в связи с нашей дивизией. Тем не менее, ради дружбы с Советским Союзом, мы отступаем. Но, знайте, что если что-нибудь случится с греками, то пусть отвечает тот, кому и отвечать надо. Учтите при этом два обстоятельства, только поймите нас правильно: во-первых, Советский Союз, правда, является нашим великим другом, но он находится далеко от нас и в случае агрессии не сможет быстро прийти вам на помощь; во-вторых, Советскому Союзу, как большой стране, приходится делать большую международную политику. Ради гораздо более высоких интересов ему, может, и придется не вмешаться в случае нападения на вас, он может быть вынужден согласиться с принесением вас в жертву!

— Ясно! — сказал я резким и серьезным тоном. — Изложенное вами есть мнение вашего руководства. Не так ли?

— Конечно, это мнение руководства! — ответил Златич.

— И, наверное, вы принесли его нам и в письменном виде!

— Да нет, письменно или же устно — это неважно. Я совершенно ясно передал его вам. В отношениях между друзьями не важно излагаются ли вопросы устно или письменно. Важно найти при этом общий язык.

Я почувствовал, что ситуация достигала своего апогея. За этими тремя паломниками Тито, наученными тем же

«предложениям» и тем же фразам, могли последовать и другие, которые возвели бы давление в систему. Решающее значение имело теперь поведение нашего Политбюро. После того, что произошло на VIII Пленуме, наше Бюро как по составу, так и по ориентации клонило в сторону Кочи Дзодзе. Я, Гого и Хюсни состояли в меньшинстве. Такая ситуация побуждала меня сохранять хладнокровие, осторожно маневрировать, чтобы отвратить стучавшую нам в дверь большую опасность. К тому времени возникли некоторые другие связанные с югославами подозрения. Почему они настаивали на том, что не надо советоваться с советскими товарищами? Можно ли называть дружескими и нормальными отношения между братскими партиями и социалистическими странами, если они что-либо утаивают друг от друга?! Видимо, подумал я, в отношениях между ними что-то неладно. Такое подозрение еще больше выросло у меня, услышав чудовищные рассуждения Златича насчет поведения Советского Союза в случае агрессии против нас. Это не были просто предположения Тито и компании. С одной стороны, они представляли собой давление и шантаж с целью запугать нас, но в то же время они говорили о том, что Тито при оценке великого Советского Союза и его сталинской внешней политики занимает враждебную позицию. Только враги могли высказывать столь подлые соображения о Советском Союзе. Но это еще оставалось только моим суждением. Из советского посольства не подавали никакого сигнала ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Мы должны были сами со всем справиться. Итак, без промедления, не дав делам усугубиться, я потребовал срочного созыва заседания нашего Политбюро.

— В эти дни, — сказал я, по существу, — три товарища: Шуле, генерал Купрешанин и Саво Златич, один за другим требовали от нас внести предложение об объединении Албании с Югославией. Разумеется, такой шаг не так уж легко предпринять. Выдвигаемые перед нами вопросы нельзя решать быстро и наспех, не спросив партию, правительство,

народ, не взвесив и не обсудив их подробно и во всех отношениях. Требование, которое нам предъявляют, не может и ни в коем случае не должно быть принято как желание того или иного. Это большая принципиальная, политическая и государственная проблема. Я выслушал всех трех товарищей, но в сказанном ими многое остается неясным. Так что я считаю целесообразным, прежде чем рассмотреть дело в Бюро, направить товарищу Тито письмо с просьбой письменно и в официальном порядке лучше разъяснить нам, почему и как он находит возможным такой шаг.

— Не выслушать ли нам сначала Шуле и стараться все выяснить? — вскочил Кочи Дзодзе «как ни в чем не бывало». — Быть может, вовсе и не понадобится направить письмо товарищу Тито.

— То, что мне говорил, Шуле говорил от себя, — ответил я Дзодзе. — Ведь мы не можем принять желания Шуле за послание югославского руководства. Не так ли, товарищ Кристо?

— Конечно, от себя! — ответил Шуле весь красный, — но я готов разъяснить вам все неясное!

— Я попросил тебя изложить в письменном виде ваши предложения, — сказал я Шуле. — Ты этим пренебрег. То же самое, ни Купрешанин, ни Златич ничего не представили нам официально. Мы — Политбюро самостоятельной партии и представляем интересы суверенного государства, так что, когда идет речь о такой проблеме, мы не должны основываться на высказываниях того или иного, каким бы доверием ни пользовались эти товарищи. Давайте пошлем товарищу Тито письмо, в котором попросим, чтобы он разъяснил нам, как они представляют себе путь объединения, а также, почему они хотят, чтобы с предложением выступили именно мы, почему мы должны объединиться «независимо от того, что делает Болгария», почему они не считают нужной консультацию с советскими товарищами и другое. Это я считаю более чем нормальным и необходимым, — продолжал я. — По-моему, сам товарищ Тито будет польщен тем, что по

этому вопросу мы спрашиваем его личное мнение, чтобы взять его за основу для принятия соответствующего решения!

Между тем, как я говорил, Дзодзе, Темелько, Панди Кристо, Нести Керенджи и другие, то мрачнели, то бледнели от кипевшего в них гнева. В моих словах они видели маневр, который вырывал у них из рук инициативу. Но они не могли возражать против изложенного мною. Волей-неволей они выразили «согласие» отложить обсуждение до получения ответа от Тито.

После стольких месяцев жесточайших нажимов и шантажа я впервые почувствовал себя как-то избавленным от кошмара. По столь деликатному, столь дискредитирующему вопросу, каким было требование об объединении Албании с Югославией, Тито вряд ли осмелился обратиться к нам письменно. Он мог послать к нам и сто эмиссаров, поручив всем им убедить нас в том, что источник был один, они могли говорить теми же словами, но это больше не могло действовать. Архимедова точка была найдена и улеглась: мы обсудим вопрос в Бюро только после получения официального ответа Тито в письменном виде!

По моему собственному убеждению, это означало: Никогда! Чаша весов начала склоняться в нашу сторону. Пятнадцать-двадцать дней спустя, когда все показывало, что грозившая нам опасность уже проходила, неожиданная весть как будто все опрокинула: Саво Златич прибыл в Тирану с очень важным посланием югославского руководства и попросил срочной встречи с нами.

Мы приняли его как только представилась возможность для этого[1]. Насколько помню, с нашей стороны были я и Хюсни Капо, а с югославской стороны — Златич, Крайгер, какой-то «специалист» по вопросам планирования — вроде секретаря в Координационной комиссии, и, нисколько не ошибаясь, отнесу к югославской стороне также Кочи Дзодзе и Панди Кристо.

---

1 Встреча эта состоялась 10 апреля 1948 года.

Угрюмое, как никогда раньше, лицо Златича и, более того, холодный и гордый взгляд, который он бросил на меня в момент встречи, наполнили мое сердце радостью. Я понял, что Тито не осмелился сделать глупость и письменно, за своей подписью потребовать объединения Албании с Югославией. Еще больше убедился я в том, что югославы пошли по наклонной плоскости, когда Златич вынул какие-то бумаги и принялся сообщать:

— Мне поручено представить вам новейшие соображения и предложения югославского руководства! Наше руководство настаивает на том, что организационные формы наших отношений не соответствуют содержанию и сути сложившихся отношений. На практике жизнь привела нас к созданию общей экономической единицы, и в дальнейшем трудности в строительстве социализма облегчатся в случае, если мы подведем под экономическое объединение еще более прочные основы. Любой шаг, который мы предпримем в этом направлении, еще больше облегчит не только экономические, но и все другие вопросы.

Тем временем угрюмость и явное раздражение Златича отразились на лицах Кочи Дзодзе и Панди Кристо. К их несчастью, белградский «посланец» снизил уровень требований. От «политического объединения» он снизошел до «экономического объединения». Чем должно было кончиться все это?!

Между тем Златич продолжал излагать «новые» предложения: идти вперед по единому экономическому плану, занимать общую позицию в отношении других стран; создать совместную систему в экономических, торговых, финансовых делах; придерживаться единой методологии планирования; иметь общие законы; открытые границы; общие паспорта; единую систему образования и т.д.

— Значит, быть как одно единое государство! — неожиданно ободрился Кочи Дзодзе.

Златич грозно и разгневанно посмотрел на него, и Кочи понурил голову со стыдом и страхом.

— Нет! — ответил Саво. — Это мы рассмотрим позднее. Наше руководство недовольно объяснениями, которых вы требуете в связи с предложением об объединении. Видимо, у вас оговорки. Ну ладно, мы больше не возобновим своего предложения. Новые предложения касаются чего-то промежуточного. Это значит, что мы до поры до времени должны выступать как два государства, а действовать как одно государство.

— Товарищ Златич,— обратился я вначале к Кочи, как бы, чтобы лучше «объяснить» ему все, — о том и говорит, чтобы мы формально были отдельным государством, а по существу составляли одно целое с Югославией. Не так ли, товарищ Златич?

— То, что счел нужным, я четко сказал! — злобно ответил он. — Остальное вы услышите ниже. Наше руководство полагает, что в организационном отношении новый шаг следует конкретизировать созданием Комитета в Белграде и Координационной комиссии в Тиране. Комитет в Белграде будут возглавлять один югославский министр и один албанский заместитель министра, а Координационную комиссию в Тиране будут возглавлять один албанский министр и один югославский заместитель министра. Разумеется, новостью и главным будет при этом комитет. Он будет совместным органом обоих наших правительств, который возьмет на себя часть компетенций и ответственности обеих стран. Следовательно, комитет этот послужит зародышем будущего общего правительства. С ним будет связана и Координационная комиссия в Тиране. Но, если Координационная комиссия будет заниматься в основном вопросами совместной экономии, то комитет будет заниматься и другими проблемами. А теперь нужно, чтобы все изложенное мною мы занесли в общий протокол с тем, чтобы все приняло официальный характер и было в порядке и с точки зрения международного права.

— Вы принесли с собою проект этого протокола? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — мы здесь его сформулируем. Это дело простое. В нем мы выступать будем как два государства, однако сами связи и соглашения, которые будут приложены к нему, сделают сущей формальностью существование двух государств. Таково будущее, то есть федерация!

Дело было как на ладони. Югославы хотели заманить нас в ловушку, «протоколами» вовлечь нас на тот же путь, где они провалились своим предложением об объединении. Однако их новый маневр больше не говорил ни о силе, ни о шантаже. Он походил скорее на отчаянную попытку, на выстрел наугад, который «авось попадет в цель». Наступил момент, чтобы это мы повысили тон:

— Товарищ Златич, — сказал я ему, — мы выслушали новые предложения вашего руководства и, конечно, взвесим, обсудим их и дадим вам ответ. Но многое в сказанном вами неясное и даже беспокоящее, и, вы уж извините меня, некорректное с вашей стороны.

— Пожалуйста, — сказал он. — Где конкретно?!

— Вы требуете, чтобы мы сделали такой шаг, который по существу означает объединение обеих наших стран, слияние обоих наших государств. Это вы сами так сказали. Вы хотите, чтобы мы и протокол составили по этому вопросу. Двадцать с лишним дней тому назад вы добивались того же результата, но посредством предложения, которое должны были внести мы «с нашей стороны», но зато по вашей просьбе. Теперь я хотел бы спросить вас: нормальны ли подобные действия в отношениях между суверенными государствами?! Мы направили товарищу Тито письмо с просьбой разъяснить нам, как он представлял себе вопрос объединения обеих наших стран и каково его мнение об этом. Ответа не последовало.

— Внесенные мною предложения и составляют ответ на это! — проболтался Златич, вероятно, из-за безумной поспешности.

— Если только что сказанное вами правда, то проблема очень сложная. Назовите это, как хотите, а мы считаем

это попыткой поставить нас перед совершившимся фактом. Незачем обманывать друг друга. Мы попросили объяснений о том, «почему нам надо объединиться теперь», а не протокола, в котором подписали бы объединение.

— Это не протокол об объединении! — вступил в беседу Сергей Крайгер. — Это протокол о лучшем урегулировании отношений между нашими странами, особенно в экономической области.

— 3-4 месяца назад, — вы хорошо помните наш разговор по вопросу о Координационной комиссии, — обратился я к Крайгеру, — вы сказали, что комиссия эта будет сглаживать любые расхождения, будет все регулировать. Как никак, а комиссия была создана. Позднее вы пришли ко мне и пожаловались на то, что дела не вяжутся, так как наши министерства не докладывали вам обо всем, что вы спрашивали. Я по-товарищески сказал вам, что не был согласен с вашими требованиями, но, поскольку вы настаивали на своем, мы наказали министерствам удовлетворить и это требование. И что из этого вышло?! Наши люди предавались бесполезным исследованиям и проектам. Они занимались скорее составлением докладов и информаций для вас, нежели экономическими проблемами. Теперь, если мы пойдем на создание комитета в Белграде, то всем нам придется стать докладчиками и информаторами этого комитета.

— Все в пользу дела и предпринимается, — «мягко» ответил мне Крайгер, — ведь и наши цели искренние. Вам не следует отрицать нашу помощь. Вы должны уяснить себе, что Югославия жертвует ради вас, в вопросах о помощи она обращается с вами, как со своими республиками. Но, если с нашими республиками все легко решается, то с вами, поскольку вы остаетесь самостоятельным государством, волей-неволей возникают трудности и расхождения.

— Наша ориентация и наша забота, — сказал я ему, — заключались в том, чтобы мы выполняли в первую очередь обязательства и соблюдали контракты с Югославией. Мы согласились даже на создание таких звеньев и таких организмов, на образование которых вряд ли согласится ка-

кое-либо другое государство. Сюда относится и руководимая вами комиссия. И, если тем не менее дела неблагополучно идут, то причины этого не ищите среди нас.

— Дело в том, что, когда действуешь обособленно, возникают расхождения, — проговорил Крайгер. — Иначе подходит к делу ваше ведомство, иначе югославское. Каждому своя рубашка ближе к телу. Приведем вам несколько примеров, — сказал он и подал знак третьему югославу, который, словно заводная игрушка, тут же вынул из портфеля клочок бумаги.

— Посмотрите, что происходит, — громко заговорил югослав. — С вашей стороны поступают к нам заявки, которые удовлетворять нельзя. Возьмем к примеру щипчики. Вы запросили на год 70 000 щипчиков! Это уж слишком! Вы совсем разорили югославский рынок!

— Возможно, имеются и неправильные заявки! — обратился я к югославам, — но, что касается упомянутого вами инструмента, я не могу вам ответить. В какой отрасли экономики он употребляется?

Вдруг тяжелая атмосфера встречи разрядилась на несколько мгновений. Переводчики стали перешептываться с югославами, чтобы выяснить, что это был за инструмент. Кочи Дзодзе сидел, опершись лбом на руки, а Златич делал безумные жесты: он щипал брови кончиками пальцев и что-то силился мне указать. Наконец-то загадка была разгадана:

— Это, — начал объяснить мне переводчик, — согнутая в середине тонкая и гибкая жестяная пластинка, употребляемая женщинами для выщипывания бровей.

Надо было не смеяться, а крикнуть:

— Как вам не стыдно, что такие глупости упоминаете! — обрушился я на югославов. — Наши женщины и девушки даже названий не знают инструментам, о которых вы говорите, а не то, чтобы им в голову приходило выщипывать брови! У них еще хлеба не хватает, недостает у них одежды и обуви, а вы жалуетесь нам на то, что мы, видите ли, очи-

стили ваш рынок от бровных жестянок[1]. Оставьте их себе, под мою личную ответственность скажу вам не поставлять Албании ни одной штуки!

— Вам не следует сердиться. Мы привели это в качестве примера о возникающих беспорядках. Таких примеров много, — сказали далее югославы и принялись перечислять: — вы запросили столько-то тонн ваксы, столько-то тысяч сапожных гвоздей, столько-то миллионов (кажется около 7-8 миллионов) перьев (?!), столько-то тысяч килограммов эссенции для напитков и т.д. и т.п.

— Странно! Очень странно! — сказал я возмущенный и обратился к Панди Кристо, который сидел в углу, как мокрая курица: — Это вы запросили все это? На что оно вам?

— Товарищ Командант, вы правы, но правы и югославские товарищи. Они нам не так уж нужны, но, когда мы запросили несколько двигателей и оборудование железнодорожного назначения югославские товарищи плановики предложили нам и их, так как у них на рынке их в достатке. Они сказали нам, что «их можно получить за бесценок, совсем дешево, запросив их в рамках кредита».

Как ни странно, югославы и на этот раз нисколько не смутились. Наоборот, Златич нашел «выход»:

— Не важно, кто их в план включил! — пояснил он. — Важно раскрыть, откуда такие неполадки. Это происходит от того, что мы еще выступаем двумя отдельными государствами. Все будет разрешено в случае, если вы одобрите наши предложения!

— Вы еще что-нибудь желали сообщить нам? — спросил я его.

---

1 В книге «Югославо-албанские отношения» (1939-1948), опубликованной в Белграде в 1949 году, люди Тито не позабыли «упомянуть» и этот факт. На странице 205 (издания на албанском языке) они жалуются на то, что албанская сторона «сделала Федеративной плановой комиссии ФНРЮ заявку на 70 000 щипчиков для выщипывания бровей».

— Нет, ничего. Если вы готовы, то можем приступить к составлению протокола, — добавил Златич, торопясь.

— На что вам такой протокол?! — спросил я, как будто исподлобья.

— Чтобы быть в порядке в будущем! — поспешно ответил он. — Ведь могут возникнуть трения, разногласия. Без такого протокола вы можете говорить «это мы так поняли», а мы в свою очередь — «это мы иначе поняли». А протокол-то есть документ. Мы на него ссылаться будем и отвечать будет тот, кто и должен отвечать.

— Ах, вот оно что! — сказал я ему. — Значение протокола вы совершенно правильно понимаете, и в этом я согласен с вами. Но почему же вы не считаете правильным изложить и нам документом, в письменном виде ваши замечания, мнения и особенно ваши предложения?! В ноябре вы изложили нам уйму предложений. Я попросил вас письменно представить их нам, но вы и по сей день этого не сделали. Пришли вы в декабре, внесли целый ряд предложений, но опять-таки устно. Пришли вы в феврале, а также и в марте — то же самое! Ждем мы ответа от товарища Тито, а ответа нет как нет. Теперь вы вносите все новые предложения, но опять устно. Откуда нам знать, точно ли сказанное вами?!

— Я точно передаю вам наказы нашего руководства, — проговорил он, изменившись в лице, — вы же прямо нам говорите, что не доверяете нам. Вы это мне не доверяете или же не доверяете руководству КПЮ, товарищу Тито?

— Здесь не место таким вопросам! — ответил я резко и холодно. — Это мы не про содержание поставленных вами вопросов, а про то, как вы их излагаете. Мы рассмотрим их лишь тогда, когда вы представите их нам в письменном виде!

На этом и кончилась встреча. Собираясь уходить, Златич хотел было еще что-то сказать, но, видимо, одумался. Вслед за ним, опустив голову, вышли и другие. Остались только мы с Хюсни.

— Вероятно, большое будет с ними столкновение, — сказал он. — Но так им и надо. Пусть хорошенько подумают, прежде чем спровоцировать какой-либо другой ноябрь. Пора им знать, что наступает момент, когда наше терпение и выдержка иссякают.

— Всякое может случиться, — ответил я. — Но уже давно я замечаю у всех странную боязнь и замешательство. Понять не могу, почему они проявляют столь явное шовинистическое нетерпение, стремясь во что бы то ни стало добиться объединения. Как бы то ни было, мы должны хранить бдительность. Нам уже все ясно. На наступление ответим только наступлением. Иного пути не остается.

Позорный конец

Прошло всего лишь два-три дня со времени этой встречи, как важное событие окончательно разъяснило и осветило все: нам попало в руки первое письмо[1] ЦК КПСС титовскому югославскому руководству.

Я одним духом прочитал письмо и с первых же абзацев испытывал радость и удовольствие, которые редко испытывал в моей жизни. Мудро и на незыблемых доводах ЦК КПСС указывал на большие ошибки и извращения в линии руководства КПЮ, его разнузданный национализм и манию величия, чреватый опасностями и вредными последствиями путь, на который оно уводило югославский народ. Хотя в письме нигде не упоминались наша партия, наша страна и наши отношения с руководством КПЮ, мне казалось, будто во всех абзацах учитывалось именно то, что годами происходило в наших отношениях с титовским руководством.

Все письмо было в то же время косвенным подтвержде-

1 Письмо это было направлено руководству КПЮ 27 марта 1948 года.

нием также правильности линии КПА, опровержением всех бесконечных замечаний, обвинений, клеветнических утверждений и обличением всех видов давления, к которому прибегали Тито и его «посланцы» в течение 6-7 лет.

Я окончательно убедился в том, что наше дело побеждало. Острый конфликт, в который мы вступили с белградскими руководителями, будет разрешен не только правильно, но, а это самое главное, быстрее и без особых осложнений, столкновений и потерь, которые были бы неминуемы в случае, если бы мы вели эту борьбу в одиночку.

Я немедленно позвал к себе Хюсни, дал ему письмо прочитать и увидел, что он испытывал то же волнение, те же чувства, которые я испытывал немного раньше. Наступило время свободно дышать, для партии и народа наступил момент отбросить прочь болезненный дух и тяжкое бремя, которое уже годы давило на нас и грозило нам.

— Наша правота подтвердилась! Мы победим. Да здравствует партия! — кончив чтение, сказал Хюсни со слезами на глазах и бросился мне в объятия.

— Это историческое письмо Сталина все нам разъясняет и освещает! — сказал я ему. — Ты помнишь, о чем мы говорили несколько дней назад?! Нам казались странными и непонятными поспешность югославов и их настаивание на подписании протокола об объединении. Теперь все ясно. Прибегая к гнусным проискам и нажимам, они стремились возможно скорее кончить дело с нами, так как на душе у них неспокойно от конфликта с советскими товарищами.

— Кочи и Панди прочитали его? — спросил меня Хюсни.

— Нет! — ответил я. — Их нет здесь. Они объезжают разные области для пропаганды VIII Пленума! Как только они вернутся, сообщу им об этом.

— Посмотрим, как они встретят его ...

— Как гром, — сказал я ему. — Тем не менее, рано еще в деталях анализировать это историческое письмо. Мы поставим о нем в известность остальных товарищей-членов Бюро, пусть все прочтут его, а потом соберемся для обсуждения.

В тот же день или же на другой день приходят ко мне встревоженные Кристо Темелько и Бечир Балуку:

— Товарищ Командант, — говорят они мне, — генерал Купрешанин попросил встречу с нами и сообщил нам весьма тяжелые обвинения. Он попросил передать их вам и мы немедленно пришли!

— Чем недоволен генерал? — спросил я.

— Всем! — вскочил Кристо Темелько. — Прежде всего экономикой. Он не согласен с вашей формулировкой о том, что «албанская экономика опирается на свои силы и основана также на помощи Югославии и братских стран». Купрешанин считает это нарушением соглашения. Он сказал мне, что следует говорить не «албанская экономика», а «совместные албано-югославские экономические планы».

— Да, да! — «подбодрил» я его. — Продолжай!

— Он сказал, что недоволен тем, что недавно директор одной фабрики в Шкодре был арестован за враждебную деятельность. Он югослав по происхождению, поэтому его нельзя было трогать!

Дальше Темелько перечислил мне и остальные «обвинения» югославского генерала: Третье «обвинение» касалось нашей внешней политики: Австрийское правительство обратилось к нам с просьбой об установлении связей с Народной Республикой Албанией, а мы, видите ли, допустили «роковую» ошибку: не заявили протест против такой просьбы Австрии! Согласно Купрешанину, мы должны были заявить протест и отклонить просьбу Австрии, так как, во-первых, Австрия и Югославия не в ладах между собой по поводу словенского нацменьшинства, и, во-вторых, как же это можно, чтобы Албания установила связи с Австрией без предварительного согласия Югославии?!

Четвертое «обвинение» касалось жилищной политики в Дурресском Исполкоме. Семьи некоторых югославских специалистов были переселены в новые дома, так как зона, где находились прежние дома, переходила в распоряжение армии!

— Он был очень раздражен! — кончил Темелько. —

Перечислил нам все это и сообщил, что в таких условиях больше невозможно сотрудничать в военной области!

— Ну что, вы приняли его «обвинения»? — спросил я их.

— Мы взяли их на заметку — ответил мне Темелько. — Мы были сильно потрясены сказанным им о наших военных отношениях. Если они прекратят сотрудничество на полпути, то нам худо будет! Ведь без их помощи нам никак нельзя осуществить все планы касательно армии! Вот почему мы спросили его, было ли в армии что-нибудь такое, которое ему не нравилось. Тот сказал, что ничего не было.

— Было, а как же нет! — вставил Балуку. — Для югославских офицеров не оставляют хорошие билеты на футбольный стадион!

— Ах да, чуть ли не забыл! — спохватился Шуле. — Какой-либо бессовестный работник оставлял для дружеских офицеров очередные футбольные билеты. Это, быть может, и преднамеренно сделано, ведь враг того и ждет.

— И про билеты говорил вам Купрешанин?! — спросил я.

— А как же. Даже возмущенно! — пояснил Шуле.

— И чем кончилась встреча?! — обратился я к ним, еле сдерживая гнев.

— Да вот так! Мы попросили его не оставаться на нас в обиде; сказали ему, что все будет исправлено, и побежали к вам. Это весьма тревожно!

— Тревожно и непонятно ваше поведение! — строго сказал я им. — В первую очередь к тебе обращаюсь, Кристо, как члену Политбюро, но и к тебе, Бечир Балуку, как начальнику Генерального штаба армии. Вы совсем не должны были слушать югославского генерала, заметив, что говорил он вам о не касающихся его проблемах. Но, допустив первую ошибку, вы сделали и вторую: вместо того чтобы с негодованием отвергнуть возведенные им смехотворные «обвинения», вы приняли их, долго не задумавшись над этим.

Шуле и Балуку широко раскрывали глаза, слушая это, но, увидев негодование и решимость, с которыми я говорил,

они опустили глаза и съежились, словно желая сказать мне: «Просто уму непостижимо, как это ты противопоставляешься «молниям» друзей в таких ситуациях!».

Не трудно было понять, что́ это была за новая атака югославов! Это была даже скорее не атака, а план, поступавший из Белграда с целью пощупать нам пульс: «Давайте нанесем албанцам новый удар и увидим, как дела обстоят, — подумали в Белграде. — Если они гневно ответят нам, то Сталин поставил их в известность о происходящем. Если нет, то пусть в рамках новых обвинений дальше углубят VIII Пленум, то есть, пусть поскорее переходят в наши объятия». Ведь не напрасно они привели в движение в данном случае генерала, а не дипломата Златича.

Я хорошо взвесил совершенную против нас гнусную провокацию и заключил, что Тито следовало немедленно дать надлежащий ответ.

Я потребовал срочного заседания Политбюро (тем временем вернулись из «командировки» Кочи Дзодзе и Панди Кристо) и мы собрались.

— Я созвал это чрезвычайное заседание Бюро, — сказал я товарищам, — чтобы поставить вас в известность о двух важных проблемах последних 4-5 дней. Первая и самая главная проблема касается письма ЦК КПСС, направленного югославскому руководству в конце марта. Об исключительной важности и значении этого письма говорить не буду, так как вы сами поймете это, как только мы прочтем его.

Впервые после многих лет раздоров, дебатов и часто бессмысленных споров в нашем Политбюро воцарилась полная и глубокая тишина. Между тем как я читал, слышно было даже и дыхание товарищей. Я отдавал себе отчет в том, что каждый абзац и каждая фраза письма производили на разных товарищей разное впечатление и вызывали у них разное реагирование. Хюсни и Гого слушали со всей серьезностью и озабоченностью, но зато на их лицах и глазах можно было замечать также улыбку и радость; Бедри и Тук сидели, широко раскрыв глаза перед таким чудом. Что касается Кочи Дзодзе, Панди Кристо, Кристо Темелько, Нести

Керенджи и Джоджи Блюши, то они понурили голову и глубоко дышали, словно простреленные.

— Таково содержание письма, — сказал я товарищам, кончив его чтение. — А теперь встает вопрос: Как нам поступать в дальнейшем? Полагаю, что обсуждать этот вопрос еще рано. Пусть каждый из нас сядет и изучит письмо с карандашом в руке, чтобы хорошо понять его суть и, когда соберемся, пусть каждый свободно говорит, как это ему подсказывают его убеждения и совесть. Анализируя разные проблемы, мы часто страдали от большого зла: существовала тенденция того или иного навязывать другим взгляды и позиции, с которыми они не были согласны. С такой тенденцией мы должны покончить и, по-моему, пример этого надо показать при анализе настоящего письма. Во-вторых, я полагаю, что письмо советского руководства мы должны анализировать в более широком плане. Мне кажется, что руководителей КПЮ, их линию и позицию мы знаем лучше, чем другие коммунистические партии, так как на протяжении целых лет поддерживаем с ними связи, заключали с ними соглашения, имели с ними разногласия. Поэтому то, что скажем в ответ на письмо Большевистской партии, мы должны связывать с нашим опытом, с нашими отношениями с югославским руководством. В-третьих, — сказал я товарищам, — советую вам особенно в эти моменты проявлять большую осторожность, высокую бдительность и выдержку. Надо хорошо учитывать тот факт, что проблемы, возникшие в отношениях между советским и югославским руководством, остаются еще сугубо внутренними проблемами и еще обсуждаются ими. В силу самих особых отношений, сложившихся между нами и югославским руководством, было бы непростительной ошибкой в случае, если бы кто-нибудь из нас поторопился и предал гласности вне нашего Бюро поднимающиеся в настоящем письме проблемы, ибо это причинило бы нам большой вред и в то же время привело бы к дальнейшему обострению и осложнению отношений, сложившихся между советскими и югославскими товарищами. Соблюдая нормы, регулирующие отношения между братскими партия-

ми, Сталин направляет нам письмо, чтобы поставить нас в курсе дела — только и всего. Солидаризоваться с письмом или нет — этого Сталин не требует, но и не запрещает нам. Это от нас зависит. Однако, как я уже сказал, мы не должны еще сегодня и поспешно высказаться по этому поводу. Когда готовы будем, тогда и соберемся.

Таков первый вопрос. С настоящего момента письмо советского руководства в распоряжении каждого товарища-члена Бюро, и вы можете приходить читать его всякий раз, когда сочтете это нужным.

Второй вопрос, — продолжал я, — касается тяжелого инцидента, спровоцированного два дня тому назад генералом Купрешаниным.

Упомянув в деталях все «обвинения» генерала, я отметил:

— Всякий видит, что поднимаемые Купрешаниным вопросы — смехотворные, они лишены какого бы то ни было основания и совершенно несостоятельные. Почему генерал предпринял такой шаг — это другое дело. Мне сдается, что это была провокация.

— В каком смысле? — поторопился спросить Кочи Дзодзе.

— Главным образом, в двух смыслах! — тут же ответил я. — Во-первых, быть может, генерал предъявляет нам такие «обвинения», которые, по-моему, даже он сам не принимает всерьез, с целью пощупать нам пульс, выведать, знаем ли мы или нет о советско-югославском конфликте. Это они установят, судя по нашему отношению к последнейшим их обвинениям. Во-вторых, возможно, что они возвели на нас «обвинения» с целью вынудить нас поступить так, как мы поступили в случае с «обвинениями» Златича в ноябре — организовать другой VIII Пленум, то есть вынудить нас принять все «предложения», внесенные ими в последнее время. Иной возможности я не вижу и как раз поэтому подозреваю, что поведение югославского генерала является просто провокацией. Если ты, товарищ Кочи, видишь какую-нибудь другую причину, то скажи нам, чтобы мы не ошиблись...

Кочи Дзодзе больше ни слова не вымолвил и я, немного подождав отметил далее:

— Независимо от этого, нам не позволяется ни поддаться провокации, ни спешить и предать гласности то, что составляет сугубо внутреннюю проблему и предмет обсуждения. Поэтому я считаю целесообразным немедленно обратиться к товарищу Тито с письмом, в котором сообщить ему, что сказал нам Купрешанин, доказать ему необоснованность его «обвинений», попросить его объяснить нам, что побудило генерала предпринять такой шаг.

— Не лучше ли было бы нам объясниться с самим Купрешаниным? — спросил на этот раз Нести Керенджи, заместитель Кочи в Министерстве внутренних дел.

— Никоим образом! — ответил я. — Он просто военный и незачем нам обсуждать с ним такие проблемы. Причем я думаю, что мы должны как следует подчеркнуть это в нашем письме к Тито. Писать ему надо, что мы не находим правильным, чтобы такие вопросы, будь они и обоснованными, приходил и поднимал генерал. Если ваши торавищи считали их важными, скажем мы Тито, то их мог указать нам ваш посол Иосип Гергя или же ваш «посланец» Златич, но никак не генерал. В то же время напишем Тито, что нам кажется странным то, что генерал грозит нам прекращением сотрудничества в военной области потому лишь, что для некоторых югославских офицеров не оставляли хорошие билеты на стадион! Скажем ему также, что нам непонятно к чему такие действия, и, под конец, повторим ему, что стоим за дружеские отношения в духе учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Это мы должны подчеркнуть, товарищи, ибо уже некоторое время, как водится недопустимое для нас выражение. Вместо духа марксизма некоторые упоминают «дух Экономической конвенции». Это нелепо. Таково мое мнение. Давайте рассмотрим это и решим!

— У меня одно опасение! — закинул камешек Кочи Дэодзе, хотя и дрожащим и слабым голосом. — Товарищ Тито может увязать наш ответ с письмом Сталина и подозревать, что мы в курсе дела.

— Ну и что, — вскочил Хюсни, — пусть и подозревает! Ему незачем обидеться по этому поводу. Наоборот, пусть

это побудит его к тому, чтобы и он поставил нас в известность о югославских взглядах, как это по праву делает товарищ Сталин что касается советских взглядов. Раз называет нас братской и даже более чем братской партией, то почему он скрывает это от нас?!

— Да нет, дело в том, что Тито может подумать, что мы возразили Купрешанину под воздействием письма Сталина! — отважился далее Кочи Дзодзе.

— У тебя нет оснований так плохо думать о товарище Тито! — ответил я, задев Кочи Дзодзе в «его сфере». — У Тито могут быть грехи, и, по-моему, грехов у него много, но в слабой памяти его не обвинишь. Ведь не впервые мы ему возражаем. Не говоря уж о прошлых годах, только за последние 3-4 месяца мы неоднократно ему возражали. Мы отклонили его требование касательно дивизии, отклонили предложения о создании единого командования, отклонили требование об объединении Албании с Югославией. Теперь же ты сожалеешь по поводу того, что мы не принимаем нелепостей генерала Купрешанина! Ну что ж, не думаешь ли ты, что на этой основе мы должны провести еще один VIII Пленум?

— Нет, вы меня плохо поняли, — отступил и помялся Кочи Дзодзе. — Не то, что я против того, чтобы написать ему письмо, но подумал, не возникнут ли подозрения в том, будто это советские на нас повлияли. Теперь же я убедился в обратном и согласен, чтобы мы послали письмо.

Расосвирепевший Кочи лишался уже не только «мечей», которыми вооружил его VIII Пленум, но и спеси. Мало сказать, что он испугался. Он переживал уже начало агонии черного дела, которому предался под давлением и из-за происков Белграда, но и вследствие своих амбиций и болезненного самолюбия.

Дело было, а это я хорошо помню, 17 апреля 1948 года. Мне помнится это число, так как всего лишь день спустя после него, а именно 18 апреля 1948 года, стало очевидно, что, по крайней мере в отношениях с нашей партией и нашей страной, дело югославов было проиграно. Мне совер-

шенно ясно было, что однажды такое должно было случиться, однако мне и в голову не приходило, что случится оно так быстро и при столь неожиданных, можно сказать, смешных обстоятельствах. Вот как это было:

К тому времени в нашу страну приехало два или три советских киноработника снять документальную картину об Албании. Они кончили съемку и, прежде чем вернуться в Москву, обратились ко мне через советского посла, отметив, что были бы счастливыми, если бы я нашел время посмотреть заснятый ими фильм. Я с удовольствием согласился. 18 апреля вечером я пригласил киноработников во Дворец бригад, а вместе с ними пригласил и посла Чувахина и некоторых из главных сотрудников советского посольства, дружески пригласил также югославского посла и Саво Златича, болгарского посла и еще кое-кого, но кого именно, этого не помню. Из числа наших товарищей были Хюсни Капо, Кочи Дзодзе, Бедри Спахиу и Тук Якова.

Это был совсем дружеский вечер без всякого протокола. Разумеется, самую большую честь оказали мы тем, кто послужил нам поводом собраться, дружеским киноработникам. Последние, обрадованные тому, что встречались с нами, чокнувшись бокалами, встали, чтобы подготовить проекционные аппараты. До этого момента все шло гладко, мы разговаривали и шутили друг с другом.

Между тем я заметил, как Саво Златич встал туча тучей, обошел вначале стол, за которым сидел Кочи Дзодзе, подошел к Хюсни, собрался что-то сказать ему, но, видимо, одумался, знаком позвал Гергя и оба они подошли ко мне.

— Вы сюда сядете? — спокойно обратился я к ним и отодвинулся, чтобы освободить им место. — Садитесь!

— Нет, мы уходим! — сказал Саво Златич. К моему удивлению, я заметил, что он весь покраснел и стискивал зубы.

— Почему? — спросил я. — Что-нибудь с вами неладно?! Вы плохо себя чувствуете?

— Завтра после обеда, самое большее послезавтра, я уезжаю в Белград, — резко ответил мне Златич. — Но, прежде чем уехать, прошу вас устроить мне встречу с двумя това-

рищами-членами вашего Центрального Комитета, чтобы передать им наши замечания.

Судя по тому, с каким напряжением и злобой он говорил, я понял, что не стоило требовать от него объяснить нам, что это за несчастье постигло их.

— С кем именно хотели бы вы встретиться? — спросил я.

— Больше нет места никакому предпочтению! — сурово и цинично ответил он. — С кем угодно!

— В таком случае мы назначим товарища Дзодзе, — сказал я, заставив его немножко фыркнуть, — и ... товарища Хюсни Капо!

Югославы ушли. То, что с ними произошло, крайне удивило меня, но все-таки я не показывал виду. Ведь собрались мы по другому поводу, и не следовало вызвать у гостей какую-либо тревогу или подозрение. Единственным человеком, который после этого больше ни слова не проронил и головы не поднял, был Кочи Дзодзе. Он сидел мрачнее мрака, опустившегося с началом показа фильма.

На другой день Хюсни и Кочи Дзодзе встретились со Златичем и то, что они сообщили мне, было сущим бесстыдством.

По словам Златича и Гергя, описанный мною выше дружеский вечер был, видите ли, не вечером, а «антиюгославской демонстрацией» (?!), «оскорблением», якобы нанесенным мною Златичу, югославской армии и всей Югославии!

— Да почему? — удивленно спросил его Хюсни.

— Потому, что Энвер Ходжа пригласил больше советских, чем югославов, хотя в Албании больше югославов, чем советских! Потому, что вы не пригласили генерала Купрешанина, не пригласили югославских специалистов ...

Тот наговорил им и других нелепостей, которые не стоит упомянуть, и в заключение сказал:

— С вами сотрудничать дальше нельзя. После такого оскорбления генералу Купрешанину и всем другим югославским военным больше нет места в Албании; экономические соглашения будут пересмотрены нами, все будет пересмотрено. Мы уходим, так как ваша дружба с Югославией лишена

оснований, состояние наших отношений хуже, чем в июне 1947 года (когда они предъявили нам первое обвинение), и даже хуже, чем в ноябре (когда они предъявили нам второе обвинение); потому, что Энвер Ходжа всегда так обращался с нами и ...

События само собою приняли новый оборот, или, вернее, стали развиваться новыми, более быстрыми темпами.

Так неожиданно и по совершенно несостоятельным причинам отозвав югославских «посланцев» и свиту их советников и специалистов, югославское руководство окончательно раскрыло неоспоримую истину: свои враждебные Албании заговорщицкие цели и стремления. Иначе не объяснишь столь неожиданный и позорный уход. За весь этот период мы не давали повода к какому-либо инциденту или недоразумению в наших отношениях с ними. Мы вели себя очень корректно, даже терпели и позволяли им поведение и действия, за которые в иных ситуациях мы выгнали бы их с негодованием и презрением. К тому же они ни слова не услышали о том, как мы отреагируем на письмо Большевистской партии и на советско-югославский конфликт в целом. Неспроста за день до этого, на заседании Политбюро, я не выразил своего мнения о письме Сталина и не случайно потребовал, чтобы мы не высказались тут же по этому поводу. Я поступил так для того, чтобы товарищи могли спокойно и свободно готовиться, как и будучи убежденным в том, что Дзодзе и его клан немедленно сообщат своим хозяевам наше мнение. Так что этого оружия мы не предоставили им в руки. В таком случае, почему они уехали? Потому, что, наверное, Дзодзе сообщил им один лишь факт: в наших руках было письмо Сталина. Для югославов это значило, что их заговор по аннексии Албании провалился. Им не удалось сломить нас даже тогда, когда мы ничего не знали о конфликте между ними и Коммунистической партией Советского Союза, а не то что теперь, когда мы уже сознавали, что в своих усилиях мы были не одни. Следовательно, убедившись в том, что им ничего не выйдет, они нашли повод и уехали. В исступлении, огорченные тем, что не смогли сделать Югославию

страной с семью республиками, они даже на своих агентов махнули рукой. Как это Златич сказал мне в последние моменты, у них больше не было «предпочтений». Для белградских заговорщиков, как и для заговорщиков всех времен и стран, это было более чем нормально. Ведь Кочи Дзодзе и других они хотели не ради прекрасных глаз. Они хотели их, чтобы те служили осуществлению и поддержке заговора «изнутри». Раз цель провалилась, то к черту и средства, и орудия! Пусть они выкрутятся как хотят или как могут! Если они ухитрятся избежать нашего правосудия, то в подходящих ситуациях хозяева снова активизируют их. В противном случае, сербская церковь зажгет им свечу, а титовской пропаганде с провалом заговора выгоднее будет суровое наказание агентов: они обвинят нас в «нарушении демократии» и т.д. и т.п.

Чтобы до конца быть справедливыми и корректными, немедленно после глупости, наделанной Купрешаниным и Златичем, мы послали Тито другое письмо, в котором выражали удивление и негодование, вызванные тем, что они уехали без каких-либо оснований, хотя мы никакого повода не давали им к этому. Тито ответил нам спустя два дня; он, конечно, несколькими общими словами, защищал поступок своих посланцев и тут же взваливал на нас вину за обострение отношений. А почему? Три были причины, которые Тито приводил:

Первое, «у вас (албанцев) отсутствует необходимое доверие к нашим мыслям об Албании»[1].

Второе, «мы (югославы) не можем согласиться с таким положением, когда мы приносим в интересах Албании немалые материальные жертвы в ущерб своему народу и тем не менее не видим какого-либо улучшения в наших отношениях».

Что именно подразумевал Тито под таким «улучшением отношений», это он открыто выражал в третьей «причине»:

«Если мы действительно хотим сближения, — заключал маршал, — то мы должны пересмотреть наше сотруд-

---

1 Цитаты в кавычках взяты из письма И. Б. Тито, направленного ЦК КПА 22 апреля 1948 г. *ЦПА*.

ничество ... и усилить его на такой основе, которая соответствовала бы определенному этапу и международным условиям».

Что это были за «определенный этап» и «международные условия», которые Тито скользко упоминал, такое открыто говорили нам раньше его посланцы: «этап федеративного объединения», чтобы в «обострившихся международных условиях» выступать как «малая держава». Вслед за этим он не замедлял снова угрожать тем, что прекратят нам помощь, пересмотрят все отношения с нами, и «советовал» нам найти виновников в той «части вашего руководства», которая, видите ли, не была согласна с диктатом югославов!

Ну и крайне избитыми были эти «советы» и приказы маршала! Мы давно знали их, много от них потерпели, но они больше уже не действовали. Мы проанализировали его письмо и послали ему заслуженный ответ. С самого начала мы без обиняков говорили ему, что руководство КПЮ должно искать и найти причину этого прежде всего в самом себе, в недопустимых ошибках и деяниях, которые она на протяжении целых лет совершает по отношению к нам. В письме мы отмечали ему также, что и для нашей партии настало время глубоко проанализировать дело, и, на основе критики и самокритики, выявить настоящие причины ухудшения отношений.

Подчеркнув, что мы еще в годы войны и позднее откровенно добивались укрепления дружбы, мы указывали главную свою ошибку: «Наша партия и ее Центральный Комитет убежденно, питая большое доверие к КПЮ, неоднократно принимали суровые критические замечания, которые ЦК КПЮ устно делал ей, ее руководству и ее деятелям. Их, — писали мы, — часто мы принимали даже и беспрекословно, что, впрочем, не объективно, а, напротив, идет вразрез с марксистско-ленинскими принципами и с марксизмом-ленинизмом. Мы признаем, что неправильно поступали в этом направлении...»[1].

---

1 Из письма Политбюро ЦК КПА, направленного И. Б. Тито, 23 мая 1948 г. *ЦПА*.

Далее мы на аргументах одно за другим отвергали все обвинения Тито, объясняли, почему считали их поведение несправедливым и горьким и ... передавали им мяч, чтобы они играли, как это им удобнее будет.

Ответ не замедлил последовать, однако на этот раз, поскольку Тито «не было» в Белграде, он был за подписью Гьиляса.

В трех строках он писал, что наше письмо не составляло какой-либо основы для обсуждения, а затем угрожающе поднимал указательный палец.

«Тем временем, — писал он нам, — чтобы наши отношения возможно быстрее урегулировались, предлагаем вам направить к нам делегацию, которая обсудила бы с нами все вопросы и составила бы протоколы о наших экономических отношениях на базе наших прежних предложений»![1].

O tempora, o mores!

Чем объяснить такую привычку ревизионистов?! Неужели все они подражают друг другу или же зло толкает их на одинаковый путь? Кому забыть наши столкновения с Хрущевым и компанией в 1960 году и в начале 1961 года? Кому забыть того, что после большого разрыва в ноябре 1960 года они настойчиво требовали от нас во что бы то ни стало послать в Москву делегацию[2] для «подписания соглашений»?!

То же самое происходило и с югославами! Но это не в 1960, а в 1948 году. В обоих случаях цель ревизионистов была одной и той же: срочный вызов в «Каноссу», чтобы сломить нас! Но зато и наша позиция в обоих случаях была одной и той же. Мы указали им место.

Однако речь в данном случае идет о нашем столкновении с первым течением современного ревизионизма у власти, с югославским ревизионизмом. Вот, чем все это кончалось в отношениях с ними весною 1948 года.

---

1 Из письма ЦК КПЮ, направленного ЦК КПА, 27 мая 1948 г. *ЦПА.*

2 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 498-499, Тирана, 1980 г.

IX

НАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ С ТИТО И ТИТОВЦАМИ

Публичное разоблачение титизма ■ По вопросу отношений КПА с коммунистическими партиями Советского Союза и других стран за период до 1948 года ■ Поездка инкогнито в Румынию по поводу измены Тито. Встреча с Андреем Вышинским. Совещание с Вышинским и Дежем. Незыблемые доводы КПА в подтверждение изменнической деятельности Тито. Вышинский: «Большевистская партия одобряет действия и справедливую борьбу КПА в защиту марксизма-ленинизма». Визит в Бухарест. Возвращение на Родину ■ Отчаянные происки Кочи Дзодзе и компании во избежание разоблачения и отчета ■ Глубокие анализы в нашем Политбюро. Доказательства, приведенные Кристо Темелько и Панди Кристо ■ X и XI Пленумы ЦК КПА. «Линия КПА была правильной. Ее атаковали, но она не сгибалась, ей угрожали, но она оставалась прежней» ■ I исторический съезд КПА. Кочи Дзодзе и Панди Кристо на скамье подсудимых ■ Конец наших связей с Тито и титовцами.

Позорный и неожиданный уход из Албании посланцев Тито и их свиты весной 1948 года привел к тому, что наши дела благополучно шли и быстро продвигались вперед. Это сказалось как на дальнейшем ходе отношений между нашей партией и югославской партией, так и на отношениях

в самом руководстве и внутри нашей партии в целом. Провал белградских заговорщиков явился одновременно полным провалом и для их агентов, целыми годами действовавших в рядах нашей партии то явно, то замаскированно. Пора уже окончательно свести счеты с обеими сторонами.

Публичное разоблачение титизма

Давление, к которому Тито и компания прибегали в апреле и мае 1948 года, чтобы заставить нас «пересмотреть наши позиции», требование направить в Белград делегацию на высоком уровне «для сглаживания расхождений» и т.д., походили скорее на последние попытки утопающих и отчаявшихся всех времен. Титовские руководители уже совсем были убеждены в том, что их дело в Албании было проиграно.

Интересно отметить здесь постоянную черту титовцев: если в «нормальные», «спокойные» периоды они лукавцы, совершенные ловкачи и мастера тысячи и одной маски, ухищрения и заговора, то совсем обратное происходит, когда их игра выводится на чистую воду. Они совершенно растеряются. В таких случаях они испытывают сильное беспокойство и приходят в явное замешательство, из-за шовинистической и кичливой ярости у них ум за разум заходит, они становятся большими нахалами и позволяют себе действия и поведение, которые еще больше разоблачают их и выводят наружу всю их нечисть. Так было с ними в 1948 году, так произошло и в 1981 и 1982 годах.

Увидев, что «потеряли» Албанию, они, без всякой причины и без всяких для этого оснований, в начале июня отозвали в Белград и своего посла, говорившего на албанском языке, титовца Иосипа Гергя.

Они официально пригласили нас на V съезд своей партии, хотя еще прежде, чем направить приглашение, хорошо знали, что мы ответим им резким «Нет!».

Видимо, Тито хотел, чтобы в Белграде мы своими ушами и из уст его самого, Темпо и других услышали гнусные обвинения и инсинуации, которые они собирались публично возвести на нашу партию. Но тяжелый смрад их обвинений дошел до нас. На съезде Тито выступил с нелепой претензией «на роль Миладина Поповича и Душана Мугоша в основании КПА», тогда как Темпо, стремясь завоевать чины и вызвать восхищение публики, приписал себе заслуги человека, «критиковавшего» и «ориентировавшего» нашу партию и нашу борьбу в 1943-1944 годах!

Нам ясно было, какую цель преследовало все это.

Тито предпринимал такой шаг, чтобы «предупредить дурное». Он отдавал себе отчет в том, что рано или поздно мы поднимем свой голос и весь мир узнает о том, какие гадости он пытался совершить (и фактически совершил) против нашей партии и нашей страны. Наши факты и доводы разобьют его в пух и прах. В таком случае он первым закидывал камешек с целью найти повод «защищаться»: Албанцы, мол, атакуют нас за то, что мы кое-что сказали на съезде в их адрес!

Однако и эти «новые» уловки не могли ни застигнуть нас врасплох, ни заставить нас склонить голову. Напротив, мы еще более решительно и принципиально выступили против его мерзостей. Очередь была уже за нами сказать свое слово. Наступило время публичного разоблачения Тито и титизма.

Между тем к нам поступили также второе и третье письма ЦК КПСС югославскому руководству (одно датированное 4 мая, а другое — 28 мая), как и Резолюция Информбюро, принятая в июне 1948 года, где на основе правильных, марксистско-ленинских анализов публично осуждался антимарксистский уклон белградского ревизионистского руководства. Наше руководство и вся наша партия, как и весь албанский народ, единогласно и немедленно солидаризовались с этими важными документами и в подходящий момент мы открыто и во всеуслышание объявили свою позицию и свои решения относительно белградских изменников. IX Пленум ЦК КПА,

проходивший с 27 по 30 июня 1948 года, особо остановился на анализе писем Большевистской партии и Резолюции Информбюро и все товарищи в полном единодушии выразили свою солидарность с разоблачением и осуждением ЦК КПЮ за извращение марксизма-ленинизма, за скатывание на позиции троцкизма и национал-шовинизма. В те же дни мы решили денонсировать и отвергнуть все заключенные с Югославией кабальные соглашения и в особенности все контракты, связанные с пресловутой Экономической конвенцией. Наше Народное Собрание, принявшее эти решения, оставило в силе один только Договор о дружбе и взаимопомощи, подписанный в июле 1946 года. Наше публичное сообщение об этих важных решениях было с энтузиазмом и радостью встречено всем народом. Особенно большой энтузиазм вызвало и глубокое впечатление произвело в Албании и за ее пределами Коммюнике ЦК КПА о нашей единогласной солидаризации с письмами Большевистской партии и Резолюцией Информбюро, опубликованное 1 июля 1948 года.

О том, как были приняты и проанализированы в нашей партии эти документы, я немножко пространнее расскажу ниже, но здесь хотел бы отметить что-то другое.

За немедленную солидаризацию с письмами Большевистской партии и Резолюцией Информбюро Тито и компания обвинили нас в том, будто мы «подпали под влияние советских», тогда как некоторые другие, в том числе и отдельные товарищи из тогдашних коммунистических партий, выразили, кроме сильной радости, и ... большое удивление! Мы не могли согласиться ни с первым, ни со вторым реагированием на наше законное и естественное поведение, ибо как первое, так и второе не соответствовали истине, напротив, представляли собой, умаление и оскорбление нашей партии. Почему?

Что касается обвинения Тито в том, будто мы «подпали под влияние советских», то для нас, албанских коммунистов, это было совершенно абсурдно и смехотворно. Более того, в случае с нами нельзя было и говорить о каком-либо вмешательстве со стороны КПСС, наоборот. В те годы КПСС относилась к нашей партии корректно, разумно, весь-

ма осторожно, причем настолько осторожно, что можно говорить даже об известном «игнорировании». За исключением незабываемых дней лета 1947 года, когда мы съездили в Москву и встретились с великим Сталиным, за исключением оказанного нам теплого, братского и интернационалистического приема, сказанных нам мудрых слов и данных нам мудрых советов, надо признать, что до весны 1948 года мы не в должной мере, не в той степени, в какой мы этого ожидали, чувствовали слово и руку помощи КПСС относительно нашей партии и наших забот. Здесь я имею в виду непосредственную помощь в кардинальных проблемах жизни и генеральной линии партии и особенно в вопросах наших взаимоотношений с КП Югославии.

Проведя детальный анализ в свете всех важных событий, развертывавшихся за эти десятилетия, можно сказать, что советские в период с окончания второй мировой войны не проявляли какого-либо интереса к Албании, они мало знали даже о многовековой истории нашего народа и о нашей Национально-освободительной борьбе. Хотя на исходе Национально-освободительной борьбы нашего народа к нам прибыла советская военная миссия с майором Ивановым во главе, последний, как я уже говорил, не в состоянии был видеть и понимать величие и глубину борьбы нашего народа и нашей партии. Он только и делал, что передавал собранные там и сям сплетни и, под конец, во время бератских происков, стал хорошим союзником и сотрудником Велимира Стойнича.

Такой факт не говорит просто о неспособности этого советского майора, пришедшего к нам вдвоем из Греции с рацией за плечами, чтобы установить связь с албанскими партизанами, в первую очередь он говорит о недостаточном интересе советского руководства к нашей борьбе. Оно, насколько можно судить об этом, было заинтересовано в национально-освободительной борьбе Югославии и прекрасно осведомлено о ней, и, должно быть, больше верило в нее, тогда как в Национально-освободительную борьбу Греции не верило; нас же оно не принимало в расчет, совсем не знало

нас и защищало только потому, что надо было придерживаться принципов! Видимо, титовцы не только мало, но и как им угодно было осведомляли его о нас, так что советское руководство, по всей вероятности, пришло к практическому выводу: «Пусть югославы займутся албанскими партизанами». Такое мнение преобладало и после освобождения, причем до такой степени, что сам Молотов, заявил, что «экономическую помощь Албании мы оказываем через Югославию». И, поскольку «югославская помощь» была ничтожной, то можно заключить, что советская помощь не существовала вплоть до момента разрыва с титовской Югославией. До того времени советские игнорировали подрывную работу Тито против нашей страны и нашей партии и ничего не предпринимали для обуздания действовавших против нас югославов, за исключением непосредственного вмешательства Сталина, когда я спросил его мнение относительно отклонения требования о дислокации югославской дивизии в Албании.

До того момента отношения с Советским Союзом и КПСС мы поддерживали в основном через советское посольство. В нашем представлении сотрудники этого посольства были хорошими людьми, но они являлись всего лишь «служащими», которые не только ничего не предпринимали, но даже ни слова не говорили без разрешения Москвы. Они сами не проявляли никакой инициативы, никаких вопросов нельзя было серьезно обсуждать с ними. Когда говорю «серьезно», я имею в виду важные принципиальные вопросы, как, например, вопрос о многих неправильных позициях, которые мы замечали у югославов. Они избегали этих разговоров, как волк огня... Почему? Им нужно было получить приказ от Москвы! Будучи настоящими чиновниками, они ни шагу не предпринимали, не получив заранее приказ Москвы. Они были готовы слушать нас, когда мы что-нибудь говорили им, и передать нам ответ на наши вопросы. Именно в этих рамках вертелись в целом политические и идеологические вопросы между нами и работниками советского посольства. И то, что они делали, мы считали большой помощью и полагали, что все, что они говорили нам, поступало из Москвы,

от советского руководства, от Сталина! С советскими советниками, помогавшими нам в различных областях народного хозяйства и культуры, дело обстояло иначе. Они очень помогали нам, давали нам советы и оказывали конкретную помощь, обсуждали проблемы с нами и нашими специалистами, сознавая, что помогали социалистической стране, помогали народу и партии, которые любили их. У них не было ни дипломатских нравов, ни страха за «карьеру», ни бюрократского и чиновничьего духа.

Мы, естественно, недоумевали и задумывались, но, питая самое высокое и бесспорное уважение к славной партии Ленина-Сталина, никогда не имели каких-либо недомолвок и не проявляли ни малейшего недовольства ею. Наоборот, такое поведение КПСС мы оправдывали рядом доводов и причин, которые в принципе ни тогда не были и ни сегодня не являются ошибочными.

Еще более слабыми, чтобы не сказать несуществующими, были в те годы наши связи с другими братскими партиями стран народной демократии. Такое положение мы никогда не считали правильным и приемлемым, хотя и были убеждены в том, что так недолго будет, и добивались установления прямых связей с другими братскими партиями, в первую очередь с КПСС. Наше настояние на том, чтобы была принята наша делегация на высоком уровне в Москву (что осуществилось в июле 1947 года) и в Болгарию (в декабре 1947 года) было как раз обдуманным и хорошо взвешенным нами шагом, свидетельствовавшим о нашем стремлении установить возможно более широкие двусторонние и многосторонние связи с братскими коммунистическими и рабочими партиями и с братскими странами народной демократии. Но, если до весны 1947 года мы не смогли больше сделать, это вовсе не по нашей вине. Прежде всего и в основном сознательным виновником этого было белградское руководство с Тито во главе. Они, как это полностью было доказано, хотели держать нас под крылышком, изолировать нас от братских коммунистических партий, от Советского Союза и других социалистических стран, полагая, что мы были

«хвостом КПЮ», самое большее — частицей того, что они впоследствии наименовали «Союзом коммунистов Югославии». Воспользовавшись малым опытом КПА по части поддерживания связей с братскими партиями, а также тем, что мы в 1942 году попросили их походатайствовать при Коминтерне, Тито и компания превратили нашу просьбу в своего рода «мандат», который целыми годами использовали самым низменным и антимарксистским образом.

Мы не располагаем документами, содержащими подробности о том, как Тито и его приближенные изображали братским партиям положение в нашей партии в 1944-1947 годах, но в одном только мы уверены: действуя коварно и со злым умыслом, белградским руководителям где больше, а где меньше удалось вызвать у них тень сомнения относительно способности КПА быть отдельной, самостоятельной партией, могущей самой определить свою линию, претворять ее в жизнь и умело, с принципиальных позиций вести албанский народ по пути социализма. Следовательно, югославы уже насадили враждебное нам и абсурдное представление о том, будто именно они и удерживали нас на ногах, прокармливали нас, будто от них зависело, будет ли существовать или нет Коммунистическая партия Албании! Сколько такая гнусная и ложная пропаганда действовала в других партиях или же воздействовала на них — это другое дело, однако это факт, что такую пропаганду Тито и его эмиссары возвели в систему. Не считая ни нужным и ни уместным остановиться на подробных аргументах, упомяну здесь всего лишь два-три случая. В 1946 году было создано Информбюро коммунистических партий Европы, в которое входило 9 партий, включая сюда все партии тогдашних социалистических стран, как и КП Франции и КП Италии. Осталась вне его одна только партия европейской социалистической страны: Коммунистическая партия Албании! Я не хочу выразить никакого недовольства по поводу того, что в этот важный форум не была включена и наша партия, но тот факт, что вне его осталась лишь одна коммунистическая партия социалистической страны, побуждает подозревать и думать, что

при этом что-то не шло. Происходило это по неосведомленности или же из-за дезинформации со стороны других — эта проблема будет разъяснена временем. Мы убеждены в том, что здесь скрывается черная рука титовской агентуры. Ведь титовцы не хотели, чтобы КПА утвердилась в международном коммунистическом движении как самостоятельная партия, как партия суверенной страны, мужественного и несгибаемого народа, ибо, в противном случае, прогорели бы их агентурная работа и их планы аннексии Албании и превращения ее в седьмую республику югославского государства!

Сам тот факт, что за весь период с 1945 года и вплоть до весны 1947 года мы не видели со стороны братских партий даже никакой инициативы, не говоря уже о заметных усилиях к установлению постоянных и прочных связей с нашей партией, к проведению консультаций, обмену мнениями и опытом, составляет другое свидетельство того, что югославские троцкисты уже бросили тень на престиж нашей партии в целом. То же самое, это факт, что у ряда руководителей некоторых братских партий Тито и компания вызвали, если не мнение, то, по крайней мере, подозрение в том, что КПА была созданием, подчинявшимся линии КПЮ! Это была весьма горькая для нас констатация. Мне хорошо помнится случай, когда ко мне со слезами на глазах пришел один наш товарищ, только что вернувшийся с фестиваля (организованного, если не ошибаюсь, в Чехословакии) и сказал мне:

— Одного только нашего национального флага не было среди флагов стран-участниц!

— Ну а вы, как поступили? — спросил я. — Не спросили ли у хозяев дома причину этого?

— Да! — ответил мне товарищ. — Мы спросили их и они, растерявшись и покраснев, сказали нам в ответ, извинившись: «Мы думали, что флаг Югославии представляет и Албанию»!

Не забыть мне также писем многих наших студентов и специалистов, учившихся в странах народной демократии, в которых они с негодованием писали о случаях, когда министры или другие власти той или иной страны на глазах у

них «просили» у югославского посла «разрешения» и спрашивали его, согласен ли он или нет с тем, чтобы они установили торговые связи ... непосредственно с Албанией!

Мы никогда не таили злобу на друзей за это, но, как бы то ни было, истина остается истиной, будь она горькая или сладкая! Именно тем, что где больше, а где меньше антиалбанский заговор Тито сделал свое, и объясняются «удивление» и «ликование» ряда руководителей тогдашних братских партий, когда ... неожиданно (!) они узнали о здоровой, марксистско-ленинской, мужественной и смелой позиции, занятой КПА в отношении югославских ревизионистов! Они совершенно открыто, как ни в чем не бывало, спрашивали себя, друг друга и даже и нас:

— Как это можно, чтобы КПА занимала столь решительную и принципиальную позицию?! Как это можно, чтобы вы осуждали и разоблачали руководство КПЮ?!

Однако в данном случае не они, а мы имели законное право удивляться их «удивлению». Не они, а мы имели законное право обратиться к ним с вопросом:

— Что это за удивление с вашей стороны, товарищи?! Что это за отношение к коммунистической партии?!

Мы вправе были задавать им такие вопросы, ибо, как известно, подлинные марксисты-ленинцы ни в коем случае не судят и не должны судить о братских партиях на основе того, что говорят им про них «другие», «третьи», «посредники». Тем более это не должно было происходить, когда таких «посредников» никто не уполномочил, когда им никто не поручал такую роль, и, хуже того, когда роль эта по ошибке возлагалась на плохих посредников, вроде титовских лидеров.

Как бы то ни было, поскольку дела приняли уже хороший оборот, мы имели законное право гордиться тем, что и в таких трудных и сложных условиях, не только внутренних, но и внешних, мы сумели успешно справиться со сложившимся положением и, хотя и одинокие, сумели мудро и с марксистско-ленинской принципиальностью пройти по трудным тропам, минуя ловушки и срывая заговоры.

Следовательно, мы пришли к тем же соображениям и выводам, что и братские партии, в одиночестве сталкивались с ревизионистским руководством КПЮ, не зная, что такую же борьбу вели и другие, в первую очередь Большевистская партия с великим Сталиным во главе.

Это было и остается великой и неоспоримой заслугой нашей партии, источником уважения и гордости для нас!

После этих моментов рука братских партий быстро протянулась к нам и мы дружески пожали ее, так как уже годы ждали и хотели ее. Это мы считали не только долгом, но и законным правом.

Выступая плечом к плечу с братскими партиями и в первую очередь с Коммунистической партией Советского Союза мы должны были еще лучше работать и успешнее бороться за продвижение вперед социализма в нашей стране, за дальнейшее повышение престижа и авторитета нашей партии и нашей страны на международной арене.

Выступая плечом к плечу с братскими партиями, мы должны были вносить еще больший вклад и в дело более глубокого познания, окончательного разоблачения и осуждения титовского ревизионизма. Это была область, в которой мы, ввиду особых условий 6-7-летних отношений с титовским руководством, могли многое сказать и доказать.

Поездка инкогнито в Румынию по поводу измены Тито

Встреча с Вышинским и Дежем

Летом 1948 года все коммунистическое и рабочее движение и мировая общественность узнали, что Тито и его приближенные изменили марксизму-ленинизму и лагерю социализма.В этот период противоречия между нами и югослав-

скими титовцами так обострились, что могли перерасти в опасные конфликты. Советские, лучше и давно зная Тито и ввиду того, что географически мы были изолированы от них и окружены враждебными нам государствами, желали возможно ближе и непосредственнее беседовать с нами о мерах, которые следовало принять при данной обстановке. В то же время они считали нужным непосредственно и подробно выслушать наше слово и наше мнение о затяжном конфликте, который мы имели с югославским руководством. Это должно было служить дальнейшему анализу, которому Информбюро собиралось подвергнуть антимарксистскую позицию и линию лидеров Белграда.

Именно поэтому летом 1948 года было организовано в Бухаресте совещание, в котором участвовали Вышинский, Георге Георгиу-Деж и я.

Приглашение поехать в Бухарест, переданное мне советским послом Чувахиным, я принял с величайшим удовольствием. Димитрий Степанович Чувахин, первый посол Советского Союза в Албании, был справедливым человеком, с которым мы вообще ладили, хотя, как я уже говорил, круг обсуждавшихся нами вопросов оставлял желать лучшего. С Чувахиным мы общались на французском языке, который он тоже понимал и на котором говорил. Мне очень редко доводилось встречать говоривших на французском языке советских руководителей, ибо и те, кто знал французский, не говорили на нем, так как не хотели говорить. Почему? Они оставляли за собой право слушать тебя и выиграть время для того, чтобы обдумывать ответ, пока переводчик переводил на русский. Или же это было ради дипломатической точности. Но и если бы причина этого заключалась в последней версии, то мне кажется, что с нами такого не должно было быть. Я многократно встречался с Молотовым, Громыко, беседовал с ними, я говорил на французском, а они всегда на русском и никогда на французском. Они знали французский язык, но не говорили на нем, вероятно, по вышеупомянутым причинам.

Утром мы вылетели в Бухарест на советском самолете.

Нам предстояло пролететь через воздушное пространство Югославии, несмотря на возникшую между нами и югославами вражду. Самолетом управлял Герой Советского Союза. Советские послали этого летчика взять меня, так как он знал линию, по которой должен был лететь самолет, и это было бы безопаснее для меня на случай, если бы югославская агентура разузнала о моей поездке. На борту самолета находились только Чувахин и я. Мы не обязательно должны были сделать посадку в Белграде, к тому же, в то время самолет совсем миновал его — оставлял его на севере. Более того, позднее, с явным обострением отношений между титовцами, с одной стороны, и Советским Союзом и нашими социалистическими государствами — с другой, на протяжении многих лет (вплоть до прихода Хрущева к власти) югославы вовсе не разрешали обычным самолетам советской линии пролетать над их территорией и нам нужно было минимум 8 дней, чтобы добраться до Одессы на небольших советских грузовых пароходах, которые здорово покачивали, еще два дня поездом, а реже самолетом из Одессы в Москву.

Погода стояла хорошая, солнечная, безоблачная, и с самолета мы глядели на югославские земли, на поля, которые никогда не были коллективизированы, на немелиорированные площади, какими были на первых порах после освобождения и наши земли и земли Румынии, над которыми мы летели.

На Бухарестском аэродроме нас встречали Деж, Анна Паукер, советский посол и некоторые другие товарищи. В Бухаресте, насколько я помню, у нас еще не было посольства, так же как и у румын не было посольства в Албании. Формальности не были окончены и отношения между нашими странами народной демократии на первых порах после освобождения еще не были полностью подчинены дипломатическим правилам, они все еще поддерживались по-партизански. У нас все было в порядке, была установлена народная власть на прочных конституционных основах, а в Румынии такого не было. Ей понадобилось некоторое время для того, чтобы ликвидировать монархию и короля Михая, еще существовавшие тогда мощные капиталистические отноше-

ния, фашистские остатки «железной гвардии» Антонеску, шевелившиеся и в период, когда я съездил в Бухарест, и т.д. Решающим фактором освобождения Румынии и уничтожения этих опасных остатков была Советская армия. Как я расскажу и ниже, все остальное, наговоренное Георгиу-Дежем во время бесед со мною во время моего пребывания там, было вздором и самохвальством.

Мы обнялись с Дежем, Анной Паукер и другими товарищами. Первое мое впечатление при встрече с Георгиу-Дежем на аэродроме было хорошее, а это не только потому, что я слышал от советских хорошие слова о нем, но и потому, чем о нем пошла слава как о старом коммунисте, много «пострадавшем» в тюрьме «Дофтаны». Позднее мы узнали эпизод из его жизни. В то время, когда он находился в тюрьме в «Дофтане», в Бухаресте произошло землетрясение[1] и, со страху все — жандармы и заключенные, уголовные и политические, пустились в бегство. Один только Георгиу-Деж не покинул тюрьму и, по возвращении, жандармы застали его там и удивленно спросили его: «Ты не бежал?». «Нет, — ответил Деж, — я соблюдаю закон».

Деж был высокого роста, черноглазый, чернобровый и черноволосый, был хорошо одет, он был весел и производил впечатление «перифана», как это мы называем в Гирокастре людей, энергичных в жестах и в словах, которые в известной мере хвастаются и гордятся самим собою, довольны тем, что говорят и делают. Что касается Анны Паукер, то она была женщина более спокойной природы чем Деж, хотя и видно было, что она была энергичной. Это была толстая женщина с полным лицом, которая, по всей видимости, страдала в тюрьмах больше Дежа; волосы у нее были седые и коротко подстриженные, как говорится, *a la garçon**.

Я и Деж сели в большой советский автомобиль «ЗИС». Остальные также сели в машины. Дверцу автомобиля открыл мне водитель, поэтому я не заметил, что это был бронирован-

---

1 10 ноября 1940 г.

* По-французски: по-мальчишески.

ный автомобиль. Это констатировал, когда вылез и открыл дверцу изнутри. Мне никогда раньше не доводилось видеть такое, а всего лишь читал в газетах и книгах, что подобными машинами пользовались короли и диктаторы, опасаясь покушений, как и гангстеры, защищавшиеся от набегов полиции. Когда я сел в машину, мне показалось, что это была не машина, а настоящий арсенал: и по мою сторону и по сторону Дежа были немецкие пистолеты с двумя магазинами, вмещающими по 20 патронов каждый, под моими ногами и под ногами Дежа лежало еще два таких пистолета, тоже с магазинами, и, конечно, столько же было у личной охраны и водителя.

Я в шутку говорю Дежу:

— При таком оружии нам можно сражаться целых двадцать дней, здесь мы словно в доме-башне Осо Кука[1], — и в общих словах объяснил ему, кто это был Осо Кука. Но про себя я говорил: «Вы ни в подметки не годитесь Осо Куке, ведь он мужественно сражался и не сдался». У меня сложилось нехорошее впечатление не потому, что Деж позаботился принять защитные меры, а потому, что меры эти были излишними. Они говорили о том, что румынские товарищи либо так испугались, что они труса праздновали, либо же обстановка в их стране вовсе не была спокойной, как они изображали ее.

Когда я сделал Дежу замечание по поводу «арсенала», тот ответил мне:

— Мы должны быть начеку!

«Я согласен, что мы должны быть начеку, — говорил я про себя, — но не так, чтобы враг нас запугал. Мы должны внушить ему страх и бросить его в трепет». Видимо, в Румынии врага не били, как у нас.

---

1 Командир отряда албанских добровольцев в 60-ые годы XIX столетия. В борьбе за албанские территории, окруженный черногорскими бандами в доме-башне, расположенном на берегу Шкодринского озера, он, чтобы не попасть в их руки, взорвал дом и погиб вместе с 23 своими товарищами, нанеся черногорским врагам тяжелый урон.

По дороге из аэродрома в Бухарест Деж сказал мне:

— В город мы не войдем, а свернем с дороги и остановимся у дома посреди поля, за Бухарестом, где нами приняты меры устроить вас, так как вы приехали *incognito*, а Вышинского еще нет. Он приезжает завтра или, самое большее, послезавтра. Там, куда мы поедем, — продолжал Деж, — живет очень надежная семья, старая база, где я укрывался до освобождения. Сын хозяина дома коммунист, а «матушка» очень милая и молчаливая старуха. Там вы прекрасно чувствовать себя будете.

— Это для меня совершенно неважно, — сказал я. — Там, где вы решили меня устроить, я прекрасно чувствовать себя буду.

И все-таки это удивило меня и я задавал себе вопрос: «Неужели в городе дела у них так плохи, что не могут отвести мне там какую-нибудь квартиру? Разве они так неуверены, что даже мне не могут обеспечить безопасность, хотя здесь никто меня не знает, или же хотят держать совещание в строгой тайне?». Но и последнее объяснение также было для меня неубедительным.

Мы уже дома. Это был расположенный посреди поля маленький, но приятный снаружи и внутри сельский дом. Был он окружен деревьями и цветами. На пороге ждали нас сын и мать, оба весьма симпатичные: старухе было за шестьдесят, а сыну — лет сорок. Мы вошли в дом, где все было чисто, стены были побелены, а комнаты были прекрасно убраны, по-румынски. Деж сказал хозяевам дома, что я был его очень близким другом, что буду их гостем совсем ненадолго и т.д. Они, обрадованные, отвечали Дежу на своем языке, который я немножко понимал с помощью итальянского и французского. Когда Деж собирался уходить, Чувахин также попросил у меня разрешения уйти, сказав, что ему надо было ехать в советское посольство поговорить с послом о том, что́ ему делать, и что вернется сообщить мне обо всем.

Таким образом, я остался наедине с хозяевами дома и с оставленным при мне Дежем переводчиком с французского.

Пообедав вместе с хозяевами дома, я ушел на покой

Все в этом сельском доме было чисто, спокойно, привлекательно. Это рассеивало скуку, нашедную на меня из-за того, что я остался один, но в то же время такая обстановка позволяла мне в ночной тишине приводить в порядок материалы и мысли, которые мне предстояло изложить на совещании с Вышинским и Дежем. Во время обеда и после него, поспав, я воспользовался беседой с хозяевами дома, чтобы узнать о положении в стране, конечно, настолько, насколько они знали его и могли отвечать на мои вопросы.

— Положение еще не полностью выяснено, — говорила мне хозяйка, — но все-таки его хозяева это мы. Короля мы выгнали и страну освободили благодаря сталинской Красной армии. Мы еще одно выиграли, — ведь страна не была сожжена и разрушена, за исключением немногого; наша промышленность уцелела. Страна у нас зажиточная, но еще более зажиточной и цветущей станет она в дальнейшем. Сказать по правде, — продолжала старуха, — хозяйство еще не в руках нашего государства, капиталисты еще держатся, крупные и средние торговцы располагают своим имуществом и свободно распоряжаются им, им хорошо живется, хотя наше государство обложило их налогами.

«Ну, говорю я Дежу, когда мне представляется случай видеть его, — продолжала старуха, — что вы делаете? Еще оставлять будете их и богатых землевладельцев, сосавших нашу кровь и служивших опорой немцам, Кодреану[1] и Кондуктору* (Антонеску)[2], которые направили наших сынов в Россию, чтобы сжечь ее и погибнуть там?».

— Терпи, — отвечает мне Деж, — все в свое время.

Так прошла часть времени до вечера следующего дня, когда Деж приехал взять меня с собою в Бухарест. Мы как хорошие друзья расстались с хозяевами дома. Старуха поцеловала меня, подарила мне деревянную вазочку, изготовленную ею самой в зимнее время, и сказала:

---

1 Кодреану Корнелиу-Зелеа, румынский политик-фашист.

* По-румынски в тексте: руководитель.

2 Генерал, фашистский диктатор Румынии (1940-1944 гг.).

— Ты опять заходи, не забывай нас!

Хотя и прошло несколько десятилетий, я еще помню этих простых и добрых румынских крестьян и только их имен не знаю, они себя не называли и я их не спрашивал, так как соблюдал заведенные Дежем «правила» *incognito*.

В машине Деж сказал мне, что Вышинский прибудет на следующий день и что я и Чувахин будем жить в бывшем королевском дворце.

— Со мною произошло то же самое, что и с героями сказок про братьев Гримм[1]: из крестьянской хижины да в королевский дворец! — сказал я Дежу. — Пожалуйста, не отведите меня туда, мне оно не нравится, там не место мне, я хотел бы устроиться в какой-либо квартире в центре города, среди народа, ведь меня никто не знает и никакая опасность мне не грозит.

— Нет, — проговорил Деж, — там и остановишься, вчера мы себя осрамили, оставив тебя за городом; к тому же и совещание там будет проходить, там имеются все удобства.

Я снова запротестовал:

— Для меня явилось большой честью пребывать в той простой и симпатичной семье, так что вам нечего срамиться.

И тем не менее, хотел этого или нет, я был вынужден согласиться.

Мы прибыли в один из «знаменитых» дворцов румынских королей. Он не относился к числу больших дворцов. Это было довольно просторное окруженное стенами здание с длинными колонными коридорами, было там несколько маленьких газонов; из зеленой травы местами торчали какие-то цветы и казалось, будто их посадила рука, никогда не занимавшаяся этим делом. Нас повели в какие-то немеблированные комнаты, которые нельзя было называть ни большими, ни маленькими; чтобы попасть в туалетную, надо было выйти в коридор. Ясно было, что это был заброшенный

---

1 Немецкие филологи – собиратели сказок, издатели сборников сказок.

дворец, особенно его верхние комнаты. В здание не только мало проникали солнечные лучи, но там отсутствовали даже электрический свет и вода. На нижнем этаже были как-то лучше убранные салоны; видимо, о них больше позаботились, так как они были отведены Вышинскому и там должно было проходить совещание.

Весь день мы не знали, чем заниматься. Попросили Дежа выйти осмотреть город Бухарест. Он согласился и предложил нам совершить прогулку по городу, а потом зайти в Центральный Комитет.

— Там, — сказал Деж, — я познакомлю вас с нашим товарищем — членом Политбюро, с одним из лучших наших товарищей, с Кишиневским. Кишиневский — советский гражданин из Буковины, он воевал в Румынии и помогал нам, а после освобождения, — сказал Деж, — я попросил Сталина дать свое согласие на то, чтобы Кишиневский отказался от советского гражданства, принял румынское гражданство и остался в Румынии. Сталин согласился и так было сделано.

Проезжая по улицам Бухареста, я, конечно, то от скорой езды, то оттого, что был вынужден слушать переводчика Дежа, не смог многое увидеть, однако, судя по увиденному, улицы были чистыми, зелеными; никаких развалин, никакой разрухи от войны не было видно, магазины и витрины были битком набиты товарами. И, как это всегда бывало со мною, когда я находился вдали от Родины, и на сей раз я думал о своей стране, разрушенной и испепеленной войной; видя заваленные товарами бухарестские магазины, я думал о пустых магазинах наших городов, но зато ни разу не впадал в отчаяние. «И у нас все будет, причем новое, красивое, мы сами все создадим, мы гордимся тем, что героически сражались с врагами, что завоевали себе свободу ценой крови и не ждали ее в дар от кого бы то ни было».

Когда мы вошли в резиденцию Центрального Комитета, Деж, не постучавшись, открыл какую-то дверь и провел нас в комнату. В углу комнаты стоял небольшой стол, за которым сидел и писал какой-то человек. Тот встал, подошел к нам, протянул нам руку и назвался. Это был Кишиневский.

Был он человеком небольшого роста, худощавый и с заостренным лицом, носил черные очки и, когда снял их, я увидел два светящихся, умных глаза. Он с трудом освободил в комнате место, чтобы расставить для нас несколько стульев, а это не потому, что комната была маленькая, а потому, что она была завалена бесчисленными пачками, которые грудами лежали на полу словно кирпичи, разгружаемые грузовиками на площадях перед строящимися зданиями. Это были банкноты. Я сказал Дежу, шутя:

— Я все еще живу чудесами из сказок. Видимо, здесь я в пещере Али Баба, а не в резиденции Центрального Комитета.

Деж объяснил нам, что банкноты были взяты из банка, так как банк не представлял собой надежное место для их хранения, их могли разграбить служащие, которые, как он сказал, были из числа старых и непроверенных. Итак, невзирая на их хвастовство, неуверенность в этой стране продолжалась, хотя Кишиневский и не преминул говорить нам о «героизме» румынских коммунистов, о партии, которая была у них хорошо организованная и «сильная». А что касается «больших героических подвигов» Дежа, о них рассказал нам вечером после ужина сам Деж.

После того, как мы поужинали с Дежем в нашей новой «резиденции», тот рассказал нам, между прочим, о том, как они заставили короля Михая отречься от престола. Я знал, что этот король был одним из самых подлых и самых неудачливых королей Европы. Он был сыном Кароля II, который был не кем иным, как королем скандалов, притеснителем народа, проитальянским и пронемецким владыкой. У этакого короля ничего румынского не было ни в крови, ни в одежде. Он всего лишь пользовался поддержкой местных фашистов и крупных румынских землевладельцев, а одной из его главных содержанок была Люпеску.

И его сын, Михай, был вылитый отец, его прекрасно можно охарактеризовать народным выражением «яблоко от яблони недалеко падает». Но этакий король карнавалов ухитрился получить высший советский военный орден, Орден

Победы, который из иностранцев получили до тех пор лишь Эйзенхаузр и Тито. Тито, по крайней мере, воевал к тому времени и югославские партизаны отличались в боях. Ну а румыны-то что сделали? Сообща с гитлеровцами они сожгли Украину, Одессу и другие советские города. А Михай что делал к тому времени? Развлекался в своих дворцах.

Это был непростительный оппортунизм со стороны советских. Этой дряни не только не следовало присудить Орден Победы, но и помыслить нельзя было о том, чтобы удостоить его какой-либо медали, хоть бы и малейшей. Его наградили за то, что не оказал сопротивление наступлению Красной армии. Но что оставалось делать этому мерзавцу? Поднять руки вверх, как и поднял на самом деле. И лишь потому, что он поднял руки, надо было присудить ему Орден Победы? Это, пожалуй, не шло.

Такие мысли, которые неотвязно вертелись у меня в голове, я открыл Вышинскому по окончании совещания, во время свободных разговоров с ним, когда тот рассказывал нам, как это Михай принял его, как это Вышинский пошел к нему во фраке с «хвостиком», как это король вручил ему награду, а он-то (Вышинский) принял награду и приколол ее ... сзади, к хвостику фрака.

После обеда, в небольшом саду дворца бывшего короля Михая, говоря о своей «борьбе» против этого короля, Деж рассказал нам историю того, как он и Петру Гроза, к тому времени премьер-министр, готовили его отречение от престола и низвержение румынской монархии.

Он сказал нам, что король еще держал часть армии, которой командовали преданные ему генералы. Он жил в своем королевском дворце в Бухаресте вместе с вдовствующей королевой и несколькими содержанками. Дворец охраняли верные ему солдаты и старшие офицеры.

— Хотя и не пользовался никакой властью, — сказал Деж, — он опять-таки составлял для нас большую помеху, так как мы должны были придерживаться положений Конституции по отношению к нему, как и статей заключенного с советскими соглашения. Однако наконец мы все приняли в

расчет и решили навязать ему отречение от престола. Я предварительно поговорил с Гроза, который согласился на это, но был склонен к тому, чтобы не обострить ситуации, а добиться этого «подобру-поздорову». Я, — рассказывал Деж, — составил текст его отречения от престола, а Гроза внес некоторые формальные поправки, после чего он в качестве премьер-министра, а я в качестве секретаря Румынской коммунистической партии, попросили у короля аудиенцию и тот дал ее нам.

Я и Гроза сели в машину и поехали во дворец. Он был окружен офицерами в светлых мундирах. Мы вошли и стали подниматься по лестнице, по обеим сторонам которой стояли старшие офицеры, обтянутые портупеями, разукрашенные всякими знаками, орденами и медалями; волосы у них были намазаны бриллиантином и сияли при свете дворцовых канделябров и ламп. Они напустили на себя важный вид и смотрели на нас угрюмо, но были вынуждены уважать нас, так как знали, что власть была в наших руках. Мы степенно взошли по лестнице, а Гроза нес с собой портфель с вышеупомянутым документом.

Генерал, адъютант короля, — продолжал рассказывать Деж, — провел нас в салон и попросил обождать; потом, немного спустя, провел нас в тронный зал, как это его называли. Там короля не оказалось, а была вдовствующая королева, которая встала и поздоровалась с нами. Гроза поцеловал ей руку, а я нет, — сказал Деж. — Мы завели разговор о дожде, о солнце, ожидая пока не соизволит прийти король, чье кресло стояло выше кресла его матери, а нашего и подавно. Мать короля была старой проституткой, — сказал Деж, — но в то же время и старой лисицей, она умела маневрировать.

Вошел Михай и подал нам руку. Он был словно надушенный теленок, а когда говорил, фыркал словно бык. Гроза начал разговор вокруг да около. Мне, — рассказывал Деж, — не терпелось, но нечего было делать. Наконец и под конец-то Гроза приступил к сути дела и бросил ему «ядро». Михай слушал и, когда Гроза кончил, грубо ответил ему:

«Я никоим образом не намерен отречься от престола, я король по воле народа и один только народ вправе меня низвергнуть» и т.д. и т.п. Королева слушала и кивала сыну, одобряя его решение.

Гроза опять пустился в свою «политику», но «бык» фыркал и не соглашался. Мать предложила сделать краткий перерыв, чтобы обе стороны поразмыслили. Так мы и сделали, потом снова собрались и опять были приведены те же доводы. Со свойственной ей хитростью мать Михая постаралась навязать нам некоторые уступки, чтобы еще на некоторое время отложить это дело, явившееся для них неожиданностью. Мы не согласились, но зато они тоже не согласились, и король, извинившись, вышел из зала. Мы ломали себе голову над тем, почему вышел король, да и с основанием, ибо он позвонил своей гвардии и приказал ей задержать нас, как только мы выйдем, а своим силам, находившимся вокруг дворца и в городе, совершить путчистское нападение. Но мы, — сказал Деж, — предвидели это и окружению противопоставились окружением.

Когда король вернулся в зал, я знаком сказал Грозе протянуть и представить ему документ на подпись. Тогда слово взял я, — рассказывал Деж, — и тяжелым тоном сказал ему, что должен подписать документ, иначе мы вынуждены будем насильственно свергнуть его.

— Ты никаких иллюзий питать не должен, никаких приказов тебе отдавать не следует, — сказал я королю, — продолжал Деж, — все будет напрасно, так как мы приняли все меры вокруг дворца и по обезвреживанию твоих верноподданных.

Он крутился и вертелся, но наконец сел и подписал отречение от престола. Таким образом было покончено с монархией. Король, как раненый бык, снова вышел, конечно, чтобы отменить отданный приказ, и, когда мы покидали дворец, вдоль лестницы мы увидели тех же офицеров, но уже не напыщенных, а отчаявшихся: некоторые из них сидели на ступеньках, другие расстегнули мундиры, а третьи схватились руками за голову. Мы, — сказал Деж, — про-

шли посреди них с высоко поднятой головой и с документом в портфеле.

«Блестящая победа над провалившимся королем», — сказал я про себя, когда Деж с гордостью проговорил эти слова. Но он еще не кончил рассказ про короля и реакцию.

— Мы договорились с ним о дне его отъезда из Румынии, — продолжал рассказывать Деж, — и позволили ему взять с собою, в соответствии с его желанием, личное имущество и некоторых людей из прислуги, в том числе двух-трех из его любовниц. Перед своим отъездом он попросил разрешения сходить в Синайский дворец за некоторыми личными вещами. Мы разрешили ему это. Там у него накопилось много золотых часов, у которых он снял и унес с собою золотые покрышки и рубиновые камни. Мы отправили их поездом по ту сторону наших границ в сопровождении нашей охраны. На румынской территории он и его свита молчали, но, когда поезд въехал на чужую территорию, он в присутствии нашей охраны стал ругать нас, наш режим, охрану и т.д. Однако, — сказал Деж, — там мы ничего не могли ему сделать.

— Сделали бы, когда он находился у вас, — сказал я Дежу, — но вы «птичке» улететь дали.

— Но зато и мы, — проговорил Деж хвастливо, — чего только не сделали ему и реакции. Его принудили отречься от престола и уйти побежденным и опозоренным (!). И реакцию мы извели; реакция была у нас грубая, но и мы грубо с нею обращались. И когда она была сильна, мы бросали ей вызов. Я с охраной, — похвастался Деж, — лично ходил во все заведения (кафе), которые были их центром, и с заткнутым за пояс пистолетом садился, чтобы дать им понять: «Это мы, коммунисты, хозяева страны, а не вы».

Слушая Дежа, я проводил сравнение между нами и ними. Ну и далеки были они от нас! Там классовая борьба еще не началась. История с королем Михаем, которую Деж так пространно рассказал нам, ярко свидетельствовала о таком положении дел. Однако мы сами еще лучше и кон-

крепнее увидели это, пройдясь по некоторым улицам Бухареста.

Я пожелал Дежу спокойной ночи и вместе с Чувахиным ушел лечь в отведенные нам комнаты, так как на другой день, с прибытием Вышинского, предстояло начать совещание.

В комнате, где я спал, была дверь, которая вела в другую комнату. Я открыл ее, чтобы увидеть, что там. Это была совершенно пустая большая комната; в одном только углу был стол, на котором лежала роскошная объемистая книга. Я подошел к столу и начал перелистывать эту книгу с золотистой обложкой. Это был королевский альбом! Вся династия румынских королей, королев и принцев была в нем. Я сунул альбом под мышку и постучался к Чувахину.

— Вот я принес тебе книгу, — говорю ему, — полагая, что она поможет тебе заснуть. Король Дежа часы-то унес с собою, а это забыл; ты просмотри его и передай завтра Дежу, пусть тот почтой отправит его Михаю; ведь он ему нужен, а нам-то даже в гигиеническую бумагу не годится, так как неподходящ для этого.

Мы с Чувахиным громко засмеялись. Вместе с альбомом кончилась и история с королем Румынии. Однако днем позже началась история другого поднимавшегося нового короля, короля Югославии, Тито.

На следующий день из Москвы должен был прилететь Вышинский. Всем нам известны были великое имя и личность Вышинского, мы слыхали о важной роли, которую тот, будучи Генеральным прокурором, играл в состоявшихся в Москве судебных процессах по делу троцкистов, бухаринцев, правых и других изменников в Советском Союзе. В годы войны мне попал в руки на французском языке перевод протоколов московских судебных процессов и представилась, таким образом, возможность ознакомиться с вредительской деятельностью и предательством этих заклятых врагов коммунизма. Там целиком и полностью раскрывались и разоблачались их виновность и их тайное сотрудничество с внешними врагами Советского Союза. Все было в них

убедительно, и утверждения внешних врагов о том, будто показания преступников добыты силой и пытками — сущая клевета. Наша борьба с местными врагами, состоявшиеся у нас по окончании войны судебные процессы над врагами народа, как и борьба, которую наша партия вела с троцкистскими элементами, еще больше усиливали наше убеждение в том, что беспощадная борьба, которую советская власть вела в Советском Союзе против этих преступников, *являлась справедливой борьбой.*

Находясь у власти, внешние и внутренние враги наших народов применяли самые бесчеловечные способы и методы борьбы. Но, естественно, внешние враги защищать будут своих друзей в наших странах, а нашей задачей было и остается подавлять врагов народа и лишить их всякой возможности действовать в ущерб созидательному делу народа.

Это и сделала советская власть посредством московских судебных процессов. В этих процессах важную роль играл Андрей Вышинский, выдающийся юрист и марксист-ленинец. Он показал умение, проницательность, мудрость, смелость и решимость при исполнении такой важной задачи. Обладая проницательностью и сильной логикой, он раскрыл на основе глубокого марксистско-ленинского диалектического анализа все темные закоулки проблем, козни и замыслы врагов, сидевших на скамье подсудимых, а также и внешних врагов, которые управляли нитями этой страшной и опасной агентуры. И как раз этот безошибочный метод разбирательства дел удивлял внешних врагов и их агентуру, которые диву давались, как это могли раскрываться их тайные планы, именно этот метод и заставлял их клеветать и раздувать пропаганду о том, будто все, любое утверждение, любое признание подсудимых было «добыто с помощью пыток, наркотиков», и т.д.

В ожидании Вышинского мы собрались в одном из залов дворца, в котором жили. Наконец он прибыл. Я был взволнован, так как впервые встречал его. (Когда я совершил поездку в Москву в июле 1947 года, Вышинского не было в Советском Союзе.) Он был именно таким, каким

я знал его понаслышке: живой, не очень-то высокий мужчина, носил он очки в черной оправе, глаза были у него черные, светлые и подвижные. На нем был синий костюм. Вышинский подал всем нам руку и, когда очередь дошла до меня, он, видимо, поскольку одного только меня не встречал раньше, сообразил, кто это я был, и протянув мне руку, спросил на русском языке.

— Как ваше здоровье, товарищ Энвер Ходжа?

— Хорошо*! — ответил я.

Чувахин сказал ему:

— Товарищ Энвер хорошо говорит по-французски.

Тогда Вышинский обратился ко мне на французском и я стал свободнее говорить.

Началось совещание, которое открыл Деж, сказав несколько слов. Он поздравил нас с приездом в Бухарест и предоставил слово Вышинскому.

Тот сердечно поздравил нас, передал нам также привет от Сталина и других товарищей-членов Политбюро ЦК ВКП (б).

— Цель настоящего совещания, — сказал в общих чертах Вышинский, — обмениваться нашим опытом и осведомлять друг друга об измене югославских титовцев, об их подрывной деятельности против наших стран, наших партий и социализма и наметить способ борьбы за разоблачение этого уклона, опасного для коммунизма вообще и для Коммунистической партии Югославии и социализма в Югославии — в особенности.

Подвергнув анализу тайную и явную деятельность ренегатской группы Тито, Вышинский подробно изложил нам теоретическое и политическое содержание писем, которые Большевистская партия направила КПЮ, как и Резолюции совещания Информбюро по этому важному вопросу. Наши партии знали об этих документах, которые они детально изучили и приняли соответствующие решения, полностью одобрив их.

---

* По-русски в тексте.

Являясь настоящим большевистским прокурором, Вышинский, благодаря его острому стилю, доводам и характеризовавшей его удивительной ясности, еще лучше разъяснил нам их сущность. На сей раз подсудимые не стояли лицом к лицу с нами, на скамье подсудимых, но это факт, что судебный процесс над ними уже проходил и это был справедливый, обоснованный, аргументированный процесс, это был исторический судебный процесс, чья правота целиком и полностью была подтверждена временем.

Вышинский на убедительных исторических фактах показал нам, что политическая деятельность ренегатской группы Тито не была чем-то случайным и стихийным. Взгляды Тито и его главных сотрудников не были марксистскими, невзирая на их обманчивую внешность. Они изображали себя марксистами, прикидывались, будто выступали на стороне Советского Союза и Сталина и тем самым обманывали народы Югославии и югославских коммунистов. Однако еще в годы войны они во многих случаях проявляли явные признаки вопиющего высокомерия, буржуазно-националистские тенденции и неправильное понимание борьбы Советского Союза и помощи, которую борьба эта оказывала всем народам и особенно народам Югославии.

— Большевистская партия, — продолжал по существу говорить Вышинский, — располагала достаточным опытом для выявления подобных тенденций, но она не считала их неисправимыми. К тому времени главным вопросом была борьба с немецкими фашистами, и мы отдавали себе отчет в том, что на войне, из-за бесчисленных трудностей, могли быть предприняты и необдуманные, порою даже неясные действия, которые выяснятся со временем, в результате накопленного опыта и в ходе борьбы.

— Конечно, — отметил он, — после победы наши отношения с югославами должны были стать еще более тесными и все должно было выясниться самым товарищеским образом, даже и если югославское руководство бросило тень сомнения на наши отношения. Так и произошло. После победы над гитлеровской Германией между Советским Со-

юзом и Югославией установились самые братские отношения, были приняты важные решения об оказании Югославии, которую мы считали одним из самых верных наших политических и идеологических союзников, экономической и военной помощи, как и политической помощи на международной арене. Ни одной тучи не виднелось на небе наших отношений. Тучи одна за другой слетались, когда группа Тито приступила к политическому, экономическому, идеологическому и военному строительству ФНР Югославии. Тогда стали более заметными буржуазные, националистские и антисоветские тенденции титовской группы ренегатов.

Далее Вышинский рассказал нам, как это югославские руководители-ренегаты атаковывали и извращали основные, универсальные положения марксизма-ленинизма, прикрывая эти свои отклонения разглагольствованиями о том, будто осуществляли марксистско-ленинские принципы применительно «к конкретным послевоенным условиям» в Югославии.

— Дело не в том, что надо было подражать всему, что делалось в Советском Союзе, — сказал нам Вышинский, — но это они брали в качестве основы для того, чтобы атаковывать принципы, чтобы отклониться от них. Естественно, это должно было вызвать, как и вызвало, споры, а затем и расхождения между нами. Мы отстаивали принципы, — продолжал Вышинский, — тогда как они постоянно и все более открыто нарушали их и придирались к мелочам, силясь доказать, будто наша страна вмешивалась в их внутренние дела, будто Советский Союз не в должной мере оказывал им экономическую помощь, будто мы не в должной мере защищали на международной арене их политические требования и территориальные притязания. Конечно, все это не имело под собой никакой основы и мы, проявляя большое терпение, на фактах отвергали подобные их утверждения. Однако они не считались ни с принципами, ни с фактами. Югославские ренегаты осуществляли другую, противоположную нашей, идеологическую и политическую линию, они вступили на рельсы антимарксизма. Это и вынудило ВКП (б) написать ЦК КПЮ первое, а затем и другие письма, которые мы дав-

но уже направили ему. Мы стремились помочь Коммунистической партии Югославии предотвратить катастрофу, свернуть с порочного пути, на который вовлекал ее Тито, и чтобы Югославия строила социализм и избежала восстановления капитализма, к чему она и шла. Большевистская партия прибегла при этом к одному из самых нормальных марксистско-ленинских, к одному из самых товарищеских путей. Но ренегаты отклонили его.

Вопрос о Югославии есть внутреннее дело народов Югославии, югославских коммунистов, — сказал далее Вышинский, — и мы не вмешивались и не намерены вмешиваться в их внутренние дела. Мы не имеем право вмешиваться, однако считаем своим долгом разоблачать в политическом и идеологическом отношении деятельность этой клики, которая борется против марксизма-ленинизма и служит мировому капитализму. Титовцы, — продолжал Вышинский, — уже выступают на международной арене и во внутреннем плане открытыми врагами Советского Союза, причем их действия в этом направлении умножатся не только против нас, но и против всех стран народной демократии, против лагеря социализма. Их деятельность как две капли воды похожа на деятельность троцкистов, бухаринцев и агентов мирового капитала, которых мы разоблачили на своих судебных процессах.

Разоблачение врага — дело очень важное, — подчеркнул Вышинский. — Нужно было убедить советские народы в предательской деятельности троцкистов, бухаринцев и правых, вот почему мы придали этому значение и добились того, что наши враги сами выложили даже и мельчайшие факты, порой имеющие важное значение, так как выясняют большие проблемы. Истина, подтвердившая их измену, стала совершенно очевидной на наших судах и в глазах наших народов. Это имело решающее значение. Важно добиться этого, — сказал Вышинский, — а то, к скольким годам тюремного заключения приговаривают врага, имеет второстепенное значение. Народ должен одобрить решение, он должен убедиться в его правоте. Вот именно это надо нам

сделать и с ренегатской группой Тито. Группа эта стоит у власти и защищаться будет, она будет прибегать и к разнообразным провокациям против наших социалистических государств, но мы должны быть осторожными, хранить бдительность и не поддаваться их провокациям! — заключил он.

Деж в своем выступлении указал, в частности, на большую опасность этой агентуры преступников и убийц, он истолковал принятые на совещании Информбюро совместные решения, подчеркнул продемонстрированное югославскими «товарищами» на этом совещании нахальство в отношении коммунистических партий Франции и Италии, и т.д. Он упомянул между прочим несколько эпизодов из своей первой официальной поездки в Югославию и первой встречи с Тито.

— Тито, — сказал Деж, — пренебрежительно отнесся к нам и это он показал еще на первых встречах. Он стремился умалить нашу национально-освободительную борьбу, принял нас, напустив на себя очень важный вид, силясь навязаться нам своей одеждой, орденами и медалями, кольцами и дворцами. Увидев это, — сказал Деж, — я «набрался смелости обеими руками» и сказал Тито во время переговоров: «И ты и я — рабочие и коммунисты, так что давайте просто и прямо потолкуем о занимающих нас проблемах» и т.д. Он-то, — продолжал Деж, — сделал вид, будто согласился, однако его роскошный образ жизни, как кичливого и буржуазного антимарксиста, стал уже живой действительностью и он не мог от него отречься. Дело до того дошло, — сказал Деж, — что Тито пригласил меня и министра иностранных дел Румынии (это был буржуа и впоследствии он был снят с занимаемого поста и осужден) посетить его конюшню. Тито, одетый в черную форму, в сапогах и обвесив грудь орденами, сам повел нас туда. Когда мы подошли к стойлам, — отметил Деж, — он крикнул одному из своих офицеров: *шекер-шекер* и тот принес большое ведро с сахаром; Тито совал туда руку и подавал коням сахар с ладони.

Когда мы расстались с Тито и удалились на машинах, мой министр иностранных дел, — продолжал Деж, — конфиденциально сказал мне: «Димитров, товарищ Деж, ком-

мунист и хороший человек, но с Тито можно дойти до самого коммунизма». Ну и назначил цену Тито этот буржуа, — закончил Деж.

Слово взял я. Было мне что сказать о титовцах. В наших отношениях с предательской группой Белграда можно было найти уйму фактов и данных, подтверждавших их измену марксизму-ленинизму и явные тенденции установить в нашей стране государственно-капиталистические и колониалистские отношения.

В частности, я отметил товарищам, что наши связи и отношения с югославами, установленные еще в годы Национально-освободительной борьбы, вначале по политической и партийной линии, впоследствии, к концу войны и особенно в послевоенный период получили развитие во всех направлениях, ввиду также условий, созданных совместной борьбой против общего врага и основанием наших народно-демократических государств. Я верно и объективно говорил им об участии нашей партизанской Национально-освободительной армии в борьбе за освобождение Югославии, как о достойном уважения, справедливом и неопровержимом акте, который носил поистине освободительный характер, отметив при этом, что оно всегда было помощью, оказанной Югославской национально-освободительной армии, которая в свою очередь сражалась героически, чего, впрочем, нельзя было ни отрицать, ни умалять, несмотря на то, что группа Тито изменила крови, пролитой этой героической армией, которая вынесла на своих плечах бремя борьбы за освобождение народов Югославии.

Указав подлинную роль Миладина Поповича и Душана Мугоша, я при помощи теоретических доводов и конкретных фактов отверг нелепое и антимарксистское утверждение о том, будто это югославы создали нашу партию, будто они «разожгли огонь нашей Национально-освободительной борьбы».

Разумеется, такие антимарксистские, националистские настроения «превосходства» появились у них в годы войны, но получили они провокационные размеры особенно накануне освобождения и после него.

Могу сказать, — отметил я товарищам, — что во время войны наши встречи с югославами были редкими, более того, и когда нам удалось установить с ними контакты (и я рассказал им о встречах с Вукмановичем Темпо и Блажо Йовановичем), между нами начали появляться принципиальные расхождения по многим вопросам, поскольку еще к тому времени заявляли о себе тенденции югославов рассматривать и использовать нашу партию как придаток их партии, а Албанию — как югославскую область. Конечно, об этих антимарксистских взглядах пошла потеха немножко позднее.

Мы, с нашей стороны, всегда рассматривали нашу борьбу в единстве с борьбой народов Югославии. Для нас, как марксистов-ленинцев, это составляло высокий долг не только потому, что мы боролись за освобождение от общего врага, но и потому, что мы всем сердцем стремились посредством боевой дружбы между обоими нашими народами навсегда изжить настроения, вызванные обстоятельствами прошлых времен, такими как расчленение Албании, передача Косовы Сербии, террор и бесчисленные непрерывные козни сербов против нашей страны, и т.д.

Мы, с нашей стороны, сделали все от нас зависящее, тогда как югославы на всех этапах развития этой ложной с их стороны дружбы составляли заговоры и устраивали закулисные происки с целью установить господство над Албанией сразу же по окончании войны.

Я привел Вышинскому и другим товарищам аргументы о подготовленном югославами на бератском Пленуме путче, который провалился, об огромных усилиях, которые они прилагали на первых порах после освобождения к дискредитации нашего партийного руководства и нашей линии военного периода, о создании ими в нашем руководстве агентуры во главе с Кочи Дзодзе, которому они поставили задачей взять в свои руки власть и проводить в нашей стране «линию» югославских титовцев, о том, как они всеми силами поддерживали его в этом деле. Я объяснил товарищам что́ это была за югославская линия, целиком и полностью подтвер-

дившая, что югославское руководство стояло на антимарксистских, буржуазных, националистских, шовинистических, антисоветских и антиалбанских позициях. Далее, приводя многочисленные аргументы, я подробно осведомил их о враждебной деятельности югославов во всех областях, подкрепив все это неопровержимыми и совершенно недвусмысленными конкретными фактами.

В идеологических вопросах и в деле организации нашей партии, — сказал я товарищам, — титовцы еще в годы войны, но особенно в послевоенный период всячески старались навязать нам формы организации своей партии и отклонить нас от марксистско-ленинской линии партийного строительства, правильного мнения и действия партии. Они чего только не делали, чтобы мы отвернулись от опыта Большевистской партии, с которым мы знакомились через ее документы, попадавшие нам в руки, а также путем обмена мнениями с советскими дипломатами, поскольку, — сказал я Вышинскому, — мы еще не установили прямые связи с ЦК КПСС, чтобы могли обмениваться партийным опытом. И это не по нашей вине и не из-за отсутствия у нас желания, но такова была, в общих чертах, реальная действительность. Несмотря на этот пробел, наша партия не отходила от такой ориентации. Югославы, считавшие это очень вредным и опасным для своего коварного плана, не имея тогда возможности вести открытую пропаганду против марксистско-ленинских принципов, которыми руководствовалась наша партия, против тесных принципиальных идеологических и организационных связей с Большевистской партией, развернули наступление на правильную генеральную линию нашей партии. Являясь главарем антипартийной группы, Кочи Дзодзе стал настоящим пособником югославских титовцев. Последние напоили его ультралевыми и троцкистскими терминами, наименовали его «пролетарской совестью» нашей партии, то есть «самым доверенным, самым преданным и пролетарским руководителем партии». Этим югославские титовцы и титовская группа Кочи Дзодзе хотели создать убеждение в том, что теперь наша партия стояла на «подлинно марк-

систско-ленинском пути», а это не только потому, что ею руководили «пролетарские элементы», но и потому, что она вдохновлялась КПЮ. С помощью этой группы во главе с Кочи Дзодзе, который по настоянию югославов принял в Бератс, помимо должности секретаря партии по организационным вопросам, также и должность министра внутренних дел, они создали в нашей партии и в нашей стране тяжелую обстановку.

— Мы, — сказал я далее товарищам, — как и все остальное, внимательно прочитали и те места в письмах Большевистской партии, где подвергались критике антимарксистская югославская практика сохранения за секретарем партии по организационным вопросам также поста министра внутренних дел, пребывания партии в полулегальном положении и т.д. Такие чуждые нам методы и формы были навязаны югославским руководством и нам, и при проводимых нами анализах выплывают наружу новые и вопиющие факты опасных для нашей партии и нашего государства последствий, к которым привели такие методы. Скоро такому положению наступит конец, как это наступает конец всякому влиянию, которое Тито и его сторонникам удалось оказать в наших рядах. Со всеми этими отклонениями югославских титовцев и их агентуры в нашей партии, — отметил я далее, — мы вели непрестанную борьбу, но, разумеется, настолько, насколько это было в наших силах, так как единственной опорой нам были наши правильные рассуждения, наше убеждение в том, что стояли мы на верном пути. То, что знали из марксизма-ленинизма, мы ревностно защищали, и от опыта КПСС никогда не отказывались.

Так или иначе я дал Вышинскому понять, что непосредственной помощи со стороны КПСС нам не было оказано; в то же время намекал и на другие проблемы, а именно на то, что советские товарищи, с которыми мы поддерживали прямые связи и которых мы обо всем ставили в известность, слушали нас, помогали нам в тех областях, где они были специалистами, но никогда не высказывали своего

мнения, когда речь шла о наших противоречиях с югославами. В этом деле они прикидывались на наших глазах нейтральными, и мы не знаем, что они докладывали Москве.

Другим обстоятельством, в некоторой мере приведшим нас в замешательство, — отметил я далее, — было то, что свои подозрения в связи с враждебными действиями югославов длительное время мы не распространяли на верхи, вплоть до Тито и их руководства в целом. Надо признать, что в этом направлении нам ни разу не сигнализировали о том, обратили ли когда-либо братские партии внимание югославскому руководству на его неправильные позиции. Такое положение сохранилось вплоть до последних недель или последних месяцев, когда к нам поступили письма Большевистской партии, содержавшие критику в адрес югославского руководства. До получения этих писем, — сказал я им, — единственный сигнал о том, что дело было неладно, поступил к нам, когда мы проинформировали товарища Сталина о вопросе югославской дивизии, которую Тито захотел дислоцировать на нашей территории. Мы возразили против титовского требования и, когда пришел ответ от советских, убедились в том, что поступили правильно.

— Сталин, — сказал Вышинский, — лично критиковал Тито за такой непозволительный шаг, который он хотел предпринять по отношению к вам.

— Это безмерно нас радует, — сказал я Вышинскому, — но мне всего лишь сказали через советское посольство, что Сталин был согласен с нашими соображениями, а не с соображениями Тито, и больше ничего. Однако я думаю, что мне и членам нашего руководства можно и надо было кое-чего больше сказать, указать нам почему Тито делал такое.

То же самое, — подчеркнул я товарищам, — было и по другому вопросу, по вопросу так называемой «балканской федерации» или же «конфедерации», якобы предложенной и согласованной между Тито и Димитровым, о которой нас никогда не ставили в известность. И по сей день нельзя с точностью сказать, что это было, как оно было задумано,

ведь по этому поводу ни нашего мнения, ни нашего согласия никто не спрашивал. Лишь в начале этого года мы узнали вдруг, что газета «Правда» подвергла критике эту «идею» Димитрова и тот ответил Сталину и «Правде», что они были правы, что при данных условиях идея «Балканской федерации» была неосуществимой и неправильной.

Подчеркнув, что за усилиями к созданию «Балканской федерации» скрывались шовинистические стремления титовской клики к установлению господства над Балканами, я изложил товарищам шовинистическую и антимарксистскую политику, которую белградское руководство проводило и в отношении Косовы и других албанских краев в Югославии как во время войны, так и после нее.

Отметив им наш правильный и принципиальный подход к этой горькой проблеме нашей нации, я рассказал далее товарищам о нажимах, к которым югославы и Кочи Дзодзе прибегали, добиваясь объединения Албании с Югославией, а также о категорическом отклонении нами этого предложения.

— Но, — снова подчеркнул я, — что касается этих капитальных проблем, столь важных для судеб нашей Родины и нашего народа, мы действовали по своей собственной инициативе. Мы с твердым убеждением героически защищали свободу и независимость Родины, — и дал понять Вышинскому, что в такие важные моменты нам не помогали должным образом, стало быть, мы оказались одни.

Помню, что при этом Вышинский, прервав меня, сказал:

— Люди в борьбе и закаляются!

В продолжение я говорил им о нашей армии, о том, как мы создавали ее и какую «помощь» оказали нам югославы в этом деле; немножко дольше остановился я на югославской «экономической помощи».

— Верхом всей шовинистической, колониалистской, аннексионистской политики югославских ревизионистов в отношении нашей страны, — сказал я, — были договоры о «совместном плановом хозяйстве», о «совместных компаниях», о «валютном паритете» и т.д. и т.п.

На совещании я рассказал товарищам обо всем этом коварном механизме и умыслах югославских антимарксистов, о нашем сопротивлении им и борьбе с ними, и, наконец, о нашей победе и провале заговорщицкой деятельности Тито и компании.

Мое довольно пространное выступление на совещании и приведенные мною многочисленные факты наилучшим образом подтверждали измену титовцев и правоту взглядов Сталина, выраженных в письмах, направленных КПЮ. С другой стороны, они со всей очевидностью говорили о справедливой борьбе нашей партии в защиту интересов Родины, интернационализма, дружбы с Советским Союзом, о нашей верности Сталину. На совещании я дал товарищам — его участникам ясно понять, что в этой борьбе наша партия во многих случаях оказывалась одной, так что нуждалась в помощи, ей надо было помогать больше и более открыто и проявлять к ней большее доверие.

После моего выступления мы сделали перерыв, затем Вышинский подвел итоги совещанию. Он назвал его очень положительным, необходимым и полезным.

— Мы, — сказал он по существу, — узнали много такого, что пойдет нам впрок в дальнейшей борьбе за разоблачение этой клики ренегатов.

Далее Вышинский, в частности, отметил:

— Четкое и аргументированное изложение вопросов товарищем Энвером Ходжа прекрасно разъяснило нам целый ряд низменных актов югославских антимарксистов; приведенные им на этом совещании факты и события доказывают, что совершенное югославами в отношении Коммунистической партии Албании и Народной Республики Албании являются сознательными действиями, направленными против социализма и нашей общей идеологии.

— Мы, — сказал далее Вышинский, — не ошибаемся при оценке деятельности этих ренегатов и приходим к выводу, что это будет долгая политическая и идеологическая борьба. Большевистская партия одобряет действия и справедливую, упорную борьбу Коммунистической партии Алба-

нии, ее Центрального Комитета и товарища Энвера Ходжа в защиту марксизма-ленинизма. Нам, — отметил он далее, — надо учесть, что клика эта еще дальше зайдет в своих враждебных нашему лагерю социализма действиях. Титовцы будут совершать многочисленные и разнообразные провокации с целью оправдать себя и свалить вину на нас. Они будут совершать такие провокации, чтобы сбить с толку общественность в Югославии и за ее пределами и оправдать свою политику измены и установления связей с капиталистическими государствами.

Это требует от нас, — отметил Вышинский, — постоянно быть начеку, хранить и укреплять наше марксистско-ленинское единство, любовь к Сталину и верность ему. Мы не боимся этих подонков нашего общества, которые должны быть выброшены в мусорный ящик истории. Нам следует еще больше и успешнее укреплять связи между нашими партиями и нашими социалистическими государствами, еще больше помогать друг другу. Я отмечаю, — сказал Вышинский, — что наш долг, как друзей, товарищей и интернационалистов — еще больше помогать НР Албании, чтобы она наверстала упущенное время, улучшила свое экономическое положение, не забывая в то же время, что теперь она со всех сторон окружена вражескими государствами. Братская албанская республика является достойным членом нашего могучего лагеря социализма, поэтому она никогда не должна чувствовать себя изолированной и никогда не будет изолированной ни в политическом, ни в экономическом, ни в идеологическом, ни в военном отношении. Таков и наказ товарища Сталина.

Что касается нашего дальнейшего отношения к белградскому руководству, — сказал в заключение Вышинский, — то мы должны проявлять большую осторожность и, занимая зрелую и принципиальную позицию, сорвать любые поползновения и провокации Тито, чтобы ни в коем случае не дать ему повода обвинять нас в позициях и действиях, чуждых нашей социалистической идеологии и политике. Особенно в отношении Албании титовские провокации могут быть более

частыми и более серьезными, ибо, как отметил товарищ Энвер, помимо всего прочего, в отношениях между обеими странами существует также неразрешенная проблема Косовы и других албанских краев в Югославии. Оттуда Тито может устраивать всякие ловушки, поэтому, храня бдительность и выказывая зрелость, надо, как и до сих пор, спутывать его карты.

Позднее, во время второй и третьей поездки в Советский Союз[1], сам великий Сталин подчеркнул мне необходимость проявлять бдительность и осторожность по отношению к любой провокации титовцев, особенно в связи с Косовой.

В ходе одной из незабываемых бесед с ним, рассказав ему о нашем затяжном столкновении с белградским руководством по вопросу Косовы, как и по многим другим вопросам, я, в частности, отметил ему:

— Со своей стороны мы, никак не вмешиваясь во внутренние дела Югославии, никогда не перестанем оказывать поддержку правам своих кровных братьев, проживающих в Югославии, будем поднимать свой голос против террора и политики истребления, проводимой по отношению к ним кликой Тито-Ранковича[2].

Когда я кончил, Сталин, который, внимательно меня слушал, сказал:

— Мы, как марксисты-ленинцы, и впредь должны бичевать антимарксистские действия и взгляды Тито и югославского руководства, но, подчеркиваю, мы никак не должны вмешиваться в их внутренние дела. Это было бы не по-марксистски. Вопрос этот должны рассмотреть сами югославские коммунисты и народы Югославии, им решать дела сегодняшнего и будущего своей страны. В этих же рамках рассматриваю я и проблему Косовы и остального албанского населения, проживающего в своих краях в Югославии. Мы ни в коем случае не должны дать титовскому врагу повода обви-

---

1 Соответственно в марте-апреле и в ноябре 1949 года.

2 Более подробно смотри: Энвер Ходжа, «Со Сталиным (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 159, Тирана, 1979.

нять нас в том, будто мы стремимся к распаду Югославской федерации. Это щекотливый момент и к нему нужно подходить очень осторожно[1]...

Но, вернемся к бухарестскому Совещанию с Вышинским и Дежем, которое, как я уже сказал, проходило и завершилось успешно.

Я остался очень доволен им, в первую очередь потому, что все выяснилось, но и потому, что Вышинский дал работе нашей партии хорошую оценку.

После обеда, во время которого поднимались тосты, Вышинский, отличавшийся большим остроумием и веселым юмором, отпустил много шуток. Когда мы обнимались на прощание, тот сказал мне:

— До встречи в Москве! (И в самом деле, Вышинского я встречал позднее в Москве еще два-три раза, когда официально или на отдых ездил в Советский Союз.)

Я сохранил о нем очень хорошие воспоминания и особенно восхищался его мудростью, его большой проницательностью, его большевистской решимостью и преданностью великому Сталину. Он любил Албанию, интересовался положением в нашей стране и спрашивал о ней всякий раз, когда мы встречались. На ужине, устроенном им в честь нашей официальной делегации, он создал нам весьма интимную и радостную атмосферу. Туда пришло много товарищей-членов Политбюро КПСС с Молотовым во главе, и, в обстановке царившей там радости, товарищи из нашего посольства передали мне радостную телеграмму, в которой сообщалось о появлении на свете моего первого ребенка и о том, что и мать и сын были совершенно здоровы. Конечно, в тот вечер мы повыпили, ведь иначе и нельзя было, советские охотники выпивать. Вышинскому сказали о рождении моего сына и он тут же подошел ко мне, протянул мне руку и поздравил: «От всего сердца поздравляю тебя с рождением сына, долгой ему жизни!». На другой день весть о рожде-

---

1 Более подробно смотри: Энвер Ходжа, «Со Сталиным (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 161, Тирана, 1979.

нии моего сына сообщили и Сталину во время незабываемого приема, который тот устроил нам[1].

Как-то в другой раз, на встрече, которую я имел с Вышинским для рассмотрения международной обстановки и позиции, которую наши делегации должны были занимать в ООН по разным проблемам, он, предлагая мне во время беседы напиток, сказал:

— Я знаю, что ты мало пьешь, я видел это на приеме.

Я ответил ему, что вовсе не любил пить, что всего лишь курил и что на том приеме повыпил, так как много радостей накопилось. Я заметил, что он не настаивал, как другие советские на том, чтобы я пил, однако и сам он не пил.

— У русских, — сказал Вышинский, — не принято чокаться бокалами с *боржомом*,* я русский, но болею диабетом, так что пить мне не разрешается.

— Как и во всем остальном, — сказал я ему, — и в этом вы аккуратный, но, впрочем, желаю вам быстрого выздоровления и долгих лет жизни.

Позднее, узнав о смерти Вышинского, я очень сожалел о нем. Никогда не забуду этого великого деятеля сталинского государства, который не только как прокурор, не только как юрист, но и как дипломат показал себя человеком очень высоких достоинств. Речи, произнесенные им в ООН в качестве министра иностранных дел и представителя СССР, являют собой знаменательные даты в истории международных отношений. Его речи составляют шедевры в защиту сталинской линии и беспощадное политическое, идеологическое разоблачение империалистической политики на основе сильной и образцовой марксистско-ленинской логики. Вышинский был блестящим полемистом. Его слова бросали врагов в дрожь, так как они были верными, так как он приводил бесчисленные факты, а факты — упрямая вещь. Он умел с редким мастерством использовать факты и документы, потому что был большевиком, верным учеником Ленина и

---

1 См. Энвер Ходжа, «Со Сталиным (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 140, Тирана, 1979.

* По-русски в тексте.

Сталина. Но давайте вернемся к бухарестской встрече, чтобы «проститься» с Дежем.

На другой день после окончания совещания я и Чувахин попросили у Дежа разрешения проехаться и прогуляться по Бухаресту. Деж с удовольствием принял нашу просьбу. Видимо, «подпольный характер» моего визита уже отпал. Позавтракав, мы сели в машины и взялись за экскурсию. Мы объехали весь Бухарест, останавливались на берегах нескольких обсаженных деревьями и цветами весьма живописных озер, которых было много в Бухаресте. Вокруг одного из них стояли красивые дачи, жилые дома и еще один королевский дворец. Румынская буржуазия угнетала народ и развлекалась, жила на широкую ногу, сосая его кровь. Румыния была зажиточной страной, она вывозила зерно, а у народа хлеба не хватало. Румыния располагала нефтяными источниками и славилась нефтеносной зоной Плоешти, но богатство это принадлежало румынской буржуазии и иностранным нефтяным концернам.

В прошлом у Румынии была очень развитая торговля с разными капиталистическими странами, а многосторонние отношения с этими странами, влияние капитализма, капиталистического образа жизни способствовали политическому и моральному перерождению в этой стране. Там господствовали коррупция, взяточничество, кабаре, сделки. Бывшие албанские торговцы, особенно корчинские, также устроились в Румынии. В известной мере они даже разбогатели. Семьи из Корчи эмигрировали туда в поисках работы или же из-за гонений со стороны греков. Эта небольшая колония албанцев, которая была довольно живой и отличалась патриотическими и боевыми чувствами и пламенными стремлениями к освобождению Албании, стала одним из самых горячих очагов борьбы за национальное дело и оттуда вышло много выдающихся людей, вроде Виктора Эфтимиу и других прогрессивных людей с редким талантом.

Румыны называли Бухарест «Маленьким Парижем». Я читал книгу Поля Морана[1] о Бухаресте. Как я уже говорил,

---

1 Французский писатель.

осматривая город, у тебя складывалось впечатление, что он не видел войны, что никаких, даже мелких бомб не обрушились на него в годы второй мировой войны. Никаких разрушений не было видно, никаких развалин, никаких повреждений. Да что и говорить о наших бедных городах! Их бомбили и предавали огню итальянцы, немцы и даже британские «союзники». Ясно было, что здесь, в Бухаресте, все прошло без шума и треска и всего лишь были подняты руки вверх.

Выйдя на самую красивую и самую оживленную улицу Бухареста, где торговля была в разгаре, мы вылезли из машин и пошли пешком. Нас сопровождали какой-то член Центрального Комитета, да еще пять или шесть товарищей из органов безопасности.

Ну и что смотреть! Магазины были завалены товарами, к тому же столь роскошными, что сразу бросались в глаза; в каждом магазине такие товары особой специальности, как куние, лисие и всякие другие пышные меха; были магазины, где продавались роскошная обувь, великолепные фарфоровые изделия, шерстяные ткани, готовое платье, были книжные магазины. Все витрины сияли роскошью и увлекали шумной рекламой. Казалось, будто ты находился не в прошедшем войну городе, а на Элисейских полях довоенного Парижа. Все это еще было собственностью румынской буржуазии, находилось в ее руках, она вершала закон на рынке. Я и Чувахин с любопытством и удивлением разглядывали витрины. Я, как всегда, думал о пустовавших тиранских магазинах, но зато и Чувахин думал о московских магазинах, которые, наверняка, не были богатыми, как здешние. Мы спросили сопровождавшего нас румынского товарища:

— Эти магазины государственные?

— Нет, они еще не национализированы, — ответил тот. Но вы войдите, пожалуйста, в какой-нибудь магазин, чтоб осмотреть его изнутри.

Когда мы останавливались перед какой-нибудь витриной, тот просил нас войти, но мы не удовлетворяли его желание. Позднее мы поняли, что беспокоило румынского товарища.

Он получал от Дежа приказ предоставить нам выбрать, что нам угодно было в магазинах, куда мы входили, и не дать нам заплатить за это. Выбранные нами вещи были бы подарком от ЦК Румынской Рабочей партии. Наконец-то мы решились войти в один магазин, когда сопровождающий сказал нам, что он был компаньоном государства. Это был большой роскошный магазин. Конечно, мы вошли, чтобы осмотреть его, угодить румынскому товарищу, который устал, прося нас, а не для приобретения чего-нибудь. Мы заметили, что тот отвел в сторону заведующего магазином и, разумеется, наказал ему обслуживать нас. Тогда он и продавец из кожи вон лезли, чтобы всунуть нам много вещей, но мы не приняли всего, что они преподнесли нам. Я выбрал для себя разрезной нож, канцелярские ножницы и кожаный бювар для рабочего стола. И Чувахин почти то же самое выбрал. Итак, желание румынского товарища было удовлетворено!

Покинув магазин, мы вошли в большое кафе и сели, чтобы немного отдохнуть. Там было много людей, которые обращали на себя внимание своей роскошной одеждой. Люди эти с любопытством и украдкой смотрели на нас; они нас не знали, но, наверное, знали сопровождавших нас людей из органов безопасности. Это было одно из тех кафе, о которых Деж говорил нам, что их посещали буржуа, а он, «засунув пистолет за пояс и окруженный людьми из органов безопасности, ходил туда и провоцировал их в самих их притонах».

Ходил и «провоцировал» их в кафе?! Ну и подумаешь! Что из этого выходило, если в их руках находились экономика, рынок, богатства? Это меня возмущало и я думал: Что это за коммунисты? Что это за социализм?

Всего несколько лет спустя после этого они совершенно наглядно показали, кем они были на самом деле — Деж, этот «суровый борец» против Тито, как только Хрущев переменил пластинку, первым стал защитником и сторонником Тито.

Вернувшись во дворец и сев за прощальным ужином с

румынскими товарищами (ведь на другой день нам предстояло вернуться на Родину), я поделился во время беседы своими очень хорошими впечатлениями о Румынии, румынском народе, людях, но говорил также о нашем опыте и выразил удивление в виде вопроса:

— Почему вы не экспроприируете буржуазию, а позволяете ей эксплуатировать народ? Деж объяснил мне, что «все будет сделано в свое время, так как ситуация у нас отличается от вашей» и пустился в другие подробные теоретизирования.

На следующий день мы расстались с Дежем, Анной Паукер и другими провожавшими нас в аэропорту румынскими товарищами.

Впереди нас ждали новые битвы. Используя опыт многолетней борьбы, все, чему мы научились и что выяснили и на этом совещании, нам предстояло до конца довести борьбу с троцкистским уклоном Тито, как и с агентами титовцев в наших рядах.

Конец титовцев у нас

Немедленный и позорный уход титовских посланцев из нашей страны с поступлением первого письма Большевистской партии возымел для нашей партии, в частности, два важных результата. Первый результат был положительным: увидев, что хозяева покинули их в беде и бросили на произвол судьбы, Кочи Дзодзе и его титовский клан (до вчерашнего дня преобладавшие в Бюро), тут же заговорили поиному и стали «просоветскими», единогласно «солидаризовались» с письмом ЦК КПСС титовскому руководству! Это было в наших интересах; ведь, хотя большинство партийного руководства и сама партия (когда ей скажут об этом) всей душой солидаризируются с первым письмом Сталина (как и с другими его письмами), было бы вовсе нехорошо для

нашей партии, если бы даже всего три-четыре человека выступило против такой общей позиции.

Однако этот первый, положительный результат сопровождался вторым результатом, который мог весьма отрицательно сказаться на нашей работе: вынужденные «солидаризоваться» с письмами ЦК КПСС и со всеми марксистско-ленинскими анализами, которые мы провели впоследствии в свете событий у нас, Кочи Дзодзе и его шайка пытались камуфлироваться, скрывать когти, изображать себя самое большее «введенными в заблуждение», «поддавшимися чужому влиянию», а не такими, какими они и были на самом деле, завербованными агентами титовского ревизионизма.

Но мы никоим образом не могли дать злу еще жить в здоровом теле нашей партии. Его надо было раскрыть, вырвать с корнем и отбросить прочь, а это не только из-за большого вреда, причиненного нам в прошлом, но и будущего ради. Если бы мы показали себя либералами, слепцами и мягкими с ним, то в будущем, с созданием подходящих условий, это зло постаралось бы взять реванш и свергнуть партию.

Таким образом, начался длинный процесс работы, глубоких анализов и споров, который поглотил у нас весь период с апреля-мая и вплоть до ноября 1948 года. За этот период шла интенсивная борьба, целыми днями и ночами проходили заседания и споры. Часто, когда казалось, что ситуация прояснялась уже, появлялись новые факты и аргументы, отчего мы были вынуждены начать анализы сначала. Нелегко было сразу же разоблачить врагов в партийном руководстве; ведь они прошли «школу» Тито-Ранковича, а прямое участие в заговоре сделало их мастерами лжи и обмана.

Особенно архиагент, Кочи Дзодзе, всячески старался увертываться и лавировать, чтобы спасти, если не все, то, по крайней мере, столько, сколько можно было спасти из его мрачного прошлого.

Прочитав письма, пройдя фазу колебаний и оцепенения,

он, сообразив, что дела глубоко пойдут, изменил тактику, начал в свою очередь «удивляться» наделанному Тито и компанией и «негодовать» против этого!

После первого и неожиданного удара, нанесенного его хозяевам, он походил на оглушенного зверя, хотя сам удара еще не получил; вначале мы даже совсем не намекали на его гангстерское дело. Сильное потрясение, пережитое им в те моменты, его замешательство и растерянность явились для нас другим ярким доказательством того, что мы имели дело с врагом из числа наиопаснейших. Именно в моменты, когда он намеревался захватить всю власть, когда полагал, что перед ним не оставалось уже никакого серьезного препятствия, а следовательно, именно в моменты, когда он ожидал короны, словно гром среди ясного неба на него неожиданно обрушился сильный удар, который окончательно лишал его всего, о чем он мечтал и к чему уже давно готовился явно или тайно. В подобных случаях вражеские и заговорщицкие элементы вначале приходят в большое замешательство и совсем растеряются, но затем мало-помало собираются с духом и всячески стараются хвататься за соломинку, чтобы выбратья из болота мерзостей, куда они зашли по своей воле и своими ногами.

То же самое происходило и с «героем» VIII Пленума, Кочи Дзодзе, который переменил тактику и выразил «солидарность» с письмами Коммунистической партии Советского Союза, но в то же время пытался маневрировать, закинул словечко о том, чтобы мы просто ограничились солидаризацией с ними, единогласно «одобрили» лишь то, что говорилось в письмах. Однако я не дал ему обманывать себя тщетными надеждами.

— Письма Сталина составляют для нас большую помощь, — сказал я ему спокойно, но резко. — Мы изучим выдвигаемые в них проблемы, однако, самое главное, что мы должны сделать, это рассматривать их в связи с нашими делами, с нашими отношениями, с нашими ранами, ведь на нашей спине еще зияют раны от ударов, нанесенных нам Тито и компанией. Не забудь, в каком положении мы находились, —

преднамеренно сказал я; — не то, что называть их врагами мы не могли, но и когда хоть мало кто-либо возражал какому-нибудь югославскому технику, нам тут же говорили в Бюро: «надо рассмотреть это дело, ибо оно антиюгославщиной попахивает». Не так ли?!

— Пожалуй, это так! До того и дошло! — проговорил он еле слышно и я заметил, что лица на нем не было.

— Все происшедшее в нашей партии и в нашем руководстве за последние четыре-пять лет, — сказал я, — показывает, что мы не только подвергались давлению и шантажу со стороны клики Тито, но и давали этому шантажу отпор, причем сильный.

— Я не говорю, что мы не противопоставлялись им, когда представлялся случай, но такими, какими они и есть, врагами и предателями мы их не называли. Письма Вэкапэ ... открыли нам глаза... давайте рассмотрим, давайте шире рассмотрим проблему, — сказал он, — ведь имеются такие вещи, которые будут полезны Информбюро и Вэкапэ!

— Да! — отрезал я ему. — Они обязательно будут им полезны, но в первую очередь они будут полезны нам, нашей партии для анализа пройденного нами пути, столкновений, в которые мы вступали, положительных сторон и ошибок, прошлого, настоящего и будущего. А нам предстоит многое пересмотреть, сказать, проанализировать и решить. Надо поставить на свое место все нарушенное и извращенное югославами, под воздействием югославов или в сговоре с югославами, надо выявить причины, надо раскрыть корни, надо с силой и решительно вырвать зло и отбросить его прочь.

— Одно лишь яснее ясного, — сказал я, посмотрев на него в упор. — В своей антиалбанской деятельности они были не одни. Они давно уже создали в наших рядах свои, в том числе и агентурные, базы. Это мы должны хорошо учитывать при наших будущих анализах.

Он весь помрачнел и запнулся.

— Это верно, допускались и ошибки, — сказал некоторое время спустя, опять совладав собою. — Правду говоря,

если глубоко рассмотреть это дело, — продолжал он, не поднимая глаз, — то выходит, что мы немножко заражены этим злом, но ... это из-за большого доверия, которое питали к этим псам. Верили мы им так, будто кроме них никто другой и не существовал. Здесь мы допустили ошибку, и я согласен, чтобы дело это было рассмотрено в партии и в руководстве.

— Рассмотреть-то, — отозвался я, — мы рассмотрим все это в партии и в руководстве, но зато ни в коем случае не путая ни партию и ни ее руководство в целом в то, что ты заражением назвал! Пусть сами зараженные элементы выступят и скажут нам, почему делали такое. Они должны отчитываться, и если не сделают этого, то мы будем требовать от них отчета, как и надо. С ними мы не путаем ни партию, ни ее руководство.

Эти «свободные» беседы с Кочи Дзодзе имели большое значение и я проводил их осторожно, ибо мы находились в канун начала споров и анализов в Политбюро. Как это я писал и выше, Политбюро, особенно после VIII Пленума, почти не функционировало в качестве высшего партийного органа. В нем преобладало крыло Кочи Дзодзе, а это могло нести в себе опасность разброда или неверной ориентации, особенно в первые моменты. Итак, важно было, чтобы сам Дзодзе выразил «солидарность» с письмами Большевистской партии, независимо от темных целей, которые он скрывал бы за такой «солидаризацией». Другие же, вроде Панди Кристо, Кристо Темелько, Нести Керенджи и т.д. должны были последовать за своим хозяином и таким образом клубок сам развязался бы. И те, кто в этом новом повороте событий видел опасность для самого себя, не могли выступить против общего. Они также должны были солидаризоваться с письмами, как и солидаризовались, должны были стараться как можно легче отделаться и переложить свою тяжкую вину на других, но, в конечном итоге, на основе всех правил восстановленной в партии демократии, мы должны были вывести их на чистую воду.

Еще в самом начале анализов в Бюро я счел необхо-

димым как можно правильнее ориентировать дух выступлений.

— Наша партия, — сказал я товарищам, — является одной из тех партий, которые могут и должны решительно и на многочисленных аргументах доказать наличие уклонов и тяжелых ошибок у ЦК КП Югославии. Я лично, но, думаю, и вы также, глубоко чувствую и правильно оцениваю принципиальные критические замечания Большевистской партии, и, хотя не нам они сделаны, полагаю, что мы должны хорошо рассмотреть и основательно проанализировать и наши дела. Мы должны отдавать себе отчет в том, что многие из подчеркиваемых Большевистской партией ошибок и искажений белградские троцкисты с Тито во главе старались передать и навязать и нам. Это факт, что югославское руководство силилось ввести в нашу партию военные методы руководства, расколоть руководство, навязать нам оппортунистические формы, направленные на ослабление нашей партии и нашей Народной Республики, навязать нам организационные формы, подавлявшие внутрипартийную демократию, удушавшие критику и самокритику и т.д. Оно дошло до вынашивания планов военной оккупации, то есть стремилось навязаться нам вооруженной силой. Правда, эти антимарксистские взгляды не пустили корни в нашей партии, но зато некоторые из них, особенно взгляды организационного характера, навязаны нам в той или иной мере. Нам незачем скрывать это, наоборот, мы должны честно признаться в этом и точно установить, насколько они проникли, и бороться за немедленное устранение их, как и внешних, но особенно внутренних причин и факторов, сделавших возможным их проникновение.

— Это, — сказал я товарищам, — должно быть одним из направлений наших анализов. Однако, — продолжал я, — мы не должны ограничиваться лишь этим. Югославские руководители вели целые годы против нас вредительскую и антиалбанскую деятельность и в других областях, применяя многочисленные антимарксистские формы и методы, о

которых, естественно, Большевистская партия, быть может, не знала и не знает. В наших анализах мы все должны рассматривать сквозь призму марксизма-ленинизма. Уже настало время правду выяснить, многое пересмотреть с самого начала, восстановить справедливость везде, где она нарушена. Нам нечего бояться этих анализов, нам нечего бояться ни критики, ни самокритики. Из всего этого партия выйдет в тысячу раз сильнее и здоровее, наше священное дело будет еще увереннее продвигаться вперед.

Итак, заседания Политбюро, проведенные в апреле, мае и июне 1948 года в связи с этим вопросом, проходили в духе солидарности с письмами Большевистской партии, на них были приведены многочисленные факты и аргументы в подтверждение антимарксистской и антиалбанской деятельности белградских лидеров против нашей партии и нашей страны.

Благодаря этому после IX Пленума ЦК КПА, когда мы открыто разоблачили белградское антимарксистское руководство, мы были вполне подготовлены к тому, чтобы вовремя и с надлежащей силой ответить на клеветническую и оскверняющую кампанию, развернутую против нас Тито и компанией.

Однако эта первая фаза нашего всеобщего наступления на титовский ревизионизм подготовила все условия к дальнейшему продвижению вперед по пути раскрытия и окончательного разоблачения агентов Белграда в наших рядах.

Они, как я уже говорил, «солидаризовавшись» в целом с письмами Большевистской партии, волей-неволей подключились ко всем нашим анализам. Понесенное ими полное поражение, страх перед обнаружением скрываемой ими правды, попытки замести следы само собою привели к тому, что Кочи Дзодзе и компания еще в первой фазе наступления оказали «услугу» нашему будущему: вывели наружу много фактов и аргументов, еще лучше подтвердивших враждебное вмешательство и давление Тито и его посланцев на нашу партию и нашу страну. Эти были очень тяжелые факты, и мы

раньше не могли знать о всех их, о них знали только агенты Белграда. Теперь же, в рамках «осмысления», «оценки прошлого в новом свете», они отчасти с целью мастерски замаскироваться, а отчасти из-за дезориентации и страха, стали «антititовцами»! Слушая их, когда они соревновались в том, чтобы «разобрать титизм по косточкам», казалось, что «более твердых антititовцев» вряд ли найдешь! Жаль, что этакие мужи так поздно «спохватились» и решили «правильно подойти к истине»!

Они того и заслуживали, чтобы во всеуслышание назвать их настоящим именем, однако в первой фазе лучше было дать им свободно высказываться! Пусть тяжелое бремя своих непростительных ошибок и извращений они взваливали в этой фазе «на всех»! Пока что главное в том и заключалось, чтобы бремя это было четко выявлено, чтобы оно предстало перед всеми во всем багаже титовской мерзости и тем самым, на основе возможно бо́льших аргументов, все поняли, каких опасных и грозных размеров достигла враждебная деятельность белградских лидеров против нас!

Именно благодаря такой мудрой и осторожной работе, проведенной нами в Политбюро в апреле, мае и июне месяцах, IX Пленум ЦК КПА проходил в высоко партийном духе и на нем блестяще проявилось единство мнения и действия всего нашего Центрального Комитета. Такой же дух характеризовал всю партию и весь народ, когда 1 июля 1948 года, через заявление ЦК КПА, они узнали об осуждении и разоблачении белградских лидеров.

Наша борьба против титизма, против его давления и влияния в наших рядах вступила в новую фазу. Множество поступавших со всех сторон фактов еще имело свое значение, однако самое главное заключалось в том, чтобы были обнаружены и окончательно разоблачены заговорщики, чтобы они отчитывались за свои преступления против партии и народа.

В июле месяце я поставил вопрос совершенно открыто:

— Немедленную солидаризацию и энтузиазм, с которым наша партия и наш народ встретили заявление Центрального

Комитета, всеобщее негодование против интенсивной и разнузданной антиалбанской деятельности белградских лидеров, расценивать нужно правильно и глубоко. Что касается нас, то это свидетельствует особенно о двух истинах: **во-первых**, и у нас, вследствие югославской деятельности, шантажа и давления, допущены ошибки и извращения и, **во-вторых**, эти допущенные ошибки и извращения совсем не относятся ни ко всей партии, ни ко всему ее руководству. Иначе не объяснишь вспыхнувшие у нас всеобщий подъем и негодование против вредительской деятельности Тито и компании. Уже настало время, товарищи, конкретно остановиться на установлении ответственности каждого. Было бы непростительно с нашей стороны возложить бремя ошибок на всех.

Конечно, это была одновременно самая деликатная и самая трудная фаза выявления и искоренения зла. Заговорщики, правда, отступали уже и пришли в замешательство, но продолжали защищаться, заметали свои следы, старались сбить нас с толку.

Вначале, в результате аргументов и фактов, приведенных мною, Хюсни Капо, Гого Нуши и в известной мере и Бедри Спахиу с Туком Якова против Кочи Дзодзе, Панди Кристо и Кристо Темелько, последние, оказавшись припертыми к стенке, были вынуждены признать одну лишь ошибку.

— Мы, — сказал Панди Кристо, — «больше всех поддались их влиянию», но мы не знали, что югославские руководители были врагами.

Мы привели новые факты и аргументы (касались они всех многочисленных вопросов, которые я упомянул выше), тем не менее, они на своем и настаивали:

— Мы легко и больше всех поддавались их влиянию, этого мы отрицать не станем, — говорил, запинаясь, Дзодзе, — мы признаем даже то, что не как следует углублялись в то, что набалтывали нам югославы, а действовали неосознательно. Допустили ошибку, вот и все.

Однако настал момент и блок раскололся. После некоторой нерешительности и целого ряда колебаний, Кристо Темелько убедился в том, что скрывать правду было бы

напрасно. Он совершенно открыто засвидетельствовал в Политбюро, что деятельность его самого и других «поддавшихся влиянию» элементов не во «влиянии» заключалась, а в агентурной работе, проводившейся систематически, организованной и руководимой Белградом или же Саво Златичем, Иосипом Гергя, Купрешаниным, Серджентичем и другими в Тиране.

Особенно его свидетельства о том, что все, чем он морочил нам голову несколько месяцев тому назад (о «федеративном союзе», о «дислокации дивизии» и т.д.), исходило не от него самого, а от югославов,— во многом способствовало дальнейшему углублению анализа в Политбюро.

— Сам Тито, в присутствии Темпо и Коча Поповича, — заявил, в частности, Темелько, — сказал мне: «Иди и изложи все это Энверу Ходжа, как твое личное мнение и настаивай на нем до тех пор, пока не убедишь его».

Волей-неволей стали выкладывать и другие, особенно Пести Керенджи и Джоджи Блюши, а Кочи Дзодзе и Панди Кристо, как «деканы» заговорщиков, продолжали (разумеется, на свою беду, ибо партии все уже было ясно) блефовать, отказываясь признаться во всем.

Однако условия уже полностью назрели для постановки вопроса на Пленуме Центрального Комитета партии.

Вначале с 6 по 7 сентября проходил X Пленум ЦК КПА, на котором проводились дискуссии и было решено созвать в ноябре 1948 года I съезд КПА. Были обсуждены и одобрены повестка дня съезда, порядок проведения областных партийных конференций, порядок избрания делегатов съезда и другие вопросы.

Все это важно было не только потому, что мы впервые готовились к такому историческому событию, каким был партийный съезд, но и потому, что в организационном отношении югославы навязали нам в прошлом антидемократические формы и методы.

С этим предстояло уже раз и навсегда покончить, и сам порядок организации, подготовки и проведения съезда должен был явиться восстановлением на практике всех внутри-

партийных норм и правил. После рассмотрения также проекта Устава партии, я закрыл X Пленум, отметив товарищам:

— Время не терпит отлагательств, мы должны мобилизоваться на проведение в жизнь в течение нескольких дней указаний и установок этого Пленума. Нам следует немедленно передать эти установки областным партийным комитетам, проинструктировать всех товарищей и включить их в работу по подготовке конференций, а затем мы снова соберемся. Нас ждет большая и очень трудная работа: помимо составления и обсуждения планов хозяйственного и культурного развития, мы в деталях проанализируем всю историю наших отношений с белградскими троцкистами, их антимарксистскую деятельность против нас, как и наше реагирование на эту деятельность в течение 6-7-летнего периода отношений с ними.

Этот анализ был проведен вполне успешно и с марксистско-ленинской принципиальностью на XI Пленуме ЦК КПА, проходившем с 13 по 24 сентября 1948 года.

В докладе, представленном Пленуму от имени Политбюро, я подверг глубокому и исчерпывающему анализу всю историю наших отношений с КПЮ и с югославским государством, политическую и организационную линию нашей партии и особенно со времени бератского Пленума (ноябрь 1944 года), вскрыл причины отмеченных у нас ошибок и определил меры к осуществлению поворота, который диктовали нам новые условия.

Не стоило бы остановиться здесь на изложении в докладе идей, фактов и заключений, ибо в таком случае мне пришлось бы в той или иной форме повторять все написанное мною выше, я хотел бы только подчеркнуть некоторые моменты из работы Пленума.

Прежде всего в моей памяти остался неизгладимым здоровый, марксистско-ленинский дух, с начала до конца характеризовавший работу Пленума. Впервые после стольких лет (можно сказать, со времени Первой национальной конференции КПА, состоявшейся в марте 1943 года) товарищи выступали и говорили свободно, с большой зрелостью и

озабоченностью выдвинутыми на рассмотрение острыми проблемами. Говорили они обо всем без предвзятостей, без диктата и без стеснения перед кем бы то ни было. Солидаризация всех товарищей с представленным мною докладом выражалась не просто словами, а многочисленными аргументами и фактами, которые каждый из них приводил на основе своего собственного опыта.

Как в докладе, так и в многочисленных выступлениях (имелись такие товарищи, которые по своему желанию выступали даже 2-3 раза) были еще лучше выведены наружу антимарксистская деятельность югославского руководства, его лихорадочные усилия завести нас в тупик и подчинить, его гнусный заговор, направленный на поглощение Албании. Связав все это с тем, что говорилось в письмах Большевистской партии и в Резолюции Информбюро, Пленум по праву заключил, что политическая линия руководства югославской партии является антимарксистской линией, конкретизирующейся как опасное течение в рядах международного коммунистического движения.

— Это заслуга Большевистской партии, великого Сталина, но также и нашей партии, — сказал один из товарищей, — что они раскрыли и решительно противопоставились такой опасной линии. Если бы линию эту мы оставили в покое, если бы мы не нанесли ей удар, то она возымела бы тяжелые и ощутимые последствия в лагере социализма.

В ходе дебатов другой товарищ, хотя он и осудил титовский уклон, высказал мнение о том, что предательство югославских руководителей «ослабит коммунистическое движение и социалистический лагерь, ибо у нас будет одной коммунистической партии и одной социалистической страны меньше!».

Слово взял Хюсни Капо и в своем зрелом, конкретном выступлении, полном ценных аргументов и обобщений, противопоставился и выступившему до него товарищу:

— Это совсем неверно, что вследствие предательства югославских руководителей коммунистическое движение и социалистический лагерь ослабнут! — отметил, в частности, Хюсни. — Наоборот, вскрытие предательства, его заслужен-

ное разоблачение и осуждение сделают нас еще более сильными, еще более сплоченными, помогут нам еще более решительно идти вперед. Сила коммунистического движения и социалистического лагеря состоит не в количестве участвующих в них партий и стран, а в качестве этих партий и стран, в их решимости проводить в жизнь и отстаивать марксизм-ленинизм[1].

Очень большое место в выступлениях и дебатах тех 10-12 дней занял анализ линии, которую проводила наша партия. По праву как в докладе, так и в выступлениях было отмечено и доказано, что, независимо от вмешательства, давления и шантажа титовцев, политическая линия КПА всегда оставалась правильной и последовательной. Эту линию, — было сказано, — атаковывали, но она не сгибалась, ей угрожали, но она оставалась прежней.

Некоторые наблюдавшиеся отдельные извращения, — было подчеркнуто на Пленуме, — не являются результатом нашей линии. Они силой и коварством продиктованы и навязаны нам в особых условиях посланцами югославского руководства. Тем не менее эти случайные извращения, которые нам были навязаны, как, например, на VIII Пленуме ЦК КПА, никоим образом не могут представлять и тем более запятнать правильную политическую линию, которую проводила и отстаивала наша партия. Важно то, — было подчеркнуто, — что и грубые извращения, имевшие место на VIII Пленуме, вовсе не нашли себе подходящей почвы и не пустили корни в нашей партии. Мы с негодованием отвергли их и теперь утверждаем их заслуженное осуждение.

Иначе и более сложным представлялся вопрос что касается организационной линии партии. В этом направлении как давление и вмешательство извне, так и степень их проникновения проявлялись с большей силой, отчего допускались нарушения, превратившие организационную линию партии в вообще неправильную линию. Большую отрицательную роль в этом опасном повороте сыграли II и VIII Плену-

---

1 Из протокола XI Пленума ЦК КПА. *ЦПА.*

мы ЦК КПА. Анализ, которому были подвергнуты эти два пленума, вывели наружу много новых фактов и аргументов, подтверждавших не только руководящую роль посланцев Тито в их организации, но и антипартийную, агентурную и заговорщицкую работу секретаря по организационным вопросам, Кочи Дзодзе и его приближенных.

Кроме неопровержимых фактов и доводов, приведенных на Пленуме товарищами Гого Нуши, Мануш Мюфтиу, Хаки Тоска, Петро Папи и другими, особую роль в освещении бератского заговора и VIII Пленума сыграли те элементы, которые были связаны с югославами, но еще скрывались, изображая дело так, будто стояли «вдали от агентуры» и были «незапятнанными». Среди этих элементов выделялись Наджие Думе, Нести Керенджи, Пелумб Дишница и другие.

— Еще до бератского Пленума, — заявила Наджие Думе, — я знала, что именно происходило, знала, что готовился удар по Команданту с целью устранить его, знала также имена новых товарищей, которые должны были войти в состав Бюро. Обо всем этом рассказывал мне Нако. — Наджие много наговорила и, сказать по правде, своим «усердием» привела такие факты, которые, хотя и было очень поздно, содействовали раскрытию и разоблачению еще существовавших в рядах партии заговорщиков. В частности, Наджие Думе первой привела высказывание Нако: «если Командант не убедится, то его убедит револьвер».

— Такое, — засвидетельствовала она, — говорил мне сам Нако. Когда он сказал мне это, со мною был и Панди.

Панди Кристо, сидевший не то что как мокрый, а как промытый дождем помет, «спохватился», наконец, и заявил:

— Нако говорил нам это. Когда он сказал это, присутствовали Кочи и я. Присутствовал также Велимир Стойнич. Они-то и завели меня в тупик.

Клубок все больше разматывался. Особенно свидетельства Панди, которые тот привел скорее всего из-за охватившего его страха, как и в целом открытая и здоровая самокритика Кристо Темелько «пошатнули» и «генерала Дзо-

дзе». Он уже потерял важный вид и лишился всякого признака мании величия. Походил он на присмиревшего петуха.

— Я больше всех поддавался влиянию югославов, поскольку очень-то верил им. В этом и вся моя беда, — отмечал он, когда его к стенке прижимали, и садился.

Товарищи приводили новые, все более веские аргументы. В результате он вынужден был дальше высказываться:

— Я лично ...говорил, что без Югославии Албания жить не может. Это говорил потому, что такое было у меня неотвязное убеждение. Я полагал, что, правда, Югославия и Албания участвовали в лагере, возглавляемом Советским Союзом, однако Албания стояла не плечом к плечу с Югославией, а под ее крылышком. В этом-то и заключилось влияние работы Тито. Впоследствии дело дошло до полного объединения, но, как должно было быть осуществлено такое объединение, это мне не ясно было. Я думал и про себя все повторял: федерация, конфедерация, но сегодня становится очевидным, что они Албанию седьмой республикой иметь хотели.

— А ты сам, какой ее хотел?! — с иронией спросил кто-то «генерала».

— Я, как уже сказал, — запинаясь, заговорил он, — допустил грубую ошибку, но я никак представлять себе не мог, чтобы она жила отдельно. Под крылышком у Югославии да! Тито и Ранкович сильно на меня воздействовали.

Еще больше обезоружило Кочи Дзодзе то, что его «помощники» Нести Керенджи, некий Васке Колеци (это я говорю сегодня некий Васке, но ведь был он тогда замминистром внутренних дел и хотел погубить нас) и другие, стремясь спасти себе шкуру, вывели наружу чудовищные действия, совершенные за спиной у партии и ее руководства. Следует отметить, однако, что в этих безобразиях вначале они не открылись сами, по своей собственной «инициативе». Нет, они были вынуждены «исповедаться», лишь когда правда всплыла наружу. Насколько мне помнится, выступал тогда товарищ Адиль Чарчани, который мудро и одновременно с негодованием критиковал антипартийные «указания», посту-

павшие в областные парткомы от «секретаря партии по организационным вопросам», Кочи Дзодзе. Между прочим Адиль привел и следующий факт:

— Когда я был секретарем Шкодринского обкома, к нам не только поступали «указания», открыто нарушавшие внутрипартийную демократию; однажды пришел ко мне в качестве представителя Министерства внутренних дел Зои Темсли и сказал: «Мне поручено контролировать партком». «Как это контролировать? — спросил я. Ведь ты из Министерства внутренних дел, какое тебе дело с комитетом!». Зои сказал мне: «Так установлено, напрасно ли секретарь по организационным вопросам является в то же время и Министром внутренних дел?» и, настаивая на своем, отметил, что «таков категорический приказ самого генерала, приказ Центрального Комитета».

Именно после этого встали Нести Керенджи и Васке Колеци, которые своими собственными устами признали такое, о чем я никогда и не думал, что могло происходить в рядах нашей партии:

— Дело дошло до того, — заявили они, — что для присма или же для исключения кого-либо из партии, следовало предварительно получить разрешение органов безопасности; партийные билеты всех исключенных хранились в Министерстве внутренних дел; каждая первичная парторганизация обязательно должна была иметь своим членом одного работника органов безопасности, которого следовало избирать членом бюро и даже секретарем или заместителем секретаря; парткомы и бюро парткомов тоже должны были иметь в своем составе «представителя» органов безопасности, и т.д. и т.п.

— Как это возможно, чтобы такое происходило без ведома Политбюро или, по крайней мере, без моего ведома, как Генерального Секретаря партии? — тут же спросил я Кочи Дзодзе.

— Я же думал, что вы знали об этом, — ответил он вполголоса — Ведь не я установил эти порядки. Их-то передали нам югославские товарищи ... то есть югославские

враги. Так поступают они в своей партии, и я... как уже говорил Пленуму, находился под их сильным влиянием.

Как раз в такой момент Васке Колеци, стремясь изобразить себя «непричастным» к этим темным делам, решил дать своему «генералу» сильную пощечину:

— Передать-то югославы передали, но и самому тебе нравились такие порядки, — сказал он Дзодзе. — В прошлом году ты поручил нам разработать «устав действия и контроля», который мы разослали всем отделам нашего министерства, и мне кажется, что он превосходит все остальные.

— Что это за «устав»? — осведомился я.

— Он ставит органам внутренних дел задачей вести слежку и контроль за каждым коммунистом и каждым кадровым работником по всей стране! — степенно ответил Васке, убежденный в том, что «открыв» нам это, выкрутился из беды.

— Как? Как? И даже он разослан? — спросил я крайне обеспокоенный и пораженный этим.

— Не для слежки! — хотел кое-как «смягчить» все это Дзодзе. — Мы поручали работникам органов безопасности интересоваться жизнью товарищей, их нуждами, личными и семейными заботами. Вот именно такую цель и преследовали мы, а не установление слежки.

Зал разразился смехом, но это был очень горький смех.

— «Интересоваться» втайне слежку и означает! — «набросился» на него Васке! — А что же мы делали потом с поступавшими к нам докладами? Пошли ли мы навстречу чьим-нибудь заботам? Нет, мы всего лишь заполняли ими личные досье.

Не стоит дальше остановиться на бесчисленных бесчинствах антипартийного и агентурного характера Кочи Дзодзе и компании. Пленум целыми днями ими и занимался (к тому же за несколько месяцев до этого им занималось и Политбюро), в результате чего факты о горькой правде были установлены после XI Пленума, в процессе обсуждения его выводов и решений в партии и в народе.

Важно то, что на основе всех этих длительных и утоми-

тельных, но зато принципиальных и глубоких анализов стала совершенно очевидной антипартийная и антиалбанская деятельность этих выродженцев, целыми годами рывшими могилу партии, свободе и независимости Родины. Вся партия и весь народ убедились в том, какое преступление они норовили совершить, а это было самое важное в наших анализах. Что же касается наказания, то оно представлялось уже легким делом.

Вот таким образом было покончено с этими агентами югославов, которых мы выбросили из наших рядов. Тем самым было покончено и с извращениями, вытекавшими из их явной и тайной деятельности.

XI Пленум решил немедленно и полностью перевести партию на легальное положение, расценив как тяжелую ошибку, которую нужно было поскорее исправить, тот факт, что программа партии скрывалась за программой Демократического Фронта, он осудил и отменил, как антимарксистские и антипартийные решения, большинство решений бератского Пленума и все решения VIII Пленума ЦК КПА, отменив в то же время все наказания и кооптации, которые, как я уже говорил, были совершены антидемократическим путем под давлением югославского руководства и его агентов, Кочи Дзодзе и компании.

В числе людей, реабилитированных на XI Пленуме ЦК КПА, одним из главных был Нако Спиру. Как это я объяснил выше, решение о его реабилитации было принято потому, что XI Пленум отверг, как несуществующие и возведенные в антиалбанских и антимарксистских целях, все «обвинения», предъявленные нам югославским руководством, каким было обвинение в так называемой «антиюгославской линии в руководстве КПА» или же другое обвинение, называвшее Нако «агентом империализма». Из-за полного отсутствия фактов мы не могли принять за чистую монету такое обвинение, которое возводили именно те, кто являлся не кем иным, как агентурой империализма. Что касается «грехов» Нако в области экономики, то, как я уже объяснил, он не был в них виновен; более того, югославы напрасно обвини-

ли его, как автора так называемого автаркического пятилетнего плана. Все мы были авторами этого плана, который в действительности являлся смелым, а вовсе не «нереальным» и «автаркическим» планом. Одновременно, на принятие решения о реабилитации Нако Спиру повлиял в особенности тот факт, что в тогдашних условиях мы многого не знали о его позициях, его грехах и тайных действиях, совершенных особенно в период после бератского Пленума. Но главное, тогда мы не знали о том, что Нако вступил в агентурные связи с югославским руководством, а впоследствии, ввязавшись в грязную игру за власть, особенно в соревновании с Кочи Дзодзе, он оказался покинутым югославами, из-за чего связался с советскими (это была агентурная связь). Об этих последних связях мы также не знали, да и в голову нам не приходило, что можно было совершать такие проступки. Мы видели только то, что он отстаивал советские взгляды и хорошо отзывался о Советском Союзе, так что, поскольку мы сами были очень положительного мнения о Советском Союзе, то, понятно, мы положительно относились к такому поведению Нако. То же самое тот факт, что он, особенно в 1946 и 1947 годах, еще больше сблизился со мною и со здоровой частью нашего руководства, не мог не повлиять на принятие нами такого решения. Следовательно, то, что мы знали к тому времени, рассмотренное в неразрывной связи со всеми тогдашними обстоятельствами и условиями, воздействовало на принятие XI Пленумом ЦК КПА решения о реабилитации Нако Спиру.

XI Пленум ЦК КПА принял также все меры к восстановлению внутрипартийной демократии и, в особенности, к скорейшей разработке Устава партии, как и другие меры.

Некоторое время спустя после XI Пленума ЦК КПА, а именно в ноябре 1948 года состоялся I исторический съезд нашей славной партии.

В тот период, когда у нас было бесконечное множество дел, и, особенно, в условиях, когда Дзодзе и дзодзисты еще вертелись у нас под ногами, подготовка политического доклада съезду отняла у меня много времени и сил. Тогда у нас

еще не были организованы партийные аппараты, и оригинал хранится в архиве ЦК таким, как я написал его, а именно прямо на моей пишущей машинке и мелким шрифтом. Известно, что это очень объемистый доклад, который мне пришлось читать на съезде в течение двух дней, почти за 15 часов, на четырех заседаниях. Но я должен отметить, что весьма утомительная и полная трудностей и «неизвестных» работа над его подготовкой, доставляла мне особое удовольствие, которое осталось неизгладимым в моей памяти.

В этом докладе впервые делалась серьезная попытка к возможно более правильному и более точному научному отражению целого периода в истории нашего народа, особенно начиная с 20-х годов нынешнего столетия. Я счел необходимым такой выход за исторические «границы» жизни нашей партии (значит обращение к периоду до 8 ноября 1941 года), исходя из основной черты материалистической диалектики, согласно которой ничто не рождается на бесплодной почве, у всякого явления, у всякого события своя история, свои в первую очередь внутренние причины, корни и условия возникновения и развития. То же самое происходило и с нашей Коммунистической Партией. Анализ, которому я подвергал период с 20-х годов по 8 ноября 1941 года, составлял, как сказать, предысторию нашей партии и неоспоримо доказывал, что решающими факторами, приведшими к созданию КПА, были экономические, социальные, политические, исторические и другие предпосылки и условия в Албании того времени, и отвергал разглагольствования белградских ренегатов, которые, уже нисколько не стесняясь и совершенно открыто присваивали себе роль «основателя» нашей партии!

После этого исторического обзора в докладе подвергалась детальному анализу вся деятельность партии со дня ее основания, правильно оценивались одержанные во время войны и после нее крупные победы, стало быть все этапы, через которые наша партия и наша страна прошли за последние семь лет, раскрывались обстоятельства и причины допущения ошибок, наблюдавшихся при осуществлении линии

партии и намечались главные задачи и установки, в соответствии с которыми должна была руководить страной наша славная партия.

Дух высокой партийности, пронизывавший весь доклад, который был единогласно одобрен Политбюро Центрального Комитета, правильно ориентировал выступления делегатов.

Итак, в течение 15 дней, с 8 по 22 ноября, лучшие представители нашей партии, самыми демократическими формами избранные на областных партийных конференциях, своим верным и смелым словом и мнением сделали I съезд партии одним из самых знаменательных событий не только в жизни партии, но и во всей истории нашего народа.

Важное место занял на съезде, в частности, анализ наших отношений с КПЮ и с югославским государством. Там мы впервые открыто и всесторонне разоблачили и осудили всю враждебную деятельность Тито и компании. Факты, аргументы и выводы, приведенные съездом по этому вопросу, были неоспоримыми и сокрушительными для белградских ренегатов. Еще лучше подтвердилось, что главным источником всех ошибок и извращений, допущенных особенно в организационной линии нашей партии, было руководство КП Югославии. Допуская в своей работе ошибки теоретического характера (в сущности, вся его линия была неправильной, ревизионистской), а также исходя из сугубо агентурных, шовинистических и прагматических стремлений по отношению к нашей партии и нашей стране, оно всячески старалось навязать нам чуждые, антимарксистские взгляды и методы. В то же время съезд самым демократичным и правильным путем решил и о дальнейшей судьбе Кочи Дзодзе и компании. Хотя они были резко разоблачены нами на XI Пленуме и на партийных активах в областях и ведомствах и несмотря на принятые нами первые меры, мы опять-таки разрешили им принимать участие и даже выступать на съезде. Естественно, Центральному Комитету и Политбюро было все ясно, что касалось их, однако важно было, чтобы сам партийный съезд окончательно выразил и утвердил

свое мнение и суждение по их делу. Еще когда я читал ту часть доклада, в которой шла речь о сознательной агентурной деятельности Кочи Дзодзе, Панди Кристо и других, зал огласился выкриками:

— Вон из наших рядов врагов партии и народа!

Такой дух пронизывал всю партию и весь народ, которые с огромным интересом следили за работой съезда. Тысячи писем и телеграмм поступали к нам от партийных организаций, других организаций и учреждений на местах; тысячи трудящихся — мужчин, женщин, юношей и девушек, коммунистов и некоммунистов встречали нас при входе и выходе из зала съезда. И все они в один голос выкрикивали: «Да здравствует партия! Долой врагов!». Я никогда не забуду, как нам вышли навстречу матери павших героев, матери тех, кто, наверное, был бы делегатом этого съезда; они обступили меня и, во главе с отважной матерью Михаля Дури, высоко подняв кулак, наказывали нам, вернее, «требовали от нас», во имя крови своих сынов крепко держаться, высоко нести знамя партии, защищать народную власть и заканчивали словами: «Врагов к виселице!».

Многочисленные и зрелые выступления делегатов вывели агентуру Белграда на чистую воду. Перед лицом сокрушительных фактов и аргументов, Кочи Дзодзе и Панди Кристо старались лавировать и на съезде. Так, Кочи Дзодзе, например, был вынужден своими собственными устами признать, что в Берате «я противопоставлялся линии партии и Генеральному Секретарю», что «там мы действовали за спиной у партии» и т.д., но «все это, — пытался оправдать себя Дзодзе, — мы делали потому, что не понимали, что допускали ошибку», «мы делали это бессознательно», «это Стойнич завел нас в тупик»[1]. В таком духе «построил» (или же ему подготовили ее) Дзодзе всю «самокритику»: он признавал, что чего только не натворил, но за каждым фактом следовали его слова «это я делал бессознательно», «я не

1 Из «самокритики» К. Дзодзе на I съезде КПА. *ЦПА.*

знал, что действовал против партии и народа», «это югославы сбили меня с толку» и т.д.

Делегаты отвергли и до конца разоблачили и эти его ухищрения. На фактах и доводах подтвердилось, что все делалось вполне сознательно и по разработанному и одобренному в Белграде сценарию[1]. Делегаты тут же настойчиво потребовали, чтобы за свою агентурную и антиалбанскую деятельность Кочи Дзодзе и компания отвечали уже не перед партией, а перед органами диктатуры пролетариата.

Тем самым I партийный съезд дальше углубил и окончательно утвердил поворот, намеченный XI Пленумом ЦК КПА. Партия вооружилась правильной, марксистско-ленинской генеральной линией. Съезд еще раз осудил как неправильную и вредную прежнюю, навязанную нам югославами, практику пребывания партии на полулегальном положении, и раз и навсегда закрепил за партией незаменимую руководящую роль во всей жизни страны. В деле полного установления демократии в партии и во всей жизни страны, в деле усвоения и осуществления марксистско-ленинских принципов и норм, регулирующих внутрипартийную жизнь, важную роль призван был сыграть принятый съездом Устав партии.

Мы обсуждали на съезде каждую статью Устава, при этом товарищи зрело и заботливо сопоставляли многие вредные методы и порядки, применявшиеся до того времени, с марксистской истиной, воплощенной в Уставе. Само собою дальше расширились наши сведения о деятельности белград-

---

1 Как раз такого разоблачения и хотели избежать белградские лидеры. Они чего только не предприняли, чтобы Кочи Дзодзе убежал в Югославию еще до I съезда КПА. С этой целью тогдашнему югославскому представителю в Тиране послали несколько радиограмм, в одной из которых ему приказывали обязательно вступить в контакт с Кочи Дзодзе и организовать его побег в Югославию. Человеку, которому удалось бы организовать его побег, обещали 100 000 лек, и т.д. *(Архив Министерства внутренних дел.)*

ских ренегатов и их агентуры в наших рядах. Съезд лишний раз подтвердил правильный вывод о том, что в случае с руководством КП Югославии мы имели дело не только с антиалбанским, националистским и шовинистическим руководством, но в первую очередь с агентурой империализма, с кликой сознательных ренегатов, которые стремились ревизовать теорию и практику революции и социализма во всех областях. Бесконечное множество никогда не иссякавших фактов, как и наши дальнейшие анализы с целью политического и идеологического разоблачения югославского ревизионизма, доказали и доказывают правильность и дальновидность вывода, сделанного I съездом КПА относительно белградских ренегатов.

После I съезда партии, в свете появившихся новых фактов, партия и народ по праву потребовали, чтобы главари заговорщиков были переданы народному правосудию и чтобы оно судило их за высшее преступление против Родины, против партии и социализма[1]. Перед судом белградские агенты своими собственными устами признали, что во всем совершенном ими они действовали по указке и под руководством Тито и его посланцев. Их показания суду были помещены в печати, чтобы народ читал их, но еще и для того, чтобы они попали Тито на стол, как сокрушительный удар ему за сделанное им в прошлом и как предупреждение на будущее.

Что касается нас, то, разумеется, мы порвали любые связи с Тито и титовской партией. Горькое прошлое в отношениях с ними мы сохранили как ценный урок на будущее, ибо знали: непосредственно или косвенно мы больше не будем поддерживать и не согласны поддерживать с ними никаких связей, однако борьба с их антимарксистскими взгля-

---

1 Судебный процесс по делу Кочи Дзодзе, Панди Кристо и трех их ближайших сообщников проходил в городе Тиране с 11 мая по 10 июня 1949 года. К смертной казни через расстрел был приговорен только Кочи Дзодзе, тогда как П. Кристо был приговорен к 20 годам тюремного заключения, а остальные три – к тюремному заключению сроком от 5 до 15 лет.

дами и позициями, с их непрерывной антиалбанской деятельностью ни в коем случае не прекратится.

Мы были преисполнены решимости с марксистско-ленинской принципиальностью и последовательно продолжать и эту борьбу, чтобы довести ее до конца, до самой победы.

X

В ОТКРЫТОЙ БОРЬБЕ С ТИТОВЦАМИ

Борьба с титизмом — историческая необходимость ■ Наше первое столкновение с хрущевцами «по югославскому вопросу» ■ О «демократии» тито-ранковичей ■ Белградское руководство приводит в действие антиалбанские подонки, преступников и диверсантов ■ Хрущевская измена на помощь титовской измене. Разгром титовско-хрущевского заговора на Тиранской партийной конференции (апрель 1956 г.) ■ Мехмет Шеху — полиагент империалистическо-ревизионистских секретных служб ■ Фокусы Мехмета Шеху в период с бератского Пленума (ноябрь 1944 г.) и вплоть до I съезда КПА (ноябрь 1948 г.) ■ 1960 год. Мехмет Шеху вместе с Тито, Рандольфом Черчиллем и Фульцом на океанском пароходе «Королева Елизавета». Кому должен был угождать, а кому нет этот слуга многих господ? ■ В 70-е годы. Западные и титовская агентуры отдают Мехмету Шеху приказ перейти к действию. Три провалившиеся заговорщицкие группы ■ Демонстрации в Косове вынуждают УДБ пожертвовать картой «большой надежды» в Албании. Почему застрелился Мехмет Шеху? ■ Ставка на банды террористов ■ Социалистическая Албания была и остается гранитным утесом.

35 лет, миновавших со времени, когда титовская измена была во всеуслышание осуждена и разоблачена, — свидетельство того, что, хотя еще в 1948 году связи между нашей партией и КПЮ были раз и навсегда прерваны, борьба между нами ни на миг не прекращалась. В частности, есть

две главные причины, два главных фактора, сделавших для нас эту борьбу настоятельной и жизненно необходимой:

Во-первых, в титизме наша партия усматривала и усматривает одну из наиопаснейших разновидностей современного ревизионизма, отчего борьбу за его политическое и идеологическое разоблачение и разгром мы считали и считать будем своим правом и первостепенным долгом.

Во-вторых, за весь этот период антиалбанская деятельность белградского руководства ни на миг не прекращалась, отчего нашей партии и нашему государству приходилось вести ожесточенную борьбу зуб за зуб с целью вскрыть, пресечь и разбить в пух и прах постоянные агентурные и заговорщицкие стремления и действия Белграда.

Не считая нужным вдаваться в подробности относительно того, как велась конкретно такая борьба (во всех теоретических документах нашей партии она детально проанализирована), я хотел бы подчеркнуть некоторые из ее основных аспектов и моментов.

Борьба с титизмом — историческая необходимость

Югославский ревизионизм, первое течение, представляющее ревизионизм у власти, появился в узловой момент борьбы между социализмом и империализмом. С самого начала американский империализм и вся мировая реакция увидели в титизме путь, идеологию и политику, ведшие к перерождению коммунистических партий социалистических стран, к расколу и ликвидации единства международного коммунистического движения, к подрыву революции и национально-освободительных войн. Вот почему империализм и реакция всеми силами и средствами выступили в поддержку белградских ренегатов, поддерживали и ориентировали их на то, чтобы, сохраняя некоторые «социалистические» заплаты, служили орудием диверсии для разгрома других.

Такую миссию Тито и компания взяли на себя вполне сознательно, превратив свою партию и югославское государство в агентуру империализма. Наши партии ни в коем случае не могли и не должны были оставаться равнодушными к такому злу. Особенно перед партиями тогдашних социалистических стран вставала неотложная задача не почивать на лаврах и не проявлять легкомыслие, считая, что, поскольку они стояли у власти и поскольку югославское руководство было осуждено и оказалось в изоляции, оно не представляло больше никакой опасности. Нет, постоянная классовая борьба, борьба за воплощение в жизнь марксизма-ленинизма и в защиту его чистоты, за воспитание каждого коммуниста и всей партии в духе революционной идеологии, составляла для любой партии условие *sine qua non**, чтобы предотвратить повторение еще где-либо того, что случилось в Югославии.

Отдавая себе отчет во всем этом, наша партия еще в 1948 году (хотя и была относительно молодой и не располагала нужным опытом в области теории) одной из первых включилась в открытую политическую и идеологическую борьбу против югославского ревизионизма. Плечом к плечу с другими коммунистическими партиями, состоявшими или же не состоявшими в Информбюро, наша партия внесла свой вклад в раскрытие и дальнейшее разоблачение этого ревизионистского течения, его корней, как и социально-классовых причин, сделавших возможным его появление, вреда, который оно причинило как партии, государству и народу в Югославии, так и международному коммунистическому и рабочему движению.

В свою очередь Тито и компания, пришедшие в ярость от понесенного поражения и постоянного разоблачения, развернули, наряду с борьбой за распространение ревизионистских теорий, беззастенчивую кампанию клеветы и обвинений в адрес Коммунистической партии Советского Союза и И. В. Сталина, в адрес Информбюро, а также и в адрес нашей

---

* По-латински: непременное условие.

партии. Будучи припертыми к стене смелым и аргументированным словом нашей партии, им ничего другого не оставалось, кроме как громко трубить о том, будто Албанская партия Труда порвала с ними и атаковывала их потому, что, видите ли, предпочла подчиниться большей партии (!), КПСС, и будто мы делали то, что нам «говорили» и «диктовали» Москва и Информбюро!

Мы не обратили ни малейшего внимания на такое гнусное обвинение, сознавая, что от белградских изменников ничего иного и нельзя было ожидать. Итак, мы продолжили свое дело, и, понятно, рассматривали как большое счастье тот факт, что в этом ожесточенном столкновении между марксизмом-ленинизмом и современным ревизионизмом мы стояли плечом к плечу с КПСС, руководимой славным Сталиным, и с другими коммунистическими партиями тогдашних социалистических стран и капиталистических стран.

Общая солидарность в борьбе с белградскими ренегатами (к тому времени, по крайней мере внешне, в этой солидарности не было трещин) придавала нам смелости, и в ходе борьбы мы дальше закалялись и лучше готовились к предстоящим битвам.

Но прошло всего немного лет и разрекламированное белградскими лидерами обвинение в связи с мотивами, которыми наша партия руководствовалась в борьбе с ними, было поставлено перед настоящим испытанием. Это было тяжелое и горькое испытание, которого мы с нашей стороны не хотели и никогда не желали бы. Однако это факт, что перед ним мы оказались после смерти И. В. Сталина. Пришедшая к власти хрущевская группа вначале стала вести под сурдинку, и вскоре совсем прекратила борьбу с югославским ревизионизмом. Согласно логике титовского обвинения, и мы должны были заговорить по-иному, раз «так поступила Москва». Но, к удивлению Тито (конечно, и Хрущева), мы продолжали идти тем же путем: никаких уступок, никаких признаков примирения с югославскими ревизионистами.

Мы вели себя так потому, что были совершенно убеждены в измене югославского руководства, видели, что оно

с головой ушло на путь общей ревизии теории и практики марксизма-ленинизма. Мало того, в период с 1948 года по 1954 год Тито, Кардель и другие провозглашали и последовательно проводили такие теории и применяли такие формы в организации партии и югославского государства, которые совершенно наглядно свидетельствовали о полном отходе от принципов марксизма-ленинизма и полном их извращении (к этому периоду относятся, в частности, такие титовские «деяния», как переименование «Коммунистической партии» в «Союз коммунистов»; превращение этого «Союза» в своего рода воспитательно-пропагандистское общество; принятие ими «американской демократии» в качестве образца для построения политической системы в Югославии; провозглашение так называемого социализма самоуправления, который был не чем иным, как маской для прикрытия капиталистического строя; проповеди об отмирании государства еще при социализме, отрицая положение марксизма-ленинизма о необходимости существования диктатуры пролетариата в течение всего периода перехода от капитализма в коммунизм и т.д. и т.п.).

Именно в то время, когда происходило все это, стало быть, когда Тито своими деяниями открыто показывал себя закоренелым ренегатом и ревизионистом, Хрущев старался «разъяснить» нам, что Тито, видите ли, был «марксистом» к тому же «выдающимся», и что в Югославии строили, мол, «социализм», что в происшедшем в 1948 году виноваты были, дескать, не Тито и компания, а Информбюро и Сталин!

Мы не были согласны с таким подходом к делам, с такой оценкой вещей, отчего мы пошли не по пути, который «озаряла» Москва, а по пути, который озарял нам марксизм-ленинизм.

Однако, как и во всех других областях, свое черное дело и в позиции, занятой по отношению к белградской клике, Хрущев не ограничил только показом «личного примера». Вскоре наступил момент, когда Москва в форме резких приказов и диктата потребовала, чтобы мы прекратили свою принципиальную борьбу, преклонились перед Тито и поце-

ловались с ним. Мы с негодованием отвергли и эти приказы и диктат и ни в коем случае не согласились действовать наперекор истине. К тому же, как я подробно объяснил это и в книге воспоминаний «Хрущевцы», отношение к белградским ренегатам стало для нас одним из пробных камней, который помогал узнать, что́ это были за люди новые руководители, захватившие власть в Советском Союзе после смерти Сталина, что́ это были за люди и руководители других партий, изменившие свой курс вслед за появлением хрущевского ревизионизма[1]. События быстро развернулись и обе стороны, хрущевцы и титовцы, в сотрудничестве и единстве между собою, разработали планы и приступили к действию для изменения положения в международном коммунистическом и рабочем движении и особенно в странах народной демократии в пользу ревизионистских стремлений Хрущева и агента империализма, Тито. К сожалению, эта лихорадочная антимарксистская деятельность принесла свои горькие плоды в партиях других стран. Подтвердилось, что не мы, а другие партии пели с чужого голоса в 1948 году, когда и они, наряду с Коммунистической партией большевиков, «развернули» наступление на Тито и компанию. Тот же Деж, который некогда хвастался, рассказывая о том, как это он, заткнув пистолет за пояс, совершал «подвиги» в своем обращении с королем, чья песня была уже спета, тот же Деж, который выступал в Информбюро с докладами, разоблачая в них югославское ревизионистское руководство, одним из первых побежал к Тито, чтобы попросить у него прощения; то же самое сделали поляки, которые, помимо всего другого, выпустили из заключения старого титовца, пресловутого Владислава Гомулку, и поставили его прямо на должность Генерального Секретаря ПОРП, чтобы поскорее вовлечь Польшу на путь полного и драматического хаоса; то же самое сделали венгры, а болгары и подавно, и так по очереди все остальные. Тем самым вскоре подтвердился вывод

---

1 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 109, Тирана, 1980.

нашей партии о том, что, в случае если борьба с ревизионизмом не будет вестись всеми силами и непрерывно, югославское явление постигнет, как и постигло, и других.

Впрочем, речь шла о нашем пути. Мы продолжили борьбу с белградскими ренегатами, во всех случаях беспощадно бичевали их враждебные взгляды и позиции, во всеуслышание разоблачали их, никогда и ни перед кем не отступали и не выказывали страха. Между тем давление и происки Тито и Хрущева по отношению к нам ни на миг не прекращались. Так же, как в Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии и в других странах, и в Албании они пытались реабилитировать свою агентурную группу, Кочи Дзодзе и компанию. Как югославское руководство, так и советское руководство (официально, через Суслова) потребовали реабилитации Кочи Дзодзе, а это означало, чтобы мы вернулись к бератскому Пленуму ЦК КПА, признали так называемые «ошибки» нашей партии в политической линии и в отношениях с югославами; как я отмечал и раньше, нельзя сказать, что и в 1944 году это делалось без ведома главы советской миссии в Албании, майора Иванова, тесного друга пресловутого полковника Велимира Стойнича. Но все эти попытки пошли насмарку. Наша Партия Труда твердо оставалась при своем прежнем мнении о том, что титовская группа была и оставалась группой предателей, ренегатов и троцкистов, диверсионной группой и агентурой американцев, что ни наша партия, ни Информбюро и ни Сталин не ошиблись при ее оценке. Мы не раз повторяли это Хрущеву и его лакеям: в письмах и на официальных встречах приводили им бесконечные доводы из «теоретических» и практических деяний югославских ренегатов, но правда глухому на ухо угождала. В результате мы убедились в том, что ревизионистская гангрена поразила голову и тело ЦК КПСС, как и руководство других партий. Хотя и увидели себя одинокими в этой борьбе, мы не отступили.

По окончании фазы «пробного камня», то есть, убедившись в том, кем были Хрущев и хрущевцы по сравнению с

титовцами, мы решили предпринять новый, еще больший шаг в борьбе с современным ревизионизмом. Это факт, что в течение нескольких лет, особенно с начала 1956 года и до середины 1960 года, открытую дверь борьбы с титовскими предателями мы использовали для обличения появившейся на сцене и с каждым днем крепнувшей новой измены — хрущевской измены.

Это, как я уже отмечал и в других случаях, была со стороны нашей партии разумная и дальновидная тактика, которую мы вполне успешно применяли. Все наши партийные документы этого периода, если внимательно рассмотреть их, дают понять любому, что мы вели борьбу с хрущевской изменой, которая галопирующими темпами развивалась наряду с титовской изменой не то что в 1960 и 1961 годах, когда мы открыто и публично выступили против хрущевцев, но еще в 1954, 1955 и особенно после 1955 года; но, поскольку тогда еще не назрели условия и не наступил подходящий момент для того, чтобы открыто и публично выступить против Хрущева и хрущевцев, называя их по имени, мы бичевали и разоблачали их ревизионистские взгляды и позиции, совмещая их в печати и в публике с белградскими ревизионистами, с антимарксистской деятельностью Тито, Карделя и других. Это отнюдь не значит, что мы незаслуженно атаковывали Тито и его людей. Тито был хрущевцем в той же мере, что и сам Хрущев, как этот последний был титовцем в той же мере, что и сам Тито. Обе разновидности были ветвями одного и того же ствола — современного ревизионизма, обе они представляли собой враждебные, опасные течения, которые заслуживали разоблачения и решительного обличения. Но, как я уже говорил, Тито в данном случае не только получал от нас по заслугам, но и использовался нами в качестве «козла отпущения», то есть мы обличали его, имея в виду и Хрущева.

Обе стороны видели, куда было направлено острие нашей борьбы, поэтому они еще больше укрепили сотрудничество, и то, что Хрущев по тактическим соображениям и

для видимости не мог говорить против нас открыто, прекрасно высказывал Тито. Хорошо известна, в частности, пресловутая речь, произнесенная Тито в Пуле в ноябре 1956 года. В ней Тито не только совершил яростные нападки с антимарксистских позиций на теорию и практику социалистического строя, но и прямо осудил «культ Энвера Ходжа» и призвал к свержению руководства нашей партии. Наверное, предприняв такое антиалбанское наступление и открыто призвав к свержению нашего руководства, Тито выражал не одно только свое желание, но и желание советского руководства. Не случайно, что всего несколько дней спустя после этой пресловутой речи ко мне пришел советский посол в Тиранс, Крылов, и, по поручению советского руководства, настойчиво требовал, чтобы мы «не дали Тито резкого ответа, ибо в противном случае разгорятся страсти, а это доставит нам хлопоты». Мы ответили Хрущеву и Тито по горячим следам: осудили и разоблачили ультраревизионистскую речь Тито, наведя на нее все батареи и не обратив внимания на то, «разгорятся ли страсти Тито» или «доставит ли это хлопоты» Хрущеву. Наша твердая принципиальная позиция действительно доставляла Хрущеву хлопоты. Потерпев крах в Венгрии и в других странах и осознав, что положение в коммунистическом движении и социалистическом лагере выбивалось у них из-под контроля, советские ревизионисты в известной мере отказались от подрывной борьбы, которую они вели в сотрудничестве с Тито, ибо последний своими действиями и «теориями» не только открыто выводил наружу ревизионистское болото, где они погрязли, но и старался держать под крылышком хрущевское течение и использовать его в своих интересах и в интересах своих империалистических хозяев. В эти моменты Хрущев был вынужден временно поддерживать позиции Албанской партии Труда, он помещал наши статьи в советской печати, а на Совещании 1957 года коммунистических и рабочих партий был вынужден согласиться с нашей решительной позицией по отношению к титизму, как агентуре империализма, что отразилось и в Заявлении, и т.д. Тем не менее, как я отмечал и в других

случаях, это было всего лишь временное отступление Хрущева. В сущности он был против нашей принципиальной борьбы с титизмом, и до того это верно, что на одной из встреч, которую я имел с ним и Сусловым по вопросу отношения к югославскому ревизионизму, Хрущев так раздражился, что со злобой обратился к нам: «Куда вы хотите нас вести, на путь Сталина?!».

Наши принципиальные противоречия с советским руководством шаг за шагом росли, мы шли к бухарестской конфронтации.

Как известно, в 1960 году мы открыто выступили и против хрущевской измены, и после этого интенсифицировали принципиальную борьбу с нею, что мы делали и продолжали делать с 1948 года против титовского течения. В этот период казалось, что рядом с нами в этой борьбе как против первого, так и против второго течения современного ревизионизма, выступала и КП Китая. Доносились и в этот период, но уже не только из Белграда, но и из Москвы, голоса о том, будто мы включились в эту борьбу потому, что в нее включился Пекин (!) и что этого требовал от нас Мао Цзэдун! Такие гнусные обвинения вызывали у нас улыбку, и мы продолжали свое дело. Мы уже полностью отдавали себе отчет в том, что обвинители говорили это не потому, что нехорошо знали Албанскую партию Труда. Нет, это был вой волка, который, даже смертельно раненый, старается угрожать и запугивать. Титовские и хрущевские ревизионисты пытались напускать туман и дым с целью хоть сколько-нибудь извратить истину о нашей партии.

Вскоре время подтвердило, что и на этот раз, как всегда, мы выступили против ревизионизма не под диктатом Пекина или же Мао Цзэдуна, а по велению марксизма-ленинизма. По велению нашей путеводной идеологии, в ее интересах, стало быть, в защиту теории и практики революции от нападок современных ревизионистов, наша героическая партия вела в прошлом, продолжала вести и была полна решимости дальше продвинуть вперед свою принципиальную борьбу. Когда в один прекрасный день и Мао

Цзэдун прекратил борьбу с югославским ревизионизмом, мы продолжили ее с прежней силой. Следует отметить, что и на этот раз, «оставив открытой дверь» борьбы с югославским и советским ревизионизмом, мы имели возможность бичевать также Коммунистическую партию Китая и ее напыженного лидера, Мао Цзэдуна, за их взгляды и за извращение марксизма-ленинизма. Однако, как это широко доказано мною в ряде материалов, особенно в «Размышлениях о Китае», причина измены КП Китая не заключается ни в одряхлении Мао, ни в немощи других пекинских старцев. Нет, ревизионистами, причем чистой воды, они были еще в молодости своей, но, якобы «принципиальные», «марксистско-ленинские» фазы они использовали в отдельные периоды (особенно в 1960 году), чтобы скрывать за ними далеко уходившие антимарксистские, контрреволюционные цели и замыслы. Убедившись, наконец, в том, что «марксистские» уловки не вели их туда, к чему они стремились, они отбросили прочь тогу «марксистов-ленинцев» и предстали такими, какими были на самом деле — отъявленными титовцами, еврокоммунистами и хрущевцами. События быстро развернулись и, когда пекинское руководство стало на колени перед белградским ренегатом, мы не только не поступили, как это поступили и хотели диктовать и нам Мао и Чжоу Эньлай, а, наоборот, тут же решительно перешли в наступление также на новый вариант современного ревизионизма — на китайский вариант, маоцзэдунъидею!

Эти и другие аргументы полностью подтверждают, что, выступая против белградских ренегатов, как и против всех других ревизионистских течений, мы не исходили из какого бы то ни было внешнего фактора, мы никогда не действовали наугад и не пели с чужого голоса, не поддавались никакому влиянию. Убежденные в том, что с самого начала вели справедливую борьбу, сознавая, что выполняли свой долг марксистско-ленинской партии, мы продвигались вперед по пути этой борьбы, превратив весь этот процесс не только в одну из самых славных глав истории нашей партии, но и в великую школу революционной закалки и воспитания, в беспри-

мерный университет глубокого изучения и усвоения марксизма-ленинизма.

Был момент, когда Хрущев, будучи не в силах заставить нас прекратить открытую и принципиальную борьбу против югославского ревизионизма, обвинил нас в том, что мы делали это потому, что якобы хотели нести «знамя» борьбы с современным ревизионизмом, следовательно, ставить себя выше других. В сущности своей и это гнусное обвинение ярко выражало враждебный нам, кичливый и антимарксистский угар самого его автора. Мы ни в коем случае не думали бороться и не вели борьбу для того, чтобы «афишироваться», ставить себя выше других или же командовать другими, установить над ними свой диктат. Нет, борясь с югославским ревизионизмом, мы просто выполняли свой долг, который вставал и выдвигался перед любой истинной марксистско-ленинской партией. И, когда другие отказались от этого священного долга, неужели и мы должны были отречься от него и молчать, чтобы не дать им «повода» обвинять нас в стремлении стать «знаменосцами», в мании величия?! Поступи так, наша партия допустила бы непростительную ошибку. Мы ни в коем случае не скатились в эту пропасть, куда хотели толкнуть нас хрущевцы, а позднее и маоисты. Следовательно, мы продолжили борьбу с титизмом, руководствуясь не чем иным, как стремлением выполнить одну из основных задач, которая стояла и стоит перед любой марксистско-ленинской партией.

Но при этом с полным основанием надо подчеркнуть неоспоримую истину: Албанской партии Труда принадлежит великая историческая заслуга в том, что в условиях того, что произошло в международном коммунистическом и рабочем движении за последние три-четыре десятилетия (особенно после хрущевской измены), среди партий у власти она является единственной партией, которая не только не поддалась обману и ни на миг не прекратила борьбы с югославским ревизионизмом, но и подвергла титизм анализу, или, вернее, в полной мере, глубоко и всесторонне анатомировала его.

Гордясь вкладом, внесенным нами в разоблачение этого

димости углубления борьбы с ним, мы, рука об руку с другими марксистско-ленинскими партиями, и впредь будем следовать тем же путем. С титизмом, как и со всеми другими разновидностями современного ревизионизма, мы не мирились и никогда мириться не будем. С ними нас «связывает» только политическая и идеологическая борьба, которую мы будем продолжать вплоть до их полного и окончательного разгрома и уничтожения.

В продолжение заговоров

Еще в мае-июне 1948 года мы полностью отдавали себе отчет в том, что Тито и титовцы, являясь изменниками марксизма-ленинизма, были и оставались вредными и опасными для всех коммунистических партий, для революционных движений и национально-освободительных войн всюду в мире, но для нас, албанских коммунистов и албанского народа, они, помимо всего другого, были и оставались также прямыми врагами, ярыми и заклятыми антиалбанцами. Мы были уверены в том, что они не откажутся от своих планов и стремлений поглотить Албанию, и, в этих рамках, не сложат оружие подрывной деятельности, вмешательства и заговоров против нашей партии и нашей страны.

Нам приходилось сохранять неусыпную бдительность и все время быть начеку, так как титовская агентура в Албании, хотя и получила тяжелые удары, была преисполнена решимости работать и на будущее, и над далеко уходившими планами и вариантами. В этих рамках Тито и компания всячески и всеми силами пытались вернуть себе утраченные позиции, создать условия и почву для проникновения в наши ряды, чтобы разгромить нас. Они никоим образом не могли мириться с тем, что Албания «выскользнула» у них из рук, никак не могли спокойно спать, видя что в Алба-

нии работала и руководила партия, которую они стремились сделать своим послушным орудием, но она, к их несчастью, всегда обличала их, и, наконец, разбила в пух и прах их старые панславянские мечты. Следовательно, до тех пор пока будут стоять у власти, титовцы останутся реальными и опасными врагами нашей партии и нашей страны.

Чтобы истина эта подтвердилась, и титовцы показали свое лицо, не понадобились месяцы или годы. Наоборот, мы еще не успели осудить их публично и во всеуслышание, как они, стремясь «предупредить дурное», развернули целую кампанию клеветы и обвинений в адрес нашей партии и ее руководства, и, немедленно после I съезда нашей партии, антиалбанская кампания Белграда приобрела невиданные ранее размеры и интенсивность. Газеты и газетенки, радиостанции и издательства, все средства титовской пропаганды включились в эту гнусную кампанию, возводя и изрыгая на нас клевету и всякие чудовищные выдумки. К тому времени они, в частности, обвиняли нас в том, будто мы «нарушители демократии» в партии и народе (!), будто мы убивали «коммунистов» и «честных патриотов» (!), а позднее выступили с обвинением в том, будто мы превращали Албанию в «казарму, окруженную колючей проволокой», куда ступал лишь «солдатский сапог», и т.д. и т.п.

Внимая доносившейся из Белграда пропагандистской тревоге, можно было думать, что в Албании творились настоящие бесчинства, но, когда надо было приводить факты и аргументы, «поборники демократии» из Белграда оказывались в жалком положении: им оставалось упомянуть всего лишь одно имя — имя Кочи Дзодзе!

Но кем были эти «идеальные поборники» «чистой демократии», которые лишь потому, что наши органы диктатуры приговорили к смерти одного только Кочи Дзодзе, этого заклятого врага и агента, «в ужасе» приходили к выводу, что мы, видите ли, были «убийцами» и «нарушителями демократии»?!

Не буду упоминать здесь массовые убийства, уничтожение и истребление, совершенные по приказу тито-ранк

вичей в 1945-1948 годах титовской армией и органами УДБ под маской борьбы за «ликвидацию усташей и четников», «банд преступников», «остатков старого режима» и т.д., не буду упоминать черный террор, под маской борьбы с «баллыстскими», «националистскими», «великоалбанскими шайками» и др., развернутый ими в этот период (особенно к концу 1944 года и на протяжении всего 1945 года) против народа Косовы и албанского населения, проживавшего в своих краях в Черногории и Македонии! Я остановлюсь, сопоставления ради, на том, как поступила «титовская демократия» и как поступила наша демократия в 1948 году по отношению к соответствующим элементам — противникам и врагам.

Как об этом я подробно говорил выше, особенно в первые месяцы 1948 года нам стала яснее ясного вся картина изменнической и агентурной деятельности шайки Кочи Дзодзе, Панди Кристо и других на службе у югославов. И, хотя их обвиняли не просто в чуждых нам взглядах, а особенно в великой измене партии и Родине, мы разрешали и Кочи Дзодзе, и Панди Кристо, и другим участвовать во всех заседаниях Политбюро, в работе IX, X и XI Пленумов ЦК партии, в состоявшихся впоследствии партийных активах и даже в работе I съезда КПА. Мы не только позволили им участвовать в них, но и предоставили им право выступать всякий раз, когда они считали это нужным.

Какой же особый тип «демократии» преподнесли в Югославии Тито и Ранкович тем тысячам членов КПЮ, которые выразили солидарность с письмами ЦК КПСС и с Резолюцией Информбюро?! Ведь не успели те рот открыть, как наручники им надели! И когда сотни других всего лишь потребовали обсуждения в партии того, что говорилось в письмах ЦК КПСС, стало быть, когда они еще не высказались ни за, ни против, титовская «демократия» надела им наручники, бросила их за решетку, убила их за спиной. Мы же на протяжении 5-6 месяцев анализировали в партии преступное дело шайки Кочи Дзодзе (к тому же в присутствии самих предателей), тогда как титовцы не давали своим противникам говорить даже на собраниях парторганизаций, в

которых они состояли! Если мы из всей сети раскрытой нами антигосударственной агентуры отдали под суд всего 4-5 человек, то титовская клика наполнила тюрьмы тысячами и тысячами сугубо идеологических противников! И после всего этого она еще смела обвинять нас в «нарушении демократии»!

Это факт, что из 4-5 человек, привлеченных нами в конце 1948 года к судебной ответственности, лишь один, а именно Кочи Дзодзе, был приговорен к смертной казни, как заклятый изменник партии и государства, как глава шайки, который чего только не делал, чтобы поставить Албанию под иго Югославии! Остальные 3-4 были приговорены к тюремному заключению сроком от 5 до 20 лет, в зависимости от степени виновности и от их поведения после провала заговора. Из тысяч югославских коммунистов, которых титовцы бросили в тюрьмы как сторонников Информбюро, большинство было убито или же пропало без вести. Тем не менее, они еще смели называть нас «убийцами»!

Концлагеря пресловутого типа Голи Оток, эти своего рода Матхаузен в условиях «югославского социализма», были созданы не в Албании, а в Югославии. Ведь в них томились, были изувечены и уничтожены не наши коммунисты и патриоты, а югославы, в том числе сотни и тысячи косовцев и других албанцев, проживавших в своих краях в Черногории и Македонии. Итак, не мы Албанию, а белградское руководство Югославию наполнило страшными концлагерями типа Голи Оток. И оно еще смело обвинять нас в том, будто мы превратили Албанию в «казарму, где господствовал солдатский сапог»!

Вот именно такова была «титовская демократия», таковыми были Тито и Ранкович, эти «проповедники христианского милосердия», которые, не останавливаясь перед самыми чудовищными преступлениями против партии и народов Югославии, «приходили в ужас», от того, что мы приговорили к смерти нашего заклятого врага и в то же время их верного агента! Это та же самая «ранковичья демократия», которая свирепствовала в Югославии на протяжении целы

35 лет, это та же самая «титовская демократия», которая бросила в последнее время черносотенцев и чернотысяченцев ранковичей, любичичей, стамболичей и херлевичей на разгон мирных демонстраций косовского народа, требовавшего соблюдения и осуществления своих конституционных прав.

Но, будучи ярым антиалбанцем, Тито еще в 1948 году не мог ограничиваться, да и не ограничился только пропагандистскими выпадами на нас.

Подобно реакционным правительствам западных стран, титовское руководство создало на югославской территории целое множество лагерей, где сосредоточивались преступники и прочие агенты, враги нового, социалистического строя в Албании, которые проходили там подготовку, чтобы переброситься на нашу землю для подрывной и диверсионной деятельности. Таким образом, наступил момент, когда Тито и его люди, вместо прежних «партийных» и государственных посланцев, стали дюжинами засылать к нам бандитов, преступников, разбойников, аморальных людей, бежавших из Албании либо вместе с оккупантами в 1944 году, либо позднее, чтобы уклониться от ответственности за совершенные ими преступления и из-за враждебности к новому строю, к строю диктатуры пролетариата. Итак, в сотрудничестве с иностранными империалистическими и шовинистическими агентурами, особенно с агентурами соседних стран, белградские ренегаты собрали все антиалбанские подонки — всех агентов, политических и уголовных преступников и беженцев, где бы они ни находились, и стянули их в Югославию с целью подготовить их в качестве наемной силы против Албанской партии Труда и албанского социалистического государства. Естественно, нам надо было встретить бандитов-«гостей» из Югославии так, как встречать принято бандитов и преступников — со взведенным курком.

Эти мрачные силы составляли, как сказать, «внешний эшелон», который югославское руководство намеревалось натравить, как и натравило на нас. В то же время югославы не упускали из виду и «внутреннего эшелона». К нему относились не только элементы, давно уже завербованные УДБ

и которые нами еще не были раскрыты, но и все остатки низвергнутого нами старого строя. Все эти элементы были предрасположены навострить уши и принимать поступавшие из Белграда указания и сигналы. И это понятно: низвергнутые классы, предатели, недовольные элементы, враги народной власти, все те, кто не мог терпеть справедливости нашей партии и нашей народной власти, возлагали все свои надежды на помощь извне. И если до 1948 года они рассчитывали на американцев и англичан, то появление еще одного союзника и хозяина совсем не мешало им. Они намеревались стараться, как и старались в действительности, активизироваться, вступать в контакты и действовать также в рамках сети титовцев.

Но со временем и они были раскрыты и получили по заслугам. Надежды Тито и компании вызвать в Албании недовольство, панику, отчаяние, разброд и беспорядки не оправдывались. Словно мышь в мышеловку один за другим попадали в наши руки, как бандиты и диверсанты, так и тайные агенты, приведенные в действие в нашей стране за этот период[1].

Но мы опять-таки не дремали. Время показало, что югославское руководство, как «своими силами», так и в агентурном сговоре с империалистическими секретными службами, держало и «запасные пешки», чтобы привести их в действие в моменты, которые оно сочло бы более подходящими и когда этого потребовали бы его интересы. Что это были за «запасные пешки» — такое раскрыло продвижение вперед нашей революции. Главное заключалось в том, чтобы мы хранили постоянную бдительность, сознавая, что спокойствия на нашем пути не будет, ибо, помимо всего другого, наши многочисленные враги никоим образом не дадут нам спокойно работать и жить.

---

1 В период с 1948 года по 1955 год югославской агентурой было заслано или сколочено в Албании 307 банд агентов, диверсантов и преступников, которые были схвачены или уничтожены все до единого. За этот же период были раскрыты и уничтожены тайные агентурные группы и организации, созданные и управляемые югославскими секретными службами в сотрудничестве с западными.

Так кончилась первая фаза усилий Тито изменить ситуацию в Албании с помощью диверсантов и агентов. Ничто не смогло поколебать нашу социалистическую твердыню, чьи фундаменты были незыблемыми. Шаг за шагом, по мере продвижения вперед во всех областях жизни, по мере ликвидации империалистических, титовских и империалистическо-титовских банд и агентурных сетей, мы становились более сильными, более решительными на своем пути.

К началу 50-х годов стало очевидно, что, используя диверсантов, агентов и старые антиалбанские и антисоциалистические подонки, Тито ничего не мог достигнуть в борьбе с нами. Однако именно в моменты, когда его надежды на изменение положения в Албании угасали, ему, словно «манна небесная», пришел на помощь другой ренегат — Никита Хрущев.

Хрущевская измена — одна из сильнейших травм, когда-либо пережитых международным коммунистическим и рабочим движением, дала Тито новые возможности и средства, а заодно пробудила в нем и большие надежды на изменение положения в Албании. Старая шовинистическая жажда поглощения Албании переплелась уже с еще двумя существенными факторами: во-первых, с ненавистью белградских ренегатов к строившемуся в Албании социализму, и, во-вторых, с чувством мщения за непрерывные удары и за постоянное разоблачение их нашей партией и нашим народом на протяжении целых лет.

Титовцы не стали долго ждать и предприняли первую атаку через Тука Якова. Не случайно то, что именно в моменты, когда Тито и Хрущев налаживали струны, за один-два месяца до того, как Хрущев отправился в Белград поцеловаться с Тито, Тук Якова взял да повторил нам враждебный тезис югославов о том, будто это они основали Коммунистическую партию Албании (!) и будто все победы, одержанные в Антифашистской Национально-освободительной борьбе являются их «заслугой» (!).

О том, что́ это был за «тезис» и зачем он выдвинут, я подробно говорил выше. Здесь хотел бы всего лишь подчерк-

нуть нечто другое: Тук Якова был одним из участников совещания по основанию КПА, состоявшегося в ноябре 1941 года; в период войны и вплоть до 1955 года, как и все мы, он часто слышал этот тезис и не соглашался с ним, напротив, решительно противопоставлялся ему. В таком случае, как же он одумался и плюнул себе в лицо в апреле 1955 года?! Наверное, Хромой (Душан Мугоша), который, согласно кодовому паролю УДБ, «вспоминал и не забывал» завербованных им людей, подал Туку знак перейти к действию. Остальными же «тезисами» Тука были как раз тезисы, оптом выброшенные на рынок хрущевской группой в целях предварительной подготовки почвы для проведения XX съезда КПСС: затухание классовой борьбы; пересмотр проводившейся партией линии и особенно реабилитация врагов, осужденных за оппортунизм и троцкизм; изменение состава ЦК партии и выдвижение в партийное руководство осужденных элементов и т.д. и т.п.

Наша партия немедленно решительно и беспощадно ударила по «тезисам» и стремлениям Тука и тех, кто преподнес их ему. К Туку Якова присоединился один только элемент — Бедри Спахиу, давно известный как оппортунист, как страдавший манией величия человек, сторонник тезиса о затухании классовой борьбы и т.д. Осудив оба этих капитулянта и антипартийные элементы, Пленум ЦК АПТ, состоявшийся в июне 1955 года, не только выразил решимость АПТ не скатиться в болото, куда начали погружаться другие партии тогдашних социалистических стран, но, одновременно, преподал хороший урок Тито и компании. Первая попытка титовцев, направленная против нас в период, когда разразилась хрущевская эпидемия, дала осечку. Однако, несмотря на этот горький урок, югославское руководство не потеряло надежды да и не жалело новых усилий к вмешательству и диверсионной деятельности в Албании.

Это было именно в моменты, когда в конце мая и начале июня 1955 года в Белграде произошло нашумевшее и позорное примирение Тито и Хрущева. Хорошо известно, что мы решительно выступили против этого пресловутого акта.

Как только Хрущев сообщил нам в последние минуты, что сам вылетит в Белград помириться с Тито, попросить у него «пардону» за «ошибки, допущенные в его отношении» в 1948 и 1949 годах (!) и провозгласить в печати «решение» (принятое самим Хрущевым) о признании недействительными Резолюций Информбюро, мы направили Хрущеву сильное письмо, в котором выражали свое несогласие с подобными действиями и особенно с признанием им недействительными Резолюций Информбюро[1]. На ряде встреч, которые я имел в те дни с советским послом в Тиране, Левичкиным, мы шире и решительно аргументировали советскому руководству нашу правильную позицию по этому вопросу. Но сговор между Тито и Хрущевым заключился. Немного дней спустя после этого акта измены, а именно 17 июня 1955 года, с принятием Пленумом нашего Центрального Комитета мер против Тука Якова и Бедри Спахиу, мы прямо и косвенно дали понять Тито и Хрущеву, что не только не намерены были согласиться с их планами, но и собирались беспощадно наносить удары, как и нанесли, любой попытке их самих и их агентов поставить нас на колени. Тем не менее, следует подчеркнуть, что, хотя ни в коем случае не принимали линию, которую диктовала нам Москва, а, наоборот, противодействовали этой линии, мы не могли оставаться «незадетыми» и, как сказать, пройти мимо поднятой ею волны. Стремясь сделать удары

---

1 «Повседневный опыт нашей партии в отношениях с югославами как до разрыва с югославами в 1948 году, так и позднее и вплоть до наших дней, — писали мы, в частности, Хрущеву, — ясно и в полной мере, на многочисленных и живых фактах свидетельствует о том, что принципиальное содержание всех Резолюций Информбюро по югославскому вопросу было совершенно правильным ... На наш взгляд, столь поспешное (и опрометчивое) решение по вопросу большой принципиальной важности без предварительного проведения вместе со всеми партиями, заинтересованными в этом вопросе, глубокого анализа и тем более помещение его в печати и оглашение его на белградских переговорах, не только были бы преждевременными, но и нанесли бы серьезный ущерб общему курсу ... Мы убеждены в том, что такая генеральная линия нашей партии в отношениях с Югославией правильная ...» *(Из письма ЦК АПТ, направленного ЦК КПСС 25 мая 1955 года. ЦПА.)*

возможно более эффективными, а, следовательно, вызвать обстановку, которая привела бы к «подчинению» Албании, как Хрущев, так и Тито работали то в единстве между собой, то раздельно.

Среди наиболее тяжелых событий в этом процессе нужно упомянуть Тиранскую партийную конференцию, проходившую в апреле 1956 года. В рамках первой фазы появления хрущевского ревизионизма она, без сомнения, представляет собой главнейшее усилие Тито и Хрущева к изменению положения в Албании. Апрельская Тиранская конференция 1956 года состоялась всего немного времени спустя после пресловутого XX съезда КПСС и происшедшее на ней явилось в идеологическом отношении рефлексом этого съезда и кодифицированной им ревизионистской платформы, а в организационном отношении — просто заговором, состряпанным титовским руководством через югославское посольство в сотрудничестве, как это выяснилось позднее, и с советским посольством.

Известен тот факт, что Хрущев, особенно после XX съезда, состоявшегося в феврале 1956 года, чего только не предпринимал, в сотрудничестве с Тито, для изменения положения во всех странах народной демократии. Как я писал и выше, одной из первых мер, принятых Хрущевым, была реабилитация осужденных во время Информбюро и их включение в состав руководства партий и стран народной демократии. Один за другим были реабилитированы Райк — в Венгрии, Гомулка — в Польше, Костов — в Болгарии, развернулось так называемое движение за демократизацию, за «пересмотр решений, принятых под влиянием Сталина и Информбюро» и т.д. Во многих странах был узаконен «новый курс» на примирение с бывшими врагами «мирного сосуществования» с империализмом и т.д. В этом галопе не отставали ни другие страны народной демократии в Европе, ни Китай Мао Цзэдуна.

Тито довольный смотрел на этот процесс и чего только не предпринимал, чтобы дать ему новый импульс и развивать его согласно своим интересам. Надеясь, что наступил

уже момент для принятия знамени в свои руки, он не раз заявлял, что «виновником» всего происшедшего был сам социалистический строй, так что нужно было свергнуть «догматический», «сталинский» социализм и установить югославский строй, «жизнеспособное», «гуманное самоуправление».

Многие были введены в заблуждение или же с нетерпением ждали всей этой измены, которая была кодифицирована и стала уже официальной идеологией. Только наша партия и наша страна непоколебимо стояли на прежних позициях. Это не могло не привести в ярость главарей современного ревизионизма, как Тито, так и Хрущева. Увидев, что у нас не прошло то, что имело место в других странах, они решили идти старым путем, путем заговоров. А ведь Тито был мастером в этом деле.

Тиранская конференция была как раз частью заговора Тито и Хрущева, нацеленного на изменение положения в нашей стране. Я говорю «частью» потому, что их план или же заговор был куда больше и шире. На Тиранской конференции они собирались сделать лишь первый шаг, пощупать пульс, подготовить почву, а впоследствии идти еще дальше, особенно на III съезде АПТ, который намечено было созвать, как и был созван, немного спустя после Тиранской конференции[1].

Что же фактически произошло на Тиранской конференции?

Предварительно в Тиране, как и всюду в стране, проходили собрания партийных организаций, характеризовавшиеся политической, идейной и организационной зрелостью всей партийной организации, любовью, которую коммунисты питали к партии, к ее руководству, верностью проводившейся ею линии, решимостью дальше продвигать вперед и защищать эту линию. На этих собраниях были избраны и делегаты Тиранской партийной конференции. Как я уже отметил, до этого момента все шло совсем нормально, партийная организация в Тиране, как и всюду в стране, лишний раз

1 III съезд АПТ проходил в Тиране с 25 мая по 3 июня 1956 года.

демонстрировала свою зрелость и подтверждала правильность генеральной линии партии. Но именно тогда, когда делегаты были уже избраны и готовились к конференции, югославское посольство в Тиране получило приказ немедленно привести в действие давно уже подготовленных тайных агентов, недовольные и другие элементы. Чтó это была за поспешность Белграда — такое легко можно понять: только что были опубликованы ревизионистские тезисы и решения XX съезда КПСС, и югославское руководство заключило, что время не терпело отлагательств. Оно подумало, что быстрое, тайное и интенсивное действие в Албании могло смутить и совершенно дезориентировать ситуацию, иначе «сталинское руководство Энвера Ходжа» не поколебаешь. И началось плетение заговора.

Под маской «ознакомления» и «популяризации» решений и тезисов XX съезда КПСС, которые шумно пропагандировал весь мир, агенты югославов и другие осужденные партией элементы начали, получив от югославского посольства соответствующие инструкции, втайне обрабатывать избранных делегатов конференции. Они действовали даже «легальным» путем: использовав утвержденную в них нашей партией любовь к Коммунистической партии Советского Союза, они «посоветовали» многим делегатам требовать от избравших их организаций еще раз «провести дискуссию» по примеру «братской советской партии», вооружиться в адрес руководства нашей партии «замечаниями» и «критикой», которые соответствовали бы «новому духу»; призвать коммунистов «все» говорить о «настоящем и прошлом»; прилагать усилия якобы к «исправлению ошибок и извращений» под маской «демократии», «прислушивания к голосу масс», «передачи на конференции голоса низов» и т.д. и т.п.

Еще в первый день работы конференции, но особенно на первых заседаниях второго дня, такой «критический дух» стал очевидным и вскоре обвинения до того разошлись, что обстановка стала тяжелой и потрясающей даже для самих тайных организаторов заговора.

Именно к полудню второго дня работы конференции

совершенно неожиданно во Влёру приехала Неджмие. Я уже почти неделю как находился во Влёре на отдыхе, хотя, фактически, работал для подготовки доклада III партийному съезду, который было намечено созвать в мае того года. Неджмие сказала мне (я хорошо помню, что это было в воскресенье 15 апреля), что Мехмет Шеху и Бечир Балуку вызвали ее на встречу и Мехмет Шеху сказал ей, что «атмосфера на конференции тяжелая», «там добиваются реабилитации Кочи Дзодзе, Тука Якова и Бедри Спахиу», «установления связей с Тито и югославской партией» и т.д. «Я говорю тебе это, — заключил Мехмет Шеху, — чтобы ты поехала во Влёру, поставила товарища Энвера в известность об этом, и мы думаем, что необходимо, чтобы он сам пришел на конференцию».

Я расскажу ниже, почему Мехмет Шеху проинформировал об этом, почему он счел «необходимым», чтобы я пришел на конференцию, и какова была его истинная роль в этом заговоре. Здесь я хочу отметить, что после сказанного мне Неджмие я, и без «просьбы» Мехмета Шеху, больше ни на миг не мог оставаться во Влёре. Я приказал подать машину и два часа спустя был уже в Тиране.

Я немедленно вызвал к себе Мехмета Шеху, Бечира Балуку (последний *де-юре* был посланцем Центрального Комитета на конференции, а *де-факто*, как это подтвердилось впоследствии, являлся «посланцем» югославской секретной службы). На этой встрече присутствовал и Хюсни Капо. Я особенно от Бечира Балуку потребовал, чтобы тот подробнее осведомил меня о том, что творилось и что говорили на конференции, и он, то краснея, то бледнея, сказал мне:

— Вчера, как только Фичрет Шеху кончила доклад, нас буквально завалили вопросами. Вопросы эти ... сильные, потрясающие: «Почему Центральный Комитет не действует быстро и в широком масштабе для популяризации XX съезда советской партии?»; «Будут ли приняты нами его решения и тезисы, как это сделали братские партии?!»; «Считает ли Центральный Комитет, что надо пересмотреть в свете XX съезда решения, принятые в отношении Кочи

Дзодзе, Тука Якова, Бедри Спахиу?»; «Почему Центральный Комитет нашей партии запретил помещение в печати статей и материалов братских партий, написанных в духе XX съезда?»; «Почему руководство нашей партии не нанесло удар, как это сделали другие партии, культу личности Сталина и наблюдаются ли у нас его проявления?»; «Каково мнение руководства нашей партии о югославском вопросе?»; «Почему и мы не вступаем в связь с КПЮ, как это делают другие ...?».

Упомянув еще несколько подобных вопросов (они лишь по формулировке могли отличаться друг от друга, а по существу были теми же, что и перечисленные мною выше), Балуку заключил:

— Вот именно такие вопросы задавались вчера и в таком духе выступают делегаты.

— Это все делегаты задают такие вопросы и все они в таком духе говорят?! — тут же спросил я его.

Балуку замолчал мгновенно, весь красный посмотрел в сторону Мехмета Шеху, но, поскольку Шеху стоял как вкопанный, откашлялся и ответил:

— Да нет! Всего лишь некоторые товарищи поднимают такие вопросы и говорят в таком духе, но дело в том, что они задают тон конференции.

— Ну что, ответили ли вы должным образом на такие вопросы и обвинения, возведенные на нашу партию и ее линию?

— Ответить-то я ответил, но, видимо, дело весьма осложнилось. Их не успокоишь. Вот почему я и товарищ Мехмет Шеху решили сигнализировать вас об этом и попросили вас самому прийти на конференцию, чтобы дать им ответ ...

— Ясно! — прервал я Бечира Балуку. — Вы правильно поступили, сообщив мне об этом и попросив моего присутствия там. Мы немедленно пойдем на конференцию и не нам, а элементам, стремящимся палки в колеса вставлять нам и извращать нашу правильную линию, надо пугаться очной ставки. Однако, прежде чем пойти туда, скажу вам пару слов:

— Во-первых, из сказанного вами становится очевидно, что мы имеем дело с враждебным ударом, который, без сомнения, не только инспирирован, но и организован другими. Как и кем, это мы разузнаем, причем скоро, но, по-моему, здесь виден не то что палец, а рука югославов. Мы посмотрим и это. Однако я считаю, что ты, Бечир Балуку, являясь представителем Центрального Комитета партии, не должен был позволить, чтобы дело дошло до этого. Ведь линия партии тебе известна, наша позиция по отношению ко всем вопросам, «пересмотра» которых добиваются некоторые появившиеся теперь «храбрецы», более чем ясная. Все эти вопросы мы обсуждали и коллегиально о них решали в должное время и не помню, чтобы у кого-либо из вас были неясные вопросы, а не то что возражения.

— Это верно! — вставил Мехмет Шеху вполголоса. — Мы были согласны и выражали согласие с этим.

— В таком случае, — обратился я к Мехмету Шеху и Бечиру Балуку, — почему должен прийти именно я для того, чтобы справиться с ситуацией и ответить на вопросы, которые вам прекрасно известны?! С какой бы стороны ни подходить к делу, это не только неправильно, но и недопустимо для главных руководителей партии. То, что обсуждено и решено всеми нами, мы все защищать обязаны. Как бы то ни было, — продолжал я, — главное заключается в том, чтобы мы справились со сложившейся ситуацией и поскольку вы сочли нужным, чтобы именно я принялся за это дело, я обязательно его выполню.

Второе, что я хотел бы сказать вам, связано с тактикой, которой нужно придерживаться. Я думаю, что поступить надо следующим образом: Я немедленно попрошу слова и спокойно, не атаковывая обвинителей до поры до времени, разъясню делегатам сущность правды о поднятых вопросах и возведенных на нас гнусных обвинениях. Я объясню, каким был и остается подход нашей партии к этим вопросам, как мы поступали и с каких позиций предъявляются обвинения, к чему они поведут в случае, если мы дадим им пройти. Я убежден в том, что подавляющее большинство делегатов

это здоровые и верные партии люди, и, если какой-нибудь из них введен в заблуждение, то мы быстро разъясним ему все. Что же касается «храбрецов», добивающихся ревизии, то ими я конкретно займусь во второй фазе, когда делегатам ясно будет истинное положение вещей. На конференции я потребую, чтобы каждый из этих элементов объяснил нам с каких именно позиций возводит он свои мерзкие обвинения, от имени кого он говорит и кто его вдохновил. Я уверен, что перед лицом истины они будут разоблачены и дискредитированы.

Итак, 15 апреля, во второй половине дня, я пошел на Тиранскую конференцию и придерживался указанной мною выше тактики. Надо отметить, что, как только вошел в зал, где проходила конференция, я был окружен атмосферой, которая дальше усилила мою уверенность и умножила мои силы: увидев меня, делегаты встали с мест и разразились аплодисментами и возгласами в честь нашей партии и ее Центрального Комитета. Живость и радость стали появляться на их лицах. Ясно было, что товарищи освобождались от кошмара, который почти два дня кряду потрясал и тревожил их. Еще больше убедился я в этом после того, как взял слово. Начатое мною разъяснение вопросов в товарищеском духе, аргументирование правильности генеральной линии, которую проводила наша партия, тут же наэлектризовали зал. Делегаты то и дело выкрикивали с мест:

— Вот это правда! Да здравствует партия!

Всего лишь немногие дисгармонировали с общим настроением: когда все в зале поднимались с мест, вставали и они, принужденные большинством, но казалось, будто у них отнялись и язык и руки. Конечно, их аплодисментов мы не хотели, даже и задаром. Мы хотели, чтобы они оказались крепко зажатыми в тисках, своими собственными устами признали, что во всем выдвинутом ими исходили с враждебных антиалбанских и антипартийных позиций, что исполняли они приказы и «директивы» югославского троцкистского руководства, и за все это черное дело их нужно было привлечь к ответственности. Особенно на другой день, 16 апреля мне

пришлось специально заняться этими элементами. Как я уже отмечал, фаза освещения вопросов в принципе и спокойно уже успешно завершилась. На очереди было сокрушительное нападение на заговорщиков и участвовавших в работе конференции их приспешников. Я обратился к одному из них, назвав его по имени, и потребовал от него немедленно «объяснить» нам, что именно побудило его выступать с обвинениями!

Тот забормотал вначале как-то «храбро», а потом вполголоса, утверждая, будто выражал «мнение первичной организации».

— Брось ты это про первичную организацию! — сказал я. — Ты лучше скажи нам, чего искал в машине югославского посольства в такой-то день, куда ехал и какие получил указания?!

Люди в зале моментально оживились и зашевелились.

— Это случилось по ошибке, — отважилось «защититься» орудие югославов, — она показалась мне албанской машиной.

— Ну допустим, что вначале ты ошибся, — продолжал я по линии его «логики», — но, сев в нее и услышав, что там говорили по-сербски, не показался ли тебе сербский язык албанским языком?!

В зале захохотали. Агент югославов стал похож на мертвеца, он не знал, как быть и что сказать. В таком духе продолжили мы и с двумя-тремя другими элементами, которые до вчерашнего дня показывали себя «безудержными» и «большими храбрецами», а теперь оказались в полной изоляции и совсем дискредитировали себя.

После этого мне больше почти не пришлось вмешиваться. Слово взяли делегаты, которые, проявив зрелость, смелость, дух критики и самокритики, всегда характеризовавшие наших коммунистов, сделали возможным, чтобы Тиранская партийная конференция продолжила и завершила свою работу вполне успешно.

Попытка превратить ее в первую акцию, направленную

на свержение здорового руководства АПТ и на изменение ситуации в Албании, провалилась еще в зародыше.

Во время работы конференции, но особенно после нее, мы хладнокровно проанализировали случившееся и, как я уже отмечал, на основе бесконечного множества фактов, пришли к заключению, что все это было организовано титовским руководством через югославское посольство в Тиране. Кроме этого, еще в те дни мы сделали правильный вывод о том, что именно ревизионистская платформа XX съезда КПСС вдохновила и побудила как югославское руководство, так и его агентов в наших рядах предпринять такую враждебную вылазку.

После разгрома заговорщицкой группы Тиранской конференции некоторые ее участники были исключены из партии, а некоторых других, когда выяснилось, что они состояли в связях с югославским посольством (данных об их связях с советским посольством тогда у нас не было), мы отдали под суд.

Однако к тому времени, ввиду степени нашей осведомленности, нам не удалось раскрыть и нанести удар наисильнейшему орудию иностранных агентур, которое на этот раз, приведенное в действие югославским УДБ, втайне играло главную роль в состряпанном заговоре. Это был Мехмет Шеху. Факты, касавшиеся его поведения на конференции, не позволили нам прийти к другому выводу. Теперь же, на основе анализа прежних и последующих событий, особенно на базе фактов, обнаруженных после его самоубийства, имевшего место 18 декабря 1981 года, партия пришла к точным и вполне обоснованным выводам.

Но прежде, чем говорить о роли и заговорщицких стремлениях Мехмета Шеху и его враждебной группы на Тиранской конференции в 1956 году и позднее, вплоть до момента, когда тот застрелился, считаю необходимым «обратиться к прошлому», чтобы показать, кем был в действительности Мехмет Шеху, откуда он приходил и кому служил.

Из следствия, проведенного после самоубийства Мехмета

Шеху, и документов, которыми партия располагает, явствует, что Мехмет Шеху был завербован американцами, еще когда учился в школе Фульца в Тиране. По его приказу Мехмет Шеху отправился в Италию учиться в каком-то военном учебном заведении, по приказу же американской агентуры он отправился в Испанию для проникновения в ряды интернациональных бригад. Целью американской агентуры было предоставить своему агенту «патент» «бойца-интернационалиста», чтобы использовать его для осуществления в Албании позднейших далеко идущих целей.

С подавлением антифашистской войны в Испании Мехмет Шеху отправился в лагерь для беженцев во Франции, где пробыл три года, тогда как многие его товарищи бежали оттуда. В лагере он был завербован и британским Интеллидженс сервисом. Оттуда его взяли один офицер немецкого Гестапо и один офицер итальянского СИМ, его перевели в Италию, где держали два месяца, а затем передали в Дурресе отъявленному албанскому шпиону Ману Кукалеши, состоявшему на службе у итальянских захватчиков, который после 20 дней выпустил его на волю, и Мехмет Шеху перебросился в Малакастру и связался там с нашей парторганизацией.

В период Национально-освободительной борьбы Мехмет Шеху и его жена, Фичрет Санджактари, стали и агентами югославов, будучи завербованными Душаном Мугоша. Работу с Мехметом Шеху Мугоша начал еще во Влёре весною и летом 1943 года и дальше интенсифицировал ее, когда оба они «устроили дело» так, чтобы быть вместе в Первой ударной бригаде, созданной нами в августе того же года. В бригаде же Мугоша по горшку нашел и покрышку: завербовал Фичрет Санджактари и, в агентурных же целях, «сосватал» ее Мехмету Шеху. Как и любая другая иностранная агентура, и титовская агентура, рождавшаяся и формировавшаяся «в огне борьбы», действовала в направлении использования завербованных ею людей для осуществления близких и далеко уходивших планов: в соответствии с первым, неотложным планом, Мугоша потребовал от своего агента, Мехмета Шеху, и побуждал его совершать как можно больше сектантских

актов и действий с тем, чтобы позднее, когда понадобится, югославы, сами сеявшие и поощрявшие такое сектантство, обвинили, как это было сделано ими, руководство нашей партии в «сектантстве» (это, как я отмечал выше, было сделано в Берате в ноябре 1944 года). В то же время, в рамках «сотрудничества с союзниками», титовская агентура многому научилась на опыте Интеллидженс сервиса. Кроме упомянутого мною выше, она принимала в расчет и поражение, которое могла понести в Албании, так что подготовила Мехмета и Фичрет Шеху и как агентов на трудные времена, на будущее. С этой целью она дала первому агентурную кличку МИШ (Мехмет Исмаиль Шеху), а ей кличку ФИСАРИ (Фичрет Санджактари).

Из обнаруженных ныне письменных документов Мехмета Шеху явствует, что он был участником бератского заговора вместе с Кочи Дзодзе и Нако Спиру, хотя и не был в Берате в ноябре 1944 года.

Так, в письме, направленном Центральному Комитету партии [Кочи Дзодзе]в декабре 1944 года, Мехмет Шеху осуждает линию партии, как «сектантскую» и «местническую» и называет здоровое ее руководство «внутрипартийной кликой». И, чтобы не было никаких сомнений в том, кого это он имеет в виду, Мехмет Шеху, приведенный в восторг бератским антипартийным поворотом, собственноручно пишет, что «если бы партия... не совершала ныне совершаемый ею поворот, то, несомненно, мы скатились бы к пропасти»[1].

Конечно, являясь завербованным югославами агентом. Мехмет Шеху занимал антипартийную позицию и присоединился к заговорщикам. Одновременно, в этом письме солидарности он пользовался случаем для того, чтобы излить личное недовольство партийным руководством и особенно мною и потребовать от Кочи Дзодзе и тех, кто дирижировал Кочи Дзодзе, вознаграждения за заслуги, которые он оказал и оказывал им.

---

1 Из письма Мехмета Шеху, направленного ЦК КПА [Кочи Дзодзе] 10 декабря 1944 года. *ЦПА.*

Мехмет Шеху и в годы войны проявлял признаки недовольства, вызванного тем, что на Первой национальной конференции Коммунистической партии Албании, состоявшейся в Лябиноте в марте 1943 года, его избрали всего лишь кандидатом в члены Центрального Комитета, а в Пермете (на Антифашистском национально-освободительном съезде, проходившем в мае 1944 года) его не произвели в генералы, как это произвели некоторых других, которых он презирал.

Мехмет Шеху хотел, чтобы были преданы забвению ошибки, которые он допустил и допускал, нарушая линию партии и не исполняя приказы Генерального Штаба. За такие ошибки его неоднократно критиковали, и теперь, понятно, он совершал их не без определенной цели. Так, в деревнях, куда проходила Первая бригада, он прибегал к террору, стремясь дискредитировать партию и партизанские силы, он возвел в легенду «большой поход» двух батальонов Первой бригады для спасения Генштаба от немецко-баллыстского окружения, который спас не он (так как Генштаб прорвал окружение своими силами), более того, Мехмет Шеху умышленно потерял две недели вместо двух дней, ведя силы бригады по опасным тропам, из-за чего геройски пало много храбрых партизан этой бригады.

В годы войны Мехмет Шеху возразил против приказа Генерального Штаба о переходе Первой дивизии через реку Шкумбин на Север. Такое возражение Мехмета Шеху не было случайностью. Оно совпадало с англо-американским планом, рассчитанным на то, чтобы сорвать переход формирований АНОА с Юга в Центральную и Северную Албанию, и с большим давлением, которое средиземноморское англо-американское командование оказывало на Главное командование нашей армии с целью заставить его отказаться от переброски дивизии на Север[1] и от намерений нападать на силы Абаза Купи, называя такую переброску и такое стремительное развитие наших боевых действий «вмешательством в его стратегические планы». Однако у нашей партии и у Генштаба

1 Энвер Ходжа, «Англо-американская опасность для Албании (Воспоминания)», алб. изд., стр. 255, Тирана, 1982.

были свои стратегические планы скорейшего освобождения всей Албании. Наш бесповоротный приказ о немедленном переходе Первой дивизии на Север сорвал и англо-американский план и услуги Мехмета Шеху его хозяевам.

Итак, Мехмет Шеху вернулся в Албанию и боролся не как коммунист и партизан, а как наемник, засланный англо-американцами для служения их планам касательно будущего Албании[1]. После самоубийства Мехмета Шеху в его сейфе была найдена программа, собственноручно написанная им в 1942 году, по возвращении в Албанию. Она была не чем иным, как буржуазно-демократической программой, в которой говорилось вовсе не о социализме и коммунистической партии, а о многих партиях, чего старались достигнуть англо-американские миссии и реакционные группы, оказывавшие им поддержку в период сразу же после освобождения. Мы располагаем теперь документами, полностью подтверждающими, что Мехмет Шеху был и агентом Интеллидженс сервиса. В этих документах упоминаются его имя и несколько зашифрованных кличек, как ВАВ-008, и т.д. Из них явствует, что Мехмет Шеху получил и деньги за оказанные им услуги, и центр наказывал не трогать его, а это значило, что он был потенциальным агентом из числа тех, кого, как говорится на языке агентур, «консервируют», чтобы использовать в подходящее время[2].

---

1 О том, что Мехмет Шеху был агентом американцев, и об услугах, которые тот оказывал им, свидетельствует, в частности, и письмо, которое агент ЦРУ, Лари Пост (впоследствии засланный в Албанию службами американской разведки), направлял 6 февраля 1944 года другому агенту американцев, Хасану Речи: «Я неоднократно повторял вам, что нам нужны **факты, факты** и **факты** обо всех ситуациях и всем остальном, — отмечал в этом письме Лари Пост и продолжал: — Бороде — Мехмету Шеху — передайте от меня большой привет. Не сможет ли он послать мне какой-нибудь рапорт о своем положении и своей деятельности?! Что вы ничего не пишете мне, встречали ли вы его ...! P.S. Это письмо может читать и Борода». *(Из подлинника письма, находящегося в ЦПА.)*

2 На основе оценки ими ситуации в Албании в конце 1944 года, службы британской разведки предусматривали организацию возможной оппозиции, которая противопоставилась бы только что основанному

Следовательно, этот тайный агент американских секретных служб, впоследствии, в лагерях для беженцев во Франции, куда были заключены бывшие добровольцы интернациональных бригад, подготовленный Интеллидженс сервисом для подрыва албанской Национально-освободительной борьбы и связанный, как я писал и выше, в период войны с югославским ОЗНА (УДБ), не мог не идти дальше по пути измены: сразу же после освобождения, по приказу своего хозяина, Фульца, являвшегося уже официальным представителем американской миссии в Тиране, не замедлил пролезть и в советскую секретную службу. Мы располагаем письмом, которое Мехмет Шеху посылал майору Иванову сразу же после освобождения и в котором поносил линию партии и выражал ненависть к защищавшим эту линию здоровым кадрам, особенно к Генеральному Секретарю, Энверу Ходжа, к Хюсни Капо и другим. Это показывает, что Мехмет Шеху, помимо агентурных связей с югославами, установил связь и с более великой державой, с органами безопасности Советского Союза. Вот, что пишет он, в частности, майору советской разведки, Иванову, главе советской военной миссии в Тиране:

«... Я считаю своим долгом высказать свое мнение о замечаемом мною и выразить то, что думаю. Мне хорошо известно, что в данном случае этот мой поступок противоре-

---

новому государству народной демократии. Одним из главных элементов этой оппозиции они рассчитывали иметь Мехмета Шеху. Доказательство тому и датированный 10-м ноября 1944 года документ, чья фотокопия взята в Лондоне из архива Форин Оффиса и в котором, в частности, подчеркивалось относительно Мехмета Шеху: «... он коммунист, но его личное властолюбие превосходит его верность партии». *(FO 371/43554. PRO).* В другом же документе, датированном 10-м февраля 1945 года, отдел британской разведки по Албании *(Forca № 399)* называет Мехмета Шеху «единственным человеком, у которого сторонников достаточно для того, чтобы быть опасным для Ходжа в случае, если они не придут к согласию» (подразумевай: в связи с программой англичан, принесенной Мехметом Шеху по возвращении в Албанию в 1942 году и найденной в его сейфе после его самоубийства. Смотри в настоящем томе стр. 612) *WO-204.*

чит порядкам организационной линии нашей партии, но, доверяя тебе, ... я беру на себя ответственность непосредственно к тебе обратиться»[1].

Далее в своем письме Иванову, написанном в форме рапорта, он во всех направлениях атаковывает линию партии, которая руководила Национально-освободительной борьбой и привела ее к победе. Он атаковывает исторические периоды и события, через которые проходили борьба и партия, в том числе Пезскую конференцию, Перметский съезд, Первую национальную партийную конференцию, и выражает полное согласие с антимарксистскими и антиалбанскими взглядами Велимира Стойнича и Кочи Дэодзе. И Мехмет Шеху, подобно Велимиру Стойничу, называет Энвера Ходжа и других товарищей «КЛИКОЙ»[2], которую надо дальше устранить на базе принятых в Берате решений. «Чтобы сделать поворот, — пишет Мехмет Шеху, — необходимо совершить тотальную революцию в нашей партии» (подразумевай: тотальную чистку).

Называя Тито «головой МЕЖДУНАРОДНОГО значения» и стремясь удовлетворить свои личные амбиции, которых не смог осуществить в ходе своей борьбы, полной колебаний и сектантских и анархистских ошибок, Мехмет Шеху делает в конце своего письма майору Иванову некоторые «выводы» и призывы, написанные прописными буквами.

«Среди нас, албанских коммунистов, — пишет он, — нет **ни одного человека, способного, как Тито** в Югославии... Чтобы благополучно идти вперед, чтобы нам была оказана помощь, нужна **прямая** и **немедленная** помощь со стороны К. И. [Коммунистический Интернационал] или со стороны КПЮ [Коммунистическая партия Югославии][3], а это надо быстро сделать, так как ситуацией выдвинуто много важных проблем». (После самоубийства Мехмета Шеху в его сейфе

---

1 Из письма Мехмета Шеху майору Иванову. *ЦПА.*

2 Цитируемые здесь слова, которые написаны прописными буквами, так написаны и в самом подлиннике.

3 Курсив и скобки в настоящем отрывке письма – редакции.

была найдена и собственноручно сделанная им записка, в которой говорится, что он направил письмо Иванову).

В этом контексте совершенно понятны фокусы и противоречивое поведение Мехмета Шеху в годы Национально-освободительной борьбы и после освобождения, до и после VIII и XI Пленумов Центрального Комитета (состоявшихся в 1948 году); он то защищал тезисы югославов, то противопоставлялся им, действуя под сенью советских военных советников.

На VIII Пленуме Нако Спиру был осужден и обличен югославами и Кочи Дзодзе, как враг, а Мехмет Шеху, как я писал и выше, был назван «антиюгославом» и посланцы Тито и Кочи Дзодзе умножили «удары» и «нажимы» на него, добиваясь его удаления из армии. Однако эти же «критиковавшие» его люди из Белграда, даже от имени Тито, настаивали на том, чтобы Мехмет Шеху не был полностью устранен, а, наоборот, получил портфель одного из министерств (!). Его назначили министром путей сообщения, то есть членом правительства[1].

После оглашения писем Всесоюзной коммунистической

---

1 Кристо Темелько заявил на XI Пленуме: «Югославы любили Мехмета Шеху». В одном случае он даже сказал Мехмету Шеху: «Это верно, что моих ошибок не счесть, но не забудь, что всякий раз, когда мы ездили в Белград, Тито не меня, а тебя первым принимал!». «Что касается критических замечаний, сделанных в декабре 1947 года, – продолжал Кристо, – то это верно, что югославы критиковали его, однако они сказали мне оказывать на руководство давление, чтобы его министром назначили! Они задобрить хотели Мехмета Шеху, так как боялись его!» *(Из протокола XI Пленума ЦК КПА. ЦПА).*

Об «особых» связях Мехмета Шеху с титовцами свидетельствуют, в частности, и некоторые его «конфиденциальные» письма Душану Мугоша. Так, в письме, направленном ему 9 февраля 1944 года, он писал, между прочим: «Твое письмо составляет для меня утешение...; оно показывает, какой особый личный интерес проявляешь ты [ко мне]. Письмо это утешает, ласкает меня, советует и помогает мне, учит меня. Я сохраню письмо и пусть оно будет служить мне твоей фотографией, чтобы я помнил о тебе... Ах! Как хорошо было бы, если бы ты дезертировал и снова пришел к нам, мы держали бы тебя контрабандой, гайдуком!».

В письме же от 22 апреля 1944 года, написанном по случаю

партии (б), направленных ЦК КПЮ, после XI Пленума ЦК нашей партии, Мехмет Шеху уже приспособился к линии партии — выступал в защиту Советского Союза и Сталина «разоблачал» Тито и его клику, как агентуру империализма, как это делала вся наша партия. Несмотря на громы и молнии, которые Мехмет Шеху метал в адрес титовской клики, Белград молчал. Югославское УДБ, как и американское ЦРУ и британский Интеллидженс сервис, с которыми оно сотрудничало, не выдавали его, так как он был у них потенциальным агентом, проникшим в советскую секретную службу и пользовавшимся ее доверием.

После смерти Сталина пришедшая к власти группа осудила Берию, начальника советского КГБ, за многократное нарушение законности. Мы потребовали от Мехмета Шеху посмотреть, не допускались ли ошибки и в органах руководимого им нашего Министерства внутренних дел. Мехмет Шеху испугался, опасаясь того, как бы не были раскрыты его связи с советским КГБ или с западными агентурами и как бы его не постигла участь Берии. Он пошел к советскому послу Левичкину, которого заверил в своей преданности пришедшей к власти новой хрущевской группе и попросил советской защиты, ибо, по его словам, «Энвер Ходжа с подозрением к нему относился», а это его сильно беспокоило. Левичкин посоветовал Мехмету Шеху прийти ко мне и выяснить свое положение, заверив его в том, что и он будет защищать его. Сам Левичкин пришел ко мне, рассказал мне о тревогах Мехмета Шеху и о том, как он посоветовал ему прийти ко мне. Прошли две-три недели и Мехмет Шеху не приходил. На другой встрече, которую я имел с Левичкиным, тот спросил меня:

— Вы поговорили с Мехметом Шеху?

отъезда Мугоша из Албании, Мехмет Шеху, после того, как поет ему дифирамбы и покорно обращается к нему со словами «наш учитель», называет албанских коммунистов «коммунистами-головорезами», «какой-то смесью горьких овощей» и в конце восклицает: «Эй, Саль! [кличка Душана Мугоша] ... Кому ты доверишь эту специальную миссию ...?» *(Письма хранятся в ЦПА).*

— Он не просил какой-либо встречи со мною, — ответил я.

— Может, надо чтобы вы сами вызвали его? — спросил меня Левичкин.

— Ни в коем случае! — сказал я. — Мне незачем его вызвать, наоборот, он сам должен прийти ко мне и выступить с глубокой самокритикой. Правда, мы с вами друзья, но я считаю большой ошибкой тот факт, что он пришел поговорить с вами о касающемся нас вопросе, не побеседовав со мною, Генеральным Секретарем партии.

Левичкин встревожился и «приказал» Мехмету Шеху явиться ко мне. Тот предварительно послал ко мне Фичрет Шеху, чтобы пощупать мне пульс. Она пришла узнать, почему это Мехмет Шеху «был крайне обеспокоен» (как будто сама она ничего об этом не знала!).

— Мы ничего против него не имеем, — ответил я, — так что спроси его самого, не имеет ли он что-нибудь против нас!

Тем самым Мехмет Шеху удостоверился в том, что мы ничего не открыли и ни в чем его не подозревали. Побужденный и Левичкиным, он пришел ко мне, выступил с самокритикой, сделал самокритику также и в Политбюро и на Пленуме Центрального Комитета, заявив, что допустил грубую ошибку, встретившись с советским послом, чтобы жаловаться ему на Генерального Секретаря Центрального Комитета, не поговорив с ним и не поставив вопрос в руководстве партии.

Позднее случилось нечто другое, запугавшее и крайне встревожившее Мехмета Шеху: Сократ Буфи, партийный работник, учившийся тогда в Москве, направил Центральному Комитету письмо, в котором, в частности, говорилось, что «Мехмет Шеху — провокатор...». Мехмет Шеху пришел в ярость от этого и упорно добивался в Секретариате и в Политбюро Центрального Комитета, а несколько раз и у меня, ареста и наказания Сократа Буфи. Мы отклонили его требование, ибо мы не могли арестовать и осудить его

лишь за то, что он подверг критике партийного деятеля; ведь это шло бы вразрез с нормами нашей партии. Когда впоследствии Сократ Буфи был назначен заместителем председателя исполкома одного из районов, Мехмета Шеху стал еще больше точить червь сомнения, он опасался того, как бы мы что-нибудь не пронюхали о его грехах, и продолжал сидеть как на угольях, жить и работать, испытывая сильную тревогу.

Именно сидя на угольях застали Мехмета Шеху приход Хрущева к власти и XX съезд КПСС, приведшие к примирению советских ревизионистов с титовцами.

С провалом попытки изменить положение в Албании с помощью Тука Якова и Бедри Спахиу, иностранные разведки сочли целесообразным привести в движение и Мехмета Шеху. Это я говорю **иностранные разведки** потому, что в те моменты в борьбе за дезориентацию и разгром социалистических стран через посредство «линии Хрущева» сходились цели и советских и титовцев, а также цели империалистов с американским империализмом во главе. Лишь после этого, то есть после замены здорового руководства нашей партии и нашего государства ревизионистской группой, могла начаться привычная грызня иностранных разведок, каждая из которых стремилась бы взять Албанию под свое крылышко.

Итак, Мехмет Шеху получил от советских и югославов (но и с согласия британской и американской разведок) приказ всей своей группой перейти к действию для осуществления в Албании того, что было осуществлено или же осуществлялось в других странах народной демократии. Именно с этого и начинается причастность Мехмета Шеху к заговору на Партийной конференции в Тиране, где должность первого секретаря парткома занимала его жена и старый агент югославов, Фичрет Шеху. Случилось так (это и вследствие закулисных махинаций Мехмета Шеху), что на конференции представителем[1] был назначен другой агент его груп-

1 ЦК партии.

пы, Бечир Балуку. Что касается остальных, так сказать, «галереи» заговорщицкой группы, то для их ориентации не возникало потребности в том, чтобы ими занимались МИШ, ФИСАРИ или Балуку. Нет, руководители заговора и особенно Мехмет Шеху должны были действовать втайне, очень глубоко за кулисами, чтобы могли избегать всякой неожиданности. «Галереей» должны были заниматься, как и занимались, сотрудники югославского посольства и их люди, давно раскрытые и осужденные нашей партией, вроде Лири Гега, Дали Ндреу, Хулюси Спахиу и других.

Первой задачей, встававшей перед руководителями заговора в данном случае, было создать элементам из зала, скрывавшимся за мандатом «делегата», условия и возможность изрыгать всю накопленную желчь и задавать тон конференции. Лишь уверившись в том, что все шло нормально, они могли предпринять другие, более заметные и решительные шаги. Бечир Балуку и Фичрет Шеху выполнили это агентурное задание. Это факт, что еще в первый день работы конференции они создали вражеским элементам все возможности излить целый поток грязных антипартийных вопросов и, когда настала пора прений, устроили дело так, чтобы слово один за другим брали вражеские элементы. Своей «бездеятельностью», якобы «оцепенением от неожиданности» и «неспособностью» вести с врагами «разъяснительную» работу, они способствовали тому, что первая фаза заговора шла так, как они это предвидели и запланировали за кулисами.

Именно когда антипартийные выступления на конференции разгорелись, Мехмет Шеху и Бечир Балуку «сочли уместным» попросить меня прийти на конференцию. А почему? Такая их поспешная просьба преследовала две главные цели:

Во-первых, поставить меня лично под антипартийный удар, еще больше разжечь страсти и, в случае, если бы я оказался перед неотразимыми атаками или отступил, в мутных водах, которые могли образоваться, Мехмет Шеху должен был сманеврировать — еще больше осложнить ситуа-

цию, захватить бразды правления и, выступив открыто, довести до конца сценарий, подготовленный его хозяевами.

Во-вторых, Мехмет Шеху принимал в расчет и возможность провала заговора, он даже испугался, увидев, что вожжи ускользали у него из рук. Вражеские элементы, «галерея», не зная, что главой их был сам Мехмет Шеху, не пожалели пилюль также в его адрес и в адрес его жены, так как отождествляли их со здоровыми руководителями. При таких обстоятельствах он счел уместным, чтобы я пришел и сам столкнулся с ними, а в случае, если заговору суждено будет провалиться, он намеревался поступить так, как это у него было в обычае: взять «мою сторону», развернуть «наступление» на мелкие элементы, на пешки, и, без сомнения, и на Тито, и, как раньше, ждать во тьме и в сильном беспокойстве более подходящих моментов.

Однако и сами его хозяева, как новые (Хрущев и компания), так и старые (англо-американцы и титовцы) чуяли и знали, что ситуации в Албании не те, что и в других партиях и других странах народной демократии. АПТ обладала могучим единством. В своей более чем 15-летней жизни АПТ показала, что не выносила ошибок, сползаний и отклонений, у нее было политически и идеологически чистое прошлое, она поддерживала прочные связи с массами, пользовалась безграничной любовью и уважением народа. При такой здоровой обстановке врагам вовсе нелегко было разжечь антипартийную стихию и победить. Скорее всего все могло лопнуть у них в руках как мыльный пузырь, что и произошло в действительности.

Все это враги хорошо принимали в расчет и не такими уж дураками были они, чтобы легко пожертвовать своим главнейшим агентом. Наоборот, они чего только не делали, чтобы тот оставался возможно более «чистым», они пытались в том или ином случае бросить его в атаку, но, как только видели, что ему могла грозить опасность, подавали ему сигнал изменить свое поведение и выстроиться «рядом» со здоровым руководством.

То же самое произошло и на этот раз, так было и позднее. Увидев, что партия не попала в устроенную ими ловушку, Мехмет Шеху и Бечир Балуку отошли в сторону, «осудили» заговорщиков, а Фичрет Шеху поклялась, что никто не сигнализировал ей об этом, что все произошло «за спиной» у нее, что она заперлась в доме для подготовки доклада и т.д. Фичрет Шеху сняли с должности первого секретаря и сделали ей выговор с занесением в учетную карточку. К тому времени мы ничего не знали и о Фечоре Шеху[1], который, как явствует теперь, был агентом, завербованным УДБ, и осуществлял связь между югославским посольством и Мехметом Шеху. Связи с советским посольством поддерживал непосредственно сам Мехмет Шеху, легко используя с этой целью тогдашние наши хорошие отношения с Советским Союзом.

В ситуациях, сложившихся после провала хрущевско-титовского заговора на Тиранской конференции и решительного, открытого разоблачения нашей партией событий в Польше и особенно в Венгрии, УДБ Тито-Ранковича отдало приказ своим агентам Лири Гега, Дали Ндреу и Панайоту Пляку бежать в Югославию, чтобы создать за границей оппозицию и бороться против нас их устами. Лири Гега и Дали Ндреу не удалось перейти границу и они были арестованы, между тем как Панайот Пляку, пользуясь помощью Мехмета Шеху и его сообщников в армии и органах Госбезопасности, таких как Бечир Балуку — бывший министр обороны, и Кадри Хазбиу — бывший министр внутренних дел, перешел нашу государственную границу и работал некоторое время в какой-то якобы подпольной радиостанции, изрыгавшей с территории Югославии старую желчь титовцев против нашей партии и нашей страны.

---

1 Антипартийный элемент и заклятый враг НСРА. По предложению Мехмета Шеху был назначен министром внутренних дел. С раскрытием агентурной деятельности Мехмета Шеху было раскрыто и подлинное лицо Фечора Шеху, который за свою враждебную деятельность отдан органам правосудия.

Здесь важно подчеркнуть, что и в позиции, занятой по отношению к Дали Ндреу, Лири Гега и Панайоту Пляку, ярко проявилось не только продолжение антиалбанского курса титовского руководства, но и сотрудничество югославов с советскими. Когда наши органы поймали с поличным Дали Ндреу и Лири Гега и посадили их на скамью подсудимых, югославы взвились до потолка, но до потолка взвился и Хрущев. Последний немедленно направил советскому послу в Тиране, Крылову, радиограмму с требованием походатайствовать при мне, чтобы мы не наказали врагов и предателей. Это было именно в те ноябрьские дни 1956 года, когда, как я уже отмечал, Тито произнес в Пуле пресловутую речь, в которой открыто призывал, в частности, к свержению руководства АПТ и осуждению меня. Хрущев послал Крылова ко мне с двумя главными поручениями: попросить меня не давать резкого ответа на речь Тито и не осудить пойманных агентов, которые уже держали отчет перед народным судом. Мы незамедлительно ответили Хрущеву и Тито: что касается первого поручения, то мы опубликовали в печати статьи, наведя все батареи на Тито, титизм и его пульскую речь; что касается второго же поручения — мы по заслугам наказали агентов и предателей.

Хрущев и Тито проглотили обиду, но своих антиалбанских актов прекратить не прекратили. Немного спустя после этого было совершено бегство Панайота Пляку в Югославию. Но вскоре титовцы должны были убедиться в том, что **извне** они не могли навредить нам ни «оппозициями», которые пытались создать душаны мугоша при помощи реакционной эмиграции, ни желчью, которую мерзкий предатель Панайот Пляку изрыгал против нас через так называемую подпольную радиостанцию, так что обратились за помощью к Хрущеву. Югославы надеялись, что своим влиянием Хрущев вынудит нас разрешить Панайоту Пляку вернуться в Албанию и, в сотрудничестве с агентами и другими скрытыми врагами, пытаться **изнутри** осуществить заговоры и агентурные планы югославов и советских. Поняв выгоду такого дела,

Хрущев выразил готовность сотрудничать с Тито, как он поступал и когда речь шла о польском и венгерском вопросах, о совращении Тиранской партийной конференции (1956 г.) и т.д., поэтому не преминул походатайствовать при нас, чтобы мы «помирились» с изменником. В качестве первого шага он сказал нам, что намеревался принять его в Советский Союз, ибо такое желание выразил ему сам Пляку в направленном ему письме.

— Он — изменник, — сказал я Хрущеву, — и, если вы примете его в вашу страну, нашей дружбе с вами придет конец. — В случае, если вы примете его, то вы должны передать его нам, чтобы мы повесили его посреди площади в Тиране[1].

Таким образом было покончено с этими старыми агентами титовской клики и, разумеется, тем самым провалились и надежды, которые возлагали на них как титовцы, так и хрущевцы.

Однако это вовсе не означало, что в последующем мы не столкнемся с новыми происками, ловушками и заговорами. Вот почему мы ни в коем случае не позволили усыпления бдительности. Наоборот, наша Партия Труда упорно продолжала идеологическую и политическую борьбу с титизмом между тем, как все время обострялись наши противоречия с советским ревизионистским руководством. Это мы шли к бухарестской конфронтации, имевшей место в июне 1960 года.

Как это всегда было с титовцами, хрущевцы также не скупились в канун и после этой большой конфронтации на средства давления и шантажа, не пожалели своих давно завербованных агентов. Первой, приведенной ими в движение пешкой, была Лири Белишова. Летом того года Белишова оказалась в Пекине в составе парламентской делегации в то время, когда там проходила сессия Всемирной федерации

---

1 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 389, Тирана, 1980.

профсоюзов. Глубокие противоречия, нагноившиеся в рядах международного коммунистического и рабочего движения, открыто проявились на той сессии между китайцами и советскими, причем вопреки любым партийным правилам и нормам. Наперекор позиции руководства нашей партии, которое не хотело преждевременно высказаться по поводу этих противоречий, Лири пошла в советское посольство и доложила обо всем, сказанном ей китайцами. Как во время пребывания в Пекине, так и когда она была на пути в Москву, мы послали Лири Белишова два письма, в которых обращали ее внимание на позицию, занятую ею в Пекине, и объясняли ей, как надо было вести себя в Москве. Однако, являясь агентом советских, Лири Белишова не вняла советам руководства партии, а встретилась с Козловым, поговорила с ним, выслушала его и передала хрущевцам даже и наши письма (радиограммы), заявив нам, что «сожгла» их, когда мы их потребовали.

По возвращении в Албанию Лири Белишова отвела в сторону товарища Хюсни и сказала ему: «Отстраним товарища Энвера от этих столкновений», но Хюсни проинформировал об этом партию. Она пошла и к Мехмету Шеху и сказала ему: «Не говори о Хрущеве, ибо все, что ты говоришь, доходит до его ушей». Об этом Мехмет Шеху рассказал очень поздно и по принуждению, увидев, что руководство партии осуждало уже Лири Белишова. К каким другим средствам давления прибегала Лири Белишова по отношению к нему, это неизвестно.

Мы не знаем также, что́ именно сказал Косыгин Мехмету Шеху, когда последний лежал в московской больнице на лечение. Нам-то Мехмет Шеху говорил, что Косыгин пытался убедить его в том, что Китай осудить надо, а он «разозлился» и взял да вылетел в Албанию. Теперь же оказывается, что Мехмета Шеху вместе с Фичрет вызвали к Микояну на какое-то совещание, где присутствовали также Андропов, и, кажется, и начальник госбезопасности, Шелепин, которые целых четыре часа беседовали с ними.

Видимо, советские решили, наконец, привести и Мехмета Шеху в движение для подчинения руководства нашей партии. Я говорю «наконец» потому, что несколькими месяцами раньше, в феврале того года, они не только колебались, но даже не хотели ставить Мехмета Шеху в известность о своих раздорах с китайцами.

Как я писал в книге воспоминаний «Хрущевцы», когда мы прибыли в Москву для участия в совещании на высшем уровне в рамках СЭВ и Варшавского Договора, мне сообщили, что Микоян просил срочной встречи «с глазу на глаз с Энвером Ходжа». Я настаивал на том, чтобы присутствовал и Мехмет Шеху, и советские, поскольку я взял Мехмета Шеху с собою вопреки их желанию, поколебались, насупили брови, но оказались перед «совершившимся фактом»[1]. Чтобы не обидеть Мехмета Шеху, они оправдали себя тем, что решили поговорить «только с первыми секретарями братских партий». Теперь оказывается, что эта «причина» являлась блефом. Они не хотели, чтобы Мехмет Шеху узнал о происходившем, так как знали, что это был человек многих агентур и мог все выдать американцам и англичанам. Однако события эволюировали, и в мае-июне советские запели на иной лад.

Между тем Мехмет Шеху понимал, что руководство нашей партии не намерено было дальше терпеть планы Хрущева, нацеленные против марксизма-ленинизма и международного коммунистического и рабочего движения. Наша партия выработала платформу позиции, которую предстояло занять в Бухаресте, сохранив за собой право изложить свои взгляды на очередном совещании всех партий (в Москве в ноябре 1960 года). Мехмет Шеху оказался тогда на перепутье: кому угодить, а кому нет? Противопоставиться партийному руководству, это его не устраивало — его постигла бы участь Лири Белишова и всех других врагов, антипартийных элементов. Но, являясь человеком многих иностранных агентур,

---

1 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 411, Тирана, 1980.

он должен был учитывать помимо нас и советских, также американцев, англичан и югославов.

Как можно было поступать этому полиагенту в такой сложной ситуации?!

Но дела приняли такой оборот, что он нашел выход из положения. К тому времени Мехмет Шеху выехал во главе правительственной делегации в Нью-Йорк для участия в работе ООН. Он ездил туда на борту роскошного британского океанского парохода «Королева Елизавета». Мы знали, что на этом же пароходе был и Тито, но нам и в голову не приходило, что Мехмет Шеху мог встретиться с Тито. А теперь от сопровождавших его лиц, которые были его сообщниками, а ныне сидят в тюрьме, узнаем, что этим же пароходом ездил и Гарри Фульц — из американского ЦРУ, как и Рандольф Черчилль, который был важной персоной Интеллидженс сервиса, а на пароходе изображал себя журналистом. Во время своей длившейся несколько дней поездки Мехмет Шеху, будучи их агентом, имел тайные встречи и переговоры с Тито, Фульцем и Р. Черчиллем, рассказал им о положении и позициях нашей партии, о возникавших с Советским Союзом острых разногласиях и позиции, которую руководство нашей партии намеревалось занимать в Москве.

Стратегия всех трех агентур — югославской, американской и британской, соприкасалась и они посоветовали своему суперагенту всеми силами «поддерживать» правильную позицию партийного руководства, которая вызвала бы большую трещину и привела бы к разрыву с Советским Союзом. Они ничего не теряли бы в случае, если бы мы поддерживали Китай, напротив, эта «дружба» с их тайными проамериканскими, протитовскими друзьями (вроде Чжоу Эньлая, Лю Шаоци и Дэн Сяопина) служила бы их более далеким стратегическим планам (стремлению втянуть нас в либеральную политику Китая, начавшуюся позднее со встречей Никсон-Чжоу Эньлай или же увести нас на путь, на который Чжоу Эньлай побуждал Бечира Балуку вступить, опираясь на союз Югославия-Румыния-Албания) и т.д.

Мехмет Шеху вернулся из Соединенных Штатов Аме-

рики, набравшись «смелости», и стал бо́льшим католиком, чем сам папа, он показывал себя безудержным «в защиту» линии нашей партии в борьбе с замыслами и позицией Хрущева и советского ревизионистского руководства. Он устраивал даже «сцены», чтобы набить себе цену и основательно укрепить наше доверие к нему. Когда мы были на московском Совещании 81 партии в ноябре того года, он предложил покинуть дом, который отвели нам советские, заявив, что они «способны отравить нас». (Это он прежде всего за себя боялся.) Когда мы переселились в резиденцию нашего посольства в Москве, он через обнаруженные нами установленные советскими подслушивающие устройства «передал» им пламенное послание, возвеличив нашу партию и ее Первого секретаря, прибегнув к самым тяжелым ругательствам и назвав позором то, что они подслушивали своих тесных друзей, какими были Албанская партия Труда и ее руководители. Мехмет Шеху упорно возражал против нашего возвращения пароходом со стороны Черного моря и организовал наше возвращение поездом через Австрию и Италию. С такими мерами были согласны и мы, ведь и мы больше не верили советским, однако, проявляя такое рвение, он усиливал наше доверие к нему, берег и себя. Тем не менее, Мехмет Шеху не мог не беспокоиться по поводу того, что за «измену», которую совершал в отношении советских хозяев, показывая себя непослушным их агентом, он мог поплатиться своей головой.

Некоторые намеки и камешки не отсутствовали. Я приводил в книге «Хрущевцы» слова Косыгина, который говорил мне, что «в нашем руководстве имеются враги»[1]. Однако, когда я позвал Мехмета Шеху, чтобы тот лучше перевел их, ибо, хотя я и понимал русский, еще не в состоянии был разобраться в кириллицах, которые мешали мне читать и хорошо овладеть им, Косыгин помялся и сказал мне, «что я неправильно его понял». Я писал также о давлениях, оказанных на нас советскими военными, которые даже спорили с Мехметом Шеху. Теперь можно иначе объяснить, почему Хру-

1 См. Энвер Ходжа, «Хрущевцы (Воспоминания)», изд. на рус. яз., стр. 458, Тирана, 1980.

щёв сказал нам на последней с ним встрече: «Так пытался говорить со мною Макмиллан», а Мехмет Шеху вскочил с места, и мы прекратили встречу. Видимо, поскольку Хрущев упомянул англичанина Макмиллана, Мехмет Шеху подумал, что он мог разбередить рану, от которой он сильно пострадал бы.

После совещания 81 партии Хрущев и компания старались исправить то, что пострадало в наших отношениях. Это они попробовали сделать на нашем IV съезде, попробовали они достигнуть этого через направленные нам письма, как и с помощью китайцев и других. Они прибегали также к экономическому и военному давлению с целью заставить нас стать на их путь, но потерпели крах во всех отношениях. Мы твердо стояли на своих позициях. Мы выгнали советских с Влёрской базы; тогда они прекратили экономическую и военную помощь нам, порвав даже и дипломатические отношения.

Именно в те очень трудные и деликатные моменты, которые наша партия и наша страна переживали в 1960 году, мы раскрыли опасный заговор Теме Сейко, состряпанный и поддержанный 6-м американским флотом, белградскими ренегатами и греческими шовинистическими кругами. В сотрудничестве между собой эти силы мрака привели в движение своего старого агента, Теме Сейко и некоторых других окружавших его агентов с целью подготовить и вызвать в Албании «внутренние» беспорядки, которые послужили бы поводом для иностранной военной интервенции против нашей страны. Однако, хотя и были очень заняты борьбой с новыми врагами — хрущевцами, мы ни на миг не ослабляли бдительность в отношении наших старых врагов — империалистов, шовинистов и белградских ренегатов. Их заговор мы раскрыли и уничтожили, и на IV партийном съезде[1] говорили о нем, во всеуслышание осудив заговор, как и его организаторов. В те моменты советские сделали вид, будто ничего не знали об этом и будто встревожились.

---

1 IV съезд АПТ состоялся с 13 по 20 февраля 1961 года.

Гомулка даже потребовал от нас принять для «проверки» комиссию Варшавского Договора, что мы и отклонили! Что это была за большая тревога советских — это осталось тогда для нас неясным.

Теперь уже полностью подтверждается, что в моменты, когда американцы, югославские и греческие шовинисты втайне готовили против нашей страны заговор Теме Сейко и компании, советские узнали об этом заговоре разными агентурными путями и расценили его как весьма подходящий случай для сохранения и укрепления своих расшатавшихся позиций в Албании.

Нельзя забывать, что к тому времени во Влёре еще находился советский флот. Нельзя забывать, что это были дни и месяцы, когда мы были уже на ножах с советскими. Советские чуяли свой провал в Албании и опасались того, как бы их военный флот не был выдворен из Влёры. Мы только что развернули в Бухаресте наступление и готовились к главному и всеобщему наступлению, которое должно было начаться в Москве в ноябре того же года на Совещании коммунистических и рабочих партий. Стремясь предотвратить дурное, советские всячески угрожали нам, они даже послали нам письмо, в котором внушали нам потушить «искру», возникшую в Бухаресте[1]. Мы решительно продолжали свой путь. Тогда они попробовали найти выход из положения, прибегнув к другому, более «сильному» и более «грозному» средству: приведя в движение свою агентуру — Мехмета Шеху, Бечира Балуку и Кадри Хазбиу, они постарались использовать правду о заговоре Теме Сейко как средство давления и шантажа против нас, чтобы заставить нас покориться советским. Последние даже передали Мехмету Шеху, Бечиру Балуку и Кадри Хазбиу обеспеченные КГБ дополнительные данные, свидетельствовавшие об опасности нападения на нашу Родину, которое готовили Запад и югославы. Сделав это, советские и их агенты ждали, чтобы мы попались на удочку и видели «спасение от опасности» в опоре на советских, на их

1 См. Энвер Ходжа, Сочинения, том 19, стр. 128, алб. изд.

флот во Влёре. Следовательно, разыгрывая карту империалистическо-югославского заговора, советские говорили нам: не шутите, нападение уже подготовлено, вас поглотит империализм, так что возьмитесь за ум, вам наша помощь нужна! Ну и маскарады! Эти низменные расчеты и планы, разработанные хрущевцами в 1960 году в связи с заговором Теме Сейко, очень похожи на составленные титовцами вместе с Кочи Дзодзе и Бечиром Балуку в конце 1947 года и начале 1948 года планы о переброске югославских дивизий для «защиты и спасения нас» под предлогом того, будто нам грозило греческое нападение!

Однако так же, как это мы сорвали заговоры и тайные планы титовцев в 1947 и в 1948 году, мы сорвали и заговоры империалистов, югославов и советских в 1960 году. На основе раскрытых нами многочисленных фактов и документов мы отдали Теме Сейко и его агентурную сеть народному суду, где они своими собственными устами признали не только свое участие в этом заговоре, но и другие агентурные услуги, оказанные югославским, греческим и американским секретным службам.

Естественно, разгром и публичное осуждение нами империалистическо-югославского заговора не могли не встревожить, да и встревожили советских. Разгром первого, американо-югославско-греческого, заговора само собою провалил и второй заговор, втайне состряпанный хрущевцами и их агентами — Мехметом Шеху, Бечиром Балуку и другими. Советские поняли, что после всего этого их дни в Албании были считаны. И, действительно, мы вскоре выдворили советский флот из Влёры, ни на миг не полагая, что могли опираться на него для «спасения». Сам же этот флот хрущевцев ничем не отличался от 6-го американского флота в Средиземноморье, и мы отдавали себе отчет в том, что спасения ради мы должны были не опираться на этот флот, а выдворить его, как и выдворили.

Тот факт, что мы еще в зародыше раскрыли и разгромили этот заговор, побудил Мехмета Шеху собрать свои когти.

Тем временем наша партия шла марксистско-ленинским путем, и Мехмет Шеху «одобрял» ее линию; он даже весьма афишировал свою роль в этих ситуациях, и, разумеется, в глазах американцев и югославов изображал дело так, будто именно он и вдохновлял такой путь. На основе разработанных ими планов и тайных связей, которые поддерживали с ним, американцы и югославы знали это, тогда как все западные агентуры согласны были с тем, чтобы их «сын» метал громы и молнии в их отношении вроде: «пляшем в волчьей пасти» и т.д. и т.п. Они готовы были принимать любые ругательства, достаточно лишь чтобы их агент поднимался все выше и выше и повернул руль нашей партии и нашего государства к Западу.

Итак, Мехмет Шеху усердно продолжал «борьбу» с советскими ревизионистами, но исходя уже из иных целей и стремлений, которые были совершенно противоположны высоким стремлениям партии, боровшейся в защиту марксизма-ленинизма и высших интересов нашего народа и нашей социалистической Родины.

Наступили чехословацкие события августа 1968 года, и партия решила денонсировать Варшавский Договор, вывести нашу страну и *де-юре* из этого пресловутого договора, из которого она *де-факто* вышла еще в конце 1960 года. Будучи премьер-министром, с речьями по этому случаю выступил Мехмет Шеху и, естественно, перед своими хозяевами он изображал это как свою победу. Американская агентура (как и связанные с нею агентуры, в первую очередь титовцы) подумала, что Албания осталась изолированной и беззащитной. Китай находился далеко отсюда, и она заключила, что наступил уже момент для того, чтобы наша страна повернулась лицом к Западу.

В ход была пущена карта номер один западных и титовской агентур, Мехмет Шеху. В 1972 году последний отправился в Париж для операции в сопровождении той же группы, которая сопровождала его в ООН, как и его супруги Фичрет Шеху. Там он вступил в контакт с важным работником американского ЦРУ, который сказал ему: «Ну

что ты делаешь, ты уже стареешь и должен перейти к действию!».

Мехмет Шеху доложил ему о ситуации и заговорах (вынашивавшихся Бечиром Балуку, Абдюлем Келлези и компанией). ЦРУ порекомендовало ему действовать, но зато не компрометируя самого себя. Оно предложило ему три варианта для ликвидации Энвера Ходжа: 1) организовать автомобильное крушение; 2) выстрелить в него издалека; 3) употребить яд замедленного действия. Мехмету Шеху самому предоставили выбрать тот вариант, который показался бы ему более возможным.

Через посредство Фечора Шеху те же указания получил Мехмет Шеху и от югославского УДБ, которое действовало в полном согласии с ЦРУ.

В Париже Мехмету Шеху вручили изощренную рацию, которую установил в его доме и настроил его старший сын, являвшийся инженером-электроником.

Фактически Мехмет Шеху превратил всю свою семью в шпионское гнездо, в змеиную семью. Как я уже отмечал, Фичрет Шеху еще во время войны была завербована Душаном Мугоша и носила кличку ФИСАРИ; при этом уместны предположения относительно того, чем могла заниматься она раньше, когда в годы оккупации проходила в Италии одногодичные или двугодичные курсы; что именно могли сделать с нею Лири Гега (и Смит)[1], когда она работала с ними в I корпусе. Со временем второго сына Мехмет Шеху сделал своим сообщником и, когда тот ездил за границу (особенно когда поехал в Швецию на учебу), он соединил его с ЦРУ и использовал в качестве связного. Младшего же сына и его жену он активизировал в направлении одного из иностранных посольств в Тиране.

Естественно, для осуществления своего черного дела,

---

1 Офицер британской военной миссии в Албании, агент Интеллидженс сервиса, друг Лири Гега и Мустафа Гиниши. В годы Национально-освободительной борьбы он был прикомандирован к штабу I дивизии АНОА. См. Энвер Ходжа, «Англо-американская опасность для Албании (Воспоминания)», стр. 214, алб. изд.

которого требовали от него ЦРУ и УДБ, Мехмет Шеху не ограничился ни давно уже завербованными им элементами, ни вражескими и аморальными элементами своей семьи. Он стремился всюду распространить агентурную и заговорщицкую сеть. С этой целью он получил в 1972 году от американского ЦРУ указания и приказ разработать конкретные планы изменения ситуации в Албании в пользу Запада, активизировать и побудить в данном направлении известных или же не известных ему агентов, будь они агентами югославов, греков, англичан, итальянцев и других, но зато не компрометируя самого себя.

Тем самым началось осуществление разветвленного заговорщицкого плана, организованного Мехметом Шеху под сурдинку:

I. Враждебная деятельность Фадиля Пачрами и его группы в области культуры, искусства, радиовещания и телевидения, направленная на искривление линии в этих областях. Но, как известно, партия быстро нанесла удар этой группе и ее деятельности. Мехмет Шеху поспешил умыть руки, он даже с шумом обрушивался на работников искусства и кадры молодежи для осуществления, тем самым, своих антипартийных целей, как это поступал и на войне, для обострения также отношений и связей партии с этими прослойками.

II. В 1973 году была приведена в действие группа Бечира Балуку, которая готовила военный путч, разработав черные тезисы, «теорию скольжения» — оставления побережья и городов империалистическим агрессорам, хозяевам Мехмета Шеху. Бечир Балуку был полностью разоблачен. Его покинули даже Петрит Думе и Хито Чако, являвшиеся соучастниками в заговоре. Мехмет Шеху, который руководил этим заговором и держал в руках его нити, действуя за кулисами (теперь уже установлено, что все стратегические и тактические планы были разработаны вопреки планам Совета Обороны и эти черные материалы, как мы назвали их после их раскрытия, были одобрены им), постарался спасти Петрита Думе и Хито Чако. Последние возлагали на Мехмета Шеху боль-

шие надежды, рассчитывая на то, что «им не отсекут голову», как это он сказал им на Пленуме Центрального Комитета, созванном к тому времени по этим вопросам, и не выдали Мехмета Шеху, но зато и ему не удалось избавить их от грозившей им опасности, а это потому, что он опасался того, как бы этим он не вредил самому себе.

III. Между тем Мехмет Шеху (а здесь более непосредственно) привел в движение своих людей — Абдюля Келлези, Кочо Теодоси и Кичо Нгьеля — для ведения подрывной деятельности в экономической области и особенно в области нефти и сельского хозяйства, для расстройства экономики страны, приступив к организации и внедрению югославских самоуправленческих методов.

Но, как известно, Мехмет Шеху потерпел крах во всех этих трех аспектах.

Внимательно следя за ситуациями в течение всего этого периода, Тито подумал, что, имея своего агента в руководстве нашей партии и нашего государства, после падения Ранковича в Югославии и разоблачения совершенных им в Косове варварских актов, как и после ситуаций, сложившихся с нашим выходом из Варшавского Договора, мог идти на кое-какие уступки в Косове и в области наших отношений с нею. Косова стала дышать как-то свободнее, были открыты албанские школы, был создан Приштинский университет, были установлены культурные связи, начались взаимные визиты и т.д. Тито и его приближенные лелеяли давнишнюю мечту о том, чтобы через Косову воздействовать в Албании на либеральные силы и сделать, таким образом, возможным соединение Албании с Косовой в рамках Югославии. Когда руководители Косовы сказали Тито, что «албанцы разжигают националистские настроения и высказываются против вас», тот ответил им: «Какое вам дело: это они меня ругают, ну и пусть ругают...». Тито говорил это, ибо знал, что в Албании был у него Мехмет Шеху, который, трижды потерпев крах, перегруппировывал остальных заговорщиков, особенно в Министерстве внутренних дел, а именно Кадри Хазбиу, Фечора Шеху и некоторых других. Тем

не менее, Мехмету Шеху нужно было время на составление новых заговоров.

Между тем Тито умер. В Югославии сложилась обстановка политической и экономической неуверенности. Мировой капиталистический кризис охватил и погруженную в долги Югославию. Обстановка кипела больше всего в Косове, а это из-за гнета великосербов, безработицы, мрачной перспективы трудящихся, которые видели, что на их родине, в социалистической Албании, дела обстояли совершенно иначе. Итак, Косова не послужила мостом для проникновения в Албанию титовского самоуправления и идейного разложения, а, наоборот, это Албания показала ей подлинный, светлый облик социализма в нашей стране. И это она сделала, поддерживая с Косовой нормальные, официальные двусторонние связи и контакты, а не агентурным путем, ибо, во-первых, это не было по линии нашей партии, а, во-вторых, во главе органов Министерства внутренних дел находилась сама югославская агентура (с Фечором Шеху). Вот почему «тезисы» югославов о якобы агентурном вмешательстве Албании с целью организации демонстраций в Косове лишены всякого основания. Американская и югославская агентуры забеспокоились, опасаясь того, как бы Косова не выбилась у них из-под контроля, как бы не вмешалась Албания, быть может, как это они думали, в сотрудничестве с Болгарией и Советским Союзом.

Тем временем обстановка в Косове становилась все более трудной и сложной. Косовцы и все албанское население, проживающее в своих краях в Черногории и Македонии, с каждым днем все больше отдавали себе отчет в том, что при титовской действительности у них отрицали и попирали ногами законные права, даже и права, записанные в югославской конституции.

Охвативший всю Югославию глубокий экономический и политический кризис проявлялся в Косове в самых драматических красках. Там жизненный уровень был в несколько раз ниже среднего показателя Югославии, более того, ножницы постоянно раскрывались в ущерб косовцам; безрабо-

тица, особенно в рядах тамошней албанской молодежи, свирепствовала. Если 10-15 лет назад демагог Тито свалил на Ранковича всю вину за массовое выселение и переселение косовцев в направлении Турции и западных стран, теперь косовцы видели, что, как и «при Ранковиче», опять были вынуждены бросать свои земли и скитаться по западным рынкам. Тогда их выгонял Ранкович, а теперь то же самое, даже в бо́льших размерах, делала безработица. Следовательно, виноваты в этом были не один или же пять ранковичей, а сама югославская действительность, титовский «социализм самоуправления». В этой истине косовцы не могли не стать, да и стали сознательными. Но это не были единственные причины того, что котел уже бурлил. В первую очередь косовцы и все албанское население, проживающее в своих краях в Югославии, видели и всем своим существом чувствовали, что в титовской Югославии с ними обращались, как с гражданами последнейшего разряда, титовцы попирали у них законные права, оскорбляли их и пренебрегали тем, что составляет для албанца национальную святыню: его национальной гордостью и достоинством.

Именно в таких давно уже кипевших ситуациях, в начале 1981 года проходили в Косове демонстрации. Великосербы и югославское УДБ встревожились, они послали туда войска и танками подавили эти демонстрации. Были убиты и ранены сотни человек. Возгорелось пламя, чреватое опасностями для внутреннего положения Югославии, уже расшатанного как экономическими, так и политическими кризисами. Большой шум поднялся среди мировой общественности по поводу этих жестоких репрессивных мер. Албания заняла открытую, настолько решительную, насколько и мудрую позицию.

Кроме раздувания клеветы о том, будто демонстрации эти подстрекала Албания, югославам пришлось немедленно принять меры к «дискредитации» «сталинского» албанского руководства и к тому, чтобы смутить и изменить здоровую ситуацию в Албании, как и дезориентировать в Косове патриотически и революционно настроенные силы.

Они потребовали от своего агента, Мехмета Шеху, перейти к действию. Югославское УДБ сотрудничало с ЦРУ и было в курсе указаний последнего о ликвидации Энвера Ходжа. Вот почему оно потребовало, чтобы Мехмет Шеху срочно послал свою супругу в Париж. Демонстрации происходили в марте, а она отправилась в Париж в апреле 1981 года. Там ей представился посланец Хромого (сам Мугоша уже умер, но «жила» его агентурная миссия) и передал ей яд, которым они должны были немедленно отравить Энвера Ходжа.

Фичрет Шеху и Мехмет Шеху вместе обдумали все, установили когда, где и как привести в исполнение варианты, предложенные им ЦРУ, и нашли наиболее подходящим отравление ядом замедленного действия, которое могли совершать, когда мы посещали друг друга. Вариант автомобильного крушения исключался в условиях, в которых я ездил, а покушение с применением ружья нашумело бы и было бы чревато неожиданными опасностями.

Представленный Мехмету Шеху югославами вариант о том, чтобы он немедленно и быстро перешел к действию, застиг его врасплох. Мехмет Шеху испугался, ему не понравилось то, что его к стенке припирали. Вот почему он обратился к большому хозяину, к американскому ЦРУ. Фичрет Шеху стала посещать столицы Европы — Вену, Стокгольм, Копенгаген. И в Стокгольме и в Дании она имела встречи с представителями ЦРУ, которым выразила мнение Мехмета Шеху о том, что не следовало действовать торопливо, как этого требовали югославы, ибо не были подготовлены должным образом; отравление или физическое уничтожение Энвера Ходжа отложить до марта 1982 года (во время зимнего отдыха), а за этот период могли предпринять какое-либо действие, которое вызвало бы раскол в партии и поощрило бы либеральные элементы. Представитель ЦРУ договорился со своим центром и на второй встрече, уже в Дании, был одобрен вариант Мехмета Шеху.

В этих рамках Мехмет Шеху обручил своего сына с девушкой из семьи, в чьем кругу было 6-7 бежавших военных преступников, включая сюда известного агента ЦРУ, Арши

Пипа. Такое обручение не могло не обратить на себя внимание общественности, ведь оно для того и совершалось, чтобы привлечь к себе внимание, нашуметь, и, в случае одобрения его партией, наступил бы раскол, проявился бы либерализм и у других, в партии, в молодежи и т.д. В случае неодобрения его партией, против Мехмета Шеху были бы приняты меры, конечно, его не заключили бы в тюрьму, а снизили бы по должности, отстранили или же исключили бы из партии. Это нашумело бы и югославы могли бы использовать это, чего им и нужно было, в своих пропагандистских целях, для дискредитации руководства Албанской партии Труда и особенно Энвера Ходжа, который, как это они то и дело повторяли, подобно Сталину, «отстраняет» своих сотрудников.

Но дела не пошли так, как это было в планах Мехмета Шеху. Партия немедленно вмешалась, обручение было расторгнуто, товарищи подвергли Мехмета Шеху критике за эту тяжелую политическую ошибку, они потребовали от него выступить с глубокой самокритикой для выявления причин такой ошибки и было решено, чтобы он сделал это после VIII партийного съезда[1]. Мехмет Шеху не ожидал этого. Он попытался сделать «некоторые другие ошибки»: совсем оставил без внимания свой доклад VIII партийному съезду, представил его поздно и с вопиющими политическими ошибками, так что Политбюро не приняло его. Мехмет Шеху попросил выступить на съезде с «самокритикой» по поводу обручения сына (этим он имел целью вызвать на съезде беспорядок), но ему отказали и в этом. На съезде он преднамеренно сидел «как убитый и с виноватым видом», а это бросилось в глаза делегатам и телезрителям, которые недоуменно спрашивали друг друга, что это могло значить.

Тем временем косовская проблема становилась опасной проблемой. Югославы разоблачались в глазах мировой общественности, тогда как авторитет нашей страны повы-

1 VIII съезд АПТ проходил с 1 по 8 ноября 1981 года.

шался. Югославы увидели, что ничего не произошло ни до, ни после съезда. Мехмет Шеху выступил на съезде с докладом, его избрали и членом Политбюро, никаких мер не было принято против него, на что рассчитывали югославы, он не был снижен по должности и не был снят с занимаемых государственных постов. Быть может, по окончании съезда Мехмет Шеху сообщил югославам о том, что и после вручения им самокритики с ним обращались по-прежнему. Из бесед с нами он понял, что мера наказания должна была носить внутренний, партийный характер. А это не устраивало титовцев, великосербов и югославское УДБ, которые ждали беспорядков в Албании и всячески добивались их. Вот почему накануне заседания Политбюро, где предстояло обсуждать вопрос о тяжелой политической ошибке Мехмета Шеху, югославское посольство в Тиране, в соответствии с приказами, полученными из Белграда, поручило своему агенту и связному Фечору Шеху встретиться с Мехметом Шеху и передать ему «ультиматум» УДБ — «убить Энвера Ходжа любой ценой, даже и во время заседания, даже и ценой своей жизни». В столь трудном положении оказались УДБ, титовская и великосербская клика из-за событий в Косове, столь мрачной казалась им перспектива, что они решили пожертвовать своей крупной картой, своим суперагентом, достаточно лишь, чтобы произошло что-нибудь сенсационное, которое «расшатало бы устои» социалистической Албании и Албанской партии Труда!

16 декабря 1981 года, в 10 часов вечера Фечор Шеху пошел к Мехмету Шеху домой и передал ему приказ их агентурного центра.

17 декабря начались прения на заседании Политбюро. Все товарищи, старые и новые, выступили на этом заседании и решительно осудили акт обручения сына Мехмета Шеху с девушкой, в чьем семейном кругу было 6-7 военных преступников. Они выразили недовольство по поводу самокритики Мехмета Шеху, потребовали, чтобы он углубился и раскрыл источник такой ошибки, задали ему много вопро-

сов, напомнили ему, что допускал он ошибки еще в годы Национально-освободительной борьбы, что он ставил себя выше партии, указывали на его высокомерие и грубое обращение с кадрами, как и почти со всеми своими ближайшими сотрудниками в правительстве, в Политбюро и т.д. (На другой же день после его самоубийства все эти выступления, записанные на магнитофон, были дословно выслушаны всеми членами Пленума Центрального Комитета, как и партийными активами.)

Члены Политбюро подвергли его сильной, открытой, большевистской критике, однако в качестве меры наказания потребовали всего лишь «строгого выговора с занесением в учетную карточку». В таком духе подготовил и я свое выступление, где описывал ошибки, допущенные Мехметом Шеху еще в годы войны (это выступление также было выслушано Пленумом Центрального Комитета и партийными активами в таком виде, в каком я собирался произнести его после выступлений других товарищей). Но, поскольку было уже поздно, я не зачитал его в тот день. Таким образом, мы решили продолжить заседание на следующий день, но, по окончании выступлений первого дня, я сказал Мехмету Шеху:

— Глубоко задумывайся всю ночь и завтра скажи в Политбюро, какими именно мотивами ты руководствовался. Алиби обручения несостоятельно, что-то другое толкнуло тебя на подобный предосудительный акт.

Мои слова встревожили Мехмета Шеху, он подумал, что мы раскрыли готовившееся им преступление. «Храбрец» Мехмет Шеху всю ночь задумывался над тем, как избавиться от этих тисков, и выдумал и осуществил свой план. Он, видимо, рассуждал так: «Смерти все равно не миновать, так что лучше спасу то, что спасти можно» и решил последовать примеру своего друга, Нако Спиру — покончить самоубийством, рассчитывая на то, что этакого «государственного мужа», «легендарного руководителя», «партизана и воина, сражавшегося в Испании» партия похоронит со всеми почестями, смоет с него пятно позора, заявив, что он «был

убит в результате нечаянного выстрела» (как это он подсказывал нам и в оставленном им письме) и таким образом, по крайней мере, он спас бы свое прошлое и не пострадала бы его семья.

Вместе со своей женой он бросил яд в уборную и поручил старшему сыну разобрать и уничтожить компрометирующие части установленной им рации.

Являясь агентом, Фичрет Шеху (она боялась и плакала из-за пустяков) хладнокровно и цинично согласилась на самоубийство мужа, лишь бы были спасены их «историческое» прошлое, как и она сама с сыновьями.

Но они произвели расчеты без хозяина. Как только сообщили мне о последнем акте Мехмета Шеху, я тут же предложил осудить его самоубийство, ибо он поступил как враг, и Политбюро единогласно высказалось против акта этого врага. Не только партия и руководство, но и весь наш народ назвали это враждебным актом и заняли революционную позицию. Партия и народ с энтузиазмом, причем с еще большей решимостью и в более прочном единстве, продолжили борьбу за осуществление решений VIII партийного съезда.

УДБ и ЦРУ остались на бобах. Иностранные телеграфные агентства сообщили о случившемся так, как это мы передали, а именно что Мехмет Шеху «покончил с собою в моменты нервного кризиса». Там и сям давались кое-какие комментарии к происшедшему, и это делали люди, подкупленные югославами. Однако югославы тоже не смогли использовать этот акт в своей официальной печати, а всего лишь поручили какой-то газетенке загребских студентов писать о «драме», разыгравшейся на заседании албанского руководства (согласно запланированной УДБ версии). По словам этой газеты «... Мехмет Шеху выстрелил из пистолета китайского образца, такого-то или такого-то калибра (!), но был убит товарищами Энвера Ходжа. Судьба Энвера Ходжа не известна ...».

Это вроде сценария ковбойских фильмов с перестрелками, происходившими в салунах того времени! Ничего

не поделаешь! Таковы и желания! Но карта суперагента ЦРУ и УДБ в Албании оказалась битой, как говорят в народе, «ни за понюшку табака».

Албания всегда выступала в поддержку законных прав Косовы и населения других албанских краев в Югославии, однако Косова, все поднявшиеся на демонстрации албанцы и не знают, какую они огромную помощь оказали, в свою очередь, Албании, вынудив югославское УДБ пожертвовать картой «большой» и последней «надежды» на свержение марксистско-ленинского руководства в Албании, которое все время разоблачало и неотступно продолжало разоблачать титовскую измену, самоуправление, неприсоединение, эту отвратительную агентуру американского и британского империализма, мировой реакции, социал-демократии и еще кого угодно.

С разоблачением Мехмета Шеху агентуры империалистов, социал-империалистов и другие агентуры, в том числе югославское УДБ, получили удар, который долгое время ощущать будут. Их агентурная сеть, чьим эпицентром был Мехмет Шеху, была раскрыта до последней нитки, получила всесторонний, сокрушительный удар и теперь в наших руках все, что касалось этой действовавшей в течение многих лет страшной сети агентов и заговорщиков.

При этом следует отметить, что опасный заговор Мехмета Шеху, как и прежние заговорщики и другие заговорщицкие группы, были раскрыты благодаря силе и бдительности партии и ее руководства, а вовсе не органами государственной безопасности. Почему? Потому, что, как известно, в период до 1948 года министром внутренних дел был Кочи Дзодзе, известный агент Тито-Ранковича, который, как таковой, был осужден за проступки, детально указанные в настоящей книге. Впоследствии министром внутренних дел был Мехмет Шеху, затем Кадри Хазбиу, а в последние годы — Фечор Шеху. К несчастью народа и партии, мы ни одного из них не подозревали в агентурной деятельности, тогда как на деле они все трое, подобно Кочи Дзодзе, были активными агентами, главным образом югославского УДБ, скрывавшими мерзости и преступления друг друга и неко-

торых окружавших их сообщников и в течение почти четырех десятилетий утаивавших от партии данные об агентурной деятельности друг друга. Ни один из этих заговорщиков, включая сюда и Мехмета Шеху, открыто не противопоставлялся линии партии, так как боялся партии, ее сплоченности и единства партии и народа. Все раскрытые заговоры, особенно преступный заговор Мехмета Шеху, как и данные и документы, которыми располагает ныне партия и отчасти упоминающиеся в этих записках, подтверждают, что Мехмет Шеху и его сообщники действовали просто как агенты, за спиной у партии и ее руководства, причем не как явные противники линии или политики партии, а как заговорщики на службе у иностранных разведок. Им было поручено втайне действовать и плести заговоры с целью изменения здорового положения в Албании, свержения народной власти и расчищения пути своим иностранным хозяевам, которые в течение сорока с лишним лет, чтобы не сказать и раньше, постоянно вынашивали темные планы и преследовали преступные цели, стремясь к попранию независимости Албании, лишению албанского народа свободы и прав, завоеванных им ценой большой крови и усилий.

После последнего, травматического удара, нанесенного нами, иностранные агентуры, в том числе и титовское УДБ, вернулись со злости и отчаяния к способам и методам, к которым мы давно уже привыкли и от которых им самим никогда проку не было; попробовали они пощупать нам пульс и ошеломить нас, заслав сюда группу наемников и платных бандитов! Видимо, они забыли, «какие именно победы» одерживали, когда засылали к нам диверсантов и преступников в первые годы после освобождения! Но зато и мы не замедлили с ответом: если в 50-е годы имелись случаи, когда нам нужно было 4-5 дней, а порою и больше времени для раскрытия и уничтожения диверсионных банд, то теперь нам понадобилось уже даже менее 5 часов для раскрытия и уничтожения террористической банды Джевдета Мустафа, засланной к нам УДБ. Это должно служить внешним врагам Албании уроком о том, что подобные шайки

преступников, малые или большие, откуда бы они ни приходили — с Востока или с Запада, будут беспощадно уничтожены нашим народом, который стоит начеку и во всеоружии. Так было и так будет со всеми, кто осмелится исполнять авантюристические приказы империалистов и ревизионистов! Мы хорошо знаем, что и после этого иностранные агентуры, а вместе с ними и УДБ, не будут сидеть сложа руки. Однако нас они никогда врасплох не застанут. Мы всегда будем хранить неусыпную бдительность.

Пусть все хорошо запомнят: стены нашей крепости незыблемые, они гранитные.

Такова, в общих чертах, история наших отношений с КПЮ и с югославским ревизионистским государством: с одной стороны, это история их вмешательства и ловушек, история их беспрерывных заговоров против нашей партии и нашего социалистического государства; с другой стороны, это история справедливой и последовательной борьбы нашей партии и нашего народа за то, чтобы никогда не попасть в расставленные ими ловушки и не стать жертвой их заговоров, а раскрыть и разгромить их, не дав им причинить нам серьезный ущерб.

Для развития и продвижения вперед социалистической Албании мы определили и последовательно придерживались того пути, который казался нам наиболее правильным — пути, основанного на учении Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, пути, отвечавшего и отвечающего стремлениям и высшим чаяниям нашего мужественного, трудолюбивого и революционного народа. Таким путем был и остается путь к постоянной консолидации руководящей роли партии и обеспечению активного участия масс во всей жизни страны, путь к защите независимости Родины, к углублению всесторонней революции во всех областях, к постепенному и неуклонному подъему благосостояния масс, и т.д. За это время наши многочисленные враги, а среди них особенно югославские титовцы, какие только средства не использовали и к каким только формам давления не прибегали, чтобы уве-

сти нас в сторону от этого пути; они то угрожали нам, то «беспокоились за нас» и обвиняли нас в том, что стояли мы «на неправильном», «догматическом», «сталинском пути» и т.д. и т.п.

Мы ни в одном случае не внимали этим «советам» или «замечаниям» врагов, а, сознавая правильность намеченного нами пути, последовательно придерживались его. Одно только время должно было доказать, и один только народ наш должен был судить о том, правильно или же неправильно мы поступали. А время, реальная действительность уже годы с величайшей ясностью показали и показывают, кто был прав, а кто нет.

Разрекламированное созидание Тито, Югославия «специфического» и «самоуправленческого социализма», целиком охвачена глубочайшим в ее истории кризисом и переживает теперь весьма тяжелое и безвыходное положение.

Югославская система доведена до плачевного состояния, ход дел отбросил прочь маски и иллюзии. Внешняя лакировка, шумная реклама о таком «благосостоянии, какого нигде не встретишь» (!), о «Югославии свободы и изобилия» (!) уступили место всеобщему кризису, идущему по восходящей линии, нищете и безработице, галопирующей инфляции, все растущей нехватке даже и товаров и продуктов первой необходимости и т.д.

Как это поступали с Тито, когда тот был при смерти, империалисты и социал-империалисты всячески стараются продлить жизнь и самой югославской системе, еще поддерживать ее живой, хотя система эта совсем омертвела. Ее никаким переливанием крови не могут излечить ни Вашингтон, ни Москва, ни какой бы то ни был международный банк или фонд. Таков логический конец любой ревизионистской теории и практики. Империалистические и социал-империалистические кредиторы вынимают денег из своих сейфов не потому, что жалеют о попавших в беду народах Югославии, а исходя из своих политических и экономических интересов в Югославии, стремясь умножить и укрепить владения, давно переданные им Тито в обмен на полученные кредиты.

Но, если некоторое время казалось, будто от этой опасной игры выигрывала Югославия, то теперь уже настало время, когда Югославия готовится к тому, чтобы быть проданной с аукциона империалистам и социал-империалистам. Первоклассным должником, до основания расшатанным во всех отношениях, лишенным всякой ясной перспективы и не обладающим средствами и силами, необходимыми для изыскания пути к спасению — такой стала уж титовская, самоуправленческая Югославия.

Мы не можем без тревоги следить за этим весьма трудным положением, опасным не только для братских народов Югославии, но и для мира и безопасности на Балканах и даже за пределами Балкан. Никогда не желали мы худа этим народам, наоборот, всегда стремились и выступали за доброе соседство. Напрасно тито и их нынешние преемники обвиняли и обвиняют нас в том, будто это мы мутим ситуации и вмешиваемся в их внутренние дела. Нет, источник зла в их самих, они своими собственными руками посеяли и вырастили его, так что пусть увидят его и борются с ним там, где оно и есть.

Совсем обратное происходило и происходит в нашей стране, с путем строительства социализма у нас. Последовательно воплощая в жизнь положения марксизма-ленинизма о строительстве и управлении всей жизнью страны, социалистическая Албания шла вперед шаг за шагом, но уверенно и никому не протягивая руки. На этом пути мы сталкивались с многочисленными трудностями и препятствиями, бесстрашно боролись за их преодоление, вполне сознательно шли также на лишения и жертвы, но всегда, словно бережливая семья, руководствовались тем принципом, что строить надо не только на сегодня и плодами нашего труда должны пользоваться не только мы, строить надо с таким расчетом, чтобы жизнь наших поколений с каждым днем улучшалась и в то же время, чтобы завтрашнее, жизнь грядущих поколений становилась все более надежной, все более счастливой и зажиточной. Наш замечательный народ уверенно шел по этому указанному партией пути, он

вполне сознательно мобилизовал все свои умственные и физические силы на борьбу за осуществление наказов и директив партии. Каждое поколение у нас стремится и борется за то, чтобы оставить грядущим поколениям в наследие все крепнущую Албанию, навечно свободную, независимую Албанию с красивым сегодняшним и ясными, светлыми перспективами.

Итак, с партией во главе, имея ведущим компасом ее марксистско-ленинскую линию, мы и впредь неуклонно будем продолжать свой путь, трудясь, храня бдительность, дальше укрепляя единство, шагая вперед, как одно единое целое — партия и народ, чтобы хранить всегда чистым имя нашей героической партии, чтобы все выше и выше поднимать престиж социалистической Албании, чтобы хранить в неприкосновенности священную независимость нашей Родины. Такой была и остается возвышенная миссия нашей Партии Труда. Этой миссии мы посвящали и посвятим всю свою жизнь, все свои силы и энергию, на благо народа и социализма.

1981-1982

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

ПОДНИМАЯСЬ ВЫШЕ СТАРОЙ ВРАЖДЫ 3—20
(Вместо вступления)

Краткий исторический обзор ■ Решение албанских коммунистов о вступлении в связь с КПЮ ■ Цари Сербии и князья Черногории — главные виновники горьких отношений между албанским, сербским, черногорским и другими народами в прошлом ■ Одно из величайших несправедливостей нынешнего столетия в Европе — в 1913 году Албанию произвольно разделили надвое ■ Великосербский геноцид в албанских краях Югославии в период между двумя войнами ■ Почему албанские коммунисты вступили в связь с КПЮ в период Национально-освободительной борьбы?

I

ОТ ПЕРВЫХ КОНТАКТОВ К ПЕРВЫМ ПОДОЗРЕНИЯМ И ТРЕНИЯМ ..... 21—129

ПРАВДА О НЕЛЕПОЙ ПРЕТЕНЗИИ 24
ТИТОВСКИЙ «СТРАНСТВУЮЩИЙ ПОСОЛ» РАСТЯГИВАЕТ НИТИ СВОЕЙ СЕТИ НА БАЛКАНАХ 42
ЧЕРНЫЕ ТУЧИ НАД СТАРОЙ РАНОЙ 75

Первое письмо Тито, письмо «запоздалых со-

стр.

ветов» ■ Правда о титовской претензии на то, будто КПА «основана КПЮ» ■ Светозар Вукманович Темпо в Албании: «У меня в голове идея, включающая Югославию, Албанию, Болгарию и Грецию». Жестокая ссора с Темпо летом 1943 года. Кочи Дзодзе — первый «рекрут» Темпо ■ Тито пытается сохранить владения старой Югославии. Истринский вопрос и косовский вопрос ■ Буянская конференция, состоявшаяся в декабре 1943 года ■ Душан Мугоша обходит места и начинает вербовать людей на службе югославам.

II

БЕРАТСКИЕ ПРОИСКИ ..... 130—224

«МИССИЯ СТОЙНИЧ» 133
НАКАНУНЕ ЗАГОВОРА 164
БЕРАТСКИЙ ЗАГОВОР 183

«Миссия Стойнич» в Албании. Нияз Диздаревич «серое преосвященство» Нако Спиру. Советский майор Иванов «узнает нас» через Стойнича ■ Обоснование нашего главного руководства в освобожденном Берате ■ Нако Спиру, Кочи Дзодзе, Сейфула Малешова и Панди Кристо подключаются к заговору титовцев. Лири Гега в роли «козла отпущения» ■ Три шага «миссии Стойнич»: первый — удаление из Албании Миладина Поповича; второй — внесение раскола в наше Политбюро; третий — внесение раскола в ЦК КПА и осуждение нашего главного руководства ■ За «единством» заговорщиков скрывается семя их раскола и саморазоблачения ■ Выступление В. Стойнича — платформа титовцев, рассчитанная на подчинение КПА

стр.

и поглощение Албании ■ Тито — посредник англичан ■ Народные волнения в Косове ■ Стойнич преподносит идею «Балканской федерации» с Югославией во главе ■ Горькие плоды бератского Пленума.

III

ТИТОВСКАЯ АГЕНТУРА В ДЕЙСТВИИ 225—272

«ЗАЩИТА» АЛБАНИИ ДЕ-ЮРЕ ДЛЯ ЕЕ ПОГЛОЩЕНИЯ ДЕ-ФАКТО 226

АГЕНТЫ БЕЛГРАДА В НАШИХ РЯДАХ 246

КОНЕЦ СЕЙФУЛЫ МАЛЕШОВА ЕЩЕ БОЛЬШЕ ОБНАЖАЕТ ЗАГОВОР, СОСТАВЛЕННЫЙ ЮГОСЛАВАМИ 257

Белград заменяет Стойнича говорящим на албанском языке титовцем Иосипом Гергя ■ 7-ой кабинет по ... Албании в канцелярии Югославской федерации ■ Почему Тито «против» расчленения Албании?! ■ Правда о сделке Пьяде-Цалдарис в августе 1946 года ■ «Шутка» между Тито и королем Павло о разделении Албании ■ Спор вокруг политики выборов в Учредительное Собрание: С. Малешова: «Предоставить оппозиции свободу самостоятельно участвовать в выборах»; К. Дзодзе: «Югославские товарищи не побоялись договориться и с буржуа»; Н. Спиру: «Теперь нам нечего бояться своих противников»; народ: «Избирательные шарики мы проглотим, а реакционерам не отдадим» ■ Вспышка распрей между самими заговорщиками ■ V Пленум ЦК КПА (Февраль 1946 г.) ■ Тезисы о пересмотре бератского Пленума ■ Белград приходит на помощь своим агентам.

IV

стр.

У ТИТО ..... 273—302

Тито неожиданно приглашает меня в Белград ■ Официальные переговоры между албанской делегацией и югославской делегацией. Рассмотрение вопроса Косовы и других албанских краев в Югославии ■ Тито стремится поглотить все Балканы ■ Политика массового уничтожения в Косове ■ Чванство и скандальная роскошь Тито ■ О визитах в Хорватию и Словению ■ Церемония в Президиуме Югославской Скупщины ■ Встреча с Тито в Бледе. «Наш Тито» или «Дуче а нои»? ■ Договор о дружбе и взаимопомощи ■ «Помощь» по каплям.

V

ПОМОЩЬ ТИТОВЦЕВ — ОКОВЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗАКАБАЛЕНИЯ АЛБАНИИ ..... 303—358

ДРУЗЬЯ ИЛИ ГРАБИТЕЛИ?! 304

ЗА ТИТОВСКИМ ОБВИНЕНИЕМ В «ДВУХ ЛИНИЯХ» И В «АНТИЮГОСЛАВЩИНЕ» В РУКОВОДСТВЕ КПА 332

Трудное положение нашей экономики после освобождения ■ Друзья оставляют нас перебиваться в своей собственной нужде ■ Базарные грабители проявляют щедрость в «советах» и «ориентировках» ■ Горькая история албано-югославской Экономической конвенции. По вопросу установления валютного паритета, снятия таможенных границ, об-

стр.

разования совместных компаний, унификации цен. Наши возражения в связи с истинной природой подписанных соглашений ■ Пресловутый Саво Златич в Албании ■ Титовское обвинение в «существовании двух линий в руководстве КПА» ■ О поездке в Москву нашей делегации на высоком уровне. Белград обвиняет нас в «антиюгославщине» ■ Тито и его приближенные хотят дискредитировать наше руководство в глазах Сталина ■ Югославы следят за нами и ведут против нас саботаж ■ Дальнейшее обострение взаимных отношений.

VI

ТИТО ПРИСТУПАЕТ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЛАНА ПОГЛОЩЕНИЯ АЛБАНИИ 359—398

ВТОРОЕ ОБВИНЕНИЕ ТИТО В АДРЕС КПА 362
РЕВАНШ ЮГОСЛАВСКИХ АГЕНТОВ 379

Второе обвинение Тито ... «ЦК КПЮ недоволен отношениями с вами» ■ Острый спор с посланцем югославского руководства. Тито стремится превратить «федеративные Балканы» в сосредоточенную в его руках «державу». Требование о высылке советских советников ■ О пресловутой Координационной комиссии ■ Тито решает жертвовать бывшим его агентом — Нако Спиру. Кочи Дзодзе берет реванш. Дальнейшее обострение положения в нашем Политбюро ■ Почему Нако Спиру кончил самоубийством? Белград добивается устранения Генерального Секретаря КПА ■ Начало яростного наступления на КПА, ее руководство и проводившуюся ею линию. Кочи Дзодзе и Панди Кристо в борьбе за осуществление замыслов Тито.

VII

стр.

НАШ ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В НР БОЛГАРИЮ ..... 399—426
(Ранкович поручает Кочи Дзодзе контролировать нашу деятельность.)

Димитров приглашает нас с визитом в НР Болгарию ■ Краткая остановка в Белграде. Визит у Тито ■ Ранкович вызывает Кочи Дзодзе на тайную встречу. Он поручает ему контролировать нашу деятельность ■ Волнующий прием в Софии ■ Официальные переговоры ■ Ужин у Георгия Димитрова. Инцидент в полночь ■ Завершение официальных переговоров в Кришине. Георгий Димитров: «Храните партию чистой. Она должна быть революционной, пролетарской, тогда у вас все образуется» ■ Проездом в Белграде — Тито в Румынии ■ Возвращение на Родину.

VIII

ТИТОВЦЫ НА ПУТИ К РАЗОБЛАЧЕНИЮ И НЕИЗБЕЖНОМУ ПРОВАЛУ ..... 427—508

ПОРАБОТИТЕЛЬСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ 429
ЧЕРНОЕ ПЯТНО В ИСТОРИИ НАШЕЙ ПАРТИИ 455
ТИТОВЦЫ МЧАТСЯ К ПРОВАЛУ 471
ПОЗОРНЫЙ КОНЕЦ 494

Поработительские предложения. К вопросу о Координационной комиссии ■ Наплыв югославских военных в Тирану: «Албании грозит непосредственная опасность!». Настоятельное требование Нако Спиру поставить Мехмета Шеху во главе Генштаба. Военные тезисы Темпо ■ Генерал Хамович вы-

стр.

ступает за создание единого командования ■ Генерал Купрешанин в Тиране. Тито: «Прошу предоставить нам в Корче базу для одной дивизии». Сообщение Сталину по вопросу о югославской дивизии ■ VIII Пленум ЦК — черное пятно в истории КПА. Временное торжество югославских тезисов ■ Чудовищное наступление Кочи Дзодзе и других на партию и ее здоровых работников ■ Купрешанин, Златич и другие: «Тито хочет, чтобы вы сами просили объединения с Югославией» ■ Странная поспешность титовцев ■ Историческое письмо Сталина ■ Посланцы Тито позорно покидают Албанию.

IX

НАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ С ТИТО И ТИТОВЦАМИ ..... 509—578

ПУБЛИЧНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТИТИЗМА 510
ПОЕЗДКА ИНКОГНИТО В РУМЫНИЮ ПО ПОВОДУ ИЗМЕНЫ ТИТО 519
КОНЕЦ ТИТОВЦЕВ У НАС 554

Публичное разоблачение титизма ■ По вопросу отношений КПА с коммунистическими партиями Советского Союза и других стран за период до 1948 года ■ Поездка *инкогнито* в Румынию по поводу измены Тито. Встреча с Андреем Вышинским. Совещание с Вышинским и Дежем. Незыблемые доводы КПА в подтверждение изменнической деятельности Тито. Вышинский: «Большевистская партия одобряет действия и справедливую борьбу КПА в защиту марксизма-ленинизма». Визит в Бухарест. Возвращение на Родину ■ Отчаянные

стр.

происки Кочи Дзодзе и компании во избежание разоблачения и отчета ■ Глубокие анализы в нашем Политбюро. Доказательства, приведенные Кристо Темелько и Панди Кристо ■ X и XI Пленумы ЦК КПА. «Линия КПА была правильной. Ее атаковывали, но она не сгибалась, ей угрожали, но она оставалась прежней» ■ I Исторический съезд КПА. Кочи Дзодзе и Панди Кристо на скамье подсудимых ■ Конец наших связей с Тито и титовцами.

X

В ОТКРЫТОЙ БОРЬБЕ С ТИТОВЦАМИ ..... 579—647

БОРЬБА С ТИТИЗМОМ – ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ 580

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗАГОВОРОВ 591

Борьба с титизмом — историческая необходимость ■ Наше первое столкновение с хрущевцами по «югославскому вопросу» ■ О «демократии» титоранковичей ■ Белградское руководство приводит в действие антиалбанские подонки, преступников и диверсантов ■ Хрущевская измена на помощь титовской измене. Разгром титовско-хрущевского заговора на Тиранской партийной конференции (апрель 1956 г.) ■ Мехмет Шеху — полиагент империалистическо-ревизионистских секретных служб ■ Фокусы Мехмета Шеху в период с бератского Пленума (ноябрь 1944 г.) и вплоть до I съезда КПА (ноябрь 1948 г.) ■ 1960 год. Мехмет Шеху вместе с Тито, Рандольфом Черчиллем и Фульцом на океанском пароходе «Королева Елизавета». Кому должен был угождать, а кому нет этот слуга мно-

стр.

гих господ? ■ В 70-е годы. Западные и титовская агентуры отдают Мехмету Шеху приказ перейти к действию. Три провалившиеся заговорщицкие группы ■ Демонстрации в Косове вынуждают УДБ пожертвовать картой «большой надежды» в Албании. Почему застрелился Мехмет Шеху? ■ Ставка на банды террористов ■ Социалистическая Албания была и остается гранитным утесом.